НОВЫЙ ДЕТЕКТИВЪ

Борис Акунин

НЕФРИТОВЫЕ ЧЕТКИ

Борис Акунин

ЗАХАРОВ

Борис Акунин

НЕФРИТОВЫЕ ЧЕТКИ

Приключения
Эраста Фандорина
в XIX веке

ЗАХАРОВ
МОСКВА

УДК 882
ББК 84Р1-44
А 44

Иллюстрации Игоря Сакурова

А 44 Акунин Б. Нефритовые четки. — М.: «Захаров», 2007. — 704 с.

ISBN 978-5-8159-0648-8

УДК 882
ББК 84Р1-44

© B.Akunin, автор, 2007
© И.Сакуров, художник, 2007
© И.Богат, издатель, 2007

ЭТА КНИГА ПОСВЯЩАЕТСЯ

Санъютэю Энтё
Эдгару Аллану По
Жоржу Сименону
Роберту Ван Гулику
Артуру Конан Дойлю
Патриции Хайсмит
Агате Кристи
Вашингтону Ирвингу
Умберто Эко
Морису Леблану

СИГУМО

Иокогама. 1881

На похоронах человека, который собирался стать буддой, публики было до неприличного мало. Из компатриотов один вице-консул Фандорин, бывший сослуживец покойного. Эраст Петрович стоял над узкой могилой, куда послушник только что опустил небольшой ящик с костями и пеплом, и слушал монотонный напев бонзы, теребя в руках шелковый цилиндр с крепом. Все японцы были в белом, и коллежский асессор в своем траурном сюртуке выделялся, будто ворон среди голубиной стаи.

Но и японцев на монастырское кладбище пришла всего горстка — слухи о страшной смерти затворника Мэйтана перепугали всю туземную Иокогаму. В последний путь прах отшельника провожали лишь настоятель с послушником, вдова с маленькой дочкой и еще двое, державшиеся поодаль — на них Фандорин старался особенно не смотреть.

Рассказ «Сигумо» впервые напечатан в книге «Кладбищенские истории. 1999—2004», издательство «Колибри», 2004.

Европейский Сеттльмент, население которого, согласно заметке в «Джапан газетт» от 15 августа 1881 года, только что перевалило за десять тысяч, в языческие бредни не верил и проигнорировал похороны по иной причине. Консул Вебер сказал своему помощнику: «Эраст, дело, конечно, твое. Считаешь необходимым — иди, но, пожалуйста, никаких надгробных речей. Не забывай, этот субъект изменил своей вере, своему отечеству и всей белой расе».

Так оно в общем-то и было. Человек, в последние годы жизни называвший себя Мэйтаном, добровольно отказался от чина, дворянства, российского подданства, православной религии, даже от собственного имени. Взял фамилию японской жены, вместо пиджака и брюк стал носить кимоно, а позднее облачился в рясу буддийского монаха и прекратил все сношения с соотечественниками, даже с Фандориным, с которым прежде приятельствовал. За три года они не виделись ни разу. Эраст Петрович знал причину этой непреклонности и, в отличие от консула Вебера, относился к ней с пониманием и состраданием.

Причина присутствовала здесь же, в могильном дворе Храма Преумножения Добродетели, где ренегат провел последний период своей жизни. Маленькая девочка, запоздалый ребенок бывшего российского подданного и его японской жены, сидела рядом с матерью в плетеной коляске и сонно клевала носиком, убаюканная пением сутр. В таком возрасте дети уже вовсю ходят и даже бегают, но этот ребенок родился на свет с безжизненными, парализованными ногами. Тогда-то несчастный отец и удалился в монастырь секты Сингон. Взял имя Мэйтан, что означает Взыскующий Просветления, и вознамерился при жизни стать буддой.

Вдова усопшего, Сатоко, стояла возле коляски с совершенно неподвижным лицом. Ее глаза были сухими, ибо публичное проявление скорби расстроило бы окружающих.

Здесь вообще никто не проявлял эмоций.

Настоятель Согэн, как и подобает буддийскому священнику, всем своим видом показывал, что смерть — событие отрадное и в некотором смысле даже праздничное. Что ж, такая у преподобного была работа.

Плюгавенький служка шмыгал носом и поглядывал в могилу с нескрываемой опаской, не отходя от настоятеля ни на шаг, но никакой скорби его бледная, слегка приплюснутая физиономия не выражала.

Когда же Фандорин, улучив момент, повнимательнее рассмотрел парочку, что держалась поодаль, ему показалось, что женщина улыбается. Нет, то была не улыбка — скорее оскал жадного, нетерпеливого любопытства.

Впрочем, это существо, один взгляд на которое вызывал содрогание, назвать женщиной можно было только с большой натяжкой.

На спине у здоровенного слуги, в заплечном мешке, отдаленно напоминающем альпинистский рюкзак, сидело диковинное создание: красивая женская голова с замысловатой, тщательно уложенной прической симада-магэ на крошечном тельце четырехлетнего ребенка. Уродка внимательно следила за церемонией, быстро поводя вправо-влево точеным подбородком. Крошечная ручка возбужденно постукивала веером по бритой макушке слуги.

Фандорин встретился взглядом с блестящими глазами пигалицы и, смутившись, отвернулся. Присутствие этой несчастной придавало и без того печальной церемонии какую-то особую макаберность.

Больше на кладбище никого не было — так, во всяком случае, считал Фандорин до тех пор, пока его внимание не привлек неприятный звук: будто кто-то смачно, что называется, от души харкнул.

Вице-консул оглянулся и увидел за невысокой бамбуковой оградой, отделявшей буддистское кладбище от соседнего христианского, человека в брезентовой куртке и полосатой матросской рубахе. Он стоял, опершись на перекладину и наблюдал за похоронами с явной враждебностью. Красная, поросшая пегой щетиной рожа дергалась злобным тиком. Одна нога зрителя была обута в

стоптанный сапог, вторая, деревянная, свирепо постукивала по земле.

Какой-то конгресс инвалидов, подумалось Фандорину, и он поморщился — устыдился собственного жестокосердия.

Тут одноногий совершил поступок, заставивший вице-консула и вовсе покраснеть от стыда — уже не за себя, а за всю европейскую расу. Несимпатичный гайдзин (так в Японии называли иностранцев) плюнул через ограду коричневой табачной слюной, хрипло загоготал и выкрикнул по-английски:

— Мартышкины похороны! Всех бы вас закопать, макаки чертовы!

Преподобный Согэн покосился на нарушителя чинности, но молитвы не прервал. Вдова же дернулась, как от удара, и ее бледное лицо сделалось еще белей. Фандорин знал, что Сатоко понимает по-английски, а стало быть, отвратительную выходку нельзя было оставлять без последствий.

Эраст Петрович почтительно отступил на несколько шагов, потом, стараясь привлекать к себе поменьше внимания, развернулся и быстро направился к невеже.

— Вон отсюда, — сказал он тихим, звенящим от ярости голосом. — Иначе...

— Кто ты такой, япошкин прихвостень? — уставился на него инвалид бесстрашными выцветшими глазами. — Не тявкай на старину Сильвестера, не то он попортит твою смазливую мордашку.

В здоровенной ручище что-то щелкнуло, из кулака выскочило лезвие испанского ножа.

— Я вице-консул Российской империи Фандорин, — назвался Эраст Петрович. — А вы к-кто?

— Я вице-консул Господа нашего на этом кладбище. Понял ты, заика несчастный? — в тон ему ответил Сильвестер, еще раз сплюнул и заковылял прочь, в сторону каменных надгробий, увенчанных крестами.

Кладбищенский смотритель или сторож, догадался Фандорин и пообещал себе, что после похорон непре-

менно наведается к приходскому священнику — пусть сделает грубияну внушение.

Когда коллежский асессор вернулся к могиле, церемония уже закончилась. Настоятель пригласил всех к себе, выпить в память об усопшем.

— Вот желание Мэйтана и осуществилось, — благодушно промурлыкал преподобный, когда послушник наполнил чарки подогретым сакэ, которое в монастыре называли ханя, то есть «ведьмин кипяток». — Он хотел стать буддой и стал, только не при жизни, а после смерти. Так оно еще лучше.

Помолчали.

Через открытые перегородки из сада дул свежий ветерок, по временам покачивая священный свиток, висевший над головой настоятеля.

— Ибо смерть должна быть ступенькой вверх, а не топтанием на месте. Если ты уже стал буддой, то куда после этого подниматься? — продолжил Согэн, смакуя вино.

Женщины — Сатоко и та, вторая, похожая на головастика (Эраст Петрович уже знал, что ее зовут Эми Тэрада), — молитвенно сложили руки, причем Эми еще и сочувственно покивала своей замысловатой прической. Сидела она не нормальным образом, на коленях, а в специальном станке, куда ее пристроил слуга, прежде чем удалиться.

Понимая, что это лишь начало пространной проповеди, Фандорин решил повернуть разговор в ином направлении, занимавшем его куда больше, чем благочестивые рассуждения.

— О кончине святого отшельника ходят самые диковинные слухи, — сказал он. — Г-говорят вещи, в которые невозможно поверить...

Лицо настоятеля залучилось добродушной улыбкой — как и следовало ожидать, Согэн отнесся к гайдзинской невоспитанности снисходительно. Улыбка означала: «Всем известно, что некоторые иностранцы могут выучить япон-

ский язык так же хорошо, как этот голубоглазый дылда, но приличным манерам обучить их невозможно».

— Да, наша мирная обитель подверглась тяжкому испытанию. Некоторые даже говорят, что над Храмом Преумножения Добродетели повисло проклятье. Мы опасаемся, что количество паломников теперь уменьшится. Хотя, с другой стороны, многих, наверное, привлечет аромат таинственного. Мир Будды иногда подобен залитой солнцем равнине, а иногда — ночному лесу. — Повернувшись к вдове, преподобный мягко сказал. — Я знаю, дочь моя, как тяжело вам говорить об этом ужасном происшествии, перевернувшем вашу жизнь и омрачившем мирное существование нашей обители. Но слова — лучшее средство против горя, они так поверхностны и легковесны, что, облачив в них свою печаль, вы тем самым облегчаете бремя, гнетущее вашу душу. Чем чаще вы будете рассказывать эту страшную историю, тем скорее ваша душа вернет утраченную гармонию. Поверьте, я знаю, что говорю. Это ничего, что я и Тэрада-сан знаем все подробности, мы послушаем еще раз.

Плечи Сатоко мелко задрожали, но она взяла себя в руки. Поклонилась настоятелю, потом Фандорину. Заговорила ровным голосом, умолкая всякий раз, когда нужно было справиться с волнением. Слушатели терпеливо ждали, и некоторое время спустя рассказ возобновлялся.

Время от времени вдова рассеянно поглаживала по голове свою дочурку, сладко спавшую на татами, — казалось, что эти прикосновения придают Сатоко сил.

— Вы, должно быть, знаете, Фандорин-сан, что супруг давно уже не живет со мной. С тех пор, как родилась Акико...

Тут голос рассказчицы прервался, и Эраст Петрович воспользовался паузой, чтобы рассмотреть девочку получше.

Обычно дети, рожденные от связи европейца и японки, замечательно хороши собой, но бедняжке Акико не повезло. Злому року было мало того, что она родилась на

свет калекой, — личико девочки, будто нарочно, собрало в себе непривлекательные физиогномические особенности обеих рас: клювоподобный нос, маленькие припухшие глазки, желтоватые паклевидные волосы. Коллежский асессор вздохнул и отвел глаза в сторону, но там сидела жуткая Эми, так что пришлось перевести взгляд на румяное лицо настоятеля, обмахивавшего блестящую макушку маленьким веером.

— Он говорил, что царевич Сиддхартха Гаутама тоже ушел от жены и первенца, что алкающий просветления должен отречься от своей семьи, — мужественно продолжила Сатоко свой рассказ. — Но я знаю, что на самом деле он хотел наказать себя за то, что Акико родилась... родилась такой. В юности он перенес дурную болезнь и считал, что это ее последствия. Ах, Фандорин-сан, — она впервые за все время подняла на вице-консула глаза, — вы давно его не видели. Он очень изменился. Вы бы его не узнали. В нем не осталось почти ничего человеческого.

— Мэйтан очень далеко продвинулся по Восьмиступенной Тропе Просветления, — подхватил настоятель. — Преодолел первую ступень — Правильного Понимания, вторую — Правильного Целеустремления, третью — Правильного речеизъявления, четвертую — Правильного Поведения, пятую — Правильной Жизни, шестую — Правильного Старания и седьмую — Правильного Умонастроения. Оставалась последняя, восьмая — Правильного Медитирования. Чтобы преодолеть ее, Мэйтан выстроил в нашем саду павильон и дни напролет созерцал Лотос, помещенный в центр Лунного Диска, дабы совместить свое кокоро с кокоро Цветка, ибо лишь в этом случае...

— Я знаю, что такое м-медитация перед изображением Адзи-кан, — перебил Фандорин, боясь, что разговор свернет в дебри эзотерического буддизма.

Согэн вновь улыбнулся, ласково покивав дипломату головой, и лишь развел пухлыми ручками. Стоявший у него за спиной послушник вытаращил на вице-консула глаза.

Эраст Петрович скромно потупил взгляд. Он жил в Стране Небесного Корня уже четвертый год и, в отличие от большинства иностранцев, увлеченно постигал тайны японского мира, в том числе и куда более сокровенные, чем обычное медитирование.

— Прошу вас, Сатоко-сан, продолжайте, — попросил вице-консул.

— Мы жили поврозь. Муж дозволил мне навещать его один раз в неделю. Мы обменивались несколькими словами, потом я готовила ему фуро и подогревала кувшинчик сакэ — это была единственная плотская отрада, которую он позволял себе воскресными вечерами. Пока Мэйтан сидел в бочке с горячей водой, я ждала в саду — супруг не разрешал мне находиться рядом. Потом, ровно час спустя, подавала ему полотенце, выливала воду, и мы расставались до следующего воскресенья...

Сатоко замолчала, низко опустив голову, а Фандорин подумал, что, наверное, лишь японская жена способна на подобное самопожертвование, причем, конечно же, ни разу не пожаловалась, не позволила себе ни единого укоризненного взгляда.

— Так было и в минувшее воскресенье. Я наполнила фуро водой, которую сначала принесла из колодца, а потом подогрела. Помогла Мэйтану сесть, поставила рядом кувшинчик и вышла побродить по саду — там, где хоронят монахов и отшельников. Это совсем близко от места, где похоронили мужа... — Голос вдовы чуть дрогнул, но рассказ не прервался. — В небе светила полная луна, так что было совсем светло. Вдруг у ограды гайдзинского кладбища я увидела высокую фигуру в длинном черном одеянии.

— У ограды? — быстро спросил Эраст Петрович. — С этой стороны или с той?

— Сначала мне показалось, что человек стоит с другой, гайдзинской стороны, но потом фигура сделала странное движение, как будто передернулась, и сразу оказалась ближе, в монастырском саду. Я увидела, что

это бродячий монах комусо — как положено, в рясе, на голове *тэнгай*.

Так называлась соломенная шляпа особой формы, закрывавшая лицо до самого подбородка, с прорезями для глаз. Фандорин не раз видел на улицах Иокогамы этих безликих странников, собиравших подаяние для своей обители.

— В монахе было что-то необычное, я не сразу поняла, что именно — только когда он приблизился. Во-первых, он был ужасно высокий, даже выше, чем вы. Во-вторых, он как-то слишком плавно шел — словно не переступал ногами по земле, а плыл или скользил по ней. Впрочем, толком разглядеть это я не могла — над травой стелился ночной туман. Да и невежливо пялиться на ноги святому человеку. Я приняла его за гостя храма. Поспешила навстречу, поклонилась и спросила, не могу ли я ему чем-нибудь услужить. Быть может, он заблудился в саду, или не может найти уборной, или желает отдохнуть на скамье возле Карпового пруда.

Монах ничего не отвечал. Тогда я разогнулась, посмотрела на него снизу вверх и увидела... увидела, что у него нет головы. Сквозь редкое плетение соломы зияла пустота. У комусо прямо над плечами мерцал желтый диск луны. Тут он протянул ко мне руку, и я увидела, что рукав рясы тоже пуст — в нем одна чернота. А потом я уже ничего не видела, потому что милосердный Будда дозволил мне лишиться чувств. Ах, почему оборотень не высосал мою кровь? Все равно я была в обмороке и ничего бы не ощутила!

Это была единственная фраза, которую рассказчица произнесла с чувством. Эраст Петрович знал, что Сатоко — женщина здравого ума, вряд ли склонная к истерическим галлюцинациям, и не нашелся, что сказать — так поразила его эта фантастическая история.

А ужасная Эми Тэрада воскликнула:

— И она еще спрашивает! Потому он и не стал сосать вашу кровь, что вы лишились чувств. Сигумо должен смот-

реть в глаза жертвы, иначе ему невкусно. Уж я-то его повадки знаю!

— Кто-кто? Сигумо? — повторил вице-консул незнакомое слово.

— Расскажите про Паука Смерти, дочь моя, — наклонился к карлице настоятель. — Господину чиновнику восьмого ранга это будет интересно. В мире Будды немало диковинного, и нам, жалким недоумкам, подчас не под силу разобраться в этих пугающих явлениях. Остается лишь уповать на молитву. Прошу вас, Тэрада-сан.

Фандорин заставил себя смотреть на полуженщину-полуребенка, чтобы не оскорблять ее чувств. Вот ведь странно! Каждая из частей тела Эми Тэрады была само совершенство: и утонченное лицо, и очаровательное миниатюрное тельце, но, прилепленные друг к другу, две прекрасные половинки образовывали поистине устрашающее целое.

— Мой отец, наследственный владелец прославленного купеческого дома, отличался набожностью и два раза в год — перед цветением сакуры и на праздник Бон — со всей семьей непременно отправлялся на богомолье в какой-нибудь известный храм или монастырь, — охотно начала Эми. Сразу было видно, что эту историю она рассказывала много раз. — Так было и в то лето, когда мне сравнялось четыре года. Мы приехали в этот достославный монастырь, чтобы почтить память предков. Ночью мои родители отправились на реку — спустить на воду поминальный кораблик, а меня оставили в гостевых покоях, на попечении няньки. Она скоро уснула, я же, взбудораженная ночлегом в непривычном месте, лежала на футоне и смотрела на потолок. Снаружи светила луна, и по доскам колыхались причудливые черные пятна — это покачивались деревья в саду под дуновением ветра. Вдруг я заметила, что одно из пятен гуще остальных. Оно тоже двигалось, но не влево-вправо, а сверху вниз. Я смотрела на него во все глаза и вдруг поняла: это не тень, а какой-то черный комок или сгусток. Он завис над моей похра-

пывающей нянькой, немного покачался и стал перемещаться в мою сторону, быстро увеличиваясь. Я увидела, что это огромный черный паук, который раскачивался на свисавшей с потолка паутине. Хоть я была совсем еще крошка и мало что понимала, но мне сделалось невыносимо страшно — так страшно, что перехватило дыхание. Я хотела позвать няньку, но не могла.

Эми испытующе заглянула Фандорину в глаза, чтобы проверить, насколько тот увлечен рассказом.

Вице-консул слушал внимательно и даже иногда вставлял учтивые восклицания: «Ах вот как?», «О!», «Э-э-э?!», но пигалице этого, кажется, показалось недостаточно. Она зловеще сдвинула брови и заговорила сдавленным, замогильным голосом:

— Я зажмурилась от ужаса, а когда открыла глаза, увидела над собой монаха в черной рясе и низко опущенной соломенной шляпе. В первый миг я обрадовалась. «Дяденька, — пролепетала я. — Как хорошо, что ты пришел! Здесь был большой-пребольшой паук!» Но монах поднял руку, и из рукава ко мне потянулось мохнатое щупальце. О, до чего оно было отвратительно! Я ощутила острый запах сырой земли, увидела прямо перед собой два ярких, злобных огонька и уже не могла больше пошевелиться. Вот отсюда по всему телу стала разливаться холодная немота. — Крошечная ручка с длинными, покрытыми лаком ноготками коснулась горла. — Сигумо наверняка высосал бы из меня всю кровь, но тут нянька громко всхрапнула. На миг паук расцепил челюсти, я очнулась и громко заплакала. «Что? Плохой сон приснился?» — спросила нянька хриплым голосом. В то же мгновение монах сжался, превратился в черный шар и стремительно взлетел к потолку. Секунду спустя осталось лишь пятно, но и оно превратилось в тень... Я была слишком мала, чтобы толком объяснить родителям, что со мной произошло. Они решили, что я заболела лихорадкой и это из-за нее мое тело перестало расти. Но я-то знала: это Сигумо высосал из меня жизненные соки.

Она заплакала, что, очевидно, входило в ритуал рассказа. Во всяком случае ни Сатоко, ни настоятель утешать ее не стали. Плакала Эми весьма изящно, прикрыв лицо узорчатым рукавом, а потом деликатно высморкалась в бумажный платочек.

Добродушно улыбнувшись, преподобный сказал:

— Нет худа без добра. Зато мы имеем счастье уже столько лет оказывать вам гостеприимство, дочь моя. Госпожа Тэрада со слугами и служанками проживает в особом доме, на территории монастыря, — пояснил Согэн вице-консулу. — И мы от души этому рады.

Эми взглянула из-за рукава на дипломата и поняла, что тот не слишком впечатлен ее историей. Глаза кукольной женщины сердито засверкали, и настоятелю она ответила грубо:

— Еще бы! Ведь батюшка платит за меня монастырю немалые деньги! Лишь бы я не мозолила ему глаза своим уродством!

И тут уж разрыдалась по-настоящему, громко и зло.

Согэн нисколько не обиделся.

— Как знать, что такое уродство? — примирительно сказал он. — Безобразнейший из смертных бывает прекрасен в глазах Будды, а наипервейшая красавица может казаться Ему мерзким гноилищем.

Но это глубокомысленное суждение не утешило Эми, она разревелась еще пуще.

Наклонившись к Сатоко, коллежский асессор вполголоса спросил:

— Значит, вы не видели, как всё произошло? Обморок был таким глубоким?

— Когда мы нашли Сатоко-сан, то решили, что она мертва, — ответил за вдову преподобный. — Сердце билось медленно, едва слышно. Лекарю удалось вернуть ее к жизни лишь ценой многочасовых усилий при помощи китайских иголок и прижиганий моксой. К тому времени тело несчастного Мэйтана уже давно унесли. Поистине прискорбная кончина для праведника.

— А все потому что меня не послушали, — шмыгнула носом Эми. — Что я вам сказала, когда возле павильона нашли кучу?

— П-простите? — удивился Эраст Петрович.

— Мне неловко говорить за столом о подобных вещах... — Сатоко виновато посмотрела на дипломата. — Но за неделю до смерти, утром, муж обнаружил на пороге своей кельи большую кучу нечистот.

— Дерьма, — коротко пояснил настоятель удивленно поднявшему брови Фандорину. — Здоровенную. Человеку столько не навалить, даже если он съест целый мешок риса с соевым соусом.

— А Сигумо может! — блеснула глазами Эми. — Облик у него паучий, а дерьмо человечье, потому что он оборотень. Я сразу тогда сказала Сатоко-сан: «Неспроста это, берегитесь. Какой-нибудь нечистый дух подбирается к вашему супругу». Сказала я так или нет?

— Да, это правда, — тихо молвила Сатоко. — А я лишь посмеялась. Никогда себе этого не прощу. Но покойный супруг не верил в нечистую силу и мне запрещал...

— Это потому что он был гайдзин, хоть и святой отшельник, — отрезала Эми. — Душа у него была неяпонская. Нипочем ему было не достичь просветления, так до скончания века и топтался бы на восьмой ступени.

Бестактное замечание повлекло за собой продолжительную паузу. Настоятель наморщил лоб, но так и не вспомнил какого-нибудь спасительного изречения. Послушник вжал голову в плечи. Сатоко просто опустила глаза.

— П-преподобный, а мог бы я посмотреть на место, где умер Мэйтан? — спросил Эраст Петрович.

— Разумеется. Вас проводит Араки. — Настоятель кивнул на послушника. — Всё покажет и расскажет. К тому же именно он первым обнаружил Мэйтана.

Коллежский асессор и его провожатый прошли через посыпанный белым песком двор, миновали трехъярус-

ную пагоду и оказались в монастырском саду, замечательно просторном и тенистом.

— Раньше сад был еще больше, но пришлось отдать половину под кладбище заморских варваров, — сказал Араки и, покраснев, поправился. — То есть, я хотел сказать, господ иностранцев.

— А где же келья Мэйтана?

— Она была за колодцем, вон в тех зарослях, — показал монашек. — Но после того, что случилось, отец Согэн провел церемонию очищения: сжег павильон дотла, чтобы отогнать от нехорошего места злых духов.

— Сжег? — нахмурился вице-консул. — Ну, рассказывайте. Лишь то, что видели собственными глазами. И, пожалуйста, ничего не упускайте, никаких п-подробностей.

Араки кивнул и старательно наморщил лоб.

— Значит, так. На рассвете я проснулся и вышел по нужде. По малой нужде. Я всегда в четвертом часу после полуночи просыпаюсь и выхожу по малой нужде, даже если накануне выпил всего одну чашку чаю. Таково уж устройство моего мочевого пузыря. Должно быть, он...

— Подробно, но не до такой степени, — перебил его Фандорин. — Итак, вы проснулись в четвертом часу. Где находится ваша спальня?

— Младшая братия спит вон там, — показал Араки на длинное одноэтажное здание. — У нас в конце коридора есть свое отхожее место, но на рассвете я всегда хожу мочиться в сад — там такой чудесный предрассветный сумрак, так благоухают растения, и уже начинают петь птицы...

— П-понятно. Дальше.

— Ночью я несколько раз просыпался, потому что где-то близко выли и рычали собаки. Когда же я вышел в сад, то увидел, что вон там, подле сточной канавы, собралась целая свора бродячих псов. Они лезли друг на друга, шумели. Раньше такого никогда не случалось. Я подошел, чтобы их отогнать...

— В канаве что-нибудь было? — быстро спросил дипломат.

— Не знаю... Я не посмотрел. По-моему, ничего, иначе я бы заметил.

— Хорошо, п-продолжайте.

— Я замахнулся на псов своим гэта. Кажется, правым, — добавил Араки, видимо, вспомнив о подробностях. — Вы знаете, иокогамские дворняжки очень трусливы, прогнать их нетрудно. Но эти собаки были странные. Они не убежали, а бросились на меня с рычанием и лаем, так что я не на шутку испугался и кинулся бежать — по направлению к келье Мэйтана. Собаки отстали, я остановился возле павильона перевести дух и вдруг заметил нечто удивительное. Отшельник сидел в бочке с водой. Я знал, что по воскресеньям вечером отец Мэйтан принимает фуро в саду, рядом со своей кельей. Наслаждается теплом, чистотой, стрекотом цикад... Но не до рассвета же! Голова Мэйтана была запрокинута, и я решил, что он спит. Должно быть, разморило в горячей воде. Но где же его оку-сан? Не могла же она уйти? Я приблизился и позвал отшельника. Потом почтительно тронул его за плечо. Кожа оказалась совсем холодная, а вода в бочке и вовсе ледяная.

— Вы уверены?

— Да, я даже отдернул руку. Становилось светло, и я заметил, что Мэйтан белого цвета. Такими белыми не бывают даже гайдзины! А еще я разглядел на шее у него две красные точки, вот здесь... — Послушник передернулся и с опаской поглядел по сторонам. — Мне стало не по себе. Я попятился и споткнулся об оку-сан. Она лежала в высокой траве и была в черном кимоно, поэтому я ее не сразу разглядел. Ну, тут я закричал, побежал в братский корпус и поднял всех на ноги... Это уж потом мне объяснили, что на Мэйтана напал паук-оборотень и высосал из него всю кровь. Лекарь сказал, что Сигумо не оставил в жилах мертвеца ни единой капельки.

— Ни единой? Вот как... А где б-бочка, в которой сидел Мэйтан? Я бы хотел на нее взглянуть.

Послушник удивился:

— Как где? Отец настоятель, конечно же, приказал ее сжечь. Разве можно было оставить в обители этот нечистый предмет?

— Место преступления затоптано, улики уничтожены, свидетелей нет, — пробормотал вице-консул по-русски и вздохнул.

Араки, покряхтев, робко произнес:

— Если вам будет угодно выслушать мое ничтожное мнение, отец Мэйтан сам виноват. Как это можно, чтобы гайдзин вознамерился стать буддой? Немудрено, что Сигумо на него разгневался. Вот и вы, господин, знаете слишком много для иностранца — даже про то, как медитировать перед изображением Лотоса. Лучше бы вам уйти отсюда, и чем скорее, тем лучше. Сигумо где-то здесь, он всё видит, всё слышит. .

— Б-благодарю за добрый совет, — слегка поклонился Фандорин.

Наведался на пепелище, побродил по поляне. Задумчиво пробормотал вслух, опять по-русски:

— Что за странная судьба. Родиться в Петербурге, закончить Училище п-правоведения, дослужиться до коллежского советника, а потом стать Мэйтаном и насытить своей кровью японского оборотня...

Присел на корточки, поковырял землю. То же самое проделал у сточной канавы, но провозился там дольше — минуты этак с три. Покачал головой, встал.

— Ладно, теперь к п-преподобному.

У порога настоятельского дома топтался детина, плечи которого служили Эми Тэраде средством передвижения. Вице-консул вспомнил, как бесцеремонно калека обходится со своим слугой. Слов на него она не тратила: если нужно было повернуть налево, дергала за одно ухо, если направо — за другое; когда хотела остановиться, нетерпеливо молотила веером по макушке. Здоровяк сносил такое обращение самым смиренным образом. Когда он бережно усаживал свою хозяйку в покоях Согэна, то

по оплошности слишком сильно сдавил ее своими ручищами. Маленькая злюка немедленно впилась ему в запястье мелкими, острыми зубками — да так, что выступила кровь. Но слуга безропотно стерпел наказание и еще рассыпался в извинениях.

Послушник Араки поднялся по ступенькам, а Фандорин задержался подле слуги.

— Как тебя зовут?

— Кэнкити, — грубым и зычным басом ответил здоровяк.

Он был на пару дюймов выше Эраста Петровича, то есть необычайно высоким для туземца. Грудь — как бочка, широченные плечи, а руки с хорошую оглоблю. Из-под низкого лба на гайдзина смотрели сонные, припухшие глазки.

— Тебе, должно быть, очень много платят за твою нелегкую службу? — спросил Фандорин, с любопытством разглядывая великана.

— Я получаю кров, еду и десять сэнов в неделю, — равнодушно пророкотал тот.

— Так мало? Но при твоей стати ты мог бы найти куда более выгодную с-службу!

Слуга молчал.

— Наверное, ты привык к своей госпоже? Привязался к ней? — не унимался заинтригованный вице-консул.

— Чего?

— Я говорю, ты, вероятно, очень любишь свою г-госпожу?

Кэнкити искренне удивился:

— Да как же ее не любить? Она такая... красивая. Она как куколка хина-нингё, которую ставят на алтарь в Праздник Девочек.

Воистину chacun a son goût[1], подумал Эраст Петрович, поднимаясь на крыльцо.

* * *

[1] О вкусах не спорят *(фр.)*

— Отец настоятель, сударыни, я осмотрел место з-злодеяния и теперь знаю, как снять с монастыря проклятье, — объявил коллежский асессор прямо с порога. — Я сделаю это нынче же ночью.

Преподобный Согэн поперхнулся «ведьминым кипятком» и громко закашлялся. Эми испуганно всплеснула рукавами, а Сатоко быстро обернулась к вошедшему.

Дипломат обвел всех троих веселым, уверенным взглядом и опустился на циновки.

— Задачка не из г-головоломных, — обронил он и потянулся к кувшинчику. — Вы позволите?

— Да-да, конечно. Прошу извинить!

Настоятель сам налил гостю сакэ, причем не совсем удачно — на столик пролилось несколько капель.

— Мы не ослышались? Вы собираетесь прогнать из монастыря оборотня?

— Не прогнать, а п-поймать. И, уверяю вас, это будет не так уж трудно, — загадочно улыбнулся Эраст Петрович. — Как известно, оборотни имеют две природы — призрака и человека. Вот на человека-то я и поохочусь.

Трое остальных переглянулись.

Покряхтев, Согэн деликатно заметил:

— Господин чиновник восьмого ранга, мы наслышаны о ваших выдающихся способностях... Я знаю, что вы получили орден за расследование убийства министра Окубо. Известно также, что наше правительство не раз обращалось к вам за советом в весьма запутанных делах, но... Но это материя совсем иного рода. Здесь вам не помогут достижения техники и ваш замечательный ум. Мы ведь имеем дело не с заговорщиком и не с убийцей, а с Сигумо.

Последнее слово настоятель произнес совсем тихо — таким зловещим шепотом, что у малютки Эми от страха задрожал подбородок.

— Раз убил — значит, убийца, — хладнокровно пожал плечами Эраст Петрович. — А убийцу оставлять без кары нельзя. Это подрывает устои общества, не правда ли, святой отец?

Настоятель вздохнул, возвел очи к потолку:

— До чего же вы, люди Запада, ограниченны! Вы верите только тому, что можно увидеть глазами и пощупать руками. Именно это и погубит вашу цивилизацию. Умоляю вас, Фандорин-сан, не шутите с нечистой силой. У вас нет для этого ни достаточных знаний, ни подобающего оружия. Вы погибнете и тем самым навлечете на нашу обитель еще бóльшие несчастья!

И тут Сатоко тихо сказала:

— Вы зря тратите время, преподобный. Я знаю господина чиновника восьмого ранга. Если он принял решение, то не отступится. Сегодня ночью Сигумо будет наказан за смерть моего мужа.

Куда меньше оптимизма проявил начальник Эраста Петровича, узнав о намерении своего помощника.

— Есть три вероятности, — недовольно объявил консул, поочередно загибая костлявые остзейские пальцы. — Ты спровоцируешь дипломатический скандал на почве оскорбления туземных верований. Ты ввяжешься в уголовщину и получишь удар ножом. Ты ничего не добьешься и лишь выставишь себя, а заодно и Российскую империю, на посмешище перед всем Сеттльментом. Ни один из трех вариантов мне не нравится.

— Существует еще ч-четвертый. Я поймаю убийцу.

— Стало быть, три к одному? — уточнил Вебер, заядлый игрок на скачках. — Идет. Триста против ста? Только ставку внеси заранее. На случай, если не вернешься.

Эраст Петрович выложил на стол сто серебряных мексиканских долларов, консул — триста. Пари было скреплено рукопожатием, и Фандорин отправился готовиться к ночной эскападе.

Поразмыслив, он пришел к выводу, что для встречи с японским оборотнем будет уместней одеться по-туземному. В гардеробе у коллежского асессора имелось два японских наряда: белое кимоно с тканными гербами (подарок принца императорской крови за консультацию в

одном щекотливом деле) и черный облегающий наряд, какие носят синоби, мастера из клана профессиональных шпионов. Надев этот костюм да еще прикрыв лицо черной маской, в темноте становишься почти невидимым.

После недолгого колебания Эраст Петрович выбрал белое кимоно.

На дело он отправился за час до полуночи. Прошел по Банду, главной эспланаде Сеттльмента, миновал мост Ятобаси и оказался на холме, где располагался монастырь Преумножения Добродетели.

Время было позднее, и никого из знакомых Эраст Петрович не встретил — иначе пришлось бы объясняться по поводу странного наряда.

Миновав ворота буддийской обители, вице-консул поднялся чуть выше — туда, где начиналось Иностранное кладбище. Калитка была закрыта, но дипломата это не остановило. Он засунул за пояс полы своего длинного одеяния и с обезьяньей ловкостью перелез через ограду.

За двадцать лет своего существования кладбище изрядно разрослось — вместе с Сеттльментом. Трудно было поверить, что не столь давно этот кусок земли принадлежал монастырю секты Сингон — ничего «языческого» здесь не осталось. Лунный свет, просачиваясь сквозь листву, ложился на мраморные распятья, чугунные оградки, кургузых каменных ангелов. Попадались и православные кресты, наглядное подтверждение российского присутствия на Тихом океане.

Эраст Петрович шел по каменной дорожке, звонко стуча деревянными сандалиями, да еще насвистывал японскую песенку. На его белоснежном кимоно вспыхивало искорками серебряное шитье.

Вдруг он заметил, что над некоторыми могилами поигрывает точно такое же серебристое сияние. Присмотрелся — и поневоле вздрогнул.

Над перекладиной креста поблескивала паутина, в центре которой покачивался огромный черный паучище. Эраст Петрович сказал себе: «Спокойно, это японский

длинноногий паук, Heteropoda venatoria, у них сейчас пора ночной охоты». Тряхнул головой и отправился дальше, насвистывая громче прежнего.

Сзади послышался не вполне понятный звук: какое-то шарканье вперемежку со стуком. Шум быстро приближался, но коллежский асессор его, казалось, не слышал. Остановился подле бамбуковой ограды, за которой начиналась туземная часть кладбища. Беспечно потянулся.

— Гнусная мартышка! — просипел по-английски прерывающийся от бешенства голос. — Я тебе покажу, как топтать освященную землю!

И на спину дипломата обрушился удар тяжелого костыля, но Эраст Петрович так проворно отскочил в сторону, что заостренный, окованный железом конец лишь коснулся шелкового кимоно.

— Наглые японские твари! — прорычал одноногий кладбищенский сторож. — Вам мало поганить воздух языческими курениями и тревожить усопших своими бесовскими завываниями! Ты посмел нарушить ночной покой христианских душ! За это ты мне дорого заплатишь!

Произнося эту тираду, Сильвестер продолжал наскакивать на нарушителя ночного спокойствия, размахивая своим устрашающим оружием. Вице-консул без труда уклонялся от ударов, всё глубже отступая в густую тень деревьев.

— Ах, ты так?! — взъярился полоумный калека. — Закопаю под забором, как собаку!

И метнул в противника костыль, да так сноровисто, что Фандорин едва успел присесть — иначе железное острие пронзило бы ему грудь. Просвистев в воздухе, оно с хрустом впилось в ствол дерева.

Но и этого Сильвестеру показалось мало.

Раздался звонкий щелчок, и в руке сторожа сверкнуло длинное лезвие навахи. Кажется, он всерьез собрался осуществить свое кровожадное намерение.

А между тем, отступать коллежскому асессору было некуда: спиной он уперся в дерево, справа был забор, слева — колючие кусты.

Однако Эраст Петрович и не думал отступать. Напротив, он сделал шаг навстречу и поступил с инвалидом не по-джентльменски: из правого рукава кимоно вылетела тонкая стальная цепочка с крюком на конце, обвилась вокруг деревяшки, заменявшей Сильвестеру ногу, рывок — и сторож грохнулся на спину. Фандорин наступил на руку, сжимавшую нож, а второй ногой нанес несостоявшемуся убийце три-четыре несильных, но точно выверенных удара, произведших самое благотворное действие: злобный калека перестал изрыгать ругательства и, как пишут в старых романах, совершенно умирился нравом.

— Друг мой, — мягко сказал ему Эраст Петрович. — У меня есть к вам несколько в-вопросов.

Десять минут спустя над бамбуковой оградой взметнулась белая, посверкивающая серебром фигура — это вице-консул перемахнул через перекладину, делившую кладбище на две половины, и оказался на монастырской земле.

Там он повел себя малопонятным, даже интригующим образом.

По-прежнему нисколько не таясь и, словно нарочно, передвигаясь все больше по освещенным луной местам, Эраст Петрович прямиком отправился к колодцу и отмерил расстояние, отделявшее монастырский источник водоснабжения от пепелища, что осталось на месте Мэйтановой кельи.

Затем точно таким же манером измерил дистанцию от павильона до сточной канавы и у сей последней задержался: поковырял палочкой почву, зачем-то насыпал немного в мешочек. Удовлетворенно сам себе кивнул.

После этого вернулся к месту, где Сигумо умертвил свою несчастную жертву, но никаких действий там производить не стал, а просто сел на траву и принялся чего-то ждать, время от времени поглядывая на карманные часы.

Прошло пять минут, десять, двадцать. Миновала полночь, объявив о себе глухими ударами церковного колокола, донесшимися с дальнего конца Иностранного кладбища.

На поляне ровным счетом ничего не происходило. Кроме, пожалуй, одного: вице-консула явно начинало клонить в сон. Он несколько раз зевнул, прикрывая рот ладонью. Голова опустилась на грудь. Эраст Петрович вскинулся, потер глаза, но минуту спустя опять заклевал носом — похоже, дремота становилась необоримой. Подбородок снова коснулся груди и больше уж не поднялся. Дыхание коллежского асессора сделалось глубоким и ровным.

Где-то на дереве громко заухала ночная птица, но Фандорин не проснулся. Не разбудила его и букашка, предпринявшая рискованное восхождение с ворота кимоно на волевой подбородок, а оттуда на щеку и высокий лоб Эраста Петровича.

Но стоило в ближних зарослях чему-то хрустнуть — совсем негромко, как вице-консул немедленно пробудился. Вскочил, в несколько стремительных прыжков преодолел расстояние, отделявшее его от кустов. Раздвинул ветки и обмер.

На суку старой узловатой яблони висела плетеная торба, в которой, слегка покачиваясь, сидела Эми Тэрада и смотрела на коллежского асессора широко раскрытыми, мерцающими глазами.

Эта зловещая картина заставила Фандорина, человека не робкого десятка, содрогнуться.

— Вы?! — воскликнул он. — Вы?!

Пигалица не ответила, лишь гневно оскалила белые зубки.

Коллежский асессор шагнул вперед и протянул руку, чтобы снять корзинку с ветви, но не успел — сверху ему на голову обрушился удар чудовищной силы, и Эраст Петрович без чувств повалился на траву.

Очнулся он от ноющей боли в темени, которая при этом была не лишена своеобразной приятности. Прежде чем открыть глаза, Фандорин попытался разобраться в природе этого странного ощущения — и разобрался. Резь смягчали и компенсировали два обстоятельства: холод и тепло. Причем холодом обволакивало самый источник боли, что лишало ее остроты, а тепло шло снизу, от затылка и шеи.

И лишь в следующее мгновение, разлепив тяжелые веки, коллежский асессор понял, что лежит на траве, в том же месте, где упал. Его голова покоится на коленях у сидящей Сатоко и обвязана мокрой холодной тканью. Осторожно коснувшись пальцами темени, вице-консул обнаружил там изрядную шишку и наконец всё вспомнил.

«Что со мной случилось?» — хотел он спросить, но вдова Мэйтана нарушила молчание первой.

— Мне не спалось. Опять. Каждую ночь не могу уснуть, всё тянет к этому проклятому месту. Я пришла. Увидела на траве белое. Сначала подумала, вернулся муж. Но это были вы. Что с вами стряслось? На вас напал Сигумо?

Поняв, что Сатоко на его вопрос не ответит, Эраст Петрович сел, а потом и поднялся на ноги. Он понемногу приходил в себя. Ушиб, но сотрясения, кажется, нет, поставил он диагноз самому себе и о шишке больше не думал. Череп у дипломата был крепкий.

Приблизившись к яблоне, на которой давеча висела Эми Тэрада, коллежский асессор внимательно рассмотрел сук, но никаких следов не обнаружил. Ветка была толстая, покрытая грубой корой. Ни царапины, ни примятых листьев.

— Вы перевязали мне голову... — сказал он, вернувшись к Сатоко. — Как это странно...

— Что странно?

— Всё. Здесь всё странно. Разумеется, никакой чертовщины, но очень уж по-японски...

— Никакой чертовщины? — переспросила она.

Фандорин сел на траву напротив Сатоко и заговорил с ней доверительным тоном, как с доброй знакомой, каковой вдова бывшего сослуживца, собственно, и являлась.

— Собаки у сточной канавы. Это раз. Ледяная вода в бочке. Это два.

— Что это значит? — напряженно сдвинула брови Сатоко.

— Послушника Араки удивило необычное поведение б-бродячих псов, которые сгрудились у сточной канавы и были очень возбуждены. Я сразу заподозрил, что туда слили кровь убитого. Уверен, что анализ почвы это подтвердит. — Эраст Петрович достал из широкого рукава маленький мешочек. — Если так, то, значит, никакого оборотня не было. И второе: Араки сказал, что вода в бочке была ледяной. Он вышел в сад на рассвете, то есть примерно через четыре часа после смерти Мэйтана. За это время вода до такой степени не остыла бы. Уж во всяком случае она не стала бы ледяной — сейчас лето, ночи теплые. Кто-то выпустил у Мэйтана всю кровь, потом вычерпал замутненную воду и вылил ее в сточную канаву, а взамен из колодца принес свежей воды, холодной. Мне оставалось лишь установить, кто это сделал.

— Тот, кто ударил вас? — показала Сатоко на перевязанную голову вице-консула. — Но ведь вы не видели этого человека.

— Не видел, — пожал плечами Фандорин, — но догадаться нетрудно. Вон на том дереве, в неком подобии люльки, висела госпожа Тэрада. Я был слишком ошарашен этим п-причудливым зрелищем, иначе непременно сообразил бы, что ее верный носильщик Кэнкити должен быть где-то неподалеку. К тому же он единственный, кто мог нанести мне удар сверху — ведь этот детина выше меня ростом.

— Тэрада-сан? — воскликнула Сатоко. — Так это она умертвила моего мужа?

— Ну что вы. Малютка Эми просто слишком любопытна. Услышав, что нынче ночью я собираюсь устроить охоту на Сигумо, она заранее заняла удобное место в б-бельэтаже. А Кэнкити набросился на меня, подумав, что я хочу причинить вред его обожаемой госпоже. Нет,

Тэрада-сан здесь ни при чем. Хотя барышня она исключительно неприятная. Испорченная, капризная, злая, да и смотреть на нее, прямо скажем, удовольствие сомнительное. Не понимаю, почему вы с ней дружите?

— Я скажу, — ответила Сатоко, опустив голову. — Когда я вижу Тэраду-сан, мне становится легче... Моя Акико перестает казаться мне самым несчастным существом на свете... Но если это была не Тэрада-сан, то кто же?

— Вот это я и собирался выяснить. Нужно было д-допросить смотрителя Иностранного кладбища. Его сторожка находится сразу за оградой. Судя по отечности лица и нервическому тику, этот субъект наверняка страдает бессонницей. К тому же, как я понял из нашего с ним краткого диалога, мистер Сильвестер испытывает нездоровый интерес к соседнему владению. Характер у этого человека трудный, вряд ли он стал бы отвечать на мои вопросы, поэтому пришлось устроить маленькую демонстрацию. Собственно, даже п-провокацию. Не буду утомлять вас подробностями, они несущественны. Главное, что сторож полностью удовлетворил мое любопытство. Предположения подтвердились. Да, это он неделю назад вывалил на крыльцо кельи Мэйтана ведро нечистот. Сильвестер — человек полупомешанный. У этого бывшего матроса навязчивая идея — прогнать с кладбищенского холма «идолопоклонников». Тринадцать лет назад, во времена смуты, на него напали ронины. Он спасся лишь тем, что успел вскарабкаться по водосточной трубе, однако острый клинок отсек ему ногу. С тех пор он люто ненавидит японцев и их «языческую» религию.

— Ах, я всё поняла! — прикрыла пальцами рот Сатоко. — Мой муж был для этого человека предателем. Сначала сторож попытался выжить его из сада, а когда не удалось, умертвил, воспользовавшись японской легендой! Он думал, что монахи испугаются и монастырь опустеет! Сторожу легко было изобразить оборотня! Достаточно было укрыться с головой черной рясой, а сверху прикрепить плетеный тэнгай. То-то сквозь него просве-

чивала луна! А передвигался он так странно, потому что у него деревянная нога!

Фандорин выслушал вдову и покачал головой:

— Не с-складывается. Откуда невежественному матросу знать японские легенды? Он и язык-то побрезговал выучить. Нет, Сильвестер не убийца. Но, как я и предполагал, он видел убийцу, и даже дважды. Его мучила бессонница, он несколько раз выходил из сторожки покурить трубку, а убийце понадобилось немало времени на осуществление своего п-плана. К тому же, как вы помните, ночь была такая же лунная, как нынче.

— Кого он видел? — спросила Сатоко, не поднимая глаз.

— Вас, — так же тихо ответил Фандорин. — Кого ж еще? Сначала Сильвестер видел, как женщина в черном кимоно носила ведра к сточной канаве. А когда вышел в другой раз, незадолго перед рассветом, она носила воду от колодца к павильону. Я знал, что Мэйтана могли убить только вы. Но нужно было подтверждение.

— Знали? — повторила Сатоко, по-прежнему не глядя на молодого человека. — Откуда?

— Я не верю в п-привидения, и ваша история о безголовом монахе меня не убедила. Это раз. Вам очень легко было осуществить свое намерение: сначала опоить мужа сонным зельем, подмешанным в сакэ, потом проколоть ему артерию, а после этого оставалось лишь поменять воду в бочке. Когда я хвастался перед настоятелем, что выловлю «оборотня» нынче же ночью, мои слова адресовались вам. Вы должны были знать, что я слов на ветер не бросаю и, если говорю так уверенно, значит, обнаружил какие-то улики. Я не сомневался: вы непременно явитесь в сад, чтобы проследить за моими действиями Я был готов к встрече, но меня сбила Эми. Это ведь она подала вам идею изобразить нападение Сигумо — когда, после инцидента с нечистотами, стала кричать об опасности, угрожающей Мэйтану?

Ответа не было. Пробор на опущенной голове Сатоко казался неестественно белым. Фандорин даже наклонил-

ся, чтобы рассмотреть его получше, и увидел, что волосы крашеные — у корней они были совсем седые.

— Но две вещи остались для меня з-загадкой, — продолжил вице-консул после паузы. — Почему вы не убили меня, когда я лежал оглушенный и беспомощный? Вам ничего не стоило изобразить новое нападение оборотня. И второе: почему вы умертвили мужа?

Зная, сколь тверды характером женщины склада Сатоко, Эраст Петрович снова не ждал ответа. И ошибся.

— Я не убила вас, потому что вы не сделали мне зла, вы лишь выполняли долг по отношению к бывшему другу, — заговорила вдова сдавленным голосом. Сначала медленно, с запинкой, потом всё быстрее и быстрее. — Нет, неправда... Я хотела проткнуть вам горло заколкой. Уже подняла руку. Но не смогла. Не было ненависти... Я оказалась слишком слаба, и расплачиваться за это придется моей девочке. Я все-таки не смогла ее защитить.

— Я вас не понимаю, — нахмурился Фандорин. — При чем здесь Акико?

— Он хотел разлучить нас. — Сатоко резко подняла голову. Ее глаза горели сухим, яростным блеском. — Он сказал: «Нечего ее здесь держать. В Гонконге есть приют для детей-калек. Мы отправим ее туда, и она не будет больше стоять между нами. Я не стану буддой, я понял это. Я вернусь к тебе, и мы попробуем жить заново». Я умоляла его сжалиться, плакала, но он был непреклонен. «Ты ничего не понимаешь, — сказал он. — Так будет лучше для всех. Через неделю придет пароход из Гонконга, на нем будет монахиня из приюта». Я поняла: человек, который хотел, но не смог стать буддой, становится дьяволом. Моя Акико не нужна никому на всем белом свете, кроме меня. Она обречена. Среди чужих людей она зачахнет. И тогда я сказала себе, что должна убить Мэйтана. Но убить так, чтобы никто меня не обвинил, иначе мою девочку отберут... Я сделала то, что собиралась, и упала, и лишилась чувств, и, наверное, умерла бы, но искусный лекарь вернул меня к жизни. Всё было зря.

У меня не хватило сил вонзить вам в горло железную заколку, и теперь меня заточат в тюрьму, а моя дочь сгинет в приюте...

— Ну что, Эраст, поймал Паука Смерти? — спросил консул Вебер, встретившись со своим помощником у табльдота (оба дипломата были люди холостые и обыкновенно завтракали в «Гранд-отеле», по соседству с консульством).

Бледноватый после бессонной ночи Фандорин сконфуженно улыбнулся:

— Увы, Карлуша. Ты был прав: я попусту проторчал на этом чертовом кладбище всю ночь. Лишь выставил себя б-болваном.

— Стало быть, сто долларов мои. Впредь будешь слушаться советов начальства, — изрек консул, отправляя в рот ломтик ростбифа.

TABLE-TALK
1882 года

После кофе и ликеров заговорили о таинственном.

Хозяйка салона Лидия Николаевна Одинцова, нарочно не глядя в сторону нового гостя, самого модного мужчины сезона, сказала:

— Вся Москва говорит, будто бедного Соболева отравил Бисмарк. Неужели общество так никогда и не узнает подоплеки этой ужасной трагедии?

Гостя, которым Лидия Николаевна сегодня потчевала завсегдатаев, звали Эрастом Петровичем Фандориным. Он был умопомрачительно хорош собой, окутан ореолом загадочности и к тому же холост. Чтобы заполучить Эраста Петровича в салон, хозяйке пришлось осуществить сложнейшую, многоступенчатую интригу, на которые Лидия Николаевна была непревзойденной мастерицей.

Реплика адресовалась Архипу Гиацинтовичу Мустафину, давнему другу дома. Мустафин, человек тонкого ума, понял замысел Лидии Николаевны с полуслова и молвил, искоса взглянув на молодого коллежского асессора из-под красноватых голых век:

— А мне говорили, что нашего Белого Генерала будто бы погубила роковая страсть.

Сидевшие в гостиной затаили дыхание, потому что по слухам Эраст Петрович, с недавних пор состоявший чиновником особых поручений при московском генерал-губернаторе, имел самое непосредственное отношение к расследованию обстоятельств смерти великого полководца. Однако гостей ждало разочарование: красивый брюнет вежливо выслушал Архипа Гиацинтовича и сделал вид, что сказанное не имеет к нему ни малейшего отношения.

Возникла ситуация, которой опытная хозяйка допустить не может, — неловкая пауза. Однако Лидия Николаевна сразу же нашлась. Мило захлопав ресницами, она пришла Мустафину на помощь:

— Как это похоже на мистическое исчезновение бедной Полиньки Каракиной! Вы помните эту ужасную историю, друг мой?

— Как не помнить.. — протянул Архип Гиацинтович, легким движением бровей поблагодарив за поддержку.

Некоторые закивали, как бы тоже припоминая, но большинство гостей про Полиньку Каракину явно ничего не знали, а Мустафин имел репутацию искуснейшего рассказчика, так что из его уст не грех было послушать даже и знакомую историю. Тут кстати и Молли Сапегина, очаровательная молодая женщина, чей муж — такое несчастье — год назад погиб в Туркестане, спросила с любопытством:

— Мистическое исчезновение? Как интересно!

Лидия Николаевна устроилась на стуле поудобнее, тем самым давая Мустафину понять, что передает кормило тейбл-тока в его умелые руки.

— Многие из нас, конечно, еще помнят старого князя Льва Львовича Каракина, — так начал Архип Гиацинтович свой рассказ. — Это был человек старого времени, герой венгерской кампании. Либеральных веяний предыдущего царствования не принял, подал в отставку и жил в своей подмосковной индийским набобом. Богат был неслыханно, теперь у аристократии таких состояний уж и не бывает.

Имел князь двух дочерей, Полиньку и Анюту. Обратите внимание: никаких Poline или Annie — генерал придерживался самых строгих патриотических взглядов. Девушки были двойняшками. Лицо, фигура, голос совершенно одинаковые. Но не спутаешь, потому что у Анюты на правой щеке, вот здесь, была родинка. Супруга Льва Львовича умерла родами, и князь больше не женился. Говорил, хлопотно, да и нужды нет — разве мало дворовых девок. В девках у него и в самом деле недостатка не было, даже и после эмансипации. Я же говорю — Лев Львович жил истинным набобом.

— Как вам не стыдно, Арчи. Неужто нельзя без непристойностей? — с укоризненной улыбкой произнесла Лидия Николаевна, хотя отлично знала, что для хорошего рассказа совсем невредно, как говорят англичане, «подбавить немного соли».

Мустафин покаянно прижал руку к груди и продолжил свое повествование:

— Полинька и Анюта были отнюдь не дурнушки, но и не сказать чтобы особенные раскрасавицы. Однако, как известно, миллионное приданое — самое лучшее из косметических средств, поэтому в тот единственный сезон, когда княжны выезжали в свет, они произвели среди московских женихов подобие эпидемической лихорадки. Потом старый князь за что-то осерчал на нашего почтенного генерал-губернатора, уехал в свою Сосновку и более оттуда уже не выезжал.

Лев Львович был мужчина тучный, одышливый, на лицо багровый — что называется, апоплексического склада, и можно было надеяться, что заточение княжон продлится недолго. Однако шли годы, князь Каракин все больше толстел и всё громче пыхтел, а никакого намерения умирать не выказывал. Женихи подождали-подождали, да и забыли про бедных затворниц.

Сосновка же, хоть и звалась подмосковной, располагалась в глухих лесах Зарайского уезда, откуда не то что до железной дороги, но и до ближайшего тракта было не

менее двадцати верст. Одно слово — глушь. Впрочем, место было райское и отлично благоустроенное. У меня там неподалеку деревенька, так я к князю частенько наведывался по-соседски. Больно уж хороша была в Сосновке тетеревиная охота. А в ту весну дичь прямо сама на мушку лезла — такого тока я отродясь не видывал. Ну и загостился, так что вся история разворачивалась прямо на моих глазах.

Старый князь давно затеял строить в парке бельведер в венском стиле. Поначалу пригласил из Москвы знаменитого архитектора, который сделал проект и даже к строительству приступил, да не довел до конца — не стерпел князева самодурства, съехал. Для завершения работ выписали архитектора поплоше, некоего французика по фамилии Ренар. Был он молод и неплох собой. Правда, заметно прихрамывал, но после лорда Байрона у наших барышень это за изъян не считается.

Дальше что ж — можете вообразить сами. Девицы безотлучно сидят в деревне десятый год. Обеим по двадцать восемь, общества решительно никакого, разве что старый дундук вроде меня заедет поохотиться. А тут красивый молодой человек, бойкого ума, парижский уроженец.

Надобно вам сказать, что при всем внешнем сходстве княжны обладали совершенно различным темпераментом и складом души. Анюта была вроде пушкинской Татьяны: вяла, меланхолична, немного резонерша и, прямо сказать, скучновата. Зато Полинька — резвунья, проказница, «как жизнь поэта простодушна, как поцелуй любви мила». Да и стародевическое в ней проступало меньше, чем в сестре.

Ренар немного обжился, присмотрелся и, разумеется, нацелился на Полиньку. Я наблюдал все это со стороны и изрядно веселился, не подозревая, каким невероятным образом закончится эта пастораль. Влюбленная Полинька, ошалевший от запаха миллионов французик, сгорающая от зависти Анюта, которой поневоле пришлось взять на себя роль блюстительницы целомудрия. Призна-

юсь откровенно, меня эта комедия занимала не меньше, чем тетеревиный ток. Благородный отец же пребывал в неведении, потому что был спесив и не мог вообразить, что княжна Каракина может увлечься каким-то архитекторишкой.

Натурально, закончилось скандалом. Однажды вечером Анюта ненароком (а может быть, и *нароком*) заглянула в садовый домик, обнаружила там сестру и Ренара in flagranti delicto и немедленно наябедничала папеньке. Грозный Лев Львович, чудом избежав апоплексии, хотел сей же час выгнать преступника вон. Французик едва умолил оставить его в усадьбе до утра — леса вокруг Сосновки такие, что одинокого человека по ночному времени вполне могут и волки съесть. Если б не вмешался я, выставили бы блудодея за ворота в одном сюртучишке.

Рыдающую Полиньку отправили в спальню, под присмотр благоразумной сестры, архитектор отправился к себе во флигель укладывать чемоданы, прислуга попряталась, и весь напор князева гнева пришлось выдерживать вашему покорному слуге. Лев Львович бушевал чуть не до рассвета и совсем меня замучил, так что спал я в ту ночь немного. А утром видел из окна, как французика увозили на станцию в простой телеге. Он, бедняжка, всё на окна оглядывался. Да только, похоже, никто не помахал ему на прощанье — больно уж унылый был у француза вид.

Дальше начались чудеса.

К завтраку княжны не вышли. Дверь спальни заперта, на стук никакого отклика. Князь снова закипятился, стал подавать признаки неотвратимой апоплексии, велел ломать дверь к чертовой бабушке.

Взломали. Входят. Господи Иисусе! Анюта лежит в постели, вроде как в глубоком сне, Полиньки же нет вовсе, исчезла. В доме нет, в парке нет — как сквозь землю провалилась.

Сколько ни будили Анюту — всё впустую. Домашний доктор, постоянно живший в усадьбе, незадолго перед

тем умер, а нового еще не наняли. Пришлось посылать в волостную больницу. Приехал земский врач, из длинноволосых. Пощупал, помял, говорит: это у нее сильнейшее нервное расстройство, полежит — очнется.

Вернулся возчик, что француза отвозил. Человек верный, всю жизнь при усадьбе. Божится, что довез Ренара до самой станции и на поезд усадил. Барышни с ним не было. Да и как бы ей за ворота прокрасться? Парк в Сосновке был окружен высокой каменной стеной, у ворот караульные.

Анюта назавтра очнулась, да что толку? Потеряла дар речи. Только плачет, дрожит вся, зубами лязгает. Через неделю понемногу заговорила, но про ту ночь ничего не помнит. Если приступали с расспросами — у ней сразу судороги. Доктор строго-настрого воспретил. Говорит, для жизни опасно.

Так и пропала Полинька. Князь совсем с ума сошел. Писал и губернатору, и самому государю, поднял на ноги полицию. За Ренаром в Москве слежку установили, только всё впустую. Помаялся французик, поискал заказчиков — не тут-то было. Никто не хочет с Каракиным ссориться. Так и уехал бедолага в свой Париж. А Лев Львович всё ярится. Вбил себе в голову, что убил злодей его ненаглядную Полиньку и в землю закопал. Перерыли весь парк, пруд вычерпали, бесценных карпов погубили. Ничего. А месяц спустя, наконец, явилась и апоплексия. Сидел князь за обедом, вдруг как захрипит — и лбом в суповую тарелку. Оно и немудрено, от таких-то переживаний.

Анюта после той роковой ночи не то чтобы умом тронулась, но сильно переменилась в характере. И раньше-то веселостью не отличалась, а тут и вовсе рта не раскроет. Только вздрагивает от малейшего шума. Я, грешным делом, небольшой любитель трагедий. Сбежал из Сосновки, еще когда князь жив был. После приезжаю на похороны — батюшки-светы, усадьбу не узнать. Жутко там сделалось, будто черный ворон крылом накрыл. Посмотрел, помню, и думаю: быть сему месту пусту. Так и вышло.

Не захотела Анюта, единственная наследница, там жить, уехала. Да не куда-нибудь в столицу или в Европу, а на самый край света. Управляющий высылает ей деньги в Бразилию, в город Рио-де-Жанейро. Я по глобусу полюбопытствовал — Рио этот аккурат напротив от Сосновки, дальше уж не заберешься. Вот как княжне отчизна опротивела. Подумать только — Бразилия! Поди, ни одного русского лица, — со вздохом закончил Архип Гиацинтович свой необычный рассказ.

— Отчего же. У меня в Бразилии есть знакомый, мой бывший с-сослуживец по японскому посольству — Карл Иванович Вебер, — задумчиво пробормотал Эраст Петрович Фандорин, выслушавший занятную историю с интересом.

Манера говорить у чиновника особых поручений была мягкая, приятная, и легкое заикание ее ничуть не портило.

— Вебер теперь посланником при б-бразильском императоре доне Педро. Не такой уж это край света.

— В самом деле? — живо обернулся к говорившему Архип Гиацинтович. — Так, может быть, разгадка еще возможна? Ах, любезнейший Эраст Петрович, говорят, что вы — блестящий аналитический ум, что любые тайны вы расщелкиваете, как грецкие орехи. Вот вам задача, не имеющая логического решения. С одной стороны, Полинька Каракина из усадьбы исчезла — это факт; с другой стороны, покинуть усадьбу она никак не могла — и это тоже факт.

— Да-да, — подхватили несколько дам сразу. — Господин Фандорин, Эраст Петрович, ужасно хочется узнать, что же там на самом деле произошло.

— Готова биться об заклад, что Эраст Петрович легко разгадает этот парадокс, — уверенно заявила Одинцова.

— Заклад? — быстро переспросил Мустафин. — Что поставите?

Следует пояснить, что оба — и Лидия Николаевна, и Архип Гиацинтович — были заядлыми спорщиками и в своей страсти к заключению пари иной раз доходили до

безрассудства. Наиболее проницательные из гостей переглянулись, заподозрив, что вся интермедия с якобы случайно вспомнившейся загадочной историей была разыграна по предварительной договоренности и молодой чиновник стал жертвой ловко составленного заговора.

— Мне очень нравится ваш маленький Буше, — с легким поклоном сказал Архип Гиацинтович.

— А мне ваш большой Караваджо, — в тон ему ответила хозяйка.

Мустафин только покачал головой, как бы восхищаясь непомерным аппетитом Одинцовой, но спорить не стал — очевидно, не сомневался в своей победе. А может быть, ставки уже были согласованы меж ними заранее.

Эраст Петрович, несколько опешив от этакой стремительности, развел руками:

— Но я не был на месте п-происшествия, не видел участников. Насколько я понимаю, полиция, даже располагая всем необходимым, ничего не смогла сделать. Где уж мне теперь? Ведь и времени, вероятно, прошло немало.

— В октябре шесть лет, — был ответ.

— Ну вот в-видите...

— Эраст Петрович, милый, славный, — взмолилась хозяйка, накрыв руку коллежского асессора своей. — Не погубите. Ведь я с этим вымогателем уже сговорилась! Он просто заберет моего Буше, и дело с концом! В этом господине нет ни капли рыцарственности.

— Мой предок был мурза, — весело подтвердил Архип Гиацинтович. — А у нас в Орде с женщинами разговор короткий.

Зато для Фандорина рыцарство, кажется, было не пустым звуком. Молодой человек потер пальцем переносицу и пробормотал:

— Разве что вот... А скажите, г-господин Мустафин, не приметили ли вы, каков был багаж у француза? Вы ведь видели, как он уезжал. Уж верно, там не обошлось без какого-нибудь большого сундука?

Архип Гиацинтович сделал вид, что аплодирует.

— Браво. Спрятал девицу в сундук да вывез? А добродетельную сестру Полинька опоила какой-нибудь дрянью, отчего Анюта и впала в нервное расстройство? Остроумно. Только — увы. Никакого сундука не было. Француз был гол как сокол. Мне вспоминаются какие-то чемоданчики, узелочки, пара шляпных коробок. Нет, сударь, ваша версия не годится.

Подумав немного, Фандорин спросил:

— Вы совершенно уверены, что княжна не могла сговориться с караульными или просто подкупить их?

— Абсолютно. Это первое, что проверила полиция.

Странно, но при этих словах коллежский асессор вдруг сделался мрачен и со вздохом проговорил:

— Тогда ваша история куда сквернее, чем я думал.

И, после непродолжительной паузы, спросил:

— Скажите, не было ли в княжеском доме водопровода?

— Водопровод? В деревне? — удивилась Молли Сапегина и неуверенно хихикнула, решив, что красивый чиновник пошутил.

Однако Архип Гиацинтович вставил в глаз золотой монокль и посмотрел на Фандорина очень внимательно, будто только теперь его по-настоящему заметил.

— Как вы догадались? Представьте, водопровод в усадьбе был. За год до описываемых событий князь распорядился поставить водокачку и котельную. И у самого Льва Львовича, и у княжон, и в гостевых покоях имелись самые настоящие ванные. Но какое это имеет отношение к делу?

— Думаю, что ваш п-парадокс разгадан. — Фандорин покачал головой. — Только разгадка больно уж неприятная.

— Но как?! Каким образом? Что же произошло? — раздалось со всех сторон.

— Сейчас расскажу. Только сначала, Лидия Николаевна, я бы желал дать вашему лакею одно поручение.

Нина и Таня
Каракины
фотография

И коллежский асессор, совершенно заинтриговав присутствующих, написал какую-то записку, вручил лакею и тихо проговорил ему что-то на ухо. Каминные часы пробили полночь, но расходиться никто и не думал. Все, затаив дыхание, ждали, а Эраст Петрович не спешил начинать демонстрацию своего аналитического дара. Лидия Николаевна, гордая своим безошибочным чутьем, которое и на сей раз не подвело ее в выборе главного гостя, смотрела на молодого человека с почти материнским умилением — чиновник особых поручений имел все шансы стать истинной звездой ее салона. То-то обзавидуются Кэти Полоцкая и Лили Епанчина.

— История, которую вы нам поведали, не столько т-таинственна, сколько отвратительна, — с гримасой проговорил коллежский асессор. — Одно из чудовищнейших преступлений страсти, о которых мне доводилось слышать. Это не исчезновение, а убийство, причем самого худшего, каинова сорта.

— Вы хотите сказать, что веселую сестру убила грустная? — уточнил Сергей Ильич фон Таубе, председатель акцизной палаты.

— Нет, я хочу сказать нечто совершенно п-противоположное: веселая Полинька убила грустную Анюту. И это еще не самое кошмарное.

— Но позвольте! Как такое возможно? — удивился Сергей Ильич, а Лидия Николаевна сочла нужным заметить:

— И что может быть кошмарнее, чем убийство собственной сестры?

Фандорин встал, прошелся по гостиной.

— Я попробую восстановить последовательность событий, как они мне представляются. Итак, две скучающие б-барышни. Утекающая меж пальцев, да, собственно, уже почти и утекшая жизнь — я имею в виду женскую жизнь. Праздность. Перебродившие силы души. Неоправдавшиеся надежды. Мучительные отношения с самодуром-отцом. Наконец, физиологическая фрустрация — ведь это молодые, здоровые женщины. Ах, прошу прощения...

Поняв, что сказал неприличность, коллежский асессор смутился, но Лидия Николаевна обошлась без репримanда — очень уж он был мил с румянцем, вдруг проступившим на белых щеках.

— Даже не берусь представить, сколько всего намешано в душе д-девушки, оказавшейся в подобном положении, — помолчав, продолжил Фандорин. — А тут еще особенность: рядом все время твое живое зеркало, двойняшка-сестра. Вероятно, здесь не могло обойтись без причудливого смешения любви и ненависти. И вот появляется красивый, молодой мужчина. Он проявляет к барышням явный интерес — очевидно, небескорыстный, но какая же из девушек об этом думает? Меж сестрами неизбежно возникает соперничество, но выбор сделан б-быстро. До сего момента у Анюты и Полиньки всё было одинаково, всё поровну, теперь же они оказываются в совершенно разных мирах. Одна счастлива, воскрешена к жизни и — во всяком случае, по видимости — любима. Другая чувствует себя отринутой, одинокой и оттого вдвойне несчастной. Счастливая любовь эгоистична. Для Полиньки наверняка не существовало ничего кроме страсти, накопившейся за долгие годы затворничества. Это была настоящая, полная жизнь, о которой она так долго мечтала и на которую уже перестала надеяться. И вдруг всё это оборвалось в один миг — причем именно т-тогда, когда любовь достигла наивысшей своей вершины.

Дамы слушали прочувствованную речь писаного красавца как завороженные, а Молли Сапегина прижала тонкие пальцы к вырезу платья, да так и застыла.

— Ужаснее всего то, что виновницей т-трагедии оказалась родная сестра. Которую, согласимся, тоже можно понять: вынести такое счастье рядом с собственным несчастьем — на это требуется особый склад души, которым Анюта явно не обладала. Итак, Полинька, которая только что пребывала в райских кущах, была низвергнута. Нет на свете зверя опаснее женщины, у которой отняли любовь! — увлекшись, воскликнул Эраст Петрович и

снова стушевался, ибо эта сентенция могла оскорбить прекрасную половину присутствующих.

Однако протестов не последовало — все жадно ожидали продолжения, и Фандорин заговорил в убыстренном темпе:

— Тут-то, под воздействием отчаяния, у Полиньки и возникает безумный план — страшный, чудовищный, но свидетельствующий об огромной силе чувства. Впрочем, не знаю. Возможно, идея принадлежала Ренару. Хотя осуществить ее пришлось именно девушке... Ночью, когда вы, Архип Гиацинтович, клевали носом, слушая излияния хозяина, в спальне княжон происходило адское действо. Полинька умертвила сестру. Не знаю, каким образом — задушила ли, отравила ли, но во всяком случае обошлась без кровопролития, иначе в спальне остались бы следы.

— Следствие допускало возможность убийства, — пожал плечами Мустафин, слушавший Эраста Петровича с нескрываемым скепсисом. — Но возник резонный вопрос: куда делся труп?

Чиновник особых поручений без малейших колебаний ответил:

— В том-то и к-кошмар. Убив сестру, Полинька перетащила тело в ванную, там разрезала его на куски и спустила кровь в трубу. Француз произвести расчленение не мог — вряд ли он сумел бы незаметным образом отлучиться из своего флигеля на столь долгое время.

Переждав истинную бурю возмущенных возгласов, среди которых чаще всего звучало слово «Невозможно!», Фандорин печально молвил:

— К сожалению, невозможно ничто иное. Другого решения у поставленной з-задачи нет. Лучше даже не пытаться вообразить, что́ происходило в ту ночь в ванной. Полинька не могла обладать никакими анатомическими познаниями и вряд ли располагала каким-нибудь более серьезным инструментом, чем похищенный украдкой кухонный нож.

— Но не могла же она спустить в трубу куски тела и кости, произошел бы засор! — с несвойственной ему горячностью воскликнул Мустафин.

— Не могла. Расчлененная п-плоть покинула усадьбу, разложенная по чемоданам и шляпным коробкам француза. Скажите, высоко ли от земли были расположены окна спальни?

Архип Гиацинтович прищурился, вспоминая:

— Не очень. Пожалуй, в человеческий рост. И выходили окна в сад, на лужайку.

— Значит, передача останков происходила именно ч-через окно. Судя по тому, что на подоконнике не осталось следов, Ренар снаружи передавал в комнату какую-то емкость, Анюта уносила ее в ванную, клала внутрь очередной кусок тела и передавала соучастнику. Когда же зловещая т-транспортировка была закончена, Полиньке осталось только ополоснуть ванну и смыть кровь с себя...

Лидии Николаевне очень хотелось выиграть пари, но во имя справедливости она не могла смолчать:

— Эраст Петрович, всё это очень складно — за исключением одного обстоятельства. Если Полинька совершила такую монструозную операцию, она непременно запачкала бы одежду, а кровь не так-то просто отстирать, в особенности если ты не прачка.

Это практическое замечание не столько озадачило, сколько сконфузило Фандорина. Кашлянув и потупив глаза, он тихо сказал:

— Я п-полагаю, что, прежде чем приступить к разделке т-трупа, княжна сняла с себя одежду. Всю...

Некоторые из дам ойкнули, а Молли Сапегина, бледнея, пролепетала:

— O mon Dieu...

Эраст Петрович, кажется, испугался, не приключится ли с кем обморока, и поспешно продолжил, перейдя на тон сухой научности:

— Вполне вероятно, что затяжное беспамятство мнимой Анюты было не симуляцией, а естественной реакцией психики на страшное п-потрясение.

Здесь все заговорили разом.

— Но ведь исчезла вовсе не Анюта, а Полинька! — вспомнил Сергей Ильич.

— Ах, да это просто Полинька нарисовала на щеке родинку,— нетерпеливо объяснила более сообразительная Лидия Николаевна, — вот все и приняли ее за Анюту!

Отставной лейб-медик Ступицын с этим суждением не согласился:

— Не может быть! Близкие люди умеют отлично различать двойняшек. Манера поведения, оттенки голоса, наконец, выражение глаз!

— Зачем вообще понадобилась подмена? — перебил лейб-медика генерал Липранди. — Зачем Полиньке понадобилось изображать, будто она Анюта?

Эраст Петрович дождался, пока поток вопросов и возражений иссякнет, и ответил всем по очереди:

— Если б исчезла Анюта, ваше превосходительство, то на Полиньку неминуемо пало бы подозрение, что она расправилась с сестрой из мести, и тогда следы убийства искали бы более т-тщательно. Это раз. Исчезновение влюбленной девушки одновременно с французом выводило на первый план версию, что это именно побег, а не преступление. Это два. Ну и, наконец, под видом Анюты она могла бы когда-нибудь в будущем выйти замуж за Ренара, не выдав себя задним числом. Очевидно, именно это и произошло в далеком Рио-де-Жанейро. Я уверен, что Полинька забралась так далеко от родины, чтобы спокойно соединиться с предметом своего обожания. — Коллежский асессор обернулся к лейб-медику. — Ваш аргумент относительно того, что близкие умеют различать двойняшек, вполне резонен. Однако обратите внимание на то, что домашний д-доктор Каракиных, которого обмануть уж во всяком случае было бы невозможно, незадолго перед тем умер. Кстати г-говоря, мнимая Анюта после роковой ночи изменилась самым решительным образом — словно стала д-другим человеком. Учитывая особенные обстоятельства, все сочли это естествен-

ным. На самом же деле преображение свершилось с Полинькой, но стоит ли удивляться тому, что в ней не осталось прежней живости и веселости?

— А смерть старого князя? — спросил Сергей Ильич. — Уж очень удобно вышло для преступницы.

— Весьма подозрительная смерть, — согласился Фандорин. — Вполне вероятно, что не обошлось без яду. Вскрытия, разумеется, не производили — отнесли внезапную кончину за счет отцовского горя и склонности к апоплексии, а между тем очень возможно, что после этакой ночи пустяк вроде отравления родного отца Полиньку бы уже не смутил. Впрочем, произвести эксгумацию не поздно и сейчас. Яд долго сохраняется в костных тканях.

— Держу пари, что князь был отравлен, — быстро произнесла Лидия Николаевна, обернувшись к Архипу Гиацинтовичу. Тот сделал вид, что не слышит.

— Изобретательная версия. И остроумная, — медленно проговорил Мустафин. — Однако нужно иметь слишком живое воображение, чтобы представить княжну Каракину в наряде Евы, разделывающую хлебным ножиком труп собственной сестры.

Снова все заговорили одновременно, с одинаковой горячностью отстаивая обе точки зрения, причем дамы в основном склонялись к версии Фандорина, а мужчины ее опровергали, почитая невероятной. Сам виновник спора в дискуссии участия не принимал, хотя слушал доводы сторон с большим интересом.

— Ах, да что же вы молчите! — воззвала к нему Лидия Николаевна. — Ведь он (показала она на Мустафина) спорит против очевидного, только чтоб заклад не отдавать! Скажите же ему. Приведите еще какое-нибудь основание, которое заставит его замолчать!

— Я жду, когда вернется ваш Матвей, — кротко ответил на это Эраст Петрович.

— А куда вы его послали?

— В генерал-губернаторскую канцелярию, на телеграфный пункт, он работает к-круглосуточно.

— Но ведь это на Тверской, в пяти минутах ходьбы, а миновало уже больше часа, — удивился кто-то.

— Матвею велено дождаться ответа, — пояснил чиновник особых поручений и вновь замолчал, а всеобщим вниманием завладел Архип Гиацинтович, который произнес обширную речь, доказывавшую совершенную невозможность версии Фандорина с точки зрения женской психологии.

В самом эффектном месте, когда Мустафин убедительно говорил об исконных свойствах женской натуры, которая стыдится наготы и не выносит вида крови, дверь тихо отворилась, и вошел долгожданный Матвей. Бесшумно ступая, приблизился к коллежскому асессору и с поклоном протянул листок.

Эраст Петрович развернул, прочел, кивнул. Хозяйка, внимательно наблюдавшая за лицом молодого человека, не утерпела и вместе со стулом придвинулась к нему поближе.

— Ну, что там? — шепнула она.

— Я был прав, — тоже шепотом ответил Фандорин.

В тот же миг Одинцова торжествующе перебила оратора:

— Хватит нести вздор, Архип Гиацинтович! Что вы можете понимать в женской натуре, вы и женаты-то никогда не были! У Эраста Петровича есть решительное доказательство!

Она взяла из рук коллежского асессора телеграфный бланк и пустила его по кругу.

Гости с недоумением прочли депешу, состоявшую всего из трех слов: «Да.Да.Нет».

«И это всё? Что это? Откуда?» — таков был общий тон вопросов.

— Телеграмма прислана из русской миссии в Б-бразилии, — стал объяснять Фандорин. — Видите дипломатический гриф? У нас в Москве ночь, а в Рио-де-Жанейро как раз присутствие. На это я и рассчитывал, когда велел Матвею дожидаться ответа. Что же до депеши, то

узнаю лаконичный стиль Карла Ивановича. Мое послание звучало так. Матвей, верните-ка листок, который я вам давал. — Эраст Петрович взял у лакея бумажку и прочел. — *«Карлуша, срочно сообщи следующее. Замужем ли проживающая в Бразилии российская подданная урожденная княжна Анна Каракина? Если да, то хром ли ее муж? И еще: есть ли у княжны на правой щеке родинка? Все это необходимо мне для пари. Фандорин».* Из ответа посланника явствует, что к-княжна вышла замуж за хромого и никакой родинки на щеке у нее нет. Зачем ей теперь родинка? В далекой Бразилии нет нужды прибегать к подобным ухищрениям. Как видите, дамы и господа, Полинька жива и благополучно вышла замуж за своего Ренара. У страшной сказки вполне идиллический конец. Кстати, отсутствие родинки лишний раз подтверждает, что Ренар был соучастником убийства и отлично знает, что женат именно на Полиньке, а не на Анюте.

— Так я велю послать за Караваджо, — с победительной улыбкой молвила Одинцова Архипу Гиацинтовичу.

ИЗ ЖИЗНИ ЩЕПОК

Кое-кому не повезло

Пять человек? Пожалуй, многовато для «сугубо конфиденциальной беседы» — вот первое, что подумалось Эрасту Петровичу, когда он вошел в кабинет главноуправляющего железнодорожной компании «Фон Мак и сыновья».

Коллежский асессор поклонился присутствующим и остановил взгляд на человеке, что сидел во главе стола. Это, несомненно, и был барон Сергей Леонардович фон Мак, к которому Фандорина отправило начальство для вышеупомянутой беседы. Следовало ожидать, что барон представит чиновника особых поручений остальным: лысому господину с угрюмой физиономией, заплаканной женщине в летах и двум молодым людям с одинаковыми, несколько рыбьими глазами (у Сергея Леонардовича были точно такие же — стало быть, братья). Все кроме лысого были в черном, а трое братьев фон Маков еще и с траурными повязками на рукаве.

Странно, но никаких представлений не последовало. В ответ на поклон глава предприятия лишь слегка кивнул и пояснил, адресуясь к угрюмому господину:

— Можете продолжать. Это... Свой человек в семье. Не имеет значения, — да еще рукой пренебрежительно махнул. — Прошу вас, господин Ванюхин. Вы начали рассказывать о Стерне.

Эраст Петрович не привык, чтобы на него махали рукой, будто на муху или комара, и чуть приподнял бровь, однако, услышав имя угрюмого господина, вернул бровь на место.

Ах, вот это кто. Сам Зосим Прокофьевич Ванюхин.

Об этом человеке Фандорин много слышал, но видел впервые и, честно сказать, испытал некоторое разочарование. Живая легенда сыска был похож на лакея из богатого, но не слишком бонтонного дома: голый череп с обеих сторон обрамлен довольно нелепыми бакенбардами, воротнички сияют белизной, но галстук явно перебрал по части пышности, да и жемчужная заколка с малиновым жилетом никак не сочетается. Однако что ж о человеке, да еще мужчине, судить по одежде? В свое время Ванюхин распутал немало запутанных дел. Шутка ли: простой хожалый, а дослужился до генерала, начальника петербургской уголовной полиции — всё благодаря природной смекалистости и бульдожьей хватке.

Взгляд у Ванюхина был цепкий. Колючие глазки так и впились в Фандорина.

— А позвольте поинтересоваться, где «свой человек» пребывал сего шестого числа? — спросил петербуржец, обращаясь к старшему из фон Маков.

Манера говорить у Зосима Прокофьевича была исключительно неприятная — ехидная, как бы заранее не дающая веры всему, что скажет собеседник. Ванюхин словно давал понять главноуправляющему: пускай ты магнат-размагнат и сто раз миллионщик, мне на это наплевать, для меня все люди одинаковы.

Хоть Фандорин и был врагом всякой невежливости, но эта демонстрация ему, пожалуй, понравилась. Видно, недаром рассказывают про Ванюхина, что человек он независимый и свое дело исполняет, невзирая на лица.

— Он только что приехал после длительной отлучки, — ответил следователю Сергей Леонардович, и Зосим Прокофьевич к вновь вошедшему интерес сразу утратил, даже имени не спросил.

— Засим продолжим, сказал Зосим, — не особенно изящно скаламбурил Ванюхин (судя по легкой гримаске, исказившей бесстрастное лицо управляющего, эта присказка прозвучала не в первый раз). — Ваш батюшка, а ваш, стало быть, супруг, — здесь следователь с преувеличенной уважительностью поклонился пожилой даме, — почувствовал себя скверно ночью с шестого на седьмое и час спустя уже был, как говорится, с ангелами на небеси.

Двое молодых людей возмущенно переглянулись, уязвленные интонацией следователя, один даже сделал порывистое движение, но Сергей Леонардович чуть нахмурил лоб, и младшие братья немедленно взяли себя в руки. Субординация в семье фон Маков, кажется, соблюдалась неукоснительно.

— Всего получасом позднее в своей двадцатирублевой квартирке испустил дух, в ужасных корчах, секретарь новопреставленного, некто Николай Стерн. В корчах, ибо доктора над сим малозначительным лицом не хлопотали, и никто его мук камфорою и прочими новейшими средствами не облегчал. — Следователь сделал паузу, обводя членов одного из богатейших семейств империи ироническим взглядом. — Засим мысленно перенесемся в контору вашего достопочтенного предприятия, то есть в то самое место, где мы нынче находимся. Ибо третий акт трагедии разыгрался здесь. Перед рассветом швейцар услыхал крики, доносившиеся из коридора, где мыл полы ночной уборщик Крупенников. Перед тем как испустить дух, сей несчастный имел с швейцаром непродолжительную беседу. Если только это возможно именовать беседой. Крупенников крикнул: «Нутро жгет! Мочи нет!» Швейцар спросил: «Чего несвежего покушал?» «Не снедал ишшо, — с видимым удовольствием изобразил Зосим Прокофьевич простонародный говор уборщика, —

только чайку барского духовитого хлебнул, с чайнику». И минуту спустя Крупенников присоединил свою душу к двум отлетевшим ранее.

Поскольку все эти обстоятельства Фандорину были уже известны (после разговора с генерал-губернатором он успел коротко ознакомиться с делом), молодой человек не столько слушал, сколько присматривался.

Старший сын покойного предпринимателя, унаследовавший дело, интересовал коллежского асессора более всего. Это был довольно красивый, молодой еще брюнет с правильными, но какими-то очень уж холодными чертами лица. Первоначальное суждение насчет «рыбьих» глаз Эраст Петрович был склонен переменить. Это у меньших братьев взгляд отливал белесоватой прибалтийской селедочностью, а у Сергея Леонардовича, пожалуй, мерцал не рыбьей чешуей, а сталью. Судя по этому блеску, предприятие отравленного магната попало в крепкие руки.

Двух младших фон Маков особенно разглядывать было нечего, юноши и юноши, а вот вдова Эрасту Петровичу понравилась: чувствовалось, что эта женщина способна и мужественно страдать, и женственно сострадать. Хорошее лицо.

Многое о семействе фон Маков объяснял и вид кабинета.

Отсюда на тысячи километров протянулась стальная паутина, по которой пульсировала кровь огромной державы; здесь обретался мозг, руководивший работой десятков тысяч людей; Бог весть, сколько миллионов рублей, франков и марок нащелкали костяшки бухгалтерских счетов, лежавших на этом столе, — а между тем, обстановка была самая простая, даже аскетическая. Всё необходимое (несгораемый шкаф, полки для бумаг, стол, несколько кресел и стульев; географические карты; новейший аппарат Белла) и ничего лишнего (ни картин, ни скульптур, ни ковров). Столь тщательно подчеркиваемое спартанство означало: мы деньги на пустяки не тратим, у нас каждая копейка должна работать. Идея для российского предпринимательства экзотическая, почти небывалая.

Однако что все-таки означал странный прием, оказанный чиновнику особых поручений?

Здесь Эрасту Петровичу пришлось вновь сосредоточиться на рассказе следователя, поскольку Ванюхин заговорил о результатах лабораторного исследования, очевидно, только что к нему поступивших.

— ...Засим, сказал Зосим, перейдем к чайнику, из которого уборщик так неудачно полакомился барским чайком. Хоть московская полиция и косолапа, но отдать чайник в лабораторию все же догадалась. На наше счастье, Крупенников был нерасторопен и помыть посудину еще не успел.

Эти слова сопровождались таким нехорошим взглядом, устремленным на старшего фон Мака, что Фандорин весь подобрался и тоже посмотрел на барона. Тот дернул краем рта, более ничем своих чувств не выдав.

— Почему вы всё ходите вокруг да около? — не выдержал самый юный из братьев, с черным пушком над верхней губой. — Что показало исследование чайника?

Ванюхин воззрился на юношу с величавым негодованием.

— Не забывайтесь, молодой человек! Родиться в семье толстосумов — это еще не заслуга. Вы разговариваете с действительным статским советником, кавалером Владимирской звезды! Это у вас в Москве молятся златому тельцу, а я ему не последователь, я, милостивый государь, *следователь*! Я прибыл сюда не по вашему мановению, а для сыска по делу о тройном убийстве! И злодея сыщу, *кем бы он ни был*, уж можете быть уверены!

Видно было, что Зосиму Прокофьевичу давно уже хотелось всё это проговорить: и про свой чин, и про звезду, и про следователя-последователя. Он, наверное, для того и испытывал терпение фон Маков, чтобы получить повод указать богачам их место, обозначить, кто здесь главный.

— Володя не желал вас обидеть, ваше превосходительство, — мягко произнесла дама. — Прошу вас, продолжайте.

Еще немного попыхтев, Ванюхин продолжил все тем же ядовитым тоном, по преимуществу глядя на Сергея Леонардовича:

— В чае с мятой обнаружен мышьяк. Отравитель обошелся без аристократичных цикут и цианидов. Между прочим, очень неглупо рассудил. Ведь мышьяк, в отличие от ядов более изысканных, продают в любой аптеке, а иногда даже в скобяных лавках. Чрезвычайно ходовой товар — как известно, крыс и мышей в городе насчитывается куда больше, чем двуногих жителей. Это, так сказать, соображение общего порядка. Далее перейду к фактам.

Следователь пошуршал бумажками, просматривая свои записи.

— Факт номер один: покойный барон вечером всегда пил чай с мятой, в одно и то же время.

— У Леона был больной желудок, мята успокаивала рези, — печально сказала вдова.

— И преступник отлично об этом знал, — подхватил Ванюхин. — Факт номер два: ровно в половине восьмого конторская горничная Марья Любакина подала в кабинет чайник. Это подтверждают сотрудники канцелярии, которые в тот день были удержаны сверхурочно. К девятому часу все ушли, в кабинете остались лишь управляющий и секретарь. По свидетельству швейцара, эти двое покинули здание почти одновременно, в половине одиннадцатого. Барон в карете, секретарь Стерн, разумеется, на своих двоих. Судя по чашкам, оставшимся на столе, управляющий с барского плеча угостил беднягу Стерна чаем. Вот уж воистину, минуй нас пуще всех печалей.

Здесь даже хладнокровный Сергей Леонардович не выдержал.

— Я прошу вас изменить тон, он оскорбителен, — опустив взгляд, глухо сказал наследник. — Отец был человеком неспесивым и к своим помощникам относился уважительно. Если в кабинет подали чай, разумеется, отец предложил и секретарю.

Это было сказано без вызова, но с таким достоинством, что даже старый волк Ванюхин немного присмирел.

— Пусть так. Выпили они чаю с мятой и мышьяком, разошлись, а остатки дохлебал несчастный болван Крупенников. Отравитель на подобный исход никак не рассчитывал. Если бы барон умер один, преступление наверняка сошло бы с рук. Ваш батюшка был человек нездоровый, приступы недомогания и рвоты случались с ним часто. Полиции бы и в голову не пришло усомниться в причине смерти. Но кое-кому здорово не повезло. Три смерти зараз! Такое даже здешней полиции покажется подозрительным, — вновь всадил шпильку в московских коллег петербуржец. — Что не стали умничать сами, а пригласили меня — похвально. Зосим Ванюхин свое дело знает. Одно умышленное смертоубийство и два неумышленных — это вечная каторга, — с нажимом произнес следователь, в упор глядя на Сергея Леонардовича. — Лес рубили — щепки полетели. Вот по этим-то щепкам я преступника и разыщу. Много времени не понадобится. От «кому выгодно» до «кто виноват» тропа короткая. Засим откланиваюсь. *Ненадолго.*

На этой зловещей ноте Ванюхин поднялся, склонил голову перед вдовой и вышел. Братьев фон Маков поклоном не удостоил, а на Фандорина даже и не взглянул.

Сугубо конфиденциальная беседа

К сему моменту Эраст Петрович уже решил для себя, что за дело не возьмется. Хоть грубость Ванюхина и оставила у коллежского асессора неприятный осадок, но понять Зосима Прокофьевича было можно. Очень богатые люди похожи на больных, страдающих каким-то малопристойным недугом. Им неловко перед окружающими, а окружающим неловко с ними. Вероятно, даже самые обычные человеческие чувства — любовь, дружба — для такого вот Сергея Леонардовича совершенно невозможны. В сердце у него всегда будет копошиться червячок: невеста не меня, а мои миллионы любит; товарищ не со мной, с моими железными дорогами дружит.

Ну и потом, что за отвратительное высокомерие? Князь Владимир Андреевич говорил, что молодой фон Мак очень просит, прямо-таки умоляет навестить его для сугубо конфиденциальной беседы. А он даже поздороваться не соизволил.

Фандорин чувствовал себя задетым и, едва за следователем закрылась дверь, тоже хотел молча повернуться и уйти (сесть коллежскому асессору так никто и не предложил).

Но новый главноуправляющий компании «Фон Мак и сыновья» предупредил его движение.

— Ради Бога, простите! — воскликнул он, поднявшись. — Я сейчас объясню мое странное поведение... Матушка, это тот самый господин Фандорин, из-за которого я ездил к губернатору. Эраст Петрович — моя мать Лидия Филаретовна, мои братья — Владимир и Александр.

Дама ласково улыбнулась, оба юноши вскочили, учтиво наклонили головы и снова сели.

— Прошу сюда, — показал глава компании на кресло подле себя. — Ах, если б вы знали, как я раскаиваюсь, что сразу не послушался совета Владимира Андреевича! Он мне еще на похоронах сказал: «На что вам впутывать в это дело Петербург? Попросите Фандорина, он разберется». Но мне непременно хотелось, чтобы делом занялся сам Ванюхин. О, как мало у нас в России можно верить репутациям!

Эраст Петрович прошел вдоль всего длинного стола, очевидно, предназначенного для служебных совещаний, и сел. Разглядев чиновника вблизи, Сергей Леонардович тревожно нахмурился.

— Но вы очень молоды для вашей должности! — недовольно заметил он (издали Фандорин, благодаря седым вискам, казался старше своих лет).

— Как и вы д-для вашей, — сухо ответил коллежский асессор, которому эта реплика пришлась не по нраву. — Вы намеревались мне что-то объяснить?

Барон смотрел на него оценивающим взглядом. Видно было, что смутить этого человека непросто.

— ...Ну что ж, — наконец молвил он, кажется, приняв решение. — Попробуем. Князь обещал, что сможет предоставить вас в мое распоряжение на неограниченное время...

У Фандорина чуть порозовели щеки. В беседе со своим помощником генерал-губернатор, правда, выразился деликатнее, но сути дела это не меняло: коллежского асессора именно что «предоставили в распоряжение» этому богачу.

Первая же неучтивость, первый же признак высокомерия — и откланяюсь, сказал себе чиновник особых поручений. Пускай фон Маки дали сто тысяч на Храм и основали два приюта, это еще не причина, чтобы государственный служитель был на побегушках у денежного мешка.

Но главноуправляющий был нисколько не высокомерен — лишь деловит и очень встревожен.

— Я не стал привлекать внимание к вашей персоне, чтобы вы имели возможность спокойно понаблюдать за следователем и составить суждение о его действиях. Есть и еще одна причина, но о ней позже. Итак, что вы скажете о действительном статском советнике Ванюхине?

В упоминании о чине Зосима Прокофьевича, пожалуй, прозвучала ироническая нотка, но лицо барона осталось хмурым.

Фандорин не очень охотно начал:

— Когда-то господин Ванюхин, вероятно, был неплохим сыщиком, но его т-таланты остались в прошлом. Это раз. Слишком самоуверен, что ограничивает поле зрения. Это два. Он уже выбрал основную версию, на другие отвлекаться не намерен. Это три. Версия для вас крайне неприятна. Это четыре.

— Что отца отравил я, из видов на наследство? — кивнул Сергей Леонардович, переглянувшись с родными. — М-да... Нам очень нужна ваша помощь, Фандорин.

— Чтобы я помог снять с вас п-подозрение?

Старший фон Мак поморщился:

— Да нет же. Меня беспокоят не подозрения Ванюхина, а то, что следствие идет по неверному пути. В конце концов он откажется от идеи, которая кажется ему такой логичной, но будет поздно.

— Я не с-совсем вас понимаю. В каком смысле «поздно»? Вы хотите сказать, что истинный виновник уйдет от наказания?

— Ах, опять вы не о том! — в голосе барона зазвучала досада. — Виновника, конечно, покарать нужно, этого требуют закон и интересы общества. Но главное здесь другое!

— Что же?

— Business, — жестко сказал Сергей Леонардович. — Жаль, что у нас в языке нет этого слова, «дело» звучит слишком высокопарно. Мой отец жил на свете ради business, а я его сын. Мы, фон Маки, все таковы.

Младшие братья одинаково выпятили нижнюю челюсть и насупили брови, а вдова вздохнула и перекрестилась.

Определенно, быть чересчур богатым нездорово для ума и сердца, вновь подумал Фандорин. Вслух же спросил:

— Правильно ли я понимаю, что у вас есть иная версия случившегося?

— Да. И я говорил о ней Ванюхину, но он сказал: «Хотите меня использовать, чтобы бросить тень на конкурента? Не на дурачка напали».

Барон поднялся и подошел к карте, занимавшей чуть не всю стену.

— Конкуренция в железнодорожном business нашей империи жесточайшая. Рельсы, шпалы, локомотивы, станции, мосты — вот то, на чем сегодня создаются и лопаются огромные состояния. Вы только взгляните! Какое поле деятельности! Какие возможности! Куда там американцам с их Trans-American против России. Чудо, а не страна! Сколько тысяч километров пути можно по ней проложить!

Оказывается, Россию можно любить еще и за это, удивился Эраст Петрович, глядя, как нежно рука фон Мака поглаживает Урал, Оренбургские степи и Сибирь.

— Ради получения подрядов дают миллионные взятки, шпионят друг за другом, а если понадобится, то и... — Сергей Леонардович красноречиво провел пальцем по горлу. — Отец всегда говорил: «Business — это война, а компания — армия». Добавлю от себя: гибель полководца в разгар сражения — почти всегда разгром... Ну, а теперь от преамбулы к делу. Сейчас в правительстве решается, кому достанется подряд на строительство Юго-Восточной линии. Смета — 38 миллионов! Даже для нашей компании это дело огромной важности, а уж для Мосолова просто вопрос жизни и смерти.

— Мосолов — это кто? — переспросил Фандорин, плохо знавший предпринимательские круги.

— Наш основной конкурент. Владелец «Пароходного товарищества», старейшей железнодорожной компании.

— А при чем тут п-пароходы, если компания железнодорожная?

— Раньше, когда дело только создавалось, говорили не «паровоз», а «пароход», — терпеливо пояснил профану барон. — Помните, у Глинки?

И вдруг пропел хорошо поставленным, очень приятным голосом:

Дым столбом, кипит, дымится пароход.
Быстрота, разгул, волненье, ожиданье, нетерпенье...
Веселится и ликует весь народ,
И быстрее, шибче воли
Поезд мчится в чистом поле...

— П-помню, — кивнул несколько оторопевший чиновник — он никак не ожидал, что стальной Сергей Леонардович способен музицировать.

— «Пароходное товарищество» по уши в долгах и займах. Если Мосолов сейчас не получит эти 38 миллионов, всё его дело рассыплется, как карточный домик, а сам он окажется под судом... Будь жив отец, юго-восточный подряд был бы наш, это уже почти решилось. Но теперь все меняется! Против отца Мосолов был как Моська против слона. Нынче слон — Мосолов, а Моська — я. Кто доверит человеку моего возраста и опыта такое дело —

особенно, когда есть Мосолов? «Пароходное товарищество» может торжествовать, оно спасено.

— И вы полагаете, что г-господин Мосолов из-за подряда мог отравить вашего отца?

— Не сам, конечно. Кто-то в нашей канцелярии состоит у Мосолова на жалованье. Это обычная практика, у нас в «Пароходном товариществе» тоже есть... человечек. Нехорошо, конечно, но иначе в серьезном business нельзя. Кто больше знает о конкуренте, тот и выигрывает. Осведомителям платят очень большие деньги. А в исключительных случаях, вроде истории с юго-восточным подрядом, можно потребовать от такого человека и *исключительных* услуг. Надо полагать, за столь же исключительное вознаграждение. Я уверен: кто-то из наших самых близких сотрудников подсыпал в чайник мышьяку. Круг этот очень узок. Отец терпеть не мог помпезности и многолюдства. В канцелярии постоянно находится всего несколько человек. Никто кроме них проникнуть в этот кабинет не мог.

— Интересно, — молвил Эраст Петрович, позабыв, что собирался как можно скорей откланяться.

— А уж мне-то как интересно! — На чеканном лице фон Мака заходили желваки. — Итак, мотив преступления известен, вдохновитель тоже, подозреваемые наперечет. Ваша задача определить исполнителя и доказать его связь с «Пароходным товариществом». Тогда правосудие восторжествует, а подряд достанется нам. Адвокаты, конечно, начнут долгую волокиту, но никто не доверит Мосолову — человеку, обвиняемому в убийстве, важное государственное дело. Беда, что времени мало, до конкурса остается всего неделя. Негодяй знал, когда нанести удар!

Барон замолчал и вдруг спросил одного из братьев — того, что постарше:

— Саша, у тебя студенческий мундир сохранился?

— Так точно, — по-военному ответил Александр.

— Привезешь по адресу, который укажет господин Фандорин. Не со слугой отправишь, а сам.

— Сделаю.

В самом деле, похоже на армию, подумал Эраст Петрович. Главнокомандующий убит, но войска сплотились вокруг нового полководца и готовы выполнить любой приказ.

— З-зачем мне мундир Александра Леонардовича?

— У вас сходная комплекция. Думаю, придется впору. Это даже хорошо, что вы так молоды. У нас часто проходят практику студенты Института инженеров путей сообщения.

Коллежский асессор понимающе наклонил голову.

— Вы хотите, чтобы я попал в канцелярию под видом практиканта. Поэтому и не стали представлять меня следователю.

— Удобно иметь дело с умным человеком. — Барон слегка улыбнулся. — Не приходится тратить время на лишние объяснения. Предположим, вы Сашин однокурсник. Знакомитесь с делопроизводством. В нашей компании это заведено. Например, каждый из нас должен был пройти всю служебную цепочку, с самого низа, чтобы иметь представление о том, как работает вся система. Я начинал в семнадцать лет кочегаром. Володя сейчас водит поезда. Саша уже дослужился до начальника станции. Вы же поработаете моим секретарем. Вместо покойного Стерна. Согласны?

Эраст Петрович молчал. Дело представлялось любопытным, однако он не привык, чтобы ему указывали, как должно действовать.

Фон Мак понял молчание чиновника по-своему.

— Разумеется, в случае успеха вы получите вознаграждение. По цепочке «брегета» и золотым запонкам я вижу, что вы человек небедный, но даже вам премия покажется колоссальной.

— Лицо, состоящее на государственной службе, не может получать вознаграждение от ч-частного предпринимателя, — объяснил коллежский асессор, но главноуправляющий на это лишь усмехнулся.

— Если б все чиновники думали, как вы, у нас была бы другая страна. Я, может быть, напрасно не назвал сумму? Если компания «Фон Мак и сыновья» получит юго-восточный подряд... Даже не так. Если вы в течение недели найдете убийцу и доказательно раскроете всю подоплеку преступления, я буду иметь удовольствие вручить вам сумму, равную одному проценту от стоимости контракта.

Лицо Фандорина не изменилось, и Сергей Леонардович счел нужным пояснить:

— Один процент от 38 миллионов это *триста восемьдесят тысяч*. Думаю, таких денег еще ни один сыщик не получал. Притом ведь речь идет не о взятке, а о вознаграждении за работу

Ответом на столь неслыханную щедрость был тяжкий вздох. Во взгляде чиновника особых поручений появилось выражение тоски.

— Вы сомневаетесь? — Барон обиженно пожал плечами. — Слово фон Мака твердое. В конце концов я могу дать вам письменное...

Здесь главу компании впервые перебили.

— Сережа, помолчи, — сказала Лидия Филаретовна. — Ты всё испортишь. Эраст Петрович не возьмет денег, сколько бы ты ни предложил.

Чиновник поглядел на матрону с интересом. Очень возможно, что истинным главой предприятия является не стальной Сергей Леонардович, а его мудрая матушка.

— Так вы отказываетесь? — упавшим голосом спросил главноуправляющий.

— Нет, я берусь за это дело. Только учтите: мне нет дела до вашего подряда, и уложиться в одну неделю я не обещаю. Однако убийца трех человек должен быть выявлен и арестован.

Плач на лестнице

Контора компании «Фон Мак и сыновья» занимала неброский особняк, расположенный в удобной, но не слишком презентабельной близости от Каланчевской площади, куда сходились три важнейшие железнодорожные магистрали: Николаевская, Рязанская и Ярославская.

Дом, похожий на привокзальную гостиничку средней руки, стоял на грязной улице с выщербленной булыжной мостовой, воздух здесь был весь пропитан тяжелым запахом мазута и паровозной гари. Зато внутри конторы царили чистота и аккуратность, правда, при категорическом отсутствии какой-либо декоративности: ни картинок на стенах, ни гераней на подоконниках.

Весь первый этаж представлял собой одну залу с тремя десятками столов, над каждым из которых торчала табличка с названием той или иной железнодорожной дистанции. Служащие корпели над бумагами, писали что-то в конторских книгах, на Фандорина если и взглядывали, то безо всякого интереса. Очевидно, к практикантам в студенческом мундире здесь привыкли.

В маленьком открытом отсеке на лестничной площадке между первым этажом и мезонином разместился телеграфный пункт с несколькими аппаратами. Все они стрекотали как заведенные.

Еще выше находилась канцелярия главноуправляющего, куда и держал путь Эраст Петрович. Поскольку накануне вечером он уже побывал в этой святая святых, дорога была ему известна: подняться еще на два пролета и пройти за обитую кожей дверь.

Но перед самой дверью коллежский асессор был вынужден остановиться. Сквозь приоткрытую щель доносились всхлипы и вздохи — там кто-то плакал.

— Чего реветь-то? — донесся резкий мужской голос. — Сами говорили, что не любите, а теперь нате пожалуйста. Врали, что ли?

Шумное сморкание.

.Тот же голос с грубоватой заботой произнес:

— Платок возьмите, ваш вымок весь... Э, Мавра Лукинишна, ничего вы его не любили. Три дня после похорон, а вы вон уж на этюды собрались. Это я не в осуждение говорю, совсем напротив. Ненавижу притворство. Коли не любили, так нечего и сырость разводить. Было бы из-за кого, а то из-за Стерна. Тьфу!

Здесь Фандорин, начавший было деликатно пятиться назад, замер и стал прислушиваться.

— Перестаньте, это гадко! Сами вы «тьфу»... И потом, я не по Стерну плачу... — гнусаво ответил девичий голос. — Не только по нему. Парижа жалко. У-у-у...

И снова раздались рыдания.

— Дался вам этот Париж! Да коли бы у меня были деньги...

— Мерси, — прервала мужчину плакавшая, — но вашей супругой я не стану. Что я, ландриновый леденец, что ли? Охота была менять шило на мыло.

И засмеялась, обнаружив способность мгновенно переходить от скорби к веселости.

Решив, что теперь можно, Эраст Петрович пошумнее шагнул на последнюю ступеньку и распахнул дверь.

На него воззрились двое: барышня в широкополой соломенной шляпе, с деревянным этюдником через плечо, и высокий, чубатый мужчина с нервным выражением угловатого лица.

Девушка была премилая. Верней, тут уместней было бы иное определение: хорошенькая — да, но, пожалуй, без милоты — слишком острый и прямой взгляд, упрямство и решительность в рисунке рта.

Красивая, бойкая, с характером, определил Эраст Петрович.

— Прошу извинить, как бы мне попасть в канцелярию? — с подобающей практиканту застенчивостью спросил он.

— Да вам точно ли канцелярия нужна? — Мужчина оглядел его с головы до ног. — Может быть, вам в конто-

ру? Тогда напрасно изволили затрудниться — это внизу. Ежели вы насчет практики, то ступайте к Кронбергу. Такой крысеныш в пенсне, подле окна сидит, как спуститесь, налево.

— Нет, мне надобно к господину барону. Я взят на место секретаря, временно... Померанцев, Павел Матвеевич.

Так звали действительно существовавшего однокашника Александра фон Мака (на случай, если мосоловским вздумается проверить). В имени коллежский асессор ни разу не споткнулся, хотя оно изобиловало трудными звуками «п» и «м». Поразительно, но стоило Эрасту Петровичу в ходе какого-либо расследования преобразиться в иной персонаж, и проклятое заикание бесследно исчезало. Впрочем, он давно уже к этому феномену привык и не удивлялся.

— Ландринов, машинист «Ремингтона», — представился лохматый, не предлагая руки. — Это не паровоз, а подобие настольной типографии.

Фандорин хотел сказать, что знает (у него самого дома имелась пишущая машина «Ремингтон», шедевр технического прогресса), но барышня вмешалась в разговор:

— Какое у вас интересное лицо! И эти виски! Они такие от рождения? Послушайте, я хочу вас написать.

— Чего тут интересного? — засердился Ландринов. — До седых волос дожил, а все студент. Вам сколько лет, сударь?

Эраст Петрович конфузливо развел руками:

— Уже двадцать семь. Я из вечных студентов. Денег, знаете ли, недостает. Год отучишься, потом год служишь где-нибудь. Поднакопишь немного средств — снова учишься...

— Ну, коли вы тут целый год прослужите, мы будем часто видеться, — сказала девушка. — Так что подумайте насчет портрета. У меня маслом хорошо выходит. Я — Мавра. Без отчества. Просто Мавра и всё.

В самом деле, похожа на мавра, подумал Эраст Петрович. На мавра-альбиноса: припухлый рот, вздернутый

носик, вьющиеся светлые волосы. Не зря в Японии говорят, что имя — это судьба. Как человека нарекут, таким он и будет.

Девушка протянула руку — не для поцелуя, а лопаточкой. Сжала ладонь коллежского асессора тонкими, но на удивление сильными пальцами и, поправив на плече лямку этюдника, ушла вниз по лестнице.

— Что взглядом провожаете? Хороша? — с деланной небрежностью спросил ремингтонист.

Фандорин оставил вопрос без ответа. Невежливые люди хороши тем, что с ними самими можно тоже не церемониться.

— Поднимаясь по лестнице, я слышал женский плач. Что-то произошло?

Ландринов покривился:

— Поревела немножко. У нас тут история приключилась... Ну да вы, конечно, слышали.

— Вы про смерть Леонарда фон Мака?

— Да, извели-таки старого паука. Яду в чайник подсыпали.

В голосе ремингтониста не слышалось и тени сожаления — такой уж, видно, человек: один у него «тьфу», другой крысеныш, третий паук.

— Кто же это его? — шепотом спросил Эраст Петрович.

— Не нашего ума дело. У больших хищников и враги большие. Им есть что делить. Стоял дуб-великан, да и рухнул. Заодно пару муравьев придавил, ну да кому до них, козявок, дело?

Коллежский асессор изобразил непонимание.

Ландринов зло хохотнул:

— Само собой, вы и не слыхали. Кроме фон Мака еще двое отравились, но до мелюзги никому дела нет. Мужик-уборщик и еще некий Стерн, жених Мавры Лукинишны. Между нами, дрянь был человечишка. Чем невесту себе добыл, знаете? Фамилией да Парижем.

Тут уж Эраст Петрович и вправду не понял.

— Простите?

— Мавре Лукинишне ее фамилия не нравится — Сердюк.

— Почему?

— Вот и я ей говорю. Фамилия как фамилия, а она страдает. Говорит: кем в России может стать женщина, если ее зовут Мавра Лукинишна Сердюк? Лавочницей? Купчихой? Ну самое лучшее — акушеркой. А она мечтает быть художницей. Ну Стерн, скотина, и воспользовался. Ему недавно наследство досталось, от тетки. Не такое и большое, тысячонок пять, но он сразу к Мавре, свататься. Уедем в Париж, говорит, там сейчас все самоглавнейшие художники проживают. И имя у вас будет красивое: мадам Стерн. Она, дурочка, и клюнула. Только Бог иначе рассудил. Не будет ей ни фамилии, ни Парижа.

В голосе ремингтониста прозвучало явное удовлетворение. Экий мизантроп, подумал Эраст Петрович. То-то у него цвет лица в желтизну, это от разлития желчи.

— А зачем Мавра Лукинишна пришла в канцелярию? Должно быть, за воспомоществованием в связи со смертью жениха?

Ландринов хмыкнул.

— Как же, дождешься у фон Маков воспомоществования. К папаше она ходит, он у нас старшим письмоводителем. Завтрак ему носит, обед. У них квартира казенная, тут рядом.

Он все разглядывал Фандорина, никак не мог успокоиться:

— Нет, что она в вас все-таки нашла? Ни стати, ни румянца, да еще виски седые. Рост разве. Ну так и я нисколько не ниже. Мне-то ни разу не предлагала портрет писать! ...Ладно, пойдемте, провожу. Тут коридорчиком, а потом сразу налево.

Вчера вечером, когда коллежский асессор встречался с фон Маками, в канцелярии было пусто — присутствие уже закончилось. Сейчас же в просторной комнате с низким потолком находились четыре человека: старик в потертых нарукавниках и благостный молодой человек сидели за письменными столами; в углу в кресле дремал

какой-то усач; у противоположной двери стояла и зевала краснощекая молодка.

Требовалось разобраться, кто тут кто, и установить лиц, имевших возможность подсыпать в чайник отраву.

Скучная жизнь

На это и ушел весь день. Конечно, не на знакомство с сослуживцами (оно не заняло и пяти минут), а на осторожное, мимоходом, выведывание, кто где был и что делал в роковой вторник шестого сентября.

Алиби не оказалось ни у кого.

Желчный Ландринов по роду своих занятий носил в кабинет главноуправляющего свежеотпечатанные листки и, если патрона на месте не было, просто клал их на стол. Значит, мог подобраться и к чайнику.

По соседству с громоздким «ремингтоном», наполняющим своим лязгом всю комнату, находился стол младшего письмоводителя, того самого молодого человека с благостной миной на лице. Звали его Таисием Заусенцевым. Он несся в кабинет всякий раз, когда раздавался электрический звонок. Возвращался с какими-то бумагами, которые переправлял вниз, в контору. Мог ли Таисий Заусенцев положить мышьяк в чайник, пока патрон, предположим, подписывал документ или говорил по телефонному аппарату? Не исключено.

Усач, что в момент появления «практиканта» дремал в кресле, оказался не служащим канцелярии, а камердинером Федотом Федотовичем. Обслуживал прежнего управляющего, остался и при новом. У него на маленьком столике имелся собственный звонок, по которому Федот Федотович шел в кабинет сервировать стол для завтрака, подавать пальто и по прочим подобным надобностям. В остальное время просто сидел и читал газету либо подремывал. Фандорин, однако, заметил, что, даже мирно посапывая, камердинер то и дело позыркивал одним глазом из-под сомкнутых ресниц по комнате. А канцеляр-

ские, если вдруг возникал разговор на какую-нибудь неслужебную тему, понижали голоса и оглядывались на кресло. Фигурант? Безусловно.

Особого внимания заслуживала кухарка Муся — та самая Марья Любакина, что подала покойному злополучный чайник. Эта крепкая молодая баба постоянно находилась в особом закутке, примыкавшем к канцелярии. В обязанности кухарки входило готовить для прежнего управляющего, который страдал желудочной болезнью, какие-то особые протертые каши и напитки. Сергей Леонардович, в диетическом питании не нуждавшийся, намеревался отказаться от ее услуг, но Эраст Петрович попросил пока этого не делать. Муся маялась бездельем и почти все время торчала в дверях, глазея на мужчин.

Наконец, пятым подозреваемым следовало признать начальника канцелярии старшего письмоводителя Луку Львовича Сердюка, отца художницы. Этот только и делал, что сновал из канцелярии в начальственный чертог и обратно. Наблюдая за Лукой Львовичем, коллежский асессор вновь подивился тому, насколько имя подчас соответствует своему обладателю. Голова старшего письмоводителя, сужающаяся кверху и с седым хохолком на макушке, в самом деле, удивительно напоминала луковку. Интересно было бы взглянуть на родителя этого господина, подумалось коллежскому асессору. Неужто он походил на льва?

Пустые мысли подобного рода стали одолевать Эраста Петровича вследствие ужасной монотонности занятий и какой-то пыльной скуки, которой было пропитано всё это помещение. Никакого настоящего дела у фальшивого секретаря не имелось — перекладывал бумажки на столе да с озабоченным видом рисовал в блокноте иероглифы. Раза три наведался к барону, якобы по работе, на самом же деле Сергею Леонардовичу не терпелось узнать, к каким выводам склоняется чиновник. За неимением таковых «секретаря» отпускали обратно в канцелярию. Он разглядывал пустые странички, заводил осторожный разговор то с одним, то с другим. Время ползло еле-еле.

К отрадным результатам дня следовало отнести то, что этими пятью лицами круг подозреваемых совершенно исчерпывался. В канцелярию заходили курьеры и телеграфисты, к Федоту Федотовичу наведались баронов кучер и лакей с записочкой из дома, но всех их в расчет можно было не принимать, поскольку ни в кабинет, ни в Мусину кухоньку никто из пришлых проскользнуть не мог.

Определившись с фигурантами, Эраст Петрович приступил к психологическим наблюдениям.

Старший письмоводитель. Гоголевский Акакий Акакиевич — в чистом виде. Хоть и начальник, никакого трепета у подчиненных не вызывает. Робок. Мелочен. Скуп. Трудно вообразить этого постного, тишайшего человечка в роли отравителя, но в тихом омуте известно кто водится.

Ремингтонист. Человек с явно нездоровыми нервами — раздражителен, сварлив. Зато превосходный работник, отлично управляется со своим громоздким аппаратом. В отличие от Сердюка и Заусенцева говорит, не понижая голоса.

Камердинер Федот Федотович. Слова в разговор вставляет редко и не для смыслу, а для солидности. Газету тоже листает для форса — неграмотен. Когда не притворяется спящим, а засыпает по-настоящему, концы усов начинают ритмично шевелиться. Оба письмоводителя его побаиваются.

Таисий Заусенцев. Все кроме Ландринова, даже кухарка, называют его «Тасенькой». Он тоже обращается к ним на свой манер, с подсюсюкиванием: Лукушка Львович, Федотик Федотович, Мусенька Пантелеевна. Услужлив: подал Сердюку упавшую резинку, сдул с плеча ремингтониста соринку: «Ландринушка, к вам нечистота прилипла». Ландринов шикнул: «Пссть!» — и молодой человек, хихикнув, грациозно упорхнул. Из примечательного: прячет между страниц отрывного календаря зеркальце, время от времени на себя любуется.

Кухарка. Когда от скуки затеяла подавать канцеляристам чай, бухала стаканами об стол и всем видом изобра-

жала оскорбленное достоинство. Бормотала под нос, довольно громко, что раньше обслуживала «самого», а теперь вынуждена «себя ронять». Кажется, чрезвычайно глупая женщина. А может быть, наоборот — исключительно умная?

Фандорину, привыкшему к совсем иному существованию, жизнь канцелярии показалась странной и интригующей. С одной стороны, будто и вовсе не жизнь, а какое-то сонное болото. Но эмоций под этой затянутой ряской поверхностью таилось не меньше, чем на светском балу, в кулуарах власти или на каком-нибудь дипломатическом конгрессе. Переживания униженной Муси по силе вряд ли уступали терзаниям императрицы Жозефины, брошенной Наполеоном. Газета Федота Федотовича заставляла вспомнить о знаменитом незрячем глазе, к которому Кутузов приставлял подзорную трубу во время Бородинской баталии. Филиппика, которой разразился Сердюк по поводу «некоторых особ, не умеющих экономно расходовать скрепки», отличалась неподдельным чувством. Кошачий, неуловимый взгляд сладкого Тасеньки таил в себе загадку. Ненавидящий вся и всех Ландринов дал бы сто очков вперед античному человеконенавистнику Калигуле. А ведь кто-то из них, не будем забывать, еще и уподобился Цезарю Борджиа.

От безделья и созерцательности Эраста Петровича повело на философствование.

Ох, заблуждается сердобольная русская литература, Николай Васильевич да Федор Михайлович, по поводу «маленьких людей». Таковых на свете нет и быть не может. Не жалеть надо Акакия Акакиевича с Макаром Девушкиным, не слезы над ними лить, а отнестись с уважением и вниманием. Ей-богу, всякий человек того заслуживает. Чем он тише и незаметнее, тем глубже в нем спрятана тайна.

Почему, например, никто из конторских не проявляет любопытства к новому человеку? Все кроме ремингтониста держатся с «секретарем» вежливо и от вопросов

не уклоняются, но сами ни о чем не спрашивают. Робеют, стесняются? Или здесь что-то другое?

Ну, а как понять абсолютное молчание по поводу ужасной драмы, приключившейся здесь в прошлый четверг? Фандорин попробовал заговорить об отравлениях с одним письмоводителем, с другим, но у каждого немедленно сыскалось срочное дело за пределами комнаты; камердинер старательно захрапел, а Муся отступила в кухню. Один Ландринов ретироваться не стал, буркнул: «Отстаньте, а? Не мешайте работать!».

Но ровно в час дня болотную мглу будто рассеяло яркое солнце — это Мавра принесла отцу обед. Все немедленно оживились, зашевелились. Каждый достал прихваченную из дому снедь, а Муся подлила чаю, уже нисколько не ворча.

Как-то само собою образовалось, что все повернулись к столу старшего письмоводителя, кушавшего котлетку с вареным яичком и домашние пирожки. Ландринов жевал хлеб с дешевой колбасой, Тасенька пил бульон из термической фляги, Федот Федотович ничего не ел (очевидно, считал ниже своего достоинства), но тоже слушал Маврину трескотню с видимым удовольствием.

— ...Я репродукцию видела — «Завтрак на траве» называется! Когда эту картину выставили напоказ, весь Париж был фраппирован. Одно дело — обнаженные нимфы или одалиски, а тут двое современных мужчин, скатерть с бутылками и рядом, как ни в чем не бывало, совершенно голая мадам, чуть подальше — еще одна. — Барышня схватила со стола первый попавшийся листок, перевернула и стала набрасывать карандашом расположение фигур. — Пикник за городом. А женщины, натурально, легкого поведения. Какой эпатаж!

— Гадость, — перекрестился Лука Львович, поглядев на рисунок, и вдруг заполошился. — Ты что, ты что! На отчете по Саратовско-Самарскому радиусу!

— Ничего страшного, Лукочка Львович, — подлетел Тасенька. — Дайте я сотру, не видно будет. Вы рисуйте,

Маврочка Лукинишна, сколько пожелаете. У меня резинка австрийская, мне подтереть не трудно-с.

Ландринов отпихнул младшего письмоводителя, забрал листок себе.

—Я тебе сотру! Дай сюда. Возьму на память, а отчет я сызнова перепечатаю.

— Как художника зовут, не запомнила, но в Париже его все-превсе знают, — мечтательно произнесла Мавра. — Ах, ничего бы не пожалела, только б к нему в ученицы попасть!

— Это невозможно... — начал со своего места Фандорин, желая сказать, что Эдуар Манэ уже несколько месяцев, как умер, но порывистая девушка не дослушала — горестно махнула рукой.

— Да знаю я, знаю! Какой мне Париж! Право, уж и помечать не дадите.

Но посмотрела на «практиканта» безо всякой досады, даже улыбнулась.

— Позировать не надумали?

А сама уже что-то набрасывала на новом листке — отец только охнул.

— Когда же? — улыбнулся и Эраст Петрович. — Я ведь на службе.

— Это ничего. Вы работайте, я в уголке сяду. Тут уже все привыкли. Я и папеньку писала, и Мусю. Завтра мольберт принесу. Только вы в мундире приходите, как нынче. Черное с серебряным шитьем к вам идет.

Когда барышня упорхнула, в комнате снова будто потемнело. Тоскливо заскрипели перья, залязгал «ремингтон», камердинер накрылся «Московскими ведомостями» и уснул.

А Эраст Петрович пришел к новому философическому умозаключению: хорошенькие, резвые девушки — чудо Господне, нисколько не меньшее, чем неопалимая купина или расступившиеся воды Чермного моря. Как изменяются мужчины и самое жизнь, когда рядом окажется такая вот Мавра Лукинишна! А нет ее — и сидят все будто в сумерках.

Во второй половине присутствия сделалось совсем тяжко, время двигалось еле-еле.

Единственным событием, внесшим некоторое оживление в рутину, было явление узкоглазого азиата в малиновой ливрее и фуражке с надписью «Пароходное товарищество». Он принес записку лично для главноуправляющего и был торжественно сопровожден камердинером в кабинет.

— Мосолов-то вовсе с ума съехал. Китайцев в рассыльные набирает, — прошептал Лука Львович.

— А давеча от них глухонемой приходил, — хихикнул Тасенька. — Сказать ничего не может, только «му» да «му». Телок, да и только.

Муся закисла от смеха — это ее сравнение с телком развеселило.

Посудачить, впрочем, не успели. Азиат пробыл у Сергея Леонардовича не долее чем полминуты. Очевидно, записка ответа не требовала.

— Ты какого роду-племени, чучело? — спросил рассыльного грубый Ландринов.

Мосоловский рассыльный ничего не ответил. Только обвел всех присутствующих немигающими глазками и пошел прочь.

Азиата пообсуждали минут пять, потом снова затихли.

В самом конце дня Фандорин зашел к барону.

— Ну что? — спросил тот. — Дело движется?

Коллежский асессор неопределенно пожал плечами, на которых поблескивали погончики Императорского института инженеров путей сообщения.

— А мне доставили записку от Мосолова. Полюбуйтесь.

Фандорин взял измятую страничку (очевидно, скомканную в сердцах, а после снова расправленную).

В нескольких небрежно набросанных строках глава «Пароходного товарищества» предлагал «милостивому государю Сергею Леонардовичу» отступиться от «известной

затеи», поскольку из этого «ничего кроме конфуза воспоследовать не может».

Барону изменила обычная сдержанность.

— Уверен в победе, подлец! Сколько вам еще понадобится времени, Фандорин?

— Не знаю, — хладнокровно ответил чиновник, возвращая листок.

— Что в канцелярии? Судачат? Об отце сожалеют или нет?

«Я вам в осведомители не нанимался», хотел осадить магната Эраст Петрович, но поглядел на траурную ленту, которой был обвязан рукав баронова сюртука, и от прямой резкости воздержался.

— У вас в канцелярии посторонние разговоры не заведены. Все служащие работают не разгибаясь, как невольники на плантации.

— Мне слышится в вашем тоне осуждение? — Сергей Леонардович скрестил на груди руки. — Да, в компании «Фон Мак» безделье не поощряется. Зато наши служащие получают жалованье в полтора раза больше мосоловских. Если кто заболел — оплачиваем лечение. Кто проработал десять лет без нареканий и штрафов, получает бесплатную квартиру. Двадцать пять лет выслуги — право на пенсию. Где еще в России вы сыщете такие условия?

В самом деле, условия были редкостные. Несколько помягчев, Фандорин сказал:

— Это всё для живых, кто еще может быть вам полезен. А если невольник приказал долго жить? У Крупенникова, как мне сказали, семья. У Стерна, кажется, родных нет, но осталась невеста. Она собиралась в Париж, учиться живописи. Теперь мечтам конец.

— Послушайте, господин коллежский асессор, — ледяным голосом произнес фон Мак. — Вы что, из филантропического общества? Обещались найти отравителя — так держите слово, а в мои отношения со служащими не встревайте.

На том и расстались.

Ради полного погружения в жизнь заурядного конторского служителя Эраст Петрович снял паршивую комнатенку близ Красных ворот, существовать же постановил на полтинник в день (в обычной жизни столько стоила самая тонкая сигара из тех, что курил чиновник особых поручений).

Когда-то, в годы нищей юности, этой суммы ему хватило бы с избытком, но, как известно, от плохого отвыкаешь быстро. Обходиться малым — тоже искусство. Без каждодневных упражнений оно забывается.

В лавке Эраст Петрович ужасно долго не мог выбрать, какую взять провизию. В конце концов купил на тридцать копеек папирос, остальное потратил на булку с изюмом и фунт чаю. На сахар уже не хватило.

В наемной комнате было нехорошо, нечисто. Прежде чем пить чай, хотелось прибраться. Одолжив у хозяйки веник, коллежский асессор поднял столб пыли до потолка, весь перепачкался, но видимого улучшения не достиг.

Ничего не поделаешь — бедному студиозусу прислугу нанимать не на что.

А камердинер Маса был при деле, выполнял важное и очень непростое задание.

Собирая сведения о предполагаемом инициаторе убийства, коммерции советнике Мосолове, Эраст Петрович выяснил, что в «Пароходном товариществе» постоянно требуются «для разных работ врожденно глухонемые, притом грамоте не знающие». Так было написано в объявлении, которое изо дня в день печаталось во всех московских газетах. Непонятно было, как могли бы интересующие Мосолова лица, не будучи грамотны, с этим предложением ознакомиться, однако само объявление коллежского асессора весьма заинтересовало. Стал выяснять. Оказалось, что Мосолов слывет человеком тяжелым, недоверчивым, очень боится шпионов и потому рассыльными, курьерами и скороходами у него в конторе служат сплошь такие, кто болтать не станет — потому что не может.

Тут-то и возникла идея. Чем иностранный человек, прибывший из далекой и дикой страны, ни слова не знающий по-нашему, хуже глухонемого?

Маса отправился в товарищество, поговорил там на японском, прикинулся, что по-русски не знает вовсе, только жесты понимает — и был немедленно взят на жалованье девять целковых в месяц плюс казенная ливрея с фуражкой, сапоги на лето, валенки на зиму да две пары калош.

Задание японцу Фандорин дал такое: присмотреться к коммерции советнику и для начала дать заключение, способен этот человек на злокозненное смертоубийство конкурента или нет. У Масы на такие вещи глаз был наметанный.

Едва Эраст Петрович, добившись от хозяйки самовара, сел жевать свою сухую булку, дверь комнаты распахнулась, и вошел его слуга, по-прежнему в малиновой ливрее, с целым набором кульков, пакетов, свертков.

Надкушенная булка с изюмом полетела в мусор, чай был брезгливо понюхан и вылит, а на столе появились рисовые колобки, маринованный имбирь, копченый угорь, паровые лепешки и прочие вкусности, которые Маса закупал в одной китайской лавке на Сухаревской площади.

Пока коллежский асессор с аппетитом ел, слуга в два счета убрал комнату и даже придал ей уюта, прикрепив к стене несколько кленовых листьев — украшение, подобающее сезону.

Оглядел сыроватые обои, облупившийся потолок, вздохнул.

— Увы, господин, больше ничего сделать нельзя. Но верный вассал Ёсида Тюдзаэмон, готовясь отомстить врагу за своего сюзерена, был вынужден жить в еще более убогой обстановке. А верный вассал Оиси Кураноскэ, тот и вовсе...

— Маса! — стукнул по столу Эраст Петрович, зная, что, если слугу вовремя не остановить, он поочередно

расскажет про всех сорок семь верных вассалов, самых любимых своих героев. — Ты лучше скажи, Мосолова видел?

— *Мосорофу-доно, нэээ*, — протянул Маса (разговор шел по-японски). — Видеть-то видел, как вас сейчас. Но ничего с достоверностью утверждать не возьмусь. Очень серьезный человек, заглянуть такому в *хара* непросто. Полагаю, ради пустяка или от распущенности чувств злодейства не совершит. Но во имя дела, пожалуй, ни перед чем не остановится.

— Что ж, это очень важно, — задумчиво кивнул коллежский асессор. — Перейдем ко второму заданию. Ты молодец, что так быстро сумел попасть к нам в контору.

— Это было нетрудно. Письмо дали другому посыльному, но я просто отобрал у него пакет, а чтобы не плакал, дал леденец. Он полуидиот. У нас в курьерском отделе все либо глухонемые, либо с разумом ребенка. Кто мычит, кто гугукает, кто в носу ковыряет. Один я нормальный.

— Ты хорошо разглядел моих сослуживцев?

Слуга пожаловался:

— Все красноволосые на одно лицо, трудно запомнить. Но я постарался. — И стал разгибать пальцы. — Старик, похожий на маринованную сливу. Юноша с улыбкой кицунэ. Худой человек с кривым ртом. Хитрый мужчина с длинными седыми усами. Красивая женщина с толстыми щеками.

— Отлично. Твое дело следить, не появится ли кто-то из них в «Пароходном товариществе». Увидишь — немедленно сообщи мне. Это и есть шпион, он же отравитель.

Потом Маса ушел, и Фандорин долго ворочался на тощем матрасе. Только стал задремывать — кольнуло в ногу.

Сел, откинул одеяло.

Увидел клопа и так разозлился на несчастное насекомое, что даже давить не стал. Зачем дарить кровососу мученическую смерть? Улучшить клопу карму, дабы в следующей жизни он возродился на более высокой ступени сансары? Шиш ему, а не сансара.

Послюнив платочек

Изображать деятельность, когда с тебя пишут портрет, дело непростое. Эраст Петрович сначала даже попробовал перемножать столбиком трехзначные числа, что придало лицу должную сосредоточенность, но вскоре это занятие ему прискучило, и он просто стал смотреть на рисующую Мавру Сердюк.

Зрелище было из числа приятных. Девушка надела поверх платья перемазанный краской и углем балахон, повязала вьющиеся волосы косынкой, но этот наряд ее нисколько не испортил. Маленькая, уверенная рука быстро работала графитовым карандашом, посередине лба прорезалась решительная морщинка, щека вскоре оказалась запачкана черным, а умилительней всего было то, что барышня в самозабвении отчаянно пошмыгивала носом. Фандорин изо всех сил старался сохранить серьезное выражение лица, но, кажется, это не очень удавалось.

— Вы только прикидываетесь печальным, — сказала художница осуждающим голосом. — А у самого в глазах чертики прыгают. Как их написать, вот в чем вопрос.

Бедный Ландринов весь исстрадался. Пишущая машина сегодня грохотала вдвое громче и чаще вчерашнего, листы выдирались из-под лаковой каретки с душераздирающим хрустом. Взгляды, которые ремингтонист метал на Эраста Петровича, заставили бы менее впечатлительного человека поежиться.

Главноуправляющий и его камердинер нынче прибыли поздно, перед полуднем. Никто не встал, никто не поздоровался. Фандорину уже было известно, что в компании «Фон Мак и сыновья» не принято отрываться от работы ради соблюдения условностей.

Барон хотел сразу пройти к себе, но не выдержал, задержался у стола своего «секретаря». На портретистку покосился, но и только. Мавра же опустила головку и весьма мило залилась краской. Выходит, она умеет кокетничать?

— Господин... Померанцев, — не сразу вспомнил Сергей Леонардович фамилию «практиканта». — Сколько еще вам нужно времени, чтобы войти в дела?

— Я стараюсь, — изобразил робость Фандорин и приподнялся.

— Зайдете ко мне после обеда, — мрачно обронил управляющий и проследовал к себе.

Федот Федотович, приняв пальто, занял свое обычное место и раскрыл газету.

В обеденный перерыв произошло вот что.

Лука Львович, оставшийся из-за портрета без домашней пищи, вышел перекусить в соседний трактир. Тасенька пошел к Мусе клянчить чаю. Ландринова вызвали к барону. Федот Федотович уснул — только усы подрагивали.

Впервые за все время Мавра и Эраст Петрович остались более или менее наедине.

Барышня быстро придвинулась к «студенту», задев его палитрой (она уже с час как начала писать красками), и ликующе прошептала:

— Я все-таки еду в Париж! Только тс-с-с! Папенька пока не знает.

Из всех вопросов, которые возникли у коллежского асессора при этом известии, он задал для начала самый безопасный:

— Будете учиться живописи? Очень рад за вас.

— В Париже обстригу себе волосы — совсем коротко, как у вас, — жарко дыша, зачастила Мавра. — Стану носить мужскую шляпу и панталоны, буду курить сигары и переделаю имя на французский манер. Я уже придумала: Maurice Sieurduc. Вы знаете, что такое Sieurduc?

— Знаю, — с серьезным видом кивнул Эраст Петрович. — Это означает «Господин герцог».

— Каково? Это вам не «Мавра Сердюк».

— Но откуда деньги? — перешел коллежский асессор к главному.

Она таинственно улыбнулась.

— Так и быть, скажу.

Однако не сказала — не успела. Из кабинета вышел Ландринов, и Мавра проворно отодвинулась.

Потом вернулись остальные. К досаде Фандорина, продолжить беседу никак не удавалось. Он прикидывал, под каким бы предлогом выманить барышню на лестницу, но события приняли оборот, заставивший его отказаться от этого плана.

Около четверти третьего дверь внезапно открылась, и в канцелярию вошел действительный статский советник Ванюхин, сопровождаемый полицейским стенографистом в мундире.

— Здравствуйте, господа, — сказал он веселым, но в то же время угрожающим голосом. — Снова к вам пожаловал. Имел удовольствие побеседовать с каждым по отдельности, а теперь вот хочу потолковать со всеми разом. Вопросец имеется. Куда?! — прикрикнул Зосим Прокофьевич на камердинера.

— Господину барону сказать...

— Не надо, после. Да сядь ты!

Федот Федотович помялся и сел.

— А вот вы, «свой человек», — обратился далее следователь к Эрасту Петровичу, — мне тут ни к чему. Подите-ка, погуляйте.

— Когда есть работа, гулять не приучен, — холодно ответил коллежский асессор. Уйти? Как бы не так. Что еще за «вопросец»?

— У вас тоже работа? — ехидно осведомился Ванюхин у художницы, заглянув в мольберт. — Похож, очень похож. Не угодно ли вместе с предметом изображения переместиться за пределы помещения?

— Не угодно, — отрезала Мавра. — Вы не в полицейском участке, чтобы распоряжаться.

Поняв, что тут нашла коса на камень, следователь перестал обращать внимание на Фандорина и барышню. Взял стул, поставил посреди комнаты. Сел задом наперед, опершись подбородком о спинку, и велел стенографисту:

— Каждое слово.

Сам же зачем-то взял со стола у Луки Львовича стакан с цветными карандашами (разумеется, безо всякого спросу), достал блокнот и с усмешкой прибавил:

— Ну-ка и я порисую.

И, действительно, опрашивая каждого, что-то такое там рисовал, то и дело меняя карандаши.

«Вопросец» заключался в следующем: кто, сколько раз и в котором часу покидал комнату шестого сентября в вечернее время — перед тем, как был выпит отравленный чай.

Вскоре стало ясно, зачем следователю понадобился групповой допрос. Если кто-то начинал колебаться и ссылаться на плохую память, остальные приходили ему на помощь:

— Ну как же, Луконька Львович, а вот с господином из экспедиции, как бишь его, рыжеватый такой, выходить изволили, это перед самым составлением сводки по Терезинскому мостостроительству, стало быть, минуточек в пятнадцать шестого...

— Да что вы, Леандр Иванович (это Сердюк Ландринову), машинная бумага у вас не в пять, а гораздо позднее закончилась. Это когда я столбцы сводил, отлично помню.

Эффективная метода, сделал себе заметку на будущее Фандорин, внимательно прислушивавшийся к этому неторопливому разбирательству. Поразительно, до чего детально можно восстановить события недельной давности, если в реконструкции участвует сразу несколько свидетелей.

А больше всего впечатлил коллежского асессора сам Ванюхин. Выслушав всех, он показал результаты своего «рисования» — получился отличный хронологический график, на котором разным цветом было обозначено отсутствие и присутствие в комнате каждого.

Все сгрудились вокруг следователя, рассматривая схему.

— Любопытно, — пробормотал Зосим Прокофьевич.

Эраст Петрович подошел сзади, заглянул ему через плечо и увидел, что замечательная идея ничего не принесла.

Если следователь рассчитывал сузить круг подозреваемых, то напрасно. У каждого из пятерых был момент, когда он, пускай совсем ненадолго, оставался в конторе один.

Отчего же Ванюхин выглядит таким довольным?

— Прекрасно! — заключил Зосим Прокофьевич, любовно погладив свое творение. — В комнате всегда хоть кто-то один, а находился. Стало быть, версия со злоумышленником, проникшим извне, полностью исключается. Quod erat demonstrandum[1]. Теперь второй вопросец, и опять ко всем: не заходил ли к покойному Леонарду фон Маку кто-нибудь из домашних?

Ах, вот он к чему, понял Эраст Петрович и вернулся на место, тем более что к этому его призывала нетерпеливыми жестами Мавра — ей хотелось продолжить работу над портретом.

Никого из домашних не было — таков был общий ответ, заставивший следователя утратить благодушие.

— Как так?! — вскричал Ванюхин. — Не может быть! Неужто к нему не заходил сын, Сергей Леонардович?!

Все молча переглянулись, как бы спрашивая друг друга. Оба письмоводителя пожали плечами — мол, не припомню, Федот Федотович покачал головой, Муся у двери почесала затылок.

А ремингтонист вдруг сказал:

— Был. Зашел на минуту и вышел. Это уж в самом конце присутствия было, после урочных. Все прочие на кухне были — Муся, как в кабинет чайник отнесла, стала остальным разливать. Ну и потянулись. А я задержался. Нужно было из шкафа пузырек со смазкой взять.

Он показал на массивный шкаф, что стоял подле окна.

— Так что ж вы не сказали?! — вскочил на ноги Ванюхин. — Я ведь спрашивал, был кто-то из домашних или нет!

Ландринов пожал плечами:

— Сергей Леонардович не домашний, а член правления. Я за открытой дверцей стоял, так он меня и не заме-

[1] Что и требовалось доказать *(лат.)*

тил. Вошел в кабинет и тут же вышел. Должно быть, желал с родителем поговорить, но не застал. Господина управляющего на ту пору срочно к телеграфу вызвали.

Сладчайшая улыбка озарила мятое лицо петербургского сыщика.

— Quod erat demonstrandum, — повторил он вполголоса. — Теперь всё окончательно встало на свои места. Господа! — уже другим, строгим тоном обратился Ванюхин к присутствующим. — Вы все были свидетелями этого важнейшего заявления. Так что ежели господину Ландринову впоследствии вздумается переменить показания (за хорошие деньги чего не сделаешь), я призову вас всех под присягу.

— Это, может, вы сами на подкуп падки, так нечего на других наговаривать! — побледнев, крикнул ремингтонист. — Ландринов от правды ни за какие тыщи не отступится!

Сам весь приосанился и посмотрел на Мавру с такой гордостью, что она зажала кисть белыми зубками и беззвучно поаплодировала поборнику принципов. Насмешливости в этой жестикуляции ремингтонист не разглядел — принял за чистую монету и залился таким счастливым румянцем, что Фандорину стало жалко беднягу. Скоро узнает про Париж — будет убит.

Вдруг Зосим Прокофьевич подошел к столу «секретаря», наклонился и с нескрываемой издевкой шепнул:

— Что ж, «свой человек», бегите, докладывайте. — Он кивнул на дверь кабинета. — Дела у вашего патрона швах. Сегодня его беспокоить не стану, ибо есть кое-какие формальности, но завтра пускай ожидает радостного свидания. Приятнейшей ему ночи. Так и передайте: его превосходительство пожелал чудесных сновидений. А еще скажите, — следователь придвинулся совсем близко, — чтоб в неожиданное путешествие не вздумал отправиться. Не выйдет — я принял меры.

— Сударь, вы мне мешаете, — бесцеремонно тронула Ванюхина за рукав Мавра. — Отодвиньтесь.

Когда же следователь, напоследок одарив «своего человека» грозным взглядом, удалился, девушка воскликнула:

— Наконец-то! У вас при нем совсем другое выражение лица сделалось! Морщинки уберите. Вот так. — Она пальчиками разгладила Эрасту Петровичу лоб, складку у рта. — Ой, запачкала.

И с очаровательной непосредственностью, послюнив платок, вытерла чиновнику щеку.

— Мавруша, им, может, неприятно! — укоризненно произнес Лука Львович.

Тасенька хихикнул, а Ландринов так скрипнул зубами, что через всю комнату было слышно.

Мягко отстранив руку с платком, Фандорин сказал:

— На сегодня довольно. Мне в самом деле нужно переговорить с господином управляющим.

— Я не был здесь, клянусь вам! — вскричал Сергей Леонардович, не дослушав до конца. — Это неправда!

Фандорин смотрел вниз, на зеленое сукно.

— Господин барон, прежде чем зайти к вам, я спустился на первый этаж и посмотрел в книгу привратника. Вы же знаете, у вас в компании регистрируется время прихода и ухода каждого сотрудника. Там черным по белому написано: член правления С.Л. фон Мак прибыл в 7 часов 25 минут, убыл в 7 часов 34 минуты. Именно тогда кухарка подала чай.

— Ах да, я был... — Барон смешался. — Мне требовалось сказать два слова. Я хотел подняться в кабинет, но не дошел — встретил отца в телеграфном пункте.

— Там, верно, был кто-нибудь еще? Телеграфист, например? — по-прежнему не глядя на управляющего, спросил Эраст Петрович.

— Наверняка. Наверное... Я не помню. А чем закончил Ванюхин? Что он собирается предпринять?

Про «кое-какие формальности» и предстоящее «радостное свидание» Фандорин рассказывать не стал — расхотелось.

Вся эта история выглядела странно. Что-то здесь не складывалось.

— П-понятия не имею.

— Что же будет завтра? — с тревогой спросил Сергей Леонардович.

— Завтра я скажу вам, кто убийца, — наконец поднял на него взгляд коллежский асессор.

Коротко поклонился бледному управляющему и вышел.

Ошибся!

К себе он возвращался уже в темноте. Во-первых, не очень-то торопился в свое убогое жилище, а во-вторых, хотел уйти последним — посмотреть, как разойдутся остальные.

За первым же поворотом, с оживленной Каланчевки на пустынный и неосвещенный Ольховский, Фандорин обнаружил слежку. Кто-то крался за ним, перебегая от забора к забору. Очень старался остаться незамеченным, но где ж ему было обмануть ученика японских синоби?

Скорее всего это был какой-нибудь филер Ванюхина. Следователь наверняка установил наблюдение за Сергеем Леонардовичем и, возможно, решил на всякий случай присмотреть за «своим человеком». Если так, то это неинтересно.

Но нельзя было исключить иную возможность: новоявленный «секретарь» чем-то заинтересовал отравителя, и тот захотел выяснить, что за птица студент Померанцев. Вот это было бы замечательно.

Жалко, улица такая паршивая, не видно ни зги.

Эраст Петрович нарочно свернул в один из Басманных переулков, тоже не Бог весть какой Шанзелизе, но там по крайней мере голубовато светились пятна газовых фонарей.

План у коллежского асессора был самый простой: не подавать виду, что слежка замечена, и тем более не пытаться задержать соглядатая, а просто рассмотреть его

получше. Для этого будет довольно, миновав освещенное место и оказавшись в темноте, обернуться и подождать, пока преследователь сам окажется под фонарем. Фандорин был уверен, что узнает любого из подозреваемых по силуэту. А ежели не узнает, значит, это филер, и пускай себе следит сколько ему угодно.

У первой же лампы Эраст Петрович нарочно задержался прикурить — чтобы тем самым продемонстрировать полную безмятежность.

Шаги приблизились. Из-за того, что человек ступал очень осторожно, на цыпочках, ни пола, ни комплекции определить на слух не удалось.

Остановился. Ждет.

И здесь чуткий слух Фандорина уловил звук, которого Эраст Петрович никак не ожидал, — сухой щелчок взведенного курка.

Если бы не привычка в минуту опасности сначала действовать, а потом уже думать, коллежский асессор замешкался бы и пуля попала бы ему в спину. Но чиновник молнией скакнул в сторону. Одновременно с грохотом выстрела из фонарного столба брызнула деревянная крошка.

После света глаза в темноте видели плохо, а оружия у Эраста Петровича при себе не было — он никак не рассчитывал на подобный оборот событий. Вступать в схватку с вооруженным преступником представлялось слишком рискованным. Пусть сначала израсходует все пули.

Чиновник кинулся прочь, стараясь не попадать на освещенные участки и передвигаться иррегулярными зигзагами. Хуже всего было то, что невидимка не спешил опустошить барабан. Очевидно, это был человек хладнокровный и опытный — вел мушкой за бегущей фигурой, хотел выстрелить наверняка.

Кубарем прокатившись по земле, Фандорин вскочил и перемахнул через дощатую изгородь в палисадник ближайшего домишки.

Дальше не побежал. Нашарил в темноте небольшой камень, весом этак в полфунта. Техникой метания Эраст Петрович владел изрядно, саженей с десяти запросто

сшибал летящего голубя (было во времена его японского ученичества, среди прочих, и такое упражнение). Главная сложность заключалась не в точности, а в расчете силы броска — голубь должен был падать на землю оглушенным, но живым.

В этой своей засаде коллежский асессор просидел не менее четверти часа, но противник никак себя не проявлял. Несколько раз Фандорин выглядывал — осторожно, всё время из новой точки. Глаза уже отлично видели во мраке, однако стрелявший будто сквозь землю провалился.

Вывод получился печальный: пока Эраст Петрович скакал иррегулярными зигзагами и штурмовал изгородь, злодей в него не целился, а улепетывал в противоположную сторону.

Чертыхаясь, Фандорин вылез обратно на улицу и подошел к фонарному столбу, чтобы вынуть застрявшую пулю. Ее надо будет исследовать дома, при свете лампы, с лупой. Искать следы ног бессмысленно — какие ж отпечатки на булыжной мостовой?

По дороге домой Эраст Петрович пытался проанализировать это нежданное и неприятное происшествие.

Преступник чрезвычайно проницателен. Он не только сумел каким-то образом раскрыть законспирированного расследователя, но и правильно оценил опасность, которую представляет собой псевдостудент. Это раз.

Рассусоливать не стал, принял решение самостоятельно, даже не посоветовавшись со своим нанимателем (если, конечно, таковой имеется). Значит, человек действия. Это два.

Вывод: очень и очень опасен. Это три.

Мысленно перебрав обитателей канцелярии, коллежский асессор только вздохнул.

Ландринов? Этот наверняка способен на преступление страсти. Персонаж из кровожадного романса. «Ты невестой своей полюбуйся поди — она в сакле моей спит с кинжалом в груди». А также «Умри, нещастная!» и все

такое прочее. Но представить себе ремингтониста всыпающим яд в чай управляющего ради хорошего вознаграждения совершенно невозможно. Этот человек не умеет ни хитрить, ни притворяться.

Слюнявый Тасенька? Шпионить и пакостить исподтишка вне всякого сомнения способен. Но стрелять в человека на темной улице? Маловероятно.

Старший письмоводитель Сердюк? Ни шпионящим, ни тем более спускающим курок вообразить его нельзя. Или это уж такой актер, что ему сам Щепкин в подметки не сгодится.

Камердинер Федот Федотович... Душа слуги, то есть человека, который своим ремеслом обречен на роль, почитаемую обществом унизительной, почти всегда потемки Знали бы господа, сколько ненависти может таиться под маской услужливости и раболепия. Какая-нибудь обида, которой покойный барон даже не заметил? Если даже обычный подкуп со стороны конкурента, то без личных счетов все равно не обошлось.

Кто еще? Ну не кухарка же! Хотя выстрелить в спину вполне может и женщина.

Тут Эраст Петрович представил себе Мусю, крадущуюся во тьме, с револьвером в руке — и не удержался, фыркнул.

А потом стал думать о Сергее фон Маке, и улыбка исчезла. Что если несимпатичный господин Ванюхин прав? Все-таки опытный сыщик, с хорошим нюхом. Вот уж кто способен на любой решительный поступок, так это барон. Какой был бы ловкий ход — использовать чиновника особых поручений, чтобы отвести от себя подозрение!

Фандорин перебрал доводы pro и contra, прислушался к голосу сердца. Сердце сказало: нет. Разум предположил: возможно. Если прав разум, то причина покушения несомненно заключается в опрометчивой финальной фразе: «Завтра я скажу вам, кто убийца».

Вернувшись к себе, коллежский асессор зажег лампу и принялся ждать японца, причем проявлял все признаки нетерпения: то расхаживал от стены к стене, то барабанил пальцами по столу и поминутно доставал из кармашка часы — не свой обычный «брегет», а дешевенькие, серебряные, временно одолженные у Масы в целях конспирации.

Нетерпение объяснялось двумя причинами. Во-первых, ужасно хотелось есть. А во-вторых, Эраст Петрович рассчитывал услышать от слуги нечто очень важное, что в самом деле позволит поставить в расследовании точку.

И когда Маса наконец появился, опять со свертками и пакетами, Фандорин сразу спросил:

— Ну? Кто?

Японец принялся раскладывать на столе съестные припасы. С ответом не торопился, но по важному виду было ясно: улов есть.

Наконец Маса сел напротив и приступил к обстоятельному докладу. Первым делом достал из кармана «брегет», положил перед собой и так им залюбовался, что у Фандорина возникло сомнение, удастся ли совершить обратный обмен часами, когда надобность в конспирации отпадет.

— Вашу записку, господин, мне принесли в пять часов двадцать три с половиной минуты после полудня. Согласно полученным указаниям, я занял пост неподалеку от кабинета Мосорофу-доно и стал ждать, не появится ли кто-нибудь из ваших сослуживцев. Начальнику курьерского отдела, который хотел отправить меня куда-то с пакетами, я показал, будто у меня болит живот. Он ругался, обозвал меня «*товари косорырая*», за это, с вашего позволения, я его немножко побью, когда задание будет завершено. — Маса взял в руки часы. — Итак. Начальник курьерского отдела обозвал меня оскорбительными словами в шесть часов и одиннадцать минут, а в семь часов девять минут...

— Ты что, так и торчал перед дверью с золотым «брегетом» в руках? — не выдержал Фандорин.

— Нет, господин. Я спрятал часы вот сюда, — объяснил Маса, показывая себе за пазуху. — Когда нужно было посмотреть время для отчета, делал вид, будто чешусь, и заодно глядел.

Он показал, как это делал.

— Ну хорошо, хорошо. Что случилось в семь часов девять минут?

— Пришло то лицо, которого я ждал. Запыхавшись и в поту.

Еще бы, подумал Фандорин, наклонившись вперед. Присутствие в конторе закончилось в семь. За девять минут добежать до «Пароходного товарищества» — это не шутка. Разумеется, мосоловский агент спешил: такая важная новость.

Маса, любитель эффектов, держал паузу.

— На кого вы бы поставили, господин? — спросил он. — Если не угадаете, ваши часы останутся у меня.

— Один шанс против четырех — это нечестно, — пожаловался Эраст Петрович. Лишаться «брегета» ему не хотелось.

Слуга неумолимо оторвал от оберточной бумаги пять клочков, написал на них: «Маринованная Слива», «Кицунэ», «Кривой Рот», «Белый Ус», «Красавица». Разложил перед господином.

— Выбирайте.

Коллежский асессор закрыл глаза, попытавшись представить каждого из пятерых шепчущимся с господином Мосоловым; подсыпающим в чайник яду; крадущимся по темной улице с револьвером в руке.

Ничего не получилось. То есть по отдельности — пожалуйста, но на все три действия сразу не годился никто.

Тогда Фандорин вздохнул, скомкал бумажки, перемешал и вынул первую попавшуюся:

— Эта.

Маса развернул, пошевелил губами и сердито отодвинул от себя «брегет».

— Я сам виноват. Кличка, которую я придумал этому человеку, слишком очевидна.

На бумажке был написан иероглиф «кицунэ» — оборотень, который может запросто превращаться из человека в лису и обратно.

— Тасенька? Не может быть! — прошептал Эраст Петрович. Впрочем, про любого другого из пяти подозреваемых он, наверное, сказал бы то же самое.

— Кицунэ появился возле кабинета в семь часов девять минут, весь красный и потный, — уже безо всяких эффектных пауз, деловито доложил Маса. — Пошептался с секретарем Мосорофу-доно и был немедленно пропущен внутрь.

— Погоди! — встрепенулся Фандорин. — А сколько времени он там пробыл?

— Семнадцать с половиной минут. Потом так же быстро убежал.

Коллежский асессор прикинул: значит, Тасенька выбежал из «Пароходного товарищества» перед половиной восьмого. Выстрел под фонарем раздался без пяти минут восемь. Мог ли шпион Мосолова добежать назад и пристроиться в хвост выходящему «практиканту»? Получается, что мог. Более того, резонно было предположить, что стрелял он не по собственной инициативе, а по указанию своего нанимателя. У коммерции советника Мосолова большие связи и возможности. Если бы он решил выяснить, что за секретарь вдруг появился у конкурента, то наверняка выяснил бы. А долго подбивать своего клеврета на новое убийство Мосолову, конечно же, не пришлось — где три трупа, там и четвертый.

Все очень стройно и логично, но хорош же он, чиновник особых поручений при генерал-губернаторе. Так ошибиться в психологической характеристике!

— Убери со стола, — кисло сказал Эраст Петрович, подперев голову руками. — Я не буду есть, расхотел. И вообще иди. Мне нужно поразмышлять.

Этюд в багрово-фиолетовых тонах

— ...Вот здесь пуля просвистела. Чудом жив остался. — Такими словами закончил рассказ «практикант». — Ни за что больше не пойду по Ольховскому после темноты.

Страшная история никого не оставила равнодушным.

Кухарка, слушавшая, прикрыв рот ладонью, перекрестилась:

— Оссподи-Сусе, страсть какая.

Лука Львович ужаснулся:

— Ну и времена настали. Раньше-то грабитель честь по чести требовал: «Кошелек или жизнь», а тут сразу стрелять. Куда только катимся?

Его дочь, начавшая было раскладывать мольберт да и застывшая на месте, воскликнула:

— Я бы тоже ни за что кошелек не отдала, пускай убивают. Вы, Померанцев, настоящий герой!

— Хорош герой, удрал, как заяц, — немедленно взревновал Ландринов.

Лис-оборотень Тасенька разразился причитаниями, ну а Федота Федотовича на ту пору в конторе еще не было. Присутствие только-только начиналось.

Еще немножко поужасались жуткому происшествию, и всяк занялся обычным делом: письмоводители заскрипели перьями, ремингтонист принялся налаживать свое чудо техники, Муся удалилась на кухню, а художница стала заканчивать портрет. Ее кисть двигалась с поразительной сноровкой. Возможно, «Мориса Сьердюка» в самом деле ожидало в Париже большое будущее.

— Жалко, вы нынче в сюртуке, — посетовала Мавра. — Я хотела еще блики на мундирных пуговицах прописать.

Но придти студентом Фандорин сегодня никак не мог. Предстояла генеральная баталия, и вступать в нее ряженым не подобало.

— Скажите, — шепнул Эраст Петрович очень-очень тихо. — Деньги на поездку в Париж вам дает барон? Я угадал?

Девушка кивнула:

— В память о моем женихе.

— Вы кроме меня кому-нибудь об этом говорили?

Она покачала головой и прижала палец к губам, а то Тасенька уже навострил уши, да и Ландринов заворочался на стуле.

Ну вот теперь окончательно сложилось, одно к одному, подумал Фандорин. Остается только ждать

Ждали все. Ощущение какого-то тяжкого, неумолимо надвигающего события так и витало в комнате. Об этом никто не говорил, но и без того чувствовалось — по тому, как недолго обсуждали бандитское нападение, по воцарившемуся молчанию, по быстрым взглядам, которые каждый нет-нет да и бросал то в сторону пустующего кабинета, то на входную дверь.

Когда вошел управляющий в сопровождении камердинера, все заработали с удвоенным усердием, с Сергеем Леонардовичем поздоровалась только Мавра и опять, как давеча, порозовела. Теперь понятно — из благодарности.

— Доброе утро, — поздоровался и фон Мак, подходя к мольберту.

Но интересовала его не девушка и тем более не портрет. Воспаленные, невыспавшиеся глаза смотрели только на Фандорина, тревожно и вопросительно.

Эраст Петрович ответил сначала едва заметным кивком, а затем столь же коротким покачиванием головы. Означала эта маленькая пантомима следующее: «Да, всё знаю. Нет, не сейчас».

Барон отлично его понял, но трудно сказать, успокоило его это известие или, наоборот, встревожило еще больше.

Чуть помедлив, он прошел к себе, Федот Федотович последовал за хозяином.

Прошло не более четверти часа, и с лестницы донеслись тяжелые шаги и позвякивание — в мезонин поднималась целая группа людей.

В комнате все разом распрямились, больше не прикидываясь сосредоточенными на работе. Из кухни высунулась Муся.

Дверь распахнулась.

Первым вошел Зосим Прокофьевич Ванюхин с какой-то бумагой в руке, очень торжественный.

За ним, гремя шпорами и саблями, появились пристав Басманной части подполковник Ляхов, двое полицейских унтер-офицеров, а также известный всей Первопрестольной журналист Штейнхен из газеты «Московский богомолец», читать которую в приличных кругах почиталось дурным тоном, что не мешало этому бульварному листку каждодневно продавать до ста тысяч экземпляров.

При виде скандального писаки Эраст Петрович поморщился. Уж этого Ванюхину делать никак не следовало. Теперь, чем бы ни закончилась история, шуму будет на всю империю.

— Ну вот и я, — громогласно объявил петербуржец. — Заждались? А это обещанный документец.

Он потряс бумагой.

На шум из кабинета выглянул Сергей Леонардович и сделался очень бледен. Из-за плеча управляющего торчала голова камердинера.

— Сударь, — обратился к барону следователь, — я прибыл для того, чтобы заключить вас под стражу Вот распоряжение господина прокурора.

Когда фон Мак ничего не ответил, Ванюхин приказал приставу:

— Исполняйте свой долг.

Журналист уже вовсю строчил в тетрадочке. Эраст Петрович поднялся и, тихо ступая, двинулся вперед. На ходу заглянул в тетрадочку и прочел: «При этих словах сыщика на одутловатом, порочном лице отцеубийцы промелькнул невыразимый ужас».

Солидно покашляв, пристав шагнул к управляющему.

— Согласно установлениям «Акта об арестах и административных задержаниях» объявляю вас...

— Погодите, Ляхов! — громко сказал Фандорин.

Все обернулись.

— Эраст Петрович? — изумился подполковник, которому уже случалось встречаться с коллежским асессором по службе.

— Фандорин! — ахнул Штейнхен (этот вообще знал всех и вся). — Интересненько!

Прочие же просто уставились на наглеца, посмевшего отдавать приказание представителю закона.

— Чиновник особых поручений при московском генерал-губернаторе Фандорин, — объявил он не столько Ванюхину, сколько своим временным сослуживцам. — Прошу прощения за вынужденный м-маскарад. Я провожу независимое расследование по приказу князя Владимира Андреевича.

Вот это уже адресовалось петербуржцу, выпучившемуся на молодого человека.

— Интрига? Заговор? — вскричал Зосим Прокофьевич. — Доложу директору департамента! Министру! Дело поручено мне, ничего не желаю знать! А ну взять его! Вы что, оглохли? — гаркнул он приставу, показывая на барона.

Повышать голос на Ляхова, офицера заслуженного и самолюбивого, было большой ошибкой. Подполковник набычился.

— Господина Фандорина мы знаем, не первый день-с. А с вашим превосходительством доселе работать не доводилось.

— Я всё понял, — зловеще усмехнулся Ванюхин. — Наслышан про московские нравы! Подкуплены? Хорошо, что я догадался взять с собой представителя прессы. Пишите, господин репортер, пишите!

Но представитель прессы писать перестал и даже свою тетрадочку прикрыл. Ссориться с генерал-губернатором Штейнхену было не с руки.

— Ваше превосходительство, мы же с вами служители з-закона, а не опереточные примадонны, — поморщился Эраст Петрович. — Давайте к делу. У вас одна версия, я вам изложу другую. Вы опытный профессионал, разберетесь, какая из них состоятельней.

То ли тон, которым были сказаны эти слова, то ли упоминание о профессионализме подействовали на петербуржца.

— Фандорин? Мне смутно знакомо это имя, что-то я про вас слышал, — сказал Зосим Прокофьевич, взяв себя в руки — даже и в буквальном смысле, то есть перекрестив руки и обхватив себя за плечи. — Что ж, излагайте вашу версию. Послушаем.

— Б-благодарю. У меня с самого начала сложилось убеждение, что Сергей Леонардович фон Мак невиновен. Вы, уважаемый коллега, в своем расследовании руководствовались почтенной максимой «ищи, кому выгодно». Я тоже начал с этого. Если предположить в наследнике корыстный мотив — стремление поскорее завладеть делом, то получается полнейший нонсенс. Смерть Леонарда фон Мака лишила компанию гигантского подряда. Если бы у Сергея Леонардовича имелось злодейское намерение в отношении отца, резонно было бы подождать две-три недели, пока не объявят результаты конкурса. А так получается, что наследник совершил ужасное преступление во вред себе и на пользу главному конкуренту — «Пароходному товариществу».

— Суждение, достойное не следователя, а коммерсанта, — не удержался от едкого замечания Ванюхин. — Откуда ж тогда, по-вашему, взялся отравитель? Пролез через форточку, после чего бесследно исчез? А может быть, никакого убийства вовсе не было? Управляющий и секретарь покончили с собой? Это, я читал, у вас в Японии так заведено, называется «двойное самоубийство влюбленных».

Из последней реплики можно было заключить, что Ванюхину не просто «смутно знакомо» имя Фандорина, но что он весьма неплохо осведомлен о московском сыщике.

— Убийство было, — словно не заметив насмешки, сказал Эраст Петрович. — И очень тонко рассчитанное. Только в основу угла следовало поставить не cui prodest[1], а совсем иную максиму.

---

[1] Кому выгодно *(лат.)*

— И кто же, по-вашему, убийца? — иронически улыбнулся Ванюхин. — Или вся ваша версия сводится лишь к тому, чтобы обелить господина фон Мака?

Тут Эраст Петрович позволил себе сэффектничать, не в последнюю очередь из-за того, что чувствовал на себе взгляд юной художницы. Небрежным тоном, будто нечто само собой разумеющееся, обронил:

— Убийца — вон тот человек. — И показал на Ландринова.

По комнате пронесся судорожный вздох, а ремингтонист вскочил, опрокинув стул.

— С ума вы что ли сошли? — крикнул он.

— Сами себя выдали, — сказал ему Эраст Петрович. — Зачем было клеветать на Сергея Леонардовича? Это господин Ванюхин, которому очень хотелось подтверждения своей версии, принял ваше свидетельство на веру. А я нынче с утра потолковал с телеграфистами, которые дежурили 6 сентября. Сергей Леонардович их не запомнил, но «маленькие люди» отлично всё помнят. Как вам известно, из телеграфного пункта лестница просматривается в оба конца — и вверх, и вниз. Сергей Леонардович поднялся в пальто, увидел у аппарата отца, поговорил с ним и снова уехал. В мезонин он не поднимался. Вот я и задался вопросом: зачем Ландринов соврал?

— Это ты все врешь, ферт! — злобно выкрикнул ремингтонист. — Обманом втерся сюда, студентом прикидывался, сидел, позировал, а сам никакой не студент! Глядите, Мавра Лукинишна, кому вы поверили!

Но, судя по горящим глазам художницы, устремленным на Фандорина, она нисколько не была на него в претензии.

Чуть повернув лицо, чтобы видеть барышню, но и не выпускать из поля зрения ремингтониста, Эраст Петрович риторически вопросил:

— Быть может, Ландринов сделал это из ненависти? Вряд ли. Этот человек ненавидит весь белый свет, но проникнуться какой-то особой антипатией к управляющему он бы просто не успел. Сергей Леонардович занял на-

чальственный кабинет всего несколько дней назад. Возникло у меня, правда, одно предположение, связанное с некоей поездкой в Париж, но рассеялось, — покосился коллежский асессор на Мавру. — Ландринов об этом не знал, иначе вчерашняя пуля полетела бы не в меня, а в другого человека.

— Какой Париж? Какая пуля? Что это вы загадками говорите? — нахмурился Ванюхин. — А вся ваша версия выстроена на песке. Это вы, коллега, британской «психологической школой» увлекаетесь, по молодости лет. Следствию нужны факты. Если не cui prodest, тогда что же?

— Второй из распространеннейших мотивов п-преступления — cherchez la femme. Здесь мы имеем дело с преступлением страсти. Ландринов до безумия влюблен в... одну особу, это видно невооруженным глазом.

Все посмотрели на Мавру, та залилась краской и опустила глаза.

Сергей Леонардович, до этой минуты не произнесший ни слова, воскликнул:

— Как вы могли подумать такое про отца! Вы не знали его, это был высоконравственный человек! Его занимали лишь заботы компании!

— В самом деле нехорошо, — укорил Фандорина петербуржец. — Покойный был почтенным старцем и девицами не увлекался, все это знают.

— При чем здесь п-почтенный старец? — Эраст Петрович коротко вздохнул, досадуя на непонятливость собеседников. — Ландринов хотел уничтожить не управляющего, а своего счастливого соперника, жениха Мавры Лукиничны. Барон фон Мак был умерщвлен исключительно для прикрытия.

— Барон фон Мак?! Для прикрытия?! — остолбенел Ванюхин. — Из-за секретаришки?!

Затряс головой и Сергей Леонардович.

— Что за дикая фантазия!

Фандорин развел руками:

— Вечное заблуждение сильных мира сего: будто значительны они одни, а «маленькие люди» не более чем статисты, и всё у них маленькое — страстишки, замыслы,

злодейства. Господин следователь давеча сказал: лес рубят, щепки летят. А здесь все произошло наоборот: ради щепки не пожалели леса. Сам-то я никого из людей щепкой не считаю (впрочем, как и лесом), но расчет у преступника был б-безошибочный. Барон непременно угостит секретаря чаем. Погибнут оба, но смерть Стерна окажется в тени. Никому и в голову не придет, что мишенью был не титан российской индустрии, а мелкий служащий. Несчастный же уборщик пропал и вовсе не за что, по случайности. Однако вас это, кажется, не слишком опечалило? — обратился он к Ландринову и сделал несколько шагов по направлению к углу, где располагалась пишущая машина.

Ремингтонист изобразил презрительную гримасу, но рука, которой он опирался на спинку стула, дрожала. Ландринов спрятал ее в карман.

— Я жду доказательств, — напомнил Ванюхин. — А у вас по-прежнему одни психологизмы.

— Сейчас, ваше превосходительство, дойдет и до фактов. Но сначала несколько слов о версии Сергея Леонардовича — будто убийство совершено тайным агентом «Пароходного товарищества». Вы правы лишь н-наполовину, — обратился коллежский асессор к фон Маку. — Шпион из конкурирующей компании здесь есть, но вашего отца он не убивал.

— Кто же это? — живо спросил барон.

Не глядя на Тасеньку, Фандорин сказал:

— Я сообщу вам об этом завтра. Если он не уволится сам. Однако вернемся к убийству. Не показалось ли вам, Зосим Прокофьевич, странным, что миллионера отравили копеечным ядом?

Ванюхин пожал плечами:

— Я уже говорил про это. В том-то и штука, что мышьяк легкодоступен. Факт приобретения цианида или иного «аристократического» яда нетрудно выследить, опросив аптекарей. Но попробуйте-ка узнать, сколько людей за последнее время покупали крысиную отраву. Ни один аптекарь не упомнит.

— А мне думается, дело не в этом. Не было у Ландринова денег на дорогой яд. Я понял это вчера вечером, когда исследовал пулю, которой выстрелил в меня п-преступник. — Эраст Петрович достал из кармана платок, а из платка несколько сплюснутый кусочек свинца. — Круглая, из однозарядного ненарезного пистолета. Такое оружие можно купить на барахолке рубля за полтора. Самый дешевый яд, самый дешевый пистолет — как-то всё это несолидно. Неужто Мосолов не смог бы оснастить своего шпиона получше? И мне стало ясно: убийца — бедный человек с очень маленькими средствами, но с очень большими страстями.

Здесь Эраст Петрович переместился еще на несколько шагов к Ландринову, якобы для того, чтобы картинно уставить на преступника обвиняющий перст. На самом же деле Фандорин все это время внимательно наблюдал за ремингтонистом и с секунды на секунду ждал, что тот себя выдаст, предельно недвусмысленным образом.

Губы у Ландринова подрагивали, плечи дергались, но не от страха — от ярости. Надолго выдержки у этого пассионария не хватит. Сейчас накинется, вон уже и зубами скрипит.

Коллежский асессор нарочно повернулся к обвиняемому спиной, чтобы облегчить нападение. Теперь их разделял лишь стол младшего письмоводителя.

— А зачем он в вас-то стрелял? — все не мог признать свое поражение Ванюхин.

— Я знаю! — ответила за чиновника Мавра. — Из-за портрета. И из-за платочка...

— Какого еще платочка? — не понял следователь.

Но тут событие, на которое рассчитывал последователь «психологической школы», наконец свершилось.

Издав рев, Ландринов сорвался с места, выхватив из кармана раскрытую бритву.

Коллежский асессор был начеку и проворно обернулся. Но оказалось, что психологическую науку он постиг еще не в совершенстве.

Эраст Петрович был уверен, что убийца накинется на него, своего обвинителя, но ремингтонист пронесся мимо Тасенькиного стола и устремился на Мавру.

— Это ты! Во всем ты! — хрипел он, занося бритву для удара. — Из-за тебя гибну!

Барышня отшатнулась, только это спасло ее от неминуемой смерти — острое лезвие рассекло воздух у самого горла.

Бедняжка вжалась в стену, а злодей схватил ее за волосы и запрокинул кудрявую головку назад.

Все в комнате будто оцепенели.

Эраст Петрович понял, что не успеет. В случае необходимости он умел передвигаться с почти невероятным проворством, но путь ему преграждал массивный стол Луки Львовича, уставленный чернильницами, стаканчиками с карандашами, стопками бумаги, папками и прочей канцелярской дребеденью.

— Не мне — так никому! — истошно крикнул Ландринов, снова взмахнув своим оружием.

Японская наука боя гласит: действие должно опережать мысль.

Рука коллежского асессора, двигаясь будто сама по себе, выхватила из письменного прибора чернильницу и без замаха, снизу вверх, но все равно сильно, швырнула ее.

Стеклянный куб ударил преступника в затылок, обдав шею и спину фиолетовыми брызгами. Ландринов ошарашенно обернулся — и получил прямо в лоб второй чернильницей, с красными чернилами, которыми педантичный Сердюк обычно подчеркивал самые важные места в сводке.

Второй удар был сильнее первого. Ремингтонист покачнулся, закрыл ладонью ослепленные глаза. Между пальцев, будто кровь, стекали багровые чернила.

Еще через секунду опомнившиеся унтер-офицеры уже выкручивали убийце руки, а он рычал, рвался и даже пробовал кусаться. Воющего, извивающегося, его вынесли за дверь на руках. Следователь и журналист помогали полицейским.

Когда шум утих, Эраст Петрович оглянулся.

Сергей Леонардович стоял все там же. Казалось, он нисколько не рад тому, что обвинение с него снято. Лицо главноуправляющего было потерянным и несчастным. Из-за подряда страдает, понял Фандорин.

Муся и Федот Федотович хлопотали над Сердюком — поили водой, обмахивали полотенцем.

Тасенька испарился, будто его не было вовсе.

В углу, съежившись, икала и всхлипывала бедная Мавра.

— Ничего, ничего, все уже п-позади, — стал успокаивать ее коллежский асессор.

Осторожно погладил по голове — икота прекратилась. Взял за руку — утихли рыдания.

— Вы поедете в Париж, станете знаменитой художницей. Все будет хорошо, — тихо говорил он.

Она кивнула, глядя на него снизу вверх. Ее лицо было всё в мелких брызгах чернил, красных и фиолетовых. Будто ела лесные ягоды и перепачкалась соком, подумал чиновник.

— Поеду. Только... Обещайте мне одну вещь... — шепотом сказала она. — Сделаете?

— Конечно, сделаю. Не нужно плакать.

— Вы позволите мне закончить портрет? Сюда вы больше не придете, я понимаю. Может быть... Может быть, я смогу дописать его у вас?

Глаза у нее ярко блестели, но, кажется, не только из-за непросохших слез.

— У меня, наверное, действительно будет удобнее, — слегка покраснев, согласился Эраст Петрович.

НЕФРИТОВЫЕ ЧЕТКИ

1

Эраст Петрович Фандорин вежливо подавил зевок — крылья точеного носа чуть дрогнули, мраморный подбородок слегка подался книзу, однако губы не разомкнулись ни на миг и взгляд спокойных голубых глаз остался все таким же благожелательно-рассеянным. Искусство незаметно зевать составляло один из absolute musts[1] светского человека, к тому же еще состоящего чиновником особых поручений при генерал-губернаторе. Непременное присутствие на балах и раутах являлось одной из тягостнейших обязанностей службы Эраста Петровича — в остальном не слишком обременительной и по временам даже увлекательной.

Надворный советник поймал на себе многозначительный взгляд Пегги Немчиновой и принялся с сосредоточенным видом разглядывать хрустальную люстру, сиявшую трепетным газовым светом. Взгляд прелестной девицы, произведшей в нынешнем сезоне настоящую сенсацию и уже получившей три предложения (отвергнутых

[1] Нечто совершенно обязательное *(англ.)*

в силу недостаточной основательности), означал: отчего бы вам не ангажировать меня на кадриль? Дело в том, что Фандорин имел неосторожность пригласить миленькую дебютантку на тур вальса, и сразу же об этом пожалел: танцевала она, как механическая кукла, да и ума оказалась самого небольшого. Заметив, что мадемуазель Немчинова как бы ненароком двинулась вдоль стены, явно намереваясь перейти к решительным действиям, Эраст Петрович нейтрализовал этот опасный маневр — переместился в угол залы, где сгруппировался самый цвет нетанцующего общества. Здесь был и сам князь Долгорукой, и важные статские старички в муаровых орденских лентах, и тучные золотоплечие генералы.

К числу последних относился и обер-полицеймейстер Баранов, который со снисходительной улыбкой слушал оживленно жестикулирующего господина в дурно сидящем фраке и съехавшем на сторону белом галстуке. Это был известный московский чудак и эксцентрик граф Хруцкий, слывший букой и на балы отроду не хаживавший. Про него рассказывали, что он много лет путешествовал по Востоку и прожил несколько лет в каком-то горном монастыре, постигая тайны бытия. Будто бы даже постиг и грозился написать об этом книгу, которая перевернет с ног на голову всю западную цивилизацию, да всё руки не доходят — слишком уж увлекающийся человек: то устроит подписку на открытие в Москве буддийского храма, то начнет читать в университете лекции по восточному мистицизму, то насмешит весь город дурацким прожектом строить железную дорогу до Тихого океана. Зимой, в любой мороз, Хруцкий непременно купался в снегу во дворе своей полуразвалившейся арбатской усадьбы, для чего дворник содержал особый, рассыпчатый сугроб — прохожие же глазели на полоумного барина из-за старинной чугунной решетки.

Эраст Петрович был некогда представлен графу и даже имел с ним любопытнейший разговор о практической возможности бессмертия, но сойтись короче всё как-то не подворачивалось случая, хотя надворный советник

тоже интересовался Востоком, да и снежные ванны принимал — правда, более приватным образом.

— Господин Фандорин! — энергично вскричал Хруцкий, обращаясь к Эрасту Петровичу. — Как вы кстати! А я битый час толкую генералу про одну таинственную историю, да только он меня не слушает. — Граф тут же вновь повернулся к обер-полицеймейстеру, схватил его за гербовую пуговицу и запальчиво воскликнул. — Говорю вам, сударь, это не просто убийство с грабежом! Вот Эраст Петрович не то что вы, он человек проницательный. Пускай он нас рассудит.

Генерал бросил на Фандорина страдальческий взгляд, осторожно высвободил плененную пуговицу и добродушно пробасил:

— Да чего там таинственного, Лев Аристархович. Тюкнули старьевщика топором по башке. На Сухаревке этакие тайны чуть не каждый день случаются. Обычная полицейская история, околоточный разберется.

— Что за старьевщик? — спросил Эраст Петрович. — Вы имеете в виду антиквара Пряхина? Я читал в «Полицейской сводке». Похоже на п-пьяный разбой.

— Вне всякого сомнения, — кивнул Баранов. — Лавчонка — дрянь, фартовые налетчики на такую не позарятся. Умертвили хозяина, захватили какую-то копеечную дребедень...

— Я Пряхина отлично знал! — запальчиво перебил генерала Хруцкий. — Частенько к нему наведывался. Он скупал всякую всячину у китайцев-опиоманов и придерживал для меня. По большей части это и в самом деле была дребедень, но изредка попадалось что-нибудь любопытное. Так вот, Эраст Петрович, три дня назад на лавку уже нападали. Поздно вечером, когда там был только приказчик. Ударили сзади по голове, оглушили. Всё перерыли и ушли, ничего не взяв. Как это по-вашему?

— Довольно странно, — признал Фандорин, заметив боковым зрением, что мадемуазель Немчинова приблизилась к беседующим сажени на три и остановилась в нерешительности.

Приняв вид крайней озабоченности, надворный советник повернулся к графу и спросил:

— Так-таки ничего не взяли?

— Пряхин мне говорил, что грабители перевернули всё вверх дном, а забрали только большую яркую вазу из фаянса, которой красная цена пять рублей. Японские агатовые нэцкэ, главную ценность, не тронули. Бедняга так радовался!

— А на этот раз что-нибудь пропало?

— Я разговаривал с Никифором, это приказчик, — сообщил Хруцкий. — Опять разворошили всю лавку, даже доски из пола вывернули, а взяли только пару дешевых гонконгских платков и медную арабскую трубку. Нет, господа, это не грабеж. Уверяю вас, убийцы что-то искали!

Эраст Петрович удивленно приподнял брови:

— С чего вы взяли, что убийца был не один?

— Полиция так считает, — ответил за графа Баранов. — Этакий разгром в одиночку устроить трудно. Разве что от какого-нибудь особенного остервенения. Злосчастного антиквара топором чуть ли не на куски изрубили.

— История и в самом деле с-странная. — Сзади послышались невесомые шаги и шелест гипюрового платья, посему Фандорин придвинулся к генералу поближе, как бы желая довести до его сведения сообщение немалой государственной важности. — Два нападения на скромную лавку, да еще с явными признаками обыска. Пожалуй, на обычный пьяный разбой непохоже.

— Вы находите? — Обер-полицеймейстер привык относиться к суждениям чиновника особых поручений со всей возможной серьезностью и потому предложил. — Не передать ли дело из околотка в сыскную полицию?

— Пока не стоит. Я завтра утром наведаюсь на место п-преступления, посмотрю, как и что. Тогда и решим. Кто там околоточный? Небаба?

— Да, Макар Небаба. — Генерал улыбнулся. — Смешная фамилия. Он и вправду на бабу никак не похож. Кулачищи с пуд, все сухаревские клошары его трепещут. Шельма, конечно, но порядок блюдет.

Тут взгляд его превосходительства обратился куда-то за спину Эраста Петровича, выражение лица сделалось приторно-умильным, а подкрученные усы галантно распушились, из чего можно было сделать вывод, что Пегги двинулась на штурм.

Фандорин услышал легкий стук, сопровождаемый мелодичным «ах!». Обреченно вздохнув, чиновник повернулся и поднял оброненный веер. Кадрили было не избежать.

2

— В котором, говорите, часу это произошло? — спросил Фандорин, присев на корточки и внимательно разглядывая дверной замок.

— Так что в девятом или в десятом вечера, — отрапортовал околоточный надзиратель, известный всей Сухаревке Макар Нилович Небаба, собою жилистый, длиннорукий, с грубым и мрачным лицом. — Лавка уже закрылась, но хозяин еще возился. Видно, выручку считал. А этого в лавке не было.

Полицейский кивнул на «этого» — приказчика Никифора Клюева, сутулого и нервного мужичонку на вид лет сорока. Голова приказчика была обмотана не слишком чистой тряпицей — во время предыдущего налета Клюев получил от неведомых злодеев увесистый удар по макушке.

— Лежал с того самого дня как есть в полном изнеможении, — пожаловался приказчик. — И посейчас из стороны на сторону шатает. Фершал сказывал, чудо Божье, что у меня головная черепица надвое не треснула. Уберег Господь. А окажись я тут позавчера, то и меня бы, как Силантия Михалыча... — Он закрестился, поймал суровый взгляд околоточного и вдруг стал разматывать тряпицу. — Да вот, Макар Нилыч, извольте обозреть. Не шишка, а истинный дюшес.

Клюев наклонил лысую бугристую голову и предъявил доказательство перенесенного страстотерпия. Шишка

и в самом деле была убедительная: вся сине-багровая, наливная, дюшес не дюшес, но с изрядную сливу.

— В девятом-десятом? — переспросил надворный советник и побарабанил пальцами по дверному торцу.

Околоточный наклонился к начальству, громко зашептал, деликатно прикрывая рот огромной ладонью, но все равно шибануло чесноком и «белой головкой» — Эраст Петрович слегка наморщил нос:

— Сам подивился. Время позднее, Пряхину по всему следовало дверь на засов закрыть. Сами понимаете, ваше высокоблагородие, Сухаревка. А взлома нет — значит, убиенный сам открыл. Уж не знакомый ли какой?

— Подивился? — искоса взглянул Эраст Петрович на полицианта. — А что ж в рапорте про это не написано?

— Виноват...

Лицо Небабы немедленно сделалось бессмысленно-чугунным, глаза обрели особенный блеск, свойственный лишь бывалым, тертым служакам. Фандорин только вздохнул: не захотел сухаревский околоточный, чтобы на его участке шныряли господа из сыскной полиции, вот и утаил подозрительное обстоятельство. Обычное дело.

Чиновник повернулся к приказчику.

— Расскажите-ка, Клюев, поподробнее, как вы этакой к-красотой на макушке обзавелись. Когда это произошло? Четвертого дня?

— Обскажу все как было в полнейшей обстоятельности, — с готовностью откликнулся ушибленный, расправил узкие плечи и, откашлявшись, начал. — Вечерело. В небе ярилась буря, посверкивали молнии, и дождь лил как из ведра. Силантий Михалыч, приняв рапсовые капли от почечуя и пожелав мне благоспасительных сновидений, удалился вкусить заслуженной отрады после многотрудного дня, а я испил малую чашицу чаю и приготовился запирать сей магазин. Вышел на улицу, всю затянутую пеленой дождя...

— «Воскресным чтением» увлекаетесь? — перебил рассказчика Фандорин. — Вы без природных описаний, по существу.

— По существу? — сбился Клюев. — А по существу, сударь, выходит так. Повернулся замок запереть, а после ничего не помню. Очухался — лежу на пороге, темнотища, и собака-бродяжка мне кумпол лижет.

— Это его сзади тяжелым тупым предметом в затылочно-теменную область, — важно констатировал околоточный.

— И вы не слышали звука п-приближающихся шагов? Постарайтесь припомнить. Ведь мостовая-то булыжная.

Клюев наморщил лоб, показывая, что изо всех сил старается, но лишь покачал головой.

— Никак нет. Не вспомню-с. Здесь всякой рвани полно, многие вовсе без сапог ходют. Не иначе как злоумышленник был разумши, — предположил приказчик, но сразу же сам себя опроверг. — Хотя ежели б был разумши, то шлепал бы, а шлепу никакого не было.

— Может, китаеза? — вставил Небаба. — Они в тапках шастают. Тихо так, безо всякого стуку.

Пострадавший эту версию охотно поддержал:

— А вот это очень даже возможно. Косорылых к нам в лавку много захаживает. Есть и вовсе полоумные, которые ихнюю китайскую траву курят.

Околоточный мощной рукой отодвинул субтильного свидетеля в сторону, чтоб не загораживал от начальства.

— Я, ваше высокоблагородие, что думаю. Пряхина позавчера тоже не иначе как дурманщик какой китайский порешил. Наш православный спьяну или с похмелюги этак не отуродует. Для такой лютости надо в полном помрачении быть. Мало что зарубили, так после еще всего топором покромсали — пальцы порубленные по полу валялись, боковина вся в мелких засечках, брюхо распорото, а уж кровищи-то — море. Не иначе курильщик покуражился, с опийного угару. Только китайца нам ни в жизнь не сыскать. У них с нашим братом полицейским молчок, всё промеж собой решают. Да и на рожу все одинакие, поди-ка разбери, кто там у них Сунь-Вынь, а кто Вынь-Сунь.

Эраст Петрович вошел в тесную лавку, остановился перед огромным бурым пятном засохшей крови, расползшимся от прилавка чуть не до самой двери.

— Были ли с-следы ног?

— Никак нет, ни одного не обнаружено.

Чиновник прошел по пятну, покачал головой.

— Так-таки ни одного к-кровавого отпечатка? Ведь весь пол залит. Преступник рубил жертву вон там, у прилавка?

— Точно так. И вон, изволите видеть, весь товар покрушил-покидал.

— Как он п-после до двери-то добрался, ни разу в лужу не наступив?

Околоточный подумал, пожал полечами.

— Не иначе перепрыгнул.

— Редкостная предусмотрительность для одурманенного. Да и п-прыжок неплох — аршина на четыре, без разбега.

Эраст Петрович осмотрел пространство за прилавком, заваленное всяким хламом. Поднял с пола свиток с китайскими иероглифами, развернул, прочитал, бережно положил на конторку и мельком покосился на облезлое чучело маленького крокодила, что висело на стене над керосиновой лампой. Присел на корточки, стал перебирать разбросанный, а частью разбитый или раздавленный товар. Особенный интерес у надворного советника вызвал желтый костяной шар, чуть поменьше биллиардного, — плохонький и щербастый, с какими-то витиеватыми письменами. Но на диковинные значки Фандорин внимания не обратил, а зачем-то поскреб ногтем зазубрины и даже принялся рассматривать их в лупу.

Околоточный тем временем прохаживался вдоль разгромленных полок. Взял бронзовое зеркальце на изогнутой ручке, подышал на пятнистую поверхность, потер обшлагом, сунул безделицу в карман. Приказчик только вздохнул, но перечить не посмел, да и что ему теперь до хозяйского добра?

— Скажите, Небаба, а с чего вы взяли, что Пряхина сначала убили, а уже потом изрубили т-топором? — вдруг спросил Фандорин, распрямившись.

Сухаревский повелитель снисходительно взглянул на неразумное начальство, поправил пегие усы.

— А как же иначе, ваше высокоблагородие? Если б Пряхина живьем рубили, он так бы орал, что в соседних домах бы услышали. Ору же никакого отмечено не было, я справлялся.

— Понятно. — Фандорин поднес к лицу полицейского шар. — А что это за отметины?

— Откуда ж мне... Эге, да это же зубы! — ахнул Небаба. — Кому это понадобилось костяную дулю грызть? Ее и не укусишь.

Он взял шар, ухватил его крепкими желтыми зубами, и оказалось — точно, укусить шар никакой возможности не было, больно уж тверд.

— Зубы убитого осматривали? Нет? — Лоб Эраста Петровича озабоченно нахмурился. — Уверен, что некоторые из них сломаны или раскрошены. Этот шар убийца засунул антиквару в рот.

— Зачем? — удивился околоточный, а приказчик ойкнул, перекрестился и прикрыл рукой узкие, бледные губы.

— Затем, чтоб в соседних домах, как вы выразились, «ору» слышно не было. Жертву кромсали топором заживо, и довольно долго. Антиквар же от боли грыз этот неаппетитный шар зубами...

Теперь перекрестился и Небаба.

— Страсть какая! Но заради чего было подвергать Пряхина этаким мукам?

— Чтобы он выдал тайник, — отрезал надворный советник и вновь принялся оглядываться по сторонам, даже задрал голову к потолку. — Совершенно очевидно, что Пряхин обладал какой-то особенно ценной вещью. По первому разу, четвертого дня, п-преступник (я склонен думать, что это был один человек) попробовал обойтись без убийства: оглушил приказчика и устроил в лавке обыск, но потребного предмета не нашел. Тогда зло-

умышленник наведался во второй раз, уже в присутствии хозяина, и подверг его пыткам. Только Пряхин тайника не выдал.

— Почем вы знаете, что не выдал? — усомнился Небаба. — Такую ужасть кто же вынесет?

— Есть люди, у которых упрямство или жадность пересиливает боль и даже ужас смерти. Если б антиквар отдал то, что разыскивал преступник, убийце не пришлось бы рыться на полках и взламывать пол. Вон, видите, там в углу доски вывернуты? Нет, Пряхин унес свою тайну в могилу

«Господи, господи», — причитал Клюев, продолжая мелко креститься, околоточный же, немного поразмыслив, спросил:

— А может, изверг этот, умертвив Пряхина, все-таки нашел тайник?

— Вряд ли, — рассеянно пробормотал Эраст Петрович, быстро вертя головой во все стороны. — Если б тайник был прост, преступник обнаружил бы его с первого раза. Нуте-ка, д-давайте мы попробуем.

Он прошелся вдоль тесного, вытянутого в длину помещения, постукивая костяшками пальцев по штукатурке. Развернулся на каблуках, зачем-то трижды хлопнул в ладоши.

— Скажите, Клюев, несгораемый шкаф здесь, разумеется, не в заводе?

— Нету-с, и отродясь не бывало.

— А где же ваш хозяин хранил деньги и ценности?

— Затрудняюсь ответить, ваше высокоблагородие Очень уж Силантий Михалыч были недоверчивы.

— И что же, за все время службы вы ни разу не видели, откуда он берет сдачу или куда к-кладет выручку?

— Как не видеть, видел-с. В карман — известно куда. Но только в кармане они много денег не держали. И на улицу никогда более чем с трешницей не выходили. Говорили: «Народишко вор и сволочь», такое у них присказание было, а выражаясь по-научному, кредо.

— Кредо, кредо... — протянул Эраст Петрович и, наклонившись, подергал плинтус.

— Может, в погребе? — высказал предположение околоточный.

— В погребе вряд ли. — Чиновник решительно вернулся к прилавку. — Не лазил же он каждый раз в подпол, чтоб трешницу припрятать. А это здесь зачем?

Фандорин показал на выцветшего крокодила, тянувшего к нему свою приоткрытую зубастую пасть. Житель илистых рек и теплых болот был подвешен хвостом кверху, однако свою ящериную голову вывернул под прямым углом, так что казалось, будто он пялится на надворного советника маленькими веселыми глазками.

— Это животная под названием кохинхинский каркадил, — пояснил приказчик.

— Вижу, что крокодил. Зачем он тут? Ведь это не антиквариат?

— Завсегда тут висел, еще до того, как Силантий Михалыч меня наняли. Навроде украшения. Силантий Михалыч очень эту чудищу обожали, каждовечерне самолично тряпицей протирали. Даже имя ему нарекли — Ирод.

Эраст Петрович вздохнул, словно бы сетуя на странности человеческой натуры, и без малейших колебаний сунул руку прямо в крокодилью пасть.

Околоточный поневоле ойкнул — уж больно острым и неприветливым казался оскал заморского страшилища.

— Ну-ка, что там у нас, — сам себе проговорил Фандорин и, кажется, что-то нащупал. — Так и есть. Под рукой и на самом виду — никто не подумает. Убийца явно не ч-читал Эдгара Поэ.

Он осторожно извлек из диковинного вместилища сначала пук мелких кредиток, а затем сверток из бархатной материи, в котором что-то слегка постукивало. Деньги чиновник непочтительно кинул на конторку, а бархатку развернул. Придвинувшиеся вплотную Небаба и Клюев разочарованно выдохнули: внутри оказались не драгоценные каменья и не золото, а круглые зеленые камешки, нанизанные на нитку, — обыкновенные бусы. Нет, судя по кисточкам, скорее не бусы, а четки, только не христианские, а какие-то басурманские.

Подождав, пока чиновник рассмотрит находку как следует, околоточный вполголоса спросил:

— Ценная вещь?

— Не особенно. Обычные нефритовые ч-четки. В Китае и Японии таких полным-полно. Правда эти, кажется, очень старые. Клюев, вы их прежде когда-нибудь видели?

Приказчик развел руками:

— Никогда-с.

— Заберу с собой, — решил Фандорин. — А деньги пересчитайте и оформите протоколом.

Небаба бросил цепкий взгляд на купюры, чуть пошевелил их пальцем и в ту же секунду уверенно заявил:

— Тридцать семь рубликов. Ваше высокоблагородие...

— Что?

— Не показать ли эти самые четки графу Хруцкому? Их сиятельство — большой знаток по части всяких восточных штук.

— Не стоит, — легкомысленно махнул рукой Эраст Петрович, засовывая бархатку в карман. — Я, Небаба, и сам кое-что смыслю в «восточных штуках».

И, провожаемый недоверчивым взглядом околоточного надзирателя, направился к выходу.

3

Весь день надворный советник пребывал в сосредоточенной задумчивости, то и дело доставал из кармана четки, покачивал на ладони гладкие каменные шарики, и их негромкий, уютный перестук доставлял ему необъяснимое удовольствие.

На послеполуденном докладе у генерал-губернатора (собственно, следовало бы назвать этот каждодневный ритуал обыденным словом «чаепитие», тем более что нынче и докладывать-то было особенно не о чем) князь Владимир Андреевич поинтересовался:

— Что это у вас, голубчик, за игрушка? Какое-нибудь новомодное изобретение? Вы ведь у нас поклонник тех-

нического прогресса. Дайте-ка посмотреть. — И, нацепив пенсне, принялся с любопытством рассматривать восточную диковину.

— Нет, ваше высокопревосходительство, — почтительно ответил чиновник особых поручений. — Изобретение самое что ни на есть старинное. Придумано древними для концентрации мыслительной и д-духовной энергии.

— А, четки, — понял князь. Стал перебирать их, ритмично пощелкивая зелеными камешками, и вдруг хлопнул себя по лбу. — Эврика! С утра терзаюсь, как составить докладную записку по афганскому вопросу для его величества. Смолчать бесчестно — горячие головы втягивают страну в авантюру, а писать правду боязно, ведь англофобия государя общеизвестна. Так я вот что, я напишу отчет о пребывании цесаревича в Первопрестольной и между делом изложу свою позицию по кушкинской экспедиции. Оно выйдет и прозрачно, и ненавязчиво. Ай да Долгорукой, ай да голова! Держите ваши четки, Эраст Петрович. Они мне и в самом деле помогли с мыслительной концентрацией. Вы их почаще приносите.

Фандорин улыбнулся шутке, и разговор повернул на российско-английский конфликт, приняв столь специальный характер, что непосвященному человеку разобраться во всех этих политических тонкостях и хитросплетениях было бы совершенно невозможно.

Но вечером, уже вернувшись к себе на Малую Никитскую и усевшись за окончательное доведение письма на высочайшее имя, Эраст Петрович вспомнил шутливые слова генерал-губернатора. Бумага была необычайно трудной, поскольку ее составление требовало осторожности и такта — малейшая ошибка могла бы иметь для князя самые опасные последствия. Надворный советник то и дело останавливался, перечитывая написанное, и рука сама собой лезла в карман за четками — поначалу чисто механически. Однако вскоре Эраст Петрович заметил удивительное обстоятельство: стоило ему несколько мгновений поперебирать нефритовые кругляшки, и головоломная фраза сочинялась сама собой, причем самым что ни на есть идеальным образом.

Это повторилось не раз и не два, так что в конце концов Фандорин, заинтригованный странным феноменом, вовсе отложил письменные принадлежности и уставился на четки с пытливым интересом.

Вечер выдался чрезвычайно жаркий и душный, поэтому надворный советник устроился в высоком вольтеровском кресле у раскрытого окна, выходившего во двор, и раздвинул шторы. Снаружи, во дворе, было совсем темно, из соседского яблоневого сада доносился звон цикад. Эраст Петрович с удовольствием выпил бы чаю, но камердинер Маса, как обычно, отправился на романтическое свидание с некоей особой. Оберегая честь дамы, японец хранил ее имя в тайне, но по крошкам и изюминкам, в последнее время то и дело выпадавшим из карманов сластолюбивого азиата, Фандорин вычислил, что Маса свел-таки интимное знакомство с местной булочницей, на которую давно поглядывал с томлением и которой даже посвятил прочувствованное трехстишье:

Вокруг пышного цветка
Вьется желтая пчелка.
О, пьянящий аромат!

Так или иначе, слуги дома не было, самому же ставить самовар было лень, поэтому Эраст Петрович решил удовольствоваться сигарой. Пуская струйки синего дыма, пересчитал бусины. Получилось число, для Востока необычное — двадцать пять. Если б двадцать четыре, понятно: три восьмерки, то есть трижды счастливая цифра, знаменующая счастье и долголетие. Но двадцать пять? Пятью пять — это что-то жесткое, логическое, европейское.

Фандорин повертел четки и так, и этак, даже зачем-то лизнул один камешек (благо в комнате никого не было), а потом еще и понюхал. Никакого вкуса язык, разумеется, не ощутил, а вот запах был — едва уловимый, но все же несомненный. Эраст Петрович узнал его. Пахло неподдельной, истинной древностью, как от византийских мозаик или развалин Колизея. Именно такой аромат источает время, когда его накапливается очень

много: от сгустившегося времени веет покоем, прахом и немножко полынью.

Пальцы сами защелкали шариками, и внезапно в голову пришла не вполне понятная мысль: двадцать пять — это трижды долголетие плюс единица. То есть больше, чем трижды долголетие? Что это может значить? Нелепица какая-то.

Вдруг раздался легчайший треск — это лопнула нитка, и камешки зеленым дождем посыпались вниз, но на пол не упали, потому что реакция у Эраста Петровича была отменной. Он моментально опустился на колени, подставил ладони ковшом и поймал все бусины кроме одной — той самой, двадцать пятой. Она ударилась о паркетный пол со странным чмокающим звуком и откатилась в сторону. Странно было не только непонятное причмокивание, которого никак не могло произойти при столкновении камня с деревом. Не менее удивительным показалось Фандорину и то, что донесся звук не снизу, а сверху.

Коленопреклоненный Эраст Петрович поднял голову, обернулся и увидел, что в изголовье, где за секунду перед тем находилась его голова, подрагивает толстая короткая стрела, вошедшая в обивку кресла чуть не по самое оперенье.

Это загадочное явление до такой степени поразило надворного советника, что он сначала потряс головой, а уже потом высыпал шарики в кресло и выдернул из обивки пернатую гостью. Такие стрелы Фандорину уже приходилось видеть раньше — ими стреляют из маленьких, мощных арбалетов, какими с незапамятных времен пользуются профессиональные убийцы в Японии, Корее и Китае.

Не раздумывая более ни единого мгновения, чиновник особых поручений легко перемахнул через подоконник, пружинисто приземлился на мягкую клумбу и нажал пальцами на глазные яблоки, чтобы зрение после света быстрей приспособилось к темноте.

Но еще прежде, чем расширились зрачки, слух Эраста Петровича уловил шорох — некий человек в наряде, тесно облегающем фигуру, пригнувшись бежал к ограде, что отгораживала усадьбу барона Эверт-Колокольцева, во флигеле которой квартировал Фандорин, от уже упоминавшегося яблоневого сада. Несостоявшийся убийца мчался сквозь тьму легко и проворно, почти бесшумно касаясь ногами земли.

Револьвера у надворного советника при себе не было, да если б и был, Эраст Петрович все равно стрелять бы не стал. Во-первых, очень уж хотелось объясниться с безвестным недоброжелателем, а во-вторых, сей интересный стрелок совершил непростительную топографическую ошибку — очевидно, из-за недостаточного знания местности. В том направлении, куда он сейчас несся со всех ног, двор был замкнут не обыкновенным забором, а высокой, в добрых полторы сажени, стеной. Отлично зная, что деваться новоявленному Вильгельму Теллю некуда, Фандорин и бежать за ним не стал, а направился следом спокойно и неторопливо.

Но здесь чиновника ожидал новый сюрприз. Не замедлив бега, злоумышленник оттолкнулся от земли и подпрыгнул так высоко, что смог ухватиться руками за край стены. Безо всякого усилия подтянулся, присел на корточки и исчез на той стороне. Прежде чем спрыгнуть в сад, беглец задержался на верхушке — не долее чем на миг, однако Фандорин успел отчетливо разглядеть черный силуэт: узкие штаны в обтяжку, короткую куртку и конусообразную шапочку. Это был китаец!

Рванувшись с места, Эраст Петрович попробовал залезть на стену таким же манером, но из-за халата и домашних туфель с первого раза не получилось. Когда же надворный советник, наконец, оседлал трудную преграду, продолжать погоню уже не имело смысла: яблоневый сад встретил Фандорина безмятежной неподвижностью — не подрагивали ветки, не шуршала трава, и понять, в какую сторону устремился злодей, не представлялось ни малейшей возможности

Назад Эраст Петрович вернулся разочарованным и недоумевающим. На всякий случай задвинул шторы, хоть в комнате от этого сразу стало душно. Походил взад-вперед, похлопал в ладоши, помассировал виски, но в голову ничего путного не лезло. По опыту Фандорин знал, что самое лучшее средство для разгона застоявшейся мысли — какая-нибудь механическая работа. Кстати и дело нашлось.

Чиновник сходил в комнату Масы, порылся в шкатулке с иголками и нитками. Остановил свой выбор на катушке с красно-золотой наклейкой ***Замѣчательно прочныя и надежныя шелковыя нитки тов-ва «Пузыревъ и сыновья»***.

Сел в кресло, покосившись на дырку от стрелы, стал нанизывать шарики на нить. Ах да, был ведь еще один — откатился в сторону.

Двадцать пятая бусина обнаружилась под письменным столом. Эраст Петрович поднял ее и вдруг ощутил подушечкой пальца какой-то резной узор. Поднес камешек к лампе и увидел полустертый иероглиф «железо» — по-японски он читался «тэцу», по-китайски «те». Что бы это значило?

Присоединив последний кругляшок к его собратьям и завязав нитку, чиновник проверил, удобно ли камешкам на новой основе. Оказалось, что очень даже удобно. Зеленые шарики весело защелкали один о другой.

«Железо», *«те»*? Неужто...

Фандорин вскочил на ноги и бросился к шкафу, в котором стояли старинные книги, в свое время вывезенные им из Империи Восходящего Солнца.

4

На следующий день Эраст Петрович на службу не пошел, послав в канцелярию коротенькую записку, в которой ссылался на некие неотложные дела. В самом этом обстоятельстве ничего удивительного не было, поскольку надворный советник не имел определенных присут-

ственных часов и вообще находился на завидном положении вольной птицы. Странности начались позднее, уже ближе к вечеру.

Молодой человек, всегда одевавшийся с иголочки и слывший одним из первых московских щеголей, нарядился в потрепанный сюртук, извлек из особого отделения платяного шкафа нечистую рубашку, хранившуюся там специально для подобных случаев, дополнил свой туалет прочими соответствующими предметами и отправился пешком в сторону Сухаревского рынка. Путь был некороткий, но Фандорин не спешил, наслаждаясь мягким дыханием погожего летнего дня.

Очевидно, столь продолжительная прогулка понадобилась чиновнику для пробуждения аппетита. Во всяком случае, достигнув Сухаревки, он сразу же направился в одну из самых непрезентабельных харчевен китайского квартала — одно название что квартала, а на самом деле нескольких кривых и тесных переулочков, где обосновались китайские мелочные торговцы и разнорабочие, с недавних пор начавшие селиться в Древнепрестольной.

В темной и грязноватой комнате не было ни одного европейца. Там резко пахло жареной селедкой и каким-то едким маслом, а за низенькими столами сноровисто ели палочками низкорослые узкоглазые люди с длинными косами, все как на подбор в синих или черных суконных курточках со стоячими воротниками. Вежливость и опасение обжечь губы предписывали есть суп и втягивать в рот лапшу со свистом, поэтому отовсюду доносилось деловитое хлюпанье и причмокивание, какого не услышишь и в самом распоследнем хитровском трактире.

Эраст Петрович заказал суп из акульих плавников и жареные блинчики с яйцами и капустой. Пока дожидался, безмятежно поигрывал старинными нефритовыми четками. На взгляды искоса отвечал легким покачиванием головы, а когда ему принесли мисочку с супом и тарелочку с хрустящими свернутыми блинами, захлюпал и зачмокал не хуже прочих едоков.

Ел долго, с аппетитом, а потом еще не менее трех четвертей часа пил из закопченного бронзового чайника жасминовый чай. Наконец встал, вытер вспотевший лоб несвежим платком, положил на стол пятиалтынный и перебрался в соседнее заведение, где подавали сласти и шла игра в маджонг.

Китаеведческая экскурсия чиновника особых поручений продолжалась до темноты, которая застала Фандорина в некоем мрачном подвале, затерянном в глубине одного из сухаревских дворов. Это было довольно просторное помещение с низким сырым потолком и почти безо всякого освещения, если не считать нескольких масляных плошек.

На полу рядами были разложены ватные тюфячки, на которых сидели и лежали люди — по преимуществу китайцы, но попадались и европейцы. Пахло сладким, щекочущим ноздри дымком, который медленно и грациозно покачивался под сводом подземелья. Никто не разговаривал, здесь царила тишина, лишь время от времени откуда-нибудь раздавалось приглушенное, невнятное бормотание.

Эраст Петрович не без брезгливости уселся на засаленную подстилку, и молчаливый китаец сразу же принес и с поклоном подал ему дымящуюся костяную трубку с длинным, украшенным драконами черенком. Покосившись по сторонам (слева дремал какой-то бледный, бородатый господин в чиновничьем мундире со споротыми пуговицами, справа восседал толстощекий китаец с блаженно зажмуренными глазками), Фандорин первым делом выложил на край тюфяка четки, затем тщательно вытер платком мундштук и осторожно затянулся — единственно из научного интереса. Ничего особенного не произошло — ни после первой затяжки, ни после второй, ни после третьей.

Успокоившись, надворный советник сделал вид, что тоже дремлет, сам же из-под прикрытых век — благо глаза уже привыкли к сумраку — стал незаметно приглядываться к лицам курильщиков. Странные это были лица:

как бы лишенные возраста, с одинаково приопущенными подбородками и темными ямами вместо глазниц. Внимание чиновника привлек старый китаец с длинной седой бороденкой, что сидел прямо напротив. Эраст Петрович удивился остроте собственного взгляда — так отчетливо ему было видно каждую морщинку на благостном лице старца. Вдруг глаза китайца приоткрылись, и оказалось, что они вовсе не сонные и одурманенные, а, напротив очень живые, ясные и, пожалуй, даже веселые. Подмигнув молодому человеку, старик спросил ласковым, несказанно приятным голосом, причем безо всякого акцента:

— Что, трудно?

Отчего-то чиновник сразу понял, что загадочный китаец спрашивает его не о каком-нибудь мелком неудобстве вроде непривычки к сидению на комковатом тюфяке, а о том, трудно ли ему, Эрасту Фандорину, жить на свете.

— Нет, — ответил Эраст Петрович.

А подумав, сказал:

— Да.

Запахло цветущими яблонями, и вдруг выяснилось, что оба они — и Фандорин, и симпатичный старик — сидят вовсе не в сыром подвале, а на вершине невысокой горы. Внизу простиралась зеленая долина, поблескивающая квадратами заливных рисовых полей, на склонах росли усыпанные цветами деревца, вдали виднелся белостенный монастырь с диковинными башенками и пятиярусной пагодой, а предзакатное небо было зеленолилового оттенка, какого никогда не увидишь в средней полосе России.

Перемещению в пространстве Эраст Петрович нисколько не удивился — наоборот, счел уместным и даже само собой разумеющимся. Он знал, что старца зовут Те Гуанцзы, а гора называется Тайшань.

Помолчали.

— Боишься смерти? — снова спросил старец.

И снова Эраст Петрович ответил сначала «нет», а подумав — «да».

— А ты ее не бойся, — улыбнулся Те Гуанцзы. — Ничего страшного в ней нет. Если захочешь, смерти и вовсе не будет. Научить тебя этой тайне?

— Да, мудрый! — вскричал Фандорин. — Научи!

— Слушай же, но только не умом, а духом, потому что ум подобен листку, который распускается весной и облетает осенью, а дух — это могучее дерево, живущее тысячу лет.

— Я не хочу жить тысячу лет, — сказал Эраст Петрович. — Но я хочу знать тайну.

— Сейчас ты ее узнаешь, — еще ласковей улыбнулся волшебник. — Она проста. Ведь что такое смерть?

Чиновник наклонился вперед, чтобы не пропустить ни единого слова, а мудрейший смежил веки, вытянул руку — что-то очень уж далеко, на целую сажень. Чудодейственно удлинившаяся рука ухватила Эраста Петровича за плечо и стала сильно-сильно трясти.

— Гаспадзин, гаспадзин, скорей, уйдзёт! — услышал Фандорин голос, изъяснявшийся по-русски с чудовищным японским акцентом.

— Постой, Те Гуанцзы, — попросил надворный советник, — не уходи. Это Маса, я его сейчас отошлю, чтоб не мешал.

Но было поздно. И кудесник, и яблоневая гора, и зеленая долина исчезли.

Эраст Петрович сидел все на том же тюфяке, в продымленном сухаревском подвале, а над ним, согнувшись, стоял Маса и тряс одурманенного опиумом хозяина за плечо.

— Тётки! — быстро говорил Маса — тот самый круглолицый азиат, что еще недавно сидел по соседству с чиновником. — Он взяр тётки!

И действительно — четки, которые Фандорин положил рядом с собой, исчезли.

— Кто взял? Те Гуанцзы? — лениво спросил Эраст Петрович. — Ну и пусть. Это его четки.

— Какой Те Гуанцзы? Взяр старый теровек, он сидер тут.

Маса показал на место, где только что обретался чудесный старец. Тюфяк был пуст.

— Ах, Маса, как ты невовремя, — пробормотал чиновник, но слуга бесцеремонно дернул его кверху, поставил на ноги и потащил к выходу.

Фандоринский камердинер перешел на свой родной язык — впрочем, если бы кто из сидевших в курильне и знал по-японски, то из этого сбивчивого рассказа все равно ничего бы не понял:

— Когда вы, господин, уронили голову и зашлепали губами, а на лице у вас появилась эта глупая улыбка, которая осталась до сих пор и, боюсь, теперь останется навсегда, он поднялся, встал в проходе и уронил подле вас трубку. Наклонился подобрать и быстро схватил четки. Убить вас он не пытался — я все время был начеку. Скорее, он не мог далеко уйти! Мы его догоним!

— Кто *он*? — лучезарно улыбнулся Эраст Петрович. Он чувствовал приятное умиротворение, гнаться за кем-либо ему совсем не хотелось.

— Старый китаец, что сидел напротив вас, кто же еще! Вы совсем опьянели от этой подлой травы! Наверняка это тот убийца, что пустил в вас стрелу и после перепрыгнул через стену!

Фандорин глубокомысленно насупился, желая показать, что находится в ясном рассудке и трезвой памяти.

— Каков он собой?

Маса немного подумал и, пожав плечами, сказал:

— Китаец.

Потом добавил:

— Старый. Совсем.

— А я думал, молодой, — сообщил ему Эраст Петрович и зашелся в приступе легкомысленного хохота — таким смешным ему показалось, что китаец, запросто перемахнувший через высокую стену, совсем старый: прыг-скок, и на той стороне. Не дедушка, а какой-то попрыгунчик.

Коротко обернувшись, слуга проворно влепил надворному советнику две звонкие оплеухи, отчего Эраст Петрович перестал киснуть со смеху и хотел было обидеться, но поленился.

Они уже находились во дворе. Было темно, ветрено, булыжная мостовая блестела от дождя, а по лицу мелкой дробью колотили капли. От свежести и влаги Фандорин отчасти пришел в себя.

— Вон он! — показал Маса, выглядывая из подворотни.

Впереди, шагах в тридцати, быстро семенила согбенная фигурка. Локти поджаты, будто человек ежится от холода или прижимает что-то к груди. Звука шагов слышно не было.

— За ним, т-только осторожно, — сказал Фандорин. Голова теперь работала лучше, но немного заплетался язык и колени были будто не свои. — Посмотрим, куда идет.

Старик повернул налево, еще раз налево и вышел на Сухаревскую площадь, где горели фонари и все еще шла торговля, из чего потерявший счет времени Фандорин заключил, что час не слишком поздний.

Проскользнув по самому краешку площади, похититель снова нырнул в узкую улочку, и преследователи ускорили шаг.

— Ваше высокоблагородие, никак вы? — услышал чиновник зычный голос, показавшийся ему знакомым.

Обернулся, чуть не потеряв равновесие от этого не слишком сложного движения, и увидел околоточного надзирателя Небабу, державшего за ухо какого-то оборванца с перевязанной щекой. Убедившись, что это и в самом деле надворный советник, Небаба кивнул на задержанного:

— Ширмач. Взят с поличным.

— Дяденька Макар Нилыч, отпусти, — заныл воришка. — Лучше поучи своей рученькой, только в холодную не волоки.

Как кстати, подумал Эраст Петрович. Китаец шустер и ловок, Масе в одиночку справиться с таким будет трудно, а на себя в нынешнем одурманенном состоянии надежды мало. Раз Небаба столько лет служит на Сухаревке и до сих пор жив, значит, калач тертый и постоять за себя умеет. Да и все здешние закоулки лучше любого китайца знает. Определенно встреча с Небабой была подарком судьбы.

— Этого отпустить, — коротко приказал Фандорин. — За мной. Только сапогами потише.

На ходу коротко объяснил полицейскому суть дела.

Старик просеменил по улочке, повернул в Андриановский и вдруг юркнул в узехонький проход между домами.

— Всё, ваше высокоблагородие! — выдохнул чиновнику в ухо Небаба. — Надо брать! Там выход в три подворотни, да еще мокеевские подвалы. Уйдет.

И, не дожидаясь команды, бросился вперед, да еще в свисток задудел.

Маса и Фандорин кинулись следом.

В тесном дворе околоточный догнал китайца и схватил за плечи.

— Осторожно! — крикнул Эраст Петрович.

Откуда дуболому-полицейскому было знать, какие сюрпризы умеют преподносить худосочные китайские старички?

Однако Небаба легко справился с задачей — похититель и не пробовал бежать или сопротивляться. Когда надворный советник и его камердинер приблизились, китаец смирно стоял, втянув голову в плечи и дрожащим голосом повторял:

— Мэй ши! Мэй ши!

Маса расцепил пальцы арестованного, отобрал нефритовые четки (старик и в самом деле прижимал их к груди) и передал Фандорину.

Эраст Петрович вглядывался в темноту, пытаясь получше рассмотреть китайца. Старик как старик. Ни мудрости Те Гуанцзы на перепуганном лице, ни поджарой ловкости вчерашнего стрелка в тщедушном теле. Что-то здесь было не так.

Околоточный, стоявший за спиной арестованного, скептически заметил:

— Воля ваша, господин Фандорин, только непохоже, чтоб этот огрызок мог Пряхина топором изрубить. Он, поди, и топора-то не подымет.

Ответить Эраст Петрович не успел. Из темноты донесся шорох, звук короткого выдоха и сочный удар мягким

о мягкое. Небаба рухнул лицом вниз и раскинул длинные руки. Там, где только что стоял околоточный, обрисовался силуэт, в котором Фандорин сразу признал давешнего прыгуна через стены: тот же облегающий наряд, пружинность позы, коническая шапочка. Маса яростно зашипел, готовясь к рукопашной, но поперхнулся — черный человек молниеносным движением выбросил вперед ногу и припечатал японца точнехонько в подбородок. Удар был так неправдоподобно быстр, что застал верного фандоринского слугу, бойца бывалого и грозного, совершенно врасплох.

Даже не вскрикнув, Маса повалился навзничь, и оказалось, что всё войско Эраста Петровича повержено в первые же секунды баталии, а сам главнокомандующий совершенно не готов к схватке со столь грозным противником — точнее, даже с двумя.

Нет, оказалось, что все же с одним — старый китаец бросаться на чиновника явно не собирался. Он попятился к стене, обхватил голову руками и запричитал:

— Сяншэн, бу яо!

О, если бы Эраст Петрович пребывал в своем обычном состоянии, он без колебаний вступил бы в единоборство даже с таким мастером боевых искусств, а то и просто пристрелил бы ему лодыжку из вороненого «герсталя». Однако тянуться к поясной кобуре за револьвером времени не было — заметив движение, враг сразу нанесет упреждающий удар. О рукопашном же бое и помышлять не приходилось. Фандорин попытался встать в боевую стойку, и земля сразу закачалась у него под ногами. Останусь жив — никогда в жизни больше не притронусь к этой дряни, пообещал себе надворный советник, медленно пятясь.

Кажется, стойка все же произвела на противника должное впечатление: он решил, что одних рук и ног тут будет мало. Легким движением черный человек выдернул из рукава что-то длинное, гибкое и принялся описывать в темноте свистящие, поблескивающие петли. Стальная цепочка, догадался Эраст Петрович. Такой запросто можно и кость перебить, и горло разорвать.

У самого Фандорина в руках ничего кроме злополучных четок, увы, не было. От первого броска стальной змеи он кое-как увернулся, но едва не грохнулся наземь и отскочил назад еще на несколько шагов. Всё, дальше пятиться было некуда — стена. Эраст Петрович взмахнул четками, описав в воздухе свистящую восьмерку. Пусть враг думает, что у него в руках тоже цепочка — поостережется лезть. Но от взмаха замечательно прочная и надежная нитка, продукция товарищества «Пузырев и сыновья», лопнула, и каменные шарики самым бесславным образом посыпались во все стороны.

Черный человек сделал шажок вперед, готовясь к решительной атаке. Слушая, как рассекает воздух смертоносная цепочка, Эраст Петрович вспомнил похвальную даосскую максиму: «Сила духа побеждает меч». Жаль только, что в фигуральном смысле. Но попробовать стоило, тем более что ничего другого в этакой ситуации не оставалось. Фандорин собрал воедино расползающуюся ткань духа, выставил перед собой мягкие, будто ватные руки, и в тот самый миг, когда противник ринулся в атаку, произнес магическое слово «чжэнь», обозначающее духовную силу (ибо на телесную уповать не приходилось).

Сработало!

Черный человек повел себя, словно сорвавшаяся с ниток марионетка: всплеснул руками, одна нога непонятным образом выехала вперед, другая взметнулась кверху, и китаец с тошнотворным треском ударился затылком о булыжник мостовой.

Только тут Эраст Петрович понял, что ничего этого не было — ни похищения четок, ни слежки за стариком, ни фантастической схватки в темном дворе. Всё это бред, навеянный наркотическим дурманом. Сейчас видения рассеются, и снова будет полумрак, сизоватый дым и недвижные силуэты курильщиков.

Фандорин помотал головой, чтобы поскорей очнуться, но это не помогло.

Зато очнулся Макар Нилович Небаба, да и Маса зашевелился — взялся рукой за помятый подбородок, сказал несколько нехороших слов по-японски и по-русски.

Однако первым все же вернулся в строй полицейский. Он со стоном сел, потер загривок и хрипло спросил:

— Чем это он меня? Обухом?

— Ладонью. Ребром ладони, — объяснил Эраст Петрович, с любопытством всматриваясь в околоточного — а ну как сейчас возьмет и превратится в кудесника Те Гуанцзы или выкинет что-нибудь еще более интересное?

Полициант с кряхтением встал, сделал несколько шагов и, поскользнувшись, чуть не упал.

— Черт! Шариков каких-то порассыпали. Этак и шею свернуть недолго.

Подошел к распростертому китайцу. Нагнувшись, чиркнул спичкой. Присвистнул.

— Вот те на! Его сиятельство граф Хруцкий, собственной персоной!

5

С формальным допросом арестованных решили повременить до приезда следователя, за которым Небаба послал нарочного сразу же после прибытия в участок. Из временного вида на жительство, предъявленного китайцем, следовало, что зовут его Фан Чэнь, от роду ему шестьдесят семь лет, а проживает он в доме графа Хруцкого, где состоит на должности повара. По-русски Фан Чэнь знал всего несколько слов, а использовать в качестве переводчика ученого востоковеда при данных обстоятельствах было бы по меньшей мере странно.

— Посадите китайца пока что в к-кутузку, — велел околоточному Фандорин.— Его роль в этой истории более или менее ясна. Хозяин приказал ему следить за мной, при первой же возможности стянуть чётки и доставить к условленному месту встречи. Не правда ли, Лев Аристархович?

Граф Хруцкий сидел в углу, на колченогом табурете, и, ввиду своей чрезмерной спортивности, был прикован цепью к пыльной чугунной печке. Он уже совершенно

оправился, сидел вольно, скрестив ноги в узких полотняных штанах, а о неудачном падении напоминало только серое полотенце, которым его сиятельству обмотали зашибленный затылок. Бархатная китайская шапочка валялась на полу, черную матерчатую куртку граф расстегнул, так что обнажилась не только грудь, но и поджарый, мускулистый живот, однако Хруцкого это, похоже, ничуть не смущало.

— Истинная правда, Эраст Петрович, — ответил арестованный, с интересом разглядывая надворного советника. — Фан ничего не знал. Я сказал, что четки принадлежат мне и что вы выманили их у меня обманом. Он милый, безобидный старик и отличный знаток классической сычуаньской кухни.

— Да что за четки такие, ваше сиятельство? — не выдержал околоточный. — Какая в этих камешках особенная ценность, что вы из-за них на этакую страсть пошли? Пряхина топором нашинковали, нас с господином Фандориным чуть не порешили. Ведь на каторгу пойдете, лет на двадцать! За что?

Вместо ответа Хруцкий вопросительно посмотрел в глаза Эрасту Петровичу, словно желая понять, многое ли тому известно.

— Долго объяснять, Макар Нилович, — сказал чиновник. — Эти четки принадлежали одному китайскому м-мудрецу, который жил много столетий назад. Его звали Те Гуанцзы. Во всяком случае, Лев Аристархович верит, что это именно те четки. Хотя никакого Те Гуанцзы, скорее всего, не существовало, и история про нефритовые четки не более чем легенда.

— Браво, Фандорин, я вас недооценил, — прошептал граф и, повысив голос, присовокупил. — Только Те Гуанцзы существовал, и это действительно его четки.

Эраст Петрович развел руками:

— Я не знаток даосских легенд и спорить с вами не берусь. Да и потом, мы ведь тут оказались не для ученого диспута, а совсем по иному поводу. Когда я прочел на одной из бусин полустертый иероглиф «те», мне вдруг вспомнился миф о тайшаньском кудеснике, имя кото-

рого начинается с того же знака. Я порылся в сборнике танских новелл о волшебных преданиях старины и понял, чем эти скромные бусы могут быть ценны для человека, одержимого некоей безумной идеей. Ошибся я только в одном — был уверен, что преступник непременно китаец. Следовало вспомнить и о китаеведах...

Граф понимающе усмехнулся:

— И вы отправились в Китайскую слободу, чтобы выловить злодея на живца?

— Разумеется. Ведь к-китайцев в Москве не так много, всего две-три тысячи, и живут они кучно. Белый человек с нефритовыми четками в руках, слоняющийся по китайским харчевням и притонам, не мог остаться незамеченным... Скажите, Лев Аристархович, вы ведь нарочно позавчера явились на бал? Знали, что я непременно там буду, и хотели, чтобы я заинтересовался убийством антиквара? Но зачем вам понадобилось впутывать меня в эту историю? К чему идти на т-такой риск?

— Про вас, Фандорин, говорят, что вы видите сквозь землю на семь вершков и можете разгадать любую загадку. Я хорошо запомнил наш давний разговор — вы тогда произвели на меня впечатление исключительно проницательного и наблюдательного человека...

— И вы решили, что я найду то, чего не смогли найти вы?

— Ну вот видите, я же говорю — вы проницательны, — то ли всерьез, то ли с издевкой проговорил китаевед.

— Хорошо, это ясно. Но каким образом вы узнали, что мне удалось н-найти четки? Утром я обнаружил немудрящий пряхинский тайник, а уже вечером вы попытались меня убить.

Небаба ни с того ни с сего закашлялся, да так старательно, что Фандорин сразу же повернулся к околоточному.

— Вы? Это вы ему сказали? Но з-зачем? Хотели проверить у специалиста, насколько ценны четки? Что, сразу из лавки отправились к графу?

— Никак нет, — прогудел сконфуженный Макар Нилович. — То есть, правду сказать, было у меня такое со-

ображение, но не понадобилось. Только с вами распрощался, пошел в участок протокол писать, гляжу — навстречу их сиятельство идут. Ну, я, дурак, и обрадовался. Вот, думаю, удача...

— Да уж, удача редкостная, — едким тоном подтвердил Фандорин и снова обернулся к графу. — Что, Лев Аристархович, невтерпеж было? Ходили вокруг лавки к-кругами? И, разумеется, сказали околоточному надзирателю, что найденным четкам цена пять рублей?

— Три, — ответил Хруцкий. — Три рубля и четвертак. Именно за эту сумму покойный Силантий Михайлович неделю назад приобрел у какого-то искурившегося китайца нефритовые четки. Я много слышал и читал об этом священном предмете, когда проходил послушание и искус в Шанлянской обители. Двадцать пять вытертых от времени нефритовых шариков, каждый диаметром в цунь, и на одном — первый иероглиф имени Вечноживущего... Четки исчезли во время маньчжурского нашествия и считались безвозвратно потерянными. Сколько раз я представлял их себе, сидя на высокогорном снегу в позе «цзя чи» или ломая ребром ладони ежедневные восемьсот восемьдесят восемь бамбуковых палок... — Голос арестованного стал мечтательным, глаза затуманились, веки прикрылись.

Эраст Петрович немного подождал и неделикатно нарушил воспоминания востоковеда:

— Итак, вы пришли к Пряхину посмотреть, не появилось ли в лавке чего-нибудь новенького, и увидели нефритовые четки. Не поверили своему счастью, затрепетали, схватили лупу, возблагодарили Небо и прочее, и прочее. Что было дальше?

Хруцкий открыл глаза и вздохнул.

— Да, когда Пряхин показал мне четки и спросил, не переплатил ли он за них опиоману, я не совладал с собой. Надо было небрежно пожать плечами и с видом снисхождения купить их за пять рублей. Но я совсем потерял голову. Кажется, даже заплакал... С ходу предложил Пряхину пятьсот, но Силантий Михайлович только засмеял-

ся. Дрожащим от счастливого волнения голосом я посулил ему тысячу — он отказался. Тогда я сразу перескочил на десять тысяч, хотя для того, чтобы собрать такую сумму, мне пришлось бы продать всю мою коллекцию, да еще и перезаложить дом. Но Пряхин уже закусил удила. У каждого антиквара есть мечта: раз в жизни раздобыть по случаю какой-нибудь раритет баснословной цены. Я пытался втолковать Силантию Михайловичу, что этот предмет ни для кого кроме меня во всей России ценности не представляет. Он не поверил. Сказал: дураков нет. Раз вы, человек небогатый, даете десять тысяч, то миллионщик навроде Мамонтова или Хлудова мне все сто отвалит... Я долго думал, как мне добыть четки, и в конце концов решил их похитить. Оглушил приказчика, перерыл все вверх дном — не нашел. Пряхин потом сам мне рассказывал, как его обворовали. Бедному Силантию Михайловичу, конечно, и в голову не пришло, что граф Хруцкий способен на разбой...

— Можете не продолжать, — остановил рассказчика Фандорин. — Дальнейшее понятно. Не найдя четок, вы впали в исступление и решили добыть реликвию любой ценой, хоть бы даже и к-кровавой. Только Пряхин оказался крепким орешком... Господи, Лев Аристархович, ведь вы университет заканчивали! Как можно из-за чего бы то ни было, хоть бы даже из-за секрета бессмертия, кромсать живого человека топором? Да и потом, недостойно ученого — верить в подобные нелепости.

— Ваше высокоблагородие, — взмолился околоточный. — Пожалейте, растолкуйте, в чем дело! Какие нелепости? Какой секрет?

— Да глупости, — сердито махнул рукой Эраст Петрович. — Пустые сказки. Согласно преданию, Те Гуанцзы много лет пытался найти секрет вечной жизни, в свое время раскрытый великим Лаоцзы, которому якобы удалось обрести бессмертие. В старинной книге написано, что Те Гуанцзы достиг просветления, высшей мудрости и победил смерть, перебирая зеленые нефритовые четки. Он прожил три раза по восемьдесят лет, а потом и вовсе

сумел преодолеть порог вечности, что и символизирует число двадцать пять — трижды долголетие плюс единица.

Граф покачал головой, смотря на чиновника с искренним состраданием.

— Тщета разума и логики перед величием духа. Бедный везучий Эраст Петрович, как же вы слепы! Что дважды спасло вас от верной смерти, если не обладание четками Старца? Ну почему, почему они достались равнодушному профану, а не мне!

— Потому, ваше сиятельство, — строго сказал на это надворный советник, задетый «профаном», — что вы не усвоили из легенды главное. Четки Те Гуанцзы не идут в руки того, кто обладает злым сердцем. Боюсь, что в своем монастыре тайну бытия вы все-таки не постигли — чрезмерно увлеклись ломкой бамбука.

За темными окнами раздался грохот подъехавшей кареты, хлопнула дверца.

— А вот и следователь пожаловали, — объявил околоточный, поднимаясь.

Вошел сухопарый господин в пенсне, с желчным заспанным лицом — Сергей Сергеевич Лемке из ведомства окружного прокурора. Поздоровался с Эрастом Петровичем за руку, задержанному поклонился, околоточному надзирателю кивнул.

— Куда? — спросил Фандорин. — В Малую губернскую?

— Нет, — подавил зевок Сергей Сергеевич. — Там все дворянские камеры заняты. Отвезу на Крутицкую гауптвахту. Там и допросим. Поедете?

— С вашего позволения чуть позже, — ответил чиновник особых поручений. — Картина п-преступления полностью установлена. Совершите пока формальности. Я скоро буду.

Двое стражников, прибывших со следователем, повели задержанного к выходу.

У порога граф остановился, обернулся к Фандорину и умоляющим голосом спросил:

— Вы дадите мне еще хотя бы раз посмотреть на них?

Стражник слегка подтолкнул арестанта в спину.

— А все же жаль. Такой ученый человек и на каторгу, — пожалел убийцу Макар Нилович, когда тюремная карета отъехала.

— Какая там каторга, — утешил его Фандорин. — Разве вы не видите, что он совершенно безумен? Льва Аристарховича ожидает тюремная больница, отделение для б-буйнопомешанных.

Небаба уселся писать рапорт приставу о раскрытии убийства и поимке душегуба. Пыхтел, яростно скрипел пером, беспрестанно вытирал платком малиновый лоб — в общем, был занят делом. А вот чиновник особых поручений расхаживал по унылому кабинету безо всякого видимого смысла. Вздыхал, нервно пощелкивал пальцами, вглядывался через окно в темноту, один раз даже открыл дверь, как бы намереваясь уйти, но околоточный, подняв голову от писанины, отсоветовал:

— Ночь темная, ни беса не видно. Разминетесь. Придет ваш азиат, никуда не денется.

Маса явился только через час.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Фандорин. — Почему так долго? Все нашел?

— Двадцачь пячь, — гордо ответил слуга. — Один кругленький в ружу упара.

Локти и коленки у него и в самом деле были мокрыми и грязными.

— Завтра же нанижешь на д-двойную нить, — велел Эраст Петрович. — А эту дрянь, катушку товарищества «Пузыревъ», выкинь к черту. Нет, ты вот что, дай-ка бусины сюда. Я сам их нанижу.

Поймав удивленный взгляд околоточного, Фандорин не без смущения объяснил:

— Что я дважды спасся благодаря им — совпадение. Про бессмертие, конечно, — суеверие и чушь. Насчет высшей мудрости тоже сомнительно. Однако я имел возможность убедиться, что под перестук четок мысль определенно работает лучше... И нечего на меня так с-смотреть.

СКАРПЕЯ БАСКАКОВЫХ

Баскаковка. 1888

I

— Тюльпанов, вы з-змей боитесь?

Вопрос шефа застал Анисия посреди второй чашки чаю, в самое лучшее время, когда все дневные дела уже исполнены, а впереди еще целый вечер, торопиться решительно некуда, и настроение от этого спокойное, философическое.

Разговор за столом шел совсем о другом — о завтрашнем прибытии в первопрестольную ее императорского величества, но внезапному вопросу Анисий не удивился, ибо давно привык к фандоринской манере перескакивать с одного на другое.

Удивиться-то не удивился, но наобум отвечать не стал. Вопрос мог быть задан просто так, в метафорическом смысле, а мог и очень даже не просто так. К примеру, однажды Эраст Петрович спросил: «А хотелось бы вам, Тюльпанов, быть ловким и сильным, чтоб любого громилу играючи на обе лопатки класть?» Анисий возьми и брякни не подумавши: «Конечно, хотелось бы!» С тех пор, уже второй год, состоит в учениках у шефова камердине-

ра Масы и терпит от зловредного японца несказанные притеснения: бегает в одном исподнем по снегу, разбивает руки о занозистые доски и по получасу стоит вверх ногами, словно австралийский антипод.

— Каких змей? — осторожно поинтересовался Анисий. — Которые ползают или бумажных, что по небу летают?

— Которые ползают. Бумажных-то что б-бояться?

Губернский секретарь подумал еще немножко и подвоха в вопросе начальства не усмотрел. Конечно, кобру или, скажем, ехидну всякий напугается, но откуда им на Малой Никитской взяться, ехиднам?

— Нисколько не боюсь.

Эраст Петрович удовлетворенно кивнул.

— Вот и отлично. Значит, завтра поедете в Пахринский уезд. Там у них объявилась какая-то невиданная анаконда. Отец благочинный пишет про козни С-Сатаны и жалуется на безбожие земского начальства, а председатель земской управы жалуется, что церковь разжигает страсти и потакает суеверию. Отправляйтесь туда и во всем разберитесь. Посвящать в подробности не стану, чтобы не пересказывать с чужих слов — это только замутняет чистоту восприятия. История настолько нелепая и фантастическая, что, если б не августейший визит, я непременно съездил бы сам.

Перед тем как идти домой, собираться в поездку, Анисий посмотрел непонятное слово в энциклопедии. «Анаконда» оказалась огромной змеей из амазонских болот. Что имел в виду шеф, было неясно. Только любопытство распалил, черствый человек.

Весь божий день Анисий трясся в бричке по нехорошей дороге — сначала губернской, кое-как мощенной, потом уездной грунтовой, а последние одиннадцать верст и вовсе проселочной, в сплошных лужах и выбоинах. Выехал в пятом часу, считай, еще затемно, а до Пахринска добрался только к вечеру.

Еще ничего не зная о существе дела, Тюльпанов решил, что в конфликте между двумя пахринскими партиями примет сторону прогресса, и послал в земскую управу телеграфное предуведомление о своем приезде. Поэтому, хоть присутствие уже закончилось, московского гостя дожидался сам председатель.

— Добро пожаловать, господин Тюльпанов, — сказал земец, отряхивая с плеч столичного гостя сизую дорожную пыль. — От лица передовых людей, каковые пусть в небольшом количестве, но имеются и в нашем скромном уезде, приношу свои глубочайшие извинения за доставленные хлопоты. Это все наши доморощенные торквемады с амвонов воду мутят. Хорошо, что дело попало к господину Фандорину, человеку умному и просвещенному, а не к какому-нибудь обскуранту и клерикалу. Необходимо разоблачить это зловредное суеверие, которое ввергло население целой волости в пучину дикого средневековья. Подняли голову самые темные, реакционные элементы. Попы рады-радешеньки, теперь что ни день крестные ходы и молебствия, да и всяких колдунов с ворожеями объявилось несметное множество. Только и разговоров, что о болотной Скарпее.

«О чем, о чем?» — чуть было не переспросил Анисий, да вовремя прикусил язык. Терпение — сейчас сам всё расскажет. А председатель (звали его Антоном Максимилиановичем Блиновым) с сомнением посмотрел на негвардейскую фигуру и безусую физиономию губернского секретаря и присовокупил:

— Конечно, жаль, что Эраст Петрович не смог сам к нам быть, ну да ничего. У такого необыкновенного человека, верно, и помощник особенный.

От явной вопросительности последнего утверждения Тюльпанов немедленно насупился. Ишь чего захотел — чтоб сам Фандорин к нему примчался. Будет шеф из-за всякой ерунды по захолустьям разъезжать. Много чести.

Чтоб не выдавать своей унизительной неосведомленности, Тюльпанов решил держаться с туземным начальником солидно: вопросов не задавал, суждений кроме

как по поводу погоды (сухой, но отрадно нежаркой) не высказывал и вообще до поры до времени обходился больше междометиями.

Сразу же, прямо от управы, пересели на облезлые председателевы дрожки и покатили из Пахринска полем, потом лесом и снова полем, а после уже одним только лесом.

— Я вас, Анисий Питиримович, высажу подле Татарской гати, оттуда до Баскаковки рукой подать, — объяснял по дороге Блинов. — Уж не обессудьте. К Варваре Ильиничне мне путь заказан, я там нынче persona non grata. Для наследницы сей новоявленной латифундии ваш покорный слуга — живой укор и досадное напоминание о былом прекраснодушии.

Анисий с важным видом кивнул, хотя о наследнице слышал впервые и значение слова «латифундия» представлял себе не совсем отчетливо. Верно, тоже что-нибудь южноамериканское.

Антон Максимилианович болтал без умолку, но всё больше про пустое, к делу не относящееся: про древний пахринский край, про красоты местной природы, про великую будущность этих чахлых деревенек, медлительных речек и унылых болот. По глубокому убеждению Блинова, чудесное будущее должно было осенить пахринскую глухомань в самом скором времени — не далее как следующей весной, когда через уезд проложат ветку железной дороги.

— Вы представляете, что это будет, милейший Анисий Питиримович? — Председатель управы обернулся и в упоении так схватил молодого человека за руку, что Тюльпанов скривился — хватка у энтузиаста была нешуточная. — Нынче мы никому не нужны с нашими невеликими промыслами и хвойно-лиственным лесоборьем. А когда до Баскаковки можно будет из Москвы доехать на мягком сиденье, со всем возможным комфортом, здесь всё заселят дачники. О, благословенный, праздный подвид homo sapiens! Они несут с собой деньги, хорошие дороги, трудоустройство для местных жителей! Враз исчезнут пьянство и попрошайничество, появятся больни-

цы и молочные хозяйства. Через два-три года наш уезд будет не узнать!

— Поэтому вы и назвали Баскаковку *новоявленной латифудией*? — небрежно повторил Анисий звучное слово, надеясь, что запомнил его правильно.

Оказалось, не вполне — Блинов поправил:

— Латифундией. Раньше что Баскаковка? Две тысячи десятин истощенной, выродившейся земли, зажатой меж Гниловским болотом и Мокшинскими пустошами. Папахин (это воротила из местных) за всё поместье тридцать тысяч хозяйке предлагал, и то еще в рассрочку. А теперь это ж две тысячи дачных участков! И каждый можно продать перекупщикам и застройщикам самое меньшее по тысяче рублей.

— Два миллиона! — быстро сосчитал Тюльпанов и присвистнул.

— По самому, учтите, скромному счету. От этих миллионов у Варвары Ильиничны затмение и произошло.

— Это кто, хозяйка? — уточнил губернский секретарь.

— Теперь выходит, что хозяйка. Хотя еще месяц назад была она приемная дочь владелицы, Софьи Константиновны, а по сути дела — приживалка. Софья Константиновна, покойница, жила скудно, все малые средства высылала единственному сыну Сергею Гаврииловичу в Кушку — он там служил в горных егерях. Я тогда в доме у них частенько бывал. Верите ли — к чаю иной раз сухарики с вареньицем брусничным подадут и более ничего.

При слове «покойница» Тюльпанов несколько воспрял духом, будто ворон, усмотревший в чистом поле под ракитой желанную добычу. Опять же внезапное богатство — штука в криминальном смысле очень даже многообещающая или, как выражается шеф, перспективная.

— Что ж со старушкой-то стряслось? — не утерпел Анисий, спросил вкрадчивым голосом. И подумалось: хорошо б порешили помещицу, да как-нибудь позагадочней — тогда получится, что не зря целый день пыль глотал.

— То есть как? Разве начальник вам не рассказал? — удивился Блинов, и пришлось сделать вид, что вопрос был задан не в прямом, а в риторическом смысле — как бы этакое размышление вслух, с самим собой.

— Никакая она была не старушка, — заметил земец. — Полагаю, лет сорока пяти и крепчайшего здоровья. А сын ее, Сергей Гавриилович, и вовсе был богатырь, косая сажень в плечах. Настоящей древней баскаковской породы. Поэтому хоть Софья Константиновна и вписала приемную дочь в завещание, но больше из умильности и непривычки к болезни, нежели...

Ворон так камнем и рухнул с небес на добычу.

— Вписала в завещание?

— Ну да. В прошлом году выпала Баскакова из коляски — лошадь понесла — и расшиблась. Хворала с неделю, а после поднялась и стала здоровей прежнего. Но пока болела, успела и причаститься, и завещание составить. Отписала всё, конечно, единственному сыну, а в конце сделала приписочку: мол, ежели сын помрет, не произведя потомства, пускай перейдет всё приемной дочери Варваре. Больно усердно та ухаживала: примочки ставила, травки заваривала, ну и захотелось Софье Константиновне приятное ей сделать. Вот и вышел фокус...

Антон Максимилианович тряхнул вожжами, чтоб лошадь взяла порезвей — уже почти совсем стемнело, и в чаще начала поухивать какая-то злорадная птица неведомой Анисию породы.

— Что за фокус? — снова не утерпел молодой человек.

— Ну как же. Рассудите сами. В прошлый год, когда писалось завещание, Баскакова была свежая особа нестарых лет, хоть и с синяками по всей спине. При этом имела законного наследника, румяного подпоручика вот с такущими усами, а завещать, между нами говоря, особенно было и ничего. Месяц же назад одно за другим свершились три события — два прискорбных и одно отрадное, после чего все переменилось... Крякушки, крякушки над болотом закультачили, — вдруг, прислушавшись, пробормотал председатель непонятное, и его лицо

сделалось ласково-мечтательным. — Это местные утки, редчайшая порода. Тут много уникальных птиц. Крестьяне-браконьеры всех почти истребили, а теперь — нет худа без добра — никто на болото нос не сует, вот крякушки и заплодились. Уже скоро, скоро можно будет побродить с ружьишком. У меня по ту сторону топи дом. Так, развалины родового гнезда. Всё в общественных трудах, не до хозяйства. Да и какое хозяйство. — Антон Максимилианович махнул рукой. — Бросил бы вовсе, если б не природа да не охота. Не увлекаетесь?

— Охотой? — поморщился Тюльпанов, недовольный девиацией от важной темы. — Нет.

— А я грешен.

— Вы помянули про прискорбные и отрадные события, — вернул Анисий недисциплинированного рассказчика к делу.

— Да-да. Сначала пришло горестное известие с Памира. Подпоручик Баскаков пал в стычке с афганцами. У Софьи Константиновны от потрясения случился сердечный приступ. А тремя днями позднее с ней произошло то самое. Ну, из-за чего вы сюда приехали.

Блинов понизил голос, хотя вокруг не было ни души, а Тюльпанов снова обиделся на шефа. Разве можно так некрасиво поступать с преданным помощником?

— Едва Баскакову схоронили, едва Варвара Ильинична вступила в права своего нежданного наследства, как разнеслась весть про железную дорогу.

— И что наследница? — полюбопытствовал Анисий. — Верно, ошалела от всех этих происшествий? Не было ни гроша, да вдруг миллионы.

— Сначала-то она скорее испугалась. Бросилась ко мне за утешением и поддержкой — я у ней тогда в первых конфидентах ходил. Надо вам сказать, что Варвара Ильинична прежде держалась самоотверженного образа мыслей. Хотела послужить народу и обществу, выучиться на учительницу или акушерку. Сколько раз мы с ней мечтали о том, как зацветет наш скромный край, если только свершится какое-нибудь чудо — построят завод, или

дальновидный промышленник решит осушить Гниловские топи, или некий богач, уроженец этих мест, отпишет в завещании на благоустройство родного уезда тысяч сто или двести... — Антон Максимилианович вздохнул, и Тюльпанов живо представил себе картину: несколько потрепанный жизнью, но, впрочем, вполне еще в соку общественный служитель и скромная, миловидная барышня, да тихие вечера, да старинная усадьба. Тут, пожалуй, и без романтического увлечения не обошлось.

— И что же? Разбогатев, Варвара Ильинична жертвовать на благоустройство уезда передумала?

— Не сразу, — еще горше вздохнул Блинов. — Сначала уверяла, что ничуть не переменилась. Даже завещание написала: в случае кончины передаю всё принадлежащее мне состояние на пользу Пахринского общества...

— Ну, это пустая жестикуляция, — усмехнулся губернский секретарь. — От молодой-то девицы.

Председатель коротко оглянулся на московского гостя.

— Э-э нет, милейший Анисий Питиримович, вовсе не пустая. Ведь Варвара Ильинична в чахотке. Она всегда пребывала в убеждении, что окончит свои дни молодой. Отсюда и жертвенность, отсюда и бескорыстие. Но тут, ясное дело, налетели стервятники. Папахин Егор Иваныч уж не тридцать тысяч, много больше за имение предложил. А татарин-застройщик Махметшин, который хочет в баскаковских рощах кумысолечебницу устроить, еще вдвое против Папахина. Закружили Варваре Ильиничне голову — мол, от чахотки нынче в Швейцарии вылечивают, да про Париж ей, да про Ментону... Так я в нон граты и угодил.

Дороги уже почти и не видно было — одни глухие стенки кустов с обеих сторон, а в прорези меж верхушек высоких сосен мигала звездами черная полоска неба.

Лошадь вдруг зафыркала, стала приседать на задние ноги, а у Анисия зашлось сердце. Впереди на обочине стоял Некто — весь белый, узкий, высоченный и издавал тонкие, душемутительные звуки. Точь-в-точь злой

ведун-бабай, которым в детстве пугала матушка: ухватит неслуха за вихор, да в мешок, да к чертям на полянку.

Антон Максимилианович придержал поводья, затпрукал, успокаивая оробевшую лошадь.

— Владимир Иванович, вы? Из Ольховки?

Тут Некто заунывные звуки издавать прекратил и пришел в движение. Оказалось, что никакой это не бабай, а очень длинный и тощий мужик в белой рубахе навыпуск, плисовых портках и лаптях. Лунный свет упал ему на лицо, и стало видно бородатое лицо с впалыми щеками, темные ямы глубоко запавших глаз и тонкую дудочку в руке.

— Доброго вечера, Антон Максимилианович, — сказал мужик мягким, приятным голосом, а Тюльпанову просто слегка поклонился — да не по-народному, а самым что ни на есть салонным образом. — Угадали. Ходил в Ольховку к старушкам, местные присказки записывать. Свирельку приобрел. Удивительный тембр, не находите?

— Да, противный, — согласился председатель. — Вот, Анисий Питиримович, рекомендую. Владимир Иванович Петров, истинно русский человек и знаток устного народного творчества. Кроме фольклора и крестьянских ремесел ничем на свете не интересуется. Прибыл к нам из самого Петербурга, а квартирует как раз в Баскаковке — тут, собственно, больше и негде. Встреча кстати — будет вам провожатый. А это господин Тюльпанов, чиновник генерал-губернаторской канцелярии. Прислан разбираться в известной вам истории.

Выходило, что всем, положительно всем, даже этому игроку на дудке, про историю известно!

С Блиновым распрощались здесь же, потому что петербургский ученый повел Анисия короткой дорогой через чащу. В отличие от словоохотливого земца этнограф был молчалив, на спутника не оборачивался и только время от времени выдувал из своей пищалки тоскливые и, как казалось Тюльпанову, недоброжелательные трели.

Минут пять молодой человек потерпел — не завяжется ли беседа естественным путем: про местных жителей

там или хотя бы про пахринский фольклор, неважно — лишь бы начать. Не дождался. Тогда положил почин сам.

— Вам как специалисту по сказаниям, должно быть, частенько приходится выслушивать странные истории. Еще диковинней той, про которую помянул Антон Максимилианович, — не совсем ловко подвел Анисий к нужному предмету.

— Диковинней, пожалуй, не бывает, — пробормотал Петров, но после такого многообещающего начала снова умолк.

И тогда Тюльпанов решил идти напролом, чтоб разом покончить с шарадами.

— Я замечаю, Владимир Иванович, что вы не желаете обсуждать со мной происшествие в Баскаковке. Почему? Имеете на то особые причины?

Отличный способ развязать язык молчуну: ошарашить неожиданным наскоком и заставить оправдываться. Этой психологической уловке Анисия в свое время обучил многоумный Эраст Петрович.

Маневр сработал отлично — еще лучше, чем можно было надеяться. Петров вдруг вжал голову в плечи, повернулся и виновато развел костлявыми руками.

— Я что же, ведь не я про Скарпею придумал. Я только пересказал, думал Софью Константиновну старинной легендой развлечь... Кто же знал, что так обернется.

Тюльпанов пока еще ничего не понял, однако чутье подсказало: горячо.

— По порядку, по порядку, — строго велел он. — Не перескакивайте. Это когда было?

— Пожалуй, за неделю до... ну, до того, — запнулся Владимир Иванович, не сумев подобрать уместного определения — Как раз на хозяйкины именины. С иконы началось. Там в гостиной икона висит, святого Панкратия. Старая, петровского времени. Панкратий — родоначальник Баскаковых, жил чуть не пятьсот лет назад. На иконе, сбоку от угодника, змея изображена — большая, в светоносном венце. Это просто удивительно, как мало наши русские аристократы интересуются историей соб-

ственного рода! — вдруг загорячился фольклорист. — Любая крестьянка из Ильинского или Ольховки вам расскажет про Скарпею со всеми подробностями и самым поэтическим образом, а Софья Константиновна знала лишь, что ее предок поставил дом на месте встречи с некоей волшебной змеей и что это событие отчего-то связано с последующей канонизацией Панкратия. А о ломтраве, о пророчестве и ведать не ведала!

Удивительная, в сущности, получалась картина: двое солидных людей — петербургский ученый и личный помощник чиновника особых поручений при самом генерал-губернаторе — ночью, на лесной тропинке, вели диковинный разговор черт знает про что, про какую-то волшебную змею. У Тюльпанова при этом выражение лица было подозрительное (не морочат ли голову приезжему человеку), а у фольклориста энтузиастическое.

— Известно ли вам, сударь, что легенда о Скарпее, она же Скарапея, Скороспея или Скарабея, имеет распространение по всей великорусской равнине, от Архангельска до южных губерний? — задал Владимир Иванович вопрос, на который явно не ждал и не желал ответа, ибо не сделал даже самой крохотной паузы. — Этимологически имя этой магической рептилии, вероятно, восходит к древнеегипетскому скарабею. Фольклорная традиция наделяет Скарпею мудростью, ясновидением и чудесной способностью приносить богатство. Однако вместе с тем образ коронованной змеи безусловно символизирует и всемогущую, вездесущую Смерть. Все эти компоненты присутствуют и в легенде о Скарпее рода Баскаковых.

— Что, у Баскаковых есть собственная волшебная змея? — удивился Тюльпанов.

— Да. Змея, которая, согласно легенде, возвеличила их род и рано или поздно должна была его погубить. Что, как мы видим, и произошло, — с видимым удовлетворением (очевидно, исключительно научного свойства) сообщил Петров.

С этого момента Анисий слушал очень внимательно, не перебивая.

— В пятнадцатом столетии, в княжение Василия Темного, когда Москва еще находилась под властью ханов, ехал через здешние топи и леса свирепый татарский баскак Пантар-мурза с ватагой головорезов, — вкусно (да и видно, что не в первый и не во второй раз) стал рассказывать ученый. — Легенда гласит, что был у баскака особенный наказ: городки и деревни не трогать, а собирать дань лишь с церквей и монастырей. Сдирали позолоту с куполов, оклады с икон, шитье и зернь с риз, и от этого осквернения стоял вой по всему Пахринскому краю. А посреди Гниловского болота было Пантар-мурзе видение. Узрел татарин змею огромную, свет источающую, с золотой короной на голове, и сказала ему змея человечьим голосом: «Верни в храмы Божьи, что взял, а после приходи сюда вновь — я тебя вознагражу». Затрясся мурза от такого чуда и вернул награбленное попам да монахам, а сам потом снова отправился на болото. И опять выползла к нему Скарпея, и молвила: «За то, что волю мою исполнил, вот тебе пук волшебной лом-травы. Где ее наземь кинешь, там большенный клад найдешь. И будет род твой богат и славен много лет, пока я снова не явлюсь и последнего из баскаковичей за собой не уведу». Положила перед Пантаром малый пучок травы и исчезла, а татарин ни жив ни мертв бросился вон от заколдованного места, да так бежал, что на краю болота траву выронил. И открылся ему в том самом месте толобас кованый, весь полный золотых червонцев. — Тут Владимир Иванович перешел с распевно-былинной тональности на обычную, как бы делая сноску или научный комментарий. — Червонцев во времена Василия Темного, разумеется, еще не было, но так уж гласит легенда. После встречи со Скарпеей мурза принял христианство, поставил на краю болота дом и женился на русской девице честного рода. На склоне же лет, овдовев, принял схиму и прославился многими благими деяниями и даже чудесами, за что и был позднее канонизирован под именем

Святого Панкратия. Ну вот, а месяц назад, стало быть, Скарпея воротилась и забрала душу последней в роду Баскаковых. Во всяком случае именно так трактуют смерть Софьи Константиновны здешние крестьяне. Среди местных периодически распространяется молва, будто кто-то видел на болоте Скарпею-матушку, и этот самый казус с Баскаковой как раз пришелся на очередную волну подобных слухов: и один что-то такое якобы углядел, и другой. Уже несколько месяцев и без того никто на Гниловское болото ни ногой, а тут еще этакая катавасия.

Анисий озадаченно посмотрел на этнографа и велел:

— Про смерть Баскаковой рассказывайте как можно подробнее. Только идемте, поздно уже. На ходу доскажете.

Опять двинулись по освещенной ярким лунным светом тропинке, но медленнее, чем прежде, потому что теперь ученый то и дело оборачивался к собеседнику.

— Понимаете, тут, с одной стороны, конечно, случайное совпадение. Я легенду про конец Баскаковых хозяйке и гостям рассказал, а через несколько дней, когда печальная весть с Памира пришла, стало ясно, что род и в самом деле пресекается. Известие о гибели сына чуть не свело Софью Константиновну в могилу — сердце у ней надорвалось. Пролежала она сутки без памяти, хотела умереть, но не умерла. На второй день стала подниматься, на третий уже могла в сад выходить, гуляла там одна до ночи, плакала. В саду ее и нашли — приказчик Крашенинников и его дочка. Говорят, Баскакова лежала на земле и лицо у ней было просто ужасное: рот разинут, глаза из орбит вылезли. Пока в дом несли, успела только повторить два раза «Скарпея, Скарпея» — и отошла. Согласно медицинскому заключению, скончалась она от совершенно естественных причин — сердечный приступ, а все-таки, согласитесь, жутковато. Когда по роду занятий коллекционируешь легенды про ведьм, русалок и прочую нечистую силу, начинаешь понимать, что все это не просто суеверие. Как говорится, нет дыма без огня... На свете и в самом деле есть многое, о чем наши мудрецы не имеют ни малейшего понятия...

Владимир Иванович смешался, очевидно, устыдившись этого непросвещенного суждения, а Тюльпанов сосредоточенно задвигал бровями, стимулируя умственный процесс — от этой экзерциции оттопыренные уши Анисия заходили туда-сюда. Петров, засмотревшись на ушное шевеление губернского секретаря, чуть не споткнулся.

Заключение у Тюльпанова образовалось само собой:

— Никакой мистики в этой истории нет. Увидела Баскакова какую-нибудь упавшую ветку или, может, садовый шланг, вспомнила предание и вдруг сообразила, что она-то и есть последняя в роду. Испугалась, что это за ней змея приползла. Ну, тут больные нервы, надорванное сердце, вот и преставилась, царствие ей небесное. Обычное дело, и расследовать нечего.

Петров споткнулся-таки на ровном месте, ухватился за ствол осинки.

— А как же след? — спросил он, озадаченно глядя на губернского секретаря.

— Какой след?

— Разве вам господин Блинов не сказал? Видно, не успел. Или не захотел — он ведь у нас материалист. В тот вечер дождь был. Так на дорожке, где Софью Константиновну нашли, на грязи след остался — будто некое пресмыкающееся огромного размера проползло. — Владимир Иванович покосился на отвисшую анисиеву челюсть и вздохнул. — В том-то и штука. Из-за этого и слухи, из-за этого и шатание. Крашенинников вокруг того места колышки вбил и навес натянул, чтоб след сохранить. Так что сами сможете удостовериться.

II

Удостоверился. По ночному времени видно, конечно, было неважно, но когда баскаковский приказчик поднял натянутую на колышки парусину и посветил масляной лампой, Тюльпанов узрел явственную извилистую

полосу, будто кто-то прочертил по грязи изрядной толщины поленом...

Впрочем, начать лучше не с этого.

Баскаковка предстала перед взором Тюльпанова неожиданно и, видно, из-за этой внезапности произвела на него не совсем обыкновенное впечатление.

Шагавший впереди этнограф вдруг раздвинул ветки, и за неплотно сомкнутым каре деревьев проступило старинное белое строение, все окна которого светились мягким светом. От этого дом показался Анисию удивительно похожим на бумажный японский фонарик вроде тех, что висели в кабинете у Эраста Петровича. Из иллюминации следовало, что в Баскаковке рано не ложились. Да, собственно, не такая еще была и ночь — всего лишь одиннадцатый час.

Хозяйка кивнула Петрову как своему, а визиту незваного гостя совсем не удивилась. Анисию подумалось, что от невероятных метаморфоз, приключившихся за последний месяц, новоиспеченная миллионщица вообще несколько онемела душой и разучилась чему-либо удивляться.

Во всяком случае, когда Тюльпанов представился и объяснил, что прислан из Москвы разбираться в обстоятельствах кончины помещицы Баскаковой, Варвара Ильинична сказала только:

— Что ж, присланы — разбирайтесь. Самсон Степанович отведет вас в гостевую комнату, оставьте там саквояж и милости прошу на веранду — мы чай пьем.

Строгий пожилой мужчина в поддевке и сапогах, которого хозяйка назвала Самсоном Степановичем, и был тот самый приказчик Крашенинников, поэтому первым делом Анисий велел показать таинственный след.

Ну посмотрел, и что с того? Даже присел на корточки и потрогал пальцем засохшие, потрескавшиеся края неглубокой борозды, но в следственном смысле ясности от этого не прибавилось. Понятно было лишь, что никакая из исконных российских гадин этакого фиорда, если не сказать каньона, за собой не оставит.

— Что думаете про это удивительное явление, Крашенинников? — спросил Тюльпанов, глядя на приказчика снизу вверх.

Тот стоял над присевшим чиновником, поглаживал длинную русскую бороду, смотрел хмуро.

Ответил не сразу и с явной неохотой:

— А что тут думать. Прополз кто-то. Толщиной с вашу лодыжку будет, если не с ляжку. Сами видите.

— Что ж, — весело сказал Анисий, поднимаясь. — Приметы волшебной Скарпеи установлены: толщиной с ляжку губернского секретаря Тюльпанова. Можно объявлять во всероссийский розыск. Ладно, Самсон Степаныч, идемте. Что там у вас к чаю подают?

К чаю подавали отнюдь не скромные сухарики, помянутые земским председателем, а такие расчудесные вкусности, что Анисий, большой охотник до сладкого, на время даже позабыл о деле — отведал и абрикосовых пастилок, и белого швейцарского шоколада (он на Кузнецком по полтора рубля плитка), и оранжерейного ананаса, и ревельских цукатов. Это замечательное изобилие столь мало соответствовало ветхой мебели и аккуратной штопке на скатерти, что Тюльпанов при помощи дедукции легко вычислил финансовые обстоятельства новой владелицы поместья. Хоть она теперь и богачка, но пока более в перспективе, нежели в действительности, ведь участки еще не проданы и миллионы не получены. Тем не менее, в предвидении грядущих золотых рек имеет щедрый кредит от местных толстосумов, каковым и пользуется в свое удовольствие.

Двое из числа вероятных кредиторов, Папахин и Махметшин, сидели тут же, возле самовара.

Первый, щуря острые, смешливые глазки, пил чай из блюдца, да еще с прихлебом. При этом одет был в отличный костюм английского твида, в галстуке посверкивала жемчужина, а холеные пальцы, которыми Егор Иванович подносил к красным губам кусочек сахара, явно не привыкли к низменному труду. Правда, когда деловой

человек, жестикулируя, раскрыл правую ладонь, наблюдательный Анисий разглядел на ней мозоль, но тут же определил ее происхождение как след приверженности к новомодной британской игре лаун-теннис. Отсюда следовало, что вприкуску и с прихлебом Папахин пьет не от варварства, а со смыслом и даже, пожалуй, с вызовом: мол, не взыщите, мы не белой кости, не голубой крови, из простых. Потому и волосы в кружок стрижены, и борода веником. В общем, характерный господин.

Второй из местных тузов, которого губернскому секретарю представили как Рафика Абдуррахмановича, смотрелся еще импозантней: в черном сюртуке, белейшей сорочке с шелковым галстуком, но при этом в туго скрученной чалме, очень шедшей к надменному скуластому лицу. По ироническому обращению «хаджи», которым Егор Иванович именовал конкурента, по неоднократному поминанию священного магометанского города Мекка губернский секретарь вычислил, что Рафик Абдуррахманович не столь давно совершил паломничество на Восток, чем несомненно и объяснялась увенчанность чалмой.

А вот хозяйка Тюльпанова расстроила. В прихожей, когда встречала, он ее толком не рассмотрел, темно было. Теперь же, под абажуром, стало видно, что Варвара Ильинична нехороша: кожа тусклая, волосы жидкие, да еще пучком, а лицо какое-то странно маленькое и немножко бугристое. По правде сказать, слушая в дрожках рассказ председателя, Анисий воображал себе совсем иную картину. Ему представлялась бледная, но интересная собой девица с беззащитными и испуганными глазами, которая совсем потерялась от драматического зигзага судьбы. Ждет-не дождется витязя-избавителя, чтобы взял ее под охрану, успокоил и спас. А она ему за это отплатит сердечной благодарностью, горячей любовью, которая у чахоточных барышень, говорят, особенно жгуча — ну и, само собой, парой миллионов приданого.

Про приданое Анисию примечталось, когда они с Петровым шли темной аллеей к дому. Сейчас же, разгляды-

вая Варвару Ильиничну, губернский секретарь думал: миллионы, конечно, штука хорошая, но ведь в Ментону придется ехать, со службы уходить. Глупо при этаком богатстве за пятидесятирублевое жалованье подметки стаптывать. А без шефа Эраста Петровича, без круглолицего мучителя Масы, пожалуй, запьешь со скуки. Ну его к лешему, богатство.

Наевшись сладостей и решив проблему с миллионами, Тюльпанов приступил к расследованию.

— А что ж другие гости, разъехались? — спросил он, показав на пустые чашки и скомканные салфетки.

— У нас в деревне ложатся рано, — ответила хозяйка с пренебрежительной усмешкой. — Торты с пирожными съели, на меня попялились, чтоб было о чем судачить, да домой, на боковую. Теперь уж спят, поди. Помещики, господин Тюльпанов, народец скучный. Хорошо, Рафик Абдуррахманович и мистер Папахин не забывают, а то сидела бы за самоваром в одиночестве. Владимир Иванович не в счет. Он оживляется, только когда про старину рассказывает.

Ученый этнограф и в самом деле засел в уголке с чашкой чаю и уткнулся в пухлый кожаный блокнот. Прямо над фольклористом висела та самая икона, про которую Анисий уже слышал: святой старец (тощий, как Владимир Иванович, и с такою же бородой, только в руке не блокнот, а божественная книга), и перед ним — пятнистый змей в сияющем венце.

Очень не понравилось Анисию, как Варвара Ильинична про местных помещиков высказалась. Давно ли ты, голубушка, тут в приживалках состояла, подумал он, а теперь от соседей нос воротишь? И захотелось молодому человеку сказать резкость.

— А приказчик ваш, Самсон Степанович? Что ж вы его к чаю не приглашаете? Званием не вышел?

Варвара Ильинична, которую этот выпад должен был бы устыдить (давно ли о народном благе прекраснодушничала?), нисколько не стушевалась, а наоборот фыркнула.

— Да он ни за что не сядет. Тут особенный гонор, уничижение паче гордости. Крашенинниковы при Баскаковых чуть не сто лет состоят. За господский стол сесть — это все равно что на церковном алтаре колбасу резать. И потом, я для Самсон Степаныча кто? Выскочка, кукушкино племя. Он тут мне знаете про что толковал?

Хозяйка засмеялась, да неудачно: смех перешел в кашель — сухой, судорожный, смотреть тягостно. Вытерев платком глаза и отдышавшись, Варвара Ильинична продолжила, как ни в чем не бывало:

— Он у нас читатель старинных книг, церковный староста. Хочет, чтоб я все наследство на возведение храма в память святого Панкратия и рода Баскаковых потратила. А сама в монастырь ушла, за баскаковские грехи бога молить. Каково, а?

И снова засмеялась, уже без кашля, но все равно как-то надсадно, без веселья.

— Крашенинников живет в доме? — спросил Анисий, мысленно прикидывая, не присмотреться ли для начала к приказчику.

— Нет, что вы. У него домик в саду. И еще сторожка на берегу пруда, именуемая «кабинетом». Там Самсон Степаныч уединяется для чтения богоугодных книг, и тогда тревожить его ни-ни. Даже дочке в «кабинет» ходу нет. Самсон Степаныч вдовец, с дочерью живет, — добавила хозяйка в пояснение. — Милая девушка, настоящая русская красавица.

«Мистер Папахин» оживился.

— М-да, дочка у Крашенинникова истинный бутон. Жаль, пропадет зазря с таким папашей. Серегин к ней сватался, здешний конторщик, так получил от ворот аперкот. — Егор Иванович махнул кулаком, как в боксе. — Самсон Степаныч дочку замуж не отпустит, так и продержит в девках до перезрелости, а после куда ей — разве в монахини. Эх, ее б принарядить, да кой-чему обучить, да в Париж на выставку свозить, то-то расцвела бы!

Судя по этой реплике, тон между хозяйкой и Папахиным был принят вольный. Хотя слова «кой-чему обучить»

промышленник сопроводил выразительным подмигиванием, Варвара Ильинична не рассердилась и реприманда не сделала — даже улыбнулась. Анисий приметил и эту детальку.

Пора было переходить к главному.

— Мне тут довелось выслушать два противуположных воззрения на грустное событие, произошедшее месяц назад. — Анисий деликатно покосился на хозяйку — не помрачнеет ли от упоминания о неприятном. Ничего, не помрачнела. — Господин Блинов придерживается убеждения, что ничего сверхъестественного в этой истории нет, а слух о вещей Скарпее объявляет пустым суеверием...

— ... Которое может распугать грядущих дачников, — подхватил Папахин, — и помешать наступлению пахринского золотого века. Антон Максимилианович расписывал вам, какой чудесной и просвещенной жизнью мы все тут заживем через двести лет? Нет? Ну, еще расскажет. — Егор Иванович хохотнул. — Чушь свинячья. Дачнику на местные сказки начхать. Ему кислород нужен, гамак, купальня и свежее молоко. А председатель наш болтун и дурак. Известно ли вам, что он в прошлом году на Дальний Восток ездил, имел прожект разбогатеть на торговле тигриными шкурами? Отыскался коммерсант! Китайские хунхузы ему чуть башку не отрезали. Да это ему бы нипочем, он такую утрату и не заметил бы.

— Егор Иваныч злобствует, что Антон Максимилианович его на выборах обошел, — весело объяснила Варвара Ильинична, и незаметно было, чтобы воспоминание о земском мечтателе хоть сколько-то обременило ей совесть.

Татарин злорадно улыбнулся одними губами и покивал чалмой, но Тюльпанову про уездные выборы было неинтересно, и он повернул беседу обратно к истоку:

— ... А другую точку зрения мне высказал господин Петров, настроенный более романтическим образом. Ваш Самсон Степанович показал мне змеиный след в саду, — неспешно гнул нужную линию Анисий, разглядывая свое отражение в самоваре (смешное — щеки дыньками, как

у японца Масы, а уши будто оладьи). — Впечатлительно. Гадов такой пропорции в нашем отечестве вроде бы не водится. Хотелось бы, Варвара Ильинична, узнать, как вы-то про Скарпею понимаете? Не боязно вам?

И тут же ррраз — повернул голову и острым взором на хозяйку в упор. У шефа такому фокусу научился. У кого совесть нечиста, бывает, теряются.

Варвара Ильинична проницательный тюльпановский взгляд внутрь себя не пустила. Снова хихикнула, вот какая смешливая, а еще в чахотке. Пожалуй, все-таки несколько сдвинулась в рассудке от нежданного богатства.

— А что мне ее бояться? Это Софья Константиновна, бедняжка, как известие о Сергее Гавриловиче пришло, все твердила: «Я последняя из Баскаковых, я последняя из Баскаковых» и плакала, плакала...

Барышня безо всякого перехода, еще не стерев с лица улыбки, всхлипнула и, пошмыгав носом, закончила:

— Я не из Баскаковых, я Скарпее ни к чему.

— Не скажите, голубушка Варвара Ильинична, — погрозил пальцем Папахин. — Вам баскаковское богатство, из волшебного толобаса добытое, вам, стало быть, и родовую реликвию в наследие. — Он оскалил крепкие, прокуренные зубы, выпучил глаза и зашипел по-змеиному. — А у нас, Папахиных, между прочим, тоже свой фамильный призрак имеется. За печкой у тятеньки старушка Трухорушка обывательствовала. Ма-аленькая такая, серенькая, шмыг да шмыг. Я ее в детстве ужас как боялся. В Ильинском, почитай, в каждой избе своя нечисть водится, и так испокон веку. Такие уж тут места, сударь мой. Что удивляться — Гниловская топь близко. Тебе что, Серегин?

Вопрос был обращен куда-то в сторону. Анисий повернулся и увидел в полумраке, за пределами освещенного круга от лампы, сутулого человечка, который был одет странно: в пиджачке и галстуке, но при этом в сапогах до колен. В руках человечек держал большую рыжую кошку, почесывая ей подбородок. Кошка от этого жмурилась.

— Об том доложу не вам, а Варваре Ильиничне, — с достоинством молвил плюгавец, искоса взглянув на чиновника в мундире. — Самсон Степаныч еще утром на почте корреспонденцию акцептировали, из Межевого ведомства, а вам ни слова-с. Считаю своим долгом как честный человек.

— Наконец-то! — радостно воскликнула хозяйка. — Справка об обмерах поместья?

— Самая что ни на есть новейшая-с, прошлогоднего производства.

— Слава богу! Теперь можно продавать. И в Ментону! В Париж! В Мариенбад!

Варвара Ильинична вскочила и закружилась по комнате — подол скромненького, видно, еще из прежней жизни, платьица попробовал было развернуться волной, но вместо этого неживописно обмотался вокруг ног барышни.

Папахин фамильярно подмигнул Анисию и кивнул на Серегина:

— Под начальство подкоп роет, шельмец. Думает, Варвара Ильинична возьмет его с собой в заграницы. И Мурка поедет. Теперь, когда со сватовством у него не вышло, Мурка ему заместо невесты.

— Некоторые животные твари много порядочней иных негоциантов, да, Мусенька? — Конторщик поцеловал кошку в нос. — Варвара Ильинична добрая, они нас с тобой беспременно в Париж возьмут.

— Одна у тебя только надежда и есть, — ухмыльнулся Егор Иваныч и пояснил Тюльпанову. — Знает, что я, как Баскаковку куплю, взашей его отсюда, взащей.

— Как же, купил один, — огрызнулся Серегин, не глядя на миллионщика. — Рафик Абдуррахманович больше вашего предлагают.

— Варвара Ильинична! — громогласно воззвал Папахин к вальсирующей барышне. — Ласковая моя! Неужто вы Баскаковку бритоголовому кумыснику продать думаете? Грех, ей-богу грех!

Хозяйка остановилась, весело ответила:

— Ничего не грех, а даже справедливо. От татарина пришло, к татарину и уйдет.

Рафик Абдуррахманович при этих словах приложил ладонь ко лбу и к груди, а потом коротко молвил, впервые разомкнув уста:

— Слово Махметшина твердое. Полтора миллиона. Прикажете — мои молодцы завтра доставят, а купчую можно и после.

Егор Иванович стукнул кулаком по столу — звякнули чашки:

— Он тут мечеть выстроит, с попами вас перессорит. Миллион шестьсот даю!

— Что мне до попов? — засмеялась Варвара Ильинична, кажется, очень довольная тем, что столкнула обоих толстосумов лбами. — Я в Европу уеду и больше сюда ни ногой.

— Истинно так-с, — поддакнул конторщик, целуя Мурку в пушистые ланита.

Рафик Абдуррахманович пожал плечами:

— Зачем мечеть? Мечеть я в нашей слободе построю, а тут буду дело делать. Миллион семьсот.

Слушать дальше губернскому секретарю стало скучно. И так было ясно, что торг закончится теми же двумя миллионами. А хоть бы и дороже — что радости с чужого богатства?

Сославшись на усталость, Тюльпанов пошел к себе в комнату, но спать не лег — затеял писать подробную реляцию шефу обо всем виденном и слышанном: с портретами, характеристиками, пересказом разговоров. В таких делах второстепенные детали важнее всего. Варвара Ильинична говорила, что с утра садовников мальчик побежит на почту и что к вечеру письмо уже будет у адресата, а стало быть, послезавтра можно будет ожидать от Эраста Петровича каких-нибудь указаний или рекомендаций.

Лег заполночь. Ворочался-ворочался, а уснуть не мог. Только закроет глаза, всё рептилии мерещатся, с раздвоенным языком и короной на плоской ромбической башке.

Наконец озлился на самого себя. Не желаете спать, Анисий Питиримович? Тогда нечего зря перину пролеживать. Извольте сделать моцион. Как говорит мудрый Маса, «много гурячи — срадко спачи».

Прямо поверх ночной рубашки накинул шинель, сунул голые ноги в сапоги, вышел в сад. Окна уже погасли, дом стоял во мраке темный и очень тихий. Зато из ночи навстречу Анисию неслись многочисленные невнятные звуки: побулькивания, трески, причмокивания, заговорщическая перекличка то ли птиц, то ли жаб, то ли еще кого. Московская ночь звучала, пахла и чернела совсем по-другому. Вот через кусты, за которыми уже пруд, а еще дальше Гниловское болото, шмыгнуло что-то; вот по аллее (Тюльпанов едва заметил краешком глаза) метнулась черная тень. Кто нематериалистических воззрений или просто некрепких нервов, пожалуй, и напугался бы. Но Анисий не раз слышал от шефа, что все самое страшное таится не вокруг человека, а внутри него, и потому шагал бодро, без страха.

Раздвинул ветки, и прямо перед ним, мерцая отраженными звездами, открылся пруд. От него несло тиной, лягушками, еще чем-то, чему Анисий названия не знал. Опустился на пенек, стал прикидывать, в какой стороне отсюда Скарпеин след, прикрытый парусиной.

Пяти минут так не просидел — услышал шорох, и близко, за малинником. Кто-то шел там, кряхтя и приговаривая. Тут уж Анисию сделалось не по себе, и он пожалел, что оставил револьвер в саквояже. Хотя если живой человек, то бояться нечего. А если какая нежить, то и револьвер не поможет.

Какая, к черту, нежить, сердито одернул себя губернский секретарь. Просто бродит некто среди ночи, кряхтит и приговаривает. Интересно, зачем — просто так или с какой целью?

Тюльпанов с пенька переместился на корточки, затих, стал щуриться в темноту.

Крашенинников?

Точно он — и силуэт знакомый, и, когда повернулся, борода длинная обрисовалась.

За спиной приказчик нес небольшой мешок. Время от времени останавливался, доставал из мешка какие-то комочки и бросал на землю, подле самой воды. Что за причуда?

Тихонечко, тихонечко Анисий двинулся следом. Пощупал землю, наткнулся на что-то мягкое, вроде как войлочное. Поднес к глазам и гадливо отшвырнул. Два дохлых мыша, связанные хвостами. Тьфу!

Ну и Баскаковка. Скорбный дом какой-то, полоумный на полоумном. Один Папахин очень даже не полоумный. Знает, чего хочет, и, похоже, своего добьется.

И Анисий стал думать про Папахина, но как следует развернуться не успел, потому что издали, от господского дома, донесся истошный вопль. Звук этот был так ужасен, что у губернского секретаря подогнулись колени.

III

Его высокоблагородию
г. коллежскому советнику
Э.П.Фандорину
В собственные руки

Шеф,

Это письмо отправляю одновременно со вчерашним, так что прочтите сначала то, а потом уже это. Я еще приписал в первое письмо про ночную прогулку по саду, про сумасшествие Крашенинникова и про крик, чтобы здесь не размазывать, а сразу перейти к описанию преступления.

Как я выяснил, добежав до дома, душераздирающий крик был произведен горничной Настасьей Тряпкиной, которая в половине третьего ночи заглянула в спальню хозяйки.

На вопрос, почему не спала и зачем заглянула, Тряпкина показала, что барышня вечером, отправляясь к себе, велела ее пока не раздевать и обождать — якобы желала посидеть у окна и помечтать.

Горничная прождала больше часа. По ее словам, находилась в коридоре и никуда не отлучалась. Правда, стояла не под дверью, а возле лестницы — там картинки по стенам развешаны, и Тряпкина, чтоб не скучать, их разглядывала. Однако божится, что в спальню никто не заходил, она увидела бы, да и дверь там со скрипом. Наконец, подумав, что хозяйка уснула в кресле, не раздевшись, горничная решила все-таки заглянуть в комнату. Закричала, упала в обморок.

Вторым к месту убийства прибыл я, поэтому дальнейшее описываю по собственным наблюдениям.

Приблизившись к открытой двери спальни, я сначала увидел бесчувственное тело Тряпкиной и пощупал жилу у ней на шее. Когда стало ясно, что жива и видимых ран не имеет, я вошел в комнату.

Вы знаете, шеф, я на службе видал всякое. Помните прошлогоднее убийство купчихи Грымзиной? Я тогда ничего, не оробел, даже давал следователю Москаленко нюхать нашатырь. А тут вроде ни крови, ни отрубленных частей тела, но ужас что такое.

Я лучше по порядку.

Убитая сидела в кресле подле раскрытого окна. Я сразу понял, что она совершенно мертвая, потому что голова у ней висела на сторону, как, знаете, ромашка или одуванчик на надорванном стебле.

Сначала я совсем не испугался — ну, убили, и убили. Обычное душегубство, думаю, разберемся. Даже когда зажег лампу и увидел странгуляционную борозду на шее, особенного значения не придал. Ясно, соображаю: задушили. Хотя мне тогда уже чудным показалось, что полоса такая широкая. Душат-то обычно ремешком, шнурком, веревкой, а тут багровый след в руку толщиной.

Первым делом я, конечно, сунулся к раскрытому окну. На подоконнике чисто. Спрыгнул вниз, посветил лампой. И тут мне стало так жутко, что я минуты две шагу не мог ступить, честное слово.

Там вокруг господского дома земля мелким песочком посыпана, чтоб после дождей лужи не застаивались. Так вот

на песке был явственно виден струящийся след, который тянулся от окна спальни до кустов. Точь-в-точь такой же, как я видел давеча, под парусиной.

Шеф, вы меня знаете. Я в нечистую силу и всякую такую чепуху не верю, но откуда след-то мог взяться? Ну, предположим, что в Гниловском болоте завелась какая-нибудь гигантская тварь, в природе всякие чудеса бывают. Но как она в окно-то заползла? Невозможно!

Я, стыдно сказать, даже молитву прочел в обережение от скверны. И только потом, малость успокоившись, стал рассуждать, как вы меня учили.

Ладно, думаю. А как бы это смертоубийство могло устроиться без сверхъестественных причин?

Предположим, что злодей спрятался в спальне заранее. Когда Варвара Ильинична вошла и села у окна, он подкрался сзади, удавил ее, скажем, скрученным в толстый жгут полотенцем, а после спрыгнул на песок и изобразил след Скарпеи — поленом проволок или еще чем.

Отпечатков ног там под окном много, целый день ведь ходят, но сами знаете, что на песке за следы, никакого от них проку.

Исправник, конечно, приехал, потом лекарь, уездный следователь. Последний совершенно пустой субъект. Ужасно обрадовался, что в Баскаковке находится ваш помощник, и с радостью взвалил всё расследование на меня. Говорит, у нас тут глушь, таких хитроумных преступлений отродясь не бывало, вы уж, Анисий Питиримович, того, не выдавайте. На вас вся надежда. Велел полиции меня слушаться и укатил, подлец.

Конечно, я понимаю, что вы при ее императорском величестве должны состоять и отлучиться вам никак невозможно, но помогите хоть советом.

Я тут составил список подозреваемых.

Сначала те, кому выгодно. Это, конечно, Папахин и Махметшин. Первый просидел вчера до ночи, уехал за час до убийства. Экипаж у него однокольный англез, без возницы, так что поди проверь, правда ли Папахин домой уехал или нет. Махметшина привозил кучер, тоже татарин. Но ведь

это такой народ — свой своего нипочем не выдаст. А выгода застройщикам от смерти Варвары Ильиничны вот какая — исправник объяснил. Поместье-то теперь остается без наследника. Закон дает некий срок, чтоб могли сыскаться родственники, а коли не сыщутся, то выморочная недвижимость попадает во владение казны или, в данном случае, земства. На что земству лишняя морока с недвижимостью? Продадут тем же застройщикам, да много дешевле, особенно если сунуть нужному человечку тысячонок пять, много десять. Этак можно добрых полмиллиона выгадать. Шутка ли?

Потом приказчик Крашенинников. У этого мотивом может быть не корысть, а умственное расстройство. Старик явно не в себе, баскаковский род для него, прямо как Аллах для магометан, а убитую он, судя по всему, презирал и даже ненавидел.

Еще остается петербургский ученый, Владимир Иванович Петров. Ведь это именно он откопал и красочно расписал легенду про Скарпею. Но зачем собирателю фольклора изводить Баскакову, а после ее приемную дочь, непонятно.

Больше мне пока ничего на ум не приходит.

Горничная Тряпкина, садовник и дворник собрали вещи и еще засветло ушли из Баскаковки прочь. В каморке под лестницей проживает конторщик Серегин, но с ним приключилось вот что. Утром был само хладнокровие, к гибели хозяйки отнесся спокойно, разглагольствовал передо мной про бессилие смертных человеков пред волей Провиденции. А вечером, когда полиция уехала, ворвался ко мне весь заревanный, в платок сморкается, кричит: жизни себя лишу. Знаете из-за чего? Кошка у него сдохла. Дряни какой-то в саду наелась и околела. Ужас как убивался — валериановыми каплями пришлось отпаивать. Уеду, сказал. В Австралию или Бразилию, потому что не желаю проживать в одном полушарии с отравителями и злокозненными гелиогабалами. Собрал сундук, прихватил хозяйский бронзовый светильник в виде Мефистофеля — «для мемoрабилии» — и отбыл в неизвестном направлении.

Я в доме остался один. Ничего, воспитания я простого, обслужу себя сам.

Прилагаю копии осмотра места преступления и патологоанатомического заключения, изготовленные по моему распоряжению исправником и лекарем.

Жду ответа и совета,

Ваш Тюльпанов.

А г-ну Масе нижайший от меня поклон.

24 августа 1888 г.

IV

Слукавил Анисий в донесении шефу. Факты и обстоятельства изложил в точности, не утаил и версии, однако же писать о том, что объект им уже намечен, не стал. Если ошибся, не придется краснеть, а если избрал линию верно, будет чем погордиться.

Папахину и Махметшину от смерти Варвары Ильиничны, конечно, выгода — спору нет. Но не такие люди миллионщики, чтоб из-за куша, хоть бы даже и большущего, мистерии разыгрывать. Тут особенное мозговое устройство требуется — темное, извилистое и непременно скособоченное.

Шеф говорил, что у умышленного убийства бывает всего-навсего четыре мотивации: первая — корысть, вторая — страх, третья — жгучая страсть (любовное исступление или там ревность, месть, зависть), четвертая — сумасшествие. Самые труднораскрываемые преступления относятся к последней категории, потому что маньяк существует в фантазийном мире, устройство и логика которого нормальным людям непонятны.

В истории со Скарпеей усматривались все признаки маньякального злодеяния, и тогда выходило, что первый на подозрении — Крашенинников.

Человек угрюмый, странного поведения, любитель уединения. Это раз.

Читатель религиозных книг. Это два.

Противился заключению сделки о продаже поместья. Это три.

С нездоровой идеей о величии баскаковского рода. Это четыре.

Ну и, конечно, самое подозрительное — ночное разбрасывание дохлых мышей из мешка.

Полистав прихваченный из Москвы учебник по криминалистике, Анисий выписал на бумажку кое-какие полезные термины, чтоб потом блеснуть перед шефом. Основная версия теперь смотрелась очень солидно.

Стало быть, так. От пристрастия к чтению старинных книг и *обсессионной фетишизации* своего вассального при Баскаковых состояния Самсон Степаныч Крашенинников тронулся рассуждением и, должно быть, сам не заметил, как переместился из реального мира в мир болезненных фантазий. Толчком, возможно, послужило предание о волшебной змее, рассказанное петербургским фольклористом. Приказчик вообразил, что, состоя при Баскаковых, он на самом деле находится в услужении у покровительницы их рода Скарпеи. Когда пришла весть о гибели молодого Баскакова, Крашенинников понял, что на Софье Константиновне древний род заканчивается, и послушался воображаемого зова болотной властительницы. Надо полагать, приказчик подвержен галлюцинациям и даже, вероятно, расщеплению личности. Изображая явление Скарпеи при помощи каких-то подручных средств, он тут же забывает о своих ухищрениях. Иначе чем объяснить вчерашнее раскладывание змеиной пищи по краю пруда? Нет-нет, тут не корысть, а самое настоящее, беспримесное сумасшествие. Баскакову приказчик довел до разрыва сердца во исполнение пророчества, а Варвару Ильиничну, должно быть, покарал как покусительницу на Скарпеино богатство. Понял, что храма во славу Святого Панкратия наследница не воздвигнет, вот и свершил над бедной девицей ритуальную расправу.

Версия была стройная, только с доказательствами пока выходило скудновато.

Поэтому на второй день после убийства, с раннего утра, Анисий сел в секрете напротив приказчикова дома и стал вести наружное наблюдение.

Проживал Крашенинников в самой гуще огромного баскаковского сада, в крепкой бревенчатой избе под зеленой жестяной крышей.

Первой вышла высокая девица с длинной русой косой — не иначе как дочка. Покормила кур, набрала воды, полила цветы в маленьком аккуратном палисадничке. Прав Папахин, дочка у приказчика была настоящая красавица.

Сам же Самсон Степаныч губернского секретаря разочаровал. В девятом часу спустился с крыльца хмурый, деловитый. Оседлал лошадь, да и ускакал куда-то. Получалось, что зря Тюльпанов с рассвета в кустах сидел, от росы весь вымок и трижды был укушен злыми муравьями.

Так день с самого начала и не заладился.

Понуждаемый бурчанием и подсасыванием животным, губернский секретарь сходил в Ольховку на предмет добывания пищи, но деревня была словно вымершая. Насилу отыскал в одной избе древнюю бабку, еле передвигавшую ноги. Спрошенная, где население, старуха ответила: «От Шкарпеи шпашаютша. Мне-то што, шлава богу пожила. Ты не от нее, матушки, будешь? Не жа мной?» И с надеждой прищурила подслепые глаза.

Правду говорил земский председатель: какое-то дикое средневековье. И это в шестидесяти верстах от Москвы!

У бабки Анисий разжился только квасом и краюхой хлеба. Поскольку лошадь взять было не у кого, отправился пешком в Ильинское, где лабаз и почта. В лавке купил баранок, чаю, сахару, колбасы. Долго ждал вечернего почтальона — не будет ли ответа от шефа на вчерашние донесения. Не было.

Возвращаться в Баскаковку пришлось на своих двоих. Никто из крестьян везти не согласился — ни за рубль, ни за два. Утром, говорили, еще куда ни шло, а к ночи ни за что. Невежество и суеверие.

Дотопал до пустой усадьбы уже в темноте, усталый и сердитый. Нехорошо поступаете, Эраст Петрович. Что с самого начала про Скарпею не рассказали — это ладно. Хотели, чтоб я сам составил мнение об этом диковинном деле. Но что ж на письмо-то не ответить? Ведь не о пустяках писано!

И как этого Крашенинникова прижать? Тут дедукция нужна. Может, пойти, да и тряхануть его как следует за шиворот, чтоб во всем сознался? Но где улики? На одних дохлых мышах обвинение не выстроишь. Значит, снова в кустах сидеть?

Еще не решив окончательно, как действовать, Тюльпанов пошел вдоль пруда к приказчикову дому. Шеф говорил, что в любом маньяке, даже самом озверелом, непременно остается частица доброго начала и что именно этот неомертвевший участок человечьей души — главный помощник следствия, ибо подчас побуждает преступного безумца к саморазоблачению и даже покаянию.

Может, потолковать с Крашенинниковым спокойно, сочувственно. Глядишь, и сыщется тропка к доброму началу, а тогда можно будет и признание получить. Всё одно Крашенинникову путь в сумасшедший дом, на каторгу такого не пошлют.

Так размышлял Тюльпанов, шагая мимо сумрачной водяной глади, испещренной темными пятнами полузатонувших бревен, кочек, камышиных зарослей. Над прудом поднимался белесый, пеленчатый туман. Лето еще не кончилось, а зябко было, промозгло.

Револьвер Анисий все ж таки прихватил с собой. Ну как в приказчике злая половина взыграет?

Когда из-за ближней кочки вдруг с плеском высунулось что-то большое, растопыренное, Анисий левой рукой схватился за сердце, а правой рванул из кармана оружие. Зацепил курком за край — чуть не пальнул сам себе в ногу.

Из воды на берег вылезло не болотное чудище и не Змей Горыныч, а высокий мужик в сапожищах, весь об-

лепленный тиной и чуть не до глаз заросший косматой черной бородой.

— Кто таков?! — дрожащим голосом крикнул губернский секретарь, сжимая железную рукоятку.

Мокрый человек махнул рукой в сторону болота и загукал невразумительно. То ли немой, то ли малахольный.

Не иначе местный дурачок, разъяснил себе Анисий, успокаиваясь. Оттого и бесстрашный. Все из деревни разбежались, а этот в самое болото залез.

Тюльпанов с младых ногтей чувствовал к слабоумным сострадание, поэтому дал дураку кусок сахара и сказал нестрого:

— Иди, иди. Нечего тебе тут шастать.

Только не надо было безмозглого сладким прикармливать — увязался следом. То поотстанет, то вперед забежит и всё на пруд, на болото оглядывается. А потом вдруг как оттолкнет Анисия в сторону, бух на четвереньки и тычет рукой в землю, радостно бормочет нечленораздельное.

Хотел Тюльпанов осерчать, но тут из-за облака высунулась луна, осветила размокший берег, и молодой человек разглядел на жидком глинистом месиве тошнотворно знакомый извилистый след. Опять!

Болотный мужик замычал, заквохтал, замотал лохматой башкой во все стороны, будто сердечную подругу потерял. Там, у пруда, его Анисий и оставил.

Теперь шел быстро, азартно. Всё, хватит фокусов! Волшебную змею пускай деревенский дурень разыскивает, а мы с вами, Самсон Степанович, поговорим по-нашему.

Минуты через две уже был у крашенинниковского дома. Перед тем как подняться на крыльцо, взвел курок, сунул оружие за пояс и сверху шинельку запахнул.

На стук открыла приказчикова дочка. Вблизи она оказалась еще краше: лицо чистое, белое, ясные глаза смотрят внимательно, лучисто. Ох, милая, каково тебе с бесноватым-то жить?

Анисий приподнял фуражку, представился. Спросил, как звать — Геля.

— А батюшки дома нет, — сказала Геля. — Он в «кабинете». Давно, со света еще.

— Где это? — спросил Тюльпанов, оглядываясь. — В какой стороне?

— Он не разрешает к нему туда ходить, — объяснила красавица. — У меня ужин давно накрытый, жду, а пойти позвать нельзя. Может, посидите, подождете? Вернется батюшка, поужинаем вместе.

Губернский секретарь нахмурился, на приглашение ответил рассеянно:

— Благодарю. Как-нибудь после... Вот что. У меня к вашему папаше дело неотложное, так что я уж рискну Самсон Степаныча потревожить. Вы только меня проводите.

Умная, видно, была девушка. Ничего больше говорить не стала, только точеные брови сдвинула. Постояла так с полминуты, накинула платок и повела Анисия по узенькой тропинке вдоль поляны, потом через смородиновые кусты и яблоневую рощицу. Яблоки уже совсем поспели, так и тянулись с веток к земле. Об одно, тяжелое от сока, Тюльпанов чувствительно стукнулся лбом.

— Вот он, «кабинет», — показала Геля.

На самом краю пруда стояла будочка в одно окошко. Внутри, за ситцевой занавеской горел свет.

Заглянуть бы в щелку, да неловко при дочке. Анисий постучал — коротенько, больше для видимости, и скорей толкнул створку. Очень хотелось застигнуть Крашенинникова при каком-нибудь саморазоблачительном занятии.

Сначала увидел керосиновую лампу на дощатом столе, флягу в замшевой обшивке и походный стаканчик, а уж потом самого Самсона Степановича. Он сидел, обмякнув на стуле и запрокинув голову. Одет был во что-то широкое, мешковатое, наподобие узорчатого азиатского халата.

Геля страшно вскрикнула за спиной у Анисия, оттолкнула его и бросилась к отцу. Не добежав, всплеснула руками, осела на пол — обморок.

Было от чего лишиться чувств. Лицо у приказчика жутко посинело и распухло, а на шее, сбоку от бороды виднелись две черные точки, из каждой стекало по капельке крови.

Анисий был даже рад, что девушка сомлела. Утешай ее, водой пои, а тут сейчас самая работа начнется: всё осмотреть, поискать следы, сделать замеры.

Губернский секретарь протянул руку, чтобы потрогать мертвеца за кадык — холодный или еще не остыл?

Увидел, что широкий халат странным образом шевелится. Пригляделся.

Никакой это был не халат, а невиданных размеров змеюка, обмотавшаяся вокруг трупа. Она подняла сужающуюся к концу голову, блеснула агатовыми глазками и разинула мерзкую пасть с двумя тонкими клыками.

Нехорошо стало Анисию. Он вяло махнул на Скарпею рукой — мол, не говори со мной человечьим голосом, всё равно не поверю — и повалился набок. Глаза, прежде чем закатиться под лоб, скользнули по темному потолку, по клочьям паутины, и Тюльпанов на время расстался со своим вышедшим из повиновения сознанием.

V

Стыднее всего потом было оттого, что дочка Кращенинникова очнулась раньше бывалого расследователя, да еще не сразу смогла привести его в чувство. И уши ему терла, и водой из кадки плескала, хоть сама была вся в слезах, зубами стучала и молилась. Когда Тюльпанов, наконец, открыл глаза, похлопал ими и сообразил, где он, что с ним, и почему над ним рыдает прекрасная собой девица, ужасная гадина из домика исчезла — видно, уползла через раскрытую дверь.

Сначала Анисий решил было, что никакой Скарпеи не было вовсе, что разинутая змеиная пасть примерещилась ему от расстроенных нервов, но Геля тоже видела

пресмыкающееся чудище, да и следы укуса с шеи злосчастного Самсона Степановича никуда не делись.

Уже после, наутро, когда Анисий воротился из волости со всей дознательской командой, земский доктор, взятый в качестве медицинского эксперта, по вскрытии установил, что Крашенинников умер от паралича дыхания, каковой возник вследствие воздействия некоего органического яда, волостному эскулапу безвестного. Удивляться неопределенности заключения не приходилось — лекарь был запойного вида и на ногах держался не очень твердо. Спасибо хоть палец себе скальпелем не отчикал.

Что ж, деревня она и есть деревня.

К полудню картина баскаковских преступлений стала более или менее ясна. Губернский секретарь изложил объективные факты и собственные умозаключения в подробнейшем донесении шефу, снова приложил копии следственных протоколов, и особый полицейский нарочный поскакал в Москву, на Малую Никитскую, чтобы вручить господину коллежскому советнику важный пакет собственноручно.

Первоначальная версия оказалась почти верной — вот, пожалуй, единственное, чем Тюльпанов мог гордиться в этой истории. Крашенинников действительно свихнулся и вообразил себя рабом Скарпеи. При дедуктировании Анисий ошибся только в одном: гигантская змея существовала не в больной фантазии приказчика, а на самом деле. Но такого, знаете ли, ни один здравый человек предположить бы не мог.

Понятно стало и отчего Крашенинников лишился рассудка. Встретишь этакое страшилище, да еще зная баскаковскую легенду, поневоле мозги набекрень съедут. Иные вон не робкого десятка, и то в обморок бухаются...

Деревенский дурачок, что повстречался Анисию вечером, тоже наверняка видел большущую гадину, но, будучи по глупоумию лишен воображения, не напугался, а наоборот, обрадовался этакой затейной коромыслине и разохотился ее поймать. Блаженны нищие духом.

А вот боголюбивый Самсон Степанович устрашился и заделался змеепоклонником наподобие сынов Израилевых, что кадили медному змию Нехуштану. И прикармливал гнусную тварь, и приручал, и, вероятно, даже содержал у себя в «кабинете», иногда выпуская на прогулки, но в конце концов сам пал жертвой своей пресмыкающейся повелительницы.

В сторожке нашли мешок с мышами и лягушками, у порога стояла большая миска с остатками молока, а в кармане у покойника обнаружилась камышовая дудочка — не иначе болотную тварь приманивать. Геля дудочки у родителя прежде никогда не видала.

Убитую горем девушку Анисий допросил без исправника и следователя, сам и протокол написал. Во-первых, жалко было бедняжку, а во-вторых, ни к чему посторонним знать про тюльпановскую впечатлительность, от этого мог произойти урон авторитету следствия. Когда лекарь с вскрытием закончил, положили труп на простую телегу, и увезла Геля своего злодейского отца в деревню. Только вряд ли крестьяне дадут схоронить колдуна на кладбище. Ох, бедная. Куда она теперь?

Сплавив свидетельницу своего позора, Анисий осмелел и коллегам наврал, что ухватил было Скарпею за хвост, да выскользнула чертова колбаса, ушла.

С чего она озлилась на Крашенинникова, своего благодетеля — бог весть. Может, надоел он ей своими знаками внимания. Или на волю выпускал слишком редко? Так или иначе, всадила Скарпея приказчику в шею свои смертоносные зубья.

И тут возникла у Анисия с исправником и лекарем научная дискуссия, к какому биологическому виду следует отнести это загадочное животное.

Лекарь предположил, что это, скорее всего, Vipera berus, в силу неких особенных обстоятельств развившаяся до небывалых размеров. Он читал, что в Италии некое время назад крестьяне изловили ядовитую гадину длиной в полтора человеческих роста. К утверждению Тюльпанова о том, что в Скарпее на вид было по меньшей

мере сажени две, медик отнесся скептически и даже позволил себе намек в смысле, что у страха глаза велики.

Исправник насчет виперы, или попросту гадюки, сомневался. Анисий хорошо запомнил узор змеиной кожи — черной с желтыми зигзагами, а таких гадюк в Гниловских болотах отродясь не водилось.

Вечером, когда выпили можжевеловой настойки за упокой Скарпеиных жертв и завершение дела, у Анисия возник план решительных действий: мобилизовать всю волостную и отчасти даже уездную полицию, бросить клич среди местных жителей и прочесать болото мелким гребнем. Чудище наверняка уползло восвояси, больше деваться ему некуда. Надобно его отыскать и изловить, а не выйдет взять живьем — изничтожить. Тогда и разрешится биологический спор, а заодно выяснится, так ли уж велики были глаза у Анисиева страха (это Тюльпанов сказал лекарю, язвительно).

Собутыльники идею губернского секретаря горячо поддержали. Завтрашний день постановили отвести на подготовку, а к самой драгонаде приступить послезавтра на рассвете.

Экспедиция получилась не такой монументальной, как рисовалось Анисию. Два десятка стражников во главе с исправником и несколько добровольцев, вот и всё войско. Трое соседей-помещиков во главе с Антоном Максимилиановичем Блиновым, который на правах бывалого охотника был утвержден в должности архистратига, ученый фольклорист Петров (без ружья, с одним только сачком, будто явился бабочек ловить), лекарь Царевококшайский да оба пахринских миллионщика, Папахин и Махметшин — надо полагать, чтоб покрасоваться перед местной властью в видах грядущей выгодной аренды. Татарин привел с собой полдюжины смуглых, узкоглазых приказчиков, которые вели себя шумно и все время гоготали, как бы давая понять, что христианские суеверия им нипочем. Егор Иванович Папахин прибыл в одиночестве, но зато истинным англичанином, будто со-

брался на лисью охоту: черное кепи, красный редингот, в руке тонкий хлыст (что, кстати, было не так глупо).

Из крестьян, несмотря на обещанное вознаграждение, идти в топь вызвался всего один — тощий дед с землистым лицом, в драном треухе. Антон Максимилианович пожал волонтеру руку и назвал его «представителем нового сознательного крестьянства», но при ближайшем рассмотрении представитель оказался не вполне трезв. Был он ужасно оборванный, но при этом в крепких брезентовых рукавицах и почему-то с пустым мешком на плече. Прихлебывал из бутыли, временами пританцовывал на месте, напевая какие-то монотонные припевки. Фольклорист подобрался было к носителю устного народного творчества и даже блокнот достал, но крестьянин послал ученого по матери.

Еще объявился анисиев знакомец, бессловесный мужичонка, что искал Скарпею в пруду. Завидев Тюльпанова, начал тыкать себе пальцем в рот — дай, мол, сахару. Хоть и дурень, а понял, для чего собралось столько народу. Шипел по-змеиному, мычал, подпрыгивал и вообще всячески выражал одобрение затеянному предприятию. Прогнать убогого не было никакой возможности.

Всего цепочка получилась из тридцати шести человек, чего для настоящего прочесывания, конечно, было недостаточно. Длиной болото было в восемь верст, шириной в полторы. Какой уж тут гребень?

Вся надежда была на опытность Антона Максимилиановича. Председатель наморщил лоб, переставил охотников по-своему. Анисия как делегата официальных инстанций поместил по правую руку от себя. Следующим, по требованию Тюльпанова — единственного крестьянина (надо было за пьянчугой приглядывать, чтоб, упаси боже, не утоп), потом — малахольного (тоже и за него чувствовал губернский секретарь ответственность).

— Раз людей мало, всю топь прочесывать не будем, — объявил Блинов. — Там посередке островок есть, куда я почти никогда не заглядываю, ибо незачем. Вот его и по-

щупаем. Интервал будет не больше семи-восьми шагов. Вперед, господа! И не робейте. Кто провалится, соседи вытащат.

И первым шагнул в мутную зеленую жижу.

До островка шагали след в след. Анисий то и дело оглядывался на крестьянина, но тот ничего — шататься шатался, однако не падал. Дурачок, тот, похоже, и вовсе ощущал себя в болоте преотлично. Зато сам губернский секретарь сплоховал: шарахнулся в сторону от высунувшейся из воды черной головки с желтыми пятнами по бокам, да и провалился с маковкой. Антон Максимилианович сразу же ухватил Тюльпанова за шиворот и поставил обратно на тропинку, но Анисий успел наглотаться слизи с лягушачьей икрой. От этого казуса у него началась меланхолия и нервическое дрожание в коленках. Если он обычного ужа так напугался, что ж с ним будет, если из-за кочки вдруг высунется змеиная головища величиной с дыню? Ну, и мокрость куражу тоже не прибавила. В высоченных болотных сапогах теперь хлюпало по доброму ведру воды.

Ладно, кое-как добрались до сухого, растянулись цепью.

— Весной, когда ходил на шнырков, я видел вон за теми кустами какие-то норы, — показал Блинов. — Но не придал значения, думал водяные крысы. Пойдемтека, Анисий Питиримович, проверим.

В самом деле, за кустарником, среди корней, виднелись три норы: две рядом, одна поодаль.

— Перчатки есть? — спросил председатель. — Нету? Ну, возьмите мою, а я левой.

Остальные охотники двинулись дальше, только дед остановился, забулькал самогоном из бутылки, да убогий присел подле норы на корточки.

Анисий натянул блиновскую лайковую перчатку, отодвинул дурака и стал собираться с духом. Соваться в черный лаз ужасно не хотелось. Даже если и крыса, все равно — коли цапнет за палец, не обрадуешься.

Но когда Антон Максимилианович не раздумывая влез в первую из нор по самое плечо и принялся там шуро-

вать, Тюльпанову сделалось совестно. Он закусил губу, встал на корточки и решительно засунул руку внутрь.

— Шшшшоххх, — раздалось громкое свистящее шипение, и прежде чем Анисий успел отпрянуть, кисть пронзило обжигающей болью.

С истошным воплем он шарахнулся, рывком вытянул руку и завыл от ужаса, когда увидел, что к прокушенной перчатке приросла огромная ромбовидная башка с уже знакомыми губернскому секретарю свирепыми глазками. За башкой потянулось и упругое черно-желтое туловище — толщиной с Анисиеву шею, а то и еще упитанней.

— А-а, мама! — позорно всхлипнул Тюльпанов и задергал рукой, чтобы высвободить ее из ядовитой пасти.

Скарпея разжала челюсти и с неожиданным проворством метнулась в заросли.

— Вон она, держи! — закричал Блинов, срывая с плеча берданку.

Дурачок с торжествующим воплем прыгнул по-кошачьи, ухватился за черно-желтый хвост и был тут же уволочен в высокую ржавую траву. Пьянчуга-крестьянин кинулся вдогонку.

— Помогите, — прошептал Анисий, прижимая к груди саднящую руку. — Сделайте что-нибудь, умоляю!

Он сорвал перчатку, увидел между большим и указательным две черные дырочки, из которых стекала кровь. Неужто смерть?

Председатель засуетился вокруг гибнущего Тюльпанова.

— Господи, беда какая! Вдыхайте глубже, ртом дышите! Главное, чтоб грудную клетку не сковало!

Поздно. Анисий почувствовал, что именно вдохнуть-то он и не может. Рот разевал, а воздух в легкие не шел. Вот он — паралич дыхания.

Показав на тесак, что висел на поясе у Антона Максимилиановича, Тюльпанов прохрипел:

— Рубите... Рубите мне кисть...

— Что вы! — в панике отшатнулся Блинов. — Я не смогу!

И еще руками замахал, жалкий человек.

Анисий вытянул левой рукой свой собственный нож, примерился — и понял, что тоже не сможет. Да и что толку, если уже и так вздохнуть нельзя.

Из зарослей вывалились оба крестьянина, похожие на сросшихся боками сиамских близнецов. Дед рукой в брезентовой рукавице держал Скарпею за шею, дурачок прижимал к груди крепко ухваченный хвост, змея же оплетала обоих живыми, пульсирующими кольцами.

Чистый Лаокоон, отрешенно подумал Анисий, который вспоминал в эту минуту покойницу маменьку, сестру Соньку, Эраста Петровича, Масу. Прощайте все, кого любил. Прощай, синее небо и зеленая листва.

— Бейте ее, гадину! — крикнул Блинов. — Ножом ее, ножом!

В ответ донеслось:

— Зачем же ножом... Мы ее в з-зоологический сад...

Вот и предсмертное помрачение, сообразил давящийся хрипом Анисий — последняя фраза была произнесена голосом Эраста Петровича.

Змееборцы запихивали отчаянно сопротивляющегося гада в мешок, но Тюльпанов сейчас был бесконечно далек от этой недостойной суеты.

Тут снова раздался знакомый голос, произнесший с укоризной:

— Нехороший вы человек, Б-Блинов. Подругу «гадиной» обзываете, смерти ей желаете.

— Шеф, вы?! — выдохнул Анисий, изумленно глядя на раскрасневшегося от схватки деревенского дурака. Возможно ли?

Недоумок щербато улыбнулся губернскому секретарю и замычал. Вместо него ответил старый пьяница:

— Б-благодарю, Тюльпанов. Вы чересчур лестного мнения о моих маскарадных способностях.

Молодой человек даже не попытался уразуметь, каким образом старый пьянчужка вдруг превратился в шефа — до бренного ли, когда жизнь на самом донышке и продолжает вытекать капля по капле. Каким бы чудом

вас сюда ни занесло, Эраст Петрович, лучшего прощального подарка и пожелать нельзя.

— Прощайте, шеф... — прошелестел Анисий на последних крохах воздуха, еще остававшегося в легких.

Эраст Петрович нахмурился:

— Эй-эй, Тюльпанов! Вы только не вздумайте в самом деле п-преставиться. Стыдно это — от одного страха помирать.

С укором взглянул губернский секретарь на любимого начальника. Зачем обижаете умирающего, господин Фандорин? Грех это.

От обиды еще воздуху выдавилось, малая толика:

— Яд... и боль адская...

— Еще бы не боль — такими зубищами хватануть. — Шеф задумчиво осмотрел рукавицу, всю в точках от змеиных зубов. — Б-брезент не прокусила, а вашу лайку — запросто. Больно, но не опасно. Змея-то неядовитая. Это, Тюльпанов, амурский полоз. На основании вашего д-донесения и показаний Ангелины Крашенинниковой — а она понаблюдательней вас — я справился в волостной читальне по зоологическому атласу. Великолепнейший экземпляр, не правда ли, Антон Максимилианович?

Земец был бледен и тряс головой, словно отгоняя наваждение.

Анисий же молча — возможности говорить уже не было — ткнул себя в кадык: а как же, мол, паралич дыхания?

Шеф велел:

— Ну-ка скажите: «Ап-чхи!»

Тюльпанов удивился, но чихнул. И — чудо из чудес — сам не заметил, как вдохнул немножко воздуха. Потом еще, еще и, наконец, задышал полной грудью.

— Да кто вы такой, господин ряженый? — очнулся от потрясения председатель. — Кто это, Анисий Питиримович? И что за странные инсинуации в мой адрес?

Эраст Петрович повернулся к земцу:

— Я — коллежский советник Фандорин. А у вас, как я вижу, новая фляга? — Он показал на сияющую медную

фляжку, что висела на поясе у Антона Максимилиановича. — А где же старая? Держу пари, что она была обшита замшей и имела чудесную серебряную к-крышечку, которая могла использоваться в качестве чарки.

Предложение этого странного пари отчего-то возымело удивительный эффект. Народный избранник перестал протестовать и попятился.

VI

— Скажите, Тюльпанов, вы сами-то читали п-протокол, который выслали мне позавчера? Тот, где исправник описывает место смерти Крашенинникова? — Шеф смотрел на своего помощника с укоризной.

— Нет, а зачем? Просто велел ему сразу писать под синьку... Я ведь видел всё собственными глазами и изложил вам в донесении.

— В том-то и штука. Вы написали, что на столе стояла замшевая фляга со стаканчиком, а исправник никакой фляги не приметил. Это означает, что за время, пока вы пребывали в б-бесчувствии, сей сосуд со стола загадочным образом исчез. Не полоз же его с собой унес, верно?

Анисий похлопал глазами и сдвинул белесые брови.

— Там не было никого кроме меня и дочери Крашенинникова!

— Именно поэтому сначала я заподозрил девушку. Вчера утром ее величество со свитой наконец отбыли в Петербург, и я тут же отправился сюда. Разыскал в Ильинском Крашенинникову, расспросил ее как следует. Если бы она сказала, что никакой фляги не видела — это означало бы, что она и есть п-преступница. Ведь она очнулась раньше вас. Но Крашенинникова отлично разглядела и описала флягу, а заодно припомнила, что после обморока фляга со стола исчезла. Отсюда следует, что неподалеку находился кто-то третий, наблюдавший за вами из темноты. После того как Крашенинникова подробно описала мне змею и я установил, что это безвред-

ный полоз, стало ясно: приказчик умер не от укуса. Отрава, вероятнее всего, содержалась в т-таинственным образом испарившейся фляге. Некий гость, которого Самсон Степанович принимал у себя в сторожке, угостил его отравленным напитком, а потом сделал на шее мертвеца две маленьких надреза, имитирующих змеиный укус. Доморощенного волостного эксперта эта уловка отличным образом провела. Из-за того, что полоз не какой-нибудь, а именно амурский, выйти на истинного убийцу мне было нетрудно.

Фандорин смотрел уже не на Анисия, а на председателя, который стоял неподвижно, кусая побелевшие губы.

— Кто кроме вас, Блинов, мог привезти сюда амурского полоза? Вы в прошлом году вернулись с Дальнего Востока. Тигровых шкур не добыли, но зато обзавелись великолепным живым трофеем. Цель у вас была невинная и даже похвальная: отвадить крестьян-браконьеров от Гниловского болота, чтоб не уничтожали редких птиц и не мешали вам охотиться. План остроумный, и отлично удался. Но кроме суеверных крестьян вашего полоза видел и Крашенинников. Во всяком случае, он знал, что Скарпея — не выдумка местных кликуш, только следователю про это не говорил. Очевидно, боялся, что его сочтут сумасшедшим. Кстати говоря, Тюльпанов, я с самого начала не держал Самсона Степановича на подозрении. Знаете, почему? Потому что он разбрасывал по краю пруда отравленную приманку для змеи.

— Почему отравленную, шеф? — удивился Анисий. — С чего вы взяли?

Фандорин лишь вздохнул:

— А кошка к-конторщика Серегина? Совершенно очевидно, что ее погубило крашенинниковское угощение. Нет, Самсон Степанович не поверил в волшебную Скарпею, и вы, Блинов, решили, что спокойней будет его отправить на тот свет. К тому же у вас возник замысел свалить всё на Крашенинникова, и это вам почти удалось. Вы навестили приказчика в сторожке, угостили отравленным вином и обставили место преступления нуж-

ным вам образом. Засунули в карман мертвецу камышовую дудочку, миску для молока притащили, а мешок с мышами и лягушками бедный Самсон Степанович сам припас — для вашей экспозиции очень кстати. Однако вы забыли на столе вашу флягу, и пришлось за ней возвращаться. Подготовленный вами натюрморт со змеей напугал очевидцев до потери сознания, так что улику вы б-беспрепятственно устранили, но на душе у вас все же было неспокойно. Девушка вас не слишком тревожила — ей обратно в Баскаковку дороги нет, но вот Тюльпанов... Вдруг он все же вчитается в исправников протокол и обратит внимание на исчезновение фляги? И вот вы придумали избавиться от свидетеля ловким и совершенно безопасным для вас образом. Вывели Тюльпанова прямо на нору, где обитала прирученная вами змея, и вынудили его самого...

— Погодите, сударь! — прервал обвинителя Антон Максимилианович. — Но вы же сами только что сказали: змея неядовита. Если я такой злодей, каким вы меня рисуете, ваш помощник ничем не рисковал, суя руку в нору!

— На примере Баскаковой вы имели возможность убедиться, что страх и самовнушение убивают впечатлительного человека вернее ножа. Тюльпанов не сомневался в том, что укус змеи смертельно ядовит, и свято верил в паралич д-дыхания. От этого он и в самом деле задохнулся бы — всё шло к тому.

Губернский секретарь прижал ладонь к груди и вдохнул глубоко-глубоко. Господи, какое счастье дышать, просто дышать!

Рядом был еще один совершенно счастливый человек — скудоумный мужичок. Он сидел на земле и любовно поглаживал пузырящуюся, ходящую волнами рогожу. Лишившись одного друга, дальневосточная рептилия тут же обзавелась новым, куда более верным.

— Шеф, а зачем было губить Баскакову? — спросил Анисий, не сомневаясь, что Эраст Петрович, как всегда, прав. — Какая ему корысть?

— Да самая прямая. По должности председателя уездной земской управы Блинов раньше всех узнал о грядущем железнодорожном строительстве и понял, каким лакомым куском становится Баскаковка. Положение у этого господина отчаянное. Я узнал в губернаторской канцелярии, что Пахринскую управу подозревают в нешуточном хищении общественных денег, готовится ревизия. Дело пахло судом и тюрьмой. Господину Блинову были отчаянно нужны деньги, чтобы покрыть растрату. Вот он и разработал отменно ловкий п-план. Уж больно соблазнительно обстоятельства сложились, не правда ли, Антон Максимилианович? Единственный сын Баскаковой погиб, у помещицы от горя случилась сердечная болезнь, да и рассудок помрачился. Должно быть, она сама принялась твердить о Скарпее, которая непременно явится за последней из рода Баскаковых. Ведь как раз незадолго перед тем господин Петров раскопал эту старинную легенду... Вы знали, что теперь наследницей Баскаковки является Варвара Ильинична, ваша единомышленница по части служения общественному б-благу... Человек вы красноречивый, вам без большого труда удалось уговорить барышню составить завещание в пользу земства...

— Заметьте: земства, а не в мою собственную! — вторично попытался отразить штурм Антон Максимилианович.

— Даже Тюльпанов, и тот сообразил, какую выгоду распорядителю общественной недвижимости сулит право раздавать участки в аренду.

На слово «даже» Анисий обиженно выпятил губу, а Эраст Петрович сказал ему:

— Здесь, Тюльпанов, пахнет взяткой не в пять и не в десять тысяч, как вы предположили в письме, а куда более крупными суммами. Аренда дачных участков сулит застройщикам прибыли по двести тысяч в год, так что на бакшиш они не поскупились бы. — Коллежский советник покачал головой. — Боюсь, м-мода на дачи рано

или поздно совершенно развратит подмосковные власти. Слишком уж велик соблазн легкого обогащения.

Фандорин вынул платок и принялся тщательно протирать лицо, с которого постепенно исчезали морщины, а кожа из землистой становилась все белее и белее.

— Три убийства, Блинов. Вот итог вашей мистификации. Чтобы свести в могилу бедную Баскакову, достаточно было показать ей дальневосточного змея. Но с Варварой Ильиничной вам пришлось уже самому руки марать. Именно скрученное в жгут полотенце, Тюльпанов. Полагаю, что в этом случае вы восстановили картину преступления верно. Смелая была затея — сделать свидетелем московского расследователя. Вы, Блинов, выпустили «Скарпею» немножко поползать под окном, и «волшебная» версия получила еще одно подтверждение... Кстати, как зовут вашу приятельницу? — кивнул коллежский советник на шевелящийся мешок.

Антон Максимилианович, кажется, понял, что запираться бессмысленно, и криво усмехнулся.

— Виктория... Я что, должен считать себя арестованным?

Шеф отвернулся и негромко сказал:

— А это как вам будет угодно.

Не того ждал Тюльпанов — подумал, что ослышался. Председатель же сглотнул, поморгал глазами. После недолгой паузы коротко поклонился:

— Благодарю...

Взял берданку за ремень и неторопливо пошел прочь. На ходу сорвал чахлый болотный цветок, понюхал. Еще несколько шагов, и за спиной Блинова сомкнулась высокая, в полтора человеческих роста трава.

— Не сбежит? — усомнился Анисий.

— Куда? Пойдет по Руси-матушке с сумой, подаяния просить? Не тех п-привычек господин. А поймают — бессрочная каторга. Дадим Антону Максимилиановичу пять минут, избавим земскую идею от лишней компрометации. Несчастные случаи на охоте, увы, не редкость. — Фандорин брезгливо потер щеку, всю в россыпи розо-

вых укусов. — Поскорей бы назад в Москву. Не нравится мне этот пленэр. Здесь не комары, а какие-то пираньи.

— Шеф... — Анисий замялся.

— Ну что еще?

— Я про Гелю, дочку Крашенинникова... Достойнейшая девица. Ведь какой ужас пережила, одна-одинешенька осталась. Пропадет она здесь. Жалко. Нельзя для нее что-нибудь сделать?

— Хорошо. Заберем «достойнейшую девицу» с собой.

В зарослях грохнул выстрел, по болоту метнулось короткое, суетливое эхо.

Анисий вздрогнул плечами и троекратно перекрестился. Зато дурачка трескучий, перекатистый звук развеселил. Не переставая поглаживать свой ненаглядный мешок, он крикнул:

— У-бу-бух!

И радостно засмеялся.

ОДНА ДЕСЯТАЯ ПРОЦЕНТА

1

Квартальное совещание правоохранительных инстанций в присутствии его сиятельства проходило так, как положено проходить церемониально-отчетным мероприятиям подобного рода, то есть напоминало скучный и торжественный балет вроде Адановой «Жизели».

Сначала исполнил свое адажио прокурор судебной палаты, посетовавший на ужасающую статистику тяжких преступлений в Белокаменной — за истекшие три месяца целых семь смертоубийств.

Потом мажорное па-де-де станцевали обер-полицеймейстер и начальник сыскного управления: да, убийств стало больше, но все они благополучно раскрыты, а за болезненное состояние общества полицейские органы не отвечают.

Его сиятельство генерал-губернатор начал задремывать еще на прокуроровом докладе. На обер-полицеймейстерском повесил на грудь голову в съехавшем набок паричке, а на полковнике из сыскного уже и подхрапывал.

Стар был Владимир Андреевич, недавно девятый десяток разменял.

Когда глава московских сыщиков, мужчина полнокровный и зычноголосый, от рвения чересчур раскричался, князь во сне беспокойно зачмокал губами. Из-за портьеры немедленно высунулся старик в ливрее с позументами и погрозил полковнику пальцем. Это был личный камердинер его сиятельства всесильный Фрол Ведищев. Полицейский сразу же перешел с мощного forte на легчайшее piano, а последующие участники совещания и вовсе изъяснялись чуть ли не шепотом.

Эраст Петрович нарочно сел у самого окна. Смотрел, как по Тверской катят экипажи, как бренчит о подоконник апрельская капель, как порхают по небу свежие облачка. Выступления господину статскому советнику были неинтересны. О фактах он и так был осведомлен, мнения мог предсказать с точностью до слова. Лишь во время речи обер-полицеймейстера Шуберта повернул голову и стал слушать чуть внимательней, но не из-за содержания, а из-за самого докладчика. Тот был назначен в Москву недавно и заслуживал изучения.

Наверняка про Шуберта можно было пока сказать только одно: человек светский, обходительный. Однако опытный глаз Фандорина, перевидавшего на своем чиновничьем веку немало обер-полицеймейстеров, сразу определил, что сей назначенец долго не продержится. Чувствовалась в генерале некая гладкая трудноуловимость, отсутствие твердого характера. С такими качествами лучше делать карьеру не в Москве, а в Петербурге.

Немного понаблюдав за Шубертом, статский советник легонько зевнул и вновь оборотился к окну.

Всё проистекало в точности, как всегда. И князь тоже не разочаровал подчиненных, каждый раз поражавшихся удивительному качеству его сиятельства: ровно в ту минуту, когда последний из выступавших закрыл рот, генерал-губернатор проснулся. Разлепил глаза, бодро оглядел беломраморную залу и произнес укоризненным тоном неизменную фразу:

— М-да, господа мои, надобно подтянуться. Непорядку много. Ну да Бог милостив. Благодарю всех. Ступайте.

В коридоре к Фандорину, выходившему последним, приблизился обер-полицеймейстер и с приятнейшей улыбкой сказал:

— Вот вы, Эраст Петрович, в минувшее воскресенье охотой манкировали, а, право, зря.

Речь шла о большой губернаторской охоте, которой по традиции открывался весенний сезон. В этом апрельском выезде на пленэр участвовал весь большой свет Москвы, однако Фандорин подобных развлечений не признавал.

— Не люблю, — сказал он. — Зачем убивать живых с-существ, которые мне ничего плохого не сделали?

— Знаю, вы отличаетесь оригинальными воззрениями, — еще ласковей улыбнулся его превосходительство. — Но я посетовал на ваше отсутствие не в связи с тетеревами и глухарями. Вы слышали о приключившемся несчастье?

— О князе Боровском? Да, мне г-говорили. Ненамеренное причинение смерти по неосторожности — так, кажется?

Генерал наклонился и понизил голос:

— Ненамеренное ли?

— А что, есть сомнение?

Взяв статского советника под руку, Шуберт отвел его к подоконнику.

— Я, собственно, по этому поводу и желал обеспокоить... Видите ли, тут открылись обстоятельства... Чтобы не тратить зря ваше время, давайте так: расскажите, что вам известно о смерти Боровского, а я со своей стороны дополню картину.

Фандорин стал вспоминать, что ему рассказывали знакомые, участвовавшие в охоте.

— Когда загонщики вспугнули глухарей (для этого есть какой-то специальный т-термин, не помню), молодой человек, стоявший в паре с Боровским, по оплошности взял слишком низкий прицел и всадил бедняге в затылок заряд дроби. Кажется, фамилия горе-стрелка Куле-

бякин? Я верно запомнил? — Обер-полицеймейстер кивнул. — Что еще? Мне г-говорили, что этот Кулебякин после завтрака с шампанским был изрядно навеселе. Вероятно, этим и объясняется столь чудовищный промах. Чем же вызван ваш интерес к этой печальной, но вполне заурядной истории? Что за обстоятельства открылись?

— Обнаружился свидетель. — Генерал тяжко вздохнул. Ему, похоже, не нравилось, какой оборот принимает история. — Позавчера, когда произошло несчастье, даже полицию вызывать не стали. Случай очевидный, общество самое возвышенное, ну и, в конце концов, зачем полиция, когда присутствует ее начальник?

Шуберт рассмеялся и сконфуженно потер висок.

— Боюсь, что дал маху. Я ведь из гвардии, полицейскими делами прежде не занимался. Рассудил по-своему: попросил господина Кулебякина не выезжать из гостиницы, пока не закончится разбирательство, и более ничего.

— Так он живет в г-гостинице?

— У Дюссо. Этот молодой человек петербуржец, в Москву приехал ненадолго, по имущественным делам. Он племянник и единственный наследник Ивана Дмитриевича Кулебякина — того самого, промышленника. Как вы, должно быть, знаете из газет, дядя две недели назад умер, и молодой человек готовится вступить во владение огромным состоянием. Холост, хорош собой, баснословно богат. Естественно, в Москве вокруг него целый хоровод устроили: званые вечера, балы, журфиксы, базар невест. На большую охоту его, разумеется, тоже пригласили. Живет он на широкую ногу. Снял пятидесятирублевый номер с фонтаном, швыряет деньги направо и налево. Оно и понятно — этакое богатство свалилось. В воскресенье Кулебякин уже с утра был под шофе — вам правильно рассказали. Да и когда охотников разводили по пáрам, тоже к фляге прикладывался — я сам видел...

— Что ж вы замолчали? П-продолжайте.

— Разумеется, никому и в голову не пришло заподозрить умысел. Посудите сами, зачем это Кулебякину в его положении? Корыстный мотив? Право, смешно. Личные счеты? Но они с князем познакомились за полчаса до

трагедии. Я выяснял: их представил друг другу барон Норфельдт. Чуть не с первых слов выяснилось, что оба — и князь, и Кулебякин — страстные театралы, у них завязалась оживленная беседа, и они сами попросили поставить их вместе. Нет, никаких личных счетов тут быть не может. И всё же...

Генерал сделал паузу — мимо шли двое чиновников из канцелярии. Поздоровались с Эрастом Петровичем, обер-полицеймейстеру молча поклонились. Наконец, можно было продолжать.

— Вчера к звенигородскому исправнику пришел егерь, некий... — Шуберт заглянул в книжечку. — ...Антип Сапрыка и сообщил, что собственными глазами видел, как всё случилось. Господин Кулебякин утверждает, что спустил курки раньше времени, вскидывая ружье. Егерь же показал, что Кулебякин самым недвусмысленным манером приставил князю дуло к затылку и выстрелил. Исправник проверил: с той позиции, на которую был поставлен Сапрыка, место происшествия действительно просматривается. Само собой, свидетельство какого-то Сапрыки немного стоит против слова такого блестящего молодого человека, но, с другой стороны, зачем бы егерю возводить напраслину? Мужик он немолодой, трезвого поведения и самых похвальных отзывов. Служит у генерал-губернатора в имении чуть не тридцать лет.

— Дело серьезное, — признал статский советник. — Требуется детальное расследование.

— Вот и я о том же. Не глухарку подстрелили — князя Боровского. Какой был мужчина! Половина московских дам в трауре.

— Я знаю, у Боровского была репутация ловеласа. Так, может быть, это п-преступление страсти? Любовная история, роковой треугольник, драма ревности?

Обер-полицеймейстер лишь руками развел:

— Очень возможно. Но вкусы у Боровского были изысканные, с субретками и демимонденками он не знался, признавал только женщин хорошего общества. И всегда был деликатен в связях, ни одной дамы не скомпрометировал. Настоящий джентльмен. Как прикажете поли-

ции расследовать этакое дело? Моих держиморд в этом кругу дальше передней не пустят. Можно, конечно, действовать через прислугу, полицейские сыщики это отлично умеют. Но получится нехорошо. На след не выйдем, а шуму наделаем. Вторжение в частную жизнь почтенных семейств, справедливый гнев дам и их супругов... — Шуберт поежился. — Нет уж, слуга покорный. А вы в этом milieu человек свой. Можете действовать тактично, без огласки. Очень бы вас просил заняться этим делом. Право, Эраст Петрович, вам и труда большого не составит, а мне камень с души.

Статского советника долго уговаривать не пришлось. Задачка выглядела несложной, но любопытной.

2

Начал, естественно, с допроса егеря, для чего пришлось наведаться в Звенигородский уезд.

Разговор происходил прямо на месте трагедии — оно и нагляднее, и от чужих ушей подальше.

Антип Сапрыка, степенный мужик лет пятидесяти, неторопливо показывал:

— Молодой барин, что выпимши был, вон там стоял. А высокий, с усами, чуть спереди. Как наши-то зашумели и глухарь пошел, молодой на шажок вот этак назад отсеменил, и, гляжу, целит из двустволки прямо в затылок. А высокому невдомек — шею вытянул, глухарей ждет. Только я крикнуть хотел: «Барин, ружье повыше подымите!» — ба-бах! И кончено. Я обмер весь. Ох, думаю, беда какая. Что натворил, пьяная башка, кривые руки! Только гляжу — не шибко-то он и пьяный. Поглядел по сторонам, сторожко так. Меня не приметил, я вот тут за сосной стоял. Кругом пальба, все по глухарям содют, а он, убивец-то, на корточки присел, покойника туда-сюда пошевелил и только после кричать начал. Всё так и было, ваше благородие. Как на духу говорю.

И видно было, что, действительно, говорит правду.

Вопрос у Фандорина возник только один:

Афанасій Кулебякинъ

— Что ж вы, Сапрыка, сразу в полицию не заявили, следующего дня дождались?

Охотник опустил голову, закряхтел.

— Дык... Дело-то страшное. Барское дело. Тут только ввяжись. У него вон ружье мефертовское, тыщу рублей стоит, сапоги лаковые, часы на золотой цепке. Как накинутся аблакаты, сам заместо его в каторгу пойдешь... И не донес бы. Поп заставил. Я к нему, к отцу Константину-то, исповедаться пошел, сдуру: так, мол, и так. А он мне: «Не бери грех на душу, Антип. Стыдно тебе. Езжай, говорит, с утра в город, а я за тебя помолюсь». Ну я и поехал... Попутал меня долгополый. Теперь сам не рад.

— Нельзя же позволять, чтоб убийство сходило с рук, — рассеянно сказал Фандорин, прикидывая, как действовать дальше.

Пожалуй, теперь можно было потолковать с Кулебякиным.

В номере у богатого наследника и вправду оказался фонтан. Мраморный цветок с нагой нимфой стоял прямо посередине гостиной и производил неумолчное журчание, которое уже на второй минуте показалось Фандорину надоедливым.

Неблагоприятное впечатление произвел на него и обитатель великолепного чертога, смазливый брюнет лет тридцати с преждевременно пожухшим лицом.

Афанасий Кулебякин держался с представителем власти развязно, даже нахально, тем более что про показания Антипа Сапрыки ему пока сказано не было.

— ...Да, виноват. Споткнулся на ровном месте, ружье и выпало. Перебрал коньячковского. Сорокалетний «Мартель», не доводилось пробовать? Угль пылающий, а не напиток. Будто по облаку плывешь, всё вокруг в блаженном тумане. — Убийца сидел в кресле нога на ногу, побалтывая расшитой туфлей, и даже не пытался делать вид, будто потрясен случившимся. — Что ж поделаешь? Не повезло. Фатум, судьба. Минувшей зимой, на великокняжеской охоте, граф Вреде кавалергарда Салтыкова так же вот продырявил. Не читали? Графу церковное по-

каяние присудили. Я тоже покаюсь, а как же. — Кулебякин размашисто перекрестился. — Десять пудовых свечей поставлю. И тем не ограничусь, слово благородного человека. Говорят, покойник, даром что князь, но доходишко имел небольшой. Собираюсь вдове во искупление трагического недоразумения преподнести тысячонок двадцать-тридцать. Как по-вашему, примет? Думаю, непременно. Конечно, аристократическая спесь и всё такое, но ведь, согласитесь, сумма. В ее положении особенно привередничать не...

Здесь Фандорин его и огорошил — перебил на середине фразы:

— Есть свидетель, который видел, как вы прицельно выстрелили князю в голову.

И сцепил пальцы, наблюдая за реакцией собеседника.

Кулебякин поперхнулся, заморгал, ногой болтать перестал, выпрямился в кресле.

— Свидетель? — настороженно спросил он. — Не может быть.

Встревожен, но не чрезмерно, был вынужден констатировать Эраст Петрович.

— В десяти шагах слева от вас, за д-деревом, стоял один из егерей.

Подозреваемый снова откинулся назад и беззаботно махнул рукой.

— А-а, велика птица. Примерещилось вашему егерю на похмельную голову. Или же узнал, что я богат, и желает повымогательствовать. Экое удумал! С какой стати я буду едва знакомому человеку два ствола дроби в голову всаживать?

А вот на это статскому советнику ответить было нечего.

Судя по первым сведениям, которые удалось собрать об Афанасии Кулебякине, версия о преступлении страсти представлялась маловероятной. Не того склада личность. Радостей плоти не чужд, и даже весьма, но предпочитает пылкой любви покупную и, судя по отзывам, вообще придерживается самых циничесских воззрений в отношении прекрасного пола. Такие не убивают из ревности или в отместку за оскорбленную женскую честь.

В общем, встреча у фонтана ничего полезного расследованию не принесла.

Кроме, пожалуй, одного: у Эраста Петровича сложилось твердое убеждение, что Кулебякин, в отличие от егеря, врет. Князя он убил не случайно, а преднамеренно, на холодную голову.

Но, действительно, чего ради?

В каких случаях один человек умышленно убивает другого? Как говаривал покойный Ксаверий Грушин, первый наставник Эраста Петровича в сыскных делах, «либо *асть*, либо *ысть*, либо *есть*, либо *остъ*», то есть, должна присутствовать страсть, корысть, месть или опасность. Но как Фандорин ни искал, никакого намека ни на один из четырех основных мотивов не прослеживалось.

Среди людей иногда встречаются выродки, получающие удовольствие от самого акта убийства, особенно если имеется шанс остаться безнаказанным. Этот род психического недуга бывает свойственен двум человеческим типам: кто пролил много крови на войне либо же кто с раннего детства имел болезненную страсть к мучительству. Однако Афанасий Кулебякин не то что на войне, но и на военной службе не бывал. И, судя по сведениям, присланным из санкт-петербургской полиции в ответ на подробнейший, разбитый по пунктам запрос, никаких садических наклонностей за молодым человеком не отмечалось. Оказалось, что органам правопорядка Кулебякин хорошо известен, ибо и дебоширил, и необеспеченные векселя подписывал, и в долговой яме сидел. Но проституток кнутом не хлестал, прислугу не бил, ни в каких несчастных случаях со смертельным исходом прежде замешан не был. Столичный следователь, старый товарищ Эраста Петровича, даже опросил соучеников по гимназии — нет, Кулебякин и мальчиком кошек не мучил, собак не вешал, крыс на огне не поджаривал. Ну, был озорник, любил приврать, в четвертом классе приклеил учителя рисования к стулу. Но ничего патологически жестокого в характере Афанасия не прослеживалось.

И сделалось Фандорину ясно, что придется ехать в Петербург, заниматься господином Кулебякиным всерьез.

3

После двух дней пребывания в столице статский советник знал об объекте всё, что только возможно.

Правду сказать, биография молодого человека ничего интересного собою не представляла. Гимназию не окончил — отчислен за неуспевание и дурное поведение. Безуспешно служил в шести разных местах, куда попадал по протекции дяди, всё пытавшегося сделать из шалопая положительного члена общества. Нигде долго не удерживался, отовсюду вылетал со скандалом. В конце концов Кулебякин-старший махнул на племянника рукой, перестал им заниматься и в последнее время частенько поговаривал, что хочет переделать духовную — завещать все огромное состояние на нужды благотворительности. Говорить говорил, но исполнить свое намерение не торопился, ибо человек был не старый и еще собирался пожить.

Но судьба распорядилась по-своему. Тому две с небольшим недели ужинал он в Яхт-клубе с компанией знакомых. Внезапно почувствовал себя плохо, лишился чувств и по дороге в больницу скончался. Причина смерти — паралич сердца.

Так-так, сказал себе Эраст Петрович. Стал копать глубже.

Выяснилось непонятное обстоятельство — вскрытие тела не производилось. Это при скоропостижной-то кончине? Странно.

Однако при чтении протокола, составленного по горячим следам квартальным надзирателем, выяснилось, что среди собутыльников миллионера был известный доктор Буквин, профессор медицины, светило кардиологии. Он пытался оказать умирающему помощь, а когда Кулебякин-старший испустил дух, констатировал все признаки разрыва сердечной мышцы. Квартального, разрешившего предать тело земле без вскрытия, можно

понять: более авторитетной экспертизы ни в каком полицейском морге не сделают.

А вот командированный из Москвы чиновник позволил себе в этом усомниться. Заручившись санкцией прокурора, произвел вскрытие свежей могилы, эксгумацию.

И что же? Патологоанатомическое исследование обнаружило в тканях покойного сверхвысокое содержание синильной кислоты.

Отравление!

Обер-полицеймейстеру Шуберту полетела телеграмма:

«Кулебякина из-под домашнего ареста не отпускать. Намерен произвести следственный эксперимент. Фандорин».

4

Итак, за неделю до того, как Афанасий Кулебякин застрелил на охоте князя Боровского, произошло другое убийство — на сей раз имевшее для наследника самую прямую выгоду.

Синильная кислота в большой дозе — яд довольно быстрого действия. Поскольку дядя почувствовал себя плохо в самом конце неторопливого товарищеского ужина, предположить, будто племянничек подсыпал отраву еще дома, было невозможно. Да и, как выяснилось, непутевого молодого человека туда давно уже и на порог не пускали. В ресторане Афанасия тоже не было. Более того, он имел надежное алиби: за три дня до дядиной смерти угодил в долговое отделение — кредиторы засадили. И неизвестно, сколько проторчал бы за решеткой, ибо дядя выкупать его не собирался.

Чтобы разрешить загадку, и понадобился эксперимент.

Эраст Петрович решил детально восстановить картину злополучного ужина. Присмотреться к профессору Буквину, к прочим знакомым покойного, к прислуге. Последняя была у статского советника на особенном подо-

зрении. Не подкуплена ли? Повару, а пуще того официанту было бы нетрудно подложить в вино или кушанье отраву.

Если дядю, пускай чужими руками, убил Кулебякин, можно предположить и причину второго убийства на охоте, правда, довольно причудливую, но не фантастическую. В криминальной практике подобные случаи изредка встречаются, а Фандорину на его сыскном веку попадались мотивы и подиковинней.

У человека, который удачно провернул ловко задуманное убийство, может возникнуть ощущение своего всемогущества, превосходства над жалким, тупым, законопослушным стадом. Он чувствует себя тайным повелителем мира, закулисным вершителем судеб, упивается своей воображаемой властью. Это очень сильное чувство, требующее постоянной подпитки. Я могу сделать всё, что пожелаю, закон против меня бессилен, говорит себе маньяк. И оставляет адскую машину в людном месте, твердо зная, что его никогда не найдут, потому что кинутся искать террористов. Или, мефистофельски посмеиваясь, капает на рауте яду в один из стоящих на подносе бокалов — просто чтобы посмотреть, кого из гостей выберет Рок.

С этой безумной позиции, наверное, было бы головокружительным удовольствием среди бела дня застрелить в упор малознакомого человека, да еще князя, и выйти сухим из воды. Если не удастся доказать злой умысел, убийца, действительно, отделается пустяками. Страшно вообразить, какое развлечение он себе придумает в следующий раз.

Случай на охоте выглядел бесперспективным. Вердикт суда можно было предугадать заранее: выслушав подзащитного и единственного свидетеля, председательствующий распорядится прекратить дело за недоказанностью, применив к обвиняемому беззубую юридическую формулировку «оставить в подозрении». А еще вернее, Кулябякин потребует суда присяжных, и краснобаи-адвокаты обеспечат ему полное оправдание.

Нет-нет, возможность разоблачить убийцу имелась только здесь, в Петербурге, и Фандорин твердо вознамерился этот шанс не упустить.

Поскольку после эксгумации дело приняло нешуточный оборот, никто из трех выживших участников роковой трапезы артачиться не посмел, хоть люди были солидные, занятые.

Директор банка Франк отменил заседание правления. Тайный советник Любушкин перенес служебную командировку. Профессор Буквин и вовсе специально приехал из Москвы, ибо жительствовал на два дома и два города — консультировал и оперировал то в первой столице, то во второй.

Повар и официант, разумеется, были те же.

Расселись, причем Фандорин занял место покойного. Дело шло очень медленно, потому что следователь настаивал на восстановлении полнейшей картины ужина, вплоть до мелочей, и участники то и дело вступали в спор.

— Нет, позвольте, ваше превосходительство, — говорил банкир, — я отлично помню: сначала вы откушали борщок, а потом уж отведали расстегай.

Особый человек, приставленный к кухне, следил за действиями повара, который должен был приготовить точно такие же блюда.

Еще один агент тенью следовал за официантом.

У статского советника создалось впечатление, что проще всего подложить отраву было в рябиновую настойку — горечь заглушила бы привкус яда. Однако свидетели в один голос утверждали, что Кулебякин спиртного не пил.

Восстановили содержание застольных разговоров, но и там зацепиться было не за что. Ужин был устроен в честь Буквина, который намеревался вступить в клуб. Члены правления Франк и Любушкин знали доктора с давних пор, староста видел профессора впервые. Говорили о парусах и моделях яхт, о винах, о русском займе во Франции, о здоровье (это уж всегда так, если кто-нибудь из присутствующих медик). Ни ссор, ни споров не было.

Эраст Петрович внимательно наблюдал, слушал и всё больше мрачнел. Неужто эксперимент затеян впустую?

Последний удар статскому советнику нанес доктор. Это произошло, когда официант принес блюдо с сушеными фруктами и поставил подле Фандорина со словами:

— Оне потребовали-с, перед стерлядочкой.

Тут профессор как стукнет ладонью по столу, как закричит:

— Отравление синильной кислотой, сказали вы? — Все даже вздрогнули. — Ну конечно! Ах, какая непростительная ошибка для врача с тридцатилетним стажем! Слишком уж похожи симптомы: острая боль вот здесь, головокружение, тошнота, затем прореженное дыхание, мучительная одышка, а вскоре остановка сердца. Если учесть, что во время ужина Иван Дмитриевич жаловался мне на грудную жабу... Ладно, что оправдываться — ошибся в заключении, виноват. И на старуху бывает проруха. Я, собственно, хотел не про это! Господа, никакого отравителя не было! Вы помните, как покойный староста попросил принести ему абрикосы?

Буквин показал на блюдо.

— Да, таково было его обыкновение, — сказал банкир. — Иван Дмитриевич перед горячими блюдами всегда просил сушеных абрикосов. Поставит рядом с собой и кушает на свой особый манер: ест одни ядрышки из косточек, а мякоть откладывает.

— Точно так-с, — подтвердил официант. — У нас все привыкли. Самое малое фунта по три зараз отведывал — это ежели на полный вес считать. По косточкам, конечно, меньше выходило.

— П-позвольте, какое это имеет отношение к делу? — недоуменно посмотрел на светило кардиологии Фандорин.

Тот рассмеялся:

— Самое прямое. Известно ли вам, сударь, что в сердцевине всякого абрикоса содержится синильная кислота? В очень малом количестве, так что отравиться почти невозможно, для этого надобно несколько сотен ядры-

шек съесть. Но иногда, очень редко, попадаются аномальные косточки, в которых концентрация синильной кислоты многократно превышена. Я потому про это знаю, что во время Турецкой войны у меня один санитар вот так наелся косточек и очень сильно отравился — еле откачали. А будь сердце послабее, умер бы.

— Верно! — всплеснул руками тайный советник. — Помните, господа? Он одну проглотил и сморщился весь, говорит: «Фу, горькая какая!»

Назад в Москву статский советник возвращался несолоно хлебавши. Внутреннее убеждение в виновности Афанасия Кулебякина не то чтобы исчезло, но сильно поколебалось. Ведь ни улик, ни зацепки. К смерти дяди, выходит, непричастен. Так, может, и князя Боровского застрелил без умысла? Егерь говорит: сначала огляделся и труп осмотрел, и лишь потом кричать начал. Ну и что с того? Это, может, от пьяного отупения или, наоборот, от крайней потрясенности. Человек в таком состоянии подчас ведет себя очень странно, особенно если поглядеть со стороны...

Купе было двухместное.

Напротив угрюмого Фандорина сидел полный мужчина с эспаньолкой. В начале пути он как-то назвался, но Эраст Петрович из-за рассеянности и печальных мыслей пропустил мимо ушей. Кажется, адъюнкт. Или приват-доцент? Неважно.

Адъюнкт-доцент был тоже печален, всё помалкивал и чему-то вздыхал. Но, в конце концов, поддался-таки извечному русскому соблазну пооткровенничать со случайным попутчиком.

Начал со слов:

— Я вижу, вы тоже пребываете в минорном расположении духа?

5

Четырьмя неделями ранее в том же самом купе состоялся разговор, начавшийся удивительно сходным образом.

Из Москвы в Петербург ехали двое не знакомых между собой мужчин, оба с кислыми физиономиями. Поначалу молчали. Потом один, постарше годами, вдруг посмотрел на попутчика и сказал:

— Э, милостивый государь, вижу по вашему лицу, что и у вас на душе кошки скребут. Не угодно ли бодрящего напитку?

Он открыл саквояж, где имелось уютное отделение для каждого предмета: туалетных принадлежностей, стаканчиков, щеточек, каких-то бутылочек, меж которыми отыскалась и фляжка коньяку. Сразу было видно, что человек это обстоятельный, аккуратный, привыкший к разъездам.

Молодой охотно составил ему компанию. Первую выпили не закусывая (или, как выразился пожилой, «а капелла»), секундировали под лимончик, терцировали под шоколад, квадрировали под сигару, а там и фляга опустела.

Захмелев не столько от количества выпитого, сколько от стремительности процесса, пожилой внезапно спросил:

— Скажите, вам хотелось когда-нибудь убить человека? Люто, до дрожи в пальцах, до зубовного скрежета?

Молодой, вздрогнув, посмотрел на собутыльника с испугом:

— Как странно, что вы об этом... Я как раз сейчас...

И не договорил.

Но пожилой не придал значения, ему хотелось выговориться самому.

— Я расскажу... — Он перегнулся через столик, его холеное лицо всё будто ходило волнами. — Я должен хоть кому-то. Жжет изнутри.

И сбивчиво, лихорадочно начал:

— Господи, как же я его ненавижу! Эту глупую, смазливую рожу, этот победительный взгляд! Как она могла! С ее целомудренностью, с ее тонко чувствующей душой!

Ничего особенно увлекательного в его рассказе не было: обычная история немолодого мужчины, имевшего глупость жениться по сумасшедшей любви на юной барышне. Разумеется, со временем она полюбила другого — какого-то московского красавца с репутацией записного сердцееда.

— Она ни в чем не виновата, — убеждал пожилой слушателя, который внимал ему с напряженным вниманием. — Это всё он, сатана-искуситель. О, если бы он взял и издох! А еще лучше, если б я мог его убить собственными руками! Но только чтоб мне ничего за это не было! — лепетал пассажир, сам не замечая, как по его лицу текут слезы.

Здесь молодой прервал скучную исповедь рогоносца.

— Послушайте, — сказал он, оглянувшись на дверь и понизив голос. — Нас свела сама судьба. Вы можете избавиться от своего обидчика. И вам ничего за это не будет. Честное слово.

— Зачем вы издеваетесь над человеком, обезумевшим от горя? — скорбно вопросил пожилой. — Это жестоко.

— Я не издеваюсь! — Молодой так разволновался, что едва удерживал дрожь. — Вы слушайте, не перебивайте! Соблазнителя вашей жены убью я. А за это вы убьете человека, который мешает жить мне! Моего дядю, жадного и бессердечного Гобсека! Мы с вами поможем друг другу! Вы получите назад свою жену, а я стану богат.

— Это вы под воздействием коньяку говорите, а потом протрезвеете и откажетесь, — подумав, заметил пожилой. — Что такое жажда богатства по сравнению с мукой оскорбленного сердца? Добро б вы еще умирали с голоду, а то едете первым классом, бриллиантовая вон заколка.

Молодой выдернул из галстука заколку, в сердцах швырнул на стол.

— Мишура всё это, вечная жизнь в долг! Бриллиант завтра будет в ломбарде — иначе сидеть мне в долговой яме. Вы мне верьте, я не пьян. И, если дам слово, не отступлюсь. Убивая вашего врага, я буду воображать, что это мой драгоценный дядюшка. А вы представьте, что мой дядя — это ваш оскорбитель. Да только постойте, —

в свою очередь усомнился он, окинув взглядом мирную внешность собеседника. — Вы способны ли на убийство?

— У меня выбора нет. Иначе с ума сойду или руки на себя наложу... Мне нравится ваша идея. — Пожилой с каждой минутой делался все спокойней, его голос звучал уверенно. — Это будет идеальное двойное убийство. Нечто подобное описано в одном американском романе, не припомню названия. Никаких мотивов, никакой связи между преступником и жертвой. Князь не знает вас, ваш дядя не знает меня. Если кто-то из нас и попадет под подозрение, умышленность убийства не будет доказуема. Вероятность провала — одна десятая процента, при каком-нибудь уж особенно неудачном стечении обстоятельств. При таких шансах я готов рискнуть. А вы?

Вместо ответа молодой протянул ему руку. Последовало крепкое пожатие.

— Тогда рассказывайте про вашего дядю. — Пожилой открыл записную книжку. — Образ жизни, привычки. Особенно в еде. Я, знаете ли, врач, мне проще всего прибегнуть к помощи яда. Что ваш дядя любит есть?

— Черт его знает. Хотя постойте. Старый дурак обожает абрикосовые косточки. Если нет щипцов — прямо зубами разгрызает. Смотреть противно: разломит ягоду, сунет лоснящимися пальцами косточку в рот...

6

Приват-доцент (все-таки не адъюнкт) долго терзал Фандорина смертельно скучной историей об интригах на кафедре богословия. Эраст Петрович делал вид, что слушает, перебирая пальцами камешки своих китайских четок.

На втором часу драматического рассказа статский советник почувствовал, что его неудержимо клонит в сон. На миг провалился — и тут же вскинулся от дробного звука. Это из руки выскользнули и упали четки.

Пришлось лезть под столик и шарить по не слишком чистому полу.

— Ч-черт, не видно! — выругался Фандорин. — Не могли бы вы подать мне спички?

Проклятые четки умудрились отлететь в самый угол. Лежали, тускло отсвечивая зелеными шариками.

Когда Эраст Петрович взял их, в щели плинтуса блеснула еще какая-то искра, да поярче, чем нефрит.

— Глядите, заколка, — показал Фандорин попутчику свою находку. — Кто-то из пассажиров обронил. Нужно отдать кондуктору.

— Позвольте-ка... — Приват-доцент взял безделицу, повертел, рассмотрел на свет. — Кондуктору нельзя. Это настоящий бриллиант. Сотен пять стоит. Кондуктор, шельма, уворует. Нужно вот что, — он вернул статскому советнику заколку. — На Николаевской дороге заведено имена пассажиров первого класса записывать в путевую книгу, она хранится у начальника поезда. Именно на подобный случай — если по прибытии обнаружат в купе забытую либо потерянную вещь. Я в январе ехал, обронил на пол папку с лекциями. Спохватился уже дома, думал, не сыщу. Что вы думаете? Вернули. По железнодорожным правилам записи о проезжающих хранятся целый месяц.

— Так что, начальнику поезда отдать? — подавив зевок, спросил Эраст Петрович.

— И ему не нужно. Слаб человек. — Богослов поднял палец, давая понять, что уж кто-кто, а он людскую природу знает. — Сказано: не вводи во искушение. Лучше попросите у начальника путевую книгу и посмотрите, кто в нашем купе за последний месяц ездил. Пускай вам списочек сделают. А опросом этих лиц займется полиция.

— Хорошо. Так и с-сделаю, — вздохнул Фандорин.

— Истинно благородно, по-христиански поступите. Не то что наш драгоценный отец проректор, который, представьте себе, вызывает меня и говорит, — вернулся к своему тягучему повествованию приват-доцент.

ЧАЕПИТИЕ В БРИСТОЛЕ

Бристоль. 1891

Игра «футбол», о которой Фандорин столько слышал от знакомых британцев, оказалась ужасной дрянью. Не спорт, а какая-то классовая борьба: толпа людей в красных джерси кидается на толпу людей в белых джерси, и было б из-за чего, а то из-за надутого куска свиной кожи. Настоящее спортивное состязание, будь то бокс, лаун-теннис или велосипедная гонка, является преемником рыцарского турнира. В футболе же двое или трое запросто нападали на одного. Какая уж тут рыцарственность! И зрители соответствующие. Орут, жестикулируют, вскакивают на скамейки. Будто не англичане, а какие-то папуасы.

Оставшись в глубоком убеждении, что у этой забавы нет будущего, Эраст Петрович ушел со стадиона, так и не выяснив, попадет ли местная команда в какую-то Западную Лигу, кого бы сия последняя ни объединяла.

На самом деле беглого московского чиновника расстроило не состязание, а чувство абсолютного, глухого одиночества, охватившее его среди этого многолюдного скопища.

Разумеется, он привык существовать сам по себе, но тут сошлось одно к одному: чужая страна, незнакомый город, крах всего прежнего жизнеустройства, полная неясность будущего, да еще унизительное безденежье — состояние, от которого Фандорин давным-давно отвык.

Власти грубить не надо, вот что. Особенно если живешь в России. Еще два месяца назад был влиятельной персоной, без пяти минут московским обер-полицеймейстером, а теперь не поймешь кто. В тридцать пять лет изволь начинать все заново.

Что новую жизнь следует начинать в Новом Свете, подразумевалось как-то само собой. Где ж еще? Но сначала до Америки нужно было добраться.

Пока что опальный статский советник торчал в Бристоле, откуда в Нью-Йорк ходили корабли пароходной компании «Сити-лайн», и уже третью неделю дожидался своего слугу-японца.

Из Первопрестольной пришлось уносить ноги в один день, не дожидаясь ответа на прошение об отставке. Жалования и наградных более не будет, капиталов на службе Эраст Петрович не нажил, из имущества же владел лишь небольшим домом на Малой Никитской — его-то и должен был продать Маса. Денег хватит на пару лет, а за это время можно выучиться новой профессии. Например, инженерной.

Другой, более простой путь к финансовой независимости лежал через Висбаден или Монте-Карло. Фандорину с его феноменальной везучестью к любым games of chance[1], вероятно, хватило бы одного дня у рулеточного стола, чтобы навсегда избавиться от забот о хлебе насущном. Мешало чувство, что это *будет нечестно*. К своему непонятному дару Эраст Петрович привык относиться с некоторой стыдливостью, без крайней необходимости старался его не использовать и уж во всяком случае не имел намерения поступать к Фортуне в альфонсы.

Ну а коли так, приходилось ездить на конке, курить по полсигары в день и жить не в «Ройял-отеле», а сни-

[1] Азартные игры *(англ.)*

мать комнату с завтраком и чаем за фунт, два шиллинга и шесть пенсов в неделю.

Район, правда, был очень приличный — собственно, лучший в городе. Расположенный на холме, он весь состоял из особняков, в архитектурном смысле пресноватых, но зато окруженных чудесными садами. Через неделю бывшего статского советника уже тошнило от прогулок по ухоженным паркам и от лицезрения единственной туземной достопримечательности — стосаженного подвесного моста через реку Эйвон.

Было начало апреля. На деревьях поблескивали новорожденные листочки, газоны сияли невыносимо зеленой травой, а Эраст Петрович расхаживал среди этого великолепия с совершенно ноябрьским выражением лица.

Единственной отдушиной для изгнанника были ежевечерние чаепития с квартирной хозяйкой мисс Палмер.

А ведь при первом знакомстве она показалась ему совершенно выжившей из ума.

Дверь открыла сухонькая, фарфоровая старушенция. Услышав, что посетитель явился по объявлению в «Вестерн дейли пресс», поправила очочки, поглядела на высокого брюнета бледно-голубыми глазками и осторожно спросила:

— Играете ли вы, сэр, на губной гармошке?

Фандорин, уже привыкший к английским чудачествам, покачал головой. Тогда пожилая леди задала второй вопрос:

— Но вы, должно быть, участвовали в обороне Хартума?

Откашлявшись, чтобы подавить раздражение (все-таки дама), Эраст Петрович сдержанно заметил:

— Если вы сдаете комнату только защитникам Х-Хартума, играющим на губной гармошке, следовало бы указать это в объявлении.

Он так и знал, что визит закончится впустую. Фандорину уже дважды отказывали, узнав, что он иностранец, а те дома были попроще этого — с собственным парком и гербом на кованых воротах: массивный медведь под

графской коронеткой. Нечего было и карабкаться в этот аристократический Клифтон.

— Добро пожаловать, сэр, — сказала старушка, пропуская его в прихожую. — Вы, я полагаю, из России? Я сразу должна была понять. Офицер или военный чиновник?

До сего момента Эраст Петрович пребывал в уверенности, что изъясняется на английском без акцента, и расстроился.

— Вы это поняли по произношению?

— Нет, сэр. По выражению лица и осанке. Видите ли, я была сестрой милосердия под Севастополем и видела немало ваших соотечественников. Один пленный капитан даже был ко мне неравнодушен. Это несомненно объяснялось тем, что рядом не было других женщин, — скромно добавила она. — В любом случае, его ухаживания не имели последствий.

Увядшие щечки квартирной хозяйки слегка порозовели от воспоминания, и, благодаря безымянному капитану, который сорок лет назад пофлиртовал с англичанкой, Фандорин наконец обрел кров.

— Я занимаю в особняке лорда Беркли только этот маленький флигель, здесь даже нет кладовки. Но ведь у вас багажа мало? — вновь угадала старушка.

Со временем обнаружилось, что мисс Палмер вообще отличается редкостной наблюдательностью и проницательностью. Нашлось объяснение и странным вопросам, с которых началось знакомство.

Дело в том, что сдавать комнату она решила недавно, и с первыми двумя жильцами ей ужасно не повезло. Один все время дудел в губную гармошку, другой же страдал ночными кошмарами после резни, свидетелем которой он оказался в Хартуме в 1885 году. Каждую полночь квартирка оглашалась дикими воплями «Исса пфуй!» и «Аллах Акбар!» — это бедняга, чтобы спастись от кривых ножей, вновь и вновь отрекался от Иисуса Христа.

Каждый вечер с пяти до шести мисс Палмер поила постояльца чаем. Заваривала почтенный напиток некрепко, да еще портила молоком, испеченные ею крекеры

крошились в руках и прилипали к зубам, но зато беседовать со старой леди было одно удовольствие — Эраст Петрович старался эти чаепития не пропускать.

Свою историю хозяйка рассказала ему в первые же дни.

Ей выпала печальная и красивая судьба, к сожалению, не столь редкая у истинно благородных женщин.

Своих родителей Дженнет Палмер не помнила, да можно сказать, что и не видела. Ее отец, драгунский субалтерн, пал при Ватерлоо. Он незадолго перед тем женился, вдове едва сравнялось восемнадцать. Она вынашивала дитя, и горестная весть вызвала у несчастной преждевременные схватки. Спасти роженицу не удалось. Девочке, появившейся на свет при столь грустных обстоятельствах, все тоже сулили скорую смерть, но малютка каким-то чудом зацепилась за жизнь. Ее взял на воспитание лорд Беркли, полковой командир убитого субалтерна, и воспитал вместе с собственными детьми. Дженнет была признательна своему благодетелю, и когда того хватил удар, осталась при паралитике, чтобы скрасить своим присутствием остаток его дней — есть же, в конце концов, долг благодарности.

«Остаток дней» растянулся чуть не на двадцать лет. Мужчина, который любил Дженнет, сначала восхищался ее самоотверженностью и обещал ждать, сколько понадобится, но всякому терпению есть предел. Когда же мисс Палмер, наконец, похоронила старого лорда и обрела свободу, возраст замужества миновал.

Правда, граф завещал ей значительную часть своего состояния, но родные дети затеяли оспаривать духовную через суд. Вряд ли им удалось бы выиграть процесс, ибо последняя воля была оформлена безупречнейшим образом, но новоявленная наследница сама отказалась от свалившегося на нее богатства — сочла эту награду незаслуженной. Ведь она всего лишь сделала то, что должна была сделать.

Старший сын покойного, нынешний лорд Беркли, горячо поблагодарил мисс Палмер и предоставил в ее пожизненное пользование флигель родового бристольского дома.

Однако с тех пор миновало больше сорока лет. Лорд, как в свое время его отец, перенес удар и, лишившись рассудка, угасал где-то в задних комнатах особняка, а его потомство уже не помнило, с какой стати пристройку занимает какая-то никому не нужная старуха.

— Кто бы мог подумать, что я проживу так долго? — вздыхала старая дама. — Мой отец, бедный мальчик, дорого обошелся короне. Сам-то он прожил на свете неполных двадцать два года, а его дочь получает пенсию уже три четверти века.

Пока мисс Палмер жила на иждивении полковника, сиротская пенсия накапливалась в банке, и теперь процентов от этого маленького капитала старушке кое-как хватало — при ее микроскопических потребностях и виртуозной экономии. Если б только не враждебность обитателей главного дома! Они всеми силами старались выжить докучную жилицу со своей территории, делая ее существование все более невыносимым.

Ей не могли помешать гулять по саду (такое право было специально оговорено в документе о пожизненном проживании), однако запретили пользоваться воротами, так что приходилось выходить на улицу через заднюю калитку. Заставили избавиться от кошки, которая прожила в квартирке пятнадцать лет. Были и другие притеснения.

В конце концов у мисс Палмер возник план: найти дополнительный источник дохода и купить домик в деревне, где-нибудь близ Эксмура — чтоб каждое утро, проснувшись, смотреть на море.

Потому-то и было дано объявление в «Вестерн дейли пресс». Пускай не очень повезло с первыми квартирантами, пускай накопить пока удалось всего тридцать фунтов — то есть десятую часть требуемой суммы, но старая леди не унывала.

Эта твердость духа, да и сама способность строить долгосрочные планы в семидесятишестилетнем возрасте вызывала у Фандорина искреннее восхищение, к которому вскоре прибавилось глубочайшее сочувствие — для этого достаточно было поглядеть на соседей мисс Палмер.

Новый квартирант столкнулся с ними в один из первых же дней, когда вышел пройтись по саду — прекрасно ухоженному, с мощеными дорожками, мраморными статуями и нарядными беседками.

Эраст Петрович стоял перед вербой, испытывая все те чувства, какие положено испытывать русскому человеку, разлученному с родиной, при виде этого пушистого куста. Примерно такие же эмоции вызывают рябина и береза, но их видно во всякое время года, вербу же городской человек способен распознать лишь в начале весны. Тем сильней царапает душу ностальгия.

Именно по причине этого многократно воспетого поэтами, но в сущности весьма неприятного чувства Фандорин взглянул на появившуюся из-за угла группу людей несколько увлажненным взором и даже улыбнулся, словно извиняясь за свою глупую сентиментальность.

Очевидно, улыбка была воспринята как заискивание. Вся довольно многочисленная компания, вне зависимости от пола и возраста, уставилась на незнакомца с холодным недоумением.

— А, — молвил пожилой господин с надутыми щеками, нисколько не понижая голоса. — Это, вероятно, очередной occupant флигеля.

— Indeed[1], — покивал второй джентльмен, судя по воротничку принадлежавший к духовному сословию, в остальном же вылитая копия первого, разве что чуть меньшего размера и не столь тронутая временем.

Сведений, полученных от мисс Палмер, было достаточно, чтобы понять, кто здесь кто. Старший брат — лорд Дэниэл Линн, наследник старого графа Беркли. Священник — второй из сыновей, преподобный Мэтью Линн. Брюнетка с кислой физиономией и двое таких же кислолицых подростков, занимающие правый фланг — жена и сыновья лорда Дэниэла. Блондинка с кислой физиономией и две маленьких скучных девочки по левому флангу — семейство преподобного.

Все Линны (таково было родовое имя лордов Беркли) съехались в свое фамильное гнездо, чтобы отметить

[1] В самом деле *(англ.)*

восьмидесятилетие патриарха. На семейной прогулке недоставало лишь третьего брата, достопочтенного Тобиаса Линна, которого мисс Палмер называла the black sheep of the family[1].

— Кто-нибудь должен положить этому конец, — сказала леди Линн, с ужасом разглядывая Эраста Петровича, хотя, казалось бы, чему тут ужасаться? Элегантный, безукоризненно одетый джентльмен, с бледно-лиловой фиалкой в петлице; в руке бамбуковая тросточка.

Он посмотрел сквозь этот паноптикум, сделав вид, будто улыбается вовсе не им, а так, вообще, весеннему солнцу, и хотел пройти мимо, но здесь из-за кустов появился отставший член семейства — как и рассказывала мисс Палмер, в сопровождении экзотического спутника.

Причина, по которой младший сын лорда Беркли остался холостяком и закончил военную службу всего лишь капитаном, легко угадывалась без дедуктивного метода. Паршивая овца аристократического семейства и выглядела паршиво: глаза мутные, фамильные пухлые щеки в сетке красных прожилок, сюртук обсыпан сигарным пеплом.

Однако Фандорин смотрел не на Тобиаса Линна, а на роскошного зверя, которого достопочтенный вел на поводке. Это был африканский леопард. Квартирная хозяйка слышала от дворецкого, что капитан никогда не расстается с хищником, повсюду возит с собой. Еще она слышала, что на ночь зверя приковывают цепью к решетке Чугунной Беседки, и выходить в сад перестала. У мисс Палмер было подозрение, что свирепого африканца доставили в Беркли-хаус с одной-единственной целью: напугать жительницу флигеля до смерти.

Но Эрасту Петровичу леопард не показался страшным. Да, у него были немигающие глаза прирожденного убийцы, крадущаяся поступь, а из-под мягкой губы будто ненароком блеснул кончик острого клыка, но красота огромной желто-черной кошки заставляла забыть об опасности. Широкий ошейник из алого бархата, украшенный сверкающим стразом, и золотая цепь, крепко сжатая в руке капитана, довершали великолепие картины.

---

[1] Паршивая овца в семье *(англ.)*

— Вот, Тобиас, полюбуйся. — Лорд Дэниэл подбородком указал на Фандорина. — Она превратила наш сад в проходной двор.

Младший брат недобро усмехнулся и издал странный свистящий звук, от которого шерсть у леопарда встала дыбом, голова припала к земле, а устремленные на Эраста Петровича глаза вспыхнули огоньками.

Племянники и племянницы капитана отскочили подальше, да и обе леди на всякий случай попятились.

— Скалпер не любит, когда вокруг шляются посторонние, — процедил Тобиас Линн. — Недавно он оскальпировал воришку, забравшегося в мой дом.

Он присвистнул еще раз. Зверь нервно ударил хвостом по земле и оскалил зубы.

— Не смейте провоцировать животное! — нагло заявил достопочтенный. — Вы все свидетели, этот субъект сам раздразнил Скалпера!

Святой отец с нехристианской кровожадностью заметил:

— Вряд ли у тебя будут неприятности с законом, если Скалпер обдерет наглеца. В конце концов никто не приглашал его в наш сад.

Когда нападающих больше одного, концентрироваться следует на сильнейшем из них. Поэтому достопочтенного и преподобного Эраст Петрович оставил без внимания, сосредоточившись на звере.

Человек, некогда обучавший Фандорина науке побеждать любого противника, говорил: «Когда тебе угрожает животное, неважно тигр или змея, первым делом продемонстрируй, что ты не желаешь ему зла, но и не боишься. Не двигайся, сосредоточь всю энергию «ки» во взгляде. Если запас «ки» у тебя невелик, ты погибнешь. Если силы достаточно, хищник отступит».

С полминуты Эраст Петрович проверял на дикой кошке, как у него обстоит дело с запасом «ки». Очевидно, запас имелся — леопард сел, зажмурился и зевнул, хоть достопочтенный непрерывно свистел, будто выкипающий чайник.

В полном соответствии с правилами боя, после победы над самым сильным противником более слабые сразу присмирели.

— Вы что-то вроде циркового дрессировщика? — презрительно, но уже без вызова пробурчал капитан.

— Что-то вроде.

Фандорин шагнул вперед, так что преподобному пришлось подвинуться, а достопочтенному оттащить своего питомца в сторону.

После этого инцидента никакие цивилизованные отношения с Линнами были невозможны, и, сталкиваясь с кем-то из них в саду, Эраст Петрович не раскланивался, а лишь молча уступал путь, если это была дама.

Леопарда, правда, навещал — по ночам.

Стоял возле Чугунной Беседки, вдыхая запахи весны. Зверь попеременно то желтел, то зеленел во мраке фосфоресцирующими глазами. Эраст Петрович его не гладил, это было бы фамильярностью, но иногда говорил «кис-кис», и тогда африканец по-кошачьи урчал.

Однажды ясной звездной ночью, каковые в городе Бристоле случались очень редко, Фандорин со Скалпером смотрели вверх, и каждый ностальгировал по небу своей далекой родины. С леопардом понятно — известно, сколь ослепительны звезды саванн, но Эрасту Петровичу, сыну блеклых северных небес, казалось бы, вздыхать было особенно не по чему. Однако такова уж особенность звездного неба: у всякого, кто глядит на него, сладко щемит сердце. Возможно, мы и в самом деле родом откуда-то оттуда?

Думать на эту тему было интересно, и, прогуливаясь по темному саду, Фандорин еще некоторое время размышлял о других планетах.

Луна скрылась за небольшой тучей, звезды вспыхнули еще ярче, особенно созвездие Большой Медведицы, которое лучше всего наблюдать именно в апреле.

Эраст Петрович задрал голову и замер.

Вдруг откуда-то сбоку шамкающий голос произнес:

— There she waits for me, under the Bear[1].

---

[1] Там она ждет меня, под Медведем *(англ.)*

Миссъ Палмеръ

Вздрогнув, мечтатель обернулся и увидел в густой тени, под кустом, очень старого джентльмена в кресле-каталке. Он был укутан пледом, на голове вязаный колпак.

По головному убору Фандорин и догадался, что перед ним лорд Беркли собственной персоной. Однажды Эраст Петрович уже видел этот колпак в окне большого дома, и мисс Палмер сказала:

— А вот и бедняжка граф. Смотрит из окошка на волю. Что ему еще остается? Когда-то был громогласен, топал ногами так — земля дрожала. Теперь прикован к креслу, и слуга все время рядом...

Вот и сейчас из темноты прошелестел тихий голос:

— Добрый вечер, сэр. — У куста блеснул позумент ливреи. — Меня зовут Джим. У его милости как звездная ночь, так бессонница. Нипочем спать не желают.

Эраст Петрович слегка поклонился обоим — лорду и лакею. Хотел сказать старику что-нибудь вежливое, но жертва удара смотрела не на него — на Большую Медведицу.

— Oh yes, right under, — еле слышно произнесли вялые губы.

Лорд шевельнулся, плед соскользнул с его плеч, и стало видно, что старик пристегнут к спинке и поручням ремнями.

Вероятно, из предосторожности? Чтоб не упал?

Сколько Фандорин ни уговаривал свою приятельницу познакомиться со Скалпером, сколько ни приглашал на вечернюю прогулку в сад, мисс Палмер лишь охала и закатывала глаза. Объяснение могло быть лишь одно — ей просто нравилось самой себя пугать. Ни боязливостью, ни дамской впечатлительностью старая леди не отличалась, а ум у нее был острее бритвы, в чем Эраст Петрович получил возможность убедиться в первый же четверг.

Дело в том, что по четвергам на чай приходил старинный приятель хозяйки мистер Парслей, дворецкий Беркли-хауса. Они знали друг друга лет сорок, и в прежние времена Парслей наведывался во флигель чуть не

каждый день, но из-за напряженности, возникшей между обитателями большого дома и мисс Палмер, сократил число визитов до одного в неделю, чтобы соблюсти лояльность по отношению к работодателям. В четверг же у дворецкого был законный выходной. Он передавал все дела помощнику, надевал пиджак и ни в какие хозяйственные дела не вмешивался. С утра читал газету и курил трубку в саду, днем уходил обедать в паб, а ближе к вечеру с полным правом шел пить чай во флигель.

Развлечение у мистера Парслея и мисс Палмер было такое: он читал вслух «Стандарт», обычно что-нибудь из криминального раздела; она высказывала суждения по поводу прочитанного; дворецкий неизменно с ней соглашался и переходил к следующей статье.

Например, во время первого чаепития предметом обсуждения стала заметка с броским заголовком:

СМЕРТЬ В КЛОАКЕ

Дик-Стилет найден. Но где инспектор О'Лири?

При ежемесячной чистке сточной трубы под Оксфорд-стрит рабочие обнаружили труп мужчины, прикованный к лестничной скобе канализационного колодца. Судя по состоянию тела, причиной смерти стало истощение.

Лицо покойника изъедено крысами, однако по татуировке и шраму на горле удалось установить, что это печально известный Дик-Стилет, зарезавший трех человек в Уйатчепеле. По следу убийцы шел лучший сыщик Скотленд-ярда инспектор О'Лири, который бесследно пропал три с половиной недели назад. Полиция была уверена, что Стилет сумел умертвить своего преследователя, а тело зарыл или бросил в Темзу, однако сегодняшняя находка опровергает эту версию и позволяет надеяться, что доблестный инспектор жив. Во всяком случае, наручники, обнаруженные в зловонном подземелье, принадлежат именно О'Лири.

Кинжала, которому Дик обязан своим жутким прозвищем, на трупе не найдено. В противном случае прикованный смог бы освободиться, открыв замок клинком. Резонно предположить, что инспектор, задержавший злодея, позаботился и о том, чтоб его обезоружить. Последовательность событий без труда угадывается. О'Лири схватил и приковал злодея к скобе, а затем отлучился по какой-то надобности и более не вернулся. Лишенный возможности передвигаться или позвать на помощь, Дик долго и мучительно, две или даже три недели, умирал от голода. Возможность утолить жажду у него была: прямо у его ног проходил желоб для сточных вод — питье мерзкое, но способное восполнить потребность организма во влаге.

Однако, хоть обстоятельства гибели Стилета более или менее ясны, в этой истории остаются загадки, на которые нет ответа. Почему инспектор О'Лири, имеющий репутацию строгого, но уважающего закон служаки, обрек арестованного на такую ужасную смерть? И главное: где сам О'Лири?

Получит ли публика ответ на эти вопросы или они навсегда останутся тайной, как недавнее дело Джека Потрошителя?

— Сравнили тоже! — фыркнул мистер Парслей, откладывая газету. — Я не сыщик, но догадываюсь, что там произошло. Этот О'Лири, судя по фамилии, ирландец, а раз ирландец, значит, не дурак выпить. Поймал в сточной канаве бандита, обезоружил, сковал наручниками и отправился праздновать, а парня прицепил к железке, чтоб не сбежал. Как умеют праздновать ирландцы, я знаю. Помните Пита О'Рейли, мисс Палмер? Ну того, что был у нас младшим лакеем? Вот и этот инспектор, поди, пьет неделю за неделей не просыхая. Или просох, сообразил, каких дел натворил, и теперь где-нибудь прячется. Вот вам и вся тайна.

— Неплохая версия, — признала мисс Палмер, подливая гостям чаю. — А что полагаете вы, сэр? Вам это дело тоже кажется менее загадочным, чем история Джека Потрошителя?

Для Эраста Петровича в истории Джека Потрошителя никакой загадки не было, но говорить этого он, конечно, не стал. Имелось у него и предположение относительно пропажи инспектора-ирландца (не Бог весть какой ребус), однако к чему попусту сотрясать воздух? Фандорин сказал лишь:

— Я немного знаю полицейских. Старый служака нипочем не отправится праздновать, пока не сдаст преступника в участок и не оформит это п-протоколом. От этого зависят наградные и продвижение по службе.

— Ну, тогда я не знаю, — пожал плечами мистер Парслей. — И вправду неразрешимая загадка. Разве что мисс Палмер разгадает.

Эраст Петрович вежливо улыбнулся, решив, что это шутка.

Каково же было его удивление, когда старушка, обмакнув в чашку кусочек печенья, заметила:

— Здесь и разгадывать нечего. Отсутствие стилета все объясняет.

Именно так считал и Фандорин, с интересом уставившийся на хозяйку.

— Плюс смрад, — вполголоса прибавил он.

— Плюс смрад, — согласилась мисс Палмер. — Представляю, какой там ужасный запах, в этой клоаке! Полицейские наверняка закрывали носы платками или чем-нибудь в этом роде. Иначе они поняли бы, что в туннеле гниет не один труп, а два.

Дворецкий ахнул:

— Как два?! Откуда?!

— Дело, очевидно, было так, — как ни в чем не бывало продолжила старая дама. — Инспектор настиг преступника под землей, завязалась схватка, в которой О'Лири одержал верх. Чтоб перевести дух, он приковал арестованного к скобе. И тут оба совершили по роковой ошиб-

ке, стоившей им слишком дорого. Инспектор промедлил с обыском и не обнаружил спрятанный нож. А у Дика не хватило мозгов вообразить последствия того, что он собрался сделать.

— Что же он такого сделал? — изо всех сил попробовал догадаться мистер Парслей.

— Выхватил стилет и вонзил его в полицейского по самую рукоятку. Инспектор покачнулся и упал в сточные воды — слишком далеко, чтоб прикованный мог до него дотянуться. Где-нибудь там бедный ирландец и лежит. Ну разве что отнесло на несколько шагов в сторону, до первой перемычки.

— Б-блестящая дедукция, — почтительно наклонил голову Фандорин, а дворецкий заторопился домой — писать в «Стандарт» о сенсационном открытии.

На четвертой неделе своего бристольского сидения, во вторник, Эраст Петрович, как обычно, вернулся с прогулки к пяти и решил, что сбился со счета дней — при монотонности его здешней жизни это было бы неудивительно.

В прихожей стояли кожаные калоши мистера Парслея, из гостиной доносился его густой, с хрипотцой голос, а это могло означать лишь одно: нынче не вторник, а четверг.

Однако когда Фандорин заглянул в гостиную, то увидел, что на батлере ливрея, что он не сидит, а стоит, да и стол сервирован только на две персоны.

Потом до слуха вошедшего донеслась странная фраза:

— Помимо всего прочего, это решило бы проблему домика в Эксмуре — шутка ли, целая тысяча фунтов!

Выводы напрашивались следующие.

Сегодня все-таки не четверг. Это раз.

Случилось нечто экстраординарное. Это два.

Нужно, не привлекая к себе внимания, подняться в комнату. Это три.

Но хозяйка уже заметила Фандорина и пригласила к столу. Когда же он пробормотал, что не хочет мешать беседе, мистер Парслей сказал нечто еще более странное:

— Какие уж тут тайны, если нынче вечером будет объявление на первой странице «Вестерн дейли»!

И рассказал следующее.

Вчера вечером лорд Беркли исчез. Приставленный к нему слуга ненадолго отлучился, а когда вернулся, обнаружилось, что милорд сумел отстегнуться от кресла и пропал. Растяпу-лакея уже уволили без выходного пособия, но проблемы это не решило. Совершенно очевидно, что его сиятельство, как это нередко случается с выжившими из ума стариками, ушел из дома и потерялся. Мальчишка бакалейщика, у которого лавка на соседней улице, видел, как граф в домашних туфлях и халате шел по направлению к Клифтонвуд-роуд. И будто бы не просто шел, а «очень шустро ковылял». К сожалению, мальчик и сам спешил куда-то по своим делам. О том, что видел, рассказал лишь наутро. До этого момента милорда искали в саду, на чердаке и в подвале, теперь же стало ясно: зону поиска необходимо расширить.

Сыновья графа и мистер Парслей с помощниками сбились с ног. Резонно предположить, что старик отправился по какому-то маршруту из своей прежней жизни. Но ни в банке, где до своего удара он служил управляющим, ни у старых знакомых лорд Беркли не появлялся. К поиску подключилась полиция — и тоже тщетно. Семья в панике, объявлена награда в тысячу фунтов стерлингов.

— Тому, кто найдет старика? — кивнул Фандорин. — Щедрое вознаграждение.

— Да не старика, портфель! — Дворецкий вздохнул. — Все переполошились из-за портфеля. Видите ли, сэр, старый джентльмен не только отстегнулся от кресла, но еще и каким-то чудом умудрился найти ключ от секретера в кабинете лорда Дэниэла. Впрочем, это не столь удивительно — все тайники в доме графу отлично известны. В секретере наряду с деньгами, ценными бумагами и важными документами хранился сафьяновый портфель, а в нем завещание милорда и самое главное — бриллиантовое колье «Млечный Путь», фамильная драгоценность рода Беркли. В свое время дед его сиятельства, первый

граф Беркли, привез это ожерелье из Индии. Оно всегда под замком и извлекается на свет Божий лишь во время свадьбы старшего сына. Я видел «Млечный Путь» дважды: в 1841 году, на шее леди Беркли, и в 1870-м, когда женился лорд Дэниэл. Стоимость реликвии определить трудно, но когда у нас были финансовые затруднения в связи с железнодорожным кризисом, банк «Барклайз» предлагал под залог этих бриллиантов сто тысяч фунтов. Мы, разумеется, отказались.

— А портфель точно у старика? — спросил Эраст Петрович. — Что если...

— У него, у него! — воскликнул батлер, и уж одно то, что он позволил себе перебить собеседника, свидетельствовало о крайней степени волнения. — Мальчик бакалейщика отчетливо разглядел, что у милорда под мышкой была зажата «сумка грязно-рыжего цвета» — примерно таким и должен был показаться старинный сафьяновый портфель маленькому невежде.

Задумчиво прищурившись, мисс Палмер осведомилась:

— А вы побывали у *той женщины*, в Бате?

— Ну конечно! Первым делом. Я сам к ней ездил. Только никакого толку из этого не вышло. Ее и прежде трудно было причислить к категории леди, а теперь она еще раздобрела, ручищи что два окорока.

— Она вам нагрубила? — сочувственно покачала головой мисс Палмер.

— Спустила с лестницы — боюсь, это называется именно так. Сила у нее, как у портового грузчика. А хуже всего, что милорда у нее не было. Я обошел всех ее соседей, а полиция тщетно искала свидетелей на пути из Бристоля в Бат. Никто не видел старика в халате и с портфелем под мышкой.

Фандорин удивился:

— Насколько я знаю, до города Бат отсюда полтора десятка миль. Разве мог забрести так далеко пожилой человек, которого возят в кресле?

— Ах, сэр, его сиятельство только на голову слаб, а ноги крепкие. Потому его и к креслу пристегивали — очень

уж непоседлив. К тому же до станции можно доехать на конке, а со станции до Бата на поезде.

— По этому маршруту полиция, стало быть, и опрашивала свидетелей? — укоризненно спросила мисс Палмер.

— А по какому же еще? Именно этим путем и добираются до Бата.

— Только не лорд Беркли, — отрезала она. — Во-первых, двадцать восемь лет назад, когда он в последний раз выходил из дому, никакой конки еще не было. Во-вторых, отправляясь к *той женщине*, он никогда не ездил поездом. Только верхом или в догкарте — помните, у него была такая очаровательная двухместная колясочка черного лака? Скажите полиции, чтоб искала его на шоссе: где-нибудь между Брислингтоном и Кейнсхэмом или за Солтфордом. Там полным-полно придорожных кустарников, рощ и перелесков.

Батлер почесал бакенбарду.

— Что ж, я привык верить вашему чутью. Пойду протелефонирую старшему инспектору Додду. Однако помяните мое слово: живым старого графа мы больше не увидим. Валяется где-нибудь, бедняга, с перерезанным горлом, а колье потом вынырнет у скупщика краденого. Или, того хуже, распилят на камешки, продадут поодиночке, и «Млечному Пути» конец...

— Нет, это никуда не годится, — задумчиво проговорила мисс Палмер, когда дворецкий удалился. — Зона поиска слишком велика. Пока полиция всю ее прочешет, бедный Джеффри подхватит воспаление легких — ночи-то холодные, а он в одном халате. Конечно, он никогда меня не любил, а в детстве и частенько обижал...

Казалось, она колеблется.

— Придется пройти через сад, а там это ужасное животное... Хотя мисс Флейм, пожалуй, будет пострашнее леопарда. Вдруг она и меня спустит с лестницы? С другой стороны, я стольким обязана отцу Джеффри. И так давно не ездила по железной дороге... Что бы посоветовали мне вы, мистер Фандорин?

— Прежде чем я позволю себе д-давать советы, я хотел бы кое-что уточнить. Насколько я понимаю, мисс Флейм и поминавшаяся ранее *та женщина* — одно и то же лицо? Бывшая любовница лорда Беркли или что-то в этом роде? И живет она в Бате.

— Всё так. История самая тривиальная, разве что за исключением финала. Выпейте чашечку чаю и съешьте крекер, а я пока расскажу вам о женщине из Бата. Много времени это не займет.

От печенья Эраст Петрович вежливо отказался, чай помешал ложечкой и приготовился слушать.

— С Джеффри стряслось то, что довольно часто происходит с пятидесятилетними мужчинами, которые прожили свою жизнь скучно и рассудительно. Человек он был чопорный и в то же время довольно грубый, что часто сочетается в людях, обладающих положением и богатством. Всегда уверен в своей правоте, примерный прихожанин, глава Общества борьбы с безнравственностью и прочее, и прочее. Вдруг с лордом Беркли, как в свое время с его отцом, случился удар — довольно легкий, так что в скором времени Джеффри совершенно оправился, но что-то в нем сдвинулось. Полагаю, он впервые ощутил, что смертен и что жизнь более или менее прошла мимо. Мы, женщины, обычно переносим это открытие легче, — заметила мисс Палмер с легкой, печальной улыбкой. — Правда, в пятидесятилетнем возрасте у нас меньше возможностей, как это называется, *сорваться с цепи*. Именно это с милордом и произошло: он сорвался с цепи и пустился во все тяжкие.

— У нас говорят «Седина в бороду — бес в ребро», — кивнул Фандорин.

— Вот-вот. Цветущая юная особа по имени Молли Флейм выступала на Батском курорте в аттракционе: показывала фокусы, клала голову в пасть льву, а более всего привлекала публику своим несравненным танцем на канате. Сама я его не видела, но мне рассказывали, что несравненность этому номеру обеспечивали не столько изящные па, сколько тесно облегающие панталоны

танцовщицы. — Хозяйка целомудренно потупилась. — Коротко говоря, лорд Беркли, недавний столп общества, потерял из-за мисс Флейм голову. Поначалу еще как-то пытался соблюдать приличия и конспирацию, но потом совсем сошел с ума: осыпал ее цветами и подарками, выкупал все места в зрительном зале, чтобы наслаждаться пресловутым танцем в одиночестве, и так далее. Хорошо, леди Беркли в ту пору была еще жива, иначе Джеффри наверняка женился бы на своей циркачке. Однако он придумал кое-что в некотором роде еще более скандальное. В один прекрасный день собрал членов семьи, объявил, что любит мисс Флейм больше жизни и, раз уж не может соединиться с ней на этом свете, будет неразлучен со своей пассией по ту сторону гробовой доски. Можете себе представить, что это была за сцена. Бедняжке миледи четырежды подносили нюхательную соль. Но самое главное Джеффри приберег на конец. Нотариус огласил завещание, согласно которому мисс Флейм должны были похоронить рядом с графом в родовой усыпальнице. Если наследники не исполнят воли покойного, то всё имущество, не входящее в майорат, достанется Имперскому фонду вдов и сирот. Кроме личных банковских счетов милорда в эту категорию попадал и «Млечный Путь», главное сокровище Беркли.

— Благодарю. — Эраст Петрович принял вторую чашку и движением руки попросил не наливать молока. — Очень любопытно.

— Естественно, состоялся семейный совет — тайком от графа. Признать отца недееспособным или опротестовать завещание возможным не представлялось, документ был составлен с соблюдением всех формальностей. Утешились тем, что лорд еще крепок, проживет долго, со временем наверняка остепенится и откажется от своей шокирующей затеи. Но у Джеффри были иные планы. Пока его домашние шептались между собой, он отправился в Бат. В чем именно состояли его намерения, неизвестно, однако не вызывает сомнения, что они были самые ре-

шительные. Сумасброда нашли на улице, возле квартиры мисс Флейм, и в кармане у него лежал заряженный пистолет.

— Что значит «нашли»?

— Его сразил второй удар, гораздо сильнее первого. С того дня, вот уже двадцать восемь лет, Джеффри пребывает в помраченном рассудке. Был ли он тогда у мисс Флейм, или приступ сразил его на пороге ее дома, неизвестно. Сама она молчит. Вступать в какие-либо переговоры с родственниками больного отказалась, причем в свойственных ей энергичных выражениях. Вот и вся история.

— Так что же, «шокирующее завещание» по-прежнему в силе?

— Конечно. Утратив «трезвую память и здравый рассудок», завещатель лишился возможности его переменить.

— И документ, вместе с ожерельем, лежал в сафьяновом п-портфеле? — Эраст Петрович задумался. — Что ж, в этом случае, наверное, лучше съездить в Бат и попытаться разговорить госпожу Флейм.

— Вы тоже так полагаете? — упавшим голосом спросила мисс Палмер. — Боже, как мне этого не хочется! Но если б мы делали лишь то, что нам нравится, и отказывались делать то, к чему призывает долг, человечество до сих пор ходило бы без штанов. Что ж, я пройду мимо леопарда и даже не побоюсь сунуть голову в пасть *той женщины*.

Кулачок старой леди храбро стукнул по столу, но голос слегка дрогнул, и Фандорин сказал:

— Позвольте мне сопровождать вас. С леопардом я как-нибудь д-договорюсь, что же до госпожи Флейм, то двоих спускать с лестницы труднее.

Предложение было с благодарностью принято.

У железнодорожного вокзала, старейшего во всей Англии, проходила благотворительная лотерея. Под ярко разукрашенной вывеской «Помогите Добру, и Бог вознаградит Вас! Главный выигрыш 500 фунтов!!!» стояло несколько больших барабанов с билетиками.

Фандорин и его дама понаблюдали за тем, как идет торговля Добром — до поезда оставалось еще больше четверти часа, а все равно заняться было нечем.

Короткое время спустя внимание Эраста Петровича привлек один из лотерейных билетов, лежавший в барабане сразу за стеклом. Эта картонка ничем не отличалась от соседних, а все же было в ней нечто особенное.

Продавец покрутил ручку, билет переместился, затерялся среди других и вдруг вынырнул немного сбоку. Фандорин мог поклясться, что это был тот самый билет. Он один во всей груде будто излучал некое сияние.

Поморщившись, Эраст Петрович отвернулся. Не хватало еще наживаться на благотворительности.

— Ах, если б не было так жалко шиллинга, — вздохнула мисс Палмер. — Внесла бы лепту в дело Добра, а заодно попытала бы счастья. Пятьсот фунтов! Это разом решило бы все мои проблемы...

— А по-моему, делать Добро, играя на корысти и прочих низменных инстинктах — п-профанация, — сердито сказал Фандорин, еще не до конца одолев искушение. Пятьсот фунтов и ему сейчас пришлись бы очень кстати.

— Позволю себе с вами не согласиться, мой милый Эраст, — взяла его под руку спутница, еще в конке испросившая позволения называть своего рыцаря по имени. — Добро обязано научиться быть товаром и жить по законам рынка. Одно из глубочайших заблуждений нашей цивилизации состоит в том, что преимущество Добра над Злом всем очевидно и в доказательствах не нуждается. Сатана — не провинившийся ученик Бога. Это две равносильные и равноправные корпорации. Я давно живу на свете и пришла к убеждению, что Добро проигрывает Злу по всем пунктам из-за того, что не умеет себя подать — или, если угодно, *продать*. Победа Бога над Сатаной и Добра над Злом никем и ничем не гарантирована. Упование в трудной ситуации на Божью помощь — чрезвычайно безответственная и инфантильная позиция.

— У нас говорят: «На Бога надейся, а сам не плошай», — согласился Фандорин.

Мисс Палмер одобрила:

— Народ, придумавший подобную максиму, имеет хороший шанс на великое будущее. Ведь почему наш мир часто бывает ужасен? Почему в нем так много преступлений? Потому что Зло торгует собой гораздо лучше. Человек появляется на свет, и ему с двух сторон предлагают товар, на выбор: ты можешь быть честным, или быть мошенником; быть верным в любви или развратником; существовать по законам благородства или подлости. Сатана умело зазывает покупателей, убеждая, что быть мошенником и подлецом гораздо выгодней, а развратником гораздо приятней. Надо и Богу тоже перестать кичиться своей правильностью и поучиться законам торговли — если, конечно, Ему не все равно, что с нами станет. Залог победы Добра над Злом — грамотная реклама, красивая упаковка и бонусы постоянным клиентам.

Засмеявшись, Фандорин поцеловал даме руку. Мисс Палмер ему ужасно нравилась.

— П-пойдемте. Пора.

Они сели в вагон второго класса и сорок минут спустя уже были в Бате.

Дом, в котором проживала бывшая пассия лорда Беркли, располагался в тупике, едва освещенном тусклым светом единственного газового фонаря.

Оглядев глухие стены соседних домов, мисс Палмер заметила:

— На месте мистера Парслея я не стала бы слишком полагаться на слова соседей. Джеффри вполне мог пройти незамеченным, особенно, если это произошло в темный предрассветный час. — Она тряхнула головой, подняла зонт повыше (накрапывал дождик) и мужественно двинулась вперед, стараясь не поскользнуться на мокрой брусчатке. — Ну, в бой!

Как и можно было предположить по внешнему виду жилища, прислуги мисс Флейм не держала и дверь открыла сама.

В проеме стояла высокая, массивная особа с плохо расчесанными полуседыми волосами и грозно разгляды-

вала незваных гостей. За ее спиной виднелась узкая крутая лестница, ведущая на второй (по английскому счету первый) этаж.

— Что надо? — спросила устрашающая особа густым голосом.

Наверное, когда-то мисс Флейм была очень хороша румяной фрагонаровской красотой, но с годами милая пухлость перешла в корпулентность, а пикантный пушок над верхней губой превратился в подобие усов. Нетрудно было представить, как эта плечистая амазонка спихивает бедного мистера Парслея вниз по лестнице своими мощными ручищами. Удивительно, что она вообще позволила ему подняться.

— А, я знаю! — Мисс Флейм уперлась руками в бока. — Вы опять из-за старого болвана Джеффа? Второй раз меня не проведешь! «Два слова с глазу на глаз по важному делу, имеющему к вам прямое касательство» — так сказал старый орангутанг с бакенбардами. Дудки! Не впутывайте меня в ваши дрязги! Катитесь к черту! Дважды повторять я не стану.

Было видно, что у этой женщины слово не расходится с делом, и Эрасту Петровичу оставалось только одно: вновь, как в случае с африканским зверем, прибегнуть к энергии «ки». В самом деле, не драться же с представительницей слабого пола.

Он очень пристально посмотрел ей в глаза, попытавшись сосредоточить всю внутреннюю силу во взгляде, а заодно, поскольку это все-таки была дама, слегка улыбнулся и задействовал инструмент словесного убеждения.

— Сударыня, нам очень жаль, что мы вторгаемся в ваш дом. Но мисс Палмер проделала длинный путь, устала и промокла. Не позволите ли вы ей хоть немного передохнуть, прежде чем мы уйдем?

То ли энергия «ки» сделала свое дело, то ли хозяйка была менее свирепа, чем казалось на первый взгляд, а может быть, имелась еще какая-то причина, но мисс Флейм, тоже не сводя глаз с Эраста Петровича, вдруг сказала:

— Ладно. Можете подняться на минутку. Стаканчик грога налью, но на большее не рассчитывайте.

И, грохоча по ступенькам, пошла вверх первой.

Подъем мисс Палмер занял значительно больше времени. Не исключено, что старая леди нарочно изображала немощность.

— Как мудро я поступила, взяв вас с собой, — шепнула она. — Женщины этого типа всегда неравнодушны к брюнетам с синими глазами.

Вскарабкавшись, они оказались в маленькой гостиной. Самой мисс Флейм там не застали — очевидно, отправилась за грогом, и посетителям хватило времени оглядеться. Вся комната была увешана старыми афишами и плакатами, изображавшими мисс Флейм в разных видах: скачущей на лошади, идущей по канату, засовывающей голову в львиную пасть и даже вылетающей из пушки. Висел там и довольно скверный, но очень яркий портрет маслом — не столько в фрагонаровой, сколько в рубенсовской манере. Во всяком случае, мисс Флейм была изображена на нем в позе (и наряде) Вирсавии. Пышность ее форм, пускай даже отчасти преувеличенная художником, воистину потрясала.

— Вот какою она была, роковая любовь бедного Джеффри, — заметила мисс Палмер, рассматривая полотно. — Что ж, она изменилась. Теперь ее с полным основанием можно назвать его *старой любовью.*

По-английски каламбур — old Flame[1] — звучал забавно, и Фандорин улыбнулся.

Вернулась хозяйка. Она не только принесла кувшин с грогом и три стаканчика, но успела переодеться — вот что значит привычка к молниеносным сценическим сменам наряда. Теперь на ней была просторная накидка, вся прошитая золотыми нитями, а голову украшал переливчатый шелковый тюрбан.

— «Молли Флейм» — это актерский псевдоним? — спросил Эраст Петрович, действуя согласно старинному

[1] Старая любовь *(англ.)*

правилу ведения расследовательной беседы: для начала спроси то, о чем объекту самому интересно говорить. — Звучит к-красиво.

— Сама придумала, — похвасталась хозяйка, залпом осушив стакан, и немедленно налила себе снова. — Семнадцать лет это имя гремело по всему юго-западу, от Глостера до Уэймута и от Фалмута до Солсбери! Если б меня не покусал лев в шестьдесят девятом... На одних фокусах далеко не уедешь.

— Как это — «покусал»?! — ужаснулся Фандорин. — Боже!

Она подошла к одному из плакатов, ткнула пальцем в нарисованного льва.

— Вот он. Его звали Чака. Зубищи что ножи у мясника. Вообще-то я сама виновата. Забыла вынуть заколку из волос. Ну, он и укололся. Еле башку из пасти выдрала. Глядите.

Отставная циркачка опустила голову, сдвинула тюрбан. Сзади на шее и затылке у ней виднелись длинные бороздообразные шрамы.

Тут Эраст Петрович присвистнул, мисс Палмер поохала, и дальше беседа заскользила как по маслу.

Через какой-нибудь час-полтора рассказов о былой славе, на третьем кувшине грога, дошло и до истории лорда Беркли — по всей видимости, самого яркого эпизода в карьере укротительницы львов и сердец. Перечислив все безумства, которые совершил ради нее влюбленный граф, мисс Палмер, наконец, добралась до того рокового дня, когда его сиятельство пал у ее порога, сраженный кровоизлиянием в мозг.

— ...Но под конец Джефф совсем спятил. Стал такие штуки выкидывать! Приходит однажды, глаза горят. «Любишь ли ты меня по гроб жизни?». Отвечаю: «Само собой», а что еще скажешь, когда у него губы трясутся и глаза на мокром месте? «Я всё продумал. Нас вовек никто не разлучит. Будем лежать бок о бок, как Ромео и Джульетта». И давай плести что-то про завещание, про Млечный Путь. Короче, бредит. Как выхватит пистолет!

Честное слово! У меня поджилки затряслись. Не бойся, говорит. Я, мол, знаю, что женщины боятся выстрелов. Пистолет — это для меня, а тебе я приготовил яд, и вправду сует какую-то склянку. Хорошо, я не растерялась, я всегда была девочка смышленая. С сумасшедшим спорить — себе дороже. «Ладно, я выпью. Но тебе стреляться ни в коем случае нельзя. Завещание самоубийц юридически недействительно». Это мне один приятель рассказал, барристер, давно еще, ну я и вспомнила. Схватила у него яд, налила в стакан, рраз — выпила, и хрясть пузырьком об камин, только стекла полетели.

— Как «выпили»? — схватилась за сердце мисс Палмер.

— Вот так, — показала циркачка.

Взяла из буфета стакан, налила грогу, опрокинула в себя, а потом продемонстрировла, что весь напиток вылился в прозрачную стеклянную трубку, приделанную сбоку и ловко спрятанную в рукав.

— Простейший фокус. Я с такими начинала выступать, еще пятнадцатилетней дурочкой. В общем, выпила, сама вся зашаталась, на глазах слезы. У меня знаете какой актерский талант был? Сама Сара Бернар один раз в Бате была на представлении — стоя аплодировала. Честное слово! Это когда я в аттракционе «Звезда сераля» выступала...

— Так что лорд Беркли? — мягко вернула ее к нити повествования мисс Палмер.

— Когда я ему сказала, ужасно трогательно: «Иди, любимый! Живи! Я буду ждать тебя, теперь уж никуда не денусь!» — старый идиот тоже зарыдал. Крикнул: «Тебе не придется ждать долго!» и выбежал вон, даже не поглядел, как я умирать буду, хотя я умела это делать по первому разряду — прямо заглядение. Хотите, покажу?

Эраст Петрович попросил:

— Чуть п-позже. Но скажите, на что вы рассчитывали? Не боялись, что он вернется?

— Конечно, боялась. Но я уже решила: хорошенького понемножку, сматываю удочки. Только меня в вашем Бате и видели! Хотела уехать в Глазго, мне давно там предла-

гали ангажемент. Только Джефф, несчастный дурень, недалеко ушел. Спустился на улицу, да и рухнул. Кондрашка его хватил. Вот ведь не любила я его никогда, а тут жутко жалко стало. Ревела, наверно, целую неделю. — У мисс Флейм и сейчас на глаза навернулись слезы. — Никто меня так не любил — ни до, ни после.

И заплакала навзрыд. Больше они не добились от нее ни слова.

— Знаете, вся моя жизнь ушла на то, чтобы убедиться в правоте банальных истин, — сказала мисс Палмер, когда они вышли от Молли Флейм и быстро шагали по улице, чтоб успеть на последний поезд. — Нам с раннего детства на ложечке подносят всю мудрость, накопленную человечеством. Каждый день мы слышим: «Тихие воды глубоки», «Пока есть жизнь, есть надежда», «У каждой тучи найдется серебряная подкладка» и прочее подобное, но это все равно что метать бисер перед свиньями. Пока сам не споткнешься об камень, на котором уже падали миллионы раз до тебя, ничего не поймешь и ничему не научишься. Зато, если уж сделаешь свое доморощенное открытие, хочется кричать на весь мир: «Эй, люди! Все слушайте меня! Известно ли вам, что настоящий друг познается в беде? Я только что это обнаружил!» Или: «Ах, как же неправильно вы все живете! Знайте же: не все золото, что блестит». Но кричать бесполезно, только зря горло надорвете. Вот так, мой милый Эраст, я и живу — от одного банального открытия к другому. Только что, например, сделала еще одно, очень важное: не так страшен черт, как его малюют. Ужасная мисс Флейм оказалась довольно мила, вы не находите? Никогда не нужно верить репутациям, особенно плохим.

— Вот это уже трудно назвать банальностью, — улыбнулся Фандорин. — Мысль вполне оригинальная.

— Нет-нет, — убежденно заявила мисс Палмер. — Я не способна на оригинальные мысли. Я самая обыкновенная и заурядная старуха, ходячий свод банальных истин. Семьдесят шесть лет одиночества — достаточный

срок, чтобы проверить на себе все существующие поговорки и убедиться в их абсолютной истинности. Разумеется, за исключением банальностей любви, эта грань жизни осталась вне зоны моих опытов.

— Не уверен, что из-за этого стоит расстраиваться.

Старая леди жалостливо поглядела на него.

— Вы сказали это с горечью. Однако я не могу поверить, чтобы вы были обделены женской любовью. Наверное, ее, наоборот, было чересчур много, а я слышала, что это очень опасно. Но знаете, что я вам скажу? Лучше испытать тысячу ударов судьбы, чем всю жизнь пропрятаться от судьбы в чулане. Впрочем, я опять сказала банальность... Так что вы думаете о рассказе мисс Флейм?

— Лорд Беркли у нее не был.

— Согласна.

Они медленно шли по улице, то и дело поглядывая вверх. Дождь кончился, небо прояснилось, и в нем сияли звезды.

После довольно продолжительного молчания мисс Палмер сказала:

— Пожалуй, я знаю, где нужно искать Джеффри.

— А мне не хватает одной мелочи... — Фандорин помог даме перешагнуть через лужу. — Если б вы мне только сказали... Не наступите, здесь гуляла собака.

— Благодарю вас. Так что вам сказать?

— Там есть медведь?

— Да, и пребольшой. — Она расстроено всплеснула руками. — Ну вот, а я хотела вас удивить. Что ж, едем?

— Прямо т-туда? Как бы нас с вами не арестовали за самовольство. Думаю, лучше сообщить в полицию.

— Я и предлагаю ехать в брислингтонский полицейский участок, к дежурному инспектору.

— Стало быть, это в Брислингтоне?

Так назывался городок, расположенный на дороге между Батом и Бристолем.

Впереди показалось здание железнодорожной станции, ярко освещенное электрическими огнями.

— Зачем же нам ехать к инспектору? — удивился Фандорин. — Время позднее, вы устали. Можно просто протелефонировать с вокзала.

— Ах, как же я глупа! Все время забываю о завоеваниях прогресса. Вы покажете мне, как говорить в трубку?

Объясняться с оператором пришлось Эрасту Петровичу — мисс Палмер не решилась обратиться к незнакомой барышне с фамильярным «Хелло, Центральная?». Зато инструкции, которые она дала дежурному инспектору, были исчерпывающе ясными и точными:

— ...Как, вы не знаете фамильного склепа лордов Беркли? Ах, вы сюда переведены недавно. Это очень просто, молодой человек. Входите на кладбище через главные ворота, идете до стелы, поворачиваете направо и в конце аллеи видите мавзолей. Перепутать невозможно — там на крыше большое изваяние медведя в графской короне.

Едва вернулись домой, едва мисс Палмер развязала ленты шляпки, а Фандорин повесил на крючок кепи, как постучал дворецкий.

— Нашли! Нашли! — возбужденно сообщил он. — Звонил брислингтонский инспектор! Милорд жив и здоров. Его обнаружили в фамильном склепе — он там мирно спал, а для тепла накрылся венками с соседней могилы. Везут сюда!

— А инспектор сказал, что это я ему про-теле-фонировала? — с удовольствием выговорила мисс Палмер красивое слово.

— Да. Но, боюсь, награды вы не получите. Портфель-то на месте, милорд использовал его в качестве подушки, но ожерелья внутри нет.

— И завещание тоже пропало? — спросила она.

— Нет, документ на месте. Пропало только колье. Думаю, семья предпочла бы, чтобы случилось наоборот, — позволил себе пошутить мистер Парслей, пребывавший в приподнятом настроении. — Но каков молодец его сиятельство! Целые сутки без еды, без питья, на голых камнях, а хоть бы что. Удивительно крепкий организм!

Сцену возвращения блудного отца они наблюдали из окна втроем — слугам было строго-настрого запрещено выходить во двор, когда привезут старого графа.

Всё аристократическое семейство было в сборе. Вывели даже детей, хотя время было заполночь.

Наследник титула лорд Дэниэл, ломая руки, расхаживал взад и вперед. Преподобный Мэтью Линн, смежив веки, молился. Достопочтенный Тобиас Линн, покашливая, курил сигару. Жены старшего и среднего братьев шушукались с детьми — кажется, давали им какие-то наставления. Всё это сопровождалось тревожным воем, доносившимся из сада, — это нервничал леопард Скалпер, которому не нравился ночной переполох.

Наконец в ворота въехала коляска. Инспектор и констебль бережно спустили на землю лорда Беркли, укутанного в полицейский плащ с пелериной.

Старший сын бросился к отцу с пледом, средний подкатил кресло, младший же, коротко поблагодарив служителей закона, поспешил выставить их за ворота. Лишние свидетели семейству были явно ни к чему.

— Какое счастье, что вы живы, батюшка! — восклицал лорд Дэниэл.

Преподобный хлопотал над креслом — взбивал подушку, двигал какие-то рычажки:

— Садитесь, папенька! Вот ваше любимое креслице, вам в нем будет очень удобно!

Лорд Беркли с подозрением озирался вокруг. В кресло садиться не пожелал, даже попробовал попятиться назад к воротам — его удержали за плечи.

— Я велела приготовить вам главную спальню, — ворковала леди Линн. — В ней гораздо просторней и светлее, чем в вашей комнате. Ах, милый отец, как славно вы там отдохнете! Пойдемте в дом. Смотрите, как все тут вам рады! Ну, не упрямьтесь.

— А Молли там? — прошамкал его сиятельство.

Все переглянулись, очевидно, не зная, что на это сказать.

— Я знаю, Молли ждет меня в раю. А меня привезли в чистилище, — пожаловался больной, с отвращением оглядывая родственников, мрачные стены Беркли-хауса и темный двор. — Это нечестно. Чистилище есть только у католиков, я же принадлежу к англиканской церкви. Произошла ошибка. Везите меня обратно на кладбище!

Беднягу все пытались усадить в кресло, а он изо всех сил сопротивлялся.

Тогда леди Линн подала знак жене священника, и та подпихнула вперед детей.

Они бросились к деду, стали его обнимать:

— Драгоценный дедушка!

— Милый дедушка!

— Мы так волновались!

— Мы так соскучились!

Граф втянул голову в плечи и заткнул уши.

Инициативу перехватил лорд Дэниэл. Велев детям умолкнуть и отойти в сторону, наследник взял отца за плечи, как следует тряхнул и крикнул:

— Ради всего святого! Скажите, где «Млечный Путь»?

Решительная мера, кажется, подействовала. Лорд Беркли посмотрел на своего первенца. Даже ответил, вполне связно:

— Разве ты не знаешь? Вон же он.

И показал на небо, где, в самом деле, светился Млечный Путь.

Лорд Дэниэл издал звук, похожий на рычание, и его оттеснил средний из братьев.

— Нехорошо издеваться над теми, кто вас любит, — мягко укорил родителя преподобный. — Вы хотите попасть в рай?

Граф уточнил:

— К Молли? — и кивнул.

— Я помогу вам. Знаете, что это? — Мэтью Линн достал карманный молитвенник. — Святой Псалтырь. Если вы положите на него руку и будете говорить правду, одну только правду и ничего кроме правды, место в раю вам обеспечено. Понимаете?

Его сиятельство нетерпеливо дернул плечом:

— Чего тут не понять?

И шлепнул ладонью по книге.

Во дворе сделалось очень тихо.

— Скажите, кто вынул вот из этого портфеля колье? Ну, такие блестящие камешки на нитке? — Голос священника пресекся от волнения. — Кто-нибудь подходил к вам? Заговаривал? Постарайтесь вспомнить. Это обеспечит вам чудесное местечко в раю.

Лорд Беркли долго разглядывал сына, наморщив лоб.

— Сейчас вспомнит! — прошептал мистер Парслей, стиснув Фандорину локоть. — Ну же, старина! Ну!

Вздохнув, его сиятельство участливо сказал преподобному:

— Говорил ли вам кто-нибудь, сэр, что у вас чрезвычайно неприятное лицо? Неискреннее, лживое и злое. На вашем месте я бы отрастил бороду — будет не так заметно.

— Черт! Проклятье! — плюнул достопочтенный Тобиас Линн и свирепо швырнул сигару — от брусчатки брызнул каскад искр. — Пустая трата времени!

— К-капитан прав. Старик ничего не скажет, — заметил Эраст Петрович.

— Потому что не знает, где колье, — добавила мисс Палмер.

Дворецкий посмотрел на них обоих.

— Вы хотите сказать, что ожерелье вытащили из портфеля, пока его сиятельство спал в склепе?

— Мы хотим сказать, что ожерелья в портфеле не было. — Мисс Палмер отошла от окна. — Нет сил смотреть, как они терзают бедняжку Джеффри. Скажите-ка лучше, мистер Парслей, а что, уволенный лакей Джим уже освободил сторожку?

— Нет, я позволил ему задержаться до субботы. Он, конечно, очень виноват, но нехорошо добивать упавшего. Этому болвану некуда податься, и у него совсем нет денег. В субботу за ним приедет брат и заберет к себе в кузницу. На хорошее место после случившегося Джима все равно не возьмут.

— Раз он без работы, значит, рано ему не вставать, — заключила мисс Палмер. — Быть может, Эраст, вы согласились бы разбудить Джима и поговорить с ним?

— Я собирался сделать это чуть п-позже. Но вы правы. Здесь ничего интересного мы больше не увидим.

Эраст Петрович повернулся и вышел, а мисс Палмер предложила своему приятелю нечто совершенно эксцентричное: выпить чаю в третьем часу ночи. Надо же было как-то скоротать время.

Они не успели допить и первой чашки, когда Фандорин вернулся.

Во дворе уже никого не было, скорбного умом графа укатили-таки в дом, но Беркли-хаус не погрузился в сон — в окнах большой гостиной горел свет. Очевидно, там происходил экстренный семейный совет.

— Ну, который? — живо обернулась к Эрасту Петровичу квартирная хозяйка.

— Без сюрпризов, — кратко ответил тот, придвигая стул.

Мисс Палмер огорчилась:

— Жаль. Я так надеялась, что это окажется средний. Джеффри прав — он еще противнее остальных.

Батлер остолбенело вертел головой, пытаясь вникнуть в смысл этого загадочного обмена репликами.

— Нет-нет, не рассказывайте! — остановила Фандорина старая дама. — Я угадаю сама. Он отослал Джима с каким-нибудь поручением, да?

— Это было бы с-слишком явно. Он как бы случайно столкнулся с лакеем, когда тот нес графу вечернее молоко. Пока Джим сходил переодеться, пока на кухне подогрели новый молочник, прошло около получаса. Вполне достаточно.

— Для чего достаточно? — вскричал вконец замороченный мистер Парслей. — Я ничего не понимаю! О ком вы говорите?

— О капитане, о ком же еще? — Мисс Палмер налила Фандорину чаю. — Он с самого начала был у меня на подозрении. Явиться на юбилей отца, у которого пожи-

виться нечем? Такая сентиментальность совершенно не в духе Тобиаса. К тому же он сильно проигрался и по уши в долгах.

Ложечка в руке дворецкого мелко задребезжала о чашку.

— Достопочтенный Линн обокрал собственную семью? Но это невозможно!

— Отчего же? — Мисс Палмер отобрала у батлера ложечку, положила на скатерть. — Где лежит ключ от секретера, он наверняка знал. Вытащил портфель, ожерелье припрятал. Избавился от слуги. Отца отстегнул от кресла, вывел в сад. Вероятно, шепнул что-нибудь вроде: «Вас ждет Молли» — ну, бедняжка и отправился на свидание. И, судя по свидетельству мальчишки бакалейщика, «очень шустро». Сунуть старику под мышку портфель труда не составило — за долгие годы службы в банке Джеффри к этой ноше привык.

— Нет! Вы ошибаетесь! — вскочил мистер Парслей, чуть не опрокинув стул. — Я всегда с вами соглашаюсь, но тут вы ошиблись! Если б в похищении действительно был замешан кто-то из членов семьи, они прежде всего позаботились бы об уничтожении постыдного завещания. А оно-то цело!

— Не ломайте мебель, Питер. Таких стульев теперь уже не делают. Какой смысл уничтожать завещание, если у нотариуса все равно хранится копия?

Дворецкий грузно сел, будто из него выпустили воздух.

— Боже, что за времена... — глухо сказал он. — В истории рода бывало всякое, но воровать фамильную реликвию, свалив вину на отца... Куда катится Англия? А хуже всего то, что преступление окажется безнаказанным. Где теперь искать «Млечный Путь»? Ведь достопочтенный Тобиас Линн сам не расскажет...

Мисс Палмер погладила давнего друга по руке.

— Не отчаивайтесь. Ожерелье отыщется. Ведь со вчерашнего дня капитан из дому никуда не отлучался? Мне думается, «Млечный Путь» спрятан в единственном месте, куда никто кроме самого Тобиаса, не сунется. — Она обернулась к Фандорину, с аппетитом жевавшему пече-

нье. Странно, но эти кусочки пересушенного теста начинали ему нравиться. — Милый Эраст, боюсь, мне самой эта задача не под силу. Здесь нужна храбрость Ланселота и сила Геракла.

— Ни то, ни другое не понадобилось, — ответил Фандорин, вытирая губы салфеткой. — Достаточно было почесать Скалпера за ухом, и он охотно п-позволил мне снять с него ошейник. Вы абсолютно правы. Ожерелье было спрятано внутри.

Он достал из внутреннего кармана поблескивающую радужными искрами ленту и положил ее на стол.

— Я навестил своего п-приятеля на обратном пути из сторожки.

В тени чайника, куда не достигал свет лампы, колье не производило особенного впечатления. Камни не играли, не переливались и были похожи на кусочки ограненного стекла.

— Скажите им, что вы т-только что обнаружили это в траве, около Чугунной Беседки, — посоветовал Фандорин, пододвигая ожерелье к батлеру. — Вероятно, оно выпало из портфеля, когда лорд Беркли улепетывал через сад. Впрочем, лишних вопросов не будет — все слишком обрадуются находке. Кроме, конечно, к-капитана, который решит, что недостаточно хорошо застегнул ошейник. Однако время позднее. Мисс Палмер, несомненно, очень устала. Да и я бы п-прилег...

Наутро, когда мисс Палмер и ее квартирант завтракали (несколько позже обычного), дворецкий явился с официальным визитом: в парадной ливрее, двууголке и белых перчатках.

— Всё произошло в точности, как вы предвещали, сэр. А громче всех ликовал достопочтенный Тобиас Линн. Меня — совершенно незаслуженно — назвали спасителем фамильной чести и вручили чек на тысячу фунтов, который я и передаю той... то есть тому... — Здесь мистер Парслей немного сбился. — В общем, тем, кому он по праву принадлежит. Чек на предъявителя.

Он с поклоном положил на стол узкую полоску бумаги с водяными знаками.

— Награда вне всякого сомнения принадлежит мисс Палмер, — нахмурился Эраст Петрович. — Загадку разгадала она, я же был всего лишь исполнителем.

Тут обнаружилось, что почтенная дама превосходно умеет сердиться.

— Какие глупости! — покраснев, вскричала она. — Это вы сумели разговорить мисс Флейм. И про склеп догадались сами. А уж что касается ожерелья, то оно оказалось у вас в руках еще до того, как я сформулировала версию! Если же вы хотите обидеть меня благотворительностью, то знайте: я всю жизнь прожила, полагаясь только на себя, и никогда о том не пожалела!

Оппоненты в упор глядели друг на друга, и видно было, что ни одна из сторон не уступит.

— Иногда умные люди бывают хуже простаков, — вздохнул мистер Парслей, — и тогда без простака им не обойтись. Возьму эту роль на себя. Поделите вы эти деньги пополам, да и дело с концом. Пятисот фунтов вам, мисс Палмер, с лихвой хватит, чтобы купить домик на берегу моря. Да и вы, сэр, так уж не чинитесь — деньги вы заработали честно.

— «Иногда умные люди хуже простаков, и без простака им не обойтись»? — удивленно повторила мисс Палмер. — Какая чудесная банальность! Я ее запомню.

Удивился и Фандорин, но по иной причине.

Пятьсот фунтов стерлингов? На государственной службе он за целый год получал жалованья немногим больше. Немалые деньги, а достались безо всякого труда. Так, выходит, дедукцией можно зарабатывать на жизнь?

ДОЛИНА МЕЧТЫ

Сиэтстоух. 1894

Приятно быть звездой

Наставник, преподававший Фандорину науку жизни, говорил: «Человек рождается на свет слепым и не прозревает до самой смерти. Но есть три Поводыря: Дух, Разум и Тело. Они будут дергать тебя за рукава, тянуть всяк в свою сторону. Ошибется тот, кто сочтет одного из Поводырей главным. Знай, когда и кого слушаться. Только это убережет тебя от заблуждений и не даст сбиться с Пути».

С Духом и Разумом Эраст Петрович, бывало, путался, отчего иногда спотыкался о камни Пути и набивал себе шишки. Зато превосходно усвоил, в каких ситуациях нужно беспрекословно повиноваться Телу, и здесь уж никаких сомнений не допускал. Иначе его Путь давно бы уже оборвался.

Вот и теперь, когда Дух и Разум вдруг умолкли, а Тело громко крикнуло: «Берегись!», Фандорин немедленно, безо всяких колебаний повиновался — не оборачиваясь, прыгнул в сторону. Тем более, рядом не было ни души, никто не подумал бы, что солидного вида джентльмен внезапно сошел с ума...

Итак.

Прямо из пинкертоновского агентства Эраст Петрович отбил Масе телеграмму («НОЧНЫМ СЮДА ТЧК ДВА КОСТЮМА ТЧК БЕЛЫЙ ЗПТ ЧЕРНЫЙ») и отправился на прогулку по вечернему Нью-Йорку.

Шел, куда глаза глядят, постукивал тросточкой, думал о двигателе внутреннего сгорания.

Соседние с Бродвеем улицы еще худо-бедно освещались газом, потом пошли переулки вовсе темные, и Фандорин достал электрический фонарик. Качаешь пружину — горит лампочка. И светло, и для кисти тренировка.

Когда пахнуло морем, Эраст Петрович понял, что находится где-то вблизи Гудзона. Осмотрелся вокруг — увидел вдали приземистый силуэт Батареи. Оказывается, ноги вынесли его к Манхеттенской стрелке.

Мимо складов, мимо портовых кранов он дошел до самой воды и остановился у парапета.

Солнце уже зашло, но в небе еще оставалось некое послевкусие заката. Вдали на острове Бедлоуз шахматной фигуркой торчала Статуя Свободы. На одном из зубцов ее короны вспыхнул прощальный блик вечерней зари.

Это очень красиво, искорка на короне делает пейзаж совершенным, сказал Разум. А без статуи было бы еще красивей, возразил Дух.

Но в этот миг Эраст Петрович ощутил (угловым зрением? слухом? нервными окончаниями? — Бог весть) микроскопическое движение за спиной, и Дух с Разумом сразу онемели, а Тело заставило Фандорина резко качнуться вбок.

У самого уха хищно шикнуло, через долю секунды грянул выстрел. Выполняя одновременно три действия (приседая, разворачиваясь на каблуке и выдергивая из-под фалды револьвер), Эраст Петрович едва-едва перехитрил вторую пулю — с головы в воду слетел простреленный цилиндр, между прочим, заказной, с Джермин-стрит, в Америке такого не достать. Зато теперь удалось разглядеть, откуда стреляют. Огненная точка вспыхнула у стены неосвещенного пакгауза. Судя по звуку, револь-

вер большого калибра, и стрелок отменный — бил с изрядного расстояния, а как точно. Нельзя было позволить ему выстрелить в третий раз: на фоне не совсем еще темного неба силуэт Фандорина являлся слишком хорошей мишенью. Поэтому Эраст Петрович вскинул руку с «герсталем» и высадил наудачу все семь пуль. Для короткоствольного револьвера, весь смысл которого в скорострельности, дистанция была чрезмерной, но третьего выстрела из темноты не последовало.

Когда прошел звон в ушах, Фандорин (он лежал, распластавшись на земле) напряг слух и понял, что у пакгауза уже никого нет. Осторожно поднялся, заряжая барабан. Рывком добежал до места, откуда стреляли. Так и есть — пусто.

Человек, пытавшийся его убить, скрылся в проходе между складскими корпусами. Гоняться за ним было бессмысленно, да и рискованно.

Отложив дедукцию на потом, Эраст Петрович принялся изучать кучность герсталевского огня. Луч фонаря нашел в деревянной стене шесть свинцовых кругляшков — все в пределах одного метра, не так уж плохо. А где седьмой?

Долго искал и в конце концов нашел. Пуля валялась на земле.

Поднял, рассмотрел.

Наконечник сплющен, как от удара о металл. Странно. В стене ни болта, ни гвоздя.

Что это поблескивает?

Подкачав фонарик, чтоб не гас, сыщик зажал его подбородком, достал из кармана лупу и навел на исследуемый предмет.

Было неудобно и темновато, но все же удалось разглядеть, что в мелких царапинках на пуле поблескивают микроскопические желтые частицы. Позолота?

Спрятав находку в карманчик на кобуре, Эраст Петрович отправился искать оброненную трость, а Разум уже нетерпеливо отпихнул Тело в сторону, выстраивал версии.

Первая была самая скучная.

Тривиальная попытка ограбления. В этом городе много людей, которым чужая жизнь не дороже копейки, то есть цента. Увидел франта, забредшего в глухое место. Чтоб не рисковать, решил пристрелить с безопасного расстояния, а после снять с трупа все ценное. Эта версия была Эрастом Петровичем рассмотрена и отброшена — не как маловероятная, а как абсолютно бесперспективная. Случайности исчислению не поддаются, во всяком случае в криминалистике.

Второй вариант: нападение может быть как-то связано с заказом, только что полученным от Пинкертона. Однако, поразмыслив, Фандорин отказался и от этой версии. Дело в том, что никакого задания он, собственно, еще не получил. Непонятно, чего хочет заказчик, и может быть, за это дело вообще нет смысла браться. Так и было сказано мистеру Пинкертону.

Нет, не складывается.

Значит, оставалось третье: месть доктора Линда, таинственного главаря могущественной организации, о которой блюстителям закона пока мало что известно.

Месяц назад Эраст Петрович сорвал ограбление банка «Истерн Юнайтед». Сам он счел операцию неудачной, потому что возникла перестрелка и люди, которых следовало арестовать, погибли, а главный злодей ушел. Но доктор Линд, не привыкший к поражениям, похоже, затаил злобу. Тут еще и газетам спасибо. Раструбили на всю страну про то, как доблестный Mister Fandorin (иногда писали Fandorine или даже Fundoreen) в одиночку посрамил короля преступного мира. Из скромного вольнослушателя механико-инженерного факультета, время от времени подрабатывавшего частными расследованиями, Эраст Петрович вдруг превратился во всеамериканскую знаменитость или, как это называлось на туземном жаргоне, «звезду».

Роз тут было мало, в основном тернии.

В лабораторию на Ньюбери-стрит повадились ходить собиратели автографов, только мешали работать. Это раз.

Репортеры бостонской прессы подстерегали у двери и слепили магниевыми вспышками. Это два.

Хозяйка немедленно подняла квартирную плату. Это три.

У окна, расплющив носы о стекло, постоянно торчало две-три мальчишечьи физиономии. Это четыре.

Ну и пять: неделю назад, когда Фандорин испытывал новый «Бенц-Вело», только что доставленный с Мангеймского завода, на крутом склоне вдруг отказали тормоза. Жив остался по счастливой случайности — еле-еле успел выскочить, а чудо германской техники рухнуло в реку. Когда достали, оказалось, что перерезан тормозной трос. Первый привет от доктора Линда. Было ясно, что второго долго ждать не придется. Вот он, похоже, и грянул — вспышками выстрелов из темноты.

Пинкертоновский заказ в таких обстоятельствах был, пожалуй, некстати. Следовало всерьез заняться доктором — все равно в покое не оставит, так лучше уж самому перейти к активным действиям.

Но чек-то взят, и на немаленькую сумму. Здесь, в Соединенных Штатах, слава моментально сказывается на гонорарах. По меньшей мере, нужно наведаться к заказчику и выслушать его. Ничего кроме этого Эраст Петрович пока не обещал.

С «Национальным детективным агентством» он сотрудничал неоднократно, но никогда еще его не вызывали из Бостона срочной телеграммой к самому Роберту Пинкертону, главе нью-йоркского отделения корпорации. Его отец, великий Алан Пинкертон, прожил жизнь, полную опасностей и приключений: гонялся за шпионами, убийцами и разбойниками, спас президента Линкольна; построил и довел до совершенства сыскную империю, какой на свете еще не бывало. Главным же достоинством этого хранителя чужих тайн было умение защищать интересы своих клиентов. Его смерть, десять лет назад, была символична: Алан споткнулся на улице, упал и прикусил себе язык — да так жестоко, что началась гангрена. Самая подходящая смерть для человека, который как никто умел хранить язык за зубами.

Дело наследовали два сына: Уильям возглавил Западный филиал, расквартированный в Чикаго; Роберт стал директором Восточного, нью-йоркского. На братьев работали 2000 штатных агентов и несколько тысяч «резервистов», разбросанных не только по всем штатам, но и по ключевым городам планеты.

Когда Фандорин явился в штаб-квартиру Агентства, солидное пятиэтажное здание на Бродвее, его сразу провели к большому человеку.

Роберт Пинкертон, усатый мужчина с тяжелым, спокойным взглядом, поднялся навстречу посетителю — немалый знак почтения. Крепко пожал руку, каменное лицо даже попыталось (хоть и не очень успешно) изобразить улыбку, что уж вовсе было неслыханно.

Кажется, мои акции сильно повысились, подумал Эраст Петрович, садясь в кресло для почетных гостей и принимая сигару. Со стены, заключенное в золотую раму, на него пялилось Недреманное Око, пинкертоновская эмблема; под нею девиз: «Мы никогда не спим».

Глаза у директора и впрямь были красные, опухшие. Несварение желудка, бессонница, муки совести, семейное неблагополучие плюс больные легкие, по привычке произвел физиогномический диагноз Фандорин, прежде видевший большого человека лишь на расстоянии.

Предположение относительно причины срочного вызова было только одно: какие-нибудь новые козни доктора Линда.

Но Пинкертон заговорил о другом:

— Мистер Фэндорин, я знаю, что начальник дивизиона по работе с особо важными клиентами уже предлагал вам постоянную работу, но вы отказались.

Эраст Петрович учтиво ответил:

— Когда-то я служил в большой... организации, — не сразу подобрал он уместное слово. — Но теперь т-твердо знаю, что мне больше подходит жизнь «вольного копья». К тому же главная сфера моих интересов — не криминалистика, а инженерная механика.

Директор заглянул в лежащую перед ним бумажку.

— Мне подготовили справку. Вы были бригадным генералом русской полиции и получали годовое жалование, которое в долларах выглядит вот так.

Он написал на бумаге цифру с тремя нулями и показал собеседнику. Сведения у мистера Пинкертона были точные.

— Во-первых, я предлагаю вам вот столько. — Карандаш пририсовал справа еще один нолик. — А во-вторых, место человека, который не сумел вовремя нанять вас. То есть вы станете начальником одного из ведущих дивизионов — считайте, что дивизионным генералом.

— Благодарю за лестное предложение, но нет, — поклонился Фандорин. — Свобода дороже.

Времени на уговоры Пинкертон тратить не стал — испытующе посмотрел на гостя, вздохнул и пододвинул к себе другой листок, с вензелем в виде лучистой пятиконечной звезды.

— Жаль. Тогда просто передаю вам это письмо. Поступайте, как сочтете нужным.

С явным сожалением директор протянул листок.

Письмо было очень коротким. Эраст Петрович пробежал взглядом по строчкам, чуть задержавшись на размашистой подписи, и вопросительно посмотрел на хозяина кабинета.

— Тут написано «по одному деликатному и загадочному делу». Что имеется в виду?

— Понятия не имею. Но в конверте билет в купе первого класса и чек на ваше имя. — Мистер Пинкертон передал еще две бумажки. — По-моему, недурная сумма за то, чтоб с комфортом прокатиться до Шайенна и просто выслушать этого джентльмена. Скажу лишь, что полковник Морис Стар — один из богатейших горнопромышленников Запада. Вознаграждение можете запросить любое. Лю-бо-е. Понимаете?

— Почему он п-попросил разыскать именно меня, а не обратился к вашему агентству?

— Очень хотел бы это знать, — кисло молвил директор. — Газетная шумиха — дело хорошее, но про вас пи-

шут всего месяц, а мы тратим кучу денег на рекламу уже в течение сорока лет.

Вдруг в глазах Пинкертона мелькнула некая искорка.

— Мистер Фэндорин, мне известны ваши незаурядные способности, но, скажите, бывали ли вы когда-нибудь на нашем Великом Западе? Там всё иначе, чем здесь. Городскому человеку без помощи местного специалиста не обойтись. В тех краях тоже есть наши представители, отлично знающие Запад. Они охотно помогли бы вам...

— Сэр, мне доводилось вести расследования и на западе, и на востоке, и во всех прочих частях света, — уверил собеседника Эраст Петрович.

— Тем не менее вот вам рекомендательное письмо. Если понадобится помощь или консультация специалиста, милости прошу обращаться в любое из наших отделений. Как моего хорошего знакомого вас обслужат по льготному тарифу.

Со второй попытки улыбка у мистера Пинкертона более или менее получилась, и посетителя он проводил до самой двери.

Приятно все-таки быть звездой.

Белый костюм

До прибытия на Шайеннский вокзал Фандорин готов был бы побиться об заклад, что среди сухопутного транспорта нет и не может быть более роскошного средства передвижения, чем пулмановский вагон. Внимательная и неназойливая прислуга; мягчайшие кресла, на ночь превращающиеся в постели; собственный санитарный отсек; курительная комната; наконец, очень недурной ресторан. Даже в России, стране больших железнодорожных дистанций, он не встречал подобного комфорта.

Однако в Шайенне, столице недавно созданного штата Вайоминг, представление о том, что такое истинная роскошь на колесах, пришлось переменить.

Полковник Стар, чья подпись значилась на письме и чеке, встретить детектива не смог, задержанный неотложными делами, однако прислал своего личного стюарда с всевозможными извинениями и просьбой пересесть на местный поезд, который доставит мистера Фэндорина и его помощника в Круктаун, главный город графства Крук, — именно там находилась центральная контора магната.

Перейдя на другой путь, Эраст Петрович ожидал увидеть нечто вроде пригородного поезда с маломощным паровозиком и парой-тройкой дощатых вагонов. Собственно, именно таким поезд Шайенн — Круктаун и оказался. За одним исключением: перед почтовым и пассажирским вагонами (действительно, весьма неказистыми), сразу за локомотивом было прицеплено нечто невообразимое — лакированный, сверкающий хромом шедевр железнодорожного зодчества, настоящий передвижной особняк. Парчовые портьерки на окнах, хрустальные фонарики, на ступеньках — пушистый ковер, а вдоль всей стенки, под сверкающей золотой звездой золотые же буквы: Maurice Star of Crooktown[1].

Это чудо, вкупе со стюардом, было предоставлено в полное и безраздельное распоряжение именитого гостя.

— Господин, давайте возьмемся за это дело, — сказал Маса, неся один, самый легкий чемодан (двумя прочими завладел услужливый стюард). — Сразу видно, что заказчик — очень почтенный и учтивый человек.

Войдя внутрь, японец чемоданчик выронил, выпучил глаза и пробормотал по-русски:

— Мамотьки мои...

Да и Эраст Петрович, правду сказать, опешил.

В диванной (так назывался первый салон) стены были сплошь зеркальные, диваны — тисненого бархата, а пол — инкрустированного паркета. Далее располагалась столовая, где уже был сервирован стол, слепивший глаза блеском полированного серебра. По стенам висели картины малых голландцев — как сразу определил опытным глазом Фандорин, подлинные.

---

[1] Морис Стар из Круктауна *(англ.)*

— Когда прикажете подавать ленч, сэр? — осведомился стюард.

— Рейта, рейта![1] — сладострастно простонал Маса, успевший заглянуть в следующее помещение. — Господин, вы будете принимать ванну?

Посередине просторной комнаты возвышалась бронзовая чаша, опирающаяся на мраморный постамент четырьмя львиными лапами. Судя по пару, вода была горячая, налитая совсем недавно.

Эраст Петрович только головой покачал.

— Нет, я, п-пожалуй, полистаю газеты.

Как он заметил, на столике в диванной была приготовлена свежая пресса.

— Ну, тогда я.

Маса немедленно начал раздеваться. Фандорин же подошел к окну и стал смотреть на пассажиров, садящихся в соседний вагон.

Люди как люди, ничего особенного. Что пялятся на окна и на франта в белоснежном костюме, это естественно. Удивили Эраста Петровича только два обстоятельства: среди путешествующих было весьма мало женщин, а почти у каждого мужчины при себе имелось оружие — как минимум револьвер в кобуре, а то и ружье. Странно. В газетах писали, что стычек с краснокожими в этих краях больше нет. Шайенны, сиу, свирепые шошоны давным-давно зарыли топор войны и мирно сидят в своих резервациях.

Звякнул колокол. Паровоз нетерпеливо загудел.

Всё, поехали.

Глядя на желто-зеленую степь, которую американцы называют «прерией», Эраст Петрович размышлял не про полковника Стара и его «загадочное дело», а про технический прогресс.

Еще какие-нибудь четверть века назад переселенцы, двигающиеся в сторону Тихоокеанского побережья, пылили по этим тысячемильным просторам на телегах, терпя

---

[1] Позже, позже! *(искаж. англ.)*

немыслимые лишения и рискуя потерять скальп. И вот опасное путешествие от океана до океана, занимавшее месяцы, сжалось до каких-то пяти суток, которые к тому же можно провести со всем комфортом, читая книгу или раздумывая о вечности. Главный смысл прогресса не в удобствах и даже не в безопасности. Развитие цивилизации дает человеку возможность сконцентрировать духовную энергию не на унизительных тяготах бытия, а на его глубинной сути.

Трасса шла через плавные холмы, сплошь покрытые травой, и казалось, что поезд покачивает на неспешных волнах океана. Потом, на самом горизонте, степь вздыбилась зелеными морщинами гор, будто навстречу двигалось гигантское цунами. Где-то там, у подножия, и располагался Круктаун.

Перед тем как усесться за чтение прессы, Эраст Петрович заглянул в ванную комнату — посмотреть, как дела у Масы.

У Масы все было прекрасно. Через поднятые окна задувал свежий ветерок, стюард подливал ароматный чай, а японец блаженствовал, развалившись в ванне, и орал свою любимую песню про пьяницу-самурая из клана Курода.

В диванной Фандорин на минутку задержался перед зеркалом. Решительно, белый костюм стоил своих денег. У мистера Ланцетти, портного с Кембридж-стрит, было большое будущее.

На первой странице «Нью-Йорк таймс» писали об ужасном пожаре в штате Миннесота. В этой стране всё было гигантское, превосходящее воображение. Эраст Петрович попытался представить себе огненный смерч в 4 мили высотой и 20 миль шириной, несущийся вперед со скоростью ветра. Пять городов выгорели дотла. В местечке Хинкли погибли все, кто не догадался забраться в колодец или в реку. Доблестный машинист, рискуя сгореть заживо, въехал на поезде в пылающий Сканк-Лейк и вывез прямо из пекла 300 человек.

На странице иностранной хроники много писали о России — как обычно, неприятное.

В польских губерниях бушует эпидемия холеры.

Император умирает в Ливадии, больше месяца не протянет. Ему наследует «кронпринц» Николай, про которого все говорят, что он слишком молод и неопытен. Царь обещал, что к тридцати годам обучит сына, как быть государем, так что Николай — недоучка, ему только двадцать шесть.

Русский анархист Унгерн-Штернберг, которого разыскивает полиция нескольких европейских стран за динамитные взрывы в людных местах, на самом деле не революционер, а провокатор и агент русской тайной полиции. Его цель — вызвать на континенте антиреволюционную истерию, чтобы державы выдавали российской прокуратуре эмигрантов по упрощенной процедуре.

А больше всего расстроила новость с Дальнего Востока. Россия решила вмешаться в японо-китайский конфликт и высылает в Порт-Артур два броненосца, чтобы не пустить в этот стратегически важный пункт воинов микадо. Ах, наломают дров петербургские умники! Они плохо понимают, во что ввязываются...

Раздался громкий звук, будто лопнула банка или бутылка.

На газету, на колени Фандорину посыпалась стеклянная крошка.

Грохот, треск, истошный вопль паровозного гудка — и все это одновременно.

Эраст Петрович поднял глаза и увидел в окне, прямо посередке, дырку, от которой лучиками расходились трещины.

Рядом немедленно появилась вторая, третья, и стекло со звоном вылетело из рамы на пол.

Выстрелов было не слышно — все звуки заглушал рев паровоза.

Вскочив, Фандорин метнулся к окну.

Увидел, что параллельно ходу поезда скачут какие-то всадники в шляпах, с черными лицами, и стреляют по вагону из ружей.

По щеке словно мазнуло огненным пальцем — пуля пролетела в каком-нибудь полудюйме, и Эраст Петрович бросился на ковер.

В голове стремительно проносились обрывки мыслей.

Что за чертовщина! Кто это такие? Что им надо? Если индейцы, то почему в шляпах? И потом, индейцы краснокожие, а у всадников лица черные! Негры, что ли?

Он перекатился по полу к соседнему окну, еще целому, выглянул.

Никакие это не негры. Просто нижняя половина лиц закрыта черными платками.

Железнодорожные налетчики, вот кто это. Про них часто пишут в газетах. Останавливают состав, грабят пассажиров, подрывают динамитом почтовый вагон и потом уходят в прерию — ищи ветра в поле.

Конные — их было не меньше дюжины — уже поровнялись с вагоном. Они скакали быстрее поезда, а треклятый паровоз некстати начал сбавлять ход.

Впереди, обогнав остальных, несся человек на рослом белом коне. Увидев в окне пассажира, разбойник выстрелил из винтовки — Фандорин еле успел отшатнуться.

Пули крушили всё вокруг: звонко разлетались зеркала, на столике лопнула китайская ваза, жалобно пискнула диванная пружина.

Двигаясь то перебежками, то ползком, Эраст Петрович переместился в столовую. Там неистовствовала какая-то вакханалия разрушения. Прямо у ног бухнулась сбитая с гвоздя картина. Стол был засыпан осколками посуды, из простреленного чайника, фыркая паром, вытекала вода.

Еще бросок, и Фандорин оказался в ванной, откуда неслись странные звуки, несколько похожие на колокольный благовест: беннь! беннь!

На полу, раскинув руки, лежал недвижный стюард. Его крахмальная манишка алела россыпью кровавых пятен.

Японца видно не было.

— Маса! — отчаянно закричал Фандорин. — Ты жив?

— Я здесь, господин.

Из-за бортика ванны высунулась стриженная ежиком голова и тут же снова спряталась, потому что о бронзу ударила очередная пуля: беннь!

— Куда ты засунул саквояж? Там мой револьвер!

Но что проку от «герсталя» в подобном положении? Далековато для прицельной стрельбы, да и разве прицелишься, когда так трясет?

А поезд, вместо того чтоб подбавить пара и оторваться от преследователей, ехал все медленней.

Передний всадник угрожающе помахал машинисту кулаком, в ответ паровоз пугливо скрежетнул тормозами.

— Так дело не пойдет, — пробормотал Фандорин, морщась при визге пули, отрикошетившей от ванной. — Маса, добудь настоящее оружие! В пассажирском есть винтовки.

Японец легко выпрыгнул из бронзовой купели, обрызгав господина водой, и зашлепал через столовую, круглый и упругий, как мяч.

Фандорин же кинулся в противоположном направлении, к паровозу.

На выходе из вагона в шею Эрасту Петровичу впилась щепка красного дерева, отлетевшая от продырявленной двери. Выдернув занозу и с досадой потрогав запачканный кровью воротничок, Фандорин прикинул расстояние до кабины машиниста.

Нужно было преодолеть засыпанный углем тендер — всего-то десяток ярдов. Но в костюме Ланцетти по углю!

Конец колебаниям положила очередная пуля, вдребезги расколотившая фонарь над головой у щеголя. Всадник на белом коне палил в него из «винчестера», несясь быстрой рысью прямо под насыпью.

Эраст Петрович рыбкой нырнул в угольную крошку. Железные борта тендера служили отличным укрытием.

Ушибаясь локтями и коленями о куски антрацита, Фандорин в полминуты добрался до кабины и, чертыхаясь, с грохотом спрыгнул на чугунный пол за спиной у машиниста и кочегара.

Те завопили от ужаса и дружно вскинули руки.

— Не стреляйте! — срывающимся голосом крикнул чумазый кочегар. — Мы тормозим, но это не так быстро!

— Я тебе заторможу! — рявкнул Эраст Петрович, сам похожий на кочегара. — А ну пáру!

Он увидел на боку у машиниста кобуру и вырвал из нее револьвер — слава Богу, длинноствольный.

Кочегар, как заведенный, принялся кидать в топку уголь, машинист всем телом навалился на рычаг, и поезд, словно споткнувшийся, но удержавшийся на ногах конь, рванулся вперед.

Высунувшись наружу, Фандорин стал целиться в ближайшего разбойника. Тот пригнулся, спрятавшись за шею коня. Выстрел — мимо. Еще один — опять неудачно. Проклятая тряска!

Эраст Петрович взялся за рукоятку обеими руками.

Рванув дверь и оказавшись внутри, Маса увидел, что все лежат на полу, прикрыв головы руками. Отстреливаться никто даже не пытается. Очевидно, поэтому и бандиты сюда не стреляли — во всяком случае, все стекла были целы.

Зато орали в вагоне так, будто их всех уже изрешетили и собираются добивать.

Язык американцев Маса знал не очень хорошо — люди этой страны разговаривали так, будто рот у них вечно набит бататовой кашей, однако слова «Black Scarfs! Black Scarfs![1]» разобрал, их повторяли на все лады.

Понятно. Это про разбойников, которые замотали свои лица.

А одна женщина (старая и некрасивая), обернувшись на голого Масу, еще закричала: «Injuns!»

Вот дура, не может отличить индейца от японца. Но фандоринскому камердинеру сейчас было не до глупостей.

Он увидел в руке у залезшего под лавку пассажира «винчестер» и потянул оружие к себе.

---

[1] Черные Платки! Черные Платки! *(англ.)*

— Прошу извинить. Очень надо.

Упрямец вцепился, и ни в какую.

— Don't! Please! They'll kill us all!

Лицо белое, губы трясутся. Пришлось его два раза стукнуть, лишь тогда отдал.

Второе ружье (хороший «ремингтон» солидного калибра) обнаружилось на багажной полке, там же патронташ.

Вооружившись, Маса выскочил из вагона на сцепную площадку и выпалил разом с обеих рук. Это было ошибкой. Во-первых, ни в кого не попал, во-вторых, отдачей чуть не скинуло под насыпь.

Тогда отложил тяжелый «ремингтон», заставил себя не думать о визжащих вокруг пулях и приложился к «винчестеру». Главное было слиться с вагоном в одно целое, почувствовать себя частью поезда.

Повел ствол за всадником, как на утиной охоте. Мягко нажал спуск.

Очень хороший выстрел — лошадь поскакала дальше, а человек в черном платке покатился в траву.

Интересно было опробовать и «ремингтон».

Поезд дернулся, поехал быстрее. Всадники сначала будто застыли на месте, потом стали понемногу отставать. Целиться было удобно.

Ба-бах!

Ну и отдача! Зато бандит грохнулся вместе с конем. Хорошо стрелять из 50-го калибра.

Японцу приглянулся человек на белом коне. Тут Маса немножко поторопился — только шляпу сбил.

А больше пострелять не получилось.

Обесшляпленный всадник натянул поводья, подняв своего белого на дыбы, закричал что-то, замахал рукой, и все остальные тоже враз повернули лошадей. Разогнавшийся поезд моментально оставил банду позади.

— Кровавый ад! — передернулся кочегар, доставая из кармана бутылку и жадно прикладываясь к горлышку.— Не верю... Отстали!

Машинист боязливо высунулся, глядя через плечо Фандорина.

— У вас м-мушка сбита, — вернул ему «кольт» Эраст Петрович, недовольный тем, что промазал. — Кто были эти люди?

— Банда «Черные Платки». В прошлом месяце они ограбили курьерский поезд «Юнайтед Трансконтинентал». Убили почтальона и взяли мешок с серебряной монетой. Про них рассказывают, что они никогда не открывают лиц. Даже друг перед другом.

В голосе железнодорожника звучали страх и восхищение.

— Если это правда, то, наверное, они совсем м-молоды. Интересничают. — Фандорин пожал плечами. — Все время быть в платке, должно быть, очень утомительно.

— Ну и что, если молоды? Билли Кид прожил всего двадцать лет, а успел угрохать двадцать человек. Великий Джесси Джеймс устроил первое побоище, когда ему едва сравнялось семнадцать. — Машинист взял у кочегара бутылку, тоже отпил. — Фуу, ну и гадость ты пьешь! Молодые бандиты, они самые опасные. У них мозгов нет. Смерть им нипочем. Что чужая, что своя.

— Не в том дело, босс, — возразил кочегар. — Это всё из-за истории с фотографией. Великие грабители Сандэнс Кид и Батч Кассиди с товарищами сделали в ателье снимок на память, а теперь по этой карточке их ищут все шерифы и «пинки» штата Вайоминг. Урок для бизнесмена с большой дороги: не показывай рожу — целее будешь.

Дорога сделала крутой поворот, огибая холм, и стал виден весь недлинный состав. С площадки между салон-вагоном и пассажирским высунулся голый Маса, помахал рукой.

— П-поразительно, — пробормотал Эраст Петрович.

— Что живы остались? Это уж точно. Нате-ка, сэр, хлебните.

Кочегар совал свою бутылку. Обижать человека не хотелось, хоть из горлышка несло самой незамысловатой сивухой.

Фандорин сделал вид, что отпивает, а сам не сводил глаз с вагонов.

Пассажирский и почтовый были совершенно целы, ни единого пулевого отверстия. Зато чудо-вагон походил на золоченое ситечко для заварки — весь в дырках.

Полковник Стар

До Круктауна он так и доехал на паровозе. Возвращаться в расстрелянный вагон, где на полу валялся труп несчастного стюарда, не хотелось. К тому же разговор с паровозной бригадой обогатил Эраста Петровича кое-какими полезными сведениями.

Так, он узнал, что Круктаун — последний оплот цивилизации. Назван в честь победителя индейцев великого генерала Крука. Железная дорога там кончается, дальше только горы, у подножия которых разбросаны крошечные городки, где нет ни закона, ни порядка, а жители немногим лучше краснокожих дикарей. Нормальные люди без крайней необходимости в те места не заезжают.

Про потенциального клиента, Мориса Стара, железнодорожники говорили с уважением. Человек огромного богатства, на него работают тысячи людей, и все довольны — хорошо кормит, хорошо платит. Настоящий джентльмен. Если б захотел, стал бы губернатором, но не хочет, потому что все время в разъездах: в Блэк-Хиллз у него угольные шахты и золотодобыча, в Скалистых горах — серебряные копи.

За разговором остаток пути пролетел незаметно. Один раз наведался Маса, по-прежнему в чем мать родила — чтоб не испачкать об уголь одежду. Принес бутылку вина и чудесный окорок, сбоку немножко забрызганный кровью покойного стюарда. Эраст Петрович от такого угощения воздержался, а паровозные ничего, обрезали краешек ножом и с аппетитом поели.

Наконец впереди появился огромный щит с гордой надписью: «САМАЯ БОЛЬШАЯ СТОЛИЦА ГРАФСТВА

В ВАЙОМИНГЕ. 2132 ЖИТЕЛЯ», а дальше уже виднелись дома и станция.

На платформе стояла густая толпа — очевидно, всё население «самой большой столицы». Поездной почтальон отправил с полустанка телеграмму о банде, и круктаунцы высыпали поглазеть на подвергшийся нападению поезд.

— Как героев встречают, — приосанился машинист, надел поверх комбинезона сюртук, выпустил из кармана часовую цепочку.

Кочегару принарядиться было не во что — он просто подкрутил усы и сдвинул набекрень замызганную шляпу

— Сам мистер Стар пожаловал. Пускай полюбуется, как Черные Платки ему вагон разукрасили. Да вы на мэра смотрите, а полковник — вон он, в сторонке от всех, видите?

Вокруг человека, на которого кочегар тыкал своим черным пальцем, действительно, сохранялась почтительная дистанция, которой он, казалось, не замечал.

Высокий, худой, с седой козлиной бородкой, Морис Стар был вылитый «дядя Сэм» с плаката, разве что очки лишние. Скрестив длинные руки, он сосредоточенно разглядывал изуродованный вагон, на Фандорина даже не посмотрел. Оно и понятно. Кому бы пришло в голову, что чумазое чучело, торчащее на ступеньке паровоза, и есть знаменитый бостонский сыщик?

Зато Маса, сошедший на перрон с важностью царственной особы, успел и умыться, и приодеться. Он был в песочном клетчатом костюме, соломенном канотье, белых гамашах, а в руке нес трость своего господина.

Полковник с любезной улыбкой двинулся ему навстречу, да вдруг остановился и поправил очки — не ожидал, что «мистер Фэндорин» окажется азиатом.

Эраст Петрович разрешил затруднение клиента, подойдя и представившись.

— I beg your p-pardon for this attire, — присовокупил он со смущенной улыбкой. — You can see for yourself, that the final leg of my journey was not exactly a picnic[1].

[1] Прошу извинить за такой наряд. Сами видите: последний отрезок путешествия мало походил на пикник *(англ.)*.

Стар обернулся к непрезентабельному Фандорину и вдруг на чистейшем русском языке произнес:

— Батюшки-светы! На кого вы похожи! Простите, не знаю, вашего отчества.

— Петрович. Эраст Петрович, — ответил тот после секундного замешательства. — Вы, вероятно, долго жили в России?

Полковник засмеялся.

— Я русский. «Морисом Старом» сделался только в Соединенных Штатах. В этой стране человека не могут звать Mavrikyi Christophorovich Starovozdvizhenskyi. Пока представишься, тебя уже обскакали, а то и пристрелили. Тут рассусоливать времени нет.

Он сделал несколько быстрых шагов вперед, окинул состав острым, моментально всё схватывающим взглядом.

— Я вижу, телеграмма не совсем точна. Бандиты напали не столько на поезд, сколько на мой вагон. Наверное, думали, что в нем еду я. Полагаю, выкуп за самого себя обошелся бы мне в кругленькую сумму... — Маврикий Христофорович Старовоздвиженский покаянно приложил руку к груди. — Виноват. Из-за меня вы чуть не лишились жизни. Я учту нанесенный вам ущерб при расчете.

Фандорин собирался сказать, что безвозвратно загубленный костюм стоил 99 долларов, но сейчас это прозвучало бы некстати — из вагона выносили беднягу стюарда. Зеваки придвинулись ближе, жадно разглядывая мертвеца.

— Жалко Стэнфорда. — Полковник снял цилиндр. — Трое детей... Я, конечно, позабочусь о них, но отца деньгами не заменишь...

Однако настроения у этого господина менялись стремительно. Только что чуть слезу не уронил, а в следующую секунду уже с любопытством разглядывал Масу.

— Это, должно быть, ваш помощник? Читал о вас в газетах, сударь. Вы понимаете по-русски?

Он пожал камердинеру руку. Тот с важным видом приподнял канотье и поклонился.

— Ладно, господа. Поспешим. Нас ждет коляска.

Было видно, что бывший Маврикий Старовоздвиженский, в самом деле, рассусоливать не привык.

— Вы хотели нанять именно меня, потому что я тоже русский? — спросил Эраст Петрович, когда они отъехали от станции.

— Дело не во мне. — Маврикий Христофорович правил открытым экипажем сам, это получалось у него очень ловко. — Я на национальность внимания не обращаю, лишь бы человек хорошо знал свое дело. Но жители Дримвэлли — другое дело. К американцам они относятся подозрительно. Поверят только своему брату, природному русаку. Однако про Дрим-вэлли я вам объясню чуть позже. Сейчас мы заедем ко мне. Потолкуем, пока вы будете умываться и переодеваться. Про себя можете не рассказывать. Осведомлен — благодаря газетам. Если позволите, скажу несколько слов о моей скромной персоне. Чтоб вам были понятны мои мотивы.

Пока ехали, Стар рассказал про себя. Коротко, но ясно.

Начал с неожиданного вопроса:

— Чернышевского читали? Роман «Что делать?»?

— Да. Еще в г-гимназии.

— А я впервые только здесь, в Америке. И поразился — будто про меня написано. Как Лопухов в Америку уехал, помните? А про «разумного эгоиста»? Я для себя эту формулу еще будучи студентом вывел. Что хорошо житься на свете мне будет только тогда, когда вокруг не станет сирых и обездоленных. И нужно это не им, а мне самому. Для морального комфорту. Иначе кусок в горло не полезет, сколько его маслом ни намазывай. — Полковник

усмехнулся. — Славный я был юноша, только очень уж арифметический. Всех людей мечтал в одно уравнение выстроить, под формулу «свобода-равенство-братство» подогнать. Собирался посвятить свою жизнь борьбе с крепостным рабством. Но крестьян царь-батюшка и без меня освободил. Тогда я отправился в Америку, сражаться за освобождение чернокожих рабов. Не смейтесь, — сказал он, хотя Фандорин и не думал смеяться. — Двадцать лет мне было. Величайшей книгой в те годы я почитал «Хижину дяди Тома», слезы над ней лил.

Он фыркнул над своим былым прекраснодушием, и Эраст Петрович воспользовался паузой, чтоб спросить:

— А п-почему вас называют «полковником»?

— Знаете, во время войны между Севером и Югом добровольцам давали временные звания — так называемые бреветные. Солдат-то было много, а кадровых офицеров мало. Ну, я и довоевался до бревет-полковника. Глупый был, храбрый. В двадцать лет мало кто смерти боится.

Эту мысль Эраст Петрович сегодня слышал уже во второй раз.

— А теперь боитесь?

— Боюсь, — без колебаний признался Стар. — Столько дел надо переделать, умирать жалко.

У Фандорина возник еще один вопрос:

— Про формулу «свобода-равенство-братство» вы отозвались как-то иронически. Разочаровались, что ли?

— Увы. Это великая иллюзия. Нет ни свободы, ни братства, ни равенства. Судите сами. Ответственный человек не может быть свободным от долга и обязательств, а людям безответственным грош цена. Согласны? Теперь по поводу братства. Когда все люди тебе братья — значит, никто тебе не брат. Родных и любимых не может быть много. С равенством тоже не получается. Люди неравны, и никогда один из них не заменит другого. Это научный факт. И слава Богу, что нет никакого равенства. Есть люди сильные и везучие, вроде нас с вами, — дружелюбно улыбнулся полковник. — С таких и спрос боль-

ше. Они должны выкладываться на всю катушку и помогать слабым, но только не делая из них паразитов, не унижая подачками с барского стола.

— И как вам, удается? С вашими шахтами и копями?

Стар будто не расслышал сарказма. Немного подумал, что-то прикинул, кивнул.

— Пожалуй, удается. Для «разумного эгоиста» Америка — отличная страна. Дел прорва, не меньше, чем в России, но власть не ставит предпринимателю палки в колеса. Особенно хорошо работать у нас на Западе. Лучшее на земле место для сильного и везучего. Вот смотрите. На меня работает пять тысяч человек. Я — капиталист? Да. Эксплуататор? Нет. Двадцать процентов прибыли трачу на расширение производства, десять — на личные нужды, это по-честному. А всё остальное идет на оплату труда и улучшение жизни моих работников. У меня каждый получает по труду, по заслугам. Так что, считайте, я на своих предприятиях воплотил основной принцип социализма.

Задорно блеснув стеклами, Маврикий Христофорович расхохотался, а Фандорин внес коррекцию в первоначальное впечатление: этот человек похож не на «дядю Сэма», а на поседевшего Чернышевского — бородка, очочки, насмешливый тонкогубый рот.

— Вот и мой дом, — объявил полковник, направляя коляску в ворота, за которыми густо зеленели еще не тронутые осенью деревья.

После чудо-вагона Эраст Петрович ожидал увидеть нечто грандиозное — какой-нибудь колоссальный нуворишеский дворец, но дом магната оказался совсем невелик.

— Я вроде Петра Первого, — усмехнулся Стар, поймав удивленный взгляд гостя. — В личной жизни излишеств не признаю. Здесь мой Монплезир, где мне хорошо и уютно.

— Не признаете излишеств? А вагон?

— Это для пускания пыли в глаза. Приедешь на таком в Вашингтон, Нью-Йорк или Чикаго, сразу видно — со-

лидный человек прибыл. Погодите, вы еще моей кареты не видели. Это, доложу я вам, нечто. Потом продемонстрирую, а пока — милости прошу.

Дом был хоть и скромен убранством, но очень умно спланирован и оснащен всеми современными удобствами. Электричеству, телефону и телеграфному аппарату Фандорин не удивился, но в ванной имелся настоящий douche с горячей водой. Это на диком-то Западе!

Пока гость отмывался от угольной пыли, а потом занимался своим туалетом и одевался в свежее, хозяин находился здесь же, в ванной, так что беседа ни на минуту не прерывалась.

— Как вы уже могли заметить, я алчен на время, поэтому желал бы перейти к сути дела, — сказал Стар, усаживаясь на табурет подле умывальника. — Надеюсь, вы не стеснительны?

И поведал следующее.

В тридцати милях от столицы графства расположена горная долина Дрим-вэлли. Там уже четверть века обитает русская община. В идеалистические 60-е годы большая компания мечтателей обоего пола отправилась в Новый Свет строить земной рай, по заветам Фурье и Чернышевского. Молодые люди предпочли бы создать свой фаланстер на родине, но это было небезопасно. Над их кумиром Чернышевским уже витала тень Петропавловки, горячие головы из числа нигилистов начинали перешептываться о тираноубийстве. Будущие же коммунары причисляли себя не к разрушителям, а к созидателям и свято верили в непротивление Злу насилием.

— Между прочим, правильно сделали, что уехали. Вовремя, — заметил Маврикий Христофорович. — После выстрела Каракозова их бы всех, не разбирая, отправили «мирно созидать» на сибирскую каторгу.

Первоначально поселенцев было двадцать человек: четырнадцать мужчин и шесть девушек. Они хотели основать ячейку нового жизнеустройства, которое зиждилось бы на честном и здоровом труде. Без эксплуатации, без

семейного рабства. Всё общее: земля, скот, инструменты, дети. Из личного только одежда, обувь и предметы интимного туалета.

Председателем выбрали некоего Кузьму Лукова. Он единственный среди этой городской молодежи разбирался в сельском хозяйстве, ибо был сын мельника и студент Петровской земледельческой академии.

Кое-какие деньги у мечтателей были, ведь некоторые из их числа принадлежали к хорошим фамилиям. Переселенцы вполне могли бы купить плодородный участок где-нибудь на обжитом Востоке, но собственность на землю противоречила их воззрениям, поэтому молодые люди отправились на Дикий Запад, в Монтану, где земля была свободная и бесхозная.

— Поразительней всего, что их не прикончили краснокожие. Ведь у наших идиотов даже оружия не было. — Полковник комично почесал бороденку. — Объяснение могу предложить только одно: у индейцев сиу почитается моветоном обижать малахольных.

Новоявленные фермеры были неопытны и порядком бестолковы, но зато прилежны, а не ведавшая плуга земля плодородна. Дело уже начинало идти на лад, когда грянула беда. Какой-то бессовестный делец, воспользовавшись беспечностью коммунаров, оформил распаханные угодья на себя — ведь юридически они оставались ничейными. Последователям Чернышевского пришлось уходить, бросив постройки и несобранный урожай. Положение их было отчаянным. Тут-то на помощь соотечественникам и пришел Маврикий Христофорович, к тому времени уже достигший кое-каких успехов на ниве предпринимательства.

— Я строил неподалеку отсюда железную дорогу. Ну и помог недотепам обосноваться в Дрим-вэлли. Подумал: местечко тихое, спокойное, на отшибе, никто их тут не тронет. Для земледелия рай. В те годы владелец охотно продал бы всю долину целиком, за гроши, но ведь наши умники не признавали собственности! — Стар безнадеж-

но махнул рукой. — Ладно, взяли они полдолины в долгосрочную аренду. Стали выращивать рожь, разводить овец. Прижились, обустроились. Назвали свою коммуну «Луч света». Из России к ним потянулись такие же блаженненькие. Дело пошло на лад — не без моей, конечно, помощи. Рационального рая, какой грезился Николаю Гавриловичу Чернышевскому, у них не получилось, но зато равенства и братства хоть отбавляй. Денег внутри коммуны не существует вовсе. Председатель — единственный, кто изредка покидает пределы долины. Вывозит продукцию, продает, а на выручку закупает для фермы все необходимое. Трудятся все наравне. У кого работа получается лучше, тот удостаивается особой чести: имя труженика торжественно объявляют вслух на общем собрании. Никакого специального вознаграждения не предусмотрено, лишь восхищение товарищей.

— Судя по вашей улыбке и юмористическому тону, не все в жизни к-коммунаров так уж безоблачно, — заметил Фандорин. Он посматривал на рассказчика в зеркало, а слуга ловко брил его острейшим японским кинжалом.

— Понимаете, выяснилось, что денежные отношения истребить гораздо легче, чем межполовые. Кто бы мог подумать? — Стар изобразил простодушное изумление. — Идея бессемейного сосуществования дала довольно причудливые всходы. Сначала женщины как равноправные товарищи тоже хотели пахать землю. Но сила у барышень не та, ручки тонковаты. Пришлось пересмотреть систему. Женщины получили статус «домодержательниц». Мужчины там живут все вместе, в общежитии, а дамам выстроили по дому, где каждая — хозяйка, сама устраивает уют и готовит пищу. Работники вольны выбирать, в каком из домов им отдыхать и столоваться. Кто из хозяек приветит больше мужчин, той и почету больше. Ничего игривого такая система не предполагала. Но жизнь есть жизнь. Очень скоро вместо здоровой соревновательности между женщинами возникло соперничество совсем иного рода. Да и мужчины выбирали хозяйку, руководству-

ясь не только запросами желудка... Молодые ведь все, а коммуна — не монастырь. В общем, через некоторое время образовался в «Луче света» род пчелиного царства. В каждом улее, то бишь доме, своя пчеломатка, а вокруг нее несколько приходящих супругов. Женщин в долине всегда было меньше, чем мужчин.

Маса, до сего момента интереса к рассказу не проявлявший, навострил уши.

— Инчересно, — сказал он, не донеся намыленную кисточку до щеки господина. — И все стари друг друга убивачь?

— Представьте себе, нет. Ведь люди-то сознательные, передовые. Сплошь одни господа Лебезятниковы, если вы помните сего персонажа из романа «Преступление и наказание». Ревность и моногамия в коммуне строжайше воспрещены как общественно опасные явления. Пара, которая не желает делиться своей любовью с товарищами, из коммуны исключается и должна навсегда покинуть долину. Детей воспитывают общими усилиями. Мать ребенка известна, а все мужчины считаются его отцами или братьями, в зависимости от возраста.

— Что происходит, когда дети вырастают? — спросил Эраст Петрович. — Неужто им не хочется вырваться из этого... к-коллектива в большой мир?

— Некоторым хочется. Но очень скоро почти все возвращаются обратно. В большом мире одиноко, да и страшно, если привык жить среди своих.

— И много жителей в к-коммуне?

— Полсотни взрослых, десятка два детей. Хотя взрослые там — те же дети. Непрактичные, неспособные за себя постоять. — Полковник уже не улыбался, его лицо стало озабоченным. — И кто-то решил этим воспользоваться. Я обратился к вам, потому что «Луч света» нуждается в защите. Коммунаров терроризируют бандиты. Та самая шайка, что пыталась захватить поезд — Черные Платки. Появилась она недавно, никто про нее толком ничего не знает. Некоторое время назад ограбили почтовый вагон. Сегодня вот снова совершили нападение на

железную дорогу. Предположительно логово у них в Дрим-вэлли, но наверняка это неизвестно.

Эраст Петрович задрал подбородок, чтоб Масе было удобнее завязывать галстук.

— Я не понимаю. Зачем вам понадобился сыщик? Почему просто не обратиться в полицию?

— Здесь вам не Бостон и не Нью-Йорк. Полиции как таковой нет. В соседнем с долиной городке Сплитстоуне есть маршал, но он не может навести порядок даже на собственной территории. В графстве Крук есть федеральный маршал, но и он не станет ничего предпринимать, пока не получит доказательств.

— Доказательств чего?

— Что банда действительно обосновалась в Дрим-вэлли. Тут есть одна трудность. — Стар нервно поморщился и хрустнул длинными пальцами. — Никто не верит, что Черные Платки прячутся в долине. Русские доверием у властей не пользуются, их считают безбожниками и подозрительными чудаками. Ситуация и в самом деле странная. Понимаете, в Дрим-вэлли живут и другие арендаторы, община мормонов. Они не только не видели там бандитов, но и уверяют, что никаких Черных Платков в долине быть не может.

— А велика ли долина?

— В том-то и дело, что мала. От края до края мили три-четыре. Кто-то из двоих лжет — или коммунары, или мормоны. С какой целью, непонятно. Вот я и хочу, чтобы вы разрешили эту загадку. Если шайка действительно терроризирует наших социалистов, ее нужно образумить. Не удастся добром — значит, силой.

Эраст Петрович ненадолго задумался.

— В каких отношениях мормоны с русскими?

— В скверных. Точнее сказать, отношений нет. Коммунары считают соседей невежественными мракобесами. А сами они для мормонов — прихвостни Сатаны. Прибавьте к этому вечные раздоры из-за спорных земельных участков.

Дело показалось Фандорину до того прозрачным, что он лишь головой покачал. Тоже еще «загадка». Примитивное уравнение с одним неизвестным. Он хотел язвительно спросить: «А вам не приходило в голову, что черный платок на физиономию может привязать кто угодно?» Но задал другой вопрос.

— Маврикий Христофорович, а что вам-то за интерес влезать в эти д-дрязги? Вы же разумный эгоист, а не альтруист.

Стар смущенно кашлянул:

— Ну да, я эгоист. Забочусь о собственном покое. Кузьма Кузьмич, председатель, ужасно прилипчивый субъект. Замучил меня своими жалобами, житья от него нет. Помогите, спасите, на вас вся надежда. По-своему он прав. Это ведь я в свое время нашел для него долину, помогал обустроиться. Значит, несу ответственность. Они не на шутку перепуганы, бежать оттуда хотят... Эх, нужно было в свое время не слушать этих юродивых, а выкупить долину на мое имя, и пусть жили бы себе. Теперь поздно. Я недавно заикнулся об этом владельцу, Корку Каллигану, так чертов ирландец затребовал сумасшедшие деньги. Вся территория, вместе с мормонской половиной, не стоит и десяти тысяч, он же требует сто. Потакать своей совести за сто тысяч долларов — это уж, извините, эгоизм чересчур неразумный. За такую сумму можно скупить все горные долины штата Вайоминг. Кому они нужны? Однако бросать в беде несчастных дураков тоже нельзя. Последний раз их выручаю, честное слово! Если, конечно, вы согласитесь взяться за это заковыристое дело. А не возьметесь — право, пошлю их к черту. Пусть пропадают пропадом. Надоели.

Он поглядел на Эраста Петровича, так неумело изображая жестокосердие, что Фандорин улыбнулся. «Разумный эгоист» был ему симпатичен.

— Хорошо, попробую разобраться. П-полагаю, много времени это не займет.

— Правда?! Дорогой вы мой! Камень с души снимете.

Маврикий Христофорович ужасно обрадовался и сделался суетлив, будто боялся, что сыщик передумает. Подскочил к Фандорину, помог продеть руку в рукав сюртука и чуть не подталкивая поволок к двери.

— Тот чек останется у вас. Это, как я и обещал, компенсация за утруждение. Что согласились приехать. Вот вам еще один чек — аванс и на расходы, — совал он в карман Эрасту Петровичу бумажку. — А закончите дело — рассчитаемся окончательно, внакладе не останетесь, слово Мориса Стара. Отправляйтесь в Сплитстоун, там придется купить лошадей, иначе в Дрим-вэлли не проедешь. Я останусь здесь — дел много, да и что вам от меня проку? Но до Сплитстоуна доедете с комфортом, я одолжу вам свою разъездную карету. Отличнейшее транспортное средство, сами увидите! Идемте, идемте, а я пока расскажу вам про владельца долины...

Когда они вышли к воротам, там действительно уже дожидался запряженный экипаж. При первом взгляде на него Эрасту Петровичу показалось, что, подобно Фениксу из пепла, возродился загубленный салон-вагон. Та же золотая эмблема со звездой, сияющие лаком стенки, хрустальные фонари по углам. Лишь размер чуть поменьше, да спереди не паровоз, а четверка першеронов. Зато кучер в цилиндре и белых перчатках.

— Вот он, мой катафалк, — с гордостью объявил полковник. — Второго такого во всем мире не сыщете. Изготовлен по специальному заказу в Лондоне. Пускай в Сплитстоуне к вам отнесутся с почтением. На Западе, как везде: встречают по одежке. А публика там скандальная, сами увидите... Ну, езжайте с Богом, хоть я в Него и не верю. Помогите соотечественникам. Кто ж их выручит, если не мы с вами?

Он крепко пожал Фандорину руку. Потом вдруг улыбнулся и доверительно сказал:

— Знаете, уезжал из России — не оглянулся. И не был с тех пор ни разу. Всегда считал: где делаешь дело, там тебе и родина. А тут последнее время ловлю себя на странном чувстве. — Он понизил голос, словно признавался в

чем-то не вполне приличном. — Россию жалко. И вроде как виноват перед ней в чем-то. Старею, наверное. Сентиментален становлюсь. Вот мы с вами, сильные да везучие, ее бросили. И всё у нас замечательно. А она пропадай, что ли?

— Не будем п-преувеличивать собственную значимость, — ответил Эраст Петрович с некоторым раздражением — «странное чувство», о котором говорил мистер Стар, было ему не вполне незнакомо. — Пережила как-то и Батыя, и Смутное Время. Без нас с вами. Россия — д-дама с характером.

Но Маврикий Христофорович его, кажется, не слушал. Переменчивое настроение полковника снова сделало зигзаг. Стар глядел через плечо собеседника и хитровато щурился, будто осененный неожиданной идеей.

— Кстати о дамах с характером, — прошептал он. — Поглядите-ка вон на ту рыжеволосую красотку.

Напротив ворот особняка находилась гостиница «Маджестик», импозантное трехэтажное здание парижской архитектуры. Перед стеклянными дверями стояла потрепанная, но добротная коляска, запряженная парой чудесных огненно-рыжих лошадок. Рядом прохаживалась девушка в дорожном платье и шляпке, из-под которой выбивались пышные локоны точно такой же пламенной масти. Барышня покрикивала на гостиничных боев, которые укладывали в коляску многочисленные свертки и коробки, а сама с любопытством разглядывала карету мистера Стара. Подошла ближе, дотронулась рукой до сверкающей дверцы, восхищенно покачала головой. Полковника и Фандорина, стоявших в тени ворот, она не приметила.

— Очень кстати, — все так же тихо сказал Маврикий Христофорович. — Это мисс Эшлин, дочка старого Корка Каллигана, владельца Дрим-вэлли. Очевидно, приезжала в Круктаун за покупками, а теперь собирается домой, на ранчо. Может быть, подвезете даму? Что ей трястись в таратайке по пыльной дороге? — Стар подмигнул. —

А заодно потолковали бы про покупку долины. Говорят, папаша в дочке души не чает. А?

— Я не подряжался вести коммерческие п-переговоры, — сухо ответил Фандорин, пытаясь рассмотреть, хороша ли барышня. Далековато было, да и не стояла она на месте — все время вертелась.

— Это не поручение, а просьба, — проникновенно молвил полковник. — Если бы ирландец продал мне долину, я бы сумел навести там порядок — на правах собственника. Не для себя ведь стараюсь — для соотечественников...

Девушка наконец оборотилась лицом. Присела на корточки, двумя руками покачала колесо — проверяла мягкость рессор.

Ценитель красоты Маса так и впился в нее немигающим взглядом. Значит, хорошенькая.

— Разве что ради соотечественников, — сухо молвил Фандорин. — Но согласится ли мисс Каллиган сесть в карету к незнакомому мужчине?

Жемчужина прерий

Задача была не из простых. Как завести разговор с барышней, если вы ей не представлены?

Мистер Стар от этой скользкой миссии уклонился, сославшись на свои непростые отношения с Каллиганом-старшим. Еще раз скороговоркой пожелал Фандорину успеха в благородном деле, да и ретировался за ворота.

Эраст Петрович остался стоять один. Ему в голову пришла недурная мысль: вот было бы замечательно, если б мисс Каллиган что-нибудь уронила. Он поднял бы, она бы поблагодарила. Слово за слово — знакомство бы и завязалось.

Но Эшлин Каллиган, к сожалению, не желала облегчать Фандорину задачу. Судя по ловким, уверенным движениям, эта девушка редко что-либо роняла.

Потрогала пальчиком бронзовую львиную морду на ступице колеса. Выпрямилась, обошла карету сзади. Тут ее заинтересовал багажный отсек. Она приподнялась на цыпочки. Не хватило роста — подпрыгнула.

Юные леди Бостона и Нью-Йорка, не говоря уж о европейских, не ведут себя на улице столь непосредственно. А что если, учитывая отдаленность от очагов цивилизации, просто подойти, приподнять шляпу и сказать что-нибудь непринужденное, заколебался Эраст Петрович.

В эту минуту кучер и Маса стали пристегивать к задку экипажа чемоданы. Мисс Каллиган с любопытством уставилась на японца, который делал вид, будто не обращает на нее внимания. Потом вдруг обернулась, заметила томящегося в нерешительности Фандорина и воскликнула:

— Это ваш китаец? Какой смешной! Вы что, поедете на карете полковника Стара? А вы ему кто?

Лишь красивая молодая женщина может позволить себе подобный стиль поведения, не впадая в бесцеремонность или вульгарность, подумал Эраст Петрович и сделал несколько шагов вперед.

Во-первых, приподнял цилиндр. Во-вторых, представился. В-третьих, объяснил, что Маса не китаец, а японец. В-четвертых, сообщил, что направляется в Сплитстоун. В-пятых, хотел сказать, что является деловым партнером мистера Стара, но не успел, потому что, услышав про Сплитстоун, девушка всплеснула руками:

— Ой, правда? Так нам же по дороге! У моего папы около Сплитстоуна ранчо, «Дабл-си». Наверное, слышали. Нет? Ну как же, на наших коровах тавро «Две луны», все знают. Я — Эшлин Каллиган. Раз нам по пути, можно я с вами в карете поеду? Я столько про нее слышала! — Когда чуть опешивший Фандорин не ответил, она схватила его за руку. — Ну пожалуйста!

А Эраст Петрович все не мог произнести ни слова. Не от растерянности. Просто несколько оцепенел при виде такой красоты.

Если б кто-нибудь увидел мисс Каллиган на фотографии, то вряд ли счел ее красавицей: скулы широковаты,

рот чересчур, почти по-африкански сочен, да еще россыпь веснушек на носу. Но зато талантливый художник, особенно импрессионистского направления, непременно попытался бы ухватить сияние, исходящее от этого лица; полные чувства ярко-зеленые глаза; белизну кожи; эманацию радостной, полнокровной жизни; ну и конечно, ореол непокорных рыжих волос, так и вспыхивающих на солнце. Росту Эшлин была высокого, почти вровень с Фандориным, а пальцы, сжавшие ему запястье, пожалуй, без труда раздавили бы грецкий орех.

Эраст Петрович вспомнил песенку, которую пару лет назад исполняли в парижских кафешантанах. Она называлась «Жемчужина прерий», в ней пелось про отважного охотника на бизонов, которого погубила краснокожая разбивательница сердец.

Ужель не увижусь с тобой?
Не снесть мне ужасной потери!
Пронзила мне сердце стрелой
Жемчужина красная прерий.

Помнится, шансонетка показалась ему не только безвкусной, но и глупой: жемчужины не бывают красными, да и водятся, как известно, на дне моря, а не в прериях. Однако знакомство с Эшлин Каллиган заставило Эраста Петровича переменить суждение.

— Я сам хотел просить вас об этом, — поклонился он. — П-почту за честь и удовольствие.

Барышня взвизгнула от восторга.

— Правда, можно? Эй, парень! — немедленно махнула она кучеру. — Привяжи моих лошадок сзади. Они смирные, побегут, как цыпочки... Ну что же вы, мистер Фэндорин! Дайте руку!

На локоть Эраста Петровича она оперлась только для виду, потому что отлично могла подняться на ступеньку и без мужской помощи. Немножко растянула прикосновение (тоже безо всякой нужды), слегка пожала предплечье, словно проверяя крепость мышц. Занесла ножку, край юбки подняла так высоко, что Фандорин моргнул. Ангельски улыбнулась ему глаза в глаза.

И лишь после всех этих виртуозно исполненных маневров легко впорхнула в растворенную дверцу.

Прямо перед носом у Эраста Петровича качнулся круглый, эффектно обтянутый зеленым шелком деррьер, и изнутри кареты донесся восхищенный вопль:

— Уау! Прихожая с зеркалом!

Фандорин поднялся в экипаж.

Действительно, сразу над лесенкой располагалась обитая муаровой тканью каморочка с большим зеркалом, в котором отразилось слегка покрасневшее лицо детектива. Эраст Петрович поправил правый ус, слегка отклонившийся от симметрии, и повернул на звонкий голос:

— Кровать! А какая мягкая!

Не может быть, подумал Фандорин, заглянул за портьеру и увидел, что в великолепном салоне имелся не только альковчик с самой настоящей кроватью, но стол со стульями, диван и даже маленькая плита с медной трубой!

Кучер щелкнул кнутом, могучие першероны взяли с места, и фантастическая карета, слегка качнувшись, отправилась в путь. Под потолком бесшумно закрутились лопасти веера, который, как определил опытным взглядом Эраст Петрович, несомненно получал энергию от вращения колес. Отличное инженерное решение!

Да уж, подобных экипажей Фандорину видеть еще не доводилось.

Впрочем, подобных барышень тоже.

Мисс Каллиган не угомонилась, пока не сунула нос во все шкафчики и все дверцы. За одной из них обнаружился ватер-клозет, но это вызвало у жемчужины прерий не смущение, а лишь очередной взвизг восторга:

— Фарфоровый толчок! А куда девается дерьмо?

Слава Богу, ответ на этот вопрос Эшлин нашла сама — звук хлынувшей воды был заглушен новым «уау!» и рукоплесканием.

Это не барышня, решил Фандорин. Это степная дикарка или, выражаясь по-русски, простолюдинка. Про-

сто в шелковом платье и с золотыми часиками, но безо всякого воспитания и понятия о приличиях.

Он постарался припомнить всё, что Стар успел сообщить о семействе Каллиганов.

Старый Корк Каллиган начинал простым погонщиком, водившим стада из Техаса на север. Потом обзавелся собственным ранчо. Нашел золото в горной долине, выкупил ее у индейцев и назвал Дрим-вэлли, то есть Долина Мечты. Однако месторождение быстро иссякло. Несколько лет спустя богатую жилу обнаружили неподалеку, в Черных Горах. Корк понял, что поставил не на ту лошадь, и потерял к Дрим-вэлли всякий интерес. С тех пор он верит только в «рогатое золото», которое сделало его богатейшим скототорговцем во всей округе. У старика три взрослых сына, и каждый при деле. Старший собирает коровьи гурты в Техасе; средний управляет бойней в Чикаго; младший строит консервный завод в Миннеаполисе. Каллиганы задумали прибрать к рукам всю мясопромышленную цепочку, от пастбища до магазинного прилавка.

Что еще рассказывал полковник?

Для осуществления своего честолюбивого проекта Корк занял много денег в банке, очень нуждается в капитале, из-за чего, по мнению Стара, и требует за Дрим-вэлли такие несусветные деньги.

А про дочку Маврикий Христофорович не говорил ни слова — пока не увидел ее перед отелем «Маджестик».

Мисс Каллиган болтала без умолку. Задавала вопросы, сама же на них отвечала, ничуть не смущалась немногословностью собеседника.

— А вы заика, да? Какая жалость! Такой импозантный мужчина! Это у вас с рождения? У нас один парень, Сэмми как его дальше, забыла, тоже стал заикой, когда его мустанг копытом ударил. И девчонка одна в пансионе. Ну это уж я виновата. Ночью завернулась в простыню, в кувшин медный завыла: у-у-у! Сюзи Шортфилд, жуткая дура, так перепугалась, что потом только бее-бее, а сказать ничего не может. Умора! Ее старик хо-

тел на моего папу в суд подавать. Мистер Фэндорин, вы в тюрьме когда-нибудь сидели?

Кто такая Эшлин Каллиган по нашим, русским понятиям, размышлял Фандорин, вежливо кивая. Дочь купца-скоробогатея, какого-нибудь сибирского мужика, наторговавшего на пушнине или китайском чае миллион. Чему-то где-то поучилась — немножко на фортепьянах, немножко по-французски, но дома все равно царят дикость и первобытные нравы. Из таких вот нуворишеских дочек получаются первоклассные авантюристки и разбивательницы сердец. Потому что психологических табу у них нет, деликатных манер тем паче, лишь острый инстинкт да жадность до новых впечатлений. Приедет этакая вот жемчужина завоевывать Москву или Питер с мешком папашиных денег, и если хороша собой, то учинит вокруг себя вавилонское столпотворение.

В какие-нибудь полчаса мисс Эшлин успела поведать спутнику всю свою двадцатилетнюю жизнь: про лошадей и коров; про самое яркое воспоминание детства — набег индейцев-шошонов; про ужасный год в вашингтонском пансионе; снова про лошадей; снова про коров.

Можно было бы отнестись к этой стрекотунье как к милому ребенку, если б не кое-какие особенности ее поведения.

Хоть механический веер и обдувал внутренность кареты приятным ветерком, барышня объявила, что умирает от духоты, расстегнула пуговки, и в разрезе платья, подпертые лифом, закачались два совсем недетских полушария. Еще четверть часа спустя у Эшлин затекли ноги. Она сняла ботинки и пристроила ступни на диван, рядом с Эрастом Петровичем.

Вывод получался следующий. Юная кошечка уже почувствовала свою женскую силу и с энтузиазмом испытывает ее на всяком мало-мальски привлекательном мужчине — оттачивает зубки и коготки. Принимать это кокетство всерьез ни в коем случае нельзя.

Маса, примостившийся на передок к кучеру, раза два высовывал свой приплюснутый нос из-за бархатной

портьеры за спиной мисс Эшлин. Закатывал глаза к небу, многозначительно мигал в сторону алькова, но Эраст Петрович в ответ лишь грозно хмурил брови.

Что греха таить, бесхитростные маневры вайомингской красавицы не оставили путешественника равнодушным. Заглядывать в недра расстегнутого платья он, конечно, себе не позволял, но однажды, сделав вид, будто достает из кармана часы, скосил глаза вниз, на ножки мисс Каллиган. Оказалось, что щиколотки чрезвычайно стройные, а чулки черные, в сеточку, опять-таки исключительно недетского фасона.

— Смотрите-ка, г-горы! — воскликнул Фандорин и стал смотреть в окно. — Как к-красиво!

Пейзаж, действительно, был фантастически хорош. Небо чуть не поминутно меняло цвет, будто экспериментировало с окраской. Ну ладно еще бирюзовая. Но топазовая! Но изумрудная! Вдали виднелись такие же разноцветные скалы, самой причудливой формы. В правом окне горизонт топорщился зелеными горами, а в левом был закруглен, и степь казалась златотканым платком, наброшенным на темя Земли.

— Да, травы в этом году исключительные, — согласилась Эшлин. — У нас лонгхорны-однолетки за сезон набрали стоуна по полтора, честное слово. А в горных долинах травы вымахали вообще вот посюда.

Она приложила руку к бюсту, что давало собеседнику законное основание обратить взор к этому во всех смыслах выдающемуся предмету, но Эраст Петрович проявил силу воли и не поддался.

Наоборот, услышав слово «долина», решил, что хватит глупостей. Пора завести разговор о деле.

— К-кстати о долинах. Я, собственно, держу путь в одну из них. Она называется Дрим-вэлли.

Он ждал, что мисс Каллиган спросит его о цели поездки, и, чтобы упредить вопрос, пояснил:

— Там живут переселенцы из России, мои соотечественники...

— А я думала, вы англичанин, — по-западному, нараспев протянула Эшлин. — Больно чудно́ по-английски говорите. Будто картонку ножницами режете. У вас в Дримвэлли родственники, да?

И по своему обыкновению не дождавшись ответа, с гордостью сообщила:

— Между прочим, долина принадлежит мне.

— Вы хотите сказать, вашему отцу?

— Нет, мне. Папа сказал, что это мое приданое. Ты, говорит, моя dream-girl, поэтому получаешь Dream Valley. — Барышня скривила сочные губки. — Мог бы расщедриться на что-нибудь посущественней. Ранчо, скот, ценные бумаги — это всё достанется братьям. Я понимаю: отдал дочери — оторвал от семейного бизнеса. Но что прикажете делать с этой горной дырой?

— П-продать. Если, конечно, найдется покупатель, — осторожно сказал Фандорин.

Девушка неожиданно прыснула.

— А хитрюга из вас паршивый. Сами едете на карете мистера Стара, да еще в Дрим-вэлли, а прикидываетесь. Будто не знаете, что полковник хочет купит долину для ваших родичей за десять тысяч олешков.

— Каких еще «олешков»? — удивился Эраст Петрович непонятному слову «bucks»[1].

— Ну это у нас на Западе так доллары называют. Потому что раньше, когда тут охотники промышляли, за одну шкуру как раз доллар давали... Я бы продала Дримвэлли, ей-богу. Цена честная. Но папа ни в какую. Когда подохну, говорит, делай, что хочешь, а пока жив, сам буду решать. Это он из-за Рэттлера.

И опять Эраст Петрович поднял брови, не поняв при чем тут змея[2]. Очевидно, снова туземный жаргон?

— Это мой жених, — объяснила Эшлин. — Я его люблю и выйду только за него. Потому что лучше никого не встречала, — добавила она, немного подумав. — А папа не хочет, чтобы я стала женой простого топхэнда. Вот и

---

[1] Buck — олень *(англ.)*

[2] Rattler — гремучая змея *(англ.)*

заупрямился с ценой. Сто тысяч за Дрим-вэлли! Это ж надо придумать! Так и состарюсь в девках, — горько пожаловалась она.

— Если вы любите жениха, стоит ли заботиться о приданом, — заметил на это Фандорин.

— Ага, чтоб я, как покойная матушка, сама доила коров, кастрировала бычков и таскала воду из колодца? Чтоб к тридцати сделалась старухой, а в сорок, когда только-только потекут деньги, подохла от чахотки? — мисс Каллиган шмыгнула носиком, и даже этот неромантичный звук у нее получился прелестным. — Не такая я дура! И папочка отлично это знает. Говорит: найдется жених посолидней — глядишь, и Дрим-вэлли подешевеет.

Это непредвиденное обстоятельство, о котором полковник не имел понятия, заслуживало обдумывания. Эраст Петрович решил, что в первом же отчете должен объяснить мистеру Стару причину, по которой долину невозможно выкупить. Вероятно, от этой затеи вообще придется отказаться — Эшлин Каллиган явно не уступает своему папаше в упрямстве. Тут нашла коса на камень.

Пока он размышлял, девушка бесцеремонно его разглядывала.

— У вас жена есть? — спросила она.

Фандорин покачал головой.

— Не может быть! Вы такой красивый мужчина. Я сначала подумала, вы старый — из-за седины на висках. А сейчас вижу, что вы еще вполне ничего. Наверняка у вас была жена. Но вы ее бросили, да? Или она умерла. Расскажите! Ужасно интересно. Как ее звали?

Помрачневший Эраст Петрович тронул воротничок, думая, как вежливее уклониться от ответа, однако оказалось, что вопрос был лишь поводом — барышне хотелось рассказывать про своего суженого.

— А моего жениха зовут Рэттлер Тед. Красивое имя, правда?

— П-почему фамилия впереди имени?

Мисс Каллиган засмеялась.

— Это не фамилия, а прозвище. Он быстрый, как атакующая змея. И такой же смертоносный, — с гордостью прибавила она.

Фандорин мысленно перевел имя ее избранника на русский. Получилось «Гремучий Федя».

— Я его полюбила с первого взгляда. Ну, почти с первого. Сидела у нас в Сплитстоуне, в «Голове индейца», это салун такой. Я там иногда папу жду, когда он с дальнего пастбища возвращается, а я с ближнего. В салуне сбоку комната для дам, ну не комната, а вроде отсека, за колонной. Очень удобно: сидишь поодаль от крикунов и пьяниц, а всё видно. Я на Теда сразу внимание обратила. Смотрю, парень незнакомый. Жутко красивый и одет не то что наши оборванцы — прямо картинка. Сидит, пьет пиво, читает газету. А в Сплитстоуне тогда главным задирой считался Дакота Джим. Противный такой! Он на Индейской территории двух человек убил, все знали. И начал Дакота (он у бара стоял) к Теду вязаться. Потому что Тед такой аккуратный и вообще не из наших мест. А Тед всё сносит, отвечает вежливо. «Напрасно вы так говорите, сэр». «Я не хотел бы затевать с вами ссору, сэр». И все такое. Я даже расстроилась. Такой красивый, а трус. А потом Дакота совсем обнаглел и плюнул Теду в кружку. Выходи, говорит, на улицу, если ты мужчина, а не девка в штанах. Тогда Тед встал и говорит всем: «Вы сами видели, джентльмены. Я сделал всё, чтоб избежать кровопролития». Все вышли на улицу, а я из окна смотрела. Никогда не видала такой скорости, честное слово! — Зеленые глаза красавицы восхищенно расширились от воспоминания. — Дакота еще и до кобуры не дотянулся, а уже — пам! пам! пам! — три дырки в голове. Тогда-то я Рэттлера и полюбила. И на суде за него свидетельствовала. Он хоть в Сплитстоуне чужой был, но его все равно оправдали. Потому что Дакоту все терпеть не могли, да и слово дочери Корка Каллигана чего-нибудь стоит.

— Три пули в г-голову? — переспросил Эраст Петрович, заинтересованный этим колоритным анекдотом из

жизни Дикого Запада. Какие, однако, у них тут кровожадные нравы.

— Да. С десяти шагов! Тед не только быстрый, он очень меткий. Я один раз, давно еще, видела настоящую перестрелку в коррале. Семь человек палили друг в друга минуты две не переставая, и все мимо. Только одному кончик носа отстрелило, да и то рикошетом. А Тед, если уж достал оружие, не промахнется. Он у нас сейчас первым топхэндом работает. Это главный помощник у старшóго, кто за гурт отвечает. С коровами Тед управляется не очень, зато людей вот так держит. — Эшлин сжала маленький, но крепкий кулак. — Растлеры к нашему стаду даже не суются. Ну что вы смотрите? Не знаете, кто такие растлеры? Странные вы какие-то, люди с Востока. Растлеры это ворюги, которые чужих коров крадут и свое тавро на них ставят... Ой, смотрите! — прервала сама себя мисс Каллиган. — Уже Сплитстоун видно. Я на развилке вылезу. Отсюда до нашего ранчо ближе. Спасибо, что подвезли. Вы очень милый.

Уже сидя в собственной коляске, она вдруг серьезно посмотрела на стоящего рядом Фандорина.

— Знаете что... — И замолчала, будто в нерешительности. — Наденьте свой цилиндр, а то голову напечет. Хоть и сентябрь, а вон как палит... И вот что. Вы ведь в Сплитстоуне остановитесь? Больше-то все равно негде. Там есть номера в «Голове индейца» и в «Грейт-Вестерне». Так вы берите комнату в «Грейт-Вестерне», хорошо?

— Эта г-гостиница лучше?

— Нет, она хуже. Но так будет лучше, — непонятно ответила барышня. — Обещайте!

— Почему же я должен останавливаться в гостинице, которая хуже? — улыбнулся Фандорин.

— Обещайте, и всё. Дайте честное слово джентльмена.

Ее огромные глаза смотрели на него почти умоляюще, отказать было невозможно.

— Хорошо. Остановлюсь в «Грейт-Вестерне». Честное слово.

— И на улицу не ходите. Что надо, вам в номер принесут. — Эшлин тряхнула своими божественными локонами, тронула поводья. — Хэй! Пошли, пошли!

А напоследок крикнула:

— Если понадобятся лошади, заезжайте к нам! Я скажу, чтоб вам дали хорошую цену!

Город пастухов

«Город» — слово гордое, предполагающее наличие перекрестков, площадей, казенных учреждений и хотя бы двух-трех тысяч обывателей. В Сплитстоуне ничего этого не было. Ближайший к Дрим-вэлли город представлял собою одну-единственную улицу, над которой вилась желтая пыль. Две шеренги дощатых домов в один-два этажа, на задах — загоны для лошадей да сараи.

Взобравшись на козлы, чтоб обзор был получше, Фандорин разглядывал поселение, неуютно расположенное на склоне пологого холма.

Кучер поморщился и от Сплитстоуна отвернулся, всем видом показывая, что считает ниже своего достоинства смотреть на столь убогое зрелище.

А Маса изрек:

— У нас в России про такую дыру даже не сказали бы «село», раз церкви нет.

Церкви, в самом деле, не было, лишь какая-то облезлая башенка с колоколом, однако без креста на шпиле. Может, сигнальная?

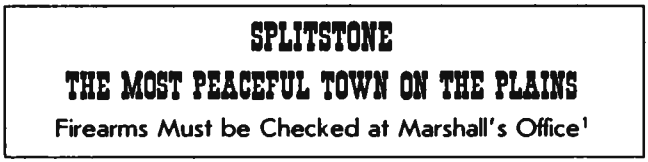
— Когда-то здесь, наверное, жило много людей, — продолжил делиться наблюдениями японец, показывая на обширное кладбище, утыканное покосившимися камнями. — Но большинство поумирали.

Эраст Петрович спросил у кучера:

— Очевидно, Сплитстоун знавал лучшие времена?

— Сомневаюсь, сэр. Лучших времен здесь никогда не было, и вряд ли они настанут, — брезгливо ответил тот и сплюнул. — Одно слово: город пастухов.

У въезда красовался огромный, изрешеченный пулями щит:

Вечное бахвальство — вот черта, которую Фандорин находил в американцах наиболее утомительной. Всё у них непременно most, greatest или, на худой конец, просто great. Будто сами хотят убедить себя в собственном величии.

Единственная улочка Сплитстоуна, разумеется, называлась «Бродвей» и начиналась с той самой конторы маршала, о которой упоминалось в объявлении.

Порядок есть порядок. Фандорин зашел в убогий сарайчик и сдал блюстителю закона, плюгавому старикашке с багровым носом, свой «герсталь». Маршал револьвер взял и даже накалякал неразборчивую расписку, но почему-то выглядел ужасно удивленным.

Причина этой странной реакции объяснилась незамедлительно. Каждый встречный, кого Эраст Петрович видел из окна кареты, был при кобуре, даже подростки. На крыльце лавки с вывеской «ГЕНЕРАЛЬНЫЙ МАГАЗИН МЕЛВИНА СКОТТА», положив ноги на перила, сидел человек с погасшей сигарой во рту — так у него револьверов было даже два, непонятно зачем. Из-под низко надвинутой шляпы поблескивали глаза, смотревшие прямо на чужака.

Впрочем, в желающих полюбоваться шикарным экипажем нехватки не было. Мужчины в широкополых шляпах и сапогах со шпорами провожали карету взглядами. Многие пялились из окон. Замысел мистера Стара явно удался: его представителя встречали по одежке. Но молча — зеваки не произносили ни слова, лишь сосредото-

[1] СПЛИТСТОУН. Самый мирный город на Равнинах. Сдавать огнестрельное оружие в контору маршала *(англ.)*

ченно работали челюстями, время от времени сплевывая коричневую табачную слюну.

Кучер остановил першеронов посередине городка, между двумя самыми большими зданиями — тоже деревянными, но с некоторой претензией на декоративность. То, что слева («Салун Голова Индейца»), было украшено колоннами и балкончиками, а расположенное справа («Ресторан, Салун и Гостиница Грейт-Вестерн») брало многоцветьем — на фасаде развевалось целых четыре звездно-полосатых знамени плюс большущий флаг штата Вайоминг: белый бизон на синем поле.

Памятуя о слове, данном красной жемчужине прерий, Фандорин велел Масе нести чемоданы направо. Кучер попрощался, кое-как развернул свой громоздкий экипаж, чуть не своротив террасу одного из салунов, и величественно укатил прочь из жалкого «города пастухов».

Фандорин хотел вслед за камердинером подняться на крыльцо «Грейт-Вестерна», но сзади вдруг послышалось:

— Эраст Петрович? Господин Фандорин?

На ступеньках «Головы индейца» стоял пожилой мужчина с неряшливой жидковатой бородой. Он смотрел на приезжего с умильной улыбкой. Даже если бы этот человек не заговорил по-русски, в его национальной принадлежности не могло возникнуть ни малейших сомнений. Из-под бесформенной белой панамы, в каких обычно гуляют ялтинские отдыхающие, свисали по-мужицки стриженные волосы; толстовка подпоясана узорным ремешком; плисовые штаны заправлены в яловые сапоги бутылками — американцы таких производить не умеют.

Фандорин слегка поклонился, и незнакомец заулыбался еще приветливей.

— Добро пожаловать в наши палестины! Луков, Кузьма Кузьмич. Председатель общины «Луч света».

Соотечественник просеменил через дорогу и сунул белую, удивительно мягкую для фермера руку.

— Сердечнейшее рад! Так ждали, так ждали! Приехал сюда в волость забрать из бакалейки *деливери*, а на телеграфе *кейбл* от драгоценного Маврикия Христофоровича. С утра вас дожидаюсь. Уж и *ланч* в ресторации заказал, самый обильный, с вином — в знак гостеприимства. — Он широким жестом показал на «Голову индейца». — Милости прошу откушать, с дорожки. Три смены блюд, и даже с вином!

Когда Фандорин попробовал уклониться от «самого обильного ланча», Кузьма Кузьмич заволновался:

— Ну как же, как же! Это не по-нашему будет, не по-русски! Я и деньги вперед заплатил, из общественных средств — правление санкционировало, ради дорогого гостя. *Фул-корс*, три смены блюд! С вином!

Он особенно напирал на вино, очевидно, полагая, что все частные детективы падки на выпивку. А может быть, обед с вином был для коммуны нешуточной тратой. Это последнее соображение стало для Эраста Петровича решающим.

— Премного б-благодарен, — сказал он и последовал за Луковым в «Голову индейца», тем самым отрекшись и от данного слова, и от чудесного японского обеда (рисовые колобки, маринованные овощи, зеленый чай), который Маса теперь слопает в одиночку.

— А что ж вам на *хоутел* тратиться? — ворковал председатель, забегая вперед и открывая половинку двери. — У нас бы в долине и остановились.

— Здесь т-телеграф, — коротко объяснил Фандорин, осматривая «ресторацию».

Заведение относилось к разряду самых невзыскательных. В России его назвали бы даже не трактиром, а кабаком или пивной, поскольку главное место здесь занимала длинная стойка с бутылками и стаканами.

Несколько некрашеных столов с грубыми стульями. Пол покрыт опилками. На стене висит большое зеркало, но разбитое: ровно посередине дырка. Из украшений лишь свисающие с потолка связки луковиц и сушеных перцев, да прямо над стойкой, на отдельной полочке какая-то пыльная банка, в которой плавает потрепанный и почерневший кочан маринованной капусты.

Правда, сбоку, за раздвинутой плюшевой портьерой, виднелась чуть более нарядная комнатка с табличкой «Для леди» — очевидно, та самая, о которой рассказывала Эшлин Каллиган.

В салуне было почти пусто. Только за одним из столов сидела и резалась в карты небольшая компания: двое мужчин, одетых попросту — в клетчатые рубахи и деревенские шляпы, и еще двое городского вида. Очевидно, клетчатые были местными, оба при оружии. У одного из сюртучников, когда он откинулся назад, подмышкой тоже обрисовался красноречивый холмик.

— Сомнительные господа, — прошептал Кузьма Кузьмич, косясь на играющих.

А Фандорин в ту сторону больше не смотрел — и так увидел достаточно.

— «Сомнительными» можно назвать тех, кто вызывает с-сомнение, — сказал он, садясь к накрытому скатертью столу, посередине которого красовалась пузатая бутылка, но только не вина, а виски. — Здесь же все совершенно ясно. Вон те двое в манишках, которые называют друг друга «сэр» и делают вид, будто только что познакомились, шулера. А судя по тому, что оба вооружены, еще и б-бретеры. Видите, один выиграл кучу монет, а второму вроде как не везет? Местным же отведена роль б-бакланов. Пускай их. Не наше дело. Рассказывайте, что там у вас в долине происходит.

— Нехорошо, сначала покушать надо. — Луков обернулся к стойке и замахал. — Плиз, мистер! Окей! Сейчас супчик принесут, кукурузный. Потом трехфунтовую отбивную. А на сладкое пирог с патокой. Вы вино-то пейте, пейте. Вот я вам налью.

Эраст Петрович из вежливости съел ложку неаппетитной похлебки, поковырял жесткий бифштекс, кусок пирога разрезал пополам и отодвинул в сторону. Виски поднес к губам, поставил обратно. Пойло, которым угостил его кочегар на паровозе, по сравнению с этим напитком было просто «Дом-Периньоном».

Кузьма Кузьмич тем временем, потирая свои пухлые ручки и нервно поглядывая на игроков, вполголоса рассказывал про злосчастья бедных непротивленцев.

— ...Люди мы мирные, враги всякого *вайоленса*, у нас и оружия нет, даже ворон от огородов одними криками отгоняем. Хозяину земли мистеру Каллигану (его тут называют cattle baron, то есть по-нашему «скотский барон»), на нас грех жаловаться. *Рент* платим исправно, с соседями-селестианцами стараемся не ссориться, хотя они, правду сказать, мракобесы и хамы, каких свет не видывал.

— С-селестианцев? — переспросил Фандорин. — А Маврикий Христофорович говорил про мормонов.

— Они и есть бывшие мормоны. Но поругались со своими и переселились с Соленого Озера сюда. Celestial Brothers, «Небесные братья» — так они себя называют. Ну, или попросту селестианцы. Они в самом деле братья: апостол Мороний, старший, и шестеро младших. У каждого жены, дети.

— Разве мормоны не отказались от многоженства?

— Мормоны-то отказались, а Мороний и его братья — нет. Потому и уехали оттуда в самую глушь, где, прости Господи, ни закона, ни порядка. Ох, и настрадались мы с ними, Эраст Петрович! Пока не догадались нашу половину долины изгородью отмежевать. Мол, живите у себя, как хотите, а нашу *прайваси* не трогайте. Это они, американцы, понимают... Только притерлись к колпакам этим (у селестианцев шляпы такие, навроде колпаков, так мы их промеж собой «колпаками» обзываем), тут новая беда, да в тыщу раз хуже прежней. Три недели назад началось.

Председатель по-бабьи подпер щеку, повздыхал и лишь после этого продолжил свою скорбную повесть.

— Под конец лета, как трава внизу загрубеет, мы овечек на горных террасах пасем. Тамошняя земля тоже наша, законная. Так и в *аргименте* записано. Хорошее место, от обрыва оградой защищено. Вдруг ночью — трах-бах! — пальба. Да такая, будто война началась. Мы перепугались, по домам заперлись. Прибегает пастушок, Харитоша. Трясется весь. Говорит, налетели из темноты конные, на лицах черные платки, и давай стрелять — насилу он ноги унес... Утром, набравшись храбрости, поднимаемся — все овцы перебитые лежат. Только трех ягнят недосчитались — разбойники с собой забрали. А остальных, значит, ни для чего, из одного озорства порешили. Сто двадцать голов! — Кузьма Кузьмич чуть не всхлипнул. — И знак оставили: череп на палке. Мол, сюда больше не суйтесь, не то убьем... Дальше — хуже. Мало им горной террасы, позарились на поле, где у нас овес. Теперь уж среди бела дня, человек пять нагрянули, при оружии, рожи черными платками закрыты. Подожгли овес, уже совсем созревший. Скирды спалили. Ригу, которая поблизости стояла, тоже. И опять палку с черепом воткнули. Овес — ладно. Но дальше уже ручей, а это вода, скот поить. Женщины боятся белье стирать. А главное, теперь что? Если *ганфайтеры* эти еще дальше границу передвинут, нам совсем пропадай.

— К-кто? — спросил Фандорин про незнакомое слово.

— *Ганфайтеры.* Самые скверные людишки из всех американцев. Душегубы, по-нашему. Чуть что, палят во все стороны из ружей и пистолетов... Мы уж и маршалу, исправнику здешнему, жаловались, и в губернию писали. Всё пустое. Один лишь Маврикий Христофорович обнадежил. Пришлю, сказал, хорошего русского человека. Он разберется.

Луков посмотрел на Эраста Петровича с надеждой, искательно сказал:

— Желательно бы, конечно, чтоб вы без *вайоленса* и крови как-нибудь управились. Но если по-мирному не получится, мы вас не осудим.

— С-спасибо, — скучающе кивнул Фандорин. Дело по-прежнему казалось ему не стоящим выеденного яйца.

Вдруг Кузьма Кузьмич забеспокоился:

— Постойте, да вы же один. А разбойников этих много. Вам с ними не справиться!

— Я не один, — успокоил его Эраст Петрович.

Двери салуна качнулись, впустив человека в надвинутой на глаза шляпе, при двух револьверах и с потухшей сигарой во рту. Кажется, это был тот самый, что давеча сидел на крыльце «Генерального магазина».

Обернувшись на вошедшего, один из игроков (не сюртучник, а клетчатый), дружелюбно пробасил:

— Привет, Мел. Ты где пропадал? Уезжал, что ли?

Спросил и спросил, ничего особенного. Но тот, кого назвали Мелом, проскрипел, не вынимая изо рта окурка:

— Задаешь много вопросов, Радди. Любопытство вредно для жизни.

Радди залился краской, рванулся со стула и сделал странное движение правой рукой — будто хотел почесать себе бедро, но обидчик взглянул на него, и игрок, шмыгнув носом, сел обратно.

Фандорин был озадачен. Во-первых, непонятной агрессивностью вошедшего, а во-вторых, робостью мистера Радди, который производил впечатление человека, вполне способного за себя постоять. Ручища, сжимавшая карты, была размером с небольшую дыню.

Грубиян лениво дошел до стойки, кинул на нее свою шляпу и молча ткнул пальцем в одну из бутылок. Получив заказ, немедленно отхлебнул из горлышка. Сел на стул.

Игроки молча наблюдали за ним. Потом шулер с тонкими, в нитку, усиками нетерпеливо спросил:

— Джентльмены, мы играем или нет? Удваиваю.

Игра возобновилась.

— Это мистер Мелвин Скотт, — шепотом пояснил Кузьма Кузьмич. — Говорящая фамилия — скотина скотиной. Бывший *аутло*, грабитель с большой дороги. А потом получил *пардон* от губернатора и стал работать

на *эйдженси* Пинкертона. Здесь это обычное дело. Среди шерифов, маршалов и «пинков» (это пинкертоновские агенты) полным-полно уголовных. Страшный человек. Но приходится иметь с ним дело. Ему принадлежит единственная в городе лавка.

Услышав про *эйдженси*, Фандорин пригляделся к Мелвину Скотту повнимательней. Записка от Роберта Пинкертона, которой, возможно, еще придется воспользоваться, стало быть, адресована этому человеку.

Лицо цвета выжженной земли. Волосы цвета высохшей травы. Рот как трещина. Глаза прищурены. Куда смотрят, непонятно. Без сюртука, в одном жилете, причем из кармашка свисает массивная золотая цепочка от часов. Примечательная деталь: несмотря на теплую погоду руки в черных перчатках, хорошей тонкой кожи. Серьезный господин, сразу видно.

— Подойду поздороваюсь, — сказал Луков. — Надо кое-какие покупочки сделать. По хозяйству, по домашности. У меня тут целый списочек.

В эту минуту с улицы донесся топот копыт, улюлюканье, крики.

Хозяин стал быстро убирать со стойки посуду, оставив одни бутылки. Игроки и «пинк» интереса к шуму не проявили, зато Кузьма Кузьмич переменился в лице.

— Знаете, если вы уже покушали, пойдемте-ка от греха. Это пастухи приехали!

Вид у него был такой перепуганный, что Эраст Петрович удивился. Пастухи и пастушки, коровки и овечки — это что-то мирное, безобидное, одним словом, пасторальное. Чего ж тут пугаться?

— Вчера пастухи (по-здешнему «ковбои») пригнали стадо из Техаса. Теперь будут дебоширничать. Ах, поздно!

В салун с гоготом и криками ввалился десяток мужчин весьма неотесанного вида. Все они были в шляпах, штанах грубой синей материи, остроносых сапогах и с револьверами. Тот, что шел впереди, проделал такую штуку: прямо от двери щелкнул длинным кожаным кну-

том, очень ловко подцепил кончиком бутылку со стойки, и мгновение спустя она уже была у него в руке.

Фокус был встречен радостным ревом.

Вся гурьба ринулась к выпивке, каждый орал во все горло, требуя кто джин, кто виски, кто пиво.

Мелвин Скотт раздраженно нахлобучил шляпу и, прихватив бутылку, пересел в дальний угол. По дороге к двери толкнул одного из крикунов плечом, но ничего ужасного не случилось — ковбой просто посторонился. Очевидно, пастухи агента знали.

— Я, пожалуй, мистера Скотта возле лавки подожду, — пробормотал председатель, которому явно не терпелось поскорей улизнуть. — Он сейчас допьет свое вино и пойдет. Я его привычки знаю. А вас я после разыщу.

Цапнул со стола свою курортную панаму и был таков. Фандорин же достал сигару и решил еще поизучать туземные нравы.

Очень скоро, на второй или третьей спичке, его прилежание было вознаграждено чрезвычайно колоритной сценкой.

В двери тихо вошел чернокожий человек, одетый в ужасающие обноски: шляпа с обвисшими полями, одежда — заплата на заплате, на боку замусоленная брезентовая кобура, из нее торчит деревянная, залепленная пластырем рукоятка.

Шаркающей походкой приблизился к игорному столу, жадно уставился на груду серебряных долларов, что лежали у локтя человека с усиками.

Волосы у негра были с проседью, очень красивого оттенка — словно серебристая мерлушка, и такой же масти бородка.

Приезжие не обратили на него внимания, а местные поздоровались:

— Привет, Уош.

— Как дела, Уош.

Тот лишь сглотнул. Глаза в красных прожилках неотрывно следили за порхающими над столом картами.

Минуту спустя шулер с усиками небрежно бросил:

— Отвали, дядя Том.

Негр не шелохнулся.

Тогда усатый, уже с раздражением, заметил:

— У нас на Юге черномазых в приличные места не пускают.

Клетчатые переглянулись.

Радди вполголоса начал:

— Мистер, на вашем месте я бы не стал задирать Уошингтона Рида...

Но второй подмигнул ему и (Фандорину сбоку было видно) пихнул ногой под столом.

Радди ухмыльнулся и не договорил.

Еще с полминуты карты шлепали по столу при полном молчании. Вдруг негр со звучным именем тронул усатого бретера за плечо:

— Эй, белый герой, что это у тебя в рукаве топорщится?

За столом все замерли.

Шулер медленно повернулся.

— Хочешь заглянуть ко мне в рукав, смуглявый? Сначала придется заглянуть ко мне под мышку.

Он распахнул сюртук, и стало видно кобуру с револьвером.

— Белый герой, я задал тебе вопрос, — подавив зевок, сказал Уошингтон Рид. — На него надо ответить.

Теперь стало тихо и возле стойки. Пастухи заметили, что у стола происходит нечто интересное, и все оборотились в эту сторону.

Бретер оскалил желтые зубы в нехорошей улыбке и спросил, не сводя глаз с чернокожего:

— Какой в Вайоминге штраф, если пристрелишь назойливого нигера?

Эту породу людей Фандорин хорошо знал, они во всех странах одинаковы. Сейчас произойдет убийство.

Эраст Петрович поднялся на ноги, готовый вмешаться. Никто на него не смотрел — все взоры были обращены на шулера и негра.

— У нас в Вайоминге все равны, мистер, — громко, на публику, объявил Радди. — Что черного пристрелить, что белого — все одно. У нас даже бабы голосуют, слыхали?

Пастухи заржали — очевидно, женское участие в выборах было тут излюбленной темой для шуток.

Довольный выпавшей ему ролью, Радди провозгласил:

— У меня вот тут доллар. — Он показал всем монету. — Сейчас я его подброшу. Как ударится об стол, можно палить.

Из-за стола всех как ветром сдуло, остался сидеть лишь усатый бретер.

Поразительная вещь: позади него не было ни одного человека, но те, кто стоял за спиной у негра, на линии прямого выстрела, и не подумали отойти, а многие еще и ухмылялись.

Эраст Петрович опустился на стул и раскурил сигару. Кажется, в его защите здесь не нуждались.

Серебряный кружок, тускло блеснув, взлетел вверх и звонко ударился ребром о горку остальных монет.

Рука бретера рванулась под сюртук — и замерла, будто скованная внезапным параличом. Прямо в нос заезжему искателю удачи глядело дуло старого, поцарапанного «кольта». Фандорин не успел и разглядеть, как Уошингтон Рид выхватил оружие из кобуры. Такая скорость сделала бы честь и опытному японскому фехтовальщику, обнажающему катану.

— Какой белый герой. Совсем белый, — сказал негр, глядя в побледневшее лицо шулера.

В салуне было очень тихо.

Двумя пальцами Рид вытянул из левого рукава своего противника карту, бросил на стол. Это был туз.

Радди присвистнул и сделал шаг к столу. Но напарник шулера опередил его.

— Господа, это аферист! — громко заорал он. — Он обчистил меня на тридцать четыре доллара! Ах ты, мерзавец!

Подскочил и с размаху двинул уличенного жулика кулаком по физиономии — тот грохнулся на пол вместе со стулом. Но разгневанной «жертве» этого показалось мало. Второй шулер схватил первого за ворот, отшвырнул на середину комнаты и под всеобщее улюлюканье пинками выгнал за дверь. Сам же, весь пыша праведным гневом, вернулся к столу.

Молодец, оценил находчивость Эраст Петрович. Спас товарища от крепкой взбучки, а то и от смерти.

На месте, освободившемся после разоблачения злодея, уже сидел Уошингтон Рид. Он пригреб монеты поближе к себе, предварительно поинтересовавшись:

— Никто не возражает?

Возражающих не нашлось, и игра продолжилась — в измененном на одну четверть составе.

Все прочие посетители снова зазвенели стаканами, сначала обсуждая инцидент, а потом переключившись на какие-то другие темы, но Эраст Петрович плохо понимал их косноязычную речь, к тому же изобиловавшую неизвестными ему словами. Разговоры шли про коров, про индейских скво, про захромавших лошадей и недоплаченное жалованье. Фандорин перестал прислушиваться к этой малоинтересной болтовне и уже собирался уходить, как вдруг раздалась реплика, заставившая его встрепенуться.

— Ты сказал «Дрим-вэлли», Ромеро? — громко спросил Уошингтон Рид, оборачиваясь к стойке. — Что ты там делал?

— Мормонам бычков скопил, — ответил один из ковбоев. — Говорю, паршиво там. Сызнова Безголовый Всадник объявился. Бородатые трясутся, ночью из домов ни ногой.

— Брехня, — откликнулся другой. — Не верю я в эти сказки.

— А я верю. — Рид почесал затылок, разглядывая свои карты. — Я всегда говорил, что он вернется. Пока не найдет, чего ему надо, не угомонится. И я бы не поставил на то, что он ограничится одной долиной. Ох, плохие дела.

Не приведи Господь попасться ему на пути. Я как-то раз, лет восемь назад, видел, как он гнал вдоль Кривого Каньона на своем чубаром. Вспомню — жуть берет.

Многие встретили эти слова хохотом, а хозяин салуна сказал:

— Здоров же ты врать, Уош.

Негр погрозил ему рукой.

— На твоем месте, Сид Стэнли, я бы сидел тихо-тихо и Богу молился. Знаешь ведь, что́ Расколотому Камню надо. А ну как унюхает запах, спустится из долины и к тебе нагрянет?

Он ткнул пальцем куда-то вверх, но куда именно, Эраст Петрович рассмотреть не успел, потому что в этот миг двери салуна с оглушительным треском распахнулись, будто кто-то пнул их ногой.

Кажется, так оно и было — в проеме появилась высокая, статная фигура, и пастухи разом зашумели, замахали руками:

— Здоро́во, Тэд! Давай к нам!

— Рэттлер, молодчага, что пришел! Подсаживайся сюда!

Так значит, вот он каков — человек, похитивший сердце юной мисс Каллиган.

Эраст Петрович принялся с любопытством разглядывать вошедшего.

Гремучий Федя

И, честно говоря, разочаровался. Избранник рыжеволосой Эшлин был безусловно красив, но как-то с перебором — как, впрочем, и всё здесь, на Западе. Светлые кудри до плеч, подбородок гладко выбрит, идеальные, будто приклеенные бакенбарды, сочные губы, аккуратный, чуть вздернутый нос. Наряд эффектный, но тоже несколько отдает опереттой: черное с серебряными «разговорами» сомбреро, расшитая бусами замшевая куртка, пояс змеиной кожи, брюки с бахромой, желтые сапоги с огромными шпорами. Они так звенели при каждом

движении, что Фандорин мысленно переименовал Рэттлера из Гремучего в Погремучего.

Однако отнестись к писаному красавцу иронически мешали глаза. Голубые, холодные, они, казалось, не смотрели на человека, а испытывали его на прочность. Взгляд неспешно побродил по залу и остановился на Эрасте Петровиче, что и неудивительно: вряд ли в этом вертепе часто увидишь человека, перед которым на столе лежат белые перчатки и сверкающий шелком цилиндр.

Пожалуй, барышню можно понять, подумал Фандорин, не отводя глаз (с людьми подобного сорта деликатничать вредно). По сравнению с остальными пастухами мистер Федя выглядит настоящим принцем. В кого еще влюбиться бедной девушке, обладающей пылким сердцем, если она вынуждена жить в таком окружении?

Игра «кто кого переглядит» что-то затягивалась. Две пары голубых глаз неотрывно смотрели друг на друга. Наконец, устыдившись такого мальчишества, Эраст Петрович перевел взгляд на кончик своей тлеющей сигары.

И тут же раздался звучный голос:

— Эй, парни! Что я вам сейчас покажу, умора!

Сказано было так, чтоб услышали все.

Рэттлер вышел на середину зала.

— Захожу я к старому Неду О'Пири, говорю: «Привет, маршал, какие новости?» А он в ответ: «Ты не поверишь, Тед. Впервые за историю Сплитстоуна нашелся идиот, который при въезде сдал оружие. Какой-то ферт с Востока»... Погодите ржать, — поднял руку Рэттлер, глядя на Фандорина. — Вы еще не видали этого орудия смертоубийства. Поглядите-ка.

Он положил на стол маленький «герстaль», который, в самом деле, казался безобидной игрушкой по сравнению с огромными «кольтами» и «смит-вессонами», висевшими на поясах у ковбоев.

Те немедленно принялись упражняться в остроумии:

— Удобная штука — в ушах ковырять.

— И бабе хорошо — за подвязку чулка сунуть!

Дальше последовали еще более игривые предложения, а Тед подошел к столу, за которым сидел Эраст Петрович и с уже неприкрытым вызовом спросил:

— Вы, сэр, случайно не знаете, какому клоуну принадлежит эта безделушка?

Фандорин печально вздохнул.

Всё было ясно. Гремучий молодой человек узнал, что его пассию подвез чужак на роскошной карете, взревновал и теперь ищет ссоры. Не хватало еще поединка с туземным Отелло. Как глупо. Нужно избежать конфликта — иначе могут возникнуть осложнения в последующей работе.

— Револьвер мой, — сказал Эраст Петрович. — Спасибо, что принесли, услужливый юноша. Вот вам за доставку. — И кинул на стол десятицентовую монету.

В салуне уже никто не смеялся, и стало очень тихо, как давеча перед изгнанием шулера. Очевидно, перебранки и драки — единственный дивертисмент, доступный аборигенам, предположил Фандорин, недоумевая, что это на него нашло. Надо было как-то исправлять ситуацию, пока не поздно.

Лицо Теда осветилось торжествующей улыбкой.

— Ребята, вы все слышали, как он меня оскорбил? Обозвал сопляком и швырнул дайм в лицо — мне, старшему топхэнду ранчо «Две луны»! Джо, ты слышал? А ты, Слизи?

— Мы слышали, Рэттлер, — откликнулось сразу несколько голосов. — Мы все свидетели. Только тряпка спустит такую обиду.

Эраст Петрович вспомнил рассказ мисс Каллиган об учтивости ее жениха и его невероятном миролюбии. Надо думать, подобным образом Тэд Рэттлер ведет себя только в чужом городе, где его никто не знает и где за меткую стрельбу по живой мишени можно оказаться на виселице. Ну, а здесь все свидетели заранее на его стороне, так что церемонничать считает излишним.

С изысканным поклоном, вызвавшим восторженный смех у публики, ревнивец осведомился:

— Вы сами-то, сэр, тряпка или не тряпка?

Злясь на себя за идиотскую задиристость, Эраст Петрович молчал.

— Помалкиваете? Значит, тряпка?

— Еще какая, — махнув на все рукой (всё равно уж не исправить), беззаботно ответил Фандорин и поднялся из-за стола. — Увижу где-нибудь грязь — и вытираю. Чтоб чисто было.

Кто-то громко хмыкнул — кажется, местный пинкертон, по-прежнему сидевший у двери.

— Ого! Еще одно оскорбление! — Рэттлер повернулся к «пинку», изображая растерянность. — Что скажешь, Мел? Ты в таких делах авторитет, ну и вообще почти что слуга закона.

— Наверно, две шляпы. Если хочешь, возьми мою, — задумчиво ответил Скотт. — Ты оскорбленная сторона — значит, тебе и раскладывать.

Эти загадочные слова Теда полностью удовлетворили.

— Что ж, мистер Большой Рот, берите свою мортиру и милости прошу прогуляться.

Забияка, насвистывая, вышел первым. Кто-то из ковбоев кинул Эрасту Петровичу «герстaль».

Все патроны были на месте. Боек не поврежден. Ствол в порядке. Барабан вращается.

Кажется, дело шло к дуэли, или как у них тут называется, когда два идиота-самца пытаются пристрелить друг друга из-за самки.

Ничего, сказал себе Фандорин. Продырявлю жениху руку. До свадьбы заживет.

Все выжидательно смотрели на чужака.

Хозяин, добрая душа, подошел и шепнул:

— За стойкой — дверь во двор.

Остальные были менее милосердны.

— Надо сказать Рону-гробовщику, что у него нынче будет работенка.

— Эй, красавчик, тебя хоть как звали-то?

— Эраст Фандорин, — сказал он, надевая цилиндр перед ущербным зеркалом.

— А *what*? Лучше напиши на бумажке. Родственники приедут, а на могилке ни имени, ничего. Нехорошо.

Пора было кончать этот балаган.

Эраст Петрович вышел на улицу и увидел, что Тед Рэттлер, змей гремучий, куда как непрост.

Две шляпы, исполнявшие роль барьеров, были разложены очень далеко одна от другой — по меньшей мере шагах в сорока. Для самовзводного «Смит-энд-вессона», висевшего на поясе у оппонента, дистанция нормальная. Но для короткоствольного городского револьверчика, рассчитанного на скоростной огонь, такое расстояние за пределами прицельного огня. Уже в третий раз за последние дни «герсталь» оказывался не на высоте. Неамериканское это оружие, придется обзавестись чем-нибудь помощнее. Если, конечно, будет такая возможность.

Судя по обманчиво расслабленной стойке, по небрежному шевелению пальцев правой руки (разгон кровоснабжения перед стрельбой), Рэттлер был опытным и хладнокровным противником.

На террасу салуна высыпали зрители. Можно было попросить револьвер у кого-то из них, но, судя по выражению лиц, никто не даст. Гремучий Тед — их кумир. Пастухи пришли посмотреть, как он пристрелит заезжего франтика с Востока. Будет о чем посудачить в салуне и на ранчо. Как минимум на неделю разговоров хватит.

Мелвин Скотт взял на себя обязанности то ли судьи, то ли секунданта. К этой роли ему, похоже, было не привыкать.

Зачем-то вынув один из двух револьверов и целясь куда-то вверх, он объявил:

— Как звякнет, чувствуйте себя свободными, джентльмены. Бегайте, прыгайте, палите. Просьба не попадать в зрителей и не вышибать стекла.

Из окон торчало множество физиономий, на всех одинаковое выражение предвкушения и жадного любопытства.

Со второго этажа гостиницы «Грейт-Вестерн» на Эраста Петровича смотрел слуга-японец. Приподнял одну бровь. Это означало: не нужна ли помощь, господин?

Фандорин сердито дернул плечом: пошел к черту. Тогда Маса уселся на подоконнике поудобнее, достал маленькую трубочку и стал набивать ее японским табаком, похожим на мелко рубленный конский волос.

Выход был только один — сократить расстояние. Рваными движениями, уклоняясь от пуль, приблизиться к противнику шагов на пятнадцать, а там и стрелять. Хуже всего, если Рэттлер начнет палить с бедра, не целясь — так можно нарваться на слепую пулю. Самое безопасное — тройной кувырок вперед, но один костюм уже безвозвратно погублен, не хватало еще испортить последний. Пожалуй, лучше рискнуть. Куда все-таки целится Мелвин Скотт? Не в ворону же?

Ударил выстрел, тут же заглушенный гулким и не лишенным приятности «Бомммм!» — это свинец попал в колокол, висящий на башне, которую Эраст Петрович поначалу чуть было не принял за церковь.

Поединок начался.

Не сводя глаз с правой руки Теда, Фандорин приготовился к рывку. Он уже ни о чем не думал, два лишних Поводыря ушли в тень, остался только один, и он свое дело знал.

Однако Рэттлер стрелять не торопился. Всё понятно: хочет, чтобы первым из своего пугача выпалил враг — потом на судебном разбирательстве это учтут.

Шаг вперед. Еще один. Еще.

Кажется, Гремучий разгадал тактику. Кисть руки сделала молниеносное движение, и в ней оказался револьвер. Но выстрела по-прежнему не было. Ствол чуть-чуть двигался, в такт неравномерным, то вправо, то влево, шажкам Фандорина.

Скверно. Этот Отелло еще опасней, чем показался на первый взгляд. Ни на какие пятнадцать шагов не подпустит. Придется все-таки пачкать черный костюм. А пыль у них тут красная, с примесью глины, Маса вряд ли отчистит.

Он сдернул с головы цилиндр, мять который уж точно было ни к чему, и швырнул в сторону. Тот взлетел

вверх, описал дугу и приземлился бы точно на подоконнике около Масы, но Рэттлер двинул дулом, изрыгнул из него клок пламени, и головной убор, кувыркнувшись, упал с дырой в тулье.

Мерзавец! Второй лондонский цилиндр за четыре дня!

Вокруг зашумели, захлопали. На сосредоточенном лице Гремучего мелькнула короткая самодовольная улыбка.

Пора!

Еще мгновение, и взбешенный Эраст Петрович ответил бы на фокус с простреленной шляпой своим собственным трюком, еще более эффектным: вряд ли в Сплитстоуне видали тройное сальто с зигзагообразной траекторией и стрельбой из положения «вверх ногами», но в это мгновение сзади донесся бешеный стук копыт и отчаянный крик:

— Тед! Тедди! Не смей!

У Рэттлера отвисла челюсть, рука со «смит-вессоном» опустилась.

По улице, оставляя за собой клуб пыли, неслась галопом мисс Каллиган. Всадница вздыбила коня между противниками и завертелась на месте.

Барышня успела переодеться. Вместо шелкового платья — куртка и штаны, вместо шляпки — белое сомбреро. Поразительно, но даже этот несуразный наряд был ей к лицу.

— Вы же обещали не соваться в «Голову индейца»! — с упреком крикнула кавалерист-девица Фандорину. — Слово джентльмена давали, эх вы!

— Да я, с-собственно...

— А тебя, идиот проклятый, я разлюблю, так и знай! — не слушая, закричала Эшлин на жениха. — Ты мне что обещал? Какие вы все, мужчины, брехуны! Скажу папе, и вышибет тебя с ранчо! Только рад будет!

— Эш, ты чего? Ты чего? — забормотал Рэттлер, пятясь от оскаленной конской морды. — Я же только...

— Молчи, дурак! Видеть тебя не хочу!

Зрители наблюдали за тем, как милые бранятся, с точно таким же жадным любопытством, как перед тем за

дуэлью. Очевидно, с развлечениями в Сплитстоуне и в самом деле было совсем паршиво.

А Эрасту Петровичу девушку было жалко. Могла бы найти себе жениха и получше, чем этот гремучий гад.

Ранчо «Две луны»

Сзади кто-то тронул его за плечо.

Это был секундант, стрелок по колоколам, владелец «бакалейки» и по совместительству местный агент Пинкертона.

— Ну, раз вы сегодня не умерли и поживете у нас еще какое-то время, лучше заменить вашу игрушку на что-нибудь более основательное, — вежливо сказал он, показав на «герсталь». — В «Генеральном магазине» Мела Скотта вы найдете всё, что вам может понадобиться для выживания и комфорта. Любое оружие, седла, сбруя, мясные консервы, динамит, одежда для...

— У меня з-записка от мистера Роберта Пинкертона, — перебил его Фандорин.

Скотт оглянулся по сторонам. Взял собеседника за локоть.

— Я сразу почуял, что вы тут неспроста. Отойдем-ка. Здесь слишком кричат.

Прочитал короткое письмо, озаглавленное «Всем штатным и резервным агентам», дважды. Прищурившись, поглядел на Эраста Петровича.

— Нужно было сразу ко мне. По крайней мере, я бы посоветовал вам не задирать Рэттлера. Тут сказано: «любое содействие». Чем могу помочь?

— Экипируйте меня получше. Не как чужака, с которого лишь бы содрать побольше денег, а как т-товарища и коллегу. Я в этих краях человек новый, поэтому полагаюсь на вас.

«Пинк» почесал кончик носа.

— И только?

— Пока всё. Может быть, позже обращусь и за профессиональной помощью. Если задача окажется труднее, чем я п-предполагаю.

В глазах Скотта блеснули веселые огоньки, но комментариев не последовало.

— Что ж, идемте в магазин.

Махнув камердинеру, чтоб догонял, Эраст Петрович последовал за «пинком».

— Хотите секретничать — дело ваше, — помолчав, сказал тот. — Я и так знаю, зачем вы пожаловали. Черные Платки, да? Догадаться нетрудно. Вы ведь сидели с этим русским шутом из Дрим-вэлли.

— Я тоже русский, — холодно заметил Фандорин.

— Не хотел вас обидеть. Если вы заметили, я сделал ударение не на слове «русский», а на слове «шут». Вы же не станете оспаривать, что мистер Кьюзма Люкофф — шут гороховый?

Нет, оспаривать Эраст Петрович не стал.

— Если хотите знать мое мнение, — пожал плечами Скотт, — банды в долине нет и быть не может. Черные Платки, судя по всему, парни серьезные, раз уж стали работать по поездам. На что им русская деревня? Что можно взять с этих малахольных — книжки на русском языке? Часто бывает, что шайка грабителей устраивает себе в каком-нибудь укромном местечке схрон, тайный лагерь. Но зачем тогда дразнить русских и мозолить им глаза? Выдумки всё это, вот что я думаю. Но коли полковник Стар желает разобраться, его право. Понадоблюсь — всегда к вашим услугам. В письме мистера Пинкертона гарантирована тридцатипроцентная скидка. Значит, я буду вам обходиться всего по три пятьдесят в сутки.

— Учту.

Поколебавшись, не расспросить ли про Дрим-вэлли, и решив, что пока не стоит, Фандорин оглянулся на сопящего сзади Масу и тихо объяснил по-японски, в чем дело.

На ступеньке «Генерального магазина» поджидал Луков.

— Делайте ваши п-покупки, Кузьма Кузьмич. Нам тоже нужно кое-что приобрести у господина Скотта.

Эти простые слова отчего-то привели председателя в замешательство.

— Нет-нет, — заполошился он. — Мне не к спеху, я после. У меня список длинный.

Звуки русской речи развеселили Скотта.

— Смешной у вас язык. Будто гальку во рту перекатываете. «Пры-бры, длини-блини».

— А что это у вас дверь нараспашку? — спросил Фандорин, входя в лавку — просторный амбар, весь заставленный ящиками, коробками и тюками. — Разве в Сплитстоуне не воруют?

— Еще как воруют. Но только не у Мела Скотта. Потому что знают: под землей найду и шкуру спущу.

— Давно служите в Агентстве?

Лавочник вынул из заднего кармана штанов плоскую бутылку, вероятно, прихваченную из салуна, обстоятельно отхлебнул.

— Еще двадцать лет назад вместе с мистером Пинкертоном охотился на шайку братьев Джеймсов. Золотые были деньки. А теперь числюсь в резерве, получаю половинное жалованье, полсотни в месяц. Негусто, поэтому и магазин держу. Здесь продается всё, что вы видите. Кроме вот этого. — Он любовно потрепал по загривку пыльную голову бизона, висевшую на стене. — Когда-то эта штука стоила бы не дороже доллара, потому что по Равнинам бродили миллионные стада. Теперь не осталось ни одного быка, всех перестреляли. Могу отдать за 400 монет — и то исключительно как коллега коллеге. Желаете? Ну, как хотите.

Оглянувшись на Лукова, который остался снаружи и слышать разговор не мог, Эраст Петрович спросил:

— А селестианские братья покупают товары тоже у вас?

Скотт хитро подмигнул:

— Понимаю, куда вы клоните. Хотите получить дармовую информацию про Дрим-вэлли? Вот наймете меня в помощники, тогда выпытывайте, что хотите.

Он снова приложился к горлышку, допил виски до конца. Вынул из-под прилавка еще одну бутылку, открыл, да вдруг задумался.

— Минуту.

Взял винтовку, что была прислонена к стене. Подошел к окну, стал целиться вверх.

Эраст Петрович проследил за направлением ствола — кажется, «пинк» опять метил в колокол на башне.

Сухо грохнул выстрел. Кузьма Кузьмич подскочил на ступеньке, уронив панаму.

— Мимо, — вздохнул Скотт и спрятал бутылку обратно. — Значит, на сегодня хватит. Я свою норму знаю. Так что же вам предложить? Для начала нужно по-человечески одеться. Вам понадобятся шляпы с широкими полями, чтоб не слепило солнце. Ковбойские сапоги. Видите, у них острые носы — чтоб удобней продевать ногу в стремя. Ваши брюки изорвутся о колючки, нужно купить джинсы. Понадобится пара шерстяных одеял. Фляги. Топор или тесак...

Маса уже вертелся перед зеркалом, примеряя огромную шляпу, из-под которой его почти не было видно. Понравились ему и сапоги — тисненой кожи, с медными заклепками и на огромных скошенных каблуках.

А Фандорину пастушья одежда не приглянулась. В качестве наряда для верховой езды вполне можно было использовать испачканный углем белый костюм. Чтоб не порвались брюки, Эраст Петрович приобрел *чапарехос* — кожаные наколенники на тесемках. Вместо простреленного цилиндра решил взять очень приличный пробковый шлем британского производства, непонятно откуда взявшийся в этом ветошном заведении.

— Надо же, лет десять у меня этот ночной горшок провалялся. Я думал, его никогда не купят, — обрадовался хозяин. — Был тут один английский лорд, еще во времена Индейской территории. Приехал бизонов пострелять. С него шошоны скальп сняли. Видите, тут внутри немножко бурого осталось?

Фандорин передумал. Купил пепельно-серую шляпу — будет как раз в цвет костюма.

— Без винтовок в горах нельзя. — Скотт стал открывать и ставить на стол длинные ящики. — Вы какие предпочитаете? Вот, могу порекомендовать. Отличный дробовик с вращающимся барабаном, на четыре заряда.

Натягивавший сапог и оттого прыгавший на одной ноге Маса сказал:

— «Ремингутон». Карибр 50. Два.

— Серьезный инструмент. У вашего китайца хороший вкус.

— Он японец.

Положив на прилавок две винтовки, подсумки и патроны, Скотт щелкнул костяшками на счетах и продолжил:

— Теперь револьверы. Раз вы русский, предлагаю «смит-энд-вессон» 44-го калибра, так называемый «рашн» Двойного действия, разработан по заказу вашего великого герцога Алексея, когда он охотился здесь на бизонов с великим Буффало Биллом. Смазанная свинцовая пуля, 246 гранов, 23 грана черного пороха. Рукоятка из гуттаперчи — очень удобно.

— З-знаю. Этот револьвер состоит на вооружении российской армии. Давайте.

— А вашему японцу два? — спросил хозяин, потому что Маса как раз нацепил желтого цвета пояс с двумя кобурами.

— *Хидари-но хо ни нунтяку-о, миги-ни вакидзаси-о сасунда*[1], — довольно пробурчал он себе под нос.

— Нет, ему револьверов не надо, — перевел Эраст Петрович.

Самой дорогой покупкой стал компактный цейссовский бинокль с 18-кратным увеличением. На этом экипировка была закончена.

---

[1] В левую кобуру нунтяку, в правую — короткий меч *(яп.)*

— Осталось обзавестись лошадьми, — подытожил Скотт. — Это вам надо на какое-нибудь ранчо.

Вспомнив о предложении, которое сделала мисс Каллиган, Фандорин небрежно спросил:

— Ранчо «Две луны» далеко отсюда?

— У Корка Каллигана хотите купить? — одобрительно кивнул хозяин. — Это правильно. У старика отличные лошади, только дерет он за них втридорога.

— Мне обещали с-скидку.

До хозяйства Каллиганов от городка было всего полторы мили, так что пошли пешком, отправив покупки в гостиницу.

Поначалу Маса шагал бодро, звенел шпорами. Но скоро стал спотыкаться, потому что высокие каблуки, несомненно удобные при верховой езде, были мало приспособлены для пешеходных прогулок. В конце концов Эраст Петрович оставил слугу ковылять сзади и в ворота ранчо вошел один.

Странные это были ворота. Они стояли без изгороди, сами по себе — просто буква П средь чистого поля. Сбоку большой щит: «ЗЕМЛЯ КОРКА КАЛЛИГАНА. РАСТЛЕРОВ ЗДЕСЬ КОНЧАЮТ НА МЕСТЕ». Для вящей убедительности внизу коряво нарисовано дерево с повешенным.

Справа виднелось огороженное пастбище, на котором паслось гигантское стадо длиннорогих коров — очевидно, тот самый гурт, что недавно пригнали из Техаса. Слева темнели постройки: амбары, бараки, склады. Главный дом располагался посередине. Это было большое деревянное здание, обшитое крашенными в белый цвет досками. Оно изо всех сил старалось выглядеть величественно, для чего выпятило вперед четыре пузатых колонны, сверху нацепило башенку, а перед крыльцом посадило двух каменных львов, но какая может быть величественность, если всё вокруг пропахло навозом? Надо полагать, обитатели Каллиган-хауса были нечувствительны к этому аромату,

столь мучительному для городского носа. Во всяком случае, корраль находился прямо напротив фасада.

Эраст Петрович посмотрел на лошадей (они были хороши, просто на подбор), понаблюдал, как один из ковбоев объезжает дикого жеребца. В Москве бывший чиновник особых поручений считался недурным наездником, но на таком мустанге он, пожалуй, не удержался бы в седле и полминуты.

Каллигановские пастухи (их вокруг корраля болталось человек двадцать) тем временем разглядывали Фандорина, не больно-то дружелюбно, но без наглости. Очевидно, кто-то из них был в «Голове индейца» и рассказал остальным о том, что франт в галстучке умеет за себя постоять.

Появился Маса, неся сапоги на веревочке через плечо. С ним рядом ехала шагом Эшлин Каллиган. Ее прекрасная вороная кобыла, на которую Фандорин обратил внимание еще давеча, игриво перебирала точеными ногами — то одним боком пройдется, то другим.

Сзади, шагах в десяти, покачивался в седле Тед Рэттлер, мрачнее тучи. Не глядя на Фандорина, спрыгнул на землю, кинул поводья одному из пастухов и встал в сторонке. В эту сторону упорно не смотрел, но и уходить не уходил.

— Ваш бой сказал, что вы здесь! — закричала барышня еще издали. — За лошадьми, да? Куда ты, Сельма, куда? — прикрикнула она на свою лошадь, которая подошла к Эрасту Петровичу, потянулась к нему бархатными губами и тихонько заржала.

Он потрепал ее по белой звездочке на лбу:

— Красавица, к-красавица.

— Никогда не видела, чтоб Сельма ластилась к чужому, — удивилась Эшлин, легко спрыгивая на землю. — У моей девочки хороший вкус. Ну хватит, хватит, уйди!

Она оттолкнула вороную, норовившую положить Эрасту Петровичу морду на плечо, а Маса мстительно сказал:

— Кому и кобыра невеста.

Эту поговорку он знал очень хорошо, ибо не раз слышал ее от господина в собственный адрес.

— Я бы хотел приобрести выносливого, но не норовистого коня, — объяснил Фандорин. — П-признаться, я не очень хороший ездок. Не то что ваши молодцы.

Как раз в этот момент в коррале грохнулся наземь объездчик, так и не усидев на мустанге. Дикий скакун пнул упавшего копытом, да еще цапнул зубами за голову.

— Я хочу пони. У вас есть пони? — нервно спросил Маса.

— На ранчо «Две луны» всё есть. Эй, парни, хватит возиться с Кидом, ему не впервой! — крикнула мисс Каллиган. — Приведите рыжую трехлетку, которую я объездила на прошлой неделе. А бою мистера Фэндорина подберите хорошего техасского пони. За всё про всё, вместе с седлами, я возьму с вас только восемьдесят долларов, — обратилась она к Эрасту Петровичу. — Но если папа спросит, вы говорите, сто двадцать. Пойдемте, я вас с ним познакомлю.

— Рад, что в окружении дочери наконец появился настоящий джентльмен, а то вокруг вечно трется всякое отребье.

Мистер Каллиган был очень похож на дочь, однако всё, что казалось в ней прелестным, шло его внешности не на пользу: и зеленые глаза мутного бутылочного цвета, и ржаво-рыжие кудри, а россыпь веснушек смотрелась на лице как застарелая грязь. Голос у «скотского барона» был грубый и зычный, манеры самые незамысловатые (к примеру, в начале трапезы он запросто высморкал-

ся в салфетку и велел служанке подать другую). Однако с гостем старый ирландец старался быть очень любезным.

— Вы откуда родом?

— Из Москвы.

Скотопромышленника ответ нисколько не удивил.

— Как же, как же, самому там бывать не доводилось, но слышал о вашем городе много хорошего. Говорят, у вас там даже в июле колодцы не пересыхают. Неужто правда?

— Совершенная п-правда, — с некоторым удивлением ответствовал Фандорин, отрезая кусочек от огромного, сочащегося кровью бифштекса. Мясо было первоклассное, как в самом лучшем ресторане, разве что наперчено больше нужного

Каллиган почмокал губами, одобряя московские колодцы.

— Для Техаса это большая редкость.

— П-при чем здесь Техас?

Наступила короткая пауза. Хозяин и гость в недоумении смотрели друг на друга. Первым сообразил, что к чему, Корк.

— А, вы, стало быть, не из техасской Москвы, а той, что в Айове? Я совсем про нее забыл. У меня когда-то работал один топхенд, оттуда родом. Отлично управлялся с лассо.

— Нет, сэр, я из той Москвы, которая в России.

Про такую папаша красной жемчужины, по-видимости, не слыхал. Он сосредоточенно подвигал крепкими челюстями, а затем, рассудив, что светской болтовни уже достаточно, перешел к интересующей его теме.

— Работаете на полковника? Или просто приятель, приехали в горы поохотиться на коз?

— Работаю.

Эраст Петрович отодвинул тарелку и пригубил виски с содовой водой — очень хорошее, с дымком, по меньшей мере двадцатилетней выдержки.

— Каким ремеслом занимаетесь?

— Инженер.

Все равно узнают, подумал Фандорин и осторожно прибавил:

— Но здесь я по иному делу. Мистер Стар попросил меня выяснить, что п-происходит в Дрим-вэлли. Вы наверняка слышали, там творятся странные вещи.

Отец и дочь переглянулись.

— Болтают какую-то ерунду, — с деланным безразличием обронил Каллиган. — Про бандитов в черных платках, про безголовое привидение... Но тамошней публике верить нельзя. Одни язычники, другие безбожники.

— И вам неинтересно узнать п-правду? Ведь долина — это ваша собственность.

Корк хитро прищурил глаз:

— Хотите слупить с меня денег? Ну уж нет. Я вас не нанимал. Раз полковник платит, это его дело. Видала, Эш, какой ловкий? За одну работу двойной куш!

Девушка, надо отдать ей должное, слегка покраснела — засовестилась за папашу.

— Мистер Фэндорин не из таких.

Родитель только рукой махнул — мол, я-то людей знаю.

— Я вам вот что скажу, — продолжил он, понизив голос. — Коли хотите подзаработать, скажите полковнику, что вы заметили в Дрим-вэлли какую-нибудь горную породу, которая обычно богата серебром или золотом. Я этих тонкостей не знаю. Вы инженер, вам виднее. Вот тогда можете рассчитывать на мою благодарность. Смекаете, к чему я?

Скотопромышленник выжидательно уставился на гостя.

Тот же смотрел на Эшлин. Ну-ка, что она?

Ни тени смущения. Сидит, лучезарно улыбается. Все-таки яблоко от яблони...

— С-смекаю. Вы хотите, чтобы мистер Стар заплатил за долину подороже. Вам нужны деньги для развития бизнеса. Но я не горный инженер и в месторождениях ничего не понимаю. Это раз. К тому же я никогда не лгу из корыстных соображений. Это два.

Некоторое время хозяин молча глядел на него, что-то прикидывая. Потом произнес не вполне понятную фразу:

— Что ж, приятно иметь дело с порядочным и в меру умным человеком.

Однако было видно, что теперь Корк потерял к собеседнику всякий интерес. Минуты не прошло, как он поднялся и, сославшись на неотложное дело, покинул столовую.

Служанка хотела убрать грязные тарелки и подать десерт, но Эшлин шикнула на нее:

— Уйди, Салли! Нечего тут шнырять.

И, едва за той закрылась дверь, с очаровательной непосредственностью придвинула стул, наклонилась к самому лицу Фандорина и зашептала:

— Я такая дура! Вы ведь еще в карете сказали про Дрим-вэлли, а я пропустила мимо ушей. Эти слухи меня ужасно тревожат. Я ведь знаю, зачем вас послал полковник. Если правда, что в долине обосновалась шайка, эту землю никто не купит и за десять тысяч. Тогда я навек останусь в старых девах! Мистер Фэндорин, миленький, по вам видно, что вы человек умный и опытный. Помогите мне! Не погубите бедную девушку! Вы же истинный джентльмен, на все сто процентов! Не только по манерам, как другие, а по-взаправдошному!

Далеко было чопорным городским барышням до Эшлин Каллиган. Всего второй или третий раз разговаривала она с Эрастом Петровичем, а вела себя так, словно они были знакомы и дружны много-много лет. Шептала чуть не в самое ухо, рыжая прядка приятно щекотала Фандорину щеку, а он не отодвигался — и не только потому, что это было бы неучтиво.

— Я же знаю, в чем там дело, — то и дело оглядываясь на дверь, говорила она. — Русские и мормоны только изображают, будто терпеть не могут друг друга, а на самом деле стакнулись. Уверена! Нарочно распускают нехорошие слухи, чтоб папа снизил им аренду. А это, между прочим, мои законные деньги, все мне достаются. Не больно-то и много, всего две тысячи в год. Но больше папа ничего не дает, всё тратит на бизнес. — Эшлин прижала руку к бюсту. — Если же арендаторы не врут, то совсем беда... Разбегутся из долины, и новых не заманишь. Кому она нужна, эта Дрим-вэлли? Лугов и паст-

бищ вокруг полно, вся прерия. А землю, кроме мормонов и русских, в этих краях никто не пашет. И что же мне, в прошлогодних платьях ходить? Милый мистер Фэндорин, пообещайте мне одно!

Она вцепилась горячими пальчиками в его запястье.

— Если мормоны в сговоре с русскими, вы не станете им подыгрывать, вы выведете их на чистую воду. Дримвэлли не должна упасть в цене!

До ее раскрасневшегося лица было дюйма четыре, не больше. Эраст Петрович вдохнул аромат девичьей кожи и опустил глаза. Но вышло еще хуже.

Сверху через расстегнутый ворот рубашки открывался чудесный вид на взволнованно вздымавшуюся грудь девушки. Тогда в карете он постеснялся пялиться в декольте, а потому лишь теперь открыл для себя увлекательнейший природный феномен: грудь у Эшлин была без единой веснушки и матово-белая, как это бывает у блондинок, у рыжеволосых же практически никогда.

— Дайте честное слово, что не будете играть против меня, — шепнула она, ее приоткрытые губы слегка дрогнули.

В других обстоятельствах Фандорин решил бы: девушка желает, чтоб ее поцеловали. Однако ему было отлично известно, что она старается из-за приданого. Хочет выйти замуж за своего пресмыкающегося Теда.

— Слово чести, — сказал Эраст Петрович и поднялся.

Луч света в темном царстве

Переночевали в Сплитстоуне, в путь двинулись рано утром.

В нескольких милях от городка равнина упиралась в скалы. Поначалу невысокие, они вздымались одна за другой всё выше, выше и примыкали к горному хребту с острыми, зазубренными вершинами.

Узкое ущелье Боттл-Нек, Горлышко Бутылки, напоминало трещину, образовавшуюся в каменной стене. Про-

ложить через теснину дорогу арендаторы не удосужились (а может, не захотели), поэтому передвигаться здесь можно было только пешком или в седле. Все свои покупки Кузьма Кузьмич навьючил на двух мулов, которых вел в поводу. Фандорин ехал рядом на своей рыжей (действительно, очень славной и покладистой лошадке). Маса трусил сзади на брюхастом, мохнатом пони, по временам издавая мелодичный звон, когда его внушительные шпоры задевали за камень.

Посередине пути случился маленький казус. Один из мулов поскользнулся, чуть не упал, и поклажа сорвалась на землю: новый лемех для плуга и матерчатый тюк. Лемеху-то ничего, а вот тюк лопнул, и посыпалась из него всякая всячина: оловянная посуда, книги, тряпки, среди которых блеснуло что-то изысканно-алое, с золотистым отливом.

— Это сьто? — заинтересовался Маса.

— Книжка. — Луков проворно запихивал вещи обратно. — Сочинитель Чехов. Очевидно, из новых. Евдокия заказала, она в прошлом квартале по работочасам победительница, ей от правления награда полагается.

— Нет, это.

Японец вытащил обратно уже спрятанный было в тюк интригующий предмет. Это оказался красный лиф с черными лентами, а следом за ним выскользнули розовые в кружевах панталоны.

Председатель отобрал у Масы дамские интимности, спрятал поглубже.

— Для деточек это. Женщины на лоскуты порежут, куклам платьишек нашьют. Деточки — наше будущее, ничего для них не жалеем.

— Кукольные платья? Из парижского б-белья?

Кузьма Кузьмич простодушно поднял на Фандорина свои голубые глазки.

— Ой, я же в таких вещах ничего не понимаю. Попросил мистера Скотта выписать из губернии чего-нибудь шелкового, чтоб непременно с ленточками, да поцветастей. Может, у них там ничего другого не оказалось. Или

надсмеяться над нами решил. Человек он, сами видели, ехидный, неделикатный.

На это Эраст Петрович ничего не сказал. В конце концов, не его дело.

Ладно, поехали дальше.

Дрим-вэлли открылась сразу, без предупреждения. Повернули за очередной валун скучного серого цвета, и вдруг пространство развернулось, будто гигантский зеленый веер. Овальная чаша была со всех сторон окружена крутыми, но невысокими горами, склоны которых густо поросли соснами. Стенки чаши в нескольких местах прорезаны узкими каньонами, разукрашены серебряными нитями водопадов, а на дне — желтые и оранжевые лоскуты полей, светло-зеленые квадраты лугов, темно-зеленые пятна маленьких рощ. Протяженность долины от края до края была, пожалуй, верст пять.

— Вот она, матушка, — прочувствованно воскликнул Луков. — Где рожь и луга — наша половина. Обустроенная, слезами и потом политая. Рай земной. Луч света в темном царстве! А справа, где кукуруза и пшеница — там селестианцы. Полоску посередке видите? Это граница, изгородь.

— Курасиво, — похвалил долину Маса. — Если рис посадить, будет есё курасивей. Как зеркаро под сонцем.

От края ущелья начиналась дорога, даже две: вправо вела кирпичная, влево грунтовая, но зато любовно обсаженная березками. Проехали по ней с четверть часа, и показалась деревянная арка с фанерными буквами:

Collective Farm «Luch Sveta»[1].

— По какому случаю? — насторожился Эраст Петрович, показывая на цветочные гирлянды и российские флаги, украшавшие сие архитектурное сооружение.

Он испугался, не затеяли ли коммунары в честь предполагаемого избавителя какую-нибудь торжественную встречу.

Слава Богу, нет.

---

[1] Коллективная ферма «Луч света» *(англ.)*

— Так ведь праздник сегодня. — Кузьма Кузьмич сделал приглашающий жест. — В знаменательный день осчастливить изволили. По нашему русскому стилю нынче 26 августа, День Бородина. Будет пир, песни с танцами. А как же иначе? Триумф русского оружия.

И действительно, ветерок донес издали звуки музыки: труб, гармоники, скрипки. Кажется, исполнялся марш Преображенского полка — неожиданный репертуар для эмигрантов и непротивленцев.

Председатель вел гостей мимо нарядных домов-близнецов, гордо рассказывая:

— Тут у нас детский огород, где малюток воспитывают. Все деточки вместе, как редисочки на грядке, потому и огород. Семейной тирании нет, полное равенство. Сколько взрослых — столько и родителей. Вон там школа, у нас мальчики и девочки вместе учатся. Тут правление. Два общежития для мужчин.

Из-за большого здания с вывеской «Дом досуга» раздалось пение. Хор, в котором можно было различить мужские, женские и детские голоса, очень стройно выводил «Дубинушку».

— Наши все на майдане, празднуют, — объяснил председатель. — Милости прошу. То-то радости будет!

Маса остался расседлывать, а Эраст Петрович последовал за Луковым.

На маленькой площади, за составленными покоем столами сидело несколько десятков людей, на первый взгляд — обычных русских крестьян, разве что принарядившихся ради торжественного случая. Бабы в белых и цветных платках, мужики бородаты и стрижены под скобку. Однако при более внимательном рассмотрении крестьяне оказались странноватыми. Многие в очках или пенсне, да и лица преобладали тонкие, непростодушные — признак, по которому на Руси безошибочно отличают интеллигента, даже если он наденет лапти и поддевку

Песня оборвалась на лихом «ухнем!», все оборотились к председателю и незнакомцу в грязном костюме и ковбойской шляпе.

— Вот, братья и сестры! Любите, жалуйте! Эраст Петрович Фандорин, наш, русский. Благодетель Маврикий Христофорович прислал, нам в защиту и охранение. Присаживайтесь, дорогой гостюшка, к столу. Покушайте с дороги, отдохните. Евдокеюшка о вас позаботится.

Проворная, переваливающаяся с боку на бок горбунья (судя по имени, та самая, что наработала много, как их, *работочасов*) усадила Фандорина в середину центрального стола и быстро наложила на тарелку пирожков, квашеной капусты, пельменей, поставила кружку кваса. За годы жизни в изгнании Эраст Петрович отвык от всех этих чудесных кушаний и едва дождался, пока Евдокия сольет ему на руки воды из кувшина. Вытерся льняным расшитым петухами полотенцем, и тогда уж воздал должное столу.

Тут был и поросенок с хреном, и холодец, и холодные зеленые щи, да приготовлено не хуже, чем в приснопамятном тестовском трактире.

Рядом сел Маса, усмотрел в стороне корзинку со своими любимыми маковыми бубликами, придвинул к себе и слопал сразу штук десять, после чего откинулся назад и принялся стрелять глазками по лицам женщин.

Их было гораздо меньше, чем мужчин. Старшим лет, наверное, по пятьдесят, но были и совсем юные.

— Нааа, как хороша! — сказал камердинер по-японски.

Молоденькую девушку в красном платке Эраст Петрович приметил еще раньше Масы. Трудно было не остановить на ней взгляд. Свежее, оживленное лицо, заливистый смех, сияющие черные глаза — среди постных коммунарок красотка смотрелась, как яркий цветок на блеклой траве. Слева от нее сидел Луков.

Звонким, далеко разносящимся голосом прелестница воскликнула:

— Ой, Кузьма, ты не знаешь, что со мной сегодня случилось! Ужас!

Все обитатели общины, вне зависимости от возраста, обращались друг к другу по-семейному, на «ты» — это Фандорин уже заметил и потому не удивился. Порази-

тельно было другое — реакция Кузьмы Кузьмича. Он ахнул, схватился за сердце.

— Что такое, Настюшка?! Ты меня не пугай!

Без притворства вскрикнул, искренне.

Румяная Настюшка, смеясь, обернулась к остальным соседям (вокруг нее сидели одни мужчины):

— Я вам уже тысячу раз рассказывала. Ничего?

Те в один голос стали уверять ее, что с удовольствием послушают историю снова. Еще бы! Таким голоском, да с этаким личиком она могла бы хоть таблицу умножения декламировать — восхищение противоположного пола было бы обеспечено.

— Я снова их видела, Черных Платков!

— Да что ты?! — по-бабьи всплеснул руками Луков. — Как?! Где?! Они тебе ничего не сделали?!

— Не перебивай. — Девушка капризно шлепнула председателя по руке. — Ходила я утром к ручью цветы собирать. Вдруг будто мороз по спине. Обернулась, а на меня с той стороны, из кустов, смотрят! Двое! И лица черные! Как я оттуда припустила! До самой деревни без памяти бежала, даже туфельку одну потеряла, сафьяновую, ты в прошлый раз из волости привез. Спасибо Мишеньке, он потом не побоялся, нашел.

Не отнимая пальчиков от руки Кузьмы Кузьмича, она погладила по плечу молодого парня, что сидел справа, сама же смотрела в другую сторону.

— Это она на меня, — шепнул Маса, поворачиваясь к красавице профилем, чтобы она могла как следует им полюбоваться.

Не на тебя, а на меня, хотел сказать Эраст Петрович, но промолчал.

— Ишь, цветочки она утром собирала, — прошипела сидевшая неподалеку женщина. — Мы все в поле работали, а Настька, значит, прохлаждалась.

Пожилой коммунар в допотопном мундире с погонами прапорщика и медалью «За покорение Чечни и Дагестана», поднялся провозгласить тост.

— Дорогие товарищи! Сегодня, в 82-ую годовщину Бородинской баталии, я хочу поднять этот бокал медову-

хи во славу русского оружия! Американцы никогда никого не побеждали, кроме несчастных мексикашек, а мы одолели самого Наполеона! За нашу великую отчизну!

И он завел дребезжащим голосом: «Гром победы, раздавайся, веселися, храбрый росс!»

Многие с чувством подхватили, но не все.

Например, горбунья, не присаживавшаяся ни на минуту и всё следившая, чтобы у Эраста Петровича и Масы не пустели тарелки, петь не стала, а довольно ехидно обронила:

— Бородино давно было. Пора бы уже кого-нибудь еще победить, а то неудобно как-то.

Любительница Чехова, вспомнил Фандорин, поглядев на ее умное, тонкогубое лицо.

— П-позвольте, а как же турецкая кампания?

— Одолел кривой слепого, да сам без глазу остался.

Эраст Петрович и сам был того же мнения по поводу балканской войны, так что возражать не стал.

— Вы кушайте, кушайте, — потчевала его Евдокия. — Все блюда моего приготовления. Я здесь вроде Оливье. Читала, есть в Москве такой знаменитый ресторан. Вкусно там готовят?

— Когда-то было вкусно. Но в последние годы туда ездят не столько поесть, сколько... — Эраст Петрович замялся, подбирая слово. — Повеселиться. Там нынче наверху интимные кабинеты.

— Неплохое сочетание, — засмеялась Евдокия, очевидно, не склонная к жеманству. —Мужчин приваживают оперением, а удерживают кормом. Я это всегда знала, потому и кухарничать обучилась. Пока Настя наша в возраст не вошла, — тут она кивнула на красавицу в красном платке, — у меня больше всех мужей было.

Здесь разговор, принявший интересное направление, прервался, потому что к Фандорину подсела толстая дама в расшитой крестьянской рубахе и пенсне.

— Вы-то сами с какого штата пожаловали? — спросила она, не очень убедительно изображая простонародную манеру речи.

— Я из Бостона.

— И что там, много наших?

— Русских? Почти никого.

— Среди американцев, значит, живете? — жалеющее вздохнула она. — А уехали давно?

— Четвертый год. Однако в Россию время от времени наведываюсь.

Толстуха оживилась.

— Что там, совсем кошмар? Голод, нищета?

Состояние дел на родине Эраст Петрович оценивал пессимистично, но радовать собеседницу не захотелось.

— Отчего же. Газеты пишут, что промышленность растет, рубль к-крепнет. Нищета остается, но с голодом покончено.

— И вы верите? Это пропаганда, — пренебрежительно скривилась дама. — Разве в России простые крестьяне вроде нас могут позволить себе такое угощение? — Она обвела рукой стол и убежденно закончила. — Там ад, а у нас рай. Причем построенный вот этими руками.

Продемонстрировав Эрасту Петровичу и Масе свои пухлые персты, матрона гордо удалилась.

— *Канодзё мо варуку най на* [1], — поцокал ей вслед японец.

— Ваш китаец сказал, что она дура? — Евдокия улыбнулась. — Конечно, Липочка не семи пядей во лбу, но она говорит правду. У нас и вправду рай. Особенно для таких, как я.

Маса вздохнул.

— Я японец.

А Фандорин переспросил:

— Д-для таких, как вы? Что вы имеете в виду, Евдокия... простите, не знаю отчества.

— Просто Даша. Мы живем без церемоний... Экий вы рыцарь. Будто не поняли. Я имею в виду свой горб. — Задрав несоразмерно длинную руку, она похлопала себя по спине и без горечи рассмеялась. — Я ведь не то что

[1] Тоже красивая женщина *(яп.)*

остальные девочки и мальчики, я сюда ехала не за равенством и братством. А за женским счастьем. И не прогадала. Дома у меня не было бы ни семьи, ни дела. Единственное — в монастырь идти. Но без веры в Бога это как-то подловато. Зато здесь у меня несколько мужей, и детей родила, четверых. Сначала-то мужчины ко мне из человеколюбия ходили. Потому что на острове справедливости не должно быть обиженных. А потом прижились, да так и остались. Кормлю я вкусно, умею слушать, когда надо — утешу. Для мужчин ничего главнее нету.

— И все в вашей здешней жизни б-безоблачно?

Эраст Петрович искоса взглянул на заливающуюся хохотом Настю.

Отлично его поняв, Даша ответила:

— Вы про Настеньку? Красивая девочка. И умненькая. Сообразила, что с такой внешностью можно и не работать. Половина мужчин по ней с ума сходят, особенно кто постарше, вроде Кузьмы. Двух мужей у меня переманила, но трое все-таки остались. Да и те двое вернутся, я уверена. Эта волшебная бабочка надолго у нас не задержится. Томится она, скучает. Хочет в большой полет сорваться, да пока не решается. Страшно это, когда ничего в жизни не видел кроме Долины Мечты.

Ему понравилось, как она говорит — беззлобно, спокойно.

— Хотя, если так дальше пойдет, скоро никого из нас здесь не будет, — печально прибавила горбунья. — Разобьют нам мечту злые люди в черных намордниках...

О деле говорили в правлении, после трапезы. Кроме председателя в беседе участвовали еще двое старших членов товарищества: давешний прапорщик и сухонький человек в синих очках, который сразу же сообщил, что повредил зрение, когда сидел за убеждения в темном каземате.

Ничего нового от этой троицы Фандорин не услышал, лишь причитания и жалобы на судьбу. Правда, по-

мощь была обещана любая — кроме участия в насильственных действиях.

Затем состоялся опрос свидетелей. Увы, почти безрезультатный.

Настя ничего к своему рассказу прибавить не могла.

Харитоша, пастух расстрелянного овечьего стада, мало что успел разглядеть. Видел несколько всадников с черными повязками или платками на лицах. Они кричали что-то неразборчивое, палили во все стороны. Он испугался и побежал. Даже на самый простой вопрос (не виднелись ли у разбойников из-под платков бороды) паренек ответить затруднился.

Эраст Петрович наведался на место побоища — в одиночестве, потому что никто из коммунаров идти за рубеж, помеченный палкой с черепом, не согласился. На лугу там и сям грязно-серыми кучками валялись трупы овец, над ними вились тучи мух. Зажимая нос от ужасного запаха, Фандорин выковырял несколько пуль, застрявших в деревьях. Пули как пули — винтовочные, карабинные, револьверные. Что ж, во всяком случае история с нападением не выдумка.

Потом осмотрел оба черепа. Тоже ничего полезного не обнаружил. Первый с пулевым отверстием в темённой области. Кто-то выстрелил сзади и сверху, с очень небольшого расстояния. Очевидно, из засады — с дерева или с небольшой скалы. Произошло это лет пятнадцать, а то и двадцать назад. Второй череп еще старше. Без повреждений, только сверху след ножа. Наверное, снимали скальп и нажали сильнее нужного.

Тут на горных тропах, вероятно, человеческих костей полным-полно, еще с индейских времен.

На территории, которая раньше принадлежала коммуне, а теперь была аннексирована Черными Платками, обнаружилось множество конских следов. Однако далеко они Эраста Петровича не увели — лишь до скал, где на голом камне подковы не отпечатывались. Чтобы идти по такому следу, нужно обладать особыми навыками, которых у городского человека Фандорина не было.

В деревню он вернулся уже в темноте. Коммунары стояли плотной кучкой, ждали, что расскажет специалист.

Но Эраст Петрович ничего рассказывать не стал. Велел Масе запрягать и молча сел в седло.

— Куда вы на ночь глядя? — не выдержал Кузьма Кузьмич.

— Съезжу п-прогуляюсь. Проверю версию номер один.

Белоснежка и семь гномов

Версия номер один пока была единственной. И, по разумению Эраста Петровича, самой логичной.

В замкнутом пространстве существуют двое соседей, которые находятся в столь скверных отношениях, что отгородились друг от друга забором. Коммунары люди мирные, покладистые, зато беглые мормоны, судя по рассказам, публика боевая, задиристая, непримиримая. С чужаками не церемонятся, отлично умеют обращаться с оружием.

О селестианцах удалось выяснить следующее.

Апостол Мороний и шесть его братьев покинули штат Юта, давний оплот своей ветхозаветной религии, когда отцы мормонской церкви дрогнули под давлением властей и начали подумывать, не отречься ли общине от многоженства. В 1890 году четвертый президент церкви Уилфорд Вудрафф издал манифест, запрещавший мормонам иметь больше одной жены, и селестианцы окончательно прервали все отношения с былыми единоверцами.

Их сообщество еще больше отделено от внешнего мира, чем община «Луч света». На свою территорию они никого не пускают. Кузьма Кузьмич по дороге рассказывал, что Мороний предложил сплитстоунскому «исправнику» выбор: попробует сунуться — пристрелят на месте; будет держаться на расстоянии — сто долларов ежемесячно. Поскольку это было ровно вдвое больше его жалованья, маршал охотно согласился (чего еще ждать от этого красноносого героя?). Объявил, что вопрос о

юрисдикции Дрим-вэлли спорен. Может быть, долина вообще не относится к территории его округа. До тех пор, пока этот казус не будет решен компетентными инстанциями, ему тут делать нечего. Заодно снял с себя всякую ответственность за происходящее и на русской половине, что очень пригодилось ему в дальнейшем, когда там появилась банда.

Таким образом никто селестианцев не трогает, никто не мешает им жить по их обычаям.

Каждый из братьев имеет по нескольку жен, а у старшего их чуть ли не целая дюжина. В семьях по десять-двадцать детей. У взрослого населения пропорция мужчин и женщин поддерживается за счет того, что по достижении совершеннолетия право остаться дома получает лишь первородный сын. Его женят, обычно сразу на двух невестах — двоюродных сестрах. Прочие сыновья «отправляются в мир» и могут вернуться, лишь если приведут с собой по меньшей мере двух новообращенных девушек, так называемых «голубиц».

Селестианцы богаты. Книг кроме Ветхого Завета не признают никаких. Трудолюбивы. Очень суеверны. Отличные наездники. Носят особые шляпы с высокой конической тульей, чтобы помыслы устремлялись вверх, к Небу. Мужчины бреют только усы, а волосы на подбородке не трогают, ибо в них вся святость.

Потому-то Эраст Петрович и спросил бестолкового Харитошу, не торчали ли у разбойников из-под повязок бороды.

У селестианцев русские наверняка как кость в горле. Если коммуна уберется из Дрим-вэлли, долина превратится в абсолютно замкнутый анклав, где сектантам будет полное раздолье.

Прослышав про шайку Черных Платков, членов которой никто не видел в лицо, бородачи решили воспользоваться этим удобным шансом. Хитрость шита белыми нитками. Даже не понадобится принцип «ищи, кому выгодно». Других подозреваемых просто не существует. А убогая выдумка про какое-то безголовое привидение на-

верняка придумана теми же селестианцами. По их скудоумному расчету, эта детская страшилка должна запутать след и создать впечатление, будто они тоже жертвы.

Увы, на американском Западе всё примитивно, даже преступные замыслы.

Точку в этой дурацкой истории следовало поставить незамедлительно, прямо нынешней ночью. А там можно и возвращаться, продолжить работу над усовершенствованием стояночного тормоза...

Мысли Фандорина повернули в более интересном направлении. Настоящая жизнь была там, в инженерно-механической лаборатории Массачусетского технологического, где ковалось светлое и разумное будущее человечества, а копеечные тайны Дрим-вэлли — чушь и глупости.

Рыжая лошадь равномерно переступала, беззвучно плывя над стелющимся по траве туманом. Ее копыта были обмотаны тряпками, чтоб не производить шума. С маскировкой дела обстояли хуже. При свете дня испачканный костюм, возможно, не выглядел белым, но в темноте отчетливо выделялся.

Зато Масу было не видно и не слышно. Он крался где-то сзади, прикрывая тыл. Сапоги со шпорами оставил в деревне, переобулся в онучи и лапти, на тропу не лез, держался в тени.

С четверть часа Эраст Петрович ехал шагом вдоль деревянной изгороди, делившей долину надвое, тщетно пытаясь обнаружить какой-нибудь зазор. Стал подумывать, не перемахнуть ли, и даже вынул из седельного чехла винтовку, чтоб при разгоне не колотила лошадь по боку.

Вдруг раздался странный шелест, в воздухе мелькнуло нечто тонкое и длинное, очень быстро двигающееся, и, прежде чем всадник сообразил, что происходит, на плечи ему упала веревочная петля, а в следующее мгновение мощный рывок выдернул Фандорина из седла.

«Ремингтон» с лязгом отлетел в сторону. Хоть Эраста Петровича когда-то учили искусству мягкого падения, но за отсутствием практики навыки подзабылись. Он не успел одни мышцы как следует напрячь, другие — как

следует расслабить и приложился о землю так, что зазвенело в ушах. Впрочем, человек, вовсе не обучавшийся падать, от подобного кульбита скорее всего просто свернул бы себе шею.

Из-за противного звона упавший несколько секунд ничего не слышал, однако отлично рассмотрел, как с той стороны забора появились два темных пятна. Заскрипело дерево, и пятна превратились в проворные тени.

Фандорин лежал и не двигался, неестественно вывернув руку, вроде как без чувств. Только бы Маса выручать не кинулся. Не кинется — он человек опытный.

Судя по движениям и голосам, люди, осторожно приближавшиеся к Эрасту Петровичу, были совсем молоды.

— Как думаешь, стрельнуть? — напряженным дискантом спросил один.

Второй откликнулся не сразу.

— У тебя серебряная?

— А какая же?

Они стояли шагах в трех, будто не решаясь подойти ближе.

— Погоди. — Звук пробки, вынимаемой из фляги. — Сначала святой водой окропим.

На Эраста Петровича полетели холодные брызги. Что за балаган?

Парни (им вряд ли было больше двадцати) дружно бормотали молитву:

— ...И не введи нас во искушение, но избави от Лукавого. Аминь.

— Голова-то у него есть? — шмыгнув носом, спросил первый.

— Вроде была... Хотя кто их ведьмаков разберет... Видал, как он над землей плыл? Будто по воздуху. Жуть!

— Сейчас пощупаю... — В голову лежащего ткнулся ствол винтовки. — Есть голова!

Ну, это было уже слишком.

Прямо с земли, не поднимаясь, Эраст Петрович сделал двойную подсечку. Его ноги качнулись по кругу, будто взбесившиеся стрелки по циферблату часов, и один

из обидчиков с воплем грохнулся наземь. Второго Фандорин, приподнявшись, схватил левой рукой за пряжку ремня и рванул на себя, а кулаком правой нанес встречный удар, в переносицу. После этого осталось только перекатиться к первому и, пока не очухался, слегка стукнуть по шейным позвонкам.

Вот оба лежали рядышком, тихо.

Отряхиваясь, Фандорин встал. Сердито сорвал с плеч и отбросил в сторону лассо.

— Маса, черт тебя дери! Где ты там?

Японец немедленно возник из темноты, ведя под уздцы рыжую.

— Хорошо же ты меня прикрываешь! — рявкнул на него Эраст Петрович, потирая ушибленный при падении локоть. — А если б они не аркан кинули? Если б пальнули из двух стволов? Что тогда?

— Я бы жестоко отомстил за вас, господин, — беспечно ответил горе-помощник. — Давайте скорей посмотрим, кто эти люди. Интересно.

Пока Фандорин доставал из седельной сумки фонарик, Маса быстро связал пленников и перевернул на спины.

Черных платков нет, вот первое, что не без разочарования отметил Эраст Петрович, когда электрический луч поочередно осветил лица ночных разбойников. Оба, в самом деле, были еще совсем мальчишками. У одного на щеках и подбородке длинный смешной пух, похожий на утиные перышки. У второго волоски пожестче и подлиннее, но пока еще в весьма небольшом количестве.

— А где же пресловутые к-конические шляпы? — пробормотал Фандорин.

Маса отправился на поиски и с той стороны изгороди, из кустов, принес два необычных головных убора, один из которых немедленно нахлобучил на себя.

— Сними, — сказал Эраст Петрович, глядя на плотный, округлый силуэт камердинера, заостряющийся кверху. — Ты похож на к-клизму.

— А вы, господин, дали себя заарканить двум зеленым мальчишкам, — обиделся японец.

— Ладно, ладно. Помоги-ка.

Вдвоем они перекинули бесчувственных селестианцев через холку лошади.

— Туда повезем? — кивнул Маса в сторону русской деревни.

— Туда, — Фандорин показал в сторону селестианской. — А ты исчезни. Если что — сам знаешь.

Маса с поклоном попятился и растаял в темноте.

Ударом ноги Эраст Петрович сшиб кусок забора на землю и повел рыжую через поле, за которым светились огни.

Селение беглых мормонов приютилось в выемке огромной скалы. Тыл был надежно прикрыт отвесными каменными стенами, поднимавшимися в самое небо, а спереди щерилась заостренными концами бревенчатая изгородь. Тын был выстроен основательно: краями упирался в гору, а посередине, над массивными воротами, возвышалась дозорная башенка. Все пространство перед этой крепостью, созданной совместными усилиями природы и людей, было освещено воткнутыми в землю факелами. Незамеченным не подойдешь.

Но в намерения Фандорина и не входило оставаться незамеченным.

Выйдя на освещенное пространство, он на всякий случай, чтоб часовой не подстрелил, встал за крупом лошади и громко крикнул:

— Эй, на башне!

Связанные юнцы уже пришли в себя. Ерзали, мычали — Маса не забыл всунуть каждому в рот по кляпу.

— Кто там? — раздался с вышки дрожащий голос. — Ты человек или бес? Братья, братья!!!

Ударил сигнальный колокол, из-за частокола донеслись крики, топот множества ног.

Надо было немного подождать.

— Спокойно, не дергайтесь, — сказал Эраст Петрович пленникам. — Если будете слушаться, скоро отпущу.

Меж обтесанных верхушек бревен появились головы в конических шляпах, блеснули стволы ружей.

— Скажите, что это вы, — приказал Фандорин, вынимая кляпы.

— Это мы! Это мы! — послушно закричали молодые люди.

— Кто «мы»? — откликнулся густой голос. — Если нечисть ночная, лучше идите своим путем! У нас серебряные пули и святая вода!

— Это Джосайя и Авессалом! Нас связали!

— Кто вас связал?

Решив, что теперь можно, Эраст Петрович вышел из-за лошади.

— Я! Меня зовут Эраст Фандорин. Я ехал через долину. Эти негодяи напали на меня без предупреждения. Я мог бы их убить. Или отвезти к маршалу. Но пожалел. Они совсем мальчишки.

На стене засовещались. Потом тот же басистый голос крикнул:

— Эраст — это хорошее имя. Ты из наших братьев, из мормонов?

— Нет, я русский. Приехал навестить соплеменников. Что мне делать с этими разбойниками? Если они не ваши, я отвезу их в Сплитстоун.

Снова шушуканье, чуть более продолжительное. Потом заскрипели ворота.

— Это ничего, что ты русский. Все люди братья. Въезжай, добрый человек. Ты поступил милосердно.

На треугольном пространстве, зажатом между тыном и обрывом, стояли семь основательных домов в два этажа, около каждого хозяйственные постройки. В стороне — амбары, большой коровник, свинарник, кузница, корраль. Повсюду горели масляные фонари, и было видно, как любовно, тщательно обихожен здесь каждый клочок земли. Посередине поблескивал черной водой идиллический прудик. На клумбах благоухали цветы. Через акку-

ратно выложенный камнями ручеек был перекинут кукольный мостик.

Еще одна разновидность земного рая для своих, подумал Эраст Петрович, оглядывая Небесных Братьев, высыпавших из домов.

В основном это, правда, были сестры. Все в белых фартуках, лиц почти не видно под огромными кружевными чепцами. Женщины стояли плотными кучками, каждая у крыльца своего жилища, и просто смотрели, предоставляя действовать мужчинам.

Тех было немного, человек двадцать. Разного возраста, но одеты одинаково: островерхие шляпы, темные костюмы, белые рубашки без галстука. У всех бороды, причем у иных предлинные, ниже пояса.

Распоряжался низенький, густобровый человечек лет пятидесяти в коричневом сюртуке и с серебряной пряжкой на тулье — вероятно, он-то и вел переговоры с башни. Фандорин подумал, что это и есть апостол, но, как вскоре выяснилось, ошибся.

Пока селестианцы развязывали и расспрашивали юнцов с библейскими именами, густобровый на время исчез, а потом появился снова и отвел Эраста Петровича в сторону.

— От имени апостола Морония и всей нашей общины приношу тебе глубокие извинения, добрый путник. Прости наших неразумных братьев. Они действовали по собственному почину и будут сурово наказаны. Я — старейшина Разис. Остальные старейшины и сам апостол просят тебя пожаловать к ним для беседы.

Он с поклоном показал на самый большой из домов, над которым чернел кованый крест.

— Б-благодарю.

Прежде чем последовать за старейшиной, Эраст Петрович обернулся и окинул быстрым взглядом гребень тына.

Так и есть: в самом углу, у обрыва, меж острых зубьев появилось круглое пятнышко. Это занял наблюдательный пост Маса.

В просторной комнате с белеными стенами было пусто. Фандорин обернулся, но Разис, пропустивший его вперед, куда-то испарился. Пожав плечами, Эраст Петрович переступил порог и осмотрелся.

Обстановка была скудная, но в то же время торжественная — каким-то образом одно другому не мешало. Длинный стол с семью высокими деревянными креслами; центральное, с затейливой резной спинкой, напоминало трон. Напротив — сиротливый стул, очевидно, предназначенный для гостя. Или для обвиняемого?

Из украшений лишь большая гравюра великолепного готического храма, в котором Эраст Петрович опознал знаменитый мормонский собор в Городе Соленого Озера.

Больше в комнате рассматривать было нечего. Соскучившись, Фандорин уселся на стул, и сразу же, будто специально дождавшись этого момента, двойные белые двери с противоположного конца распахнулись.

В зал чинно вошли семеро мужчин в коричневых, как у Разиса, сюртуках, с длинными-предлинными бородами и торжественно расселись по местам. Все были низенькие, плотные, с мохнатыми бровями — сразу видно, что родные братья.

Центральное кресло занял седовласый крепыш с румяными щеками и широченным, сурово поджатым ртом. Он, как и остальные, был в шляпе с большой пряжкой, но не серебряной, а золотой. Это уж точно был апостол Мороний, кто ж еще.

Приветствий не последовало. Семеро братьев в упор разглядывали человека в серо-белом костюме. Даже Разис, сидевший с краю, хоть он, казалось бы, имел возможность налюбоваться на русского и раньше.

Эраст Петрович, в свою очередь, рассматривал селестианских старейшин. Я с ними тут, будто Белоснежка с семью гномами, подумал он и закусил губу, чтоб не улыбнуться.

— Мы живем в страшные времена, — скрипучим голосом сказал Мороний, остальные молча покивали. —

Джосайя и Авессалом храбры, но безрассудны. Они решили на свой страх и риск выследить дьявола, что ополчился на нашу мирную общину. По их словам, из темноты бесшумно выплыла белая фигура на коне. Вот они и вообразили нехорошее.

— Я ехал не по вашей земле, а с русской стороны.

— Мальчики увидели всадника с ружьем. Все знают, что русские — трусы, и оружия не носят. Кто ты такой на самом деле?

Эраст Петрович коротко объяснил суть задания, полученного от полковника Стара, следя за лицами старейшин. Те выслушали его очень внимательно. При упоминании о Черных Платках некоторые заулыбались, но не хитро и не злорадно, а скорее презрительно.

— Ты очень храбрый человек, если разъезжаешь по долине ночью один! — воскликнул Разис. — Никто из наших на такое не отважится! Даже глупые щенки Авессалом с Джосайей отправились за ворота вдвоем!

— Что мне бояться б-бандитов? Я приехал не для того, чтоб от них прятаться, а чтоб их найти. Мистер Стар готов договориться с ними по-доброму.

Он сделал красноречивую паузу, но ответ Морония был неожиданным:

— Старейшина Разис говорит не про бандитов. Во-первых, их в долине нет, иначе мы бы знали. А во-вторых, селестианцы не боятся никого из обитателей земли, и уж меньше всего каких-то жалких грабителей.

— Кого же тогда вы боитесь? — Фандорин улыбнулся. — Не безголового же всадника, в самом деле?

Его шутливый вопрос привел братьев в смятение. Они зашептались между собой, причем крайние даже выскочили из кресел, чтобы принять участие в обсуждении.

Эраст Петрович деликатно отвел глаза, но прислушиваться прислушивался. О чем шел спор, было непонятно, но, похоже, мнения разделились.

— Ты знал о Безголовом и все-таки отправился на ночную прогулку? — недоверчиво поинтересовался апостол.

— Да, что-то такое слышал. — Фандорин никак не мог взять в толк: неужто эти, мягко говоря, взрослые и умудренные жизнью люди могут всерьез верить в привидение?

— Знаешь и об индейце, и о его чубаром жеребце? — все тем же тоном спросил Мороний.

Пора было разобраться, из-за чего сыр-бор. То в салуне чернокожий Уошингтон Рид всех пугал, теперь эти семеро гномов.

— Буду признателен, если вы расскажете мне о Безголовом Всаднике п-подробнее.

Апостол подал знак старейшине, сидевшему справа от него.

— Поведай ему, Иеремия, — как ты это умеешь.

Сивобородого Иеремию уговаривать не пришлось. Очевидно, он пользовался в общине славой великого рассказчика.

Громко прочистив горло, что само по себе прозвучало довольно зловеще, старейшина начал — с ужимками и модуляциями провинциального трагика.

— 23 августа сравнялось тринадцать лет с того страшного дня. Ровно тринадцать!

«Рррровно тринадцать!» он выкрикнул, будто каркнул. Братья дружно перекрестились.

— Во времена золотой лихорадки не было в здешних местах головореза страшней, чем вождь индейцев племени лакота по имени Расколотый Камень. Он был семи футов ростом и ездил на огромном чубаром коне, который в бою дрался передними копытами. Переселенцев Расколотый Камень называл «бледной саранчой» и за людей не считал, убивая без разбору — хоть женщин, хоть младенцев. Кровожадный дикарь верил, что белых такое огромное количество, потому что их убитые воскресают и являются на индейскую землю снова и снова. Поэтому своим жертвам он прокалывал барабанные перепонки. Шаман сказал ему, что, если так делать, душа уйдет в землю и больше не вернется.

Ты, конечно, слышал о том, как огромное скопище индейцев в 1876 году уничтожило 7-й кавалерийский полк

генерала Кастера, не оставив в живых ни одного человека? — спросил Иеремия. — Многие тогда говорили об этой ужасной загадке.

— Я с-слышал о резне при Маленьком Большом Роге. Но слышал я и о том, что Джордж Кастер в свое время закончил военную академию худшим учеником в выпуске. Этим, вероятно, и объясняется «ужасная загадка».

— Я говорю не о причине поражения, а о жутком открытии, которое сделали скауты, первыми обнаружившие место битвы. — Иеремия перешел на страшный шепот. — У каждого из 266 солдат и офицеров были проколоты уши. Вот каков был Расколотый Камень. Недаром им пугали детей от Колорадо и до Монтаны. Все остальные вожди давно были перебиты или сдались и осели в резервациях, а Расколотый Камень все рыскал по прериям и горам со своими краснокожими, сея повсюду смерть и трепет. Несколько раз он чудом выскальзывал из ловушек и засад. Всякий раз чубарый уносил злодея от погони. Но пришел конец и Расколотому Камню. Его, как и многих мужей силы, погубила женщина.

Старейшины дружно закивали. Их, закоренелых многоженцев, можно было считать экспертами в этом вопросе.

— Звали ее Голубая Сойка. Обычная скво, ничего особенного. Я потом видел ее в резервации. Тощая, тут ничего и тут тоже, — показал на себе Иеремия. — Но Расколотый Камень в ней души не чаял. И, когда скауты полковника Маккинли окружили его лагерь близ Коттон-крика (это в пятнадцати милях отсюда), он вступил с кавалерией в переговоры, чего раньше никогда не делал. В прежние времена он велел бы воинам бросить баб и детей, налетел бы вихрем и унесся прочь на своем чубаром дьяволе. А тут, из-за этой самой Сойки, дрогнул. Сдался на почетных условиях: что никого из индейцев не тронут, всех переправят в резервацию. Сам полковник пожал Расколотому Камню руку, скрепляя уговор. И слово свое сдержал — почти. На первом же ночном привале, вон там, у Змеиного каньона, — показал рассказчик куда-

то в сторону и вверх, — пока полковник Маккинли спал или прикидывался, что спит, волонтеры выволокли вождя на край обрыва и повесили. За все его кровавые дела и особенно за проколотые уши. На чубарого никто не позарился, хотя конь был первостатейный — пристрелили и даже шкуру не содрали. А всех остальных пленных честь по чести доставили в резервацию... Стало быть, Расколотого Камня вздернули 23 августа 1881 года в каких-нибудь пятистах шагах отсюда. Кабы мы знали, что тут стряслось такое черное дело, нипочем бы здесь не поселились.

— Воистину так, — вздохнул Мороний, и каждый повторил: «Воистину так».

— История, конечно, к-колоритная, но при чем здесь безголовый всадник?

— Да, ты забыл сказать про голову, Иеремия, — укорил брата апостол.

— Я приберег это на конец... — Иеремия весь подался вперед и, уже не актерствуя, а по-настоящему дрожа от страха, зашептал:

— Там, на самой кромке каньона стояло сухое дерево. Оно и сейчас есть... Волонтеры затянули на шее индейца длинную веревку и спихнули его вниз. А тело у него было мощное, тяжелое... Позвонки не выдержали, и на веревке осталась болтаться лишь оторванная голова с шеей... Старый негр Уошингтон Рид, который был там и видел всё собственными глазами, сразу сказал: «Добра не жди. Индеец вернется за своей головой». Так оно и вышло. Вождь вернулся. Бродит по долине, ищет то, чего лишился...

Апостол забормотал псалом в обережение от нечистой силы, старейшины подхватили.

— Кто-то из ваших видел безголового всадника собственными г-глазами? — подождав, пока они домолятся, спросил Фандорин.

— Первый раз ночью 23 августа, — подтвердил Мороний и повернулся к старейшине, сидевшему слева. — Иуда, ты был там.

Тот, в отличие от Иеремии, не обладал даром рассказчика.

Почесав пушистую бороду, Иуда нехотя проворчал:

— Рассказывал уже, сколько можно... Ну не спалось мне. Пошел прогуляться, на луну посмотреть. На обрыве хорошо, ветерок. Вдруг топот. Думаю, кто бы это? А там прямо по краю Он. — Иуда поежился. — Головы нет. Конь пятнистой масти, как корова. Встал на дыбы, прямо над пропастью, около сухого дерева. Развернулся и ускакал... Ну, я про Расколотого Камня вспомнил. Сердце прихватило. Еле домой добрел...

Рассказ безусловно заслуживал внимания — люди, подобные Иуде, врать и выдумывать не умеют.

— Всадника видел только мистер Иуда или кто-то еще? — спросил Эраст Петрович.

— Еще его видел молодой Саул. То есть это мы так думаем, что видел, — непонятно ответил Мороний.

— Должен был видеть, как иначе? — заметил один из старейшин.

— А все потому что отца не слушал! — воскликнул другой и вдруг завсхлипывал. Соседи обняли его, стали утешать.

— Саул был сыном Мафусаила, — скорбно пояснил апостол, глядя на плачущего. — Самый отчаянный из наших юношей. Никакого страху в нем не было. Теперь вот не знаем, что с ним делать. В освященной земле хоронить или просто зарыть?

Эраст Петрович слушал нахмурившись. История с Безголовым Всадником выходила менее забавной, чем ему показалось вначале.

— Что случилось?

— Пойдем. Сам посмотришь...

В холодном погребе, который в обычное время, очевидно, использовался для хранения продуктов, на полу стоял неструганый гроб. В нем, со всех сторон обложенный кусками льда, лежал покойник. Только упокоенным он никак не выглядел. На фиолетовом лице застыла гри-

маса невыразимого ужаса, а глаза хоть и были прикрыты серебряными долларами, но судя по уползшим на середину лба бровям, вылезли из орбит.

— Смотри сюда, — посвятил керосиновой лампой Мороний — с одной стороны, потом с другой.

Оба уха мертвеца были черны от спекшейся крови.

— Проколоты барабанные п-перепонки? — тихо произнес Эраст Петрович и поневоле передернулся. — Это нельзя так оставлять. Нужно разобраться.

Апостол уныло вздохнул:

— Как разберешься в дьявольских кознях?

— Так же, как в человеческих. — Стиснув зубы, Фандорин стянул с трупа саван, чтобы найти повреждения. — Нужно установить круг возможных версий, а потом рассмотреть каждую по очереди.

Никаких ран на теле не нашлось.

— Отчего произошла с-смерть?

Старейшины о чем-то перешептывались. Кажется, опять заспорили.

— От ужаса, — ответил Мороний. — Мы нашли Саула утром близ Змеиного каньона. Он лежал ничком. Ни царапины, только уши проколоты...

Он поднял руку, чтобы братья умолкли.

— Скажи, русский, быть может, ты не веруешь в Бога? — спросил апостол, но не с осуждением, а словно бы с надеждой.

— Это сложный вопрос. Коротко не ответишь.

Старейшина Разис воскликнул:

— Ага, я был прав! Такое может сказать только безбожник! Раз ты не веришь в Бога, значит, не веришь и в Дьявола?

— Не верю, — признался Эраст Петрович.

— Говорю вам, нам его послало Провидение!

Разис повернулся к остальным и снова перешел на шепот. Фандорин расслышал лишь полфразы: «Это еще лучше, чем...»

Непонятно, в чем Разис пытался убедить остальных братьев, но это ему не удалось.

— Как решил, так и будет! — возвысил голос Мороний. — Хватит спорить!

Он достал из кармана часы, многозначительно щелкнул крышкой, и дискуссия закончилась.

— Время заполночь, а мы встаем рано, — вежливо, но твердо обратился апостол к Фандорину. — Мы благодарны тебе, но устав общины не позволяет давать приют иноверцу. Скажи, где нам найти тебя? Возможно, мы обратимся к тебе с просьбой.

— В русской деревне, или в номерах «Грейт-Вестерн», — сказал Эраст Петрович. — В самом деле, пора.

Во дворе ему подвели лошадь, еще раз принесли извинения и благодарности, но всё это было проговорено в явно ускоренном темпе.

Любопытно, подумал Фандорин и перед тем, как сесть в седло, вытер лоб открытой ладонью наружу, что на тайном языке жестов, принятом у «крадущихся», означало: оставайся, где есть.

По меньшей мере трижды ему сказали, что ехать нужно от ворот налево — так будет короче до изгороди. Настойчиво предлагали провожатого, но Эраст Петрович отбился.

Он действительно повернул налево, но шагов через двести сделал широкий полукруг и снова вернулся к частоколу — однако не к воротам, а в самый дальний угол, вплотную примыкавший к скале.

Спешился на изрядном расстоянии, к тыну подкрался, держась в тени обрыва.

— Сюда, господин, сюда, — шепотом позвал Маса.

Он поставил один на другой три обрубка бревен, оставшихся с времен, когда строили стену, и примостился сверху, имея возможность видеть всё, что происходит внутри селестианской крепости.

— Ну что там?

Эраст Петрович сел на землю, опершись спиной о бревно.

— Суетятся. Бегают. Свет в окнах не гаснет.

— Ждут кого-то. Потому и выпроводили меня с такой п-поспешностью. Интересно, кого бы это, в такой час. Подождем.

Помолчали.

Потом японец снова зашептал:

— Господин, в этом селении женщин в несколько раз больше, чем мужчин. Это почему?

Объяснение вызвало у него живейший интерес.

— Если бы мне пришлось на всю жизнь остаться в этой долине, — задумчиво сказал Маса, — я бы не пошел жить к русским, я бы сделался небесным братом. А вы, господин?

Попытавшись представить себя сначала коммунаром, потом селестианцем, Фандорин поежился:

— Лучше уж стать Безголовым Всадником.

И рассказал помощнику про легенду и труп в леднике. Маса покачал головой, поцокал языком.

— Да, всякое бывает. Вот в городе Эдо во времена сёгуна Цунаёси был похожий случай. Господин Цунаёси любил собак больше, чем своих двуногих подданных, за это его и прозвали Собачьим Сёгуном. Он велел построить по всей стране харчевни и постоялые дворы для бродячих псов, а всякого, кто обидит собаку, предавал смерти. И вот однажды бедный ронин по имени Бакамоно Ротаро имел несчастье зарубить мечом дворняжку, которая помочилась ему на кимоно — причем прямо на фамильный герб. Ронина, разумеется, приговорили к харакири, и он выполнил приказ властей, но перед смертью поклялся, что страшно отомстит за бесчестье. И с тех пор на ночных улицах Восточной Столицы завелся страшный оборотень. От ног до плеч — самурай, а голова песья. Как где увидит собаку — неважно, бродячую или с хозяином, сразу выхватывает меч и рубит на мелкие куски. Правда, сук в течке не убивал. Тут в нем верх брало кобелиное начало, и он...

Маса поперхнулся на полуслове и предостерегающе вскинул руку — услышал что-то. Слух у него был острее, чем у господина.

— Кто-то едет? — шепотом спросил Эраст Петрович, но секунду спустя и сам услышал дальний стук копыт.

Его помощник смотрел в одну точку.

— Человек, — докладывал он. — В чем-то светлом. На лошади. Едет медленно.

Потом вдруг замолчал. Покачнулся на своем шатком пьедестале. Не удержался и полетел вниз. Фандорин едва успел подхватить деревянные кругляши, чтоб не загремели (сам-то Маса приземлился мягко — это у него получалось отлично).

— Ты что?! — зашипел на него Эраст Петрович, но японец лишь разевал рот, пучил глаза и тыкал пальцем в пространство.

Фандорин обернулся и в первый миг тоже обомлел.

Из темноты выплыла серая лошадь, на которой покачивался серый же всадник. Над плечами у него ничего не было — лишь чернота.

— Это он, Расколотый Камень! — прохрипел Маса, перекрестился по-православному и забормотал буддийскую молитву.

— Вряд ли, — заметил Эраст Петрович. — У вождя чубарая лошадь, а не серая. И потом, смотри, селестианцы преспокойно открывают ворота.

Конный поднял руку, и оказалось, что кисти у него тоже нет — один рукав.

— Всем привет! — закричал безголовый сипловатым голосом, который показался Фандорину знакомым. — Вот он я, как обещал!

Видение приблизилось к факелам, и стало видно, что у него есть и голова, и руки — просто черные. Это был Уошингтон Рид, темнокожий игрок из салуна.

— Стыдись, — упрекнул Эраст Петрович японца, быстро поставил обрубки один на другой и вскарабкался на них.

Маса, виновато сопя, соорудил себе точно такой же постамент — обрезков вокруг валялось в изобилии.

Они увидели, как негр въезжает в ворота. Во дворе его ждали все семеро братьев, прочие жители селения стояли поодаль, на почтительном расстоянии.

Рид спешился, шепнул что-то на ухо своей серой, раздутой как бочка, кляче, и та сама затрусила к коновязи, уткнулась мордой в мешок с овсом, захрупала.

— Я замечаю, в этих краях лошади гораздо умнее людей, — сумрачно обронил Маса, все еще переживающий из-за своего промаха.

— Тс-с-с, не мешай.

Очевидно, на селестианских небесах чернокожие за братьев не считались — в дом Рида не пригласили, обошлись без рукопожатий, и разговор происходил под открытым небом. Но о чем толковали старейшины со столь странным собеседником, подслушать не удалось. Говорили негромко, да и расстояние было немаленькое, шагов пятьдесят.

Эраст Петрович приложил к глазам бинокль.

Кажется, Рида уговаривали что-то сделать, а он не соглашался. Лицо у него было угрюмое. Пожалуй, даже напуганное. Негр почесал в затылке (он был без головного убора), помотал головой. Тогда Мороний протянул ему какие-то бумажки. Фандорин подкрутил колесико. Две купюры, двадцатидолларовые. Отличная вещь восемнадцатикратное увеличение.

Для оборванца вроде Уошингтона Рида сорок долларов — немалые деньги, и все же чернокожий опять затряс головой. Апостол добавил к двум бумажкам третью.

Рид крякнул, сплюнул, что-то буркнул и взял купюры. Свистнул лошади. Та выдернула морду из мешка и рысцой подбежала. Он легко сел в седло, приложил два пальца ко лбу и шагом выехал за ворота. Старейшины смотрели вслед и крестили воздух.

Упруго спрыгнув на землю, Фандорин приказал:

— Давай за ним. Он едет медленно, не отстанешь. В крайнем случае, немножко побегаешь, тебе это на пользу.

— А где мы с вами встретимся, господин?

— Я поговорю с к-коммунарами и вернусь в Сплитстоун. Буду в гостинице.

Из темноты, в которой скрылся всадник, донеслись заунывные звуки — это Уошингтон Рид затянул какую-то тоскливую ночную песню.

Шурша лаптями, Маса кинулся догонять.

Специалист

Еще издали, когда вдали только-только показались постройки русской общины, Эраст Петрович услышал крики, а подъехав ближе, увидел мечущиеся меж домов силуэты. Кажется, на улицу высыпало все население деревни, включая детей.

Фандорин, конечно, предполагал, что его возвращения будут ждать с нетерпением, но не ожидал встречи столь бурной и многолюдной. Да еще с рыданиями!

Ночной ветерок донес явственные звуки плача, и Фандорин пришпорил лошадь — кажется, в коммуне стряслась беда.

Если подытожить то, что он услышал от доброй дюжины рассказчиков, оставив в стороне эмоции, слезы и негодующие выкрики, история вырисовывалась такая.

Поздно вечером, после ужина, танцев и хоровода, без которого в «Луче света» не обходилось ни одно общественное гуляние, красавица Настасья в сопровождении молодого человека, некоего Саввушки, отправилась к речке, пройтись. Вдруг с того берега, через брод, налетели двое на конях, лица под черными платками. Девушку перекинули через седло, ее кавалера оглушили ударом по голове и были таковы.

Когда Эраст Петрович потребовал, чтобы его отвели к свидетелю, тот прибавил к этому совсем немногое. Хорошенький юноша с льняными волосами и синими, словно васильки, глазами лежал на кровати. Его голова была обвязана бинтом, сквозь который проступало пятно крови. В комнату набилось множество коммунаров обоего пола, все слушали — не в первый и не во второй раз.

— Сидели на траве, разговаривали... — Голос у Саввушки дрожал, губы подергивались — не отошел еще от потрясения. — Как они подъехали, мы не слышали... Топот, плеск... Я кричу: «Вы что?! Пустите ее!» А он меня рукояткой...

— Сам виноват, сам! — ломая руки, закричал Кузьма Кузьмич. — Зачем Настю к речке повел? Какое ты вообще имел право за ней ухаживать? Ты же несовершеннолетний! Правил не знаешь?

Видно было, что председатель не в себе. Обвинение в адрес несовершеннолетнего Саввушки он повторил еще по меньшей мере раза три, а под конец разрыдался.

— Что делать, Эраст Петрович? Что делать? — всхлипывал Луков, хватая Фандорина за руку и мешая сосредоточиться. — Вы должны спасти Настеньку! Вернуть ее!

Все вокруг повторяли то же самое. Однако, приглядевшись, Эраст Петрович заметил, что женская половина коммуны убивается меньше, чем мужская. Из представительниц мягкосердечного пола глаза утирала лишь Даша.

Когда она заговорила, все замолчали. Похоже, к мнению горбуньи здесь привыкли относиться серьезно.

— Настю жалко, — сказала она. — Бедная девочка! Но что сделает Эраст Петрович в одиночку против целой шайки? Мы ведь с вами, сестры, не отпустим своих мужей под бандитские пули?

— Еще чего! Ни за что на свете! — закричали «сестры», а одна, в очках, тонко выкрикнула. — Насилием ничего хорошего добиться нельзя!

Горбунья подняла руку, призывая всех к молчанию.

— Товарищи, ясно одно. Нужно уходить отсюда. И чем быстрее, тем лучше. Оставаться в долине нельзя.

Толпа снова зашумела, но теперь в основном слышались мужские голоса.

— Как уйти? Куда уйти? Все бросить?

И несколько человек возмущенно зароптали:

— А Настя? Бросить Настю? Принципы принципами, но это уж просто подлость!

На того, кто произнес последнюю фразу, про подлость, немедленно накинулась одна из коммунарок, крайне неинтеллигентным образом:

— Молчал бы, кобель! Восемнадцать лет его кормила, обстирывала, а он к этой вертихвостке сбежал! Так ей и надо!

Начался бедлам — все заговорили разом, перебивая друг друга и размахивая руками. Создавалось впечатление, что семейно-половой вопрос в коллективной общине решен не до конца.

— Ходить можете? — тихо спросил Эраст Петрович у забинтованного. — Пойдемте. Покажете, где это произошло.

Не замеченные разгоряченными спорщиками, они выбрались из дома. Единственный, кто увязался следом, — председатель Луков.

Снаружи уже серели утренние сумерки, а пока дошли до речки, совсем рассвело.

— Не подходите близко, — велел Фандорин спутникам. — Где именно вы находились?

— Мы сидели вон там, под кустом.

Судя по примятой траве, не сидели, а лежали, определил Эраст Петрович, но объявлять об этом открытии не стал, чтоб Кузьма Кузьмич снова не впал в истерику. Председатель и без того был почти невменяем.

— Я знаю! — крикнул он. — Я догадался! Вы ведь не верите в Черных Платков, правда? Вы подозреваете, что это мормоны нас выживают! Я понял это по вашему поведению. И теперь я с вами согласен. Это они, длиннобородые дикари! Они увезли Настеньку в свой гарем!

— Не думаю, — проговорил сидящий на корточках Фандорин. — Не думаю...

Вот здесь двое конных пересекли речку. След узкой женской ступни — вероятно, Настя вскочила и попыталась убежать. Вмятина, несколько капель крови — это упал оглушенный Саввушка.

Эраст Петрович перешел через брод на ту сторону.

Так. В кустах лежали два человека, довольно долго. Вокруг — целых шесть окурков. Но окурки не ночные, более давние. Селестианцы точно исключаются — табак для них «сатанинская сера».

Поодаль привязывали лошадей: следы копыт, обгрызанные ветки.

Он вспомнил, как Настя рассказывала про свою утреннюю прогулку и про то, что двое мужчин подгляды-

вали за ней с той стороны. Присмотрели добычу, потом за ней вернулись, а легкомысленная прелестница упростила охотникам задачу — сама вышла к речке. Неудивительно, что на то же самое место: живописная поляна, ивы над водой.

Какое-то время Фандорин шел по следу. Нашел на кусте клочок шелка — это платье украденной девушки зацепилось за колючку.

Но там, где кончилась трава и почва стала каменистой, след, как и в прошлый раз, потерялся. Порыскав и там, и сям, сыщик сдался. Прав был Роберт Пинкертон, когда сказал: «Городскому человеку без помощи местного специалиста не обойтись».

Значит, придется мобилизовать специалиста.

В Сплитстоуне он сначала завернул в гостиницу — умыться, сменить рубашку и узнать, нет ли новостей от помощника.

Портье сказал:

— Вам записка с каракулями от вашего китайца.

— Он японец.

В послании аккуратными иероглифами сообщалось следующее:

«8 часов 45 минут утра восьмого дня девятого месяца. Черный человек в сарае, где живет его лошадь. Сам он, похоже, тоже там живет. Выдул бутылку американского сакэ и спит. Караулю. Это на задворках башни с колоколом. Ваш верный вассал Сибата Масахиро».

Выпив на первом этаже кофе (преотвратительного, как, впрочем, повсюду в Америке), Эраст Петрович наведался в указанное место. Путь был недальний, от «Грейт-Вестерна» шагов сто.

Японца он бы нипочем не обнаружил, если бы тот сам не зашипел из стога сена:

— Господин, я здесь. А он там.

Меж сухих стеблей высунулась рука и ткнула коротким толстым пальцем по направлению к ветхому сарайчику, за которым уже начиналась прерия.

Фандорин, неслышно ступая, подошел ближе и подсмотрел в щель.

Сначала после яркого солнца ничего не разглядел, лишь услышал размеренное хрупанье с подсвистом. Потом глаза привыкли к полумраку, и он увидел в углу непривязанную серую лошадь. Она жевала сено. Подсвистывал же ее хозяин, мирно спящий прямо у задних копыт своей клячи, которая предупредительно помахивала длинным хвостом, отгоняя от его лица мух и обеспечивая вентиляцию.

Вдруг серая перестала хрупать, поставила уши торчком и покосилась в сторону Эраста Петровича выпуклым глазом. Мягкие ноздри раздулись. Лошадь повернулась и фыркнула лежащему прямо в лицо. В то же мгновение Уошингтон Рид открыл глаза и сел, а в руке у него откуда ни возьмись появился револьвер.

Эраст Петрович тихонько отступил от стены сарая, попятился.

— Ты что, старушка? — послышалось ворчание Рида. — Соскучилась, что ли? Подрыхну еще, ночью-то нам не спать...

И, судя по шороху, улегся снова.

— Глаз не спускать, — шепнул Фандорин, проходя мимо стога. — Вернусь вечером.

Дослушав до конца, специалист ничего не ответил. Откажется, подумал Эраст Петрович, наблюдая, как на обожженном солнцем лице Скотта вверх-вниз похаживают белесые брови.

Отхлебнув из бутылки (по счастью, опорожненной меньше, чем наполовину) «пинк» наконец разомкнул уста.

— Не пойдет. В письме мистера Пинкертона сказано: «консультации и советы». А тут запросто можно получить пулю. Нет-нет, даже не упрашивайте. — Мелвин стукнул кулаком по прилавку. — Когда речь заходит о моей шкуре, никаких тридцатипроцентных скидок. Пять долларов в сутки, сразу и без дураков. Ясно?

— Ясно, — быстро сказал Фандорин. — Я еще д-добавлю, если вы меня выведете к логову шайки. Только давайте поторопимся. Нужно скорей выручить девушку из беды.

«Пинк» приложился к бутылке.

— В таких делах торопиться себе дороже. К тому же, как я понял из вашего рассказа, эта красотка не вполне девушка. Терять ей особенно нечего.

Эраст Петрович с трудом сдержался, чтобы не вспылить.

— Как вы можете такое г-говорить? Она уже двенадцать часов в лапах головорезов. Неизвестно, что с ней там делают!

— Как раз известно, — хладнокровно обронил Скотт и осклабился. — Ладно, не сверкайте глазами. Что можно сделать — сделаем.

И, надо отдать ему должное, собрался очень быстро.

Двадцать минут спустя два всадника уже выезжали из Сплитстоуна, держа путь на скалы. Ехали не споро, но виноват в этом был не «пинк», а сам Фандорин — его рыжая пристала и никак не желала идти рысью.

Всю дорогу Мелвин болтал языком, не забывая потягивать виски. Когда бутылка опустела, достал другую.

— ...И учтите, приятель: я нанялся только пройти по следу. Воевать с парнями в черных платках не буду. Это раньше, в молодые годы, мне всё было нипочем, а теперь надо о старости думать. Ладно, если наповал уложат, а если только покалечат? Кому нужен одинокий инвалид? Слишком много я таких перевидал за свою жизнь. Не хочу подохнуть под забором, как бездомный пес.

— А как вы хотели бы п-подохнуть? — поинтересовался Эраст Петрович.

Скотт мечтательно улыбнулся.

— На мягкой перине. Чтоб жена держала за руку, а в дверях толпились рыдающие дети. И чтоб, когда повезут на кладбище, ни у одного сукиного сына во всей похоронной процессии не было револьвера на поясе. Эх, приятель! Говорят, есть на свете такие места, где люди ходят по улицам без оружия и где много-много женщин, причем порядочных. Моя беда, что я никогда не умел откладывать деньги, всё спускал на ветер. Мне бы хороший куш. Тысяч пять или десять... Уехал бы к дьяволу. Обзавелся семьей. Да только где возьмешь такую кучу денег? — Он хохотнул. — Разве что поезд грабануть? А что, у меня получилось бы. Только надо не скакать вдоль рельсов, паля во все стороны, как эти болваны Черные Платки. Нужно положить поперек путей дохлую корову, и паровоз сам остановится. А дальше просто. Паровозная бригада мешать не станет, на кой им неприятности? Пассажиров тоже трепать незачем, сколько с них возьмешь? Нужно сразу к почтовому вагону. Заряд динамита на дверь — это если почтовики добром не откроют. Взять мешки, на которых печать казначейства. И поминай как звали. Проще простого. Проблема одна — толковые напарники. Сколько серьезных людей погорели из-за кретинов, которые не умеют держать язык за зубами и слишком много пьют. — Мелвин так закручинился, что отпил из бутылки чуть не четверть. — Вот с вами я бы попробовал. Сразу видно, что вы не из болтливых и с нервами все в порядке.

Тут он подмигнул, и стало ясно, что это, кажется, была шутка.

Русскую деревню объехали стороной, чтоб не терять времени. Мелвин Скотт развлекал спутника лекцией о том, как правильно грабить банки. Оказалось, это еще проще, чем потрошить почтовые вагоны.

Но стоило партнерам достичь места, где Фандорин потерял след, как «пинк» замолчал на полуслове, спрыгнул с коня и припал к земле, что-то высматривая.

Отбежал в сторону, где виднелся узехонький проход между двумя каменными глыбами, по-собачьи принюхался.

— Лошадиным потом несет... Здесь коню не пройти, не задев камень крупом. Ведите моего в поводу. И не жмитесь ко мне, не мешайте.

Смотреть, как работает истинный профессионал, всегда наслаждение.

Куда подевался циничный пьянчуга, битых два часа изводивший Эраста Петровича никчемной болтовней?

Движения Скотта стали экономичными, плавными, пожалуй, даже грациозными. Он то перебегал на несколько шагов вперед, то замирал на месте, то начинал поводить носом из стороны в сторону.

Никогда в жизни Фандорин не обратил бы внимания на еле заметную зазубрину на каменной плите — а ее выбила конская подкова, и по словам «пинка», не ранее минувшей ночи. Потом, ткнув пальцем на обломанную ветку, Скотт свернул влево, где русло высохшего ручья вывело следопытов вверх, на извилистую тропу, поднимавшуюся всё выше и выше. С одной стороны был крутой склон горы, с другой, под обрывом, открывался вид на долину.

Отсюда она была похожа на огромную миску щавелевого супа, в которой яичным желтком плавало ржаное поле общины «Луч Света». Эраст Петрович остановил свою рыжую на самой кромке, чтобы полюбоваться этим шедевром природной кулинарии. Гнедая «пинка» тревожно переступала на месте, дергая повод, привязанный к луке фандоринского седла. Вдруг она с заполошным ржанием вскинулась на дыбы и скакнула в сторону — из-под ее копыт в кусты метнулась длинная пятнистая змея. От неожиданного рывка рыжая тоже шарахнулась, прочь от обрыва, и ценитель прекрасного, едва успев ухватиться за повод, кувыркнулся прямо в бездну.

Ну, бездна не бездна, а саженей пятьдесят пустого пространства под беспомощно висящим Фандориным было, и избежать падения казалось невозможным. С отчаянным

стоном рыжая упиралась в тропу всеми четырьмя ногами, но человека ей было не удержать — скользя по камням копытами, лошадь сползала все ближе к краю.

Повод нужно было выпускать. К чему утягивать за собой ни в чем не повинное животное.

Благородный муж никогда не сдается, даже если поражение неминуемо. Исключительно из этого соображения, а вовсе не из желания оттянуть гибель, Эраст Петрович вцепился в торчащий из отвесной стены корень, а узду выпустил.

Корень был сухой, мертвый, и выдержать такой тяжести, конечно, не мог. Он не оборвался, но стал вытягиваться из земли. Вниз посыпались песок и камешки. Фандорин пытался нащупать носком сапога хоть какой-то выступ, но нога все время срывалась.

За минувшие годы Путь баловня Фортуны мог оборваться десятки, если не сотни раз, причем при гораздо более осмысленных обстоятельствах, но у судьбы, как известно, свои резоны, и сетовать на нее дело зряшное. Путь оканчивался глупо, но, по крайней мере, красиво: умереть в полете, успев сказать жизни «спасибо и прощай» — не самый скверный из финалов.

— Спасибо... — пробормотал он, а закончить не успел, потому что над ним появилась насупленная физиономия Мелвина Скотта, и крепкая рука схватила гибнущего Эраста Петровича за запястье.

— Нет смысла, — прохрипел он сквозь стиснутые зубы. — Утяну вниз...

— Я держусь за камень, — так же сдавленно ответил «пинк».

Из жилетного кармана Скотта, покачиваясь и сверкая, свисала золотая цепочка — прекрасная, как ускользающая жизнь.

Нога наконец уперлась во что-то твердое — кажется, в камень.

— Теперь потихоньку, не дергай. — Мел тянул Фандорина вверх. — Плавно, плавно...

Какую-нибудь минуту спустя оба сидели на краешке обрыва, свесив ноги и тяжело дыша. Скотт смотрел вниз, Эраст Петрович вверх. Вот и еще одна смерть упорхнула в несбывшееся.

— Спасибо, — сказал он вслух. — Если бы не ты, я бы сорвался.

— «Спасибо» не отделаешься. — «Пинк» поднялся, отряхивая штаны. — С тебя бонус. За сегодняшний день заплатишь двойную таксу. По-моему, справедливо. Как считаешь?

Эраст Петрович кивнул, потрясенный. Никогда еще его жизнь не оценивали в пять долларов...

Скотт обрадованно улыбнулся.

— Вот и отлично. А еще ты обещал приплатить, если я выведу тебя к банде. Кажется, я знаю, где у них схрон. Идем, это недалеко.

Примерно с полчаса они поднимались вперед по тропе, которая вывела их на неширокое плато: справа попрежнему был обрыв, но до следующего яруса горы тянулась большая плоская площадка, вся утыканная валунами. Впереди сплошной стеной торчали скалы, похожие на башни готического замка.

— Так и есть. Они прячутся на старом прииске. Уютное местечко. Не высовывайся! — Скотт пригнул Фандорину шею и сам тоже спрятался за камень. Лошадей они оставили за поворотом. — Там часовой!

— Г-где?

— Видишь Два Пальца?

Эраст Петрович разглядел в склоне нечто вроде зазора, с обеих сторон которого возвышались два узких утеса, похожие на знак V, который так любят изображать при помощи пальцев американцы.

— Смотри в свой бинокль... Не туда, ниже.

Фандорин давным-давно отвык быть на положении дилетанта. Он забыл, как это замечательно — находиться рядом с опытным человеком, который лучше тебя знает, что и как нужно делать.

Пошарив окулярами по серой поверхности утеса, Эраст Петрович наткнулся на черное пятнышко. Сфокусировал изображение.

Шляпа. Черный платок в пол-лица. Посверкивающий ствол ружья.

В средней части левого «пальца», кажется, имелась выемка. В ней-то и расположился дозорный. Если б не «пинк», Фандорин его нипочем бы не заметил.

— Работа сделана, — довольно заявил Мелвин. — Итого с тебя 15 баков: пять за день работы, пять за спасенную жизнь и пять за результат. — Там, за Двумя Пальцами, маленький рукав, в котором когда-то был золотой рудник Корка Каллигана. Отличное место для убежища. Наверняка сохранились какие-то хибары, значит, есть крыша над головой. Вода тоже имеется. А главное, никто не сунется. С такой позиции можно хоть целую армию удерживать.

Он был прав. С утесов все открытое пространство отлично просматривалось и простреливалось. Просто чудо, что часовой их не заметил — спасибо осторожному Скотту.

— Неужели ничего нельзя сделать? — озабоченно спросил Эраст Петрович. — А другого прохода не существует?

Скотт осклабился.

— Другого прохода здесь нет, но ты попал в десятку, приятель. Можно запереть их внутри, как медведя в берлоге. Расположить вот за этими камнями стрелков, чтоб держали ущелье на прицеле. Человек этак сорок-пятьдесят. И тогда можно вести переговоры. Козыри-то будут у нас. Считай, что это дополнительная консультация. Общий баланс — двадцатка.

— Восемнадцать пятьдесят. На консультацию полагается т-тридцатипроцентная скидка, — в тон ему ответил Фандорин, чувствуя, что начинает становиться настоящим американцем.

Снова на службе

— Дрим-вэлли не моя территория, — наверное, в двадцатый раз повторил городской маршал Нэд О'Пири. — Обращайтесь в Круктаун, к федеральному маршалу.

— На это нет времени, — в двадцать первый раз сказал Фандорин. — Нужно спасать девушку.

Мелвин Скотт сидел на подоконнике, отхлебывал из бутылки. В беседе участия он не принимал — просто привел Эраста Петровича к сплитстоунскому блюстителю закона и на том, очевидно, счел свою миссию исполненной.

— Только и федеральный маршал не станет возиться. — О'Пири задумчиво прищурился на жужжащую муху. — Никого же не убили. Подумаешь, бабу украли. Может, на ней жениться хотят.

«Пинк» ухмыльнулся, но промолчал. Маршал с явной завистью посмотрел на бутылку в его руке.

— И вообще, джентльмены. Время к вечеру, присутственные часы у меня закончены. Я иду в салун, ужинать.

О'Пири с достоинством поднялся.

— Ты просто трусишь, старый прощелыга, — сказал Скотт, затыкая пробку. — Но если не хочешь подставлять шею сам, может, позволишь это сделать другим?

Маршал нисколько не обиделся. Совсем напротив — просветлел лицом и сел.

— А это сколько угодно. — Он выдвинул ящик стола и выложил на стол две жестяные звезды. — Ну-ка, поднимите оба правую руку и повторяйте за мной. «Клянусь свято исполнять федеральные законы и законы штата Вайоминг. Клянусь не превышать предоставленных мне полномочий. Клянусь...»

— Заткнись, — оборвал его «пинк», пододвигая обе звезды к Фандорину. — И можешь катиться к чертовой матери.

Подхватив шляпу, О'Пири выскочил за дверь.

— Что это з-значит?

Эраст Петрович взял одну из звезд, рассмотрел. На ней было написано «Deputy Marshal»[1].

— Маршал имеет право приводить к присяге любое количество *депьюти-маршалов*, то есть помощников. А те в свою очередь могут собрать *посси*.

— Что собрать? — не понял Фандорин.

— Посси. Ну, отряд добровольных защитников закона.

Вероятно, это ласковое слово происходит от латинского posse comitatus[2], предположил Эраст Петрович.

Скотт сплюнул вслед сбежавшему маршалу.

— Большего от Неда мы бы все равно не добились. Только проку от этого не много.

— Почему?

— Никто с тобой не пойдет. Ты здесь чужак.

Они вышли на улицу, оставив дверь в контору открытой. Красть оттуда все равно было нечего.

— А с т-тобой?

— Со мной, наверно, пошли бы. Если б я пообещал хорошую плату и выпивку впридачу. Но я помощником маршала быть не могу. Во-первых, нам, «пинкам», это не положено. А во-вторых, я же тебе говорил: под пули не полезу. Вдвоем против целой банды? Ни за какие деньги!

Сколько времени ушло впустую, подумал Эраст Петрович. Пока возвращались из долины, пока уламывали маршала. Часа через два стемнеет.

— Не вдвоем. Это раз. Лезть под пули тебе не придется. Это два. А плата будет т-тройная. Это три. Ну же, едем!

Скотт смотрел на него с любопытством.

— Я вижу, роли поменялись. Начальник снова ты. Что ж, твое «раз-два-три» звучит неплохо. Но сегодня, мне кажется, уже поздно.

— Ничего, обложить выход из ущелья можно и при лунном свете.

Вместо ответа Мелвин достал длинноствольный револьвер, прицелился вверх, выстрелил. Звона не было.

---

[1] Помощник маршала *(англ.)*

[2] Общинная сила *(лат.)*

— Я же говорю, поздно. Поедем завтра утром, когда просплюсь.

Фандорин раздраженно дернул краем рта, но делать было нечего. Он зависел от этого человека.

— В к-котором часу?

— У меня нет часов.

— А это что? — Эраст Петрович показал на золотую цепочку, свисавшую у «пинка» из жилетного кармана.

Скотт печально молвил:

— На цепочку накопил, на часы пока нет. Как взойдет солнце, встретимся у крайнего дома.

Зевнул, махнул на прощанье рукой и, устало приволакивая ноги, двинулся по направлению к своей лавке.

Портье при виде постояльца произнес те же слова, что в прошлый раз:

— Вам записка с каракулями от вашего китайца.

— Он японец, — механически ответил Эраст Петрович, разворачивая листок.

На сей раз послание было совсем коротким:

«Мы перебрались в сакая».

Сакая — место, где продают сакэ. Стало быть, речь идет о салуне.

Бывший белый костюм от пыли и особенно от возни на краю пропасти сделался совсем нехорош. Пришлось переодеться в черный.

Минувшей ночью Фандорин не сомкнул глаз, за весь день у него во рту не было ни крошки. Удастся ли поспать, пока было неясно, но отчего бы не перекусить?

Умывшись и побрившись, он отправился через дорогу, в «Голову индейца».

Там было людно и шумно, у стойки гоготали и бранились пастухи, но на Эраста Петровича глядели без враждебности — он не сделался для них своим, но и чужаком быть перестал.

Хозяин, увидев на поясе посетителя новенькую кобуру, одобрительно сказал:

— «Рашн»? Другое дело. Сразу видно солидного человека. Что будете?

Единственное, что не вызвало подозрения в захватанном меню, — яйца. Эраст Петрович заказал полдюжины сырых (самое лучшее средство для восстановления сил), хлеба и кружку чая.

— Далеко вам до вашего китайца. — Хозяин с уважением кивнул на Масу, который в дальнем углу прикидывался спящим — то есть сидел, откинувшись назад и надвинув шляпу на глаза. — Слопал два стейка, круг жареной колбасы и десяток багелей. Теперь вон дрыхнет.

— Он японец, — сказал Фандорин, подсаживаясь к своему камердинеру.

Уошингтон Рид был здесь же, через два столика. Играл в кости с каким-то пастухом. Перед негром на столе сиротливо лежали три монетки, перед его партнером — груда серебра и бумажек.

— Хватит с-сопеть. С твоей физиономией и твоим аппетитом конспирация исключается.

Маса выпрямился.

— Позвольте доложить, господин. Черный человек спал в сарае до трех часов. Потом сразу перебрался сюда. Сначала у него было много денег. Потом нисколько. Потом немножко выиграл. Сейчас опять проигрывает.

— Это всё?

— Всё, господин.

Принесли яйца. Эраст Петрович выпил их одно за другим. Зael куском хлеба. Чай понюхал и пить не стал. Поднялся на ноги.

— Судя по твоим опухшим г-глазкам, ты тоже неплохо отоспался. А я падаю с ног. Буду в номере. Окно оставлю открытым. Если что интересное, подай сигнал.

— *Рури* подойдет? — спросил Маса.

Рури — это маленькая японская птичка чудесной лазоревой окраски. Щебет ее особенной красотой не отличается, но зато его ни с чем не спутаешь. А главное, собственных рури в Вайоминге не водится.

* * *

Рури защебетала исключительно не ко времени, помешав Фандорину досмотреть до конца чудесный сон. Будто он селестианский брат, мирно живет в райской долине, а вокруг него все женщины, которые дарили ему любовь в разные годы его жизни. Они по-сестрински нежны друг с другом, и вместе всем им очень хорошо.

Дисциплинированное сознание Эраста Петровича отказывалось пробуждаться, когда под окном ржали лошади или дрались пьяные ковбои, но на негромкий, малоприятный щебет фальшивой лазоревки откликнулось моментально.

Фандорин сел на кровати, открыл глаза и увидел, что за окном глубокая ночь.

Снова чирикнула японская птица.

Он высунулся из окна.

На улице ни души. Не видно ни зги. Даже в окнах салуна свет уже не горел.

Из темноты донеслись еще две короткие, сердитые трели. Это означало: «Скорей, господин! Что вы возитесь?»

Поскольку Фандорин спал не раздеваясь и не разуваясь, он просто перепрыгнул через подоконник.

Короткий, освежающий полет со второго этажа. Пружинистое приземление, от которого Эраст Петрович окончательно проснулся.

Откуда ни возьмись подлетел Маса.

— Господин, он проигрался до последнего. Пил один. Ушел из салуна предпоследним. А последним — я. Хозяин за мной запер.

— Почему ты не пошел за Ридом?

— Потому что он сюда скоро вернется. Когда в салуне почти никого не осталось, а хозяин отвернулся, черный человек потихоньку открыл шпингалет на окне, а окно при этом оставил затворенным. Это чтобы потом залезть с улицы.

Эраст Петрович рассердился.

— У Рида нет денег на выпивку. Собирается стибрить бутылку-другую, когда хозяина не будет. И ради этого ты меня разбудил? А мне снилось, что я селестианский брат.

На это Маса завистливо поцокал языком.

— Тсс! — шикнул на него Фандорин, прижимаясь к стене. — Идет!

Возле террасы салуна раздался шорох, быстрая тень перемахнула через перила. Скрипнула оконная рама.

Минуты две было тихо. Затем человек вылез обратно, но теперь двигался медленно и осторожно, прижимая к груди какой-то большой и, видимо, довольно тяжелый предмет. Задел им за подоконник — что-то булькнуло, звякнуло.

— Ого, он стянул целую бутыль спирта, — шепнул Маса. — Теперь упьется до смерти.

Вор присел на корточки, засовывая добычу в мешок, очевидно, приготовленный заранее.

— *Данна, сорэ ва доосьта но?*[1]

— Не з-знаю. Но сейчас мы это выясним.

Эраст Петрович быстро пересек улицу и включил фонарик.

Ослепленный ярким светом Уошингтон Рид обернулся, сверкнули белки растерянно хлопающих глаз.

— Эй, парень, ты кто? Я тебя не вижу. Не стреляй! Смотри, мой револьвер в кобуре, а руки вот они. Ты-то свой, поди, уже достал?

— Нет. Но мой напарник держит вас на мушке. — Фандорин подошел вплотную. — Ну-ка, показывайте, что там у вас.

Не поднимаясь с корточек, Рид попытался отодвинуться от мешка.

— Я вас узнал по голосу. Вы джентльмен с Востока, у которого смешной пистолетик. Послушайте, сэр, я ничего такого не сделал. Буду очень признателен, если это маленькое происшествие останется между нами. Ко мне тут все неплохо относятся, но если вообразят, что я колдун... Черному среди белых и так жить непросто...

---

[1] Господин, зачем это он? *(яп.)*

Говоря все это, негр быстро поводил из стороны в сторону подбородком — высматривал второго.

— Маса, подай з-звук, а то мистер Рид вообразит, будто я блефую, и попробует меня убить. С револьвером он управляется очень проворно.

Из темноты донеслось угрожающее покашливание.

— Напрасно вы так про меня думаете, сэр! Старый Уошингтон Рид в жизни никого не убивал. Я не убийца. Это правда, стреляю я хорошо. Но даже на войне, когда я служил в отряде снайперов, я всегда целил только в ногу. Я тридцать лет на Западе, прострелил не один десяток запястий, которые некстати потянулись за оружием, но ни одной души не погубил. Спросите кого хотите.

— Хватит болтать! — прикрикнул на него Фандорин. — Показывайте, что вы украли!

Рид перекрестился и вынул из мешка большую стеклянную банку — ту самую, что стояла в салуне над стойкой бара, в окружении связок перца и лука.

— Зачем вам понадобилась маринованная к-капуста?!

Фонарь осветил банку получше. Луч качнулся. Эраст Петрович непроизвольно сделал шаг назад.

Это была не капуста, а человеческая голова. На сером лице со скорбно закрытыми глазами выделились широкий горбатый нос и огромный рот. Черные волосы свисали неряшливыми клоками, шея оканчивалась рваными лоскутами кожи.

— Что это?!

— Известно что, — благоговейным шепотом ответил Рид. — Голова индейца. Расколотого Камня, того самого. Она в салуне над стойкой тринадцать лет красуется. Вы не думайте, я ее не для колдовства спер. Для хорошего и, можно

сказать, благородного дела. Но, если велите, я поставлю ее обратно.

Что ж, теперь картина прояснилась. Вот, стало быть, за какую работу селестианцы заплатили целых 60 долларов.

— Неужели вы верите в привидение, к-которое ищет потерянную голову? Или просто решили заработать на суеверии?

— Вождя видели! И не один раз! А вы знаете, что он уже унес в преисподню одного из мормонов?

В самом деле, подумал Эраст Петрович. Безголовый всадник, может, и химера, но труп в леднике был настоящий. Что за чертовщина!

Негр, озираясь, сказал:

— И это еще только начало, помяните мое слово. Он не отвяжется, пока не получит своего. Надо вернуть Расколотому Камню башку. Тогда он угомонится и уберется восвояси. Я обещал длиннобородым привезти голову до света. Потому что Безголовый всегда появляется в час предрассветного тумана. Вы не выдадите меня, сэр?

Эта дикая история не имела прямого касательства к заказу полковника Стара. К тому же завтра предстоял весьма хлопотный день. Но Фандорин терпеть не мог неразгаданных загадок. Особенно мистического свойства.

Слава Богу, удалось немного поспать, да и рыжая отдохнула.

— Я вас не выдам. Более того, я п-поеду с вами.

— Правда? — обрадовался Рид. — Ах, как это было бы здорово! Честно говоря, душа в пятки, как подумаю, что придется тащить этакую ношу через всю Дрим-вэлли, да еще ночью... Но только на что вам этакая страсть? Вы, наверно, подшутили над старым Уошем?

— Ничуть. Хочу посмотреть, как Расколотый Камень заберет свою г-голову, — с серьезным видом заявил Эраст Петрович. — Вероятно, это будет совершенно исключительное зрелище.

Похоже, чернокожий, действительно, воспрял духом.

— Вдвоем — это ничего, это можно. По правде сказать, если б я не проигрался и если б бородачи не пообещали мне еще сотню, я, наверно, их надул бы, не поехал... А в

хорошей компании совсем другое дело. С вашего позволения, я только свистну свою Пегги. Она уж оседлана...

— Выводи мою рыжую, — обернувшись, сказал Фандорин по-японски. — Не забудь приторочить к седлу винтовку. На рассвете встретишься у крайнего дома с агентом Пинкертона. Увидимся в русской деревне.

— *Хай.*

Маса вышел из укрытия и поклонился. Перед посторонними он всегда придерживался строгого этикета в отношениях с господином.

— И вот еще что. Мы снова на государственной службе. Временные помощники здешнего полицейского начальника. Эти значки завтра прицепишь нам на одежду.

Как всякий японец, Маса обожал атрибуты власти и взял жестяные звезды с чрезвычайной почтительностью.

— Лучше бы нам выдали по мундиру и сабле. Но что взять с американцев? Я приведу эти гербы в порядок. Будут сиять ярче золота, — пообещал камердинер.

Безголовый всадник

— ...Ну и сбежал я на Север, надоело на плантации за здорово живешь горбатить. Когда началась война, надел красные штаны и записался в первый южнокаролинский, у нас там служили одни негры. Потом уехал на Запад, стал гонять стада. В Техасе черных ковбоев полным-полно, это здесь на меня пялятся.

Уошингтон Рид сидел в седле боком, да еще закинув ногу на ногу. Его умная лошадка Пегги шла ходко, но хозяина почти не качала, только прядала ушами, словно внимая рассказу. У Эраста Петровича возникло подозрение, что Рид балует ее своими байками, даже когда рядом нет других слушателей.

— Случалось мне и добывать золото. Мыл в ручьях, копал в руднике. Сколько через мои руки этой желтой дряни прошло, а ни крупинки не прилипло. Всё карты да кости, будь они прокляты. Я вообще-то парень башкови-

тый. Но это сильнее меня. Игра — она... — Рид поэтически развел руками... — Она как счастье. Или как невиданная красавица, которая одарит тебя одним-единственным взглядом, одной улыбкой. И знаешь ведь, что никогда не будет твоей, а всё надеешься, на других баб и смотреть не хочешь. После такой улыбки, всё остальное зола да пепел. М-да... — Он грустно улыбнулся, доставая трубку, сделанную из кукурузного початка. — Всего один раз в жизни сфартило мне по-настоящему. Садился за стол, имел при себе два слитка, в полторы сотни. А когда встал, сгреб в шляпу целых три тысячи. В семьдесят четвертом это было, в Черных Горах, в самый разгар золотой лихорадки. Поехал домой, в Саванну, где со времен рабства ни разу не был. В белой коляске подкатил, с жемчужиной в галстуке, что твой король. И посватался к лучшей черной девушке во всем штате, некоей мисс Флоренс Дюбуа Франклин. Какая красавица, если б вы только видели! Не ревнуй, Пегги, тебя тогда еще на свете не было.

Он шутливо ткнул лошадь в затылок, та мотнула головой.

— Отказала? — спросил Фандорин.

Они ехали через Бутылочное Горло, и он немного отстал — рядом было тесновато.

— Согласилась. Я ведь не такой, как сейчас был. Веселый, красивый, с медалями на груди (я их потом все в покер проиграл). Поеду, говорю, на Запад, присмотрю для нас подходящее ранчо, а потом тебя выпишу. Она, говорит, езжай, я буду ждать сколько понадобится... Э-эх, в первом же городе, не хочу даже вспоминать его название, продул все деньги вместе с коляской, жемчужиной из галстука и самим галстуком... В Саванне больше никогда не был и уж вряд ли буду. Надеюсь только, что Флоренс Дюбуа Франклин ждала меня не слишком долго...

Он повесил голову, завздыхал, и его лошадь тоже фыркнула, будто почуяла настроение хозяина.

— Как вам удается обходиться без стремян и шпор? — Фандорин давно уже обратил внимание на эту странность. — Тоже проиграли?

— С такой умницей как Пегги мне без надобности. Я и к уздечке, считай, никогда не прикасаюсь. Моей лошадке довольно сказать, и сделает. Даже говорить не надо, сама знает. Не верите? Спорим на доллар, я ей скажу: «Пегги, остановись у того камня», и она встанет.

Эраст Петрович засмеялся.

— Ну-ка, старушка, — наклонился к уху своей серой Рид. — Видишь большой бульник, что похож на голову быка? Остановись-ка там.

Возможно, тут был какой-то трюк — к примеру, он тихонько тронул бок лошади каблуком или еще что-то, но в указанном месте Пегги остановилась как вкопанная.

Негр обнял ее за шею и поцеловал.

— Только она одна на всем белом свете меня понимает и любит. Я знаете, чего ужасно боюсь? Что помру раньше нее. Кому достанется моя Пегги? Как с ней будут обращаться?

Скалы раздвинулись. За рощей уже начинались земли селестианцев.

В этот глухой час над Долиной Мечты повисла особая, недобрая тишина. Ни шелеста листвы, ни журчания воды — ни звука. Лишь перестук копыт.

Рид все чаще озирался вокруг, его лошадка ускорила ход и перешла на неуклюжую, развалистую рысцу.

Когда на ветке, прямо над головой у путников, заухал филин, негр схватился за сердце.

— Пегги, стой! Уф... — Было слышно, как у Рида клацают зубы. — Знаете что, сэр. Давайте вы отвезете им банку сами. А сто долларов мы поделим пополам. Я же все-таки вытащил ее из салуна, так? Не поеду я дальше. Чует мое сердце, добром это не кончится.

Минут пять, а то и десять ушло на то, чтоб уговорить его ехать дальше.

Но близ кукурузного поля, когда на небо выползла большая черная туча, Рид снова затрясся.

— Вы как хотите, а я поворачиваю! Вот вам мешок. Забирайте все деньги себе, мне не надо!

И сколько Фандорин ни бился, сдвинуть его с места не смог.

Хорошо, в голову пришла спасительная идея.

— Послушайте, Рид, а у вас игральные карты при себе есть?

— Карт нет, кости есть. Вам зачем? — Уошингтон уже не в первый раз попытался разжать пальцы Эраста Петровича, не отпускавшие уздечку его лошади. — Да пустите вы!

— С-сыграем? Если выиграете, можете возвращаться в Сплитстоун. Голову селестианцам отвезу я, а сто долларов будут ваши.

Уош шумно сглотнул.

— Вы дьявол. Хуже Безголового... Но как бросать кости в темноте?

— Вы же знаете, у меня фонарик.

...Минуту спустя двинулись дальше. Стаканчик и костяные кубики Эраст Петрович положил в карман, решив, что еще пригодятся.

До въезда в долину Рид всё время болтал, а теперь будто воды в рот набрал. Если и шевелил губами, то беззвучно — похоже, читал молитвы или, может, заклинания. Но дезертировать больше не пытался, это означало бы нарушить слово игрока. Даже если поставил собственную душу и проиграл, долг платежом красен.

Ворота селестианской крепости были нараспашку. Навстречу Риду, ехавшему впереди, бросились все семеро старейшин.

— Что ты так долго? — закричал Мороний. — Скоро уже рассвет! Привез?

Тут он заметил Фандорина и смешался.

Не обращайте на меня внимания, жестом показал Эраст Петрович, спешился и остался в стороне.

Старейшины переглянулись.

— Так оно даже лучше, — сказал Разис. — Безбожник может пригодиться.

Апостол нетерпеливо шагнул к негру.

— Вот твои деньги. Показывай!

— Сами любуйтесь.

Рид осторожно спустил мешок на землю, взял купюры и не глядя сунул за пазуху, после чего отвернулся. Даже в тусклом свете факелов было видно, как трясутся у него губы.

На банку с ее жутким содержимым Фандорин смотреть не стал (хорошенького понемногу). Гораздо больше его интересовала реакция селестианцев. Она Эраста Петровича не разочаровала.

Мороний развязал мешок, вынул стеклянный сосуд и вскрикнул.

Звон разбитого стекла, плеск, что-то тяжелое покатилось по земле. Старейшины отскочили в стороны.

В зловещей тишине раздался тоскливый голос Уоша:

— Уронили башку Расколотого Камня, идиоты? Ну, будет вам теперь. Вождь, ты знаешь, я не при чем. Я, наоборот, привез то, что ты ищешь!

Апостол взял себя в руки.

— Спокойно! Банку все равно пришлось бы разбить. Дайте какую-нибудь тряпку. И принесите, во что положить. Корзину, что ли. Нет! В часовне есть серебряное блюдо, так будет почтительней!

Кто-то со всех ног побежал за ворота, кто-то поднял и стал вытирать голову.

Остальные запели псалом.

— Эй, черный! За сколько возьмешься отнести голову к Змеиному каньону? — вкрадчиво спросил Разис. — Хочешь триста... нет, пятьсот долларов? Золотом, а?

Рид тронул лошадь, та с неожиданной резвостью прыгнула с места и отбежала шагов на двадцать.

— Ишь какие хитрые! — крикнул он с безопасного расстояния. — А если Безголовый меня признает? Я ведь там один черный был, когда его вешали. Хоть и в сторонке стоял, а всё равно... Не соглашусь за все золото мира! Вам надо, вы и несите.

— Тысяча! — отчаянно воззвали старейшины, но Рид вместо ответа отъехал еще на десять шагов и почти растворился во мраке.

Эраст Петрович заколебался. Нечасто можно заработать тысячу долларов золотом столь необременительным образом: всего лишь совершить небольшую прогулку (правда, не с самой аппетитной ношей). Но допустимо ли наживаться на страхе суеверных людей? Вероятно, благородный муж этого бы не сделал.

Но тут ему пришла в голову идея получше — сам Конфуций вряд ли нашел бы в ней что-нибудь предосудительное.

— Господа, если вы накроете этот п-предмет какой-нибудь салфеткой, я могу отнести его к Змеиному каньону. Денег мне не нужно, но услуга за услугу. Утром я отправляюсь в экспедицию против бандитов. Мне понадобится солидное *посси* — люди, хорошо владеющие оружием. Если бы вы дали мне человек пятнадцать-двадцать...

— Нас двадцать восемь — взрослых мужчин! — вскричал Разис. — Все пойдем!

Другой поддержал его:

— Можно взять и мальчишек, кому больше пятнадцати, им это пойдет на пользу. Тогда наберется почти сорок всадников!

И можно будет одним выстрелом уложить двух зайцев, подумал Фандорин. Даже трех. Спасти девушку, изгнать из долины разбойников, да еще и наладить отношения между соседями. Полковник Стар будет доволен.

Но единодушия между старейшинами не было.

— Так ничего не выйдет, — сказал отец молодого человека, погубленного призраком. — Расколотый Камень к безбожнику не явится. Да еще озлится. А расплачиваться придется нам.

Конец спору положил сам Мороний.

— Мафусаил прав. Негоже нам, людям веры, прибегать к помощи безбожника. Прав и негр. Нам надо, мы и отнесем.

Перечить апостолу никто не осмелился. Решение было принято.

— Но кто из нас сделает это? — спросил Разис.

И все со страхом посмотрели на голову, лежавшую на большом серебряном блюде, края которого зловеще поблескивали в отсветах пламени кровавыми бликами.

— Я, — коротко сказал Мороний и перекрестился. — Кто ж еще?

Эраст Петрович посмотрел на него с уважением. Видно, не зря селестианцы признали этого седобородого коротышку апостолом и ушли с ним из обжитых мест за тридевять земель. Так и должен поступать настоящий вождь.

— Если я. . если я не вернусь. . — Мороний изо всех сил старался говорить твердо. — Кормило примешь ты, Разис. А вы, братья, поклянитесь слушаться его, как слушались меня.

Остальные смотрели на него с благоговением и лишь низко поклонились в знак повиновения.

Все вместе они дошли до небольшой дубравы, за которой простиралось поле, обрывавшееся каньоном. С противоположной его стороны громоздились скалы, но их вершины терялись в сером полумраке. Рассвет еще не наступил, но был близок.

— Вон оно, сухое дерево, — показал Уошингтон Рид.

Шагах в трехстах чернел какой-то силуэт — там, очевидно, и находился край каньона.

Бледный и торжественный Мороний стоял навытяжку, держа перед собою блюдо, на котором темнела оторванная голова. Будто приветственная депутация с караваем, подумал Фандорин. Только солонки не хватает.

— Главное — молитв не читать и не поминать Имени Христова, — инструктировал апостола Рид. — Не то он сгинет, не забрав головы, и назавтра придется всё сызнова. Донесете, положите прямо под деревом и дуйте назад. Можно бегом, это ничего. Ах да, не забудьте сказать: «Брали не мы, но мы возвращаем».

Мороний рукой отстранил советчика.

— Братья, ружье! Если что, без боя я не дамся.

Ему подали старинный мушкетон с раструбом на конце дула, и апостол загнал в ствол огромную серебряную пулю. Руки у него ходили ходуном. Фандорин лишний раз признал справедливость максимы, гласящей: истинная храбрость — не бесстрашие, а сопротивление страху.

— Не надо ружья! — взмолился Уош. — Только хуже будет!

Но апостол его не слушал.

— Сейчас не молитесь, — сказал он братьям на прощанье. — После помóлитесь.

И пошел в одиночку через поле. Стелющийся над травой туман поднялся ему сначала до колен, потом до пояса, и казалось, будто он переходит вброд молочную реку.

— Половину прошел, — сказал Рид. — Еще пять минут, и всё...

— А-а-а! — вскинулся один из старейшин, показывая куда-то в сторону. — Вон он! Вон он!

Все разом обернулись, раздался общий судорожный вдох.

Сбоку, из темноты, куда отступала ночь, вынесся черный всадник в развевающемся плаще. Он был на могучем пятнистом коне, сам неестественно огромен, а над широченными плечами ничего — пустота!

Даже Фандорину от такого зрелища стало не по себе, селестианцы же с воплями и стонами бросились наутек. Рядом с Эрастом Петровичем остался лишь Уошингтон Рид.

— Бросай голову, бросай! — заорал он Моронию. — Бросай, не то пропадешь!

Апостол обернулся то ли на крик, то ли на топот копыт. Увидел скачущего прямо на него призрака и замер.

— Не стой! Кинь блюдо и беги! — надрывался Уош.

Апостол метнулся было назад, но безголовый уже отрезал ему путь к дубраве. Тогда Мороний побежал вперед, но блюдо по-прежнему держал перед собой. Про мушкетон с серебряной пулей он, должно быть, забыл.

Эраст Петрович бросился к лошади и рванул из чехла винтовку.

Негр повис у него на руках:

— Вы что?! С ума сошли?!

Да и не было уже времени целиться.

Мороний добежал до дерева, опередив Безголового всего на несколько мгновений. Обернулся, поднял над головой блюдо, но не выдержал страшного зрелища — попятился назад, качнулся и вместе со своей ношей опрокинулся в пропасть.

Фандорин и Рид вскрикнули.

У кромки каньона жуткий всадник поднял чубарого коня на дыбы и развернулся. Мелькнул черной тенью вдоль обрыва, растворился в тумане.

— За головой поскакал, — пролепетал Рид. — А если б вы в него пальнули — конец нам.

Эраст Петрович оттолкнул его, побежал вперед, к дереву.

Из-за края гор заструился розоватый свет, туман рассеивался прямо на глазах.

Но недра каньона еще были окутаны мраком. Фандорин, нагнувшись, долго вглядывался в темноту, но тела несчастного Морония так и не разглядел. Лишь где-то далеко внизу шумела быстрая вода.

Уош стоял поодаль. Подойти к дереву не осмеливался.

— Что вы скажете про эти следы? — спросил у него Эраст Петрович, показывая на отчетливые отпечатки подков.

Осторожно приблизившись и для верности поплевав через плечо, негр сказал:

— Гвозди с четырехугольными шляпками? Так подковывали коней воины племени лакота. Идемте отсюда, а?

— Разве индейцы подковывали своих лошадей? — удивился Фандорин.

Впрочем, старожилу лучше знать.

Следы подков вели вдоль каньона, но на камнях пропали. Если б рядом находился Мелвин Скотт, он, наверное, смог бы продолжить поиск, но от Уоша Рида проку было мало. Он тащился сзади на своей Пегги и всё уговаривал поворачивать восвояси.

В конец концов пришлось сдаться.

— Теперь апостолом стал Разис, а с ним иметь дело проще, чем с Моронием, — говорил Эраст Петрович, когда они подъезжали к открытым нараспашку воротам. — Нужно будет извлечь из пропасти тело и, конечно, голову. Если ее не унес поток. Завтра на рассвете мы повторим эксперимент. Я сам этим з-займусь. А до того, днем, наведаюсь к Черным Платкам. Селестианцы мне помогут. Присоединяйтесь и вы к нам. Опытный помощник мне не помешает. Заплачу, как мистеру Скотту — по тройной таксе: пятнадцать долларов в сутки.

— Идет, — легко согласился Рид.

По мере того, как поднималось солнце, а расстояние до Змеиного каньона увеличивалось, он все больше веселел.

— Куда это они все подевались? Под кровати с перепугу попрятались? — белозубо улыбнулся Уош.

Действительно, во дворе крепости не было ни души.

Двери домов открыты, там и сям разбросаны самые неожиданные предметы, которые обычно на землю не кладут: детский чепчик, шляпа с конической тульей, кастрюля, потертый молитвенник.

Голосов не слышно, но из коровников неслось протяжное, недоуменное мычание.

— Сбежали! — ахнул Рид, спрыгивая с лошади и бросаясь в первый же дом.

Минуту спустя он высунулся из окна.

— Всё побросали и дали деру! Ну Безголовый! Вот это да! Целую деревню мормонов расшугал!

Они обошли весь поселок и повсюду обнаружили следы поспешного бегства. Чадили непогашенные печи, где-то на плите шипело выкипевшее молоко. В одном из домов по комнате летал пух из вспоротой перины — вероятно, в ней было спрятано что-то ценное.

— Кому ж достанется всё это добро? — крутил головой Уош.

Вид брошенных жилищ напугал его. И то сказать — зрелище было тягостное.

— Наверно, никому, — сам себе ответил чернокожий. — После такого страшного дела навряд ли кто захочет тут жить. И нам бы с вами надо уносить ноги подобру-поздорову. Знаете что, сэр. Ну вас с вашими пятнадцатью долларами. Я передумал. Сотня у меня есть, на партию-другую хватит. Ноги моей в Дрим-вэлли больше не будет.

Отпускать Рида было ни в коем случае нельзя. Теперь, после внезапного дезертирства селестианцев, у Фандорина каждый помощник был на вес золота. Особенно умеющий обращаться с оружием.

— Так говорите, у вас есть сто долларов?

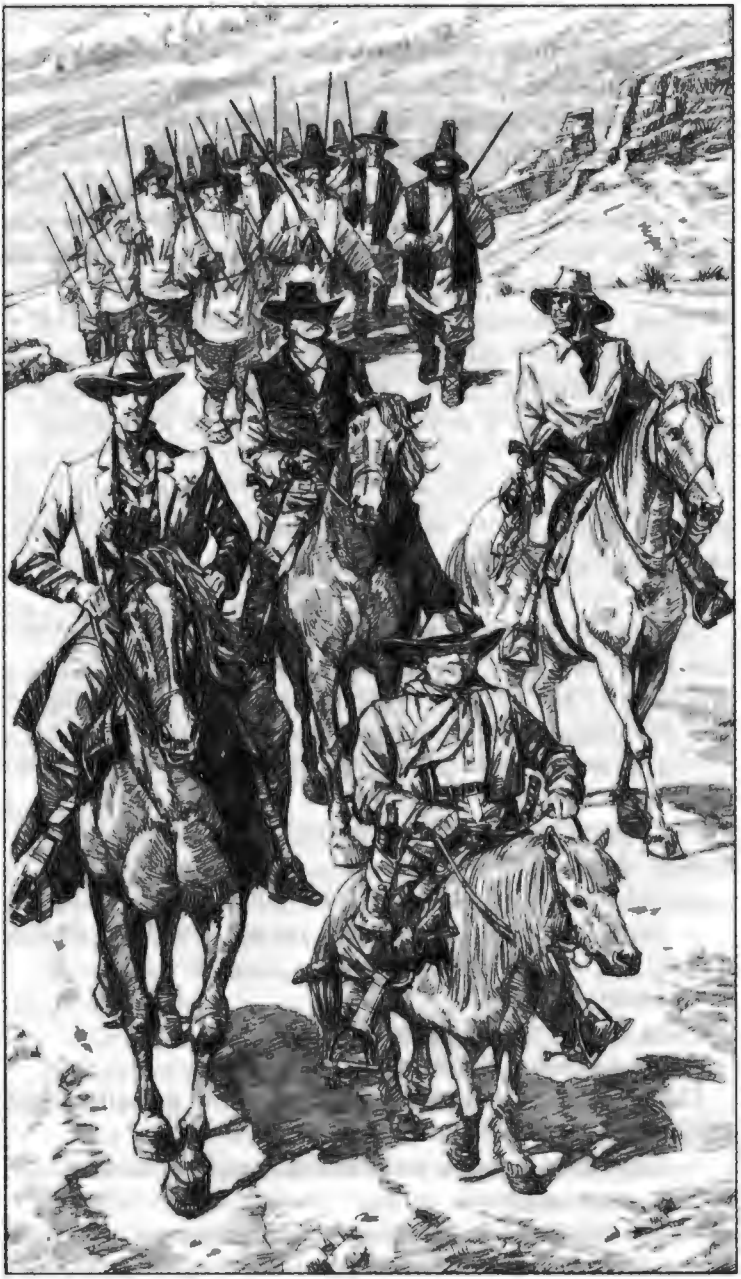
Эраст Петрович потянул из кармана стаканчик с костями.

Посси

Посси у Фандорина собралось внушительное. Издали посмотреть — целое войско.

Впереди два официально уполномоченных *депьютимаршала*: сам Эраст Петрович и Маса. Следом еще двое верховых, Мелвин Скотт и Уошингтон Рид. По посадке в седле, по небрежному наклону шляп сразу видно — люди серьезные, настоящие *ганфайтеры*. На изрядном отдалении от конного авангарда двигались основные силы, в пешем строю. Все взрослое население общины «Луч света», сорок семь стволов. Точнее говоря, деревянных палок, ибо брать в руки оружие коммунары решительно отказались, так что демонстрировать эту армию противнику можно было только с расстояния. Женщин переодели в штаны и поставили сзади, на всех нацепили островерхие шляпы (их в селестианской деревне осталось сколько угодно).

По расчету генерального штаба, в который входили Эраст Петрович и Скотт, хитрость должна была сработать. Если расположить «пехотинцев» по внешнему кольцу блокады и не велеть высовываться. Лишь бы до боя не дошло.

Фандорин был сосредоточен и хмур — ощущал бремя ответственности за пацифистов, которых, что ни говори, вовлек в чертовски опасное дело. Зато Маса на своем пони сиял, как полная луна. Ему всё нравилось: и ковбойский наряд, и чудесный пейзаж, и прогулка на свежем воздухе, а более всего — маршальская звезда. Он битый час провозился с двумя этими жестянками, и теперь они сверкали так, что смотреть было больно.

Пара, следующая за рыцарем Печального Образа и его жизнерадостным оруженосцем, выглядела примерно так же: «пинк» бледен и мрачен (правда, не от моральных страданий, а с похмелья); негр весел и улыбчив — днем привидения спят, а бандитов Уош не боялся. Участие Рида в экспедиции обошлось Эрасту Петровичу в два броска костей. После первого чернокожий лишился своих ста долларов, после второго оказался в числе добровольцев, сотню же получил обратно, в утешение.

Однако еще на середине дороги план кампании затрещал по швам.

Уошингтон Рид, напевавший какую-то легкомысленную песенку, вдруг замолчал и соскочил с лошади.

Нагнулся к земле, ткнул дрожащим пальцем в отпечаток подковы.

— Глядите! Квадратные гвозди! Здесь проехал Безголовый! Недавно!

Скотт присел на корточки, потрогал след пальцем.

— Большая лошадь. А с чего ты взял, что это Безголовый?

— Знаю...

Рида всего трясло. Лицо посерело.

— Он заодно с Черными Платками!

Плохо дело, понял Эраст Петрович и с наигранной бодростью воскликнул:

— Отлично, сшибем двух птичек одним камнем!

Уош попятился.

— Только без меня. Воевать с Безголовым я не подряжался. Пегги, старушка, уходим!

Не слушая уговоров, он понесся вниз по тропе. Серая лошадь потрусила сзади.

— Эй! — крикнул Эраст Петрович. — Может, кинем кости? Поставлю что хотите!

Из-за поворота донеслось:

— Изыди, сатана!

Так фандоринская кавалерия сократилась на четверть.

Боевого духа отряду это происшествие не прибавило. Тем не менее двинулись дальше.

По узкой горной тропе *посси* двигалось цепочкой. Но перед выходом на плато Эраст Петрович собрал всех в плотную кучку и еще раз объяснил задачу.

— Дамы и г-господа! Каждому из вас присвоен номер. Четные бегут вправо, нечетные влево. По краю всего открытого пространства расположена гряда больших камней. Прячетесь за них по двое — по трое, выставляете наружу палки и ни в коем случае не высовываетесь. Что бы ни происходило. П-понятно?

— Я-асно! Поня-атно! — отозвался нестройный хор, в котором старательнее всего звучали женские голоса.

У Эраста Петровича защемило сердце от нехорошего предчувствия. Однако менять план было поздно.

— Вперед! — сказал он конным, доставая белый платок.

Самый рискованный момент операции был сейчас. Если часовой, увидев трех всадников и рассредоточивающихся за их спиной пехотинцев, откроет пальбу, могут быть жертвы. Вся надежда на белый флаг.

Фандорин поскакал вперед, изо всех сил размахивая платком и крича:

— Не стреляй! Не стреляй! Мы хотим говорить!

Часовой выстрелил, но, кажется, не по парламентерам, а в воздух — подал сигнал тревоги.

— Всё! Спешиваемся! — догнал Скотт, показывая на большой валун, расположенный в центре плато.

Это было обговорено заранее, все трое выпрыгнули из седел. Скотт гикнул на лошадей, и те припустили назад. Они больше не понадобятся.

Прижавшись к нагретой солнцем поверхности камня, Эраст Петрович оглянулся и облегченно вздохнул.

Первый этап операции прошел без сучка без задоринки.

Стратегически важный пункт, откуда будут вестись переговоры, занят. Коммунары все целы и залегли в укрытие — оттуда торчат лишь верхушки шляп и палки, даже отсюда похожие на ружейные стволы, а уж со скалы тем более.

— Малость погодим, — шепнул Скотт. — Пускай старшóй подойдет. Не с часовым же переговариваться...

В бинокль было хорошо видно голову дозорного, торчащую из-за камня: шляпа с широкими полями, черный платок на лице. Дуло «винчестера» быстро перемещалось вправо-влево — часовой нервничал.

Минут через пять рядом возникли еще две шляпы.

— Пора, — сказал Мелвин, прищуренные глаза которого зоркостью не уступали цейссовской технике. — Сам поговоришь?

— Лучше ты. Тебя они наверняка знают.

В руке «пинка» появился кожаный рупор. Откашлявшись и хлебнув из бутылки, Скотт заорал так, что у Эраста Петровича заложило ухо.

— Эй вы, ублюдки! Это Мелвин Скотт из агентства Пинкертона. Со мной два помощника маршала и *посси* в полсотни человек! Вам из этой мышеловки не выбраться! Выходите по одному, с поднятыми руками!

Никакого ответа. Две шляпы исчезли, осталась только одна.

— Не надо было про поднятые руки, — недовольно сказал Фандорин. — На такое они нипочем не согласятся. Мы же обо всем условились! Они должны отдать девушку и уйти из д-долины!

— Ты поучи меня, как вести переговоры с бандитами. — Скотт тряхнул бутылку и расстроился — виски оставалось на донышке. — Требуешь доллар — получаешь цент. Законы торговли.

Со скалы замахали тряпкой.

— Эй, Скотт! Хочешь серьезного разговора — поднимайтесь сюда! Двое!

— Почему двое? — спросил Эраст Петрович.

— Так всегда делают. Один торгуется, другой ходит взад-вперед, докладывает старшóму. Можно, конечно, сказать, чтобы сами шли сюда, но это рискованно. Не дай Бог разглядят, что у нас с тобой за *посси*. Тогда конец.

Соображение было здравое.

— Если двое, то идем мы с Масой. Ты остаешься.

— Согласен. Не оставлять же за главного китайца.

— Он японец.

— Какая разница. Только учти: они ни в коем случае не должны догадаться, что ты у нас командир. Иначе они вас не выпустят. Пусть думают, что *посси* привел Мелвин Скотт.

Когда Фандорин с Масой вышли на открытое место и медленно направились к Двум Пальцам, камердинер сказал:

— Это очень хорошо, господин, что у них тут принято вызывать двух парламентеров. Может быть, мы сами справимся с людьми в черных *фуросики*. Если их меньше десятка.

Оказалось, что в утесе, на котором было устроено гнездо для часового, вырублены грубые каменные ступеньки.

— Орýжие положите на землю, чтоб я видел! — крикнули сверху. — И подымайтесь!

Эраст Петрович выложил «русский» револьвер, Маса — короткий меч.

— Эй, косоглазый, а из второй кобуры?

— Там торько парочки, рис кусять!

Маса расстегнул кобуру и показал торчащие оттуда деревяшки.

Стали подниматься.

— Без фокусов! Руки держите на виду! Вы у меня на мушке! — покрикивал сверху все тот же голос.

В десяти саженях от земли в скале была выемка — будто дупло в гнилом зубе.

Отличное природное укрытие было расширено и обустроено так, чтобы обеспечивать дозорному идеальный

обзор и защиту. Здесь стоял деревянный стул, баклажка с водой, валялись окурки. К стенке была прислонена винтовка.

Человек в низко опущенной шляпе держал в руках два револьвера, наведенных на переговорщиков. Глаза над черным платком были карие, настороженные.

— Вон туда, один за другим и тихонько, тихонько.

Он мотнул подбородком в сторону. В глубине виднелись еще какие-то ступеньки.

Эраст Петрович шагнул на них первым.

Оказывается, пост часового находился только на середине подъема. Лестница, вырубленная в утесе с обратной стороны и совершенно не заметная с равнины, вела на самую верхушку.

Отсюда просматривался весь «рукав», вход в который стерегли Два Пальца. Это был узкий проем, языком врезавшийся в гору. В дальнем конце дощатый барак, корраль с лошадьми и прорубленная в склоне черная дыра — вероятно, вход в заброшенный рудник.

Ступеньки привели на ровный пятачок диаметром в дюжину шагов, по краям окруженный подобием парапета. Там ждали еще двое, тоже в платках: один голубоглазый, с чистым юношеским лбом; у другого глаз только один, черный и злой. Вместо второго ввалившаяся ямка.

— Плохо обыскал, Дик, — сказал кривой конвоиру. — У красавчика под фалдой «дерринджер». У китаезы в сапоге нож и в правой кобуре какая-то дрянь.

— Я не китаедза. — Маса вынул из-за голенища стилет, а нунтяку опять попытался выдать за палочки для еды, но с одноглазым этот номер не прошел. Под смех юнца он сказал:

— Рис потом будешь жрать. Если жив останешься... Снимай пояс. Брось вниз. Вот так.

«Герсталь» пришлось вынуть из спинной кобуры и отшвырнуть в сторону. Все трое бандитов держали парламентеров на прицеле — не поспоришь.

Но хуже было другое.

Отсюда, с вершины утеса, всё плато просматривалось как на ладони: и засевший за валуном Мелвин Скотт, и расположившиеся полукругом коммунары. Хороший стрелок без труда достал бы пулей любого из них, на выбор.

И потом: разбойников трое, а в коррале по меньшей мере полтора десятка лошадей. Где остальные бандиты?

Однако спросил Эраст Петрович не про это:

— Что с девушкой? Она жива?

— Живее не бывает, — ответил черный глаз.

Двое остальных разбойников радостно заржали, причем особенно заливался самый молодой — тот, что с голубыми глазами.

— Никогда не видал китайца с шерифской звездой! — воскликнул он звонким, еще полудетским голосом и снова расхохотался. — Хорхе, ты только погляди!

— Это японец. А з-звезда не шерифская, маршальская. Мы помощники маршала и наделены самыми широкими полномочиями. — Фандорин старался говорить как можно официальнее. Что-то не нравилось ему это безудержное веселье. — Вы сами видите, сколько нас. Отдайте нам девушку, и я попытаюсь договориться, чтобы вам разрешили покинуть долину. Селестианцы очень злы на вас за шутку с Безголовым Всадником, но я п-попробую.

Он выжидательно замолчал, чтобы посмотреть, какой будет реакция на эти слова.

Реакция была все та же: голубоглазый закис от смеха, кареглазый фыркнул, черноглазый Хорхе чуть прищурил свое единственное око.

— Очень признательны за великодушие, сеньор, — с комичной серьезностью поблагодарил он. — Народу у вас много, это правда. Но что толку? Нас тут не возьмешь, сами видите. Вода в лагере есть. Еда тоже. В крайнем случае можем питаться кониной, ее на год хватит.

— Ну, ты, Хорхе, сказал! Кониной! — загоготал самый молодой. — Умора!

Фандорин быстро проговорил по-японски:

— Тут какой-то подвох. Они тянут время.

Маса улыбнулся.

— Наверно, сейчас набросятся. Чур, мне достанется Черный Глаз. Он опасней. Вам, господин, двое остальных. По-моему, честно.

— Сю-сю-мусю, — передразнил весельчак. — Ха-ха-ха!

Но японец ошибся. Никто на парламентеров нападать не стал. Выстрелы грянули внизу.

Обернувшись, Эраст Петрович увидел, что прямо из отвесного склона горы, словно в сказке, на плато один за другим выскакивают люди. Их было с дюжину. Лица закрыты черными платками.

Паля на бегу, бандиты быстро приближались к Мелвину Скотту, заходя ему в тыл.

На фальшивых «селестианцев» внимания не обращали вовсе — видимо, маскарад разбойников не обдурил.

«Пинк» вскочил на ноги, выхватил оба револьвера и даже успел несколько раз спустить курок, но через секунду опрокинулся навзничь. К нему подошли несколько человек. Один держался за простреленное плечо. Даже сверху было слышно, как бешено он сыплет ругательствами. Пнул лежащего ногой, потом разрядил в него весь барабан. Еще двое подхватили убитого за ноги, поволокли к обрыву.

Тем временем непротивленцы, побросав никого не обманувшие шляпы и палки, со всех ног улепетывали в сторону тропинки. Бегство сопровождалось истошным женским визгом. Бандиты несколько раз пальнули вслед, но, кажется, больше для острастки.

Вся баталия не заняла и полминуты.

Как мертвого «пинка» скинут в пропасть, Эраст Петрович смотреть не стал, отвернулся.

На них с Масой были наставлены три поднятых ствола. Даже четыре, потому что у одноглазого револьверы были в обеих руках.

— Сеньоры, вы предпочитаете быть застреленными или повешенными? — с глумливой учтивостью осведомился Хорхе. — Первое, конечно, менее мучительно, но и во втором варианте имеются свои преимущества. Пока

ребята подойдут, пока сделаем петли... Это по меньшей мере лишних полчаса жизни.

Кареглазый Дик сказал:

— Никогда еще не вешал помощников маршала. А ты, Билли?

— Не-а. Интересно будет поглядеть, как они дрыгаются.

Парнишка опять прыснул.

Переглянувшись, Фандорин и Маса сделали одно и то же движение: положили правую ладонь на жестяную звезду.

— Хотите снять? Выйти в отставку? — спросил Хорхе. — Поздно, сеньоры.

Голубоглазого эта реплика рассмешила так, что он прямо пополам согнулся. Тем самым облегчив фандоринскую задачу — все-таки справиться с двумя противниками сложнее, чем с одним.

— Ити-ни... сан![1] — пропел Маса.

Одна звезда полетела в лоб Дику, вторая в горло кривому Хорхе. Одновременно Фандорин и Маса прыгнули в стороны друг от друга.

Кареглазый был менее расторопен и выстрелить не успел — схватился руками за рассеченный лоб. Опять же расчет у Эраста Петровича оказался вернее. Пускай края звезды и были остро отточены (не зря же Маса с жестянками столько возился), но артерию этим оружием не рассечешь, не сталь все-таки. Зато оглушить противника на секунду можно, если бросок достаточно силен.

А вот Хорхе, хоть и с оцарапанным горлом, выпалил из обоих револьверов. Так что предосторожность с прыжками в стороны оказалась не лишней.

Но помогать японцу Фандорин сейчас не мог, у самого забот хватало. Во-первых, нужно было нейтрализовать хохотуна. Тот разогнулся, выпучил свои голубые глаза и даже успел положить палец на курок. Но не более. Эраст Петрович молниеносным рывком преодолел расстояние, отделявшее его от бандита, и нанес удар ребром ладони пониже уха. Этого хватило.

---

[1] Раз, два... три! *(яп.)*

Кареглазый, мазнув по лицу струящуюся кровь, оскалил зубы и вскинул оружие. От пули Фандорин уклонился, качнувшись вбок, а второй раз выстрелить противнику не позволил. Жестокий прием — «коготь сокола», прибегать к нему позволительно лишь в последней крайности. Растопыренными, напряженными пальцами бьешь по лицу, так что атаке одновременно подвергаются пять жизненно важных точек: переносица, оба глаза и нервные центры под скулами. Смерть наступает мгновенно.

Теперь можно было и японцу помочь. Но Маса обошелся без поддержки. Гортанно вскрикнув, он подсек одноглазого, кинувшись ему в ноги. Приподнялся, двинул железным кулаком от локтя — точно в сердце, только ребра захрустели.

— Негодяй! Он попал мне в ляжку, — пожаловался Маса, поднимаясь.

На синей штанине сквозь грубую ткань проступало темное, быстро расширяющееся пятно.

— Перетяни потуже, — недовольно велел Эраст Петрович.

Как неудачно все складывалось! А ведь главные неприятности еще впереди.

К Двум Пальцам со всех ног бежали Черные Платки — услышали стрельбу. Фандорин подобрал одну из винтовок, выстрелил. Залегли, но открыли ответный огонь. По камням защелкали пули, у самого уха провизжал рикошет.

За всеми не уследишь, кто-нибудь непременно просочится, и тогда уже с этого чертова утеса не спуститься. А Маса истекает кровью...

— Вот и верь после этого специалистам, — сердито обругал Фандорин покойного «пинка». — «Нет второго выхода, нет второго выхода». Надо поскорей убираться отсюда. Спускайся первым, хромоногий!

Он высунулся меж камней и выстрелил еще пару раз, но как следует прицелиться возможности не было. Черные Платки были слишком близко, палили не переставая и, надо отдать мерзавцам должное, довольно метко.

Пока Маса, кряхтя, спускался по ступенькам, Эраст Петрович наклонился над голубоглазым. Тот лежал без сознания, запрокинув голову.

На шее, пониже платка, беззащитно подрагивал кадык.

Пускай живет, черт с ним.

Подобрав свой «герсталь» и несколько раз выстрелив вниз — чтоб бандиты не слишком торопились, Фандорин бросился вдогонку за слугой.

Дорога была только одна — вглубь ущелья, к прииску.

Вот они добрались до длинного дощатого барака, в котором, очевидно, когда-то жили старатели.

— Настя! Где вы? — крикнул Эраст Петрович, толкая дверь.

Длинная грязная комната. На полу валяются одеяла, седла, пустые бутылки. Здесь, стало быть, и квартирует банда. Внутри никого. Значит, на вылазку шайка отправилась в полном составе.

Девушки нигде нет.

— Господин, идите сюда! — закричал с улицы Маса.

Он стоял возле корраля.

— Узнаете?

Японец показывал на крупного коня, от природы, вероятно, бывшего белой масти, но всего размалеванного большими пятнами. Вблизи было видно, что это угольная сажа.

— Чубарый Безголового Всадника, — кивнул Фандорин. — Но откуда ты-то его знаешь? Тебя ведь у Змеиного Каньона не было?

Маса удивился.

— Про всадника без головы ничего сказать не могу, но на этой лошади скакал главарь разбойников, которые напали на наш поезд.

Верно! У коня та же стать, та же посадка головы.

— А вот и саван нашего п-привидения.

Эраст Петрович подобрал с земли длинное пончо, под плечи которого было подложено нечто вроде несложного деревянного крепления с обручем, а спереди в ткани прорезано отверстие для лица. Если надеть обруч на лоб,

получался огромный безголовый силуэт. Посмотришь издалека, да еще ночью или на рассвете — напугаешься.

Однако времени на дедукцию не было.

Нужно разыскать девушку, а потом еще понять, как выбираться из этого тупика наружу. Сумели же бандиты просочиться через гору!

— Куда теперь, господин? — спросил Маса. — Слышите, они перестали стрелять. Нам лучше поторопиться.

— Туда, — показал Фандорин на черный зев бывшего рудника.

Больше все равно было некуда.

Под землей

Помощника он оставил у входа. Когда из ущелья покажутся преследователи, пара выстрелов из винтовки на время поумерит их пыл.

Насколько запущенным и грязным был барак, настолько опрятно и ухоженно выглядела пещера, вырубленная в толще горы.

Фандорин с удивлением оглядел деревянную обшивку стен, посыпанный свежими опилками пол, масляные лампы на крюках. По углам помещения было несколько закрытых отсеков с гладко струганными стенами и настоящими дверями.

Скорее всего, здесь живет главарь, отдельно от своих головорезов, подумал Эраст Петрович и вдруг заметил, что дверь комнаты, расположенной в самой дальней части подземелья, заперта снаружи на засов.

— Настя! Вы здесь? — позвал он, отодвигая металлический брус.

— Да, да! Кто это? — донесся с той стороны нежный девичий голос.

Фандорин рванул створку, одновременно вынимая из кармана электрический фонарь, чтоб осветить темницу.

Только это была отнюдь не темница.

В довольно просторной комнате горела керосиновая лампа с матерчатым абажуром. На полу лежало несколько бизоньих шкур. Был здесь и шкаф с зеркалом, и довольно приличный стол, и пара кресел. Сама пленница сидела не на груде гнилой соломы, а на большой железной кровати, среди мягких подушек.

Вид у похищенной Насти был не сказать, чтобы сильно исстрадавшийся.

Правда, спасителю она обрадовалась. Вскочила с ложа, ликующе взвизгнула, даже бросилась Эрасту Петровичу на шею и звонко его расцеловала.

— Вы ц-целы? — на всякий случай спросил он, хоть и так было видно, что девушка пребывает в отменном здравии. — Тогда скорее. Нужно уходить. С минуты на минуту здесь появятся бандиты.

Будто в подтверждение этих слов от входа донесся выстрел, потом еще один. Маса выругался по-японски — должно быть, промазал.

В ответ загрохотали другие выстрелы, многочисленные, но приглушенные толстыми стенами.

— Куда же мы пойдем?

Красавица не трогалась с места, ласково глядя на озабоченное лицо Эраста Петровича.

— Здесь где-то должен быть ход. Вы не з-знаете?

Настя дернула плечиком.

— В глубине пещеры я видела какую-то галерею. Но только я туда не полезу. Там, наверно, грязно. Летучие мыши, еще какая-нибудь гадость.

Он ошеломленно смотрел на нее.

— Но мы не сможем долго их удерживать! У моего помощника мало п-патронов!

— Так не удерживайте. Убегайте. Но меня увольте.

— Почему?!

Скривив хорошенькое личико, Настя протянула:

— Опять к товарищам коммунарам? Ну их. Здесь веселее. И кавалеры поинтересней.

Она сладко потянулась, очень похожая сейчас на разнежившуюся кошку.

Вот они, плоды социалистического воспитания, подумал Эраст Петрович с содроганием. Только теперь он заметил, что на столе стоит бутылка вина, ваза с фруктами, коробка шоколадных конфет.

— Конечно, мальчики грубоваты, — задумчиво продолжила раскрепощенная девица. — Но это ничего. Их можно выдрессировать. Умная женщина, оказавшаяся одна среди мужчин, всегда сумеет хорошо устроиться. Если не потеряет присутствия духа. Смотрите, что мне подарили! — Она вытянула из-под платья золотой самородок на цепочке. — Это вам не кружевное белье от Кузьмы Кузьмича.

Снова ударил выстрел.

— Господин! У меня осталось три патрона! — крикнул Маса. — Если девушка не может идти, берите ее на руки и бежим!

— Еще минута! — громко ответил ему Эраст Петрович. — ...Однако, Настя, что с вами будет д-дальше? Вы об этом подумали?

— Конечно. — Девушка очаровательно улыбнулась. — Накоплю побольше подарков вроде этого. Тут есть два-три очень милых молодых человека. Выберу какого-нибудь одного, посимпатичнее. И сбегу с ним. В жизни столько всего интересного!

Эраст Петрович смотрел на расчетливую красотку с отвращением. Ай да сон Веры Павловны. Далеко же упало яблоко от прекраснодушной яблони. Ради того чтобы спасти эту хищную стервочку, потрачено столько усилий, лишились жизни несколько человек, в том числе беднягa Скотт, так и не добравшийся до благословенных мест, где люди ходят по улицам без кобуры на поясе.

Средневековый самурай разрубил бы распутницу надвое и счел бы, что совершил благое дело. Фандорин же ограничился тем, что сделал шаг назад.

Настя поняла его движение неправильно.

— Но я переменю план, если вы пообещаете взять меня с собой, — проворковала она. — С таким человеком, как вы, я пойду на край света. Даже полезу в подземелье с летучими мышами.

— Нет уж, оставайтесь. — Он запнулся. — Желаю вам... интересной жизни, сударыня.

Маса уже нетерпеливо сопел за дверью.

— Где барышня? — спросил он. — Ее придется нести на руках.

— Не п-придется. Мы уходим одни.

Фандорин быстро двинулся вглубь пещеры, где, по словам Насти, должна была находиться галерея. Но слова, прозвучавшие за спиной, заставили его остановиться.

— Это хорошо, господин. Потому что нести двоих — слишком тяжело даже для такого выносливого человека, как вы.

Японец стоял, прислонившись к стене и держа раненую конечность на весу. Он был очень бледен и слегка пошатывался.

— Мне жаль, господин, но я совсем не чувствую ногу. Прошу позволения опереться на ваше плечо.

Вернувшись, Эраст Петрович обхватил Масу за талию, и, полуковыляя-полупрыгая, они устремились в темные недра рудника.

Недлинный, тускло освещенный коридор привел к шахте, уходившей вертикально вниз. Туда спускалась крепкая деревянная лестница с перекладинами. Вдоль нее были протянуты два каната, закрепленные на шкиве. Подъемное устройство, оставшееся с прежних времен?

Маса повеселел.

— Очень хорошо, господин. Я смогу передвигаться сам.

Он пролез между двумя перекладинами, оказался под лестницей и повис на руках. Потом быстро-быстро, по-обезьяньи цепляясь, заскользил вниз. Эраст Петрович, спускавшийся обычным образом, то есть при помощи ног и спиной вперед, сразу же отстал.

Лестница закончилась площадкой из досок, под которой начинался новый пролет.

Темно не было. На стене колодца, с равными промежутками, были подвешены масляные лампы, дававшие неяркий, но ровный свет.

Спустившись еще на несколько ярусов, Фандорин остановился и прислушался к звукам, доносившимся сверху. Судя по гулкому эху, бандиты уже проникли в верхнюю пещеру.

— Господин, спускайтесь скорее! — донеслось снизу. — Здесь так красиво!

В каком смысле? Эраст Петрович заглянул в люк, но ничего кроме уходящих вниз перекладин не увидел.

Продолжил спуск и еще через три пролета наконец ступил на каменный пол.

Маса стоял на одной ноге, светя во все стороны снятой с крюка лампой.

— Смотрите, смотрите! — все повторял он.

Довольно просторная камера, судя по свежим следам от кирок, была вырублена в скале совсем недавно. Но внимание Фандорина привлекли не рубцы на камне и не груды сколотой породы.

По всей высоте одной из кварцевых стен, празднично посверкивая, поднимался диковинный кустообразный узор — будто кто-то выложил из фольги неопалимую купину.

Вдоль стен были сложены штабелем ящики — одни высокие, другие плоские.

Маса снял крышку с плоского и радостно воскликнул:

— Динамит! Много!

Он сунул в карманы пару шашек, не забыл прихватить и фитили, довольно приговаривая:

— Это хорошо, это нам пригодится.

Фандорин наклонился над одним из высоких ящиков, незаколоченным. Там был не динамит, а холщовые мешочки — небольшие, но удивительно тяжелые.

Лестница наверху угрожающе загрохотала — по ней спускались люди, много.

— Сколько патронов осталось в вашем маленьком пистолете, господин? — спросил Маса.

Откинув барабан, Эраст Петрович пересчитал:

— Только три.

— Этого нам не хватит. У меня оружия совсем нет. А драться я могу, только если ко мне близко подойдут. Давайте скорей искать ход, господин. Если он тут есть.

Достав фонарик, Фандорин закрутился на месте, светя во все стороны. Посередине была выдолблена яма, но неглубокая. Вдоль трех стен кучами свалены куски кварца. Четвертая стена снова замерцала магическим блеском, но сейчас было не до красот.

— Ну-ка еще раз в тот угол! — сказал японец, хватая господина за локоть.

Эраст Петрович посветил в указанном направлении и увидел то, чего не разглядел с первого раза: за грудой камней чернело что-то прямоугольное.

Дыра? Лаз?

Так или иначе, нужно было проверить.

Обнявшись, помощники маршала заковыляли в угол. Холщовый мешочек Фандорин сунул за пазуху — для последующего изучения.

В узком проходе было темно, не помог и фонарь — в луче лишь танцевали пылинки. Но зачем-то ведь этот путь пробили?

Они двинулись вперед, причем Масу пришлось нести на спине — так получалось быстрее. Японец очень страдал из-за того, что господину приходится утруждаться, и все просил прощения за свою глупую оплошность. Стыдно бывалому мужчине тридцати четырех лет от роду подставлять ногу под кусок свинца! Это невозможно понять и простить. Такой человек, как Фандорин-доно, вынужден таскать на плечах своего никчемного вассала, которого по-хорошему следовало бы бросить, чтоб он подорвался динамитом вместе с подлыми американскими разбойниками.

— Заткнись, — буркнул Эраст Петрович. — Надоел.

Он втянул носом воздух. Сквозняк, честное слово сквозняк!

Еще через сотню шагов впереди забрезжил слабый свет.

Фандорин перевел дух.

— Вот отсюда они и п-произвели вылазку. Давай-ка свой динамит.

Шашки с зажженными фитилями они оставили внутри тоннеля, сами же поспешно отхромали подальше.

Взрыв грохнул неплохой, но все-таки недостаточно мощный. Ход не завалило полностью, лишь присыпало камнями.

Что ж, преследователям придется повозиться, разбирая завал. А за это время нужно добраться до места, где остались лошади.

На месте, где войско правопорядка подверглось постыдному разгрому, валялись палки и селестианские шляпы. Лошадей на тропе не было. Наверное, испугались выстрелов или поддались всеобщей панике.

Значит, придется спускаться в долину на своих двоих. То есть, на троих.

Хоть время было и дорого, но пришлось на несколько минут задержаться, чтобы снять жгут и на время восстановить кровообращение в раненой ноге.

Маса стиснул зубы и не издал ни звука, когда чувствительность восстановилась. Кость, кажется, задета не была, но рана Фандорину не понравилась: стоило ослабить перевязку, и кровь заструилась с прежней силой.

Делать нечего — снова затянул. Начали спускаться.

Поначалу довольно быстро, потому что Маса смог идти сам, но вскоре нога опять онемела, и Эраст Петрович потащил его на себе.

Нужно было успеть в русскую деревню раньше, чем догонят бандиты.

Вряд ли все они остались в тоннеле разбирать завал, там больше, чем двоим, не развернуться. Прочие наверняка поспешат выбраться наверх, к корралю, и сядут на лошадей.

В любом случае, из долины они беглецов не выпустят. После того, как раскрыта тайна рудника — ни за что на свете.

Пойдут по следу, они это умеют. А в «герстале» всего три пули.

Обливаясь потом, Фандорин вынес помощника к подножию горы. Оставалось миновать луг, речку, а оттуда до «Луча света» уже рукой подать.

Там Масе окажут помощь. Там лошади.

Но что проку от лошадей, спросил себя Эраст Петрович.

Ускакать, бросив соотечественников на растерзание Черным Платкам? Невозможно. А чем их защитишь, когда у этих идиотов никакого оружия нет?

Цель горного марша-броска, казавшаяся такой спасительной, померкла, еще не будучи достигнутой.

В общине «Луч света» их, как любят шутить американцы, ожидали две новости, хорошая и плохая.

Хорошая состояла в том, что ответственности за защиту безоружных людей Фандорину на себя брать не пришлось. Защищать было некого. Как прежде селестианцы, коммунары, все до последнего, сбежали из селения, побросав скарб. В загоне блеяли овцы, истерично кудахтали куры, не ко времени надрывался петух. Правда, собаки не лаяли — их взяли с собой. И кошек.

Это, конечно, было трогательно, но всех гужевых животных коммунары тоже прихватили, в том числе рыжую лошадь и Масиного пони — в этом заключалась новость плохая. Естественно: Фандорин с помощником были сочтены убитыми или, по крайней мере, взятыми в плен.

Похоже, конец, подумал Эраст Петрович. До выхода из долины нам точно не дохромать. А если и успеем, догонят в Бутылочном Горле. Уж там-то наверняка...

Однако благородный муж не предается отчаянию ни в какой ситуации, ибо Деяние никогда не бывает бессмысленным.

— Господин, у меня хорошее предложение, — сказал Маса. — Оставьте мне свой маленький пистолет и бегите. Глупо погибать двоим, если один может спастись. Вы

вернетесь сюда с оружием и, может быть, с подмогой. Как следует за меня отомстите, и мне на том свете будет приятно.

— Зато мне на этом будет неприятно.

Во дворе валялась опрокинутая тачка. Все-таки средство передвижения.

Подняв протестующего слугу, Эраст Петрович посадил его в кузов и покатил — сначала шагом, потом, разогнавшись, бегом.

— На этой тачке возили навоз, — пожаловался камердинер. — Господин, я не хочу умирать перемазанным в коровьем дерьме.

— Ну так не умирай.

Странная, должно быть, картина, если посмотреть откуда-нибудь сверху, подумал Фандорин. Человек в приличном, хоть и немножко пыльном костюме катит через поле тачку, в которой сидит японский ковбой. Где-то сзади, стремительно приближаясь, несутся всадники. Всё это похоже на нелепую, но занятную мальчишескую игру.

Он споткнулся о камень и упал. Тачка опрокинулась, Маса рухнул в пыль.

Тяжело дыша, Эраст Петрович кинулся к нему.

Японец лежал без сознания. У чертовой тачки отлетело колесо.

Теперь уж точно всё.

Погони пока было не видно, а неподалеку, за кустами, журчал ручей. Вот за это спасибо. Можно попить, привести себя в порядок. Да и Масу немного отчистить, раз он так привередлив.

Утолив жажду, вымывшись и как следует намочив платок, Эраст Петрович шел назад к Масе, чтобы перетащить его в тень, как вдруг услышал стук копыт.

Удивительно, но, судя по звуку, лошадь была одна и двигалась не резво, шагом.

Взявшись за рукоятку «герсталя», Фандорин обернулся и увидел, как из кустов, потряхивая гривой, выходит

серая кобылка Пегги. За ней, держа руки в карманах, появился насвистывающий Уошингтон Рид.

— Иду узнать, чем там у вас закончилось, — жизнерадостно сообщил он. — Сидел у входа в Бутылочное Горло, переживал. Вдруг русские бегут, толпой. Спасайтесь, кричат, бандиты. Всех переубивают. Я говорю, а Безголовый? Они мне: нет никакого Безголового. За нами гонятся Черные Платки. И дальше побежали. Я кричу: а где Мел Скотт и мистер Фэндорин? Китаец где? «Убили, всех убили!» И только пыль столбом. Вот мы с Пегги и пошли посмотреть, раз Безголового нет. Интересно же.

Болтать Рид болтал, но в ситуации разобрался сразу, без объяснений.

Помог усадить бесчувственного Масу в седло, прикрутил к лошадиной шее арканом и только потом спросил:

— А Скотта точно грохнули?

— Точно. С минуты на м-минуту они будут здесь.

Негр шепнул что-то на ухо лошади, легонько шлепнул ее по крупу, и Пегги, некрасиво выбрасывая ноги, порысила вперед, но при этом так ровно, что Маса почти не раскачивался в седле.

— Не остановится, пока не добежит до салуна, — сказал Рид. — Кто-нибудь позовет дока. Все знают, что это ваш китаец.

— Он японец.

На это Уош философски заметил:

— Моего прадедушку белые люди привезли из Сенегамбии. Ну и что же, кто-нибудь когда-нибудь звал меня «сенегамбцем»? Мы для вас тут все «негры», и это еще в лучшем случае. С другой стороны, если вы приплывете в Африку, вас тоже вряд ли станут называть «русским». Я слышал, африканцы всех белых называют «пятколицыми». Если вежливо — «ладонелицыми».

Эраст Петрович оглянулся в сторону гор.

— Мистер Рид, не могли бы мы идти побыстрее?

Уош беспечно дернул плечами, поправляя лямку карабина.

— Зачем? Вон оно, ущелье. Рукой подать.

— В ущелье нам и вовсе будет н-некуда укрыться!

Но чернокожий и не подумал прибавить шагу, а чувство собственного достоинства не позволило Фандорину настаивать.

Ну, и допрыгались, докрасовались друг перед другом.

Не успели пройти по Бутылочному Горлу и пятисот шагов, как сзади донесся топот множества копыт, крики, гиканье.

Оглянувшись, Эраст Петрович увидел столб пыли, в котором чернели силуэты всадников.

Бежать было бессмысленно. Он достал «герсталь» и укрылся за большим камнем — не для того, чтоб спрятаться, а чтобы преследователи приблизились на дистанцию револьверного выстрела.

Рядом пристроился Рид. Он и в этой ситуации не утратил благодушия. Снял с плеча карабин, проверил мушку, передернул затвор.

— Не стреляйте, пока не подъедут вплотную, — предупредил Фандорин. — Иначе я с моим оружием вам не п-помощник.

— А зачем мне помощник?

Уош прицелился и выстрелил.

Первый из конных рухнул вместе с конем, но тут же поднялся и нырнул за выступ скалы.

— Ч-черт бы вас побрал! Вы промазали!

Карабин снова рыкнул.

Еще один из крутящихся в пыли верховых завалился с лошадью — и опять спрятался, судя по резвости, даже не раненый.

Остальные исчезли из поля зрения — рассредоточились и укрылись от пуль.

— Вы снова попали в к-коня! — обругал незадачливого стрелка Фандорин.

Негр ответил:

— Не в людей же мне стрелять? Может, я его убью, а он человек приличный. Или покалечу, а у него семья. И потом, вы-то уедете, а мне тут оставаться. — Он нажал

на спуск еще два раза, теперь даже и не целясь. — Ничего. Больше не сунутся. Им тоже жить охота.

И действительно. Хоть с того конца палили и густо, но пули уходили вверх. Очевидно, бандиты так и не поняли, откуда по ним стреляют — эхо спутало.

— Можно потихоньку трогаться дальше.

Пригнувшись, Уош выскользнул из-за камня. Фандорин последовал за ним.

За поворотом они распрямились и пошли в полный рост. Выстрелы не стали реже, но уже не оглушали.

— Ну как, успокоились? — спросил Рид, проявив неожиданную проницательность. Эраст Петрович, в самом деле, лишь теперь поверил, что выберется из Долины Мечты живым. — Тогда рассказывайте, что там у вас произошло.

Выслушав, сглотнул слюну и странно глухим голосом попросил:

— Покажите мешочек, который вы оттуда захватили.

Высыпал на ладонь маленькие желто-серые комочки и крупицы, лизнул одну, попробовал на язык. Лицо Уоша всё заходило морщинами.

— Это то, что я д-думаю?

— Золото! — выдохнул Рид. — На камешек вроде этого можно пить и гулять целый месяц в лучших заведениях Круктауна! И много там ящиков?

Подумав, Эраст Петрович сказал:

— Штук тридцать. Примерно вот таких.

— И во всю стену зерновые вкрапления? От пола до потолка? Ствол книзу расширяется?

— Да.

— А пустой породы сколько?

— ...Полагаю, с десяток г-груд, каждая мне по пояс.

Рид прикинул что-то, хлопнул себя по бедру.

— Это невероятно! Такого содержания не было даже в Игл-крике, где я однажды за день наковырял шесть фунтов! — Он плюнул на один из самородков, потер пальцем. — А какая чистота! Будь я проклят, если меньше 950-ой пробы! Уж я в таких вещах толк знаю!

Подводим итоги

— ...Ваш старатель при помощи плевка произвел довольно точный анализ, — сдержанно улыбаясь, перешел к главному эксперт. — Лабораторное исследование образцов показало, что это золото 959-ой пробы, то есть относящееся к категории «весьма высокопробное». Самородки извлечены из жильной минеральной породы и по химическому составу идентичны золотой руде, добывавшейся на рудниках Оуэна в Черных Горах.

— Это были богатейшие рудники на всем Среднем Западе — пока не иссякли! — с энтузиазмом воскликнул полковник Стар. — Но ради бога, доктор Фобб, продолжайте!

Эксперт поправил очки, заглянул в блокнот с записями.

— Как вам известно, золото в копях Оуэна не иссякло. Просто, когда выработка достигла глубины в тысячу футов, производство перестало быть прибыльным, и добычу прекратили. Вероятней всего, рассматриваемые образцы руды взяты из другого языка той же самой жилы, выходящего на поверхность в ином месте.

Доктор Фобб, штатный специалист-рудоисследователь в компании Стара, откашлялся и с особым нажимом произнес, кивая на Эраста Петровича:

— Если руководствоваться показаниями очевидца, мощность жилы никак не меньше 8-10 футов, а глубина ее залегания составляет не более 100 футов. Это означает, что можно уйти вглубь на сотни футов, сохраняя высокий коэффициент рентабельности. По самой осторожной, я бы сказал, сверхконсервативной оценке, месторождение способно дать порядка 10 тонн металла...

Маврикий Христофорович несолидно присвистнул, и геолог поспешил уточнить:

— Но более точный прогноз — прогноз, за который я смогу нести ответственность, удастся сделать, лишь ког-

да я возьму пробы и произведу замеры на месте. Однако вы, мистер Стар, сказали, что это пока невозможно?

— Пока — нет. Но вскоре вы сможете переехать туда вместе со всеми своими сотрудниками.

Беседа происходила в сплитстоунской гостинице «Грейт-вестерн», которую разумный эгоист снял целиком, заменив прислугу на собственную. Предмет обсуждения требовал полнейшей секретности. Еще прошлым утром, получив от Фандорина телеграмму из двух слов «Срочно приезжайте», полковник бросил все дела и примчался на своей чудо-карете из Круктауна. Безошибочный нюх, благодаря которому русский иммигрант стал американским магнатом, подсказал Стару: произошло нечто из ряда вон выходящее.

Уже через пять минут после первого разговора с Эрастом Петровичем по телеграфу из главной конторы был вытребован доктор Фобб. Вечером того же дня содержимое холщового мешочка легло на стол походной лаборатории. К утру отчет эксперта был готов.

— Благодарю вас, доктор. Отдохните, вы провели бессонную ночь, — отпустил геолога полковник.

Он тоже всю ночь не спал, но усталым не выглядел. Глаза сияли лихорадочным блеском, движения были энергичны и порывисты.

— Что ж, Эраст Петрович, подводим итоги? — потирая руки, сказал миллионер, когда они остались вдвоем. — Проведенное вами расследование выявило причину таинственных событий в Дрим-вэлли. Обосновавшаяся в горах шайка обнаружила в старом руднике богатые залежи золота, требующие промышленной добычи. Все последующие действия бандитов преследовали одну-единственную цель: прибрать месторождение к рукам. Полагаю, что легенда про налетчиков, никогда не снимающих с лиц черных платков, разработана специально — для острастки. Оба нападения на железную дорогу тоже выглядят, как демонстрация: наделать побольше шума, нагнать страху. Согласны?

— П-пожалуй. Им нужно освободить долину от посторонних. Это раз. И второе — сбить цену на «про́клятое место». Тогда можно будет легальным образом выкупить Дрим-вэлли у Каллигана по дешевке, а затем приступить к промышленной разработке жилы. Черные Платки бесследно исчезнут, в них отпадет необходимость. Зато появятся законные владельцы, в высшей степени респектабельные джентльмены. Интересно бы узнать, кто именно... — Эраст Петрович усмехнулся. — Изобретательные господа, ничего не скажешь. Робких коммунаров запугивали разбойниками, а на бесстрашных селестианцев напустили Безголового Всадника. Психологи!

— Еще какие! — воскликнул полковник. — Смотрите, они ведь своего добились. Долина опустела, никто им больше не мешает. Шуму и сплетен столько, что за нее никто теперь и десяти долларов не даст. Каллиган остался без арендной платы. Теперь он будет рад избавиться от этой обузы. Если бы не вы, их план отлично сработал бы. Вы блестяще выполнили свою работу.

— Но к-коммунары лишились всего, чем владели.

Маврикий Христофорович благодушно улыбнулся.

— О них не беспокойтесь. Я уже подыскал для наших идеалистов отличный участок в Монтане. Оформлю на них права собственности, обеспечу всем необходимым, выдам подъемные... Забудут Дрим-вэлли, как страшный сон.

Ход мыслей разумного эгоиста был ясен.

— П-понятно... — Фандорин с неудовольствием посмотрел на пыльный рукав своего сюртука — без Масы почистить одежду было некому. — Вам они теперь в долине тоже ни к чему. Что будете делать с Черными Платками? Без горной артиллерии их из гнезда не вышибить. Это неприступная крепость.

Полковник небрежно покривился.

— Ерунда. Поговорю с губернатором. Понадобится артиллерия — будет. Для того мы, граждане, и платим налоги, чтобы государство всей своей мощью защищало нашу собственность.

— *Нашу?*

На лице Стара появилась ликующая улыбка.

— Всю ночь торговался с Корком Каллиганом. Говорю ему: «Теперь Дрим-вэлли никому не нужна. Но я все равно готов ее купить». Он мне в ответ: «Я свою цену назвал: сто тысяч». Тут я, признаться, дал маху. Нужно было закричать: «С бандитами, с привидениями?! Какие сто тысяч? Держи пятьсот долларов и еще скажи спасибо». Глядишь, тысяч за шесть-семь и сторговались бы. Но я сглупил. «Окей. Сто так сто». Вы не поверите! Старый пройдоха сначала притих, глазами заморгал. А потом вдруг говорит: «Я передумал. Дешевле, чем за четыреста не отдам». — Полковник захохотал. — Каков наглец, а?

— Не думал, что ему до такой степени жалко расставаться с дочерью, — заметил на это Эраст Петрович.

Пропустив эти слова мимо ушей, Стар возбужденно закончил:

— В общем, ударили по рукам на трехстах. Сегодня в три пополудни встречаемся у нотариуса в Круктауне. Я нарочно назначил на вторую половину дня, чтобы дождаться заключения эксперта.

Значит, сто тысяч не стоят счастья дочери, а триста — другое дело, подумал Фандорин. Рыжеволосая Эшлин осуществит-таки свою мечту, выйдет за своего пресмыкающегося Теда. Ах она, бедняжка.

Полковник не мог ни секунды усидеть на месте. Достал часы, щелкнул крышкой.

— Пожалуй, пора ехать. Только бы Каллиган не пронюхал... С вашим негром я договорился. Посулил прохиндею пять тысяч, чтоб держал язык за зубами. Расплата — после нотариального оформления сделки.

Он вдруг запнулся и посмотрел на собеседника с особенным выражением, которое Фандорину ужасно не понравилось.

— Хм, Эраст Петрович... — Чуть покраснев и как-то вдруг засуетившись, проговорил Стар. — Мы еще не обговорили ваше вознаграждение. Аванс был тысяча долларов. За окончание расследования извольте получить еще

четыре. — Он вынул из кармана заполненный чек. — Вот пятьсот на лечение вашему китайцу. Кстати, как он себя чувствует?

— Б-благодарю. Моему *японцу* лучше.

Фандорин смотрел на Маврикия Христофоровича вопросительно, чувствуя, что тот лишь подбирается к главному.

— Вас удивляет скромность оплаты применительно к... открывшимся обстоятельствам? — понимающе улыбнулся Стар и сразу перестал конфузиться. — За рудник вы получите специальную премию. Двадцать тысяч! — Он поднял палец, подчеркивая значительность суммы. — Немедленно по подписании контракта с Каллиганом. По рукам?

Пожал вяло протянутую руку собеседника и заторопился.

— Всё-всё, еду. Гостиница остается в полном вашем распоряжении — на любой срок. Пусть ваш слуга спокойно поправляется. Если нужно, я пришлю своего личного врача, любые медикаменты...

— Ничего, на Масе всё заживает, как на с-собаке. Я его знаю. Суток двое поспит, потом как следует поест, и будет, как огурчик.

— Превосходно, превосходно! — донеслось уже из коридора.

Внизу хлопнули двери. Полковник с мальчишеской резвостью выбежал на улицу, взлетел по ступенькам своего роскошного экипажа, на запятки запрыгнули двое слуг с «винчестерами» наперевес, и карета, пыля, укатила прочь, провожаемая восхищенными взглядами сплитстоунцев.

Оставшись в одиночестве, Эраст Петрович достал сигару, подержал и отложил. Табакокурение, если это не вредная привычка, а способ медитации, требует определенного настроения. В идеале — полного внутреннего мира.

В гостинице было тихо. Маса спал под присмотром городского врача. Эксперт-геолог, надо думать, тоже по-

чивал после ночных трудов. Но тишина — не гарантия душевного покоя. А на душе у Фандорина было скверновато.

Ажитация, в которую разумного эгоиста привело золото, оставила неприятный осадок. Это раз.

Задело уточнение, что двадцать тысяч наградных будут вручены не ранее подписания контракта. Чтоб не возникло искушения выдать секрет Каллигану? По сути дела, полковник поставил детектива на одну доску с «прохиндеем» Уошем, только пообещал заплатить за молчание подороже. Это два.

Ну и наконец, третье, самое тягостное. Не получается ли, что он, Фандорин, участвует в надувательстве? Ведь Корк Каллиган не подозревает о том, какова настоящая ценность Дрим-вэлли. По сравнению с предполагаемыми десятью тоннами золота триста тысяч долларов — сущая безделица. А если вспомнить, что долина — приданое Эшлин, то выходит, что истинной жертвой сомнительной сделки становится девушка. Сейчас она, конечно, на седьмом небе от счастья, но вскоре правда выплывет наружу, это неизбежно. Какого мисс Каллиган будет мнения о русском джентльмене, который дал честное слово «не играть против нее»?

А главное, какого мнения он будет о себе сам?

Эраст Петрович наклонился над письменным столом, обмакнул стальное перо в чернильницу и размашисто написал несколько коротких фраз по-английски: мол, сожалею, но участие в коммерческих операциях сомнительного толка в условия моего найма не входило, а посему отказываюсь от двадцати тысяч и считаю себя свободным в своих действиях.

Не вернуть ли и уже полученные четыре тысячи, заколебался он.

Да, собственно, с какой стати? Задание выполнено полностью, а оно оказалось не из простых.

Отправил записку телеграфом прямо в Кругтаунскую нотариальную контору. С особой припиской: «Мистеру

Морису Стару. Срочно. В собственные руки» — то есть совершил деяние, достойное благородного мужа. Конфуций был бы доволен.

Самое рискованное приключение в жизни Эраста Фандорина

На ранчо «Две луны» было почти безлюдно. В большом коррале близ главного дома торчали лишь трое ковбоев. Они возились с развешанной на изгороди сбруей. На подъехавшего всадника в черном костюме поглядели из-под руки (за спиной у него сияло солнце), узнали и о чем-то зашептались. Смотрели не сказать чтоб приветливо, но во всяком случае без вызова. Один из них был совсем юн, двое других постарше.

Подъехав вплотную, Эраст Петрович поздоровался. Ему не ответили, да еще и отвернулись.

Тогда, зная, что на людей грубого воспитания тихий голос действует сильнее, чем крик, он поздоровался снова, но едва слышно. Выжидательно откинулся в седле.

Вот теперь пастухи ответили на приветствие. Причем вежливо.

— Вам того же, сэр.

— Мое почтение, — откликнулись двое старших.

Паренек молча кивнул и поправил красный платок на шее.

Фандорин вообще-то не собирался обучать этих мужланов учтивости, просто хотел спросить, дома ли мистер Каллиган или его дочь, но не понадобилось.

Раздалось громкое радостное ржание, и с дальнего конца корраля к гостю, вскидывая точеную морду, понеслась вороная красавица Сельма. Она раздула ноздри, ласково тронула Эраста Петровича зубами за плечо, а он почесал ей белую звездочку на лбу.

Что ж, Эшлин, по крайней мере, дома, понял он, и в тот же миг услышал голос жемчужины прерий:

— Мистер Фэндорин, вы?!

Она стояла у открытого окна и смотрела на него широко распахнутыми глазами. Лицо раскрасневшееся, грудь вздымается. С чего бы это?

Он коснулся края шляпы — здесь, на Западе, приветствуя даму, головного убора полностью не снимали. Получалось довольно изящно, Эраст Петрович взял эту манеру на вооружение.

— Как видите, вам здесь рады, — сказала мисс Каллиган и после паузы кивнула на Сельму. Рассмеялась, довольная этой мило двусмысленной шуткой. — Входите же, входите! Здесь столько о вас говорили!

Он поднялся на крыльцо.

Эшлин встретила его в прихожей и повела в соседнюю комнату, гостиную, дверь из которой, насколько он запомнил по прежнему визиту, вела в столовую. Створки были приоткрыты и слегка постукивали от легкого, приятного сквозняка; на залитых солнцем окнах трепетали белые занавески.

Девушка явно была чем-то смущена, что не слишком вязалось с ее характером. Что означал румянец, подрагивающие ресницы, учащенное дыхание? Эраст Петрович решительно отогнал предположение, слишком лестное для его самолюбия.

И правильно сделал.

Волнению мисс Каллиган тут же нашлось объяснение.

— Боже, случилось настоящее чудо! — воскликнула она, хватая гостя за руку. — Вы уже слышали? Полковник дает папе за мою долину триста тысяч! ТРИСТА ТЫСЯЧ! Теперь я богатейшая невеста во всем штате Вайоминг! Я сама себе хозяйка! Через месяц стану совершеннолетней и выйду замуж за кого пожелаю!

— П-поздравляю. — Фандорин присел на подоконник, поближе к ветерку. — В прошлый раз на вашем ранчо было столько народу. А сегодня пусто.

— Ребята погнали гурт на железную дорогу, а папа только что уехал в Круктаун, к нотариусу. В три часа сдел-

ка, а он хотел перед этим еще в банк заехать, предупредить, чтоб подготовили ячейку. Мистер Стар обещал заплатить половину наличными!

Благородные поступки требуют некоторой театральности, их нужно совершать красиво. Поэтому Эраст Петрович не отказал себе в удовольствии слегка усугубить драматичность своего сообщения.

— Сударыня, я привез вам важные новости, — с мрачным видом начал он и очень кстати вспомнил американскую шутку. — Плохую и хорошую. С какой п-прикажете начать?

Она посмотрела на него с испугом — как и следовало.

— Лучше начните с плохой.

— Вы не будете богатейшей невестой штата Вайоминг. — Он сдвинул брови, изо всех сил стараясь сдержать улыбку.

— Ах! — ахнула мисс Каллиган.

— Вы будете богатейшей невестой во всей Америке.

— Ой! — ойкнула мисс Каллиган.

И тут уж Фандорин рассмеялся. Хоть реприза была и незамысловатой, но на аудиторию произвела сильное впечатление.

Он коротко, без лишних подробностей разъяснил ей смысл своих слов. Эшлин слушала, раскрыв розовые губки и поминутно менялась в лице: из розовой сделалась бледной, потом опять запунцовела.

— ...Нужно послать вашему отцу телеграмму, — подытожил Эраст Петрович. — Если мистер Стар желает выкупить Дрим-вэлли, пускай дает настоящую цену. Я не специалист, но уверен, что счет здесь пойдет на миллионы.

В столовой что-то звякнуло, и Эшлин быстро поднесла пальчик ко рту.

Подбежала к приоткрытой двери, сердито крикнула:

— Салли! Марш отсюда! Потом приберешь!

Плотно затворила дверь, обернулась.

Приятно было видеть эту своенравную, самоуверенную девицу такой растерянной.

— Я... я слушала, как в тумане, — пролепетала она. — И, может быть, неверно поняла... Сколько, вы сказали? *Десять тонн*?!

— Это всего лишь самое первое и, очевидно, слишком осторожное предполо...

Занавеска качнулась от последнего дуновения сквозняка и щекотнула Эрасту Петровичу лицо. Он отодвинул легкую ткань, рассеянно при этом выглянув во двор и вдруг запнулся на полуслове.

Трое пастухов стояли у изгороди корраля, о чем-то переговариваясь.

— Черт, — пробормотал Фандорин. — Как же я...

— Что? — удивилась Эшлин. — Что вы сказали?

— Прошу извинить. Я сейчас вернусь.

Он перекинул ноги через подоконник и спрыгнул вниз.

— Эй, парень! — обратился Эраст Петрович на фамильярный американский лад к юноше с красным платком на шее. — Ты почему со мной не поздоровался?

Двое остальных предусмотрительно подались в стороны. Мальчишка побледнел и заморгал голубыми глазами. Открыл рот, но не произнес ни звука.

— Ну-ка, скажи что-нибудь. Я хочу услышать твой г-голос.

Голубоглазый попятился, уперся спиной в изгородь.

— Эй, мистер, — неуверенно попробовал заступиться один из пастухов. — Чего вы привязались к Билли? Он ничего такого...

Не слушая, Фандорин рванул с шеи голубоглазого платок. Так и есть! Сбоку, ниже левого уха, виднелся продолговатый сине-багровый кровоподтек — след от удара ребром ладони, который называется *юмэсасои*, то есть «приглашение ко сну».

— Привет, крестник. — Эраст Петрович похлопал онемевшего Билли по плечу. — Не зря я тебя в живых оставил. То-то смотрю, глаза знакомые. Голоса не подаешь. И зачем-то шею прикрыл. Ну как, п-поговорим?

Если бы не вороная кобыла, Фандорин вряд ли догадался бы обернуться — слишком уж обрадовался встрече. Но Сельма, совавшая к нему морду поверх барьера, вдруг вскинулась, тревожно заржала и так нервно метнулась в сторону, что Эраст Петрович непроизвольно повернул голову. Заметил боковым зрением движение за спиной.

Развернулся.

Обмер.

На крыльце плечом к плечу стояли трое: Тед Рэтлер, Уошингтон Рид и (это уж было совсем невероятно) Мелвин Скотт, для покойника выглядящий вполне неплохо.

Тед держал руку на кобуре, «пинк» — даже на двух. Рид зябко тер ладони и выглядел несколько смущенным. А из окна высовывалась Эшлин Каллиган, ее зеленые глаза пылали ненавистью, и эта метаморфоза была страшнее всего.

Трое пастухов отбежали подальше от Эраста Петровича — не хотели угодить под пулю. Сельма металась в загоне, вскидывалась на дыбы, но чем могла она помочь избраннику своего лошадиного сердца?

— Я вижу, мисс Каллиган, ваша Салли уже прибрала посуду, — сказал Фандорин, чтобы они не думали, будто у него язык присох к горлу. — Привет, Мел. Не ушибся, когда падал в пропасть? У тебя там что, была перина подложена?

Бравада бравадой, но дела были неважные. В кобуре за спиной висел «герсталь», в нем как раз три патрона. Но Фандорин отлично знал, что в быстроте с этими мастерами состязаться бессмысленно.

— Идиот! — прошипела Эшлин. — Чуть всё не испортил!

Тед с Мелвином, мягко ступая, сошли по ступеням. У обоих была одинаковая кошачья походка, да и немигающие глаза смотрели на противника с совершенно одинаковым выражением: холодным и очень внимательным.

Уошингтон Рид догнал сообщников, быстро проговорил:

— Если он даст слово молчать, то сдержит. Я его знаю. Позвольте мне с ним потолковать!

— Нет! — отрезал Раттлер.

А Скотт пожал плечами:

— Зачем зря рисковать?

Конец дискуссии положила Эшлин.

— Хватит болтать! Кончайте его! — крикнула она и отвернулась.

Тед и Мел с молниеносной скоростью выхватили оружие и открыли огонь из трех револьверов. Но с расстояния в полсотни футов, да еще с бедра не так-то просто попасть по мишени, тем более подвижной. А она оказалась подвижной просто до невероятности. Это вам, мистер Гремучий, не по плавно летящей шляпе стрелять.

На быстроту Фандорин ставить не стал, решил поставить на меткость. Поэтому, делая замысловатые, ломаные движения, от которых у оппонентов зарябило в глазах, он дал себе труд как следует прицелиться. Впервые за последнее время боевые характеристики «герстaля» — мягкость спуска и малая отдача — пришлись кстати.

Гремучий жених успеть промазать по вьюнообразной мишени трижды, «пинк» даже четырежды, прежде чем неравная дуэль закончилась. Двумя выстрелами из маленького шедевра бельгийских оружейников.

Первая пуля, которую Эраст Петрович выпустил из положения «левая нижняя терция», перебила Теду правый локоть, потому что нехорошо убивать человека накануне свадьбы. Вторая (из верхней терции справа) угодила Мелвину Скотту в середину лба. Потому что нечего подличать, нечего палить с обеих рук, ну и вообще: покойник так покойник.

А третья пуля осталась в барабане, ибо Уош Рид свой видавший виды «кольт» из кобуры так и не вынул.

Оглянувшаяся на шум мисс Каллиган воскликнула:

— Oh my God!

Ее изумление было понятно.

Только что во дворе стояли четыре человека: один обреченный и трое палачей. Ныне же не было ни души,

если не считать неподвижного Скотта (душа которого, впрочем, уже успела отлететь).

А дело в том, что Рэттлер, обхватив раненый локоть, метнулся за угол дома. Эраст Петрович, засомневавшийся, стоит ли отпускать мерзавца, — за ним.

Рид тоже счел за благо не задерживаться. Рванул в противоположном направлении, где его, надо полагать, поджидала верная Пегги.

Ах да. На почтительном расстоянии от недавней баталии застыли три пастуха с поднятыми (на всякий случай) руками. Но они ошеломленной барышне ничего не объяснили.

Догнать Гремучего или уж, во всяком случае, всадить в него еще одну пулю было бы нетрудно.

Бегал Тед быстро, но, садясь в седло своего рослого жеребца, замешкался. Конь был белый, со следами сажи на крупе. Эраст Петрович даже прицелился, но все-таки не выстрелил.

Бывший чубарый запустил галопом, оставив позади шлейф пыли и цепочку характерных следов: на подковах — гвозди с квадратными шляпками.

Надо было все-таки оторвать этому всаднику голову, вздохнул Эраст Петрович. Пусть скажет спасибо мисс Каллиган. Хоть она и крикнула «кончайте его!», но все-таки отвернулась, а значит, не совсем пропащая.

Интересно было бы завершить беседу, но вряд ли барышня предоставит такую возможность.

Однако тут Фандорин ошибся.

Чего-чего, а дерзости красной жемчужине было не занимать. Она и не подумала прятаться. Ждала Эраста Петровича там же, где он ее оставил, — в гостиной.

И сразу ринулась в наступление.

— Тебя повесят! — закричала мисс Каллиган, едва он появился на пороге. — Ты застрелил агента Пинкертона на глазах у шести свидетелей! А твои бредни никто даже слушать не станет!

Следовало признать, что ярость была ей к лицу. Особенно растрепавшиеся огненные кудри. Ну и, конечно, сверкающие пламенем глаза.

— У вас шесть свидетелей, а у меня почти полсотни. — Эраст Петрович вытер платком лоб, поскольку немного вспотел от прыжков и бега. — И все они видели, как мистера Скотта один раз уже застрелили, да еще и в пропасть скинули. Ваш хитроумный план провалился, сударыня. Вы чуть было не обвели нас с полковником вокруг пальца. Но Конфуций прав: «Правильные поступки всегда приводят к правильному результату».

— Кто это — Конфуций? — подозрительно спросила Эшлин, лихорадочно что-то соображая.

— Мудрый человек из К-Китая.

— Жалко, твоему Конфуцию только ногу продырявили!

Она злобно топнула каблучком, очевидно, так и не придумав, как повернуть ситуацию в свою пользу.

Эраст Петрович насмешливо поклонился и подался к выходу, не спуская глаз с прелестного создания. Еще пальнет в спину, с нее станется.

— Куда же вы? — с очаровательной непоследовательностью вскричала она, порывисто бросаясь за ним.

— На телеграф. Нужно послать полковнику Стару телеграмму. Одну я уже отправил. Думаю, их вручат одновременно.

Он вышел на крыльцо. Она не отставала.

Глаза уже не исторгали молний, вид сделался странно задумчив.

— Прощайте, мисс. Не думал, что наше з-знакомство окажется до такой степени волнующим.

Фандорин осторожно спустился на одну ступеньку.

Эшлин прошептала:

— Ты даже себе не представляешь, *каким* волнующим оно может стать...

Ему показалось, что он ослышался. Тем более что в следующую секунду барышня от него отвернулась и свирепо закричала пастухам:

— Эй, болваны! Что стоите без дела? Подберите эту падаль! — Она брезгливо ткнула пальчиком в труп Скотта. — Отвезите куда-нибудь подальше и закопайте! А с тобой, Билли, я еще поговорю.

Ковбои подбежали, подняли тело за руки и за ноги. Из жилетного кармана мертвеца выскользнула золотая цепочка, а следом за ней и часы, тоже золотые.

Если человек закоренелый лжец, это проявляется даже в мелочах, философски подумал Фандорин, вспомнив, как покойный врал, будто никак не накопит денег на часы.

Один из работников, воровато оглянувшись, подобрал золотой кругляш, рассмотрел и огорченно сплюнул:

— Какую вещь попортили!

Заинтересовавшись, Эраст Петрович подошел ближе. Часы были без стекла, с погнутыми стрелками, а сзади, в корпусе, виднелась вмятина от пули. Очень знакомого калибра — точь-в-точь как у «герстaля».

Теперь логическая линия окончательно выстроилась. Темных пятен в истории не осталось.

В считаные секунды привычный к дедукции мозг сыщика восстановил всю последовательность событий.

Корку Каллигану были очень нужны деньги, много денег. Полковник рассказывал, что, расширяя свою скототорговую империю, старый ирландец изрядно подорвал кредит. Его никак не могли выручить жалкие десять тысяч, которые Морис Стар предлагал за Дрим-вэлли. Но возникла идея. Кто был ее автором — сам Корк, его предприимчивая дочка или змееподобный Тед — неизвестно, да и не суть важно. Так или иначе, работали они рука об руку. Сначала нужно было создать впечатление, будто некая таинственная сила во что бы то ни стало хочет изгнать из долины всех жителей. Так появилась шайка Черных Платков, набранная из самых забубенных пастухов каллигановского ранчо. Заодно появился и Безголовый Всадник.

Зная полковника, заговорщики были уверены, что тот своих соотечественников в беде не бросит и захочет разобраться, кому это они не угодили. Логично было предположить, что Стар обратится за помощью к самому опытному из местных сыщиков — Мелвину Скотту. А с тем уж всё было сговорено. Он блестяще раскрыл бы замысел «бандитов», доложил о золотой жиле заказчику, и Стар выложил бы за долину не десять тысяч, а во много раз больше.

Но ловкачи не учли одного: община «Луч света» ни в какую не желала пускать к себе американца, а тут еще в газетах стали писать о гениальном детективе русского происхождения. Когда полковник решил нанять для расследования этого чужака, вся интрига оказалась под угрозой.

Однако приглашение было отправлено по каналам агентства, и Каллиганы об этом узнали — вероятно, от того же Мелвина Скотта, имевшего в нью-йоркском офисе приятелей.

Слава бостонского сыщика, раздутая журналистами, до того напугала конспираторов, что они решили убрать опасного человека еще до начала расследования. С этой целью в Нью-Йорк был откомандирован Скотт, попытавшийся убить Фандорина выстрелом в спину, а вместо этого оставшийся без часов. То-то «пинк» так разозлился, когда игрок в салуне спросил: «Ты где пропадал? Уезжал, что ли?».

Когда выяснилось, что бостонца голыми руками не возьмешь, сообщники переполошились еще пуще. На вагон, в котором Фандорин ехал из Шайенна в Круктаун, напала уже вся банда. И опять безрезультатно!

Тут к операции подключилась мисс Каллиган. Вне всякого сомнения, она нарочно вертелась перед домом полковника, и ее радость по поводу поездки на чудесной карете была абсолютно неподдельной. Вероятно, в задачу юной Далилы входило обольстить новоявленного Самсона или, во всяком случае, проследить, чтобы он не избежал встречи с Гремучим Тедом. В таком беззаконном ме-

стечке, как Сплитстоун, подстроить ссору с чужаком нетрудно, а за вердикт присяжных можно не беспокоиться.

Но, присмотревшись к великому и ужасному «Фэндорину», сообразительная Эшлин поняла, что он не так уж и ужасен. Более того, этого умника можно отлично использовать в интересах дела. Еще лучше получится. Соотечественнику Стар поверит охотнее.

Именно поэтому славная барышня помешала поединку с Тедом. Именно поэтому Скотт не дал напарнику упасть с обрыва. Этой же причиной объясняется и вялость погони, устроенной Черными Платками после того, как «тайна» рудника была раскрыта.

Намалевать в полутемном подземелье «золотую жилу» и даже набить верхний ящик настоящими самородками — дело не столь сложное.

Симпатичнейший Уош Рид, весьма ловко подсунутый бостонцу, очень кстати оказался бывалым старателем. Это на случай, если дилетант-горожанин сам не сообразил бы, что именно он видел в шахте.

Весь продуманный до мелочей спектакль был отыгран на славу.

Фандорин блестяще исполнил роль марионетки. (При этой мысли Эраст Петрович покраснел от злости).

Эксперт-геолог дал правильное заключение.

Полковник жадно заглотил наживку.

Единственный фактор, которого не предусмотрели кукловоды, — щепетильность куклы. Но промах извинителен, ведь они понятия не имеют, что это за овощ и с чем его едят...

Весь этот вихрь умозаключений пронесся в голове Эраста Петровича в какую-нибудь минуту, пока пастухи уносили труп за пределы видимости — без особого почтения, но по крайней мере в гробовом молчании.

К изгороди подошла Сельма, вытянула к Фандорину лебединую шею.

— Спасибо, к-красавица, — серьезно сказал он и поцеловал вороную в бархатную щеку.

С крыльца раздался звонкий смех.

— Ты целуешься только с кобылами?

Мисс Каллиган стояла, подбоченясь, и смотрела на него сверху вниз. Освещенная утренним солнцем, она вся сияла и даже переливалась, будто была из расплавленного золота.

Нехитрая смена тактики, улыбнулся Эраст Петрович, а все же залюбовался.

— Иди сюда. Или ты меня боишься?

Она протянула к нему тонкие руки с длинными и острыми, как коготки, ногтями.

Пожалуй, боюсь, подумал он.

— Я понимаю, мисс, что после случившегося вы не слишком высокого мнения о моих умственных способностях. Но всё же на вашем месте я бы действовал как-нибудь потоньше.

Откинув голову, Эшлин расхохоталась.

— В отношениях между женщиной и мужчиной тонкости ни к чему. Они только мешают. Ты решил, что я притворяюсь? Подманиваю, чтобы впиться зубами в глотку?

— Нечто в этом роде. Несколькими минутами ранее вы смотрели на меня с другим выражением лица. Честно говоря, ненавидите вы талантливей, чем соблазняете.

Что было совершенной неправдой. Произнося эти в высшей степени рассудительные слова, он подходил все ближе, будто притягиваемый невидимой, но весьма крепкой нитью.

Она сбежала навстречу, по-прежнему не сводя с него победительно сияющих глаз, но теперь смотрела не сверху вниз, а снизу вверх.

— Да, несколько минут назад я тебя презирала, а любила Рэттлера. Теперь всё наоборот. Он сбежал, как последний трус. Он слабее тебя. Мне не нужен такой жених. Я хочу тебя!

Черт, а ведь она говорит искренне, понял Фандорин, испытывая странное чувство. Ему было разом и лестно, и страшновато.

— Женись на мне, — сказала смелая барышня и взяла его за руки. — Лучше тебя я все равно никого не найду. А тебе на всем белом свете не сыскать такой, как я. Посмотри на меня как следует. Только не глазами ума, а глазами сердца. Именно я тебе нужна. Каждый день твоей жизни будет боем и праздником. Со мной ты никогда не заскучаешь. А какие у нас получатся дети! Мальчики — львы, девочки — пантеры.

Все-таки американцы — мастера рекламы, умеют подать товар лицом, еще пытался мысленно иронизировать Эраст Петрович, но дело было швах. Например, он очень желал бы, из инстинкта самосохранения, отвести глаза, но это было невозможно. Ее взгляд цепко держал его и не выпускал из своего изумрудного плена.

Дальше — хуже.

Мисс Каллиган приподнялась на цыпочки и быстро поцеловала его в угол рта — будто поставила на мустанга огненное тавро. Во всяком случае, Фандорин почувствовал себя обожженным.

В самом деле, каково это: иметь жену, от которой родятся львы и пантеры? Он представил себя дрессировщиком, который каждый день входит в клетку, держа в руках хлыст и кусок сырого мяса.

— Кроме всего прочего, я еще и очень состоятельная невеста, — проворковала соблазнительница. — Триста тысяч приданого!

— Меня бы устроило и десять. Больше твоя д-долина не стоит, — несколько охрипшим голосом ответил он, думая, что такой девушке приданое вообще ни к чему.

Она резко отстранилась.

— Зато меня не устраивает жених, которого устроили бы десять тысяч! Выбирай: я и триста тысяч или пошел к черту!

Втягиваясь в роль дрессировщика, Эраст Петрович щелкнул воображаемым хлыстом:

— Это ты выбирай. Я и честная сделка — или п-пошла к черту.

Львица с рычанием (не фигуральным, а самым что ни на есть настоящим) бросилась на него, норовя впиться ногтями в лицо — он едва успел перехватить ее запястья.

Заизвивавшись в его сильных руках, мисс Каллиган хотела лягнуть обидчика коленом в пах и даже подняла ногу, но удара так и не получилось. Стройная нога замедлила движение, высоко поднялась, до отказа натянув шелковую юбку, и обхватила Фандорина сзади.

Никогда еще барышни в шелковых платьях не вели себя с Эрастом Петровичем подобным образом. От неожиданности он расцепил пальцы.

Воспользовавшись свободой, Эшлин крепко обняла его и впилась в губы то ли поцелуем, то ли укусом — разобрать было трудно, но без крови не обошлось. Этот привкус лишь придал лобзанию остроты.

— Нет? — шепнула она, на миг отстранившись.

— Нет, — ответил он. — Или честно, или никак.

— Идиот!

Последовал новый поцелуй, неистовей и продолжительней первого.

Прервавшись, чтобы глотнуть воздуха, мисс Каллиган сказала:

— Неплохо. Такого растяпы в мужья мне не надо, но для «стоянки на одну ночь» сгодишься.

Фандорин не сразу понял, что означает one night stand, а когда догадался, скосил глаза на каминные часы.

Пять минут одиннадцатого. У Стара и Корка Каллигана встреча назначена на три. Успеть можно — спасибо телеграфу.

Ты что?! — взвился Разум. Уходи, пока цел! Эта хищница в самый разгар объятий перегрызет тебе горло. За триста-то тысяч?

Второй Поводырь, Дух, отмалчивался. Госпожа Каллиган для него интереса не представляла.

Эраст Петрович попробовал возразить Первому Поводырю: если объятья будут качественными, не перегрызет.

Но такого оппонента разве переспоришь? Значит, она сделает это, когда объятья закончатся, парировал Разум и, конечно, был на сто процентов прав.

Надо уносить ноги, сказал себе Фандорин.

Но Эшлин припала к нему, от ее упругого тела исходили жар и трепет. На эту волшебную вибрацию немедленно отозвался третий из Поводырей, растолкавший и заслонивший двух остальных. В голове мелькнула истинно российская, абсолютно неконфуцианская максима «эх, была не была!», и Фандорин бесстрашно ринулся навстречу самому рискованному приключению всей своей жизни.

ПЕРЕД КОНЦОМ СВЕТА

Село Богомилово. 1897

О снах

Смелым людям часто снятся страшные сны. Наяву человек такого склада привык подавлять страх усилием воли, но по ночам, когда контроль ослабевает, из наглухо замурованного подземелья памяти выползают картины, от которых храбрец просыпается в ледяной испарине.

У Фандорина было три повторяющихся кошмара, которые преследовали его год за годом: оторванная рука с обручальным кольцом; разделенное надвое девичье лицо — одна половина ангельски-белая, другая дьявольски-черная; и еще один сон, более позднего происхождения, быть может, самый жуткий из всех.

Всякий раз одно и то же: сначала мутная молочная пелена — то ли снежная буря, то ли густой туман. Затем сквозь белый фон начинает проступать рябоватая поверхность, которая вскоре превращается в кусок грубой ткани. С каждым мгновением видимость делается все лучше, будто чья-то рука наводит окуляр на резкость.

На серой рогоже, каждое волоконце которой отчетливо видно, лежит тщательно спеленутый младенец. Его

пухлое личико ясно и спокойно. Солнце освещает безмятежные черты, окрашивая сомкнутые реснички золотом. На кончике вздернутого носика лежит и не тает красивая пушистая снежинка. Эраст Петрович тянет руку, чтоб ее смахнуть, и тут из крошечной ноздри выползает жирный белый червь...

Здесь неизменно следовало судорожное пробуждение, и дрожащие пальцы никак не могли нащупать на столике спички.

Фандорин садился на кровати, закуривал и изгонял Эфиальта, демона скверных снов, единственно возможным способом: заставлял себя вспомнить, как всё было на самом деле.

Смотрел на тлеющий в темноте кончик сигары, но видел не красный огонек, а белую реку, серебряный лес по ее берегам, черные комья мерзлой земли, из-под которой тихо-тихо доносится ангельское пение...

Успокоиться и заснуть получалось лишь под утро, да и то не всегда.

С днем рождения, господин Кузнецов

Начиналось всё мирно, даже уныло.

Свой сорок первый день рождения Эраст Петрович встретил в полном одиночестве. Сидел в купе курьерского поезда, смотрел в окно, за которым ничего не было, полное отсутствие какого-либо пейзажа — лишь голое белое поле, над ним такое же белое небо. Россия, январь. Рисуй по этому загрунтованному холсту что хочешь, всё пургой заметет, ни черта не останется.

Фандорин был один, ибо по нелепому российскому правилу, про которое за годы заграничной жизни он совсем забыл, слугам не полагалось ездить первым классом. Следовало сказать в кассе, что Маса не камердинер, а, предположим, японский виконт, вдвоем ехалось бы веселее. Подвела проклятая честность в мелочах, побочный

эффект затянувшейся американской жизни. Добро бы еще сам назвался собственным именем и званием, а то все равно ведь путешествовал в качестве «купца Эраста Кузнецова».

Бедный Маса. Вынужден трястись в жестком вагоне, со случайными попутчиками, которые будут пялиться на его азиатскую физиономию и расспрашивать про жизнь в Китае, потому что о стране Японии никогда не слыхивали.

Эраст Петрович достал из кармана шелковый платок с изображением двух борцов сумо, толкающихся огромными круглыми животами. Эту красоту Маса нынче утром с поклоном вручил своему господину. Где достал и сколько времени прятал, дожидаясь сегодняшнего дня, Бог весть.

Второй подарок, поездку на родину, Фандорин преподнес себе сам. Подняв бокал, он звякнул им об окно — чокнулся с зимним русским ландшафтом и сказал: «С днем рождения, господин Кузнецов».

Фамилия была выбрана как самая распространенная у великороссов и потому меньше всего привлекающая внимание. Обличие Эраст Петрович тоже избрал самое что ни на есть среднестатистическое — во-первых, во имя все той же неприметности, а во-вторых, поскольку нынешняя его поездка посвящалась именно статистической науке. Но о статистике позже, сначала о неприметности.

Предыдущий визит в отечество, в мае прошлого года, окончательно испортил отношения отставного статского советника с предержащими властями. До такой степени, что полицейским агентам по всей империи были разосланы приметы опального чиновника — конечно, не для задержания, ибо с юридической позиции арестовывать его было не за что, а для негласного наблюдения. Слежка Фандорину, страстному приверженцу приватности, была совершенно ни к чему, да и потом, всякому известно, на какие пакости способна российская власть, если чув-

ствует себя оскорбленной. Было бы наблюдение, а юридическую позицию и подправить нетрудно.

Поэтому незваный гость поменял всегдашнюю манеру одеваться, нарядившись вместо сюртука в поддевку, покрыв голову не шляпой и не кепи, а картузом, и обувшись в сапоги бутылками. Еще и бородкой оброс, что не только изменило его легко запоминающееся лицо, но и отчасти замаскировало главную примету — седые виски. Обнаружилось, что, хоть усы у Эраста Петровича по-прежнему черны, но в бороде седых волос предостаточно. Узнать в немолодом бородатом картузнике Кузнецове записного денди Фандорина было непросто.

Безусловно, после прошлогодних московских приключений было бы благоразумнее годик-другой вовсе не показываться в родных палестинах, но в этом вопросе Фандорин компромиссов не признавал. Считал, что на Россию у него не меньше прав, чем у великого князя и даже самого императора. Если необходимость или, как сейчас, научный интерес требуют твоего присутствия на родине, августейшим особам придется потерпеть. Мало ли что они венценосные, а Фандорин нет. С венценосных, собственно, и спрос больше. Если живете во дворцах, едите на золоте и все вам служат, так сознавайте свою ответственность. Увы, вряд ли в России когда-нибудь появятся правители, понимающие, что царствование — Крестный Путь, а золотая корона — Терновый Венец.

Мысли подобного рода Эрасту Петровичу приходили в голову довольно часто, и каждый раз настроение портилось. Те из соотечественников, кто относился к монархии сходным образом, все сплошь желали революции и именовали себя социалистами. Фандорин в эффективность революций не верил, а к любым теориям, оперирующим понятиями «народ», «нация», или «классы-массы», испытывал необоримое отвращение. Это надо же додуматься — сгонять людей в кучи по тому или иному внешнему признаку! Низвести человека, который есть венец творения, образ Божий и целая вселенная, до социальной функции, до муравьишки в муравейнике!

Вот и ехал по широкой русской равнине некто Эраст Петрович Кузнецов, ни Богу свечка, ни черту кочерга, глядел в белое заоконье и чем дальше, тем больше хмурился, самоедствовал — в общем, вел себя исключительно по-русски, а никак не по-американски.

Американец всегда, и уж особенно в день рождения, постарается придумать себе повод для оптимизма.

Быть может, отвлечься чтением?

Фандорин раскрыл захваченную в дорогу книгу («Крейцерову сонату»), но вскоре отложил. Направление, которое в последние годы принял гений графа Толстого, порой вызывало у Эраста Петровича раздражение.

На полочке стояло несколько томиков, припасенных железной дорогой для досуга г.г. путешествующих первым классом. Чтение всё было богополезное и душеспасительное, поскольку этим маршрутом обыкновенно ездили паломники к святым местам Севера. Внимание хандрящего пассажира привлекла книжица «Имена и именины» с перечислением дней памяти святых, краткими очерками их жизни и занятными комментариями по поводу христианских имен. Самое подходящее чтение для дня рождения.

Как ни странно, Фандорину никогда прежде не приходило в голову поинтересоваться, в честь какого святого он наречен столь малораспространенным именем. Стал читать — удивился.

Святой Ераст жил в первом столетии и принадлежал к числу семидесяти апостолов, призванных Иисусом на Служение помимо первоначальных Двенадцати. Родом он был не иудей, а грек (что для ранней поры христианства довольно экзотично), происходил из знатного рода и занимал высокий пост в городе Коринфе. Однако, следуя голосу сердца, покинул всё, пошел по городам за святым Павлом и потом стал епископом не то в Палестине, не то в Македонии. Биографических сведений об этом полулегендарном муже древности почти не сохранилось. Согласно одной версии (палестинской), Ераст дожил до глубокой старости и почил в мире. Согласно другой (ма-

кедонской), принял мученический венец во время Нероновых репрессий.

Палестинский исход Фандорину сначала понравился больше. Хотя... Он отложил книгу, немного подумал и пожал плечами: пожалуй, оба варианта не так плохи.

По поводу же своего имени прочел следующее: по-гречески «эрастос» означает «возлюбленный»; оказывается, Эрастов делят на зимних и летних — по времени рождения. Зимний отличается беспокойным и независимым характером, надеется только на себя и идет каменистыми тропами. Летний же легкорадостен, ничего не принимает близко к сердцу, существование его безмысленно и приятно.

Позавидовав летнему тезке, Фандорин еще некоторое время размышлял о своем имени.

Все же маловероятно, чтобы отец нарек его в честь Ераста Коринфянина. Покойный родитель был не набожен и к церковным традициям малопочтителен. Скорее всего назвал так от горечи — не простил младенцу, что тот стал причиной смерти своей матери, скончавшейся от родильной горячки. Бедняжку звали Лизой, а сына безутешный вдовец, стало быть, определил в Эрасты, то есть погубители. Нарек, как проклял. Пройдет двадцать лет, и жестокая тень карамзинской повести накроет Фандорина-младшего еще раз. Жену тоже будут звать Лиза, и погибнет она опять из-за него, Ераста...

Поезд миновал равнину, побежал через еловый лес, за окном уже смеркалось, а настроиться на американский оптимизм у именинника всё не выходило.

Тогда он мобилизовал всю свою волю и принялся изгонять хандру энергическим усилием. Запретил себе думать про смутное будущее отчизны, про прежние утраты, заставил мысль устремиться вперед и вверх, в сияющие выси Прогресса. По глубокому убеждению Фандорина, бедную Россию могло спасти одно: быстрое движение по пути Общественного Развития и Науки, больше уповать было не на что.

Он занялся составлением подробного плана предстоящей экспедиции, и настроение сразу улучшилось.

ЦСК — champion

Цель поездки была непосредственно связана с уже поминавшейся статистикой, королевой общественных наук. К этой увлекательной сфере знаний Фандорин проникся интересом совсем недавно.

Будучи по делам в Нью-Йорке, из чистого любопытства заглянул на конгресс Международного статистического общества, проходивший под девизом «Statistics — the Champion of Progress»[1]. И надо же было случиться, чтоб именно в этот день там выступал докладчик из Санкт-Петербурга, некто тайный советник Тройницкий. Его превосходительство поведал собравшимся о подготовке к первой в истории общероссийской переписи населения. Предмет сообщения был необычайно интересен, масштабность и трудноосуществимость поставленной задачи поражали воображение. Эраст Петрович дослушал выступление до конца, задавал вопросы на обсуждении, а потом еще и счел полезным представиться соотечественнику.

Этот человек произвел на Фандорина изрядное впечатление. Он был совсем не похож на стандартное российское превосходительство: ни пышной растительности на лице, ни чванности в повадке, ни велеречивого краснобайства. Энергичен, современен, скуп на слова. Даже на визитной карточке ничего лишнего. Генеральский чин опущен как второстепенность, обозначена лишь должность — Директор ЦСК (Центрального Статистического Комитета). Фандорин, помнится, еще подумал: если у нас дошли до аббревиатур, значит, Россия и в самом деле устремилась в 20 век, когда все будут решать быстрота и экономичность.

Из доклада и беседы с тайным советником Эраст Петрович почерпнул множество интереснейших сведений.

Перепись всех подданных великой империи (по очень примерному расчету около 100 миллионов душ) будет

---

[1] «Статистика — поборница прогресса» *(англ.)*

проведена за один день, 28 января 1897 года. Для того чтобы это титаническое мероприятие прошло успешно, счетчики предварительно обойдут каждый двор и каждый дом, готовя списки и разъясняя населению смысл предстоящего события. В этой работе, которая растянется на несколько недель, примут участие 135 тысяч статистиков и их добровольных помощников из числа интеллигенции, грамотных крестьян, отставных солдат и духовенства.

Затем в течение суток переписные листы заполнятся и будут отправлены в ЦСК. Сей champion прогресса применит для обработки данных новейшую вычислительную технику. Американские табуляторы Холлерита рассортируют и сгруппируют сведения о ста миллионах человек по любому из включенных в опрос признаков: вероисповеданию, полу, возрасту, семейному положению, ремеслу и прочая, и прочая.

Легко было верить в это торжество прогресса, находясь в Нью-Йорке, на 15-м этаже небочёса «Баулинг-Грин», где заседал просвещенный форум, но стоило Эрасту Петровичу на миг прикрыть глаза, воскресить в памяти просторы отечества, хмурые лица его обитателей, и сразу возникли нешуточные сомнения. Не прожектерство, не маниловщина ли?

Он списался со старинным петербургским приятелем, который по роду службы был осведомлен обо всех важных государственных начинаниях, спросил его мнения. Получил довольно скептический ответ: да, средства выделены, и немалые; работа началась и движется полным ходом; перспективы, однако, сомнительны. Не вполне ясно, как переписывать, скажем, жителей полуразбойничьих кавказских аулов, или среднеазиатских кочевников, или, того пуще, заволжских да стерженецких раскольников, для которых всякая инициатива власти — конец света и пришествие Антихриста.

Прочтя про раскольников, Фандорин окончательно решил, что должен ехать, причем непременно на русский Север. Захотелось увидеть собственными глазами,

как двадцатый век столкнется с семнадцатым, как допетровскую Русь вобьют на холлеритовскую перфокарту.

У американской цивилизации есть еще одно замечательное изобретение: познавательный туризм. Вооружившись ваучером от «Кука», разговорником, резиновой ванной и дезинфицирующими таблетками, любознательные янки бесстрашно штурмуют отроги Анд, предгорья Килиманджаро и австралийские пустыни. Турист Э.П.Кузнецов отправился маршрутом не менее экзотичным, но гораздо более комфортным: по железной дороге из Петербурга через Ярославль в Вологду, оттуда на санях по гладкому почтовому тракту, да под теплой медвежьей полостью до уездного Стерженца, ну а куда дальше — это скажет председатель тамошней статистической комиссии, к которому у путешественника имелось рекомендательное письмо.

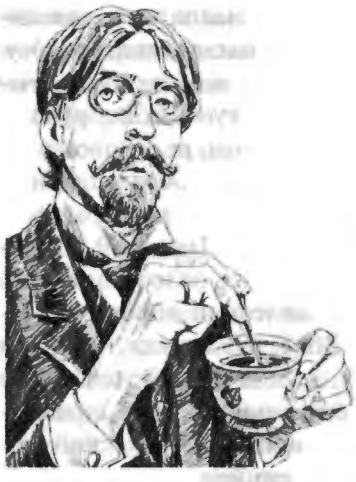
Дон Кихот Стерженецкий

Однако рекомендация (очень солидная, от того самого приятеля, что принадлежал к числу *осведомленных лиц*) не понадобилась. Главный уездный статистик так обрадовался человеку, приехавшему из столицы, что на письмо даже не взглянул.

Алоизий Степанович Кохановский и сам всего год как приехал из Петербурга в эту северную глушь — добровольно, по зову сердца. Был он еще очень молод, без конца цитировал Некрасова и всей душой верил, что земству суждено преобразить Россию.

Город Стерженец был совсем маленький, можно сказать, вовсе и не город, а среднего размера село. Ни одного каменного здания, церковь, и та деревянная.

Но сидя в гостях у Кохановского и слушая, как вдохновенно тот расписывает революционное значение переписи, Эраст Петрович окончательно уверился, что отстал в своем Массачусетсе от жизни и что представления о родной стране пора менять.

— Перепись — первый шаг к цивилизованию не одного отдельно взятого слоя общества, а всей народной массы! — горячо говорил статистик, размахивая чайной ложечкой. — Воистину Россия — страна огромных, неограниченных возможностей. Как здесь можно развернуться, если не боишься работы! В каком еще государстве человеку моего возраста доверили бы дело такого масштаба? Уездище у нас — больше Бельгии. От края до края 500 верст. Но, как говорится, глаза боятся, а руки делают. Распишем, всех распишем! И крестьян, и язычников, и мнихов по скитам! Каждого человечка, уж будьте покойны. Размеры, конечно, гигантские плюс адское бездорожье, но и это не беда, коли с умом взяться. Все деревни по берегам рек стоят, а это, доложу я вам, очень дельно придумано. Летом нетрудно доплыть на лодке, а зимой вообще красота — на саночках, как по маслу!

Наблюдать за энтузиастом и его юной женой, завороженно внимавшей оратору, было отрадно. Фандорин даже залюбовался Алоизием Кохановским, который своей худобой, долговязостью и в особенности остроконечной бородкой был вылитый дон Алонсо Кехана, разве что в пенсне.

— А что старообрядцы? — осторожно спросил гость. — Не будет ли с ними т-трудностей?

— Это да, — несколько померк стерженецкий идальго. — Это большая проблема. Завтра намереваюсь отправиться по Выге́ — река такая, к Белому морю выходит, близ Усть-Выжска. Но я-то отправляюсь не вниз, а в верховья. Все наши раскольники живут там... В декабре уже ездил, но не очень удачно, нужно еще раз. — Он расстрое-

нно подергал себя за бороденку, однако долго предаваться унынию, видимо, не умел — снова оживился. — Ах, какие там люди! Золотые сердца! «В рабстве спасенное сердце свободное — золото, золото сердце народное!» Настоящие былинные персонажи — сплошь Пересветы, Осляби и Микулы Селяновичи. — Тут Кохановский сконфуженно улыбнулся. — Правда, я для них — Тугарин-Змей. Ни одного счетчика завербовать не удалось. Но на сей раз я все предусмотрел, сами увидите. Вы ведь говорили, что желаете меня сопровождать?

— Если п-позволите, — поклонился Фандорин. — Я и мой слуга. Он вас не обременит, совсем напротив.

— Да-да, конечно, очень рад. Я бы и Сонечку взял, она тоже мечтает, — ласково посмотрел статистик на жену, — да нельзя. Раскольники не одобрят.

Очкастую, коротко стриженную Сонечку, курившую папиросу за папиросой, староверы точно бы не одобрили — это было понятно без объяснений.

— Какие у вас основания надеяться, что повторная поездка будет удачнее? — спросил Фандорин.

— Два, и оба стопроцентные, — гордо сообщил Алоизий Степанович. — Во-первых, я получил в губернии портфели для раздачи переписчикам. Дешевенькие, из коленкора, но портфель для крестьянина — это ого-го! Я сильно рассчитываю на этот стимул. Ну а во-вторых, меня будет сопровождать человек, который хорошо умеет разговаривать с крестьянами. Лев Сократович Крыжов, из ссыльных. Временно назначен товарищем председателя статистической комиссии. Необыкновенная, чудеснейшая личность!

По реке

Что господин Крыжов личность необыкновенная, было видно сразу — по обветренному, мужественному лицу, по спокойным глазам, по небрежной ловкости, с кото-

рой он управлял обеими повозками: и передней, в которой ехал сам, и задней, где разместился Кохановский с портфелями, чернильницами, переписными листами и прочей канцелярией. Со своей норовистой каурой лошадкой уездный статистик совладать не смог, и на второй версте пути Крыжов отобрал у него вожжи — привязал к задку своих саней. Поразительно, но каурая сразу успокоилась, и охотно бежала сзади, даже не натягивая поводьев. Животные отлично чувствуют, с кем можно артачиться, а с кем нельзя. С Львом Сократовичем явно не стоило.

«Чудеснейшим», правда, товарищ председателя Фандорину не показался. Поскольку повозка Кохановского была перегружена, «турист» и его слуга поместились в передних санях, так что у Эраста Петровича была возможность разглядеть этого человека вблизи.

Крыжову было, пожалуй, лет пятьдесят. По виду обычный крестьянин: в овчинном полушубке, в валенках, перепоясан кушаком, серая борода по-мужицки неухожена, руки грубые, с обломанными ногтями. Но посконность не изображает, говорит по-столичному, без сермяжности. И к народу-богоносцу, похоже, относится без обычных интеллигентских слюней. На вопрос, как он собирается уговаривать раскольников не противиться переписи, товарищ председателя презрительно сплюнул коричневой от махорки слюной.

— «Уговаривать». Эту публику уговаривать — только хуже делать. Припугну как следует: мол, станете упираться — казаки вас насильно пересчитают. Казаков они в жизни не видывали, да у нас в губернии их и нет, но тем оно страшнее. Мужик — дурак. Его, дикаря сиволапого, надо к свету за шиворот волочь, да еще палкой погонять. — Подхлестнул крепкого мохнатого конька, без труда тащившего сани с тремя ездоками, затянулся цигаркой, снова сплюнул.

Впрочем, Лев Сократович предпочитал помалкивать, быть приятным не пытался. На Фандорина с Масой взгля-

нул всего один раз, в самом начале, очень внимательно, и больше головы в их сторону не поворачивал. Так что насчет «чудеснейшего» Алоизий Степанович явно спрекраснодушничал.

День был пасмурный, волглый, чрезвычайно теплый. Сани неслись по твердому, слежавшемуся насту лучше, чем по шоссе. Отправляясь на север, Эраст Петрович готовился к морозам, а угодили в оттепель. Дорожный термометр показывал плюс четыре, с веток капало, из-под снега кое-где выглядывал красивый зеленоватый лед.

Японец, надевший две пары шерстяного белья, ватные штаны, валенки с галошами, волчью шубу и лисий малахай, весь упарился. Наконец, не выдержав, снял шапку, подставил мокрый от пота ежик волос встречному ветерку.

Тут Крыжов, который хоть назад и не смотрел, но, оказывается, все видел, обернулся, вырвал малахай, нахлобучил Масе на макушку и буркнул:

— Скажите вашему калмыку, что он застудит свою глупую башку. На реке это моментально.

— Господин, мне не нравится этот человек, — пожаловался камердинер по-японски, но остался в шапке. — Мне очень жарко, и я сильно сожалею, что не захватил свой веер.

Утешился тем, что достал из кармана леденец и сочинил грустное семнадцатисложное трехстишье:

Гибнуть от жары
Среди льда и снегов —
Адская мука.

Русло реки белой змеей извивалось меж лесистых берегов. Покрытые тающим льдом сучья казались стеклянными, а когда из-за туч на минутку выглянуло солнце, все вокруг заиграло радужными бликами, будто качнулись подвески огромной хрустальной люстры.

Чувствительный к прекрасному японец немедленно откликнулся пятистишьем из тридцати одного слога:

Я спустился в ад,
Чтоб увидеть красоту,
Какой нет в раю.
Скажи, есть ли на свете
Сатори изысканней?

Лев Сократович же по поводу буйства радужных сполохов сказал:

— Чертова иллюминация. Глаза заболели.

До первого староверческого поселения, большой деревни Денисьево, по Выге было 50 верст. Выехали из Стерженца еще затемно, и к полудню две трети пути остались позади.

Не спросив начальника, Крыжов вдруг объявил:

— Привал.

И повернул лошадь к берегу.

Быстро, не сделав ни одного лишнего движения, нарубил сучьев, запалил костерок. Стали пить чай с ромом из общего котелка, а ели всяк свое: статистик жевал малоаппетитные бутерброды с сыром, его помощник грыз какие-то бурые лоскуты — вяленое лосиное мясо, Фандорин с Масой подкрепились рисовыми колобками с сырой рыбой.

Поев, закурили: Крыжов пахучую махорку, Кохановский папиросу, Фандорин сигару, Маса костяную японскую трубочку.

Тут-то впервые и завязалось некое подобие общей беседы.

— Зачем поехали? — спросил Эраста Петровича бывший ссыльный. — Любопытствуете на наших могикан посмотреть? Или по делу?

— Любопытствую.

Как ни странно, но этот короткий и не слишком вежливый ответ грубому Льву Сократовичу, кажется, понравился. Может быть, своей откровенностью?

Второй вопрос был неожиданным:

— Вы какого вероисповедания?

Фандорин пожал плечами:

— Никакого. Всякого.

— Пантеист, что ли? — усмехнулся Крыжов. — Мне, собственно, все равно. Я в Боженьку не верую. А спросил вот зачем. Совет хочу дать. Коли вы по-всякому веровать можете, то побудьте-ка пока старообрядцем. Пускай не шибко богомольным, у городских это часто бывает, но говорите всем, что вы из староверческой семьи. Иначе ничего путного из вашего вояжа не получится. С «табашником-щепотником» никто и говорить не станет. Так что сигарки ваши припрячьте, а как въедем в деревню, перекреститесь двоеперстно, не щепотью. Умеете? Нет, неправильно! Мало сложить средний и указательный, нужно еще из трех остальных «троицу» построить. Вот так, — показал он.

Совет был неглуп. Выпустив последнюю струйку ароматного дыма, Фандорин велел Масе убрать курительные принадлежности на самое дно чемодана.

— Почему местные с вами-то разговаривают? — спросил Эраст Петрович. — Вы ведь раскольником не прикидываетесь?

— Я другое дело. Я ссыльный, а значит, по-ихнему, от царя пострадал. Поэтому мне доверяют и даже на мою махорку не серчают.

— А у меня старообрядчество вызывает восхищение! — воскликнул Алоизий Степанович, которому, видимо, нужно было поминутно чем-то восхищаться. — Это настоящее, исконное русское христианство. И дело не в обряде, а в духе. Православие — вроде департамента при правительстве, служит не столько Богу, сколько кесарю. Что это за Христова вера, если ее кесари поощряют? А раскол от государства держится наособицу. Только такою — нагой, гонимой, бессвященной — и должна быть настоящая вера! Не в пышных храмах она живет, не на епископских подворьях, а в душах. Здешние жители сплошь беспоповцы, сами службы служат, в домашних молельнях. Свободный выбор и радение за свои убеждения — вот что такое староверие!

Его помощник только скривился.

— Косность, суеверие и тупое мужицкое упрямство. Лучше сдохнут, а нового в свою убогую жизнь не пустят. Помяните мое слово, еще дождемся из-за переписи гарей.

— Каких г-гарей? — спросил Эраст Петрович.

— А это когда раскольники сами себя сжигают Как во времена протопопа Аввакума. Тут по лесам, по скитам не одна тыща народу с молитовкой да песнопением заживо сгорела. И в восемнадцатом столетии, и при Николае Палкине, когда тот начал раскол прижимать. Старики со старухами помнят. Я-то по деревням много езжу, слышу разговоры. Для раскольника переписные листки — Антихристова печать. Знаете, как они говорят? Нечистый перед концом света хрестьянские души считает, чтоб ни одна не спаслась. Ходят кликуши, баламутят народ. Кто призывает в огонь, кто в землю живьем, а самые благостные — *запостить-ся,* то есть голодом себя уморить.

— Ну, до этого не дойдет, — махнул рукой Кохановский. — Поговорят и успокоятся. Боюсь только, как бы перепись не сорвали.

— Конечно, успокоятся, — с видимым сожалением признал Крыжов. — Без искры даже сухой хворост не займется. Эх, кабы во времена наших идиотских хождений в народ этакий подарок от властей. Уж мы бы мужичка колыхнули! А так только зря пропали, и какие люди! Один Сергей Геннадьевич всех нынешних эсдеков стоил...

— Кто-кто? — удивился Алоизий Степанович, Фандорин же посмотрел на бывшего ссыльного с новым интересом.

Вопрос так и остался без ответа — Крыжов не слишком церемонился со своим начальником.

Поменяв тему, Лев Сократович спросил, не был ли случайно господин Кузнецов в Москве, когда там на Ходынском поле передавили кучу народу. А когда узнал, что да, был и видел все собственными глазами, принялся жадно выспрашивать подробности.

Фандорин отвечал неохотно — у него с Ходынкой были связаны тягостные воспоминания, но Лев Сократович не отставал и лишь приговаривал: «Хорошо! Ах, как хорошо!»

— Да что ж тут хорошего, п-позвольте спросить? — рассердился наконец рассказчик. — Полторы тысячи убитых, несколько тысяч покалеченных!

— Еще одна пробоина в корабле дураков. Скорей потонет, — отрезал Крыжов и так расстроил этим людоедским высказыванием главного уездного статистика, что тот захлопал ясными, близорукими глазами и ни к селу ни к городу залепетал про погоду:

— Какой тут климат удивительный! Тысяча верст к северу от Москвы, а на десять градусов теплее! Поразительная теплынь! Уже целую неделю держится! Мне рассказывали старожилы, что такого января не бывало с тысяча восемьсот...

— Пора, едем, — прервал его Крыжов, поднимаясь. — Оттепель эта чертова некстати. На реке, где ключи бьют, лед подтаял. Я-то гляжу, куда еду, а если кто спьяну или без понятия, запросто провалится.

И ведь накаркал, недобрый человек.

Катастрофия

Река сузилась, огибая каменный утес, потом снова расправила берега. Мохнатый конек с разбегу вылетел из-за поворота и, всхрапнув, прянул в сторону — Эраст Петрович едва успел ухватиться за край саней, Маса же и вовсе кубарем полетел в снег.

Картина, открывшаяся взору путешественников, была пугающей и в первый миг малопонятной, даже абсурдной.

Под самым обрывом во льду зиял разлом, в котором колыхалась темная вода. Из воды тянулся брезентовый повод, в который изо всех сил вцепился тощий, долговязый человек в черном. Сзади стоял еще один, в таком же одеянии, но низенький и очень толстый — он тянул долговязого за пояс. Эрасту Петровичу эта сцена напомнила народную сказку про репку, лишь внучки да кошки с мышкой не хватало, но многоопытный Лев Сократович сразу понял, в чем дело:

— Тьфу! Болваны долгополые! Упустили под лед и коня, и сани.

Толстый обернулся, увидел людей и жалобно крикнул, налегая на букву «о»:

— Люди добрые! Помогайте, тяните! Катастрофия! Лошадь потонула! Сани! Имущество! Шуба лисья!

Это был священник, причем немалого звания, если судить по богатому золоченому кресту, по щекастой физиономии, по добротной шерстяной рясе. Второй тоже обернулся, разинул рот. Этот был совсем молодой, с жидкой пшеничной бородкой, в огромных стоптанных валенках.

— Дьякон, дурья башка, не выпускай! — накинулся на него толстый, ткнул кулаком в спину. — Тяни ты, тяни! Подсобляй, православные!

Фандорин хотел вылезти из саней, но Лев Сократович остановил его движением руки.

— Давно провалились? — спокойно спросил он.

— Полчаса-то будет, — бойко ответил дьякон, с любопытством разглядывая незнакомцев.

Из вторых саней с причитаниями выскочил Кохановский.

— Отец Викентий! Господи, как же это? Ах, ах! Что же вы, господа, помочь нужно! Это наш благочинный, отец Викентий! Лев Сократович, Эраст Петрович, хватайтесь!

— Бесполезно, — отрезал Крыжов. — Лошадь потопла, а сани мы не вытащим. Отпускай вожжи, дьякон.

Молодой священнослужитель охотно послушался, и повод соскользнул в воду.

Благочинный только охнул.

— У меня там сундук! В нем облачение, белье козьего пуха, сорочки! И шуба, шуба! Жарко стало, скинул! Всё ты, Варнава! — замахнулся он на дьякона. — Куда гнал, стручок лузганый? Ныряй теперь, доставай!

Варнава шмыгнул носом и попятился. Лезть в ледяную воду ему не хотелось.

— Не достанет, — сказал Лев Сократович. — Здесь омут, и ключ со дна бьет. Потому и подтаяло. Коль взялись ехать по реке, лед чувствовать нужно... Ладно, господа, время. Нужно в Денисьево засветло попасть.

Он дернул за поводья, отводя лошадь подальше от опасного места.

— Погодите! — возопил отец Викентий. — А мы-то? Мы-то как же? Без средства передвижения, без теплого одеяния!

Но Крыжов был невозмутим:

— Ничего. До деревни двенадцать верст, мороза нет. Дотрусите как-нибудь. Разогреетесь.

— Грешное говорите! — еще пуще взволновался благочинный. — Какое непочтение к особам духовного звания! Я вас не велю к причастию допускать!

— Нно, пошел! — прикрикнул Лев Сократович на замешкавшего конька. — Что мне ваше причастие? Я атеист. Господин Кохановский тоже не из богомольцев. Кузнецов — раскольник. А его азиат, надо полагать, и вовсе барану или верблюду молится.

На помощь священнику пришел гуманный Алоизий Степанович:

— При чем тут религия? Нельзя бросать людей в беде! Мы можем потесниться.

— Вы в статистической комиссии распоряжайтесь, — не поддавался Крыжов. — А на реке уж позвольте мне.

Нельзя лошадей перегружать, надорвем. Нам еще до верховьев добираться.

Не уступал и Кохановский. Завязалась дискуссия, сопровождаемая то жалобными, то возмущенными возгласами благочинного. Дьякон-то помалкивал. Шмыгал носом, с любопытством вертел головой, наблюдая за спорящими. Его, в отличие от отца Викентия, перспектива двенадцативерстной пешей прогулки, видимо, не пугала.

— Хорошо! Предлагаю решить вопрос демократическим путем! — предложил Алоизий Степанович. — Думаю, вы, как прогрессивный человек, согласитесь. Проголосуем: брать их с собой или не брать.

— Я за! — сразу крикнул благочинный.

— Церковь выступает против всеобщего избирательного права, — напомнил ему Крыжов. — Так что святые отцы не участвуют. Я — против.

— Я тозе, — решительно поддержал его Маса. — Росядь — дзивое сусетво, ее дзярко. Этот черовек сриськом торустый, — показал он на отца Викентия.

— Не толстый, а тучный, — обиделся тот и горько посетовал. — Эх, господа демократы, нехристю косоглазому электоральные права выделили, а исконных русаков побоку? Доверь вам Русь-матушку! — Он воздел руки к Фандорину. — На вас единственно уповаю! Хоть вы и старой веры, но ведь одному Христу ревнуем!

— П-право, господа, едем. Мы и так потеряли много времени, — примирительно сказал Эраст Петрович. — Чтобы не перегружать лошадей, будем ехать по очереди. Вы, святой отец, пожалуйте в наши сани, а вы, отец дьякон, во вторые. Залезайте под полость, грейтесь. Я пойду рядом, а через версты две п-поменяемся.

— Истинное являете милосердие, — чуть не прослезился благочинный, скорей пролез под медвежью шкуру и тут же сменил тон. — Ну, чего ждем? Трогайте!

Не прошло и десяти минут, как Фандорин горько пожалел о своем человеколюбии. Пока отец Викентий жаловался, как тяжко благочинствовать над округом, где

православных почти нет, а сплошь одни раскольники, было еще терпимо, даже познавательно. Но потом у отогревшегося представителя правящей церкви возникла блестящая идея: раз слушателю деваться все равно некуда, не помиссионерствовать ли, не спасти еретическую душу?

На черствого Крыжова он порох тратить не стал, взялся за Эраста Петровича, очевидно, сочтя его самым слабым звеном в цепи иноверцев и атеистов.

— Как вас по имени-отчеству? Из каких же раскольников будете? — вкрадчиво спросил отец Викентий. — Обличье у вас не нашенское.

— Эраст Петрович. Я м-московский, — ответил Фандорин и, вспомнив, что раскольники имеют в Первопрестольной собственное место обитания, прибавил: — Из Рогожской слободы.

— А-а, москвич. То-то я слышу — говор грубый, всё «а» да «а», будто собака лает. Рогожские старообрядцы не то что здешние, вы священство признаете, своего епископа имеете. Начальствопочитание это хорошо, это уже пол-веры. По лицу и манерам вашим, любезный Ерастий Петрович, видно, что человек вы книжный и просвещенный. Как же это вы троеперстие отвергаете? Разве не сказано черным по белому: «Перве убо подобаетъ ему совокупити десныя руки своея первыя три персты, во образъ Святыя Тройцы»? А еще дозвольте вас про патриарха Никона спросить, который для ваших единоверцев хуже диавола. Разве не исполнил сей муж задачу великую, государственную, когда сызнова воссоединил все церкви византийского корня, да привел их под сень московскую? Разве не должны мы, славяне, возблагодарить...

Маса, зажатый в самый угол саней упитанным отцом Викентием, не выдержал и сказал по-японски:

— Садитесь на мое место, господин. Я разомну ноги. — И проворно вылез, отретировался назад, ко вторым саням.

Комментарий священника был таков:

— Не выдержало ухо басурманово благочестивой речи. Тоже еще и об этом задуматься вам не мешало бы. Если

нехристю слова мои поперек сердца, значит, они и черту не угодны. А сие, согласно законам логики, означает, что они угодны Господу. Вот и рассудите как умный человек: коли мои слова богоугодны, так, стало быть, в них истина... Я вижу в вашем взоре сомнение?

— Нет-нет. Мне просто нужно сказать два слова г-господину Кохановскому, — пробормотал Эраст Петрович и тоже отстал, прибился к задним саням.

Там, оказывается, тоже говорили о божественном.

— Красота-то, красота какая! — восхищался дьякон. — Как это люди есть, кто в Бога не верует? Видал я на картинках творения прославленных художников. Отменно хороши — нечего сказать. Но что их творения, хоть бы даже самого господина Айвазовского, против вот этого? — обвел он рукой берега, реку, небо. — Как лужица малая против океана!

— Это верно, это вы замечательно верно сказали! — признал Кохановский.

— То-то что верно. — И Варнава запел звонким дискантом 23-ий псалом. — «Господня земля, и исполнение ея, вселенная и все живущие на ней! Той на морях основал ю есть и на реках уготовал ю есть!»

Маса припустил обратно к первым саням. От поспешности и непривычки к валенкам споткнулся, еле удержался на ногах, и дьякон, оборвав пение, заливисто расхохотался — так развеселил его неуклюжий инородец.

Вдали, над высоким берегом, показались дома деревни Денисьево: большущие, с крошечными резными оконцами. Из труб к небу тянулись белые столбы дыма.

Внезапно передние сани остановились — возница резко натянул поводья.

— Кохановский, слышите? — крикнул Лев Сократович, приподнявшись на облучке. — Собаки воют. Странно.

Позор на всю Европу

И действительно, по всей деревне, словно сговорившись, выли псы. Никаких других звуков не было: ни голосов, ни шума работы — лишь унылый, безутешный хор собачьей тоски.

— Что у них там стряслось? — недоуменно спросил Крыжов, трогая с места. — Померли, что ли?

Нет, не померли.

Когда сани подкатили к околице, из ближнего дома выскочила старуха и, мелко семеня, побежала куда-то по улице. На приезжих не оглянулась, что для жительницы захолустной деревни было удивительно.

Лев Сократович окликнул ее:

— Эй, старая!

Но бабка не остановилась.

Тогда Кохановский соскочил с облучка, бросился вдогонку.

— Почтеннейшая! Мы из уезда, по поводу переписи! Где бы найти старосту?

При слове «перепись» старуха наконец обернулась, и стало видно, что ее лицо искажено то ли горем, то ли страхом. Она перекрестилась двумя пальцами, громко пробормотала: «Тьфу на тебя!» и, не ответив, юркнула за угол ближайшего дома.

— Что за черт, — растерянно пролепетал Алоизий Степанович.

Фандорин с интересом рассматривал поселение.

Староверческая деревня была очень мало похожа на обычные, среднерусские. Во-первых, впечатлял размер построек. Даже зажиточные крестьянские семейства где-нибудь на Рязанщине или Орловщине не имеют таких домов: высоченных, в два — два с половиной этажа, с десятком окон по фасаду, а на некоторых поверху еще и резные балкончики. Во-вторых, совсем не было заборов. Сосед от соседа здесь не отгораживался. А больше всего

поражала опрятность и ухоженность. Ни покосившихся крыш, ни куч мусора, ни кривых сарайчиков. Всё добротное, крепкое, аккуратное. Из-за затянувшейся оттепели снег на улице почти всюду потаял, но раскисшая грязь была присыпана желтым песком, и полозья скрипеть скрипели, но не вязли, не застревали. Ближе к центру дома стали еще лучше — на каменном подклете, с кружевными занавесками на окнах.

— Почему эта деревня такая богатая, господин? — спросил Маса.

— Потому что здесь никогда не было помещиков. Кроме того, приверженцы этой веры не пьют водки и много работают.

Японец одобрил:

— Хорошая вера. Похожа на секту Нитирэн. Такая же дисциплинированная. Смотрите — все собрались на площади. Наверное, какой-нибудь священный праздник.

Эраст Петрович повернул голову и, действительно, увидел впереди подобие небольшой площади, на которой густо стоял народ. Все столпились перед домом с червленой крышей и нарядно проолифенными стенами. Сквозь тихий гул мужских голосов пробивались бабьи причитания и плач.

— Фуражки понаехали, — объявил Крыжов, встав на облучок и глядя поверх голов. — Стряслось у них тут что-то. А ну, блюстители веры! — крикнул он на задних. — Расступись! Дорогу начальству!

В толпе заоборачивались. Увидели городских людей, попа в черной рясе и быстро, словно боясь запачкаться, шарахнулись в стороны. Открылся проход, по которому вылезшее из саней «начальство» двинулось вперед.

У деревенских на лицах появилось одинаковое выражение — смесь настороженности и брезгливости. Когда отец Викентий, важно переваливавшийся с боку на бок, задел рукавом рясы белобрысого мальчонку, мать подхватила малыша и прижала к себе.

Наконец, пробились к дому.

Обособленно от всех, словно по ту сторону невидимого барьера, стояла небольшая группа людей: двое в форме и еще двое одетых по-городскому.

— Это наш исправник, — на ходу пояснил Эрасту Петровичу статистик, показывая на мужчину, вытиравшего платком распаренную лысину. — А в черной шинели — Лебедев, следователь. Раз приехал в Денисьево — значит, преступление, и нешуточное... Приветствую вас, Христофор Иванович! Что здесь такое?

Следователь оглянулся.

— Алоизий Степанович? По переписным делам пожаловали? Ох, не ко времени.

— Да в чем дело?

Казенные люди поздоровались с председателем за руку, к священнику подошли под благословение, Эрасту Петровичу вежливо кивнули, но и только — похоже, им сейчас было не до представлений. Двое штатских сосредоточенно что-то обсуждали вполголоса, на вновьприбывших едва посмотрели.

Куда-то исчез Лев Сократович. Только что был рядом, и будто сквозь землю провалился. Фандорин оглянулся, но и в толпе Крыжова не углядел.

— Выкинули фортель раскольнички, — злым тоном начал рассказывать следователь Лебедев. — Целая семья заживо в землю закопалась. Муж, жена, младенец восьми месяцев... Будет теперь шуму! А еще называем себя просвещенной страной. Позор на всю Европу!

— Как закопалась? — охнул Кохановский. — Неужто из-за переписи!?

— Разумеется. Напугались, болваны. Откапываем вот. Один труп уже достали...

Дьякон Варнава всхлипнул и перекрестился. У благочинного же известие вызвало странную реакцию: он причмокнул толстыми красными губами, азартно раздул ноздри и, попятившись, скрылся в толпе, только высокая фиолетовая камилавка закачалась над головами.

Но поведение священника сейчас занимало Фандорина меньше всего. До двадцатого века оставалось три

года, а здесь, на северо-востоке европейского континента кто-то живьем лег в могилу, испугавшись переписи! Слухи слухами, вот ведь и Крыжов предупреждал, но поверить, что такое произойдет на самом деле, было невозможно.

— Может быть, есть какая-то иная п-причина? — спросил он у следователя.

Тот лишь рукой махнул.

— Какая еще «иная»! Сверху над миной записочка лежала. Можете ознакомиться. — И вынул из портфеля аккуратно сложенный листок.

При чем здесь «мина», Фандорин не понял, а спросить не успел — следователя отозвал исправник.

Зато откуда ни возьмись появился Лев Сократович. Лицо у него было напряженное, хмурое, движения резкие.

— Все выяснил, — сообщил он, нервно потирая руки. — Поговорил со стариками. Ужас, средневековье. В Денисьеве первое сообщение о переписи восприняли сравнительно спокойно. Деревня богатая, все поголовно грамотные. А недавно вдруг ни с того ни с сего будто пожар какой — только о конце света и говорят. Мол, доподлинно разъяснилось — недели две осталось, не более, а там явится Антихрист. Кто сам себя не спасет, тому гореть в геене огненной. И началось. Кто плачет, кто молится, кто с родственниками прощается. Староста — умный мужик. Ходил по домам, говорил: «Не торопитесь, и на Антихриста управа сыщется, Господь знак даст». Многих убедил обождать. Но не всех. Савватий Хвалынов, первый деревенский плотник, решил по-своему. Шесть дней назад с женой и ребенком залегли в мину. Это такой земляной склеп, по сути дела могила. Так самозакапывались святые старцы во время гонений против раскольников. Обряжались в саваны, залезали в нору, вход за собой заваливали и лежали там во тьме, жгли свечки и пели, сколько хватало воздуха. В здешних местах еще осенью, как первый слух о переписи прошел, все кинулись тайные мины рыть. У наших чиновных умников считалось, что раскольники хотят просто попугать власть — чтоб отступилась со своей «антихристовой затеей». Вот вам и «попугать»...

— Плотник с семьей залегли в мину шесть д-дней назад?! Почему же откапывают только сейчас?

— Староста попробовал — не дали. Тяжкий грех — мешать «спасению». Но и под суд старосте тоже неохота. Вчера исхитрился, тайком послал в уезд сына, с предсмертной запиской, которую оставил плотник. Вот власти и примчались, да что проку...

Эраст Петрович развернул желтоватую страничку, исписанную старинными буквами, как в древних книгах.

Текст был такой:

«Ваш новый устав и метрика отчуждают нас от истинной христианской веры и приводят в самоотвержение отечества, а наше отечество — Христос. Нам Господь глаголет во святом Евангелии своем: «Всяк убо иже исповесть Мя пред человеки, исповем его и Аз пред Отцем Моим, иже на небесех, а иже отвержется Мене пред человеки, отвергуся его и Аз перед Отцем Моим, иже на небесех». Посему отвещаем мы вам вкратце и окончательно, что мы от истинного Господа нашего Исуса Христа отвержения не хощем, и от Христианской веры отступити не желаем, и что Святые Отцы святыми соборами приняли, то и мы принимаем, а что Святые Отцы и Апостолы прокляли и отринули, то и мы проклинаем и отрекаем. А вашим новым законам повиноваться никогда не можем, но желаем паче за Христа умерети».

Кохановский, заглядывавший через плечо Фандорина, страдальчески воскликнул:

— Да при чем же здесь отвержение от Христа? Какой-то «устав» придумали! Чудовищное недоразумение! Я же сам был здесь в декабре, всё подробнейше...

— П-плотник что, был книгочеем? — спросил Эраст Петрович, перебив эмоционального статистика. — Цитирует церковнославянское Евангелие, и почерк почти каллиграфический.

— Здесь в каждом доме старые книги есть, переписанные от руки. — Крыжов с интересом рассматривал записку. — Ишь ты, «повиноваться вашим законам не можем». Вот это дело.

Из глубины двора вышел молодцеватый полицейский урядник в перепачканной землей шинели.

— Ваше благородие! — откозырял он исправнику. — Кажись, всех достали. Хорошо теплынь, земля оттаяла, а то б дотемна провожжалися. Пожалуйте.

Чиновники пошли первыми, остальные следом. Эраст Петрович услышал сзади странное шарканье. Оглянулся — вздрогнул. Вся масса крестьян ползла на коленях, один замешкавшийся Маса торчал столбом меж бабьих платков и обнаженных мужских голов. Камердинер беспокойно заозирался и тоже бухнулся на карачки. Этикет японской вежливости предписывает не выделяться из толпы, ибо «торчащий гвоздь бьют по шляпке».

Проворней всех передвигался лысый, бородатый мужичонка, в отличие от остальных, одетый в рванье. На голых ногах вместо обуви два куска бараньей шкуры, коекак обвязанных веревками.

— Бее, бее! — дурашливо заблеял блаженный, выползая вперед. — Посторонися, табашники! Овцы Божии на заклание грядут! Бее! Все закопайтеся, братие! То-то Сатане кукиш покажете! То-то ему, псу, досада будет!

Он затряс тяжелым железным крестом, свисавшим с грязной шеи, залаял по-собачьи, и Фандорин, поморщившись, ускорил шаг.

Во дворе кучами лежала разрытая черная земля. Угрюмые мужики с лопатами в руках кучкой стояли поодаль, а представители власти и двое незнакомых господ в штатском молча рассматривали что-то, лежащее на большой расстеленной рогоже.

Сзади взметнулся пронзительный женский голос:

— Блаженно преставилися, душу свою спасли! А мы, грешные, погибли-и-и!

Один из штатских, бородач в бобровом картузе, обернулся и громко, с оканьем, сказал:

— Блаженно? Поди-ка, дура, сунь нос. Полюбуйся.

Да уж, на блаженно преставившихся покойники были непохожи. У мужчины лицо посинело от мук удушья, женщина держала во рту изгрызенную кисть руки, а еще над трупами успели потрудиться черви — спасибо оттепели...

Фандорин с содроганием отвернулся. На его спутников кошмарное зрелище тоже подействовало. Дьякон Варнава плакал навзрыд. Алоизий Степанович сделался белее снега, закачался и упал бы в обмороке, если б его не подхватил помощник.

— Смотрите, смотрите! — яростно закричал господин в бобровом картузе на деревенских. — И вы бы этак валялись! Вот до чего дикость и дурь доводят!

Поперхнулся от гнева, закашлялся. Его, впрочем, не слушали. Крестьяне поднялись с колен, обступили тела и молча смотрели.

Один лишь юродивый завертелся волчком, затрясся в корчах, схватил зубами ком земли, с лиловых губ потекла грязь и пена.

— Уберите вы этого калеку! — раздраженно оглянулся исправник. — Работать мешает!

Урядник хотел оттащить припадочного, но высокий седой старик с медалью на груди (должно быть, староста) удержал служивого за плечо:

— Не тронь. Это Лавруша, святой человек. По деревням ходит, за людей молится. Ништо, поорет да утихнет.

Взяв себя в руки, Фандорин подошел ближе к покойникам. Присел на корточки, приподнял твердую, будто высеченную из льда руку главы семейства. Кисть была такая, как положено плотнику — с грубыми, мозолистыми пальцами. Такими каллиграфических букв не выпишешь.

— Что это такое? — спросил Эраст Петрович, показывая на торчащий из земли деревянный кол — довольно толстый, но стесанный к концу.

— Не знаю, — хмуро ответил стоящий рядом Крыжов. — Как устроена мина, мне неизвестно. Знаю лишь, что смерть в ней может быть «тяжкая» или «легкая». «Тяжкая» — это от медленного удушья. Она считается более почтенной А «легкая» — когда землей заваливает. У этих, похоже, «легкая» была. — Он передернулся, глядя на страшные лица мертвецов. — Какая ж тогда «тяжкая»?

В яме рылся урядник — он уже и сюда поспел. По всему видно, человек это был ловкий, расторопный и вре-

мени попусту терять не привык. Подобрал огарок свечи, надорванную иконку.

— Ваше благородие, гляньте-ка!

Он извлек из-под сырых комьев какой-то листок с такими же, как в предсмертной записке, письменами.

Исправник скривясь взял грязную бумажку. С трудом прочел:

— «А в ино время спасался аз в обители некой, старинным благочестием светлой...» Опять раскольничья чушь. Всё, Одинцов, хватит в мусоре копаться! И так ясно. — Скомкал листок, швырнул наземь. — Трупы пусть тащат в сани, повезем в город.

В толпе глухо загудели.

— Куды в город? Глумиться над телами христианскими? На поганом кладбище никоньянском зарыть?

Откуда ни возьмись вынырнул благочинный.

— Ишь чего захотели! — замахал он на раскольников. — На кладбище! Да кто дозволит самоубийц в освященной земле хоронить? На Божедомке закопают.

Тут гул голосов сменился тяжелым, грозным молчанием. Рослые бородатые мужики в длинных поддевках, в допотопного шитья кафтанах плечо к плечу двинулись на городских.

— Тела не выдадим, — твердо сказал староста, выходя вперед. — Похороним честью, по своему обычаю.

Он подошел вплотную к начальству и шепнул:

— Уезжали бы вы, господа. Как бы греха не вышло.

Весь налившись багровой краской, исправник погрозил старообрядцам кулаком:

— Но-но, вы глядите у меня! Хотите, чтоб воинская команда приехала — следствие вести и перепись проводить? Я вам это устрою!

— Не нужно команды, — все так же тихо попросил староста. — Если кто для допроса понадобится — пришлю. И счетчиков для переписи дам. Дайте только народу охолонуть малость.

— В самом деле, Петр Лукич, едемте, — зашипел следователь, нервно поглядывая на мужиков. — Рожи-то

рожи! Воля ваша, а я тут на ночь не останусь. Лучше в темноте поеду.

Исправнику и самому не терпелось поскорей унести ноги из негостеприимной деревни, но и лица терять он не хотел.

— Мы с господином Лебедевым уезжаем в Стерженец, будем разбирать ваше дело! — зычно крикнул он. — Здесь останется урядник Одинцов, слушать его во всем! Если что — ответите за безобразия совокупно, по полной строгости!

Но следователь уже подталкивал его локтем. Бочком, бочком представители власти обошли мрачную толпу и поспешно удалились в сторону площади. Так торопились, что даже не забрали у Фандорина следственный документ — страничку с предсмертным посланием.

— Господа! И меня возьмите! — всколыхнулся благочинный. — У меня по дороге приключилась катастро... Господа!

Он подобрал полы рясы, кинулся догонять, но осмелевшие жители Денисьева уже заняли весь двор, обступая мертвецов кру́гом.

Отец Викентий побежал в обход дома, всё призывая уездных правоохранителей обождать, но поздно — с площади донесся удаляющийся перезвон колокольцев.

Санитарно-эпидемический отряд

Но отец Викентий напрасно испугался. Ничего страшного не произошло. Наоборот, после ретирады представителей власти напряжение заметно спало. В толпе никто уже не сжимал кулаки, в первые ряды протиснулись женщины, и опасная тишина сменилась вздохами, жалостными причитаниями, плачем. Юродивый уже не дергался, не грыз землю — он подполз к мертвому младенцу и тихо, безутешно подвывал.

Маса совал бледному Алоизию Степановичу ватку с нашатырем. Варнава, всхлипывая, бормотал молитву. Кры-

жов помогал уряднику, натягивавшему поверх тел покров из небеленого холста.

Фандорин же внимательно прислушивался к разговору бобрового картуза со вторым незнакомым господином, будто только что перенесшимся в эту лесную глушь прямо с Невского проспекта, такой он был не по-здешнему холеный, чисто выбритый, в золотых очках и каракулевой шапке пирожком.

— Эх, головы столичные, ведь предупреждал, в колокола бил — не послушали, — горько сетовал очкастый собеседнику.

Эти-то слова и привлекли внимание Эраста Петровича.

— Читал вашу статью, читал. Даже в своей газете перепечатал, — откликнулся картуз — высокий, статный мужчина лет тридцати пяти, с ухоженной светлой бородкой. — Но ведь у нас на Руси, сами знаете, пока гром не грянет, мужик не перекрестится.

— А я не для мужиков писал, — желчно вставил бритый. — Для лиц, облеченных властью. Слава Богу, в научных кругах имя мое достаточно известно, могли бы прислушаться к мнению Шешулина. Когда волнения еще только начались, я предсказывал: если не принять меры, возможна психогенная эпидемия с человеческими жертвами! В сентябре еще предупреждал!

Тема разговора настолько заинтересовала Фандорина, что он счел необходимым подойти и представиться. Господин в шапке-пирожке оказался известным петербургским психиатром Шешулиным. Златобородый красавец — вологодским промышленником Евпатьевым. Про него Эрасту Петровичу рассказывали еще в столице: из старинного раскольничьего рода, но прогрессист. Учился в Англии, магистр экономики. Ведет дело по-современному, суеверий не признает и даже издает собственную газету, весьма популярную на русском Севере.

— Как узнал про записку, увязался за чиновниками, — объяснил он. — Горе-то какое! Какой удар для всего старообрядчества! Теперь из-за нескольких умалишенцев все газеты на нас накинутся. Мол, дикари, изуверы... А вот

Анатолий Иванович, — кивнул Евпатьев на психиатра, — уверяет, что это цветочки, ягодки впереди. Из самого Петербурга пожаловал, чтоб быть на месте событий.

— Вы п-полагаете, что будут еще самоубийства? — содрогнувшись, спросил Эраст Петрович.

Шешулин снял очки, сдул со стеклышка пылинку.

— Вне всякого сомнения. Моя основная специальность — воздействие внушения на человеческую психику. Мозг не такой сложный механизм, как представляется дилетантам. Как и остальные органы тела, он на сто процентов подвержен внешним влияниям. Опаснейший вид массовой эпидемии — не чума и не холера, а психоз, охватывающий целые слои населения. Вспомните детский крестовый поход. Или средневековую охоту на ведьм. А что такое война, как не психическое заболевание, поражающее целые страны, а то и континенты? Вспомните наполеоновские кампании, когда сотни тысяч, даже миллионы людей без каких-либо серьезных причин кинулись рвать друг другу глотки и жечь города, завалив всю Европу грудами трупов?

— Меня интересуют раскольники и п-перепись, — вежливо, но твердо прервал исторический экскурс Фандорин.

— Извольте. В среде старообрядства уже два с лишним века витает идея о скором приходе Антихриста. Эта группа людей, можно сказать, постоянно пребывает в ожидании неминуемого конца света. Вот вам фон заболевания. С Антихристом у староверов ассоциируется государственная власть — еще со времен патриарха Никона и царя Петра. Вот вам объект патологического страха. Известно, что внушению особенно подвержены субъекты с низким уровнем образования и неразвитой индивидуальностью. Таковы большинство здешних лесных жителей: минимальная сумма знаний о внешнем мире, максимальная зависимость от общины. Всё это, так сказать, состав взрывной смеси. Для того чтобы сей порох воспламенился, не хватает малости — горящей искры. Роль искры пе-

риодически берут на себя пророки и проповедники, обладающие незаурядным даром внушения. Я специально изучил историю раскола. В этой среде время от времени появляются индивиды, объявляющие, что Антихрист уже грядет. Немедленно срабатывает психологическая цепочка: фон — объект — внушаемость, и люди совершают чудовищные поступки. Бросаются целыми семьями в огонь, топятся или, как здесь, заживо ложатся в могилу. В 1679 году близ Тобольска безумный поп Дометиан уговорил сжечься 1700 человек. Несколькими годами позднее Семен-пророк согнал в огонь население целого города на Ярославщине — 4000 душ. Последний по времени случай самоубийственной эпидемии произошел 36 лет назад в Олонецкой губернии. Там добровольно сожглись пятнадцать человек, в том числе женщины с маленькими детьми. Причина психоза та же — эсхатологические ожидания.

— Прощения просим. Какие-какие ожидания?

Увлеченный лекцией Фандорин не заметил, как к числу слушателей присоединились остальные: пришедший в себя Кохановский, Крыжов, Маса, священник с дьяконом и даже урядник Одинцов. Именно полицейский и спросил про непонятное слово.

— Конца света, — пояснил доктор.

Тут все заговорили разом.

— Господе Иисусе, спаси и сохрани люди твоя, — тоненько, с дрожью в голосе воззвал к небу Варнава.

Алоизий Степанович воскликнул:

— Милостивый государь, то, что вы предвещаете, ужасно!

Причмокивая леденцом, Маса сказал по-японски:

— То же самое было в эпоху Канъэй, когда Токугава Иэмицу приказал христианам острова Кюсю отказаться от их веры.

Промышленник Евпатьев желал знать:

— Коли вы так научно, по-медицински все трактуете, так у вас, верно, и рецепт есть? Как остановить поветрие?

— Дык, стало быть, завелся какой-нито змей, кто народ баламутит? — грозно сдвинул белесые брови полицейский.

А Эраст Петрович выждал, пока все выскажутся, и обратился к Кохановскому:

— Алоизий Степанович, нам задерживаться в Денисьеве незачем. Староста обещал, что счетчики будут. Едемте д-дальше, в следующую деревню.

— Браво, Кузнецов! — тряхнул кулаком Евпатьев. — Вот вам и рецепт! Нужно проехать по всем староверческим селениям, потолковать со стариками. У меня в санях «кодак». Пока не стемнело, сфотографирую трупы во всей красе. Буду показывать. Отпечатки сделать негде, ну да ничего. На стеклянной пластине еще страшней смотреться будет, чем на фотокарточке! Поедете, Анатолий Иванович?

— Разумеется. — Доктор Шешулин улыбнулся. — Санитарно-эпидемический отряд? Неплохая идея.

Урядник поправил шапку, из-под которой свисал лихой чуб.

— Я тоже поеду. Пресечь надо. Сыскать смутьянов и заарестовать. Не дозволю на своей телитории безобразию творить!

Промышленник, очевидно, знавший полицейского, сказал:

— С тобой, Одинцов, никто говорить не станет. Да и нам помешаешь. Сам знаешь, для здешних отступник хуже британоуса.

— А вы мне, Никифор Андроныч, не указуйте, — набычился Одинцов. — Я не вам, я казне служу. И разрешениев ваших мне не требуется. Слава Богу, свою упряжку имею.

— Пускай едет, — вступился психиатр. — Если эпидемия примет угрожающие размеры, возможно всякое. Вооруженный полицейский пригодится.

— И меня возьмите, — попросил отец Викентий. — Немилосердно поступите, если духовных особ в раскольничьем гнезде покинете. Имею опасение, как бы через их злосердие не лишиться живота своего.

И приложил ладонь к своему весьма изрядному чреву.

Эта просьба Фандорина удивила. Всего несколько минут назад, перед тем, как подойти к Евпатьеву и Шешулину, он видел, как священник вполне мирно беседует со старостой и еще несколькими стариками. Те кивали, то ли с чем-то соглашаясь, то ли принимая слова соболезнования. Фандорин еще порадовался за благочинного: все-таки не пень бесчувственный, а служитель Божий, способен и на сострадание.

— Ну уж вы-то, батюшка, нам в отряде совсем ни к чему, — почтительно возразил Шешулин. — Лишний раздражитель для и без того воспаленной психики.

Отец Викентий воздел палец:

— Грех вам, представителю гуманной медицинской профессии. Сказано: «Грядущего ко мне не изжену». Бросите меня на погибель, возопию и следом побегу. То-то вам стыд будет!

— В самом деле, как их тут оставишь, — вздохнул Фандорин. — А что до раздражителя — уж всё одно. Где п-полицейский, там и поп. Едемте, господа. Время дорого.

Разговоры и песни

Передвигаться по реке ночью оказалось ничуть не труднее, чем днем. Едва Денисьево скрылось за изгибом русла, начало смеркаться, но полной темноты так и не наступило. Погода менялась. Тучи растаяли, в небе проглянули звезды, и белый путь, замкнутый меж черных берегов, был отлично виден. Оттепель закончилась, воздух с каждой минутой делался все морознее, снег вкусно хрустел под копытами лошадей, под санными полозьями.

Ехали так.

Впереди, как самый бывалый, Лев Сократович, к которому сел доктор Шешулин. У Анатолия Ивановича было свое транспортное средство — щегольская тройка, нанятая столичным жителем еще в Вологде, вместе с ямщиком. Но ямщик в Стерженце запил, и до первой расколь-

ничьей деревни психиатра довез денисьевский крестьянин, возвращавшийся домой. Сам Шешулин с тройкой бы не справился. Она по местным условиям была, собственно, и ни к чему. Все стерженецкие ездили на одном коне или, самое большее, одвуконь — так легче пробираться по узким дорогам, а лошади здесь, на севере, хоть и невидные собой, но тягластые, выносливые и привычные к холоду. Ямщицкая же тройка бежала неровно, оступалась, да и сами розвальни были плохо приспособлены для долгих переездов — разболтались, иззанозились и скрипели, как несмазанные ворота. Правил тройкой Варнава, пассажиром при нем усадили японца.

Второго священнослужителя пристроили к доброму Алоизию Степановичу — на «прицеп» за крепким возком промышленника Евпатьева.

Замыкал экспедицию урядник Одинцов на легких санках с широкими, как лыжи, полозьями, годными для езды и лесом, и полем.

Эраст Петрович пока что ни к кому садиться не стал, решил устроить моцион — пробежать верст пять-десять на своих двоих. Скинул шапку, полушубок и, с наслаждением вдыхая чистый морозный воздух, отмахивал сбоку ровной невесомой побежкой, которой научился давным-давно в Японии.

Снег на льду был твердый и слегка пружинил под ногами, как разогретый асфальт на августовском Бродвее. Иногда Фандорин делал рывок, обгоняя санный поезд, и тогда казалось, что он в этом бело-черном мире совсем один: только снег, лес да кантовское звездное небо над головой.

Пробежит так какое-то время и замедляет ритм, отстает.

Дело в том, что, не сев в сани, Эраст Петрович кроме гимнастики преследовал еще некую цель. Ехать в одной из повозок значило обречь себя на общение только с одним спутником, а чутье подсказывало, что нужно присмотреться ко всем членам «санитарно-эпидемического

отряда», и чем скорее это произойдет, тем лучше. Не то чтобы выстраивалась какая-то версия или гипотеза, пока не с чего, но своим внерациональным побуждениям Фандорин привык доверяться. Одиночный способ перемещения давал полную свободу маневра, можно было попеременно соседствовать с каждым из экипажей.

Ездоки санного поезда предавались двум извечным российским удовольствиям — дорожному пению и дорожной беседе. Эрасту Петровичу подумалось: уж не из этого ли корня произрастает вся отечественная словесность, с ее неспешностью, душевными копаниями и беспредельной раскрепощенностью мысли? Где еще мог почувствовать себя свободным житель этой вечно несвободной страны? Лишь в дороге, где ни барина, ни начальника, ни семьи. А расстояния огромны, природа сурова, одиночество беспредельно. Едешь в телеге, почтовой карете или, того лучше, в зимней кибитке — сердце щемит, мыслям привольно. Как человеку с человеком по душам не поговорить? Можно откровенно, можно и наплести с три короба, ибо главное тут не правдивость, а обстоятельность рассказа, потому что торопиться некуда. Иссякнут темы для разговора — самое время затянуть песню, и тоже длинную, протяжную, да с немудрящей философией: про черного ворона, про двенадцать разбойников или про догорающую лучину.

В первых санях не пели — не та подобралась компания. Здесь разговаривали об умном. На Фандорина взглянули мельком и продолжили заинтересованную беседу.

— Что человек — не шибко сложная социальная машина, это мне давно понятно, — покачивал головой Крыжов. — Но ваша идея о биологической машине для меня внове. Это очень, очень любопытно. Да только не заносит ли вас?

— Нисколько, — отвечал доктор Шешулин. — И насчет биомашины это не метафорически, а в самом что ни на есть буквальном смысле. Рацион питания — сиречь поставка извне химического сырья плюс внутриорганическая выработка гормонов полностью определяют и ха-

рактер, и поступки, и личные качества. Благородный человек — это тот, у кого гормональный баланс хорошо отрегулирован, а с пищей в организм не поступает асоциальных и агрессогенных токсинов. Я, например, никогда не ем свежей убоины — это повышает уровень злости. На ночь никогда не пью чаю, но обязательно съедаю две морковки — помогает мозгу, находящемуся в режиме сна, самоочищаться от депрессии. Хотите, я вам скажу, чем объясняется предрасположенность северорусских старообрядцев к суициду?

Фандорин, собравшийся было отстать от передних саней, решил повременить — захотелось услышать ответ

— Чем же? — хмыкнул Лев Сократович.

— Тем, что в их рационе много сырой рыбы. Строганина, которую они тут поедают в огромных количествах, хорошо стимулирует работу сердца, но в то же время замедляет выработку витапрезервационного гормона — это мой собственный термин. Я впервые описал витапрезервационный гормон в своей работе «Некоторые особенности функционирования гипофиза в свете новейших биохимических открытий». Статья имела огромный резонанс. Не читали?

Крыжов покачал головой.

— А вы, господин Кузнецов?

— Не имел удовольствия, — вежливо ответил Эраст Петрович, замедлил бег и десять секунд спустя естественным образом оказался подле вторых саней.

Там шла дискуссия до того оживленная, что вынырнувший из темноты Фандорин остался незамеченным.

Дьякон обеими руками натягивал вожжи, придерживая коренника, который все норовил догнать передние сани, но смотрел при этом не вперед, а назад, на японца.

— И что же, коли живешь по-божески, сызнова народишься в более высоком звании? Так по-вашему выходит? — заинтригованно выяснял он у Масы. — К примеру, я рожусь не дьяконом, а протоиереем, да? Ежели же

и в протоиереях себя не уроню, то потом махну прямо в епископы? — недоверчиво засмеялся он.

Про буддийское перерождение душ беседуют, догадался Эраст Петрович. Настала очередь Масы миссионерствовать.

Для начала тот угостил собеседника леденцом, каковых имел при себе изрядный запас.

Потом вкрадчиво посулил:

— Мозьно сразу в епископы, есри отень-отень праведно будесь жичь. А твой поп родится дзябой, это я чебе обесяю.

— Отец Викентий? Жабой? — ахнул Варнава и закис со смеху. Потом смеяться перестал и задумался. — Что ж, и ваша вера тож неплохая, а наша православная все-таки лучше.

— Тем рутьсе? Тем рутьсе? — загорячился Маса.

— А милосерднеё. Больше человеку помощи от Бога, особенно если кто слабый. По-вашему как выходит? Коли душой хил и сердцем робок, так до пиявки поганой доперерождаешься. И никто тебя не укрепит, не поддержит — ни Иисус Христос, ни Матушка-Богородица, ни доброскловные ангелы? Страшно так-то, одному. Иисус Христос потеплее Будды вашего будет, с Ним и жить легче, и на душе светлее. Надежды больше.

Японец запыхтел, кажется, не найдясь, что на это ответить. В теологии бывший якудза был не силен.

Почувствовав, что оппонент дрогнул, дьякон перешел в наступление.

— А то покрестились бы? — задушевно сказал он. — Вам бы от того хуже не стало, а мне счастье — живую душу к Христу повернул. Право, сударь, что вам стоит?

— Нерьзя. — Маса вздохнул. — У нас говорят: срузи князю, которому срузир твой отец. А есё говорят: исчинная вера в верносчи.

Тут призадумался дьякон.

Эраст Петрович не стал мешать богословскому диспуту, переместился к третьим саням, евпатьевским.

Это был целый домик на полозьях: обшитый войлоком, с крышей, над которой вился дымок из трубы, а в окошке горел свет.

На облучке сидел кучер в огромной дохе, похожий на меховой шар, и сиплым голосом пел:

Помню, я еще молодушкой была,
Наша армия в поход куда-то шла...

Песня была подходящая, длинная, с романтическим сюжетом: про несбывшуюся любовь меж простой девушкой и молодым офицером.

...Он напился, крепко руку мне пожал,
Наклонился и меня поцеловал,

— с чувством вывел бородач, и тут дверца повозки приоткрылась.

— Эраст Петрович? Не умаялись? Что вы, будто заяц. Не юноша ведь, вон борода наполовину седая. Садитесь ко мне, обогрейтесь, — позвал промышленник.

Фандорин не «умаялся» и уж тем более не замерз, но приглашение принял. Этот человек вызывал у него особый интерес.

Внутри было чудо как хорошо. Сразу видно, что Никифор Андронович часто бывает в зимних разъездах и привык путешествовать с комфортом

На стенках с двух сторон горели яркие керосиновые лампы, в углу потрескивала углями маленькая железная печка. Больше всего Эраста Петровича поразила внутренняя обивка.

— Это что, горностай? — спросил он, проводя ладонью по белому с черными кисточками меху. Ощущение было такое, будто гладишь по волосам юную и прекрасную деву.

Евпатьев засмеялся, блеснув отличными белейшими зубами.

— Мне еще отец говорил: кто пышно себя подает, тому с кредитом проще. Мы, Евпатьевы, без расчету ничего не делаем.

— П-позволю себе в этом усомниться. Если б ваши предки были столь прагматичны, то давно отказались бы от староверия.

— Ошибаетесь. Купцу да промышленнику в старообрядстве сподручней. — Никифор Андронович весело подмигнул. — Всякий партнер знает, что у старовера слово твердое, а это в смысле того же кредита чрезвычайно полезно. Опять же приказчики и работники не пьют, не воруют. Я вообще пребываю в убеждении, что вся Россия много бы выиграла, если б лицом в нашу сторону повернулась.

Теперь Евпатьев говорил уже без улыбки, серьезно — видно, что обдуманное и выстраданное.

— Петр Первый, сатана припадочный, превратил нас в недо-Европу. Рожа бритая, на пузе жилетка, а как были наособицу, так и остались. Только пить да табак курить приучились. По-своему надо жить — как природа, вера, традиция предписывает. Нечего из себя дрессированного медведя изображать.

— То есть бояться Антихриста и живьем в з-землю закапываться?

Никифор Андронович аж застонал.

— Вот! Того и страшусь! Что все теперь так же говорить станут! Горстка дремучих дикарей всей нашей исконности компрометацию сделает. Будут старообрядчество с изуверским сектантством смешивать! Только знаете, что мне в голову пришло? В эту самую минуту!

Он наклонился к соседу, со лба упала длинная золотистая прядь. Волосы у Евпатьева были ниже ушей и вроде как стрижены по-старинному, в кружок, однако этот фасон почти в точности совпадал с нынешней парижской модой, особенно в сочетании с бородкой а-ля Анри-Катр.

— А может, оно и к лучшему? — глаза промышленника так и загорелись — очевидно, мысль, действительно, осенила его только что. — Главный враг старой русской веры не официальная церковь, той-то общество цену знает. Наша беда — фанатики, беспоповцы, кто не признает священников и всякой организованности. Так что я подумал-то? Не было счастья, да несчастье помогло. Нужно оповестить всю старообрядческую Россию, до чего изуверы людей довели. Многие устрашатся, многие от беспоповства отшатнутся! И оттого наша церковь только укрепится. Организуемся, объединимся — и будет у нас своя иерархия, свой патриарх. Власть перестанет нас опасаться, поймет, что мы государству союзники, потому что люди наши работящи, трезвы и к революциям не склонны. Основа у нас та же, что у английских пуритан, да еще и построже. На таком фундаменте можно крепкое здание построить!

Он говорил так убежденно, так горячо, что Эраст Петрович хоть и был со многим не согласен, но поневоле заслушался. Никифор Евпатьев был похож на старорусского воеводу или витязя — Евпатий Коловрат, да и только.

— И как же вы намерены обратить это несчастье в счастье? — осведомился Фандорин.

— Очень просто. По-современному. Как только доедем до следующей деревни, пошлю гонца в Вологду, в редакцию своей газеты. Пусть мчатся в Денисьево и первыми сделают репортаж о самоубийствах. Именно в той тональности, какую я вам сейчас описал. Перья у моих ребят бойкие, так что статьи перепечатают во всей периодике, и столичной, и провинциальной. Здесь главное — кто первым поспел, да каким взглядом посмотрел. Не по старой вере удар придется, а по беспоповской ереси. Мне Крыжов сказал, вы тоже из наших. Так что́ вы про мою идею думаете?

— Жарко у вас, — уклонился от ответа Фандорин. — Б-благодарю за приют, но я, пожалуй, разомну ноги.

Снаружи вилась снежная труха — поднимался ветер. Движение поезда замедлилось, так что теперь бежать Эрасту Петровичу не пришлось, хватило быстрого шага.

Евпатьевский кучер закончил прочувствованный сказ про молодушку и тянул песню про замерзающего в степи ямщика — заунывную, как колыбельная.

То ли под ее воздействием, то ли просто укачало, но в следующих санях, привязанных к экипажу Никифора Андроновича, действительно, спали. Глашатай прогресса Кохановский и оплот благочиния отец Викентий, трогательно привалившись друг к другу, вовсю посапывали. Снег присыпал их шапки, посеребрил бороды, но холод и вьюга им были нипочем. Плед, которым они прикрылись, весь побелел и подрагивал на ветру, как парус.

Задерживаться подле сего «Летучего голландца» смысла не было, и Фандорин передислоцировался к последней из повозок, где в одиночку ехал и распевал во всю глотку бравый урядник. У него и песня была бравая, неизвестного Эрасту Петровичу происхождения:

Полюбила девка
Ваню-молодца.
У его усишшы
Ажно в пол-лица.

Сабля с портупеей,
На груди мядаль.
Йэх, заради Вани
Ничаво не жаль!

Увидев Фандорина, служивый прекратил петь и крикнул сквозь посвист метели:

— Эй, господин хороший, спросить желаю! Вы каких будете и для какой такой надобности в нашу волость пожаловали? Про остальных мне боле-мене понятно, только вот насчет вашей милости сомневаюсь. Я, к примеру, Ульян Одинцов, старший полицейский урядник, государево око на окружные двести верст. А вы кто?

Голос у «государева ока» был звонкий, взгляд острый.

Эраст Петрович ответил в тон:

— Если око з-зоркое, должно само примечать. Раз ты старший урядник, то, наверно, в шестимесячной п-полицейской школе учился? Ну-ка, что про меня скажешь?

Одинцов прищурился, тронул закрученный ус.

— Одеты попросту, но сами из образованных — из купеческого сословия или почетных граждан. Лакей вон при вас татарин. Дале что? Семьи не имеете, потому нет кольца на пальце. Приехали из Москвы — говорите по-московскому. Были на войне, и вас там ранило либо контузило — на словах спотыкаетесь. Дале... Мороз и пешóй ход вам в привычку — даже шубы не надели. Я про таких в газете читал. У богатых, кому делать нечего и жены-детей нету, нынче такая блажь — беспременно хочут до земной маковки дойти. Северный полюс называется. Кто на собаках, кто на лыжах, кто вовсе пешедралом. Вот и вы туда путь держите, через нашу губернию на север, к морю-океану. Как, угадал аль нет?

И победительно посмотрел на Фандорина.

Дедукция стерженецкого Шерлока Холмса лишь на первый взгляд могла показаться бредовой. Немного подумав, Эраст Петрович был вынужден признать исключительную точность формулировки: пожалуй, он и в самом деле всю жизнь пытается «добраться до земной маковки», просто называет это иначе.

— В самую точку? То-то, — важно протянул Ульян Одинцов. — У меня глаз верный. Звать-то вас как?

Фандорин назвался и с улыбкой сказал:

— Ну, а теперь давай я про тебя расскажу. — Присмотрелся к полицейскому получше, вспомнил, как тот себя вел в Денисьеве, да что про него говорили окружающие. — Лет тебе не меньше двадцати восьми, но не больше т-тридцати. Ты местный уроженец. Мужик смелый, независимый, привык жить своей головой. Охотиться любишь, особенно на медведей. Родился в раскольничьей семье, но после перешел в православие. Никто тебя не заставлял, не заманивал, сам решил. Потому что хотел в полиции служить, преступников ловить, а старообрядцу та-

кая служба заказана. Холостой — потому что народ тут сплошь староверы. Девушки на тебя заглядываются, но замуж выйти не могут. Впрочем, одна тебя тайком привечает — вдова или бобылка, — прибавил Эраст Петрович, заметив, как из-под форменной шинели высовывается краешек любовно связанного шарфа. — Что вылупился? Я про тебя, Ульян, еще много чего могу порассказать. Но лучше ты сам. Например, как тебя в прошлом году косолапый чуть не з-задрал.

— Это вы у меня на шее след от когтя разглядели! — догадался урядник и восхищенно покачал головой. — Ну, Ераст — на все горазд! Эх, барин, вам бы не на полюс ходить, дурака валять, а в полиции служить. Большую пользу могли бы принесть. Садитесь, передохните, я рядом пойду.

Поблагодарив, Фандорин сел в сани — почувствовал, что этот Юлиан-отступник хочет ему сказать что-то важное.

— Беду чую, — вполголоса сказал ему Одинцов почти в самое ухо. — Я по деревням, по заимкам по все время ездею. Шуршит народишко. При мне, конечно, ни-ни, но я их, пней лесных, наскрозь прозираю. Ходит кругами какой-то бес, ловит души. Будут и еще мертвые, если вовремя черта этого не выловить. Затем и поехал с вами. Только боязно мне, Ераст Петрович. Не сатаны этого, а что смекалки у меня не хватит. Вы, я вижу, человек ушлый, бывалый. Помогли бы, а? Обождет ваш Северный полюс, никуды не денется. В четыре глаза ловчей выйдет. Что заметите — мне шепнете. А я вам.

— Д-договорились, — кивнул Фандорин, решив, что такой помощник будет ему не лишним.

Сняв рукавицы, союзники скрепили уговор железным рукопожатием.

В Раю

Было известно, что до следующей деревни по реке сорок пять верст. Крыжов обещал, что к рассвету должны доехать. Метель несколько замедлила скорость движения, на льду кое-где намело заносы, но привычные к зимнему непогодью лошади без труда преодолевали препятствия. Только с капризной губернской тройкой пришлось повозиться — коренник обрезал ногу об наст и захромал. Тем не менее поутру, когда морозное небо посветлело от лучей восходящего солнца, лес на правом берегу расступился, и на небольшой пустоши, окутанная розовой рассветной дымкой, показалась деревня.

— Вот он, Рай, — удовлетворенно констатировал Лев Сократович, в чьих санях досыта набегавшийся Фандорин провел вторую половину ночи (психиатр ушел спать в теплый возок Евпатьева).

Поэтическая метафора в устах циника Крыжова прозвучала несколько неожиданно, но место, действительно, было райское: уютная, круглая поляна, с трех сторон окруженная сосновым бором; широко разлившаяся река — даже зимой этот пейзаж смотрелся идиллически, а уж летом здесь, наверное, был настоящий парадиз.

Когда подъехали поближе, оказалось, что дома в деревне еще нарядней, чем в Денисьеве — с резными ставнями, жестяными флюгерами, разноцветными крышами, что для российской избы уж вовсе невиданно.

Но Крыжов об этой красоте почему-то отозвался неодобрительно:

— Ишь, Рай себе построили. Паразиты!

И объяснил, что Рай — это название селения, а живут здесь люди пришлые, гусляки.

— На гуслях, что ли, играют? — не понял Эраст Петрович.

— Могут и на гуслях, но прозвание не от этого. Здесь живут выходцы с Гуслицы, лет сто уже. Ремесло у них особенное — нищенствуют.

— Как это «нищенствуют»?

— Профессионально. Ходят по всему староверческому миру, а он, как известно, простирается до Австрии и Турции, собирают подаяние. Стерженецких гусляков всюду знают, подают хорошо — они мастера сказки сказывать, песни петь. Большие деньги домой приносят. Это целая философия. Задумывалось когда-то как наука смирения и нестяжательства, но мужик наш — куркуль. Как червонцы зазвенели, про спасение души позабыл. Сидят тут, барыши копят. Вон каких хором понастроили. Но богомольны, этого не отнимешь. Мир для них — ад, свой дом — рай, потому так и деревню назвали. Тут еще вот что любопытно. Побираться ходят только старики и старухи, они и есть главные добытчики. Молодые отсюда ни ногой — запрещено. Должны дома сидеть, хозяйство вести. Пока душой не дозреют, от мирских соблазнов не укрепятся.

— Своеобразный modus vivendi, — пробормотал Эраст Петрович, приподнимаясь в санях и глядя на деревню с все возрастающей тревогой. — Послушайте, а что это на улице пусто? Не нравится мне это. И собак не слышно.

— Собак гусляки не держат — грех. А почему народу нет, сейчас выясним.

Лев Сократович хлестнул конька, и минуту спустя сани уже катились меж высоких изб в два этажа: на первом — отапливаемая часть дома, так называемый «зимник», наверху — летние комнаты.

— Эй, баба! — окликнул Крыжов женщину, семенившую куда-то с пыхтящим самоваром в руках. — Что у вас, все ли ладно?

— Слава Богу, — певуче ответила та, останавливаясь и с любопытством глядя на приезжих — даже рот разинула.

— А что не видно никого?

— Так воскресение, — удивилась обитательница Рая. — В соборной все, где ж ишшо?

— Ах да. В самом деле, нынче воскресенье. Тогда понятно.

Лев Сократович обогнал женщину, тащившую самовар, и направил сани к длинной бревенчатой постройке, стоявшей в самом центре деревни.

— Что такое «соборная»? Это м-молельня? — спросил успокоившийся Фандорин.

— Нет, общинный дом. В каждой мало-мальски приличной деревне такой имеется. Зимой, когда дела мало, собираются по вечерам. Чай пьют, байки травят, книги читают. Бабы рукодельничают. Эдакая мечта народника. Книги, правда, не Маркс с Бакуниным, а жития да стихиры. Ну а гусляки по воскресеньям, когда работать грех, прямо с утра собираются — баклуши бить. Это очень кстати, что все в одном месте. Потолкуем с народишком.

«Соборная» изнутри напоминала большой, вытянутый сарай, только очень чистый и богато изукрашенный. Посередине сияла бело-синим кафелем огромная голландская печь, по стенам стояли лавки, на которых были разбросаны вышитые подушки. Эраст Петрович заметил, что пространство поделено на три зоны: в красном углу (он же *вышняя горница*) стоял настоящий городской диван, там в торжественном одиночестве сидел главный из гусляков — длиннобородый *старшина*. Рядом, за крашеным столом, на венских стульях, пили чай другие старики; мужики помоложе держались средней горницы — разговаривали, играли в шашки, иные что-то мастерили; бабы и девки сидели *внизу* за прялками и швейками, грызли орехи; дети обоего пола шастали и ползали повсюду, не разбирая, где чья территория. Всего тут было, наверное, человек шестьдесят-семьдесят, то есть вся деревня.

На вошедших гурьбой чужаков сначала уставились настороженно, но Евпатьева здесь явно знали и уважали. Старшина кинулся встречать промышленника, даже облобызался с ним. Подошли и остальные старики. Мужики же, как отметил Фандорин, не преминули поручкаться с Крыжовым.

— Что, спасенные души, все за Богом проживаете? — весело обратился к старикам Евпатьев.

— Твоим радением, Никифор Андроныч. Веялка, что ты прислал, хороша. Как бы ишшо одну такую? — искательно заулыбался старшина.

— Счетчиков для переписи дашь — будет тебе ишшо. Что у вас слыхать, старинушки? Чем вы тут занимаетесь?

— Странников перехожих привечаем. — Староста показал в самый дальний угол избы, где за дощатым столом сидели какие-то люди. — Сейчас покушают, песни запоют. И вы послушайте.

Эраст Петрович поглядел в ту сторону и не поверил своим глазам. С торца, положив на столешницу драные локти, восседал денисьевский юродивый и быстро-быстро метал в рот кашу из миски.

— Лаврушка! — ахнул урядник. — Как это он поспел? Неужто один, лесом? И волки ему нипочем!

— Не «Лаврушка», а Лаврентий, Божий человек, — строго поправил полицейского один из стариков. — Блаженного Господь бережет. А еще с восхода мать Кирилла пожаловала.

— Чья мать? — не понял Фандорин. — Какого К-Кирилла?

Старик ему не ответил, отвернулся. Спасибо, Евпатьев объяснил.

— Да нет, это ее так зовут — Кирилла. Старое русское имя. Слыхал я про нее. Мастерица сказки говорить и песни петь. Пойдемте, посмотрим.

На противоположном конце стола сидела прямая, как хворостина, женщина в черном платке и черной же хламиде с широкими рукавами. Ее бледное лицо рассекала пополам черная повязка, закрывавшая глаза. Лицо у Кириллы было не молодое и не старое — то ли сорок лет, то ли шестьдесят, не поймешь. Она тоже ела кашу, но не так, как юродивый, а очень медленно, будто нехотя. Больше за столом никого не было, лишь вокруг стояли несколько женщин, подкладывая странникам то хлеба, то пирожок.

— Как же она одна ходит? — тихо спросил Эраст Петрович. — Слепая-то.

— Во-первых, не слепая. — Никифор Андронович с интересом разглядывал бродячую сказительницу. — Это она зарок дала — греховным миром зрение не поганить. Есть в старообрядстве такой обет, пожизненный. Самый

тяжкий из всех возможных, мало кто решается. Поглядите, какие черты! Боярыня Морозова да и только!

— А что во-вторых? — спросил пораженный Фандорин.

— А во-вторых, при ней поводырка есть, вон под столом.

На полу, в самом деле, сидела чумазая девчонка лет тринадцати, пялилась на Эраста Петровича бойкими карими глазами. Ее ноги в лаптях были широко раскинуты, голова обмотана грязным холщевым платком. Рядом лежала большая сума и длинный посох, очевидно, принадлежавший Кирилле.

— Полкашка, не елозь! — прикрикнула на девочку странница. — На-ко вот!

И бросила на пол надкушенный пирог. Поводырка подхватила, сунула в рот и, почти не жуя, проглотила. Что за чудно́е имя, подумал Фандорин. От Поликсены, что ли?

— Почему ребенка кормят объедками? — раздался возмущенный голос доктора Шешулина. — Что за дикость!

— Это так положено, — вполголоса пояснил Евпатьев. — Девочка не просто сказительницу водит, она еще испытание проходит. Называется «искус поношением». Наставница должна с ней грубо обращаться, бить, унижать, держать впроголодь. Кирилла еще поблажку дает. Видели — пирог только для виду надкусила. Смотрите, еще один кинула, и тоже едва тронутый.

— Интересный обычай! — восхитился психиатр и записал что-то в книжечку.

Блаженный вылизал языком пустую миску, сыто рыгнул. Перестала есть и Кирилла, но сделала это прилично, даже изысканно: вытерла ложку мякишем, кинула его под стол девчонке, сама сдержанно поклонилась:

— Благодарение Господу и вам, добрые люди.

— Спасибо, что откушали, — откликнулась одна из женщин, старше остальных. — Батюшка Лаврентий Иваныч, что на свете-то деется? Поведай.

Со всей избы потянулись люди — кажется, начиналось представление (этим не вполне уместным словом назвал про себя Фандорин начинающееся действо).

Эраст Петрович отошел от стола и обвел взглядом все три горницы. Фольклор и этнография — это, конечно, очень интересно, но не мешало проверить, чем занимаются остальные участники экспедиции.

Крыжова и урядника нигде не было видно. Ну, Одинцов, понятно — несет службу, рыскает по деревне, вынюхивает. А Сократович-то куда подевался?

Алоизий Степанович, размахивая руками, доказывал что-то старшине. Тот морщился и переступал ногами, потихоньку перемещаясь поближе к юродивому — видно, тоже хотел послушать. Но Кохановский не отставал, всё хватал длиннобородого за рукав.

Отец Викентий шептался о чем-то в углу с двумя стариками. О чем бы это?

Дьякон Варнава прикорнул возле печки.

Неладно было с японцем.

Вокруг него сбились кучкой бабы и девки — никогда такого чуда не видали. Маса невозмутимо и важно смотрел поверх цветастых платков. Это выражение его лица Эраст Петрович знал очень хорошо. В данной ситуации, да при раскольничьих строгостях, осложнения из-за женского пола были бы совершенно ни к чему. На время забыв об этнографии, Фандорин двинулся к своему слуге, чтобы сделать ему внушение, но вмешательство не понадобилось.

Одна из девок, самая смелая, отважилась спросить:

— А вы откудова такой будете?

Только Маса к ней повернулся, только прищурил глаза, взгляд которых почитал неотразимым, как на баб налетел один из стариков — нахохленный, сердитый:

— Пссть, дуры! Кыш! Азият это. Оне в Туркестане проживают. В Господа-Бога не веруют, и за то архангел Гаври-

ил их косорылием покарал. Станете перед им хвостом вертеть — сами такие жа будете!

Женский пол враз словно метлой смело. Раздосадованный Маса прошипел деду:

— Сам ты косорырый!

А тот лишь плюнул, да перекрестился, не стал связываться.

Опасность миновала, можно было возвращаться в «соборную».

Прерванный концерт

Кирилла сидела в той же позе, всеобщим вниманием завладел Лавруша. Очевидно, по местной иерархии блаженный считался фигурой более почтенной, чем сказительница, потому и вещал первым.

Смотреть на него было жутко. Юродивый ни секунды не стоял на месте: то завертится вокруг собственной оси, то начнет к чему-то принюхиваться, то вдруг кинется к какой-нибудь из баб — та с визгом отскочит. И всё бормочет что-то, бормочет, с каждым мгновением всё громче, всё быстрей.

Поначалу Эраст Петрович в этом речитативе почти ничего не понимал, потом понемногу начал разбирать слова. Лавруша выкрикивал:

Хожу-хожу, ворожу-ворожу!
Туды пойду, сюды пойду,
Ищу беса, ищу беса, ищу беса!

Тут он упал на четвереньки, стал нюхать юбку у одной из баб — бедняжка так шарахнулась, что задним пришлось подхватить ее на руки.

Чую Лукавого, чую вертлявого!
Нюхом чую, брюхом чую!
Идет Сатана, глубока мошна,
Души забрать, в суму запихать!
Бойтеся, бойтеся, бойтеся!

Публику можно было не уговаривать — она и так боялась. Даже мужики стояли нахмуренные и бледные, бабы ойкали, дети и вовсе ревели навзрыд.

Камлание юрода делалось все менее членораздельным, по его лбу ручьями стекал пот. Наконец он остановился, воздел кверху свой железный крест и крикнул:

— Берегися, Сатана! Сыщу — Божьим огнем пожгу! Не пужай, не пужай! Света конец — Христу венец, а тебе, рогатому, в глотку свинец!

Умолк. Ему поднесли квасу — он, часто дыша, стал жадно пить.

Было слышно, как доктор загудел, обращаясь к Евпатьеву:

— Эффектно. Человек он, безусловно, психически нездоровый. Полагаю, истероидная паранойя — возможно, эпилептоидного происхождения. Но какая интенсивность, какое воздействие на толпу! Я и то ощутил исходящие от него нервические волны. Охотно поработал бы с этим экземпляром. Контрастный душ. Возможно, небольшой сеанс гипноза...

Никифор Андронович отодвинулся, бубнеж психиатра был ему явно неприятен. Лицо раскольничьего витязя было взволнованным.

А деревенские уже повернулись к Кирилле.

— Спой, матушка, утешь. Напужал Лаврушa!

— Что спеть? — спокойно молвила странница, задирая безглазое лицо к потолку. — Про Иоасафа-царевича? Об Алексее божьем человеке?

Раздались голоса:

— «Похвала пустыне»!

— Нет, «Древян гроб сосновый»!

— Годите! Пускай старшина скажет!

Старшина сказал:

— Спой новое, чего раньше не певала. Глядишь, перейдем, на пользу пойдет.

Она поклонилась и сразу, безо всякого вступления, завела песню сильным и чистым голосом, который то разворачивался в полную мощь, то стихал почти до шепота. Тонкая сухая рука Кириллы была прижата к черной рясе с вышитым восьмиконечным крестом, пальцы чуть подрагивали.

У окошка ткет красна девица.
Красну пряжу ткет, думу думает
Рано поутру, как по воду шла,
Солетели к ней птицы-голуби.
Голубь сизая на лево́ плечо,
Голубь черная села сысправа.
И сказала сй голубь сизая:
«Ввечеру, как звезды высыпят,
Выходи гулять за околицу.
Парни с девками там играются,
Будто селезни со утицами.
Ты в сторонке встань, под рябиною,
Подойдет к тебе друг твой суженый,
У него ль глаза будто льдиночки,
Будто льдиночки да в весенний день.
Так и тают от ясна солнышка,
От тебя, мой свет, красна девица...

Дальше следовал длинный перечень наслаждений, которые сулила влюбленным сизая голубица — вполне целомудренный, удивительно поэтичный. Аудитория, особенно женская ее половина, слушала с затуманенными глазами. Лишь юродивый, отставив ковш, весь подергивался и хищно раздувал ноздри. В выпученных глазах посверкивали безумные искры. Эраст Петрович усмехнулся: Божьему человеку, оказывается, тоже не чужда актерская ревность.

Песня неторопливо текла дальше.

Сиза голубь речи окончила,
Завела свои голубь черная,
Голубь черная да печальная,
Голос жалостный, будто плачется:
«Не ходи к парням за околицу,
Повяжи ты плат, плат монашеской,
И ступай за мной во дремучий лес.

То горой пойдешь, то пустынею,
Станешь есть полынь, траву горькую,
Запивать слезою соленою,
Укрываться вьюгой студеною,
Хоровод водить с ветром во́ поле...

Теперь пошло описание невзгод, которые ожидают девушку, выбравшую путь монашеского служения. Слушатели внимали напряженно, ловя каждое слово. Но бедному старшине покою все не было — едва от него отстал статистик, как привязался отец Викентий, и ну давай нашептывать что-то.

— Это уж как водится, — нетерпеливо и довольно громко сказал длиннобородый.

На него недовольно заоборачивались.

Героиня песни тем временем отложила пряжу и пошла за советом к отцу-матери. Поклонилась в пояс, заплакала, просит научить, кого ей слушать и за кем идти — за сизой голубкой или за черной. Отец отвечает:

Мы родили тя, мы растили тя,
Но душе твоей не родители,
А Родитель ей — Саваоф Господь,
Что велит тебе, то и выполни.
Ради тела жить — доля вольная,
Доля сладкая да короткая.
Отцветешь цветком и осыпешься,
От красы один прах останется.
А души краса, она вечная,
Ни во что ей годы и горести.
Кто отринул плоть, не раскается,
Суждено ему царство вечное.

У матери, разумеется, иная аргументация — ей жалко дочку, да и внуков хочется. Песня была нескончаемая, но, поразительное дело, публике нисколько не надоедала.

Евпатьев наклонился к Эрасту Петровичу, прошептал:

— Это ведь притча про свободу выбора, не более и не менее. Что там ваши Кант с Шеллингом. Наша религия — самая свободная из всех, на такой рабами не вырастают.

Фандорину самому стало интересно, за какой из голубиц отправится героиня, но это так и осталось тайной. На строфе: «И сказала им красна девица свою волюшку, слово твердое» песня внезапно оборвалась.

Раздался истошный вопль. Он был так душераздирающ, так страшен, что, еще даже не поняв, в чем дело, завизжали женщины, испуганно закричали дети. И лишь в следующий миг все увидели — у блаженного Лаврентия начался приступ.

— Про-па-даю! Осссподи, пропадаю!!! — выл юродивый. — А-а-а-а!!! Мочи нет!

Оттолкнув кинувшихся к нему мужиков, да с такой силой, что двое или трое повалились на пол, припадочный разбежался и ударился головой об угол печи.

Упал, по разбитому лбу потекла кровь, но чувств не лишился.

— Слаб! Грешен! — уже не яростно, а жалобно заныл блаженный. — Не могу спасти люди Твоя! Научи, Господи! Помогайте, архангелы Гавриил и Михаил! Увы мне, беспользному!

К нему не решались подойти.

Несчастный сидел на полу, размеренно колотился и без того окровавленной головой о печку, в стороны летели красные брызги.

Растерялись все кроме Шешулина. Честно говоря, послушав бредовые рассуждения ученейшего Анатолия Ивановича о «биологической машине», Эраст Петрович решил, что психиатр серьезного к себе отношения не заслуживает, но теперь был вынужден переменить мнение.

Шешулин действовал быстро и уверенно.

Вышел вперед, прикрикнул на баб:

— Уймитесь, кликуши! Он для вас старается.

Мужикам велел:

— Воды! Холодной!

Крепко взял Лаврентия за плечо, развернул и — шлеп! шлеп! — влепил две увесистые пощечины.

По избе прокатился вздох, и стало тихо.

Умолк и блаженный, вытаращился на решительного барина в очках.

Анатолию Ивановичу подали чугунок с водой, и доктор вылил ее святому человеку на голову. Быстро обвязал промытую рану на лбу носовым платком. Потом крепко взял юродивого ладонями за виски, наклонился.

— В глаза смотреть!

Блаженный послушно задрал подбородок.

— Споко-ойно, споко-ойно ... Вот та-ак, у-умничка... — Голос у доктора сделался вкрадчивым, гласные тянулись, как мед с ложки. — И Гавриил тебе поможет, и Михаил... Архангел Анатолий уже здесь... Всех выручишь, всех спасешь... Кричать не надо, головой биться не надо... Надо ду-умать... Сначала подумал, потом сделал. И все будет хорошо...

Таким манером он уговаривал больного довольно долго — наверное, минут десять.

Внушение действовало. У Лаврентия стихла дрожь в членах, руки безвольно обвисли, муть из глаз исчезла.

— Пусти, барин. Будет, — сказал он наконец тихо, осмысленно. — Поднимите меня.

Его с двух сторон, бережно, поставили на ноги.

— Спасибо тебе, — низко поклонился блаженный Шешулину и очень серьезно сказал. — Помог ты мне. И сам не знаешь, как помог. Теперь — знаю.

— Что именно? — удивился психиатр.

Но юродивый больше не сказал ни слова. Встряхнувшись по-собачьи, он скинул с плеч руки поддерживавших его мужиков и, ни на кого не глядя, вышел вон, только дверь хлопнула.

Бог попустил

Из-за охромевшего коренника пришлось задневать и заночевать в Раю. Здесь жил известный на всю округу коновал, который обещал завтра к утру поставить коня на ноги, ну а пока всяк занялся своим делом.

Поп с дьяконом затеяли в деревенской молельне воскресную обедню. Им никто не препятствовал, но из паствы явился один урядник. Отстоял всю службу по стойке «смирно», сделал налево-кругом и отправился по домам — выспрашивать, не было ль в деревне какого-нибудь самозваного пророка с душесмутительными речами.

Председатель статистической комиссии инструктировал двух счетчиков, которым вручил переписные листы и портфели, причем первые были взяты с опаской, а последние с удовольствием.

Эраст Петрович слонялся без какого-либо особого дела, просто наблюдал и слушал. Слугу от греха держал при себе. Знал, что местные жительницы — все, как на подбор, рослые, дородные — в точности соответствуют Масиному идеалу женской красоты, а чертов японец умел подбирать ключик почти ко всякому бабьему сердцу.

Ничего примечательного обход деревни Фандорину не дал.

Евпатьев и Шешулин сидели у старшины, пили чай.

Лев Сократович беседовал с мужиками. О чем, послушать не удалось — стоило приблизиться, как все разом замолчали. Все-таки удивительно, что недоверчивые ко всему аборигены разговаривали с безбожником Крыжовым так уважительно — ведь сама его фамилия должна была казаться им зазорной: «крыжом» раскольники обзывали православный крест.

Женщины по большей части остались в соборной, возле Кириллы. Туда Эраст Петрович не сунулся из деликатности — у дам всегда есть темы, не предназначенные для мужских ушей.

Девчонке-поводырке со взрослыми, похоже, было скучно. Во всяком случае, около своей патронессы Полкашка не сидела.

Один раз Фандорин наткнулся на нее в пустых сенях общинной избы. Там возле вешалок висело зеркало в расписной деревянной раме. Бедная замарашка, думая, что ее никто не видит, разглядывала свое отражение: то боком повернется, то глаза скосит. Стало Эрасту Петрови-

чу ее жалко, да и Маса вздохнул. Японец вынул из кармана конфету (запасся еще в Вологде), хотел дать, но девчонка, будто дикий зверек, кинулась наутек.

Потом видели ее еще раз — у околицы, со стайкой деревенских детей. Поводырка им что-то рассказывала, а они очень внимательно слушали, разинув рты. Одна девочка протянула рассказчице пряник, и тут Полкаша не отказалась — сунула подношение в рот. Подрабатывает, берет пример с Кириллы, улыбнулся Фандорин.

А блаженный ему нигде не встретился.

Ночевали там же, в соборной, которая при необходимости использовалась и как гостиница.

Все пестрое общество не уговариваясь рассредоточилось по трем смежным горницам следующим образом: в нижней, ближе всего расположенной к сеням, — евпатьевский кучер, Маса и Одинцов; в средней, где печь, «чистая публика»; вышнюю горницу рыцарственно уступили слабому полу — сказительнице и Полкаше. Те подвинули к дивану длинный стол, накрытый скатертью, и оказались вроде как за ширмой. Там их было не видно и не слышно.

Надо сказать, что после ночи, проведенной в дороге, и морозного дня все угомонились довольно быстро. Эраст Петрович, сон которого с годами сделался излишне чуток и капризен, уснул последним — мешало доносящееся со всех сторон похрапывание.

Зато проснулся первым.

В избе было темно. Совсем темно, до черноты.

Фандорин открыл глаза и, еще не сообразив, что именно его разбудило, спустил ноги с лавки.

Гарь! В воздухе пахло гарью!

Он наощупь, по памяти, добрался до печи, отодвинул заслонку. Нет, пламени не было — внутри дотлевали вчерашние угли.

— Где-то дымит, — раздался из угла голос Крыжова. — В чем дело?

Вдруг за узким окошком вскинулся багровый язык. Потом за вторым, за третьим. И с противоположной стороны!

— Горим! Господа, пожар! — закричал Лев Сократович.

Это поджог, понял Фандорин, уловив едва ощутимый запах керосина. Иначе не занялось бы так сразу, да еще с двух концов. Он кинулся в темные сени, пытаясь определить, где дверь. Так и есть — подперта снаружи!

— Маса, сюда! — крикнул Эраст Петрович.

Сзади началась паника. Все метались, орали, Кохановский истерично призывал к спокойствию. Зазвенело разбитое стекло — это кто-то пробовал вылезти в окошко, да где уж: окна были по-северному узки, чтоб попусту не уходило тепло.

— Господа, вы мешаете! *Маса, котира ни хаиранай ёни!*[1] — приказал Фандорин. — Одинцов, никого сюда не пускать!

Нужно было место для разбега — иначе дверь не высадить.

Японец, не церемонясь, вышвырнул из сеней назад в горницу жаждущих спасения. Урядник, пользуясь тем, что в темноте все равны, раздавал тычки направо и налево. Пространство освободилось.

Сконцентрировав внутреннюю энергию *ки*, от которой теперь единственно зависело, удастся ли вышибить крепкую дубовую дверь, Фандорин скакнул вперед, подпрыгнул и ударил ногой в створку.

То ли запас *ки* был слишком велик, то ли подпорка слабовата, но преграда рухнула с первой же попытки.

— Господа, теперь наружу! — крикнул Эраст Петрович.

Второй раз повторять не пришлось. В минуту все вывалились из дверного проема на снег — одни раздетые, другие разутые, но, слава Богу, все были живы и целы.

И вовремя!

По бревенчатым стенам избы проворно поднималось пламя, раздуваемое вьюгой. Вот уж и крыша занялась, вниз полетела горящая щепа.

---

[1] Маса, чтоб никто сюда не лез! *(яп.)*

— Подожгли, — жарко зашептал в ухо Эрасту Петровичу урядник. — Ишь, полыхает! Ну, раскольнички! Всех надумали порешить, разом!

Отодвинув полицейского, чтоб не мешал, Фандорин присел на корточки и поднял палку, которой злоумышленник или злоумышленники подперли дверь. Палка была хлипковата, такую можно выбить и не концентрируя энергию *ки*. Странно.

— Держите ее, держите! — закричали вдруг все разом.

Девчонка-поводырка, голоногая и простоволосая, в одной холщовой рубашонке с плачем попыталась кинуться обратно в дом.

— Матушка! Матушка тама! — отчаянно голосила она, извиваясь в руках мужчин. — Подлая я! Кинула ее, напужалась!

И действительно, Кириллы среди спасшихся не было. В панике и суматохе про сказительницу забыли.

— Куды ты полезешь? Вишь, занялось! — урезонивал Полкашу урядник.

В самом деле, крыльцо уже пылало, в избу было не проникнуть.

Быстро двигаясь вдоль стены, Фандорин заглядывал в окна.

В нижней горнице Кириллы не было. В средней тоже. Вон она!

В красном углу, меж столом и стенным иконостасом металась странница. Теперь, когда горели разом все стены, внутренность дома была ярко освещена.

Кирилла, беспомощно взмахивавшая широкими рукавами рясы, была похожа на подраненную черную лебедь. Ее задранное кверху лицо будто застыло, только губы беспрерывно что-то шептали — должно быть, молитву.

— Повязку, повязку сними! — заорал Крыжов. — И беги в сени! Может, поспеешь!

Но она словно не слышала.

— Матушка, прости-и-и-и! — захлебываясь рыданиями, верещала Полкаша.

С противоположной стороны от жара лопнуло стекло, на пол посыпались искры, и сразу задымил тканый половик.

— Забудь про зарок! Сгоришь! — крикнул Евпатьев и простонал. — Нет, не снимет. Воды сюда! Топор! Раму рубите!

Какая вода, какой топор — огонь уже полз по внутренней стене, подбирался к иконам. Треснула лампада, полыхнуло разлившееся масло.

К дому со всех сторон бежали крестьяне, кто с ведром, кто с багром. В тулупе поверх исподнего ковылял старшина.

— П-позвольте-ка.

Эраст Петрович сдернул со старика тулуп, накрылся им с головой.

Главное — задержать дыхание, не вдыхать дым, приказал он себе и бросился назад, к крыльцу.

— *Маса, мидзу-о!*[1]

Японец понял. Вырвал у одного из мужиков ведро, плеснул на овчину ледяной водой.

Проскочить по огненным ступенькам, через пылающий дверной косяк, было еще полбеды.

Куда труднее пришлось внутри, где из-за дыма нельзя было что-либо разглядеть.

Десять шагов налево, потом порожек, сказал себе Эраст Петрович и все-таки обсчитался — приступка, отделявшая среднюю горницу от нижней, пришлась на девятый шаг. Споткнулся, полетел на пол.

Это его и спасло. Впереди с ужасающим грохотом рухнула потолочная балка. Если б Фандорин не упал, ему размозжило бы голову.

Перескочил через дымящееся бревно, в несколько прыжков оказался в вышней горнице. Здесь было жарче, но зато не так задымлено.

Не теряя времени на пустые разговоры, Эраст Петрович обхватил Кириллу поперек талии, закинул на плечо. Она была странно легкая, будто соломенная.

---

[1] Маса, водой! *(яп.)*

Сверху накрыл тулупом и бросился назад.

Легкие жаждали вдоха, но это было бы равносильно гибели.

Ничего не видя, двигаясь исключительно по памяти, он кое-как добежал до сеней. Ушибся плечом и головой о притолоку, рывком преодолел огненную арку выхода и повалился со ступенек в снег. Кириллу вместе с тулупом отшвырнуло еще дальше, в сугроб.

Вот теперь можно было и подышать.

Над черным от сажи Эрастом Петровичем, с наслаждением вдыхавшим холодный воздух, хлопотал Маса.

— Господин, у вас на щеке ожог. И борода обгорела. Вы стали совсем некрасивый.

Встревожившись, Фандорин осторожно потрогал пальцами лицо. Пустяки. Будет волдырь, но шрама не останется.

— Вы настоящий герой! — кудахтал Алоизий Степанович. — Я был уверен, что вы не выберетесь живым из этого ада!

Взволнованный Евпатьев без слов крепко сжал Эрасту Петровичу руку.

— Что она? Ц-цела? — спросил тот, поднимаясь.

С Кириллой, кажется, все было в порядке. Около нее толпились ахающие и галдящие бабы. В ногах у сказительницы ползала рыдающая Полкаша, покаянно тыкалась лбом в землю.

— Ладно тебе, ладно. — Кирилла пошарила рукой, взяла девочку пальцами за тощую шею, придержала. — Ну напугалась, это ништо. Э, да ты голая. Бабоньки, оденьте ее, простынет.

Казалось, эта удивительная женщина нисколько не потрясена случившимся.

— Каков типаж! — с гордостью сказал Фандорину промышленник. — Коренная русская порода! Сгорела бы, а повязку не сняла, обета не нарушила.

— Не обгорели? — спросил Эраст Петрович, приблизившись к Кирилле. — Где-нибудь болит?

— Болеть может только душа, — ответила она, повернув голову в его сторону. — А на душе хорошо, мирно. Это вы меня вытащили? Из наших будете, из христиан?

— ...Из христиан, — несколько смущенно ответил он, хоть и догадался, что под этим словом она имеет в виду исключительно старообрядцев.

— Он, он тебя вызволил! — зашумели женщины. — Его благодари!

Но Кирилла равнодушно обронила:

— Бог попустил. Коли сподобил выйти из огня, значит, нужна еще.

Старики и мужчины молча стояли и смотрели на пожар. Было ясно, что соборную уже не спасти, сгорит дотла.

Эраст Петрович заметил, что урядник, опустившись на четвереньки, роется в снегу. Нашел что-то, поднес к глазам.

Стараясь не привлекать внимания, Фандорин подошел.

— Огниво, — вполголоса сообщил Одинцов. — И трут, обгорелый. Который же из них?

Он так и впился взглядом в деревенских.

— Плохо ищешь, — сказал ему Эраст Петрович, делая шаг в сторону. — А еще п-полицейский.

Разгреб снег и поднял увесистый предмет, тускло блеснувший в отсвете пламени.

Это был массивный железный крест на цепи, в которой разошлось одно из звеньев.

Черт бешеный

Наутро, как и собирались, двинулись дальше.

Потери от ночного пожара оказались не столь уж велики. По счастью, вся поклажа оставалась в санях и от огня не пострадала. Сгорело лишь кое-что из одежды — у тех, кто выскочил на улицу в белье, но это было поправимо. Самый большой ущерб понес дьякон, лишившийся скуфейки и подрясника, — ему переодеться было не во что. Но Крыжов дал Варнаве запасные валенки, Кохановский вязаный свитер, Евпатьев — короткий полушубок, а голову погорелец повязал шерстяным платком на пиратский манер и в этом наряде стал даже живописен.

Чудом спасшуюся Кириллу взяли с собой — она тоже держала путь в верховья. Евпатьев почтительно пригласил сказительницу к себе в возок, Полкашку укутали в одеяло и посадили рядом с кучером.

Поехали.

На этот раз устраивать пробежку Фандорин не стал, сел в сани к Одинцову. Им было что обсудить.

Когда караван рассредоточился, вытянувшись по льду неторопливой сороконожкой, в замыкающей повозке начался серьезный разговор, малопонятный для постороннего уха.

— Вот и вся недолга, — сказал полицейский, поотстав от евпатьевской кибитки, что ехала перед ним.

— Неужели? — задумчиво молвил Эраст Петрович.

— А то нет? Поджег-то кто?

— Он.

— Для чего поджег — ясно. Всех нас, антихристов, извести. Чтоб раскольников переписываться не понуждали. Нно, леший, шевелись! — прикрикнул урядник на

еще не разогнавшегося конька. — Слыхали, как он дохтуру-то? «Теперь знаю», говорит. Знаю, как с вами, аспидами, обойтись... Ну, черт бешеный! Ходит по деревням, народ мутит.

Одинцов поглядел на собеседника, увидел, что тот озабоченно хмурит брови.

— Ай не так?

— Так-то оно так... Не всё тут ясно. Как юродивый оказался в Раю раньше нас? Это раз. Хотел спалить чужаков — понятно. Но Кириллу-то с девочкой за что? Это два. И, наконец, главная неясность: где нам теперь искать этого п-провокатора?

— Э-э, Ераст Петрович, не над тем голову ломаете, — покровительственно усмехнулся полицейский. — Что Лаврушка быстрей нас поспел, это не диво. Мы по реке ехали, петляли, а он напрямки, через лес. Кто тропы знает, не заблукает. Что тетку с малолеткой не пожалел — так он же, как пес взбесившийся. Злой, безумный, да еще и завидущий. Видали, как его корчило, когда все стали Кириллу слушать? Не мог он такого перенесть, заревновал. А про третий ваш спрос скажу: искать злодея нужно по верхним деревням. Туда он побёг, туда. Будет юродничать, запугивать, шаткие души в могилу тащить. Беспременно должно нам его выловить, пока еще худших делов не натворил. А как схватим — повезем по всей реке показывать. Глядите, дурни сиволапые, любуйтеся, какой сатана у вас в учителях ходил, какому ироду веру давали.

— А п-поверят?

— Возьмем с поличным, да со свидетелями из местных — никуды не денутся... Что ж Крыжов, сонная тетеря, еле едет? Поспешать надо!

— П-пойду скажу.

Фандорин соскочил на лед, побежал к передним саням.

Узнав причину, по которой следовало торопиться, Лев Сократович без единого слова щелкнул кнутом, и скорость движения всей процессии увеличилась: первая по-

возка (сегодня роль буксира при Кохановском исполняла она) потянула за собой вторую; третья, с дьяконом и японцем, поначалу отстала, но Варнава гикнул на лошадь, и та заработала мохнатыми ногами с удвоенной быстротой.

— Гаспадзин, — позвал Маса, — Барунаба-сан раскадзывает про дзену, отень инчересно.

Варнава застенчиво пояснил присевшему на край саней Эрасту Петровичу:

— По матушке дьяконице скучаю. О прошлый год на Красную Горку повенчались.

— Курасивая, — одобрительно сообщил Маса и показал руками. — Вот такая. Рицо кругрое. Всё кругрое.

Густо залившись счастливым румянцем, дьякон подтвердил:

— Удивительной красоты особа.

— Что ж, п-поздравляю.

Эраст Петрович снова сошел на снег, обернулся и увидел, что, пока он разговаривал с Крыжовым, в размещении пассажиров евпатьевского экипажа произошло изменение. Рядом с кучером теперь сидел Никифор Андронович в распахнутой шубе.

— Посадил девочку погреться, — крикнул он. — Загляните-ка, как там они?

— П-превосходно, — доложил Фандорин, встав на полоз и заглядывая в оконце.

Когда рядом не было посторонних, Кирилла не слишком строго блюла «искус поношением» по отношению к своей поводырке. Полкаша, правда, сидела на полу, но голову пристроила к сказительнице на колени, та расчесывала ей волосы гребнем и негромко напевала — кажется, колыбельную.

...На постелю мягкую,
Про́стыню шелко́вую,
Спать — не шевелитися
До шестого дня...

Рот девочки был приоткрыт, глаза зажмурены — она уже уснула, да и самого Фандорина разом заклонило в

сон от тихого, нежного голоса, от медленной мелодии, от шелестящих слов.

Но здесь Кирилла петь перестала и повернула голову к окну.

— Кто тут?

— Кузнецов, Эраст Петрович, — ответил он через стекло. — Что это значит — «до шестого дня»?

Ничуть не удивившись, она спокойно молвила:

— В старинных книгах написано: души праведных восстанут от конца света на шестой день.

— Вы, стало быть, тоже скорого к-конца света стр-шитесь?

— А чего мне его страшиться? — словно бы удивилась Кирилла. Говорила она не по-стерженецки, а очень чисто, по-городскому — хоть и с просторечиями, но грамотно. — И вы не бойтесь. Веруете вы не по-никониански, сердцем не порчены — это по голосу слышно. Страшный суд для сквернавцев страшен, кто душу не сберег. А вы Господу милы, Он вас приимет, яко сына возлюбленного, домой возвернувшегося.

Поразительно: когда о конце света вещал бесноватый Лаврентий, это звучало жутко, беспросветно, а у Кириллы даже про Страшный Суд выходило утешительно и мечтательно.

Хотел Эраст Петрович расспросить, откуда она пришла и отчего не по-здешнему разговаривает, но тут случилось неожиданное.

— Эге-гей! Эй! Стойтя-а-а! — донеслось откуда-то сбоку. — Стойтя-а-а-а!

На высоком берегу размахивал руками мужик на лыжах. Оттолкнулся ногой, ловко скатился наискось по обрыву, заспешил наперерез.

Крыжов уже придерживал лошадь, морда задней ткнулась в затылок дремлющему отцу Викентию — тот вскинулся, обронил шапку.

Приглядевшись, Фандорин узнал в крикуне одного из райских счетчиков.

Еще ничего не зная, лишь почувствовав — случилось несчастье, он бросился навстречу лыжнику.

— Беда, — прохрипел тот, — беда!

Он, видно, долго бежал через лес — от ворота валил пар, сивая борода около рта заиндевела и покрылась сосульками.

— Говори толком! — накинулся на него подоспевший Одинцов.

Следом подбежали остальные.

— Закопались... Ляпуновы... Никишка, жена его Марья и детишки, трое, — дрожащим фальцетом залепетал счетчик. — Утром соседка к им заходит, в избе никого... А в огороде земля проваленная и вот...

Он достал из-за пазухи листок. Одинцов схватил, едва глянул и передал Эрасту Петровичу.

— Та же рука!

Фандорин тоже узнал — и текст, и почерк: *«Ваш новый устав и метрика отчуждают нас от истинной христианской веры и приводят в самоотвержение отечества, а наше отечество — Христос...»*. И дальше всё слово в слово, вплоть до заключительного: *«А вашим новым законам повиноваться никогда не можем, но желаем паче за Христа умерети»*.

— Спасли? — взял он гонца за плечо.

— И-и-и, какое там! Задохлись. Знать, еще с ночи, после пожару залегли...

Одинцов схватил мужика за грудки:

— А Лаврушка-юродивый вечером по домам ходил?

Счетчик недоуменно смотрел на перекошенное лицо полицейского:

— Знамо ходил, за подаянием.

— И к Ляпуновым?

— Дак Марья Божьим людям всегда рада... Была, — прибавил вестник, и его морщинистые щеки задрожали — сейчас заплачет.

Урядник заскрипел зубами:

— Гад ядовитый! Успел зубья воткнуть! Я Ляпуновых помню. Никита — мужик тихий, подъюбошник. Всем в

доме Марья заправляла, большая была богомольница. Эх, и деток своих не пожалели! — Он развернулся, побежал к саням. — Садитесь, Ераст Петрович, назад поедем.

Но Фандорин не тронулся с места.

— Один п-поезжай. Мне в Раю делать нечего.

— Как это нечего? — Одинцов остановился. — А расследовать? Вдруг опять чего не замечу, без вас-то?

— Расследовать будем п-потом. Нужно людей спасать.

Все кроме Кириллы и девочки, оставшихся в возке, толпились вокруг, но смысл спора им был непонятен. Лишь Крыжов, которому Ераст Петрович давеча объяснил, из-за чего нужно ехать быстрей, слушал без удивления.

— Лев Сократович, без вас мне не обойтись, — обратился к нему Фандорин. — Поедете дальше? — Тот молча кивнул. — А вывезет ваша лошадь троих? Со мной ведь слуга. Мы с ним можем ехать по очереди.

— О чем вы толкуете? — не выдержал Евпатьев. — У кого зубья? У Лаврентия? В каком смысле?

Пришло время рассказать спутникам про поджигателя.

— ...Человек это очень опасный, не останавливающийся ни перед чем. Минувшей ночью все мы могли погибнуть. Возвращайтесь с урядником в деревню, г-господа. Там Лаврентий уж точно больше не появится, — сказал Ераст Петрович в заключение. — Сейчас не до переписи и тем более, — обернулся он к отцу благочинному, — не до пастырских объездов. Вот обезвредим преступника, тогда с-сколько угодно.

После пожара никому и в голову не пришло оспаривать право столичного «туриста» на принятие решений.

Никифор Андронович Евпатьев сказал:

— Правильно. Возвращайтесь, господа. А я, Ераст Петрович, поеду с вами. Кто-то ведь должен мужикам мозги вправлять? Вас они не послушают, вы для них чужой.

— Ну, насчет вправления мозгов — это скорее по моей части, — заметил Шешулин. — Особенно если разыщем блаженного. Классический случай параноидальной мегаломании с ярко выраженной деструктивно-суицидаль-

ной компонентой. Как вы могли заметить, я умею обращаться с подобной публикой.

Отец Викентий, перекрестившись, важно молвил:

— Когда ж пастырю и быть с пасомыми, ежели не в час испытаний? Желаю, господин Кузнецов, вам сопутствовать. Более того — обязан.

И даже травоядный Алоизий Степанович не отступился:

— Эраст Петрович, я приносил земству присягу выполнять свои обязанности честно, не взирая на лица и не отступая перед препятствиями, — объявил статистик, приосанившись. — И мне несколько обидно, что вы могли предположить, будто я, выпускник Петербургского университета, из страха перед опасностью...

— Эхма! — перебил его лепет Одинцов, швырнув своей черной барашковой шапкой о землю. — Ну, и я поеду! Нехай исправник со следователем трупы откапывают, а мне бы живых уберечь!

Дискуссию подытожил Евпатьев:

— Стало быть, едем, как ехали. Только помните, господа: насильно никого не принуждали.

Пирамида

После этой экстренной остановки погнали еще быстрей, чем прежде.

Теперь, когда главная цель экспедиции переменилась, караван возглавили сани законоблюстителя. Полицейский нахлестывал своего конька не жалея, из-под копыт звездочками разлетался смерзшийся снег, от заиндевевших боков валил пар.

Следующая деревня, куда нужно было попасть раньше зловещего проповедника, называлась Мазилово, и жили в ней *мазилы*, то есть художники, но не иконописцы, а люди легкие, веселые — лубошники. Почти в каждой крестьянской избе по всему северу, и отнюдь не только в жилищах староверов, висела их живописная про-

дукция: отпечатанные кустарным образом картинки духовного и мирского содержания. Коробейники носили всех этих «Алексеев-Божьих-Человеков», «Бов-Королевичей» и «Финистов-Ясных-Соколов» по деревням и ярмаркам, продавали по пятачку, по гривеннику. Промысел копеечный, но широкий охватом, а потому прибыльный.

До места добрались перед закатом.

— Вон оно, Мазилово, — показал Одинцов на сбившиеся в кучку дома — не такие, как в первых двух деревнях, а маленькие, уютные, с радостными цветными ставнями. — Помогай Господь, чтоб не опоздать...

Он привстал, гаркнул на притомившегося буланого, и тот, качнув косматой башкой, расстарался — запустил дробной рысью.

У околицы несколько молодых баб и девок в ярких платках занималась странным делом — набирали в горшки снег.

— З-зачем это они? — удивился Эраст Петрович.

— У нас верят — крещенский снежок гож от сорока-недугов лечить, — кратко объяснил Ульян, а сам все тянул шею, оглядывал деревню. — Эй, бабоньки! Лаврентий-блаженный не у вас?

Местные жительницы глазели на приезжих. Одна, постарше других, степенно ответила:

— Утресь был. Поснедал, подаяние по домам собрал и дале побрел.

Полицейский и Фандорин одновременно выкрикнули:

— Куда?

— Все ж-живы?

— Слава Богу, — изумилась молодка, обратившись сначала к Эрасту Петровичу. А уряднику сказала: — Куда-куда. Знамо — в лес.

— Держите! — кинул Одинцов вожжи спутнику. — Какой тропой он пошел, видала? Эй, кто видал? Показывайте!

Тут подкатил Никифор Андронович.

— Христос спасай, красавицы! Все ль у вас ладно? Я Евпатьев.

Ему низко поклонились.

— Знаем, батюшка. Благодарение Господу, всё ладно.

— К старосте ведите. И народ скликайте! Говорить буду.

Одна из девок уводила прочь урядника, что-то рассказывая ему на ходу. Эраст Петрович, махнув Масе, чтобы был наготове, пошел следом. Все остальные направились в деревню.

— К Лихому ключу? — переспросил Ульян у девушки. — Это на Богомилово, что ли?

Обернулся к Фандорину.

— Всего час, как ушел. Догоню! Не уйдет!

— Я с тобой.

Одинцов вернулся к саням, вытащил прикрепленные к полозу лыжи.

— По снегу бегать умеете?

— С п-палками довольно неплохо.

— У нас палок в заводе нет. Да и лыжи особые, к ним привычка нужна. — Полицейский быстро приладил на ноги две короткие и широкие доски, обшитые кожей. — Скоро ночь, отстанете — пропадете. Ништо, Ераст Петрович. Энтого Кузьму я и сам возьму.

Он сунул в торбу моток веревки, перекинул через плечо карабин.

— Ну д-догоните вы его. А дальше что?

— Свяжу, на лапник кину, да волоком потащу, — уже сорвавшись с места, крикнул Ульян. — Эх, свету бы еще хоть часок!

Ладная, перепоясанная ремнем фигура быстро двигалась через поле к лесу: руки отмахивали по-военному, из-под лыж летели белые комья.

Минута-другая, и бравый урядник исчез в густом ельнике.

Краснощекая девка стояла рядом, смотрела на Фандорина как-то странно — то ли с жалостью, то ли с испугом. Эраст Петрович, привыкший к тому, что его внешность вызывает у представительниц прекрасного пола совсем иную реакцию, сначала даже несколько обиделся, но потом сообразил: борода опалена огнем, на щеке пузырь — здоровенный, с пятак. Нечего сказать, красавец.

Вздохнув, повернулся к мазиловской обитательнице неповрежденной стороной.

— Ну, веди туда, где народ собрался.

Но к месту собрания он попал не сразу. То ли девушка подвернулась отзывчивая, то ли уцелевшая половина фандоринского лица произвела хорошее впечатление, но сначала Эраста Петровича отвели в дом и намазали место ожога какой-то пахучей мазью, от которой жжение сразу улеглось.

— Дай-ко обстригу, а то будто пес драной, — предложила далее благодетельница (звали ее Манефа) и, щелкая огромными ножницами, восстановила симметричность подпорченной бороды. — Сам-то женатый будешь?

— Вдовец.

— Не вре-ешь? — протянула Манефа. — На лестовке побожись.

А у самой глаза так и блеснули.

Что такое «лестовка», Фандорин не знал, но настроение улучшилось. Оказывается, он еще может нравиться юным, щедро одаренным природой девицам.

— Я, милая, тебе в отцы г-гожусь, — с достоинством молвил Эраст Петрович. — А попусту божиться — грех. Всё, пойдем.

Соборной, как в Раю, здесь не имелось, всё население деревни — под сотню человек — набилось в дом старосты. Зимняя часть избы была слишком тесна, большинство расположились в летней, неотапливаемой части, но скоро нагрели собою горницу, надышали так, что все окошки запотели.

Когда Фандорин вошел, Никифор Андронович уже заканчивал свою речь. Стоя у печи, он всё поворачивался, чтоб охватить взглядом каждого. Говорил негромко, но чувствительно, чтоб до сердца достало:

— ...Сатаной-Антихристом пугает, а он сам черт и есть. В чем главном Дьявол от Бога отличен? Бог — это любовь, а Дьявол — ненависть. Бог — это жизнь, а Дьявол — смерть. Кто ненависть проповедует и к смерти зовет — от кого он, от Бога или от Дьявола? То-то. Знаю, ходил бес этот меж домами, сеял в сердца свои плевелы. Вы его не слушайте. Люди вы легкие душой, жизнерадостные, художники...

По правде сказать, хозяин дома особенно жизнерадостным Эрасту Петровичу не показался. Суровый дед ветхозаветной наружности сидел под образами прямой, как палка, в белой рубахе, с длинной седой бородой. Сдвинув косматые брови, слушал, но смотрел не на Евпатьева, а вниз. Справа и слева от старосты — жена и кривобокая дочь-вековуха, обе в черном и тоже с постными лицами. Зато все прочие жители Мазилова, пожалуй, в самом деле отличались живостью лиц, а в одежде предпочитали цвета веселые, пестрые. Мужики были по преимуществу тонкокостные, непоседливые, женщины румяные и улыбчивые, детишки хихикали, вертелись на месте.

И на раскольников-то непохожи, подумал Эраст Петрович, осмотревшись. Разве что привычкой ни минуты не находиться без работы. Бабы и девушки, проворно двигая пальцами, сплетали из полосок кожи и лоскутков странные разноцветные ожерелья, каждое из которых заканчивалось четырьмя треугольными пластинками. Многие из мужчин, слушая оратора, набрасывали что-то на бумаге карандашами (между прочим, вполне современными, явно купленными в городе). Фандорин полюбопытствовал, подглядел в листок к соседу. Тот набрасывал смешного рогатого черта, у которого из пасти вырывалось красное пламя, а из-под хвоста черный дым.

По стенам всюду были развешаны лубки, по большей части с зоологическим уклоном. Эраст Петрович с удив-

лением воззрился на картинку с заголовком «Какъ коркодилъ чиропаху обманулъ», где, действительно, были изображены крокодил и черепаха, причем довольно похоже. На большом листе «Всякое дыханіе Гспда славитъ», живописавшем поклонение тварей земных Всевышнему, обнаружилось чуть ли не все население бремовской «Жизни животных», вплоть до носорогов и жирафов.

— Это Ксюшка-Кривобока малюет, — шепнула Манефа. — Ей батька с городу книжку привез печатную, про зверей всяких. Сама малюет, а боле никому не дает. Жадная — страсть!

На девку зашикали. Это кончил говорить Евпатьев и поднялся староста. Речь его была немногословна. В избе сразу стало тихо.

Наверное, для этой непоседливой публики нужен именно такой вождь — сдержанный, суровый, подумал Эраст Петрович. Давно известно: болтунами лучше всего управляет молчун, а молчунами — болтун.

Старик сказал так:

— Устами блаженного Бог говорит. Ненависти к человекам в Лаврентии нету, едино лишь к Сатане. Про счетчика же подумаем.

И снова сел.

Всего три предложения произнес, а весь эффект евпатьевской филиппики сорвал.

Кинулся выступать Алоизий Степанович, но его слушали мало. Ушли, правда, немногие, но всяк занялся своим делом. Разбились по кучкам. Где-то оживленно спорили, где-то смеялись. Больше всего народу собралось послушать Кириллу.

— Вот она, настоящая Русь, — с горечью сказал подошедший Никифор Андронович, кивая на сказительницу. — Острая умом, бессребренная, да с повязкой на глазах — сама себе очи закрыла, и света белого ей не надо.

— Что это они плетут? — спросил Фандорин про странные ожерелья.

— Это лестовки. У каждого старовера такая есть. И у меня тоже. — Он достал из-под английской рубашки рас-

шитую жемчугом ленту. — Четыре треугольных «лапостка» — это Евангелия. А узелки называются «бобочки». По ним молитвы и поклоны считают. «Лестовка» или «лествица» — значит «лестница». У нас верят, что по ней можно на небо вскарабкаться... Пойдемте послушаем. — В толпе, сбившейся вокруг Кириллы, зашумели, загоготали. — Что это там у них? Интересно.

Оказывается, это страннице заказывали сказки.

— Про Катьку-царицу расскажи!

— Не, матушка, как немец в баню ходил!

— Про попа-постника!

А староста, дождавшись паузы, веско молвил:

— Расскажи сказку, чтоб сгодилось картину мазать.

Его поддержали, и некоторые из мужчин приготовили бумагу — рисовать.

— Да вы всё знаете... — задумчиво проговорила Кирилла. Ее сухое, белое лицо было бесстрастно, без тени улыбки, хотя публика явно ждала чего-то веселого. — Нешто о царе Петрушке? Слыхали про пирамиду?

Этого слова мазиловцы не знали.

— Про что, матушка?

— Пирамида — это такая каменная пасха, которую над могилой древних царей строили, чтобы им душу спасти, — объяснила рассказчица и показала руками: сверху узенько, книзу широко. — Огромадная, с гору. Я в книге видала. Так что, сказывать ай нет?

— Сказывай, сказывай!

Все тем же серьезным тоном, нараспев, Кирилла начала:

— Царь Петрушка, кошачьи глаза, свинячье рыло, издох от дурной хворобы, и поволокли его черти в преисподню. Он орет, жалится — думает, будут его рылом в табашны угли тыкать, бриту бороду иголками на место пришивать. Знает, паскудник, сколь наблудил.

Вокруг захмыкали, а сказительнице хоть бы что.

— Ан нет. Стречает его сам Князь Тьмы, честь по́ чести. Так мол и так, пожалуйте ваше велико, заждалися вашей милости.

Снова предвкушающие смешки.

— Петрушка-то заробел, говорит: «Это я там был велико, а тута от лаптя лыко. Мне ба куда-нито в уголок, в тихо местечко». А Сатана ему: «Не положено, у нас все по-честному. Кто у вас царь, то и у нас». Повели Петрушку в чисто поле. Дали деревянну столешню большую — клади на плечи, держи. Делать нечего, положил. Сверху Петрушкины князья-министры влезли, двенадцать человек. Царь-от на пиве-скоромнине мяса нael, косая сажень в плечах, а и то закряхтел, согнулся. Министры поверху скачут, радуются. «То мы тебя тешили, теперь ты нас потаскай». Только недолго они жировали. Накрыли их черти щитом медным, с цельну площадь, запустили толпу барчат, да попов, да купечества. Ну, князей-министров в три погибели пригнуло, а царь и вовсе едва пищит. Ладно. Положили по-над площадью зерцало серебряно, с море величиной. И на него без счету крестьянства да мастеровых понапустили — тыща тыщ народу. Бар, да попов с купцами в лепеху сжало, министров в блин, царя в жидку лужицу. А поверх всего хрестьянства понакинули с небес решетку из златых нитей, легкую. И по ней на приволье стали гулять-погуливать старцы, сироты, да молельники. И уж над ними никого — только солнце, луна да звезды...

— Вот вам вся социалистическая программа, в чистом виде, — усмехнулся Крыжов, поймав взгляд Эраста Петровича. — Дайте срок. Россию-матушку так снизу тряханет — с ног на голову встанет.

Но Фандорин повернулся посмотреть не на Льва Сократовича, а на Масу.

Японец держался в сторонке, сказку не слушал, а с важным видом разглядывал горшок с фикусом, горделиво поставленный под образа. Эраст Петрович с невольным раздражением заметил, что краснощекая Манефа переместилась поближе к японцу и таращится на него во все глаза, да еще углом платка рот прикрыла.

Все-таки в успехе, который Маса имел у слабого пола, было что-то мистическое.

— А вы, дядечка, кто? — боязливо спросила Манефа. — Чего это вы всё глаза жмурите? И вошли — лба не перекрестили.

Азиат даже не взглянул в ее сторону, лишь задумчиво нахмурил брови.

— Может, вы — бес, в соблазн нам присланы? — все больше робела девушка. — Во знамение последних времен?

Тут он искоса посмотрел на нее и как бы нехотя обронил:

— В собразн. Да.

Манефа мелко закрестилась.

— А я не соблазнюся. Лучше домой пойду, святой иконе помолюся.

Что, съел? — мысленно позлорадствовал Эраст Петрович.

Преждевременно.

— От собразна прятаться грех. Нетестно, — строго сказал Маса. — Выдерзять надо.

— Как это «выдержать»? — У девушки округлились глаза. — А коли плоть не сдюжит? Бесу, известно, большая сила дана.

Японец внимательно осмотрел ее сверху донизу.

— Проть — это нитево. Гравное — дусёй не поддаться, от старой веры не отойти. — Он перекрестился двумя перстами. — Дусёй крепка?

— Душой — да, — тихо ответила бедная жертва.

И не стала противиться, когда Маса взял ее за руку и, пользуясь тем, что все слушают сказку, потихоньку увел из избы.

Можно было, конечно, вмешаться и испортить коту масленицу, но Эраст Петрович делать этого не стал. Во-первых, это выглядело бы мелочной мстительностью. А во-вторых, все равно занять Масу нечем. Дел никаких не было, только дожидаться, когда вернется Одинцов.

Посетовав на общий кризис морали, который, судя по Манефиному поведению, затронул даже самые нравственно стойкие народные массы, Фандорин вышел на

улицу, чтобы глотнуть свежего воздуха — в избе от многолюдства было хоть топор вешай.

У крыльца заметил гурьбу ребятишек, собравшихся вокруг девочки-поводырки. Та опять что-то рассказывала — похоже, страшную сказку: голос замогильный, глаза вытаращены, а руки растопырены, будто клешни. Дети только поойкивали.

— ...Ходит — топочет — башкою ворочет, — разобрал Эраст Петрович и улыбнулся. Достойная ученица подрастала у матери Кириллы — с собственной аудиторией.

Одна конопатая девчушка, с красными варежками, подвешенными через шею на тесемке, чтоб не обронить, оглянулась на взрослого, шмыгнула носом. Лет ей было восемь-девять, в разинутом рту зубы торчали через один — еще не выросли.

— Шторожко! — звонко крикнула она, произнося «ш» вместо «с».

Все дети затихли, обернувшись на чужого.

Выражение лиц было одинаковое: напуганное и в то же время восторженное. Воспользовавшись паузой, Полкашка сунула в рот леденец — надо полагать, гонорар за сказку.

— Ну чаво вылупилша? — сердито сказала щербатая. — Иди куды шел.

— Иду-иду. Только сопли подбери, — засмеялся Фандорин и вытер девчонке нос ее же красной варежкой.

Вышел на середину, посмотрел в небо и замер. Такие яркие звезды и в таком количестве он прежде видел лишь в полуденных морях. Но здесь, подсвеченное белизной снега, небо было не беспросветно черным, как на юге, а отливающим голубизной. Небо в этих краях живее и теплее земли, поеживаясь от холода, подумал Фандорин.

Как там урядник — один, в темном лесу? Упустит юродивого — беда.

Еще сам бы не пропал...

В Богомилово!

Ульян вернулся заполночь, усталый, злой, весь покрытый инеем.

Матерно, не по-раскольничьи ругаясь, рассказал, что шел по следу Лаврентия до лесного озера, а там налетел *лиходуй* — так в здешних местах называют короткую, но буйную метель, вроде шквала на море. Залепило глаза, закрутило. Десяти минут не мело, а всю лыжню засыпало. Куда идти, непонятно. Порыскал-порыскал, да разве в темноте углядишь?

— Ушел, пес! То ли вправду в Богомилово, как деревенским сказал. То ли вверх, на Лосьму. А может, в Данилов Скит повернул, там кликуш полно. Им хоть в землю, хоть в огонь.

— Почему к-кликуш? — быстро спросил Фандорин, натягивая шубу.

На ночлег всех разместили кого куда. Эраст Петрович ложиться не собирался, потому остался в конюшне, при лошадях. Кириллу как почетную гостью приютил староста. Прочих приезжих разобрали по крестьянским домам.

— В скиту вдовицы-старушки спасаются, век доживают. С утра до вечера молятся, свечки жгут. Самая публика для Лаврентия.

— Что в Лосьме? — уже на ходу продолжал выяснять Фандорин. Остановился у сенного сарая, свистнул.

— Возчики живут. От Архангельска до Ярославля ходят. Народец тертый... Да что вы на месте-то не стоите? И так с ног валюся, — осерчал урядник.

Сверху высунулась круглая голова Масы, из-за уха торчала соломинка.

— *Хаяку! Дэру дзо!*[1] — приказал ему Эраст Петрович. — А что в Богомилово?

Недовольно ворча и кряхтя, однако и не подумав перечить, японец стал спускаться по приставной лестнице.

---

[1] Быстро! Уезжаем! *(яп.)*

— Большая деревня, богатая. На реке стоит. Писчики там. Книги старинные переписывают — тетради с молитвами, жития... Куда вы меня тащите?

Фандорин подтолкнул его к конюшне.

— Выводи, з-запрягай. Едем.

— Куда?

— В Богомилово. Далеко до него?

— По реке сорок верст.

— Тем б-более.

— А почем вы знаете, что он в Богомилово пошел?

— Старушек живьем в могилу не загонишь, не та аудитория. Это раз, — наскоро объяснил Эраст Петрович, помогая надевать на коня упряжь. — С возчиками пропаганда самозакопания тоже не пройдет. Это два. А книгописцы — то, что ему нужно. Сидят на одном месте, вся жизнь в с-старине. Да и про предсмертную записку забывать не будем. «А вашим новым законам повиноваться никогда не можем, но желаем паче за Христа умерети». Помнишь? Это три. В Богомилово! Скорей!

Но очень уж скоро не получилось. Одинцовский конь, накануне пробивавший путь первым, ободрал бабки, и троих седоков ему было не увезти.

Пошли будить Крыжова. Тот сначала и слушать не хотел, говорил, что ночью будет метель, до Богомилова все одно не доехать. В том же доме, где ночевал Лев Сократович, разместился и Евпатьев со своим кучером. Проснулся, принял участие в дискуссии. Никифор Андронович твердо объявил, что поедет и что нужно поднимать земского статистика — Кохановский не захочет отстать. Да и психиатра бросать в Мазилове нельзя, обидится.

В общем, отправились по домам опрашивать всех. Крыжов агитировал подождать до утра, Евпатьев убеждал, что метели бояться нечего, в крайнем случае можно будет укрыться в лесу.

На все эти хождения было потрачено не меньше часа, но в конце концов в дорогу засобирались все, даже благочинный с дьяконом. Кириллу с девочкой будить не хо-

тели, но в доме старосты горел свет, там всё одно не спали, поэтому Никифор Андронович заглянул, спросил.

— В Богомилово? Поеду, — сказала Кирилла. — Никогда не бывала, а село, говорят, славное, христолюбивое. Полкашка, бери узелок!

Тут и Крыжов не выдержал:

— Черт с вами со всеми! Пропадать так вместе!

Пропасть, конечно, не пропали, но и до места не доехали. Прав оказался Лев Сократович.

Перед рассветом, примерно на середине дороги, на реку обрушился снежный заряд. Исчезло всё: небо, лес, берег реки. Фандорин едва мог разглядеть сквозь бешено несущиеся белые хлопья круп лошади. Вместо Одинцова, спавшего сзади, под тулупом, вмиг вырос сугроб.

Куда править, стало не видно, пришлось остановиться.

Из ниоткуда, перекрывая вой ветра, донесся голос Крыжова:

— Влево! Влево! Все влево!

Слева, под крутым обрывом, действительно, было относительно тихо. Повозки одна за другой вынырнули из вихрящегося снеговорота, сбились полукругом.

— Ну и чего вы добились? — сердито крикнул Лев Сократович. — Лаврентий-то лесом, поди, проскочил, а мы встали. Двадцать с гаком верст до Мазилова, почти столько же до Богомилова!

— Это опасно? — нервно спросил доктор Шешулин, смахивая с бородки снег. — Я читал, метель может продолжаться и два, и три дня...

Евпатьев втянул носом воздух.

— Нет, эта не затяжная. Часов на пять, на шесть. Ничего, переждем. Вон там, под кручей, огонь развести, туда не задувает. Опять же можно по очереди у меня в кибитке греться.

И ничего, как-то обустроились.

Полчаса спустя в выемке берега пылал яркий костер, вокруг которого на еловых ветках, накрывшись кто чем,

расположились мужчины. Кириллу и девочку оставили в теплом евпатьевском возке, у печки.

Пока караван двигался по реке, Фандорин был напряжен и сосредоточен, думал лишь о том, как бы не опоздать. Но теперь, когда все равно ничего сделать было нельзя, он велел разуму, духу и телу расслабиться. Китайский мудрец две с лишним тысячи лет назад сказал: «Когда благородный муж сделал всё, что в его силах, он доверяется судьбе». Посему Эраст Петрович лег на спину, накрылся снятой с саней полостью и спокойно уснул под колыбельную вьюги.

Проснулся он в серых рассветных сумерках. От крика.

Кричала женщина.

Метель стихла, и, видно, недавно — над излучиной реки еще покачивалась мелкая белая пыль, но Божий мир был смиренен и благостен. Если бы не этот подвывающий, плаксивый голос:

— Вона вы где! А я-то не приметила! Мимо прошвондила! У-у-у! Что же вы, эх! Помогайтя! У-у-у!

На засыпанном снегом льду, тоже вся белая, словно Снегурочка, стояла на лыжах мазиловская красавица Манефа и, широко разевая рот, то ли рыдала, то ли звала на помощь — спросонья Эраст Петрович толком не понял.

Его соседи поднимались один за другим. Из евпатьевской кибитки высунулась Полкашка.

— Ты что, девка? — вскочил Крыжов. — Случилось что?

Фандорин уже знал, каков будет ответ. И спросил только:

— Кто?

— Староста, — всхлипнула девушка и, сев на корточки, протянула к тлеющим углям красные руки. — С женой и дочкой... Ксюшку-Кривобоку жалко, тако ба́ско зверей малевала...

Отец Викентий заголосил:

— Разума их Господь лишил! За худоверие! Я ль им вчера не пенял: «Одумайтесь! Прозрейте!» Залепили уши свои воском, за то и кара!

На Манефу со всех сторон посыпались вопросы:

— Когда он успел?!

— Отрыли?

— Ты-то здесь откуда?

Манефа, давясь слезами, отвечала всем сразу:

— Как вы давеча уехали, пошел он по избам, прощаться. «Не поминайте лихом, если кому согрубил. Сами спасемся и за все обчество Господу слово замолвим. А вы оставайтеся, только и вам недолго уж осталось. Близок час, так неча и ждать». Отговаривали всяко, но они накрепко порешили. Сели в погреб, где капуста, сорок свечек зажгли, дверь снутри законопатили. Мужики звали-звали — ни словечка, только слышно: молитвы поют...

— Почему не удержали силой? — простонал Кохановский. — Ведь это явное помешательство!

— Почему за мной вдогонку не послали? — грозно спросил Одинцов. — Это супротив закону преступление!

— Сход был, — объяснила Манефа. — Старики приговорили: вольному воля, между человеком и Богом встревать — грех. А я за вами на лыжах побегла, потихоньку от обчества... Только вьюга́ попутала, не приметила я вас ночью, мимо прогнала. А нонеча это я уж назад тащилася...

— Отчаянная девка, — покачал головой Крыжов. — Ни деревенских, ни метели не испугалась.

Однако у Эраста Петровича имелась своя версия для объяснения такого бесстрашия, подтверждаемая взглядами, которые Манефа бросала на японца. Тот на нее не смотрел, потому что настоящему мужчине демонстрировать свои чувства не положено, лишь горделиво поворачивал голову.

Никифор Андронович с болью воскликнул:

— «Старики приговорили»! Теряем время, господа. Надо вытаскивать этих дикарей, пока не задохлись. Скажи-ка, милая, сколько до Мазилова, если на лыжах через лес?

Но Манефа не расслышала. Она подошла к японцу и, розовея, что-то ему говорила.

Ответил Одинцов, отлично знавший округу:

— Верст десять-двенадцать. По рыхлому снегу это часа три будет. Ловчей уж по реке на санях.

— Запрягай, поворачивай! — закричал Евпатьев кучеру. — Возвращаемся! И ты, служивый, со мной. Понадобишься!

Трогательный тет-а-тет влюбленных пришлось нарушить.

— В котором часу староста замуровался в погребе? — тронул Эраст Петрович девушку за локоть.

— А? — Она взглянула на него затуманенными, счастливыми глазами. — Еще первый кочет не кричал.

Стало быть, не позднее, чем в два ночи, прикинул Фандорин.

— А велик ли п-погреб?

— Малóй совсем. О две капустные бочки.

И показала размер погреба: развела в стороны руки, потом немного пригнулась.

Поморщившись, Эраст Петрович окликнул Евпатьева и Одинцова, уже усаживавшихся в кибитку:

— Зря время потратите! Если мужики не одумались и не выломали дверь, спасать поздно. Там примерно два-два с половиной к-кубических метра воздуха. Если щели законопачены, да сорок свечей горят, троим взрослым на час-полтора хватит. А прошло больше семи... Манефа, а не передал ли староста какую-нибудь записку?

— Оставил, для начальства. Что нету его согласия от Христа отвергаться. И с собой в погреб каку-нито грамотку взял, молитвенную что ли.

— Всё то же, — покачал головой Фандорин, обращаясь к уряднику. — Как в Денисьеве, как в Раю.

— А Лаврентий-юродивый у кого снедал? — подступил к девушке Одинцов.

— Знамо у старосты.

Шешулин щелкнул пальцами:

— Патогенез ясен. Наш пациент успел подвергнуть его психологической обработке. То-то старик вечером такой подавленный сидел. Все вокруг веселятся, хохочут, а он

мрачнее тучи. М-да, не терпится мне вновь повидаться с почтенным Лаврентием. Меня крайне интересует механизм обсессионногенного внушения. Я читал в немецком психиатрическом журнале...

Не дослушав ученую сентенцию, Фандорин подошел к Кирилле. Намереваясь возвращаться в Мазилово, Никифор Андронович высадил из своего экипажа сказительницу и поводырку. Обе они, опустившись на колени, молились — очевидно, за новопреставленных.

— П-простите, что мешаю, — вполголоса сказал Эраст Петрович, присаживаясь на корточки. — Но вы ночевали в их доме. Как они себя вели? Почему в горнице горел свет?

— Как люди ушли, встали они все трое перед образами и начали творить молитву, — печальным, но спокойным голосом рассказала Кирилла. — Час молились, другой, третий. Я не встревала и Полкашке велела тише воды сидеть. Раз только подошла, поклонилась. Отрадно зреть такое рвение, говорю. Не дозволите ли с вами помолитовствовать. Хозяин в ответ: «Мы вона где, а ты вона где. Иди себе с Богом». Я, грешница, подумала, гордится староста с нищенкой коленопреклоняться. А он-то про другое: они уже по ту сторону обретались, к великому таинству готовились... — Кирилла перекрестилась и посетовала. — Глаза себе завязала, чтоб лучше сердцем видеть, а всё одно́ слепа осталась — не углядела.

Поди, и догадалась бы, отговаривать не стала, подумал Фандорин, вспомнив, как мазиловский сход решил не вмешиваться в отношения добровольных смертников с Богом. Что за люди живут в этих лесах!

Ему не давала покоя записка, которую самоубийцы оставляли для властей. Две первые были у него с собой. Они совпадали слово в слово, буква в букву, и почерк тот же. Судя по словам Манефы, мазиловский староста перед тем, как «закопаться», вручил односельчанам такую же.

Уж не богомиловские ли книжники руку приложили? Кто кроме переписчиков-старообрядцев сейчас умеет так выписывать допетровские буквы?

— Десятый час, — озабоченно сказал Эраст Петрович, подойдя к Евпатьеву и Одинцову. — Лаврентий нас сильно опередил. Нужно торопиться.

Никифор Андронович, обернувшись к остальным, зычно крикнул:

— В Богомилово!

Про тайные уды

— Это и есть село Богомилово? —спросил Фандорин, глядя на жалкую кучку построек: четыре маленьких избы, одна большая, да бревенчатая церквушка.

— Их два, Богомилова, — объяснил Ульян. — Тут село. Потому где церква, там и село. Старики главные здесь проживают, четверо. А еще есть другое Богомилово, за тем ельником, отседа полторы версты. Оно больше, но там церквы нет, потому прозывается «деревня».

И рассказал, как удивительно устроена жизнь в поселении книжников.

Переписывать старинные книги — работа не только кропотливая, но и священная. К ней допускают лишь старшего в роде, «кто из грешного возраста вышел», с ухмылкой пояснил Одинцов.

В Богомилове проживает всего четыре «фамильи», во главе каждой — свой дед. Дед обычной работой рук не грязнит, лишь со света до темна пишет «списки». *Прядут* бумагу и переплетают написанное сыновья, зятья и внуки. Бабы и девки *трут* чернила, самые искусные рисуют на полях золотом и киноварью цветники да узоры-*финики*.

Старикам в село приносят еду, всячески обихаживают, обстирывают.

— Так здесь живет всего четыре ч-человека? Почему же тогда мы приехали не в деревню, где основное население?

— Решают всё деды. Как скажут, так и будет.

Сани друг за другом уже въезжали на холм, где стояли дома. Никто не вышел навстречу, никто не выглянул. Эраст Петрович встревоженно приподнялся, но урядник успокоил его:

— Вишь, дым? Сидят, пишут.

Четыре избы — те, что поменьше, были с крохотными оконцами, как почти везде на севере, это чтоб тепло не уходило. Но посередине стоял сруб необычного для здешних мест вида, с большими окнами. В нем единственном из трубы поднималась белая струйка.

— *Книжница* это. — Полицейский натянул вожжи, останавливая у крыльца. — Там они все.

Евпатьев поднялся по ступенькам, показал рукой: ждите, мол. Исчез за дверью.

Вышел скоро.

— Обождать надо. Старики от работы не поднимутся, пока не начнет темнеть. И говорить не станут. Я только про юрода спросил. Был он тут, утром еще. Передохнул и ушел вверх по реке. Судя по тому, что деды сидят и спокойно пишут, никакого смятения не наблюдается. Подождем до сумерек.

Ждать оставалось не столь уж и долго. Пока добирались, короткий зимний день почти весь иссяк.

Все поднялись в сени, греться. В санях остался один Маса. Он сидел нахохленный, ко всему безразличный. Пока рядом была Манефа, изображал мужественное равнодушие, но когда девушка распрощалась, японец сник. По дороге не произнес ни слова, леденцов не сосал, обедать отказался и только беспрестанно шевелил губами. Фандорин знал — это он стихотворение слагает, танка или хокку. Горевать по любимой в разлуке — это допустимо, даже достойно.

Однако Эраст Петрович сейчас и не нуждался в собеседнике. Он смотрел на дальний лес, над которым небо уже наливалось багрянцем, и пытался представить себе, каково это: жить вдали от людей, над рекой, и переписывать малс кому понятными буквицами мало кому потребные книги. Что ж, в старости, наверное, неплохо. По-

жалуй, он и сам не отказался бы провести так закатную пору жизни. Поселиться где-нибудь в пустынном, красивом месте и каллиграфически переписывать кисточкой мудрые изречения древних. А если еще окружают почтением, кормят, заботятся о тебе. Чем не рай?

Умиротворяющим мыслям пришел конец, когда на крыльцо вышли покурить Лев Сократович Крыжов и Анатолий Иванович Шешулин. Разговор у них, очевидно, начался еще в сенях, так что начала Фандорин не слышал.

— ...всколыхнет весь Север, — оживленно говорил ссыльный. — Живьем в землю — это впечатляет. Как водится в народе, еще присочинят. Ну, будет заваруха!

— И, поверьте мне, это еще не конец, — подхватил психиатр. — Уже сейчас одиннадцать смертей, а Савонаролу этого раскольничьего пока не поймали, и неизвестно, поймают ли. Помяните мое слово, он еще немало людей с повышенной внушаемостью в могилу сведет. Ах, какой собирается материал! Вернусь — сделаю публичный доклад. Это, скажу я вам, будет событие!

«Ворон ворону в ответ: знаю, будет нам обед», подумал Эраст Петрович и, скорчив гримасу, хотел отойти от этих энтузиастов подальше, но тут из дверей выглянул Евпатьев.

— Пошабашили. Пора!

Четыре длиннобородых старика сидели за длинным столом, на котором лежали аккуратные стопки желтоватой бумаги, а из позеленевших от времени медных чернильниц торчали гусиные перья. Лица у книжников были морщинисты и суровы, у одного, самого дряхлого, голова подрагивала на тощей шее, будто он все время что-то отрицал или от чего-то отказывался.

Деды были похожи то ли на судей, то ли на экзаменационную комиссию, и вошедшим стало как-то не по себе. Они неловко расселись по лавкам вдоль стен, на почтительном расстоянии от этого ареопага. Полкашка к строгим писцам соваться не посмела, побежала через лесок в

деревню — вероятно, рассказывать ребятишкам сказки и тем малость подкормиться.

До того, как члены экспедиции переступили порог, Евпатьев предупредил:

— Они должны заговорить первыми. Так положено.

Но старики начинать разговор не спешили. Повисло молчание.

Книжники рассматривали чужаков, медленно переводя глаза с одного на другого. На Кириллу все четверо нахмурились — очевидно, бабе, хоть бы даже и монашеского обличья, в этом святилище было не место.

Солнце уже зашло, и в горнице становилось темновато. Евпатьевский кучер принес из саней свечи, расставил по столу, зажег. Старики неодобрительно наблюдали за его действиями.

— Свечи для молитвы, — прошамкал тот, что с трясучкой. — Лучину бы запалили, и ладно.

Снова тишина. Наконец предварительный досмотр завершился.

— Ну, сказывайте, — велел все тот же дед — очевидно, он тут был за главного. — Какие вы такие люди, зачем пожаловали? Тебя, Никифор, знаем, видали, а протчие остальные кто?

И приложил ладонь к уху — видно, был еще и глуховат.

Первым поднялся урядник как официальный представитель власти. Почтительно, но строго рассказал про самоубийства. Спросил, был ли здесь «преступник, именующий себя блаженным Лаврентием» и не призывал ли последовать злодейскому примеру.

Книжники переглянулись.

— Сам ты преступник. Бороду броешь, пуговицы с антихристовой печатью носишь, — проворчал старейшина. — А Лаврентий за-под Богом живет. Был утресь. И про самозакопание говорил. — В этом месте все четверо, как по команде, перекрестились. — Плакался о ради Христа усопших. Но и корил их. Наставлял наших от такой страсти беречь и прелестных посланцев, буде забредут, не слушать.

— Понятно, — усмехнувшись, протянул Одинцов и сел на место, со значением поглядев на Фандорина. Взгляд означал: «Врут, пни трухлявые. С Лаврушкой заодно».

— Кто это «перестные посранцы», господзин? — шепотом спросил Маса, заинтересовавшись.

— Те, кто п-прельщает. Вероятно, это про нас.

После полицейского прельщать книжников принялся Алоизий Степанович. Красноречиво описал блага, какие сулит России всеобщая перепись, показал портфель и даже, вероятно, считая себя хитроумнейшим дипломатом, решительно отмежевался от Антихриста: мол, земство почитает Лукавого врагом человеческого рода и намерено биться с ним не на жизнь, а на смерть.

Закончив речь, статистик гордо оглянулся на товарищей, блеснув стеклышками пенсне.

Однако приговор старцев был тверд. Немного пошушукавшись с остальными, беззубый объявил:

— Нету нашего согласия на вашу бесовскую затею. Неча нас переписывать. Мы сами писцы.

Кохановский снова вскочил, горячо заспорил, но всё напрасно.

Никифор Андронович Евпатьев молча слушал, с каждой минутой все больше мрачнея.

— П-позвольте-ка, Алоизий Степанович, — поднялся Фандорин, трогая жестикулирующего статистика за плечо.

— Да-да, Эраст Петрович! Скажите им вы! Если они моим опросным формам не доверяют, пускай сами составят. Я после переделаю!

— Я не про перепись... — Фандорин подошел к столу и вынул два почти одинаковых листка: первый из мины в Денисьеве, второй из мины в Раю. — Взгляните-ка, почтеннейшие, на эти г-грамотки. Что скажете про бумагу, на которой они написаны. Про чернила. А более всего меня интересует п-почерк. Видите, он один и тот же.

Книжники внимательно прочли оба предсмертных послания, не взирая на их полную идентичность. Очки, видимо, здесь почитались за бесовское ухищрение, а глаза от переписки у дедов были слабые, поэтому каждый под-

носил бумагу к самому носу. В общем, ознакомление с вещественной уликой продлилось добрых полчаса.

Эраст Петрович терпеливо ждал. Ему очень хотелось посмотреть, каков почерк у самих писцов. Перед ними лежало по стопке переписанных за день страниц, но при приближении Фандорина, старики дружно перевернули листки чистой стороной кверху — чтоб чужак не поганил священное письмо своим взглядом.

Наконец изучили. Переглянулись. За всех ответил все тот же старец:

— Бумага как бумага. Чернилы тож. А кем писано, не ведаем. Скушно писано, без лепоты.

Остальные покивали.

Это молчаливое единодушие Фандорину очень не понравилось.

— Б-благодарю.

Забрал улики, вернулся к скамье.

Похоже, визит в Богомилово заканчивался фиаско по всем фронтам. Приезжие не сговариваясь поднялись с лавок, в нерешительности глядя друг на друга.

Что, собственно, делать дальше? Ехать? Но куда, в какую сторону? Да и лошадям нужен отдых. Однако на гостеприимство этих мафусаилов рассчитывать не приходилось...

— А вот дайте-ка я попробую их вразумить. С Божьей-то помощью, глядишь, и выйдет, — сказал отец Викентий расстроенному Алоизию Степановичу.

Прошелестев рясой, обошел вокруг стола, наклонился к главному книжнику, зашептал ему что-то. Трое прочих стариков придвинулись ближе.

У старейшины голова затряслась еще сильней, на лице появилась брезгливая гримаса, но благочинного он слушал внимательно. Несколько раз, не расслышав, переспросил:

— А?

Тогда поп слегка повышал голос. Чуткий слух Фандорина разобрал эти несколько слов, произнесенных громче остальных.

Сначала отец Викентий сказал: «Предписание от архиерея». Потом: «По домам с иконою». И еще: «Так договоримся или нет?».

Дослушав священника, деды о чем-то пошушукались между собой. Старейший взял клочок бумаги, что-то на нем написал, показал благочинному. Тот с возмущенным видом воздел очи к потолку.

Книжники снова зашушукались.

У Эраста Петровича и зрение было отменное, не только слух. Сделав шаг вперед и прищурившись, Фандорин разглядел, что на клочке написана какая-то буква, а над нею закорючка. Кажется, так в старославянском письме обозначаются цифры.

А еще внимание Эраста Петровича вдруг привлек дьякон. Варнава тоже неотрывно смотрел на своего начальника, но, в отличие от остальных, следивших за странными переговорами с любопытством, имел вид сконфуженный и несчастный. Лицо вытянутое, красное, глаза опущены.

Фандорин взял дьякона за рукав, потихоньку отвел в сторону:

— Из-за чего т-торг?

— Вот и вы догадались, — вздохнул Варнава. — Очень уж отец благочинный алчен. Стыд какой. Я-то, когда он меня удостоил с собою в пастырскую поездку взять, сначала обрадовался. Такая для меня честь. А потом понял — дурачком меня считает, не опасается, оттого и избрал. Он ведь что по благочинию ездит-то? Должен еретиков в истинное православие обращать, молельни ихние закрывать, супругов перевенчивать. А раскольникам это хуже каторги. Поговорит со старостой либо со стариками, пригрозит, а после за мзду отступается. Нехорошо это...

— Смотря для кого, — оглянулся Эраст Петрович на оборотистого попа.

А дьякон от этих слов вдруг весь просветлел:

— Вот и я так же думаю. В соседнем округе, где раскольники-поповцы проживают, благочинный подношений не берет, неподкупен и ревностен. Что людей-то при-

тесняет! Скольких до тюрьмы довел! Думается мне, что отец Викентий много человечнее, ибо стяжательство — грех меньший, нежели жестокосердие.

Негоции между тем закончились, и похоже, к взаимному удовлетворению сторон.

— Так я после зайду, к каждому, — громко сказал благочинный и осенил дедов троеперстным знамением.

Книжники, как один, сплюнули через левое плечо, но священника это не обидело.

С довольным видом он подошел к Кохановскому:

— Вот ваши товарищи не желали меня с собою брать, а видите, какая от меня польза. Договорился, что пройду с наставительной беседою по домам, потолкую с сими старцами наедине, с проникновением. А заодно, — он подмигнул, — расспрошу про семью. Кого как звать да сколько лет. Всё запишу и после вам передам.

Алоизий Степанович кисло поблагодарил.

— Ну, а ты, черница убогая, какого состояния будешь? — обратился тряский старейшина к Кирилле. — Пошто с нечистыми якшаешься?

Странница встала, опершись на посох. Степенно поклонилась:

— Чистый от нечистых не замарается, нечистый от чистых не обелится. По зароку я, батюшка. С затворенными очами землю обхожу, ради души спасения. Поводырка со мной. Кормлюсь подаянием, сказания старинные сказываю. Зимой без глаз трудно, вот и пристала к добрым людям.

— Куда тебе сказания сказывать? — скривился книжник. — Бабьи сказки, поди, брешешь, да побасенки.

— Все жития знаю, святые речения, — возразила сказительница.

— А это всего хуже. Лучше пустые сказки балаболить, чем священные книги перевирать. От вас, побирух, древней благости одно нарушение!

Кирилла отставила посох, вновь смиренно поклонилась:

— Ни словечком не кривлю, всё, как в старинных книгах прописано, сказываю. Проверь, батюшка, сам увидишь.

Книжники зашевелились. Впервые разверз уста кто-то кроме старейшины — востроносый дед, взглядом немного поживей остальных.

— «Рукописи о древних отцех» знаешь? — спросил он тенорком.

— Знаю, батюшка.

— Нет, пущай из «Златоструя» зачтет! — предложил третий, маленький и кривоплечий.

— Легко больно! Кто ж «Жлатоштруя» не жнает? — подключился четвертый, вовсе беззубый.

Похоже, Кирилла нашла единственный возможный способ расшевелить книжных червей.

Востроносый хитро сощурился:

— Бахвалишься, что все жития наизусть знаешь? А «Инока Епифания»?

— Знаю и Епифания, батюшка.

— Ну-тко, зачти. Да не с начала, а с третьей тетради. Как Епифаний в лесу келью воздвиг и начал Лукавый его мравиями травить? Что умолкла, не помнишь? — хихикнул экзаменатор.

Кирилла распрямила плечи и ровным, лишенным выражения голосом, начала:

— «...В иной раз диявол на мя тако покусися: насадил бо ми в келию червей множество-много, глаголемых мравий; и начаша у мене те черьви-мураши тайныя уды ясти зело горько и больно до слез».

Востроносый с неожиданной резвостью вскарабкался на лавку, снял с полки книгу в кожаном переплете, рас-

крыл, и старики, сдвинув седые головы, стали следить за текстом. Судя по тому, что почти сразу же согласно закивали, Кирилла пересказывала точно, слово в слово.

— «Аз же, многогрешный, варом их стал варить. Они же ми ядяху тайныя уды, а иново ничево не ядят — ни рук, ни ног, ни иново чево, токмо тайныя уды. Аз же давить их стал руками и ногами. А они прокопаша стену келии моея, и идяху ко мне в келию, и ядяху ми тайныя уды. Аз же келию мою землею осыпал и затолок крепко и туго, а они, не вем како, и землю, и стену келейную прокопаша и ядяху ми тайныя уды. И гнездо себе зделали под печью, и оттуду исхожаху ко мне и ядяху ми тайныя уды...»

Кохановский не выдержал, прыснул — и зажал себе рот ладонью. Осклабился и урядник. А Евпатьев наклонился к Фандорину и с восхищением шепнул:

— Какова? Наизусть чешет!

— «...И тово у меня было труда с ними много: что ни делаю, а они у меня кусают за тайныя уды. Много помышлял мешок шить на тайныя уды, да не шил, так мучился. А иное помышлял — келию переставить, да не дадяху бо ми ни обедать, ни рукоделия делати, ни правила правити...», — продолжала добросовестно перечислять Кирилла муки, перетерпленные святым иноком от злоупорных мравий. Старики сидели и маслились.

— *Данна,* «тайные уды» *ва арэ но кото дэс ка?* — спросил про новое выражение Маса.

— Да-да, не мешай.

Фандорин с интересом следил за сказительницей. Ни тени улыбки на бесстрастном лице, ни малейшей иронии в интонациях. Прирожденная актриса! Вырасти она в иной среде, была бы новой Сарой Бернар или Элеонорой Дузе. И, действительно, что за феноменальная память!

Наконец Епифаний справился с нашествием насекомых. Для этого всего-то и надо было как следует помолиться.

— «...И от того часа перестали у меня мураши тайных удов кусати и ясти», — закончила Кирилла. — С четвертой тетрадицы честь или довольно?

Книжники, все четверо, встали и поклонились ей — низко, головами в самую столешницу.

— Дар в тебе Божий, матушка, — растроганно сказал самый старый.

— Дух святой, — присовокупил кривоплечий.

А востроносый, утерев слезу, воскликнул:

— Пожалуй, матушка, ко мне в дом, повечерять чем Бог послал.

Но остальные не захотели отстать, стали звать Кириллу к себе, заспорили.

Воспользовавшись этим, Фандорин подошел к странице, тихо попросил:

— Узнайте у них, куда отправился юродивый. Вам они не откажут.

Кирилла ничего не ответила, даже не кивнула, будто не расслышала. И немудрено — так расшумелись почтенные писцы.

— Ко всем загляну, это для меня честь великая, — громко сказала она. И вдруг прибавила. — Только поведайте, отцы, куда отсель Лаврентий-блаженный пошел? Я его в Денисьеве видала. Большой силы муж.

Ей ответили сразу и охотно, в несколько голосов:

— Лаврентий он наверх пошел.

— К Зелень-озеру!

Члены экспедиции обменялись красноречивыми взглядами.

— Заночуем, и в путь, — сказал Евпатьев. — Коням нужно отдохнуть. Да и нам не мешало бы. Давайте ужинать, господа — всухомятку, потчевать нас тут никто не собирается.

На ночлег остались в книжнице — больше все равно было негде. Прошелся по домам за данью отец Викентий. Вернулся, мурлыкая песенку.

Крыжов с Кохановским тоже устроили обход — надеялись уломать дедов каждого поодиночке. Ради пущего соблазна, взяли с собой целых четыре портфеля. С ними и воротились. Позже всех, ведомая Полкашей, прибрела Кирилла. Потчевать ее попотчевали, однако ночевать у себя никто не оставил — грех. Странница с поводыркой расположились отдельно от мужчин, в сенях.

Все легли рано — в девятом часу. Рано и проснулись — в половине пятого, то есть по-зимнему еще глубокой ночью.

Евпатьевский кучер уже грохотал самоваром.

День предстоял трудный, оттого и спешили.

На Зелень-озере, из которого брала начало река Выга, стояло целых четыре раскольничьих деревни. Поди угадай, в какую из них отправился Лаврентий. А стало быть, придется объехать все четыре.

Кое-как, наскоро перекусили — и в путь.

Возвращение

Пять повозок выехали из безмолвного, будто вымершего Богомилова шумно — с конским ржанием, позвякиванием сбруи и звоном колокольцев. Река приняла вереницу саней в свое белое, мягкое русло, стиснула лесистыми берегами, и звуки сразу приглохли. Езда по свежему снегу получалась небыстрой, но опытный кормщик Крыжов даже в темноте знал, где наст пожестче; его лошадь проворно перебирала завязанными в кожаные мешки копытами, почти не проваливаясь, а остальным по проложенной колее было уже легче.

Сани урядника Одинцова шли последними, то есть занимали самую привилегированную позицию — иначе конь не утянул бы трех человек (японца Эраст Петрович на сей раз усадил с собой).

Правил Фандорин, сам вызвался. Когда едешь в хвосте, быть возницей дело нехитрое, знай только не отставай.

Впереди покачивался фонарик, подвешенный на задке евпатьевского экипажа — даже если налетит вьюга, все равно не собьешься.

И тем не менее последние сани понемногу начали отставать, чем дальше, тем больше.

Ульян, оживленно беседовавший с Масой о женской красоте (оказалось, что их вкусы удивительно сходны), заметил это не сразу. А когда посмотрел-таки вперед и увидел, что путеводный огонек едва различим во мраке, попенял нерадивому кучеру:

— Что ж вы, Ераст Петрович. Наддайте-ка. Да кнутом его, кнутом.

— З-зачем бить живое существо? — безмятежно ответил Фандорин и, вместо того чтоб хлестнуть животное, натянул вожжи, так что сани вовсе остановились.

Он прибавил что-то по-японски. Маса достал саквояж, начал в нем рыться.

Полицейский ждал, недоумевая, что за внезапная надобность вызвала эту остановку. И уж подавно удивился, когда слуга подал своему господину сигару и спички.

— Чего это вы?!

— Уф, до чего ж я устал быть с-старовером. — Эраст Петрович раскурил сигару и с наслаждением выпустил струйку дыма.

— Они ж не увидят, что мы отстали! — попытался втолковать ему Ульян.

— Раньше, чем станут на привал, нипочем не обнаружат, — согласился Фандорин. — А это когда еще будет. Но искать нас не станут — я Никифору Андроновичу на кибитку з-записку прицепил.

Урядник заморгал:

— Какую записку?

— Что мы возвращаемся в Богомилово. Сейчас вот докурю и повернем.

Потеряв дар речи, Одинцов уставился на безмятежного курильщика.

— А... а людей спасать? — наконец пролепетал полицейский.

— За тем и вернемся. Разве вы не приметили, что несчастья происходят *после* того, как мы покидаем очередную деревню? Я дал себя обмануть дважды. В третий — слуга п-покорный. Как развернуть вашего буцефала?

Он натянул правую вожжу — конь лишь недовольно мотнул головой. Натянул левую — послушался.

— Ага, он у вас приверженец левостороннего д-движения, — весело сказал Эраст Петрович. — В Британии ему пришлось бы худо.

— Черт, как это я сам не скумекал! Проверить надо! Деды эти мне тож не понравились!

Ульян отобрал у городского человека поводья, как следует стегнул — обратно помчали вдвое быстрей.

Не прошло и получаса, как из темноты выплыл пологий холм, над ним — острый силуэт церквушки, приземистых домов.

Уезжали из Богомилова шумно, вернулись тихо.

Коня привязали к кусту близ берега, сами пошли пешком, крадучись.

— Где сховаемся? — шепотом спросил урядник и сам себе ответил. — В книжнице, где еще. Поди, не успела простыть.

Сказано — сделано.

Не скрипнув ступеньками, не стукнув дверью, засели в горнице. Огня не зажигали. Маса расположился у окна с одной стороны, полицейский с другой, Фандорин с третьей (четвертая выходила на реку и высматривать там было нечего).

— Дай Бог, чтоб я ошибся, — вздохнул Эраст Петрович. — Пойдут закапываться — остановим. Ну, а если будет тихо, как-нибудь нагоним своих, ничего.

Тихо-то было тихо, даже слишком. Стариковский сон известно каков, но миновал седьмой час утра, восьмой, а ни в одном из четырех жилых домов не замечалось ни света, ни какого-либо движения. Правда, было все еще темно. Когда писчикам и побаловать себя поздним вставанием, если не зимой?

Фандорин на время отвлекся от тревожных мыслей, ибо оказалось, что ему очень повезло с окном — оно выходило на восток.

Небо в той стороне обнаружило невероятный талант к колоризму в манере старых венецианских мастеров: из черного сделалось синим, из синего голубым, из голубого бордовым. Потом малиновым, алым, оранжевым, и наконец над острыми верхушками елей вылезло солнце, похожее на яблоко, которое тащит на иголках еж.

— Заспались что-то деды, — сбил Фандорина с лирического настроения урядник. — Хвастали, что с первым светом за стол садятся, листы писать. А сами всё дрыхнут.

Вздрогнув, Эраст Петрович отшатнулся от окна, схватил с лавки шубу и выбежал на улицу.

Маса и Одинцов кинулись следом, причем каждый кричал:

— Что?! Что?!

— Нан да? Нан дэс ка?!

Но Фандорин был уже возле ближней избы. Громко постучал. Не дождавшись отклика, толкнул дверь.

Она открылась — в здешних краях запоры не в обычае, не от кого закрываться.

Весь дом состоял из одного-единственного помещения, почти голого, похожего на келью. Посередине непокрытый стол. На нем огарок свечи и листок бумаги.

Еще не взяв его в руки, Фандорин уже знал, что́ там.

Так и есть.

«Ваш новый устав и метрика отчуждают нас от истинной христианской веры и приводят в самоотвержение отечества, а наше отечество — Христос...».

Текст тот же, только почерк другой: затейливый, с «разговорами» и «крендельками». Чернила свежие. Рядом чернильница с воткнутым пером.

Скрипнув зубами, Эраст Петрович передал бумагу уряднику, бросился в следующую избу.

Там такая же картина: свеча, чернильница, предсмертная записка.

И в третьей избе.

И в четвертой.

Лишь формула отвержения написана всякий раз на свой лад — видно, что каллиграфы напоследок желали показать мастерство.

Самих книжников нигде не было.

— В деревню ушли, с родными прощаться, — задыхаясь от бега, предположил Одинцов. — Деды старые, ходят медленно. Догоним! А не догоним — все одно с-под земли вытащим!

И уж схватил в сенях лыжи, готовый сию минуту кинуться в погоню.

— Что ж вы, Ераст Петрович? Берите в любой избе лыжи! Спешить надо!

— Не пошли они в д-деревню, — быстро оглядываясь по сторонам, сказал Эраст Петрович. — Маса, ищи подпол или погреб! *Тика-о сагасэ!*

— Какой погреб? — всплеснул руками Ульян, весь дрожа от нетерпения. — На что писцам погреб? Им всё с деревни носят! А, ну вас! Я один!

И скатился с крыльца.

Подпола, действительно, не было — ни в этой избе, ни в остальных. Во дворах никаких признаков мины — ни разрытой земли, ни нор.

Фандорин и японец заканчивали осмотр церкви, когда вернулся Одинцов — запыхавшийся, по колено в снегу.

— Скоро ты обернулся. Что так? — оглянулся на него Эраст Петрович, простукивая пол у аналоя. Звук был глухой, безнадежный.

Полицейский мрачно смотрел на него.

— Я, может, и полудурок, но не дурак. Бежу через поле, вдруг примечаю: следов-то нет. Не пошли они в деревню. Ваша правда, Ераст Петрович. Здесь они где-то зарылись, пеньки упрямые.

— А я надеялся, что прав ты... — Фандорин потер пылающий лоб. — Тоже про следы на снегу подумал. На улице-то густо наезжено и натоптано. Но больше нигде, только цепочка от реки, как мы трое поднимались...

Маса полез на колоколенку, хотя там алчущим погребения уж точно делать было нечего.

— На небо что ль вознеслись? — развел руками урядник. — Иль под землю провалились?

— Под землю, под землю. Только к-куда? Мы всё тут осмотрели. Разве что... А, п-проклятье!

И снова, ничего не объяснив помощникам, Эраст Петрович бежал по деревенской улице, а Одинцов и спрыгнувший с лестницы Маса неслись за ним.

— Вы чего? — крикнул Ульян, увидев, как Фандорин поворачивает к книжнице. — Мы ж сами там сидели!

Не слушая, Эраст Петрович ворвался в горницу, завертел головой во все стороны и вдруг кинулся к стене, что была обращена к реке. Присел на корточки — там, под лавкой, едва различимая в полумраке, виднелась маленькая дверца в полу.

Откинул — вниз вели перекладины хлипкой лесенки.

— Маса, фонарь!

Один за другим полезли в темноту. Там пахло пылью и ладаном.

Сверху упругим мячиком спрыгнул Маса. Задвигал кистью, чтоб заработала батарея американского фонарика.

Пятно света заскользило по земляному полу, по бревенчатым стенкам, выхватило из тьмы суровый лик грубого иконного письма. За ним второй, третий.

— Потаенная молельня, — сказал Одинцов. — У нас в деревне тож такая была, под овином. Это чтоб было где молиться, если с города приедут, церкву поломают...

— Старики заранее всё решили! — перебил его Фандорин. — Мы своим приездом задержали их, но не надолго. Стоило нам уехать, и они сразу спустились сюда. Пока я, идиот, с-сигару курил. Потом еще восходом любовался, а они в это время под нами были, смерти ждали...

— Погоди, Ераст Петрович! — от волнения Одинцов перешел на «ты». — Нет же их тут! И потом, когда мы приехали, они сидели наверху, чинные, спокойные, обычную работу работали!

— А ты видел, что именно они п-писали? Может, как раз про «самоотвержение отечества»! Уехали мы — и они легли в могилу...

— Гаспадзин! — позвал Маса, светя фонариком куда-то вниз, под стену.

Там, вырезанный в бревнах, темнел дощатый люк. Все щели плотно законопачены мхом.

— Вот она, мина... — едва слышно, севшим от волнения голосом сказал Фандорин.

Тяжкая смерть

Изнутри люк был заперт на засов, но хватило одного рывка шести сильных рук, чтоб выдрать дверцу вместе с петлями.

В нос ударила удушливая волна спертого воздуха — вернее, полного *отсутствия воздуха*.

Несколько земляных ступеней вели вниз и вбок — мина была вырыта не под домом, а чуть в стороне.

Согнувшись в три погибели, Фандорин спустился первым.

Еще одна дверь.

Тоже тщательно проконопачена, но без запора — после легкого толчка с тихим скрипом открылась.

Дышать было очень трудно, хоть сверху и поддувало. На лбу выступила испарина.

Эраст Петрович подумал: вот он, запах Смерти. Смерть смердила мерзлой землей, выпитым до последней капли воздухом, оплывшим воском, мочой.

Маса сзади зажужжал своим фонарем, и пещера осветилась.

Она была крошечная, с чуланчик.

Низкий свод, обшитый досками, держался на одном деревянном столбике, к вершине которого сходились диагональные опоры — как спицы к ручке зонтика.

— Свети н-ниже!

Четыре неподвижных тела в черных саванах. Трое лежат навзничь, видно вышитые на груди восьмиконечные кресты. Но старые, морщинистые лица не благостны, а искажены страданием.

Четвертое тело скрючилось возле столбика, пальцы намертво вцепились в деревянную подпору.

Повсюду понатыканы свечи, их дюжины и дюжины. Ни одна не сгорела больше, чем наполовину: поглотили кислород, да угасли.

— Господи, прими души... — зашептал Одинцов, крестясь по-двоеперстному (должно быть, от потрясения забыл, что он давно не старовер). — Пустите, Ераст Петрович, их вынуть надо...

— Стой где стоишь! — остановил его Фандорин и показал на столб.

Тот был стесан в середине — будто бобер обточил — и держал на себе свод просто чудом. Малейший толчок — и подломится. Для устройства этой хрупкой конструкции потребовался точнейший расчет и немалое мастерство.

Урядник, уже наполовину влезший в склеп, застыл.

— Зачем это? — пробормотал он.

— Слыхал про легкую и тяжкую смерть? Вот эти трое задохнулись, приняли тяжкую. А подточенный столб — для тех, у кого не хватает сил вынести муку. Толкнешь подпору, и конец...

Маса осветил скрюченную фигуру. Это был востроносый писец — оказался самым живучим. Не вынеся муки, захотел *легкой* смерти. До столба дотянулся, да, видно, вконец обессилел, не смог обрушить кровлю. От него-то и несло мочой. Под ногтями грязь и кровь — царапал землю. Хорошо хоть лица под клобуком не видно...

— Тяжкая смерть, — передернулся Одинцов, пятясь назад. — Не приведи Господь. Плотник-то в Денисьеве свою семью пожалел, помните? Подломил опору...

Луч сполз с мертвеца, пошарил по земле, остановился на белом прямоугольнике, что лежал в стороне, с четырех углов обставленный свечами.

Эраст Петрович опустился на четвереньки и очень осторожно, стараясь ничего не задеть, вполз в мину. Протянул руку, подцепил листок и так же медленно, не сводя глаз с подточенного столбика, вернулся обратно.

— П-посвети-ка!

Бумага была плотно исписана старинными буквами — не каллиграфическими, как писали книжники, а простыми, почти печатными. Почерк тот же, как в предсмертных записках, обнаруженных в предыдущих минах.

Но текст другой.

С трудом разбирая, Фандорин стал читать вслух, по складам: «А в ино вре-мя спа-сал-ся аз в оби-тели некой, ста-ринным благо-честием свет-лой...»

Урядник матерно выругался — так, что от стен шарахнуло эхом, а подпора угрожающе скрипнула.

— Исправник! Шкура! Еще образованный! Ему бы, ..., свиней пасти! — уже шепотом доругивался Ульян. — Вы что, Ераст Петрович? Забыли? В Денисьеве я капитану такую ж бумагу с земли подал! А он начало зачел, скомкал, да выкинул!

В самом деле! Если б Фандорин не был всецело поглощен расшифровкой старославянской азбуки, то вспомнил бы и сам. Урядник тогда подал исправнику найденную в яме бумажку, но полицейский начальник обозвал ее «раскольничьей чушью» и отшвырнул.

Значит, перед тем как закопаться, самоубийцы оставляют не одно письмо, а два? Первое — для мира, из которого уходят, второе же для постороннего глаза не предназначено и забирается с собой в могилу!

Эх, если б это знать с самого начала!

Да что угрызаться. Лучше поздно, чем никогда.

— Идемте отсюда, на свету п-прочтем.

Зелень-озеро

Когда урядник возвращался из *большого* Богомилова, то есть из деревни, за ним шла целая толпа — прощаться со своими стариками. Там были и женщины, и дети, но никто не плакал. Может быть, от потрясения. Или не хотели выказывать чувств перед казенным человеком. Книжники — особый народ, ни на кого не похожи.

— Едем, Ераст Петрович. Пускай повоют всласть, — торопливо сказал Ульян, которому, казалось, самому было неловко за свою кокарду на шапке и пуговицы с орлами.

И то верно — нужно было скорей трогаться в путь.

Снега со вчерашнего дня не выпадало, проложенная экспедицией колея хорошо сохранилась, поэтому двигались быстро. После полудня, когда подтопленный солнцем наст затвердел, Фандорин и Маса стали поочередно вылезать из саней, бежали рысцой по часу, по полтора. Попробовал и Одинцов, но без привычки через версту выдохся.

Привал устроили всего один, и короткий, покормить коня. Нужно было во что бы то ни стало добраться до Зелень-озера прежде темноты.

И ничего, успели — аккурат с последним отсветом гаснущего дня.

Может, летом озеро и было «зелень», но сейчас, в послекрещенскую неделю, на нем не виднелось ни единого зеленого пятнышка. Широкая белая равнина да по краю голые черные деревья, причем ни одного хвойного.

Колея привела к плесу, над которым, подсвеченный закатным солнцем, торчал маленький бревенчатый дом.

— Охотники срубили, — объяснил Одинцов. — Отсюда по-зимнему четыре пути: налево по берегу — в Салазкино, направо — по берегу в Латынино, напрямки через озеро — в Бахрому, а наискось — в Бесчегду. Повсюду живут раскольники-беспоповцы, рыболовствуют. К кому из них наперед наши поехали — не могу знать.

— Если и п-поехали, то не все.

Эраст Петрович, прикрыв глаза ладонью, разглядел возле дома повозку — закрытую, квадратную. Кажется, евпатьевская.

Подъехали ближе, услыхали мерный стук и увидели знакомого кучера. Он колол дрова.

А потом на крыльцо вышел рослый мужчина в распахнутой на груди рубахе — сам Никифор Андронович.

Увидев, кто пожаловал, промышленник сурово насупился.

— Эк раззлобился, — вполголоса пробормотал Ульян. — Пожалуй, на порог не пустит...

Пустить пустил, но сразу объявил, что требует объяснений. В фандоринской записке сообщалось лишь, без каких-либо резонов, что ездоки последних саней приняли решение вернуться в Богомилово.

Но когда Никифору Андроновичу рассказали про случившееся несчастье, он дуться перестал. О преставившихся книжниках сказал без сантиментов — коротко и горько:

— Плохо это, хуже некуда. Деды эти большой авторитет имели. Их пример на многих подействует. Ох, Лаврентий, Лаврентий. Хорошо удар рассчитал...

А потом заговорил про своих спутников. Оказывается, прибыв на это место, где дороги расходились в четыре стороны, участники экспедиции решили разделиться.

Алоизий Степанович отправился в самое большое село, Бахрому.

Его помощник Крыжов поехал в Бесчегду.

Благочинный с дьяконом вызвались сходить на лыжах в Латынино.

Психиатр пошел пешком в ближнее Салазкино, к которому вела хорошо утоптанная тропа.

— А я решил остаться здесь, — закончил недолгий рассказ Евпатьев. — Жду, чтобы старосты, все четверо, сюда пожаловали. Будем вместе решать, как людей от беды уберечь.

— Толково, — одобрил урядник. — Вдали от своих деревенских старосты посговорчивей будут.

Эраст Петрович спросил:

— А д-дамы где?

Усмехнувшись на слово «дамы», Никифор Андронович ответил:

— Распрощались с нами. У Кириллы свой маршрут. Пошла через лес к Старосвятскому скиту.

— Кто там живет?

— Никто. Раньше старицы обитали, да уж лет десять, как последняя померла. Но место почтенное, богомоль-

ное. Там часовенка Параскевы Пятницы, покровительницы семейного мира и детского здоровья. Бабы любят туда своих ребятишек водить. Вот и Кирилла девочку повела. Вернее, девочка ее... А что намерены предпринять вы, господа?

— Что до меня, буду читать про овец. — Фандорин сел к столу, придвинул поближе керосиновую лампу и вынул из кармана грамотку. — Читать и д-думать.

— Про каких еще овец?!

— Про б-белорунных. Интереснейший документ. Я его прочел наскоро, один раз. Теперь хочу изучить как следует. Читаю вслух. Будьте внимательны. Я полагаю, что в этом тексте к-ключ.

Ключ

«*А в ино время спасался аз в обители некой, старинным благочестием светлой,* — приступил к чтению Фандорин, предварительно разъяснив, откуда взялась бумага — такая же, как в денисьевской мине. — *Бысть обитель сия крепко устроена, богата пашнями и скотами, а пуще всего овцами белорунными. И дал мне отец игумен послушание пасти стадо овечье, числом обильное. И в один день, утрудившись за тем стадом доглядывать, присел аз у дерева дуба, и уснул, и видел сон. Привиделась мне земля у добра праведных...*».

— Какая-какая? — переспросил напряженно слушавший Одинцов.

— «Земля у добра праведных», — повторил Эраст Петрович, пожав плечами. — Не знаю, что это означает.

Евпатьев нетерпеливо воскликнул:

— Да читайте же дальше! Мне этот текст знаком. После расскажу. Читайте!

— «...*Привиделась мне земля у добра праведных. И сделалось мне томно, так-то страшно. Будто сижу аз на большом лугу, близ темного леса и сплю, а овцы мои разбрелись кто куда. И снится, будто вскинулся аз ото сна и*

вижу — беда. Овцы мои белые кто где. Одни у самой опушки, и от тени дерев руно их потемнело. Иные уже в самой чаще, и несутся оттуда крики и блеянье, ибо дерут моих агнцев волчищи. А солнце уж низко, того гляди зайдет, и выскочат волки из лесу, и все мое стадо задерут.

Напал на меня страх велик, забегал аз по полю, а что делать? Не собрать мне овец, далеко и широко разбрелись.

Вижу близь малую толику — баран, овца да ягненок. Выгнал на дорогу, хворостиной стегнул — побежали, слава Господу. Спасутся.

Другую толику есте нашел, тож погнал...».

— Опять непонятно, — теперь уже сам прервал чтение Фандорин. — Что такое «есте нашел»?

— «Есте» на современном языке так и будет — «есть», от глагола «быть». Какая-нибудь утраченная грамматическая форма, я не специалист, — сказал Никифор Андронович. — А может, просто ошибка писца. Это часто бывает: один опишется, а все последующие старательно копируют, потому что иначе — грех.

— Дальше опять невразумительно: «За нею глаголя и третью».

— Ну это-то ясно. «Глаголя» — в смысле «разговаривая», «приговаривая». Не останавливайтесь, читайте.

— *«...За ней глаголя и третью. И еще за одною полуиже поспел. А больше, зрю, не поспеть. Солнце до половины за лес утопло, волки с волчихами из-за дерев щерятся, много их, а попереди всех Волк-Антихрист, и крыж у него во лбу, а имя тому Антихристу — Зуд. Погибель настала! Что отцу игумену скажу, как спросит: «Где стадо мое?»*

И пал аз, грешный, на колени и закрыл очи, чтобы не землю, а Небеса увидеть. Замолился Богородице: защити, научи, Дево, как агнцев белых спасти?

Сжалилась Пречистая, речет мне с золотого облака: «Белых не спасешь, беленьких спасай».

Поднялся аз, спустил собак своих, пса и псицу. Пес убоялся рыка волчьего, поджал хвост и прочь утек. Псица же не устрашилась, беленьких мне с поля собрала, и погнал аз беленьких в обитель, а за мной крик и плач бысть велик — то волчищи остатнее стадо драли.

И вышел ко мне игумен, и спрашивает: «Скажи, инок, где большое стадо мое?»

Повалился аз в ноги, плачусь: «Грешен, господине, слаб, недостоин. Кого поспел из белых, пригнал, числом весьма немногих, да еще беленьких, а прочие пропали».

И рек игумен: «Меленьки да беленьки, на крыла да в ангели».

И простил меня, и благословил».

— Больше ничего. К-конец. И на обороте пусто. Ну, Никифор Андронович, что скажете?

Евпатьев уверенно заявил:

— Ничего тайного в этой записи нет. Отрывок из «Видения старца Амвросия», довольно известного памятника петровской эпохи. Амвросий — один из духовных чад протопопа Аввакума, биографические данные крайне скудны. Судя по тому, что «Видение» написано простым, разговорным языком, это был человек без церковного образования, из мирян. Списков этого сочинения существует много. Как я уже сказал, в них встречаются разночтения и просто непонятные места. Позвольте взглянуть?

Никифор Андронович взял грамотку, внимательно рассмотрел.

— Переписано недавно. Есть небрежности, чего у нынешних профессиональных писчиков не бывает. Например, имя Волка-Антихриста «Зуд» без твердого знака на конце... — Он вернул листок. — В общем, должен вас разочаровать. Ничего эзотерического. Сон Амвросия про белых овец и волчищ мне знаком еще с детства. Это поэтичная аллегория про долг пастыря беречь свою паству от Лукавого.

— А что означает метафора про сбежавшего пса и смелую п-псицу?

— Известно, что традиция староверия на бабах держится. Во времена Амвросия было иначе, но на то он и провидец, чтоб в будущее заглядывать... Ну, а что самоубийцы этот список с собой в мину берут, неудивительно: они ведь верят, что сбежали от волчищ в светлую обитель.

— Значит, никакого проку от этой бумажки не будет? Тьфу ты! — плюнул урядник и устало опустился на лавку.

Замолчали.

Эраст Петрович отошел к окну, за которым, в унисон его настроению, быстро сгущались сумерки. Достал из кармана старые зеленые четки, ритмично защелкал камешками.

Маса наблюдал за своим господином с тревогой и надеждой. Евпатьев хотел еще что-то сказать, но японец зашипел на него, приложив палец к губам.

Пожав плечами, Никифор Андронович взял со стола красивую серебряную фляжку, отпил из горлышка.

— Рому не желаете? Устали, поди, с дороги, — предложил он.

Фандоринский камердинер снова издал сердитый звук, но поздно — дедуктивный процесс был нарушен.

— Что, п-простите?

Обернувшись, Эраст Петрович рассеянно взглянул на промышленника.

— Разве ваша вера не возбраняет спиртного?

— Винопитие — грех, но простительный. Не то что курение сатанинской травы, — улыбнулся Евпатьев, очевидно, желая ободрить расстроенного собеседника. — Отопьете? Настоящий старовер не стал бы с вашим братом еретиком из одной посудины пить, но я рискну, — в том же тоне продолжил он.

На фляжке поблескивала золоченная монограмма:

— «Н.А.» — понятно. А почему «М»? — все так же рассеянно спросил Фандорин, беря ром. — Ведь ваша фамилия на «Е»?

— Это не инициалы, — объяснил Евпатьев. — Это число. Видите сверху крышечка? Она называется «титло». Буква «мыслете» с титлом означает «40». Приказчики на сорокалетие преподнесли.

— «Мыслете»? — повторил Фандорин. И еще раз. — Мыслете? Вот именно! Мыслить надо, а не...

Он схватил грамотку, впился в нее глазами.

— Ну к-конечно! Это цифры!

— А? — вскинулся Одинцов.

Маса тоже весь подался вперед:

— Цифуры?

— О чем вы? — обескураженно уставился на фляжку Никифор Андронович.

— Что такое буква «добро» на цифирный счет? — быстро спросил Эраст Петрович, не отрываясь от листка.

— Четыре.

— ...Так, здесь указано п-прямо... А «есте» — это сколько?

— Пять.

— Сходится! А «глаголя»?

— «Глагол» — это три. Да в чем, собственно...

— А «иже»? Это тоже цифра?

— Да. Восьмерка.

— Значит, «полуиже» — четыре! Так вот в чем дело! Только про «д-добро праведных» неясно...

К Фандорину бросились с трех сторон. Евпатьев и Одинцов, захлебываясь от волнения, задавали вопросы. Маса просто смотрел в глаза — но с таким страстным нетерпением, что Эрасту Петровичу стало совестно.

— Извините, господа. Сейчас объясню, что понял. А дальше пойдем вместе... — Он вытер чудесным платком с борцами сумо вспотевший лоб. — Я был прав. В этом фрагменте, действительно, ключ. Не то инструкция, не то пророчество. Вернее всего пророчество, которое некто воспринял как инструкцию и руководство к действию...

— А попонятней нельзя? — взмолился Никифор Андронович.

— Все слова, которые кажутся в тексте лишними, представляют собой простейший шифр. В своем видении старец Амвросий сначала спасает *малую толику* стада — барана, овцу и ягненка. То есть родителей и ребенка — как в Денисьеве, где самопогреблись плотник, его жена и младенец. Потом сказано: «*Другую толику есте нашел, тож погнал*». «Есте» — это цифра пять. В деревне Рай в мину легли пятеро. «*За ней глаголя и третью*». Глагол — тройка! Это про деревню Мазилово, где погибли трое: староста с женой и их дочь. Далее в «Видении» идет: «*И еще за одною полуиже поспел*». Полу-«иже» — половина от восьми, то есть четыре...

— Тетыре дедуськи! — воскликнул Маса, не сводивший с господина восторженных глаз.

— Дайте! — выхватил у Фандорина листок Евпатьев. — ...Действительно! Поразительное совпадение. Всё по пророчеству! Но что означает...

— Минуту! — перебил его Эраст Петрович, сам не замечая, что его пальцы стремительно отщелкивают нефритовыми четками. — «*У добра праведных*» — это у четырех праведных, то есть староверческих деревень! Как здесь, на Зелень-озере.

— А я вам еще кое-что прибавлю. — Никифор Андронович ткнул пальцем в грамотку. — Что это по-вашему? Вот здесь, перед прозванием Волка-Антихриста? Видите закорючку? Когда вы читали вслух, ничего про нее не сказали, да и я проглядел.

Фандорин посмотрел на странный значок ✕, предшествующий имени «Зуд».

— Я решил, что это п-помарка...

— Нет, не помарка! — Теперь настал черед Евпатьева блеснуть. — Так пишется знак «тысяча». ✕ЗѢД — это число 7404. Погодите, погодите... Вот вам и разгадка! Антихриста зовут «7404». Понимаете вы это или нет? — вскричал промышленник, явно потрясенный собственным открытием.

— Нет, не п-понимаю...

— По древнерусскому календарю, с 1 сентября у нас настал 7404 год от сотворения мира! Перепись совпала с пророчеством! Вот отчего они все под землю-то лезут!

Побледневший Фандорин тихо поправил:

— Не все. Толкователь пророчества посвящал в эту тайну лишь избранных. Давал список, разъяснял смысл. Так он «спас» троих, потом пятерых, потом еще троих и напоследок четверых. Те, кого он наметил, безропотно пошли в м-могилу. Да еще наверняка были горды, что удостоились попасть в малое число спасенных ... Но остались еще какие-то «беленькие», которых Амвросий гуртом довел до обители. Кто это? Почему они особенно дороги «отцу игумну», то есть Господу? По кому будет нанесен следующий удар?

— Возьмем юрода — сам скажет, — грозно тряхнул чубом урядник. — Здесь он где-то, Лаврентий этот чертов. «У добра праведных». Ништо, найдем! Не уйдет! С озера ему боле податься некуда! Я сам на лыжи встану, по всем четырем...

Эраст Петрович с досадой остановил его:

— Помолчи, Ульян! Не того искать хочешь! Лаврентий здесь не п-при чем.

После этих слов в избе снова стало очень тихо.

Белые, черные и беленькие

— Мы думали, что гонимся за разносчиком з-заразы, а на самом деле несли ее сами. Беда шла не впереди нас, а по нашим следам. Разве не так? Приезжаем в новую деревню, там мир и покой. Стоит нам уехать, туда врывается смерть. Помните, доктор назвал нашу пеструю компанию «санитарно-эпидемическим отрядом»? Первую половину определения нужно выкинуть — наш отряд был просто *эпидемическим*, то есть распространял эпидемию...

— Погодь, погодь, Ераст Петрович! — воскликнул оторопевший урядник, как обычно, в минуту крайнего волнения переходя на «ты». — Ты к чему ведешь-то?

— Толкователь п-пророчества (пока назовем этого человека так) был среди нас.

Никифор Андронович фыркнул:

— Ну уж это... Черт знает что! Кто же, по-вашему, сия староверческая Кассандра? Кирилла, что ли?

Подумав, Фандорин покачал головой:

— Нет, не годится. Вы говорите, она направилась в пустой скит. Как его...?

— Старосвятский.

— Да, Старосвятский. Но там никто не живет, а «спасителю овец» нужны новые жертвы — п-пресловутые б-беленькие. Провокатор, сеющий смерть, вовсе не обязательно старообрядец.

— Ераст Петрович, не томи. Скажи, кто, — попросил Ульян.

— Да любой! Например, Лев Сократович К-Крыжов, поминающий Сергея Геннадьевича, чьим единомышленником он, судя по всему, является...

— Какого Сергея Геннадьевича? — не понял Евпатьев.

— Нигилиста Нечаева. Того самого, кто тридцать лет назад Русь к топору звал и «Катехизис революционера» составил. Я этот замечательный д-документ наизусть помню, потому что он еще немало бед наделает. «Революционер в глубине своего существа разорвал всякую связь со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира. Он для него — враг беспощадный, и если он продолжает жить в нем, то только для того, чтобы его вернее разрушить». Или, уж совсем напрямую: «У товарищества нет другой цели, кроме полнейшего освобождения и счастья народа, то есть чернорабочего люда. Но убежденные в том, что это освобождение и достижение этого счастья возможно только путем всесокрушающей народной революции, товарищество всеми силами и средствами будет способствовать развитию и разобщению тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному восстанию». С точки зрения нигилиста любое потрясение, выводящее народную массу из равнове-

сия, приближает великий бунт. Чем хуже народу, тем быстрей даст течь корабль государственной власти, который Крыжов называет «кораблем д-дураков»...

— Точно! Крыжов это! — закричал полицейский. — Тут давеча господин ротмистр из Охранного занятию проводил, про революцьонеров-нигилистов разобъяснял. Они — собаки бешеные, державу погубить хотят!

Евпатьев сделался очень серьезен:

— Хм, а в самом деле... Крыжов во всех деревнях бывал неоднократно. Местные жители его знают, имеют к нему доверие! Нужно немедленно в Бесчегду!

— П-постойте. Не нравится мне и наш психиатр, Анатолий Иванович Шешулин. Сам его приезд из столицы довольно подозрителен — прямо к очагу самоубийств, которые он с непостижимой прозорливостью предсказал. Я наблюдал за этим человеком. Он одержим очень сильным бесом, имя которому честолюбие, причем в одной из самых болезненных форм — честолюбие научное. Уж не поддался ли доктор соблазну слегка *п-помочь* своему прогнозу? Не за тем ли и приехал? Ему с трудом удавалось скрыть радость всякий раз, когда появлялись новые жертвы. Это раз. Не будем игнорировать и гипнотические способности Шешулина, которые он продемонстрировал во время припадка Лаврентия. Анатолий Иванович — исследователь механизма внушаемости. Это два. Ну и третье. Почему этот блестящий психиатр, без усилия подчинивший юродивого своей воле, ни разу не попытался дезавуировать ложную версию, которой мы руководствовались? Ведь он должен был после того случая понять, что блаженный относится не к числу внушающих, а к числу внушаемых, и, значит, мало подходит на роль возмутителя душ.

— Верно, верно! — стукнул кулаком по столу Никифор Андронович. — Он и мне с самого начала не понравился. «Я предсказывал! Надо мной смеялись! Мой доклад в Петербурге станет сенсацией!» А какой у него взгляд? В самую душу вбуравливается!

Урядник схватил шапку.

— Господа хорошие, время теряем! Куды он двинул? В Салазкино? Это пять верст всего. Мы его, иуду, прям щас возьмем!

— Или вот тоже б-благочинный, — задумчиво продолжил Фандорин, не обращая внимания на Ульяна. — Если действовать по принципу «ищи, кому выгодно», то отец Викентий — лицо, чрезвычайно заинтересованное в распространении эпидемии. Сейчас он влачит жалчайшее существование. Пастырь без паствы, мелкий вымогатель, самый презираемый с-субъект во всей округе. Он должен люто ненавидеть старообрядчество и старообрядцев. Что это за странный объезд? Неужели только из-за поборов? Вы заметили, что в каждой из деревень он отправлялся по домам — *с наставительной беседой?* А может быть, чтобы показывать «Видение» и пугать им тех, кто посуеверней? После того как весть о стерженецких самоубийствах разнесется по России, начальство наверняка примет самые суровые меры к искоренению в этих краях раскола. То-то отцу Викентию будет раздолье.

— Правда! Поп этот — всем нам первый враг, — горячо подтвердил Евпатьев. — Он больше всего чего боится? Что в нашем старообрядстве возобладает разумное, организованное начало. Что народ обратится из беспоповства к староверию цивилизованному, со своими священниками и епископами. Тут ему, кровососу, конец. Нет, Крыжов и Шешулин — люди просвещенные, а тут чувствуется поповская, иезуитская метода!

— Еще дьякон этот при нем, — подхватил урядник. — Вроде лопух лопухом, а всюду шныряет, вынюхивает. Ушки на макушке, зенками так и постреливает. Если это поп гадит, то Варнава ему способствует. Я знаю, как надо! Меня учили. Следоват их обоих взять и поврозь допросить. Коли завиляют, собьются, зачнут разное врать — тут им конец.

Никифор Андронович с тревогой сказал:

— Они в Латынино пошли. Я предлагал мой возок взять, кучера давал — не захотели. Мы, говорят, на лыжах. Не больно-то раньше благочинный любил попусту брюхо растрясать.

— А латынинцев у нас белоголовыми дразнят! — вспомнил вдруг урядник. — Они и вправду сильно белобрысые все. Они и есть «беленькие»! Это попы за ними пошли! Едем, господа, скорей!

— Митька! — громко крикнул кучеру промышленник, приоткрыв дверь. — Запрягай! Да поживее!

— Кстати о Митьке... — все тем же тоном произнес Эраст Петрович, и промышленник замер. — Тоже и ваш кучер — чем не кандидат? За все время пути я не слышал от него ни единого слова. Неприметен, прячет г-глаза, явно старается не привлекать к себе внимания. Когда приезжаем в очередную деревню, куда-то исчезает. Потом так же внезапно появляется. Что он за ч-человек? Набожен? Старинные книги читать любит?

— Как большинство старообрядцев, — растерянно пробормотал Евпатьев, прикрыл дверь и опустился на лавку. — Господи, всех, что ли, подозревать?

Дальнейшая дедукция шла уже сама, без непосредственного участия замолчавшего Фандорина, который снова взял в руки грамотку.

— Статиста главного забыли! — спохватился урядник. — А его забывать не след!

— Кохановский? Да брось! — Никифор Андронович рассмеялся. — Нашел злодея! Чем он тебе не потрафил?

— Юдей! Они Христа распяли и на хрестьян злобствуют!

— Кто иудей? Алоизий Степанович? С чего ты взял? Да ты живого еврея в глаза не видывал!

— Я, может, и не видывал, а господин ротмистр из Охранного нам инструкцию давал. У еврея волос черный, носище вот такой и непременно стеклы на носу. Вылитый Кохановский и есть. Имя опять же подозрительное — Алоизий.

— Подумаешь! Если б Яков, Борис, или там Семен — это да. А то Алоизий. Я думаю, он из поляков.

— Тож хорошего мало.

Пока они спорили по поводу национальной принадлежности Кохановского, между Фандориным и Масой состоялся разговор по-японски.

— Господин, священника с Барунаба-сан и статистика с помощником следует исключить из числа подозреваемых. Они приехали в самую первую деревню одновременно с нами. К этому времени там уже погибли три человека. Кто-то предложил им стать «белыми овцами», и они согласились. Вот доктор Сесюрин — другое дело. Он был в деревне. И эти двое, между прочим, тоже...

— Я думал про это. Но никого исключать нельзя, — вздохнул Эраст Петрович. — И благочинный, и статистики часто бывают в этих краях. Могли закинуть крючок и раньше.

Промышленник с полицейским замолчали, глядя друг на друга тяжелым взглядом. По-японски они не понимали, но, кажется, пришли к тому же выводу, что Маса.

— А тебе, Никифор Андроныч, тоже веры нет, — недобро улыбаясь, молвил Одинцов. — Тебе беспоповские раскольники давно кость в горле. Хочешь всех в поповцы переписать. Сколько разов сам говорил, и в газете твоей что ни день про то ж пишут. Мужик ты башковитый, дальнего ума. Часом не задумал обчество от старцев, шептунов да блаженных разом в свою сторону повернуть? Куды как ловко!

— Ты что несешь, скотина! — ахнул Евпатьев. — Может, это ты провокатор и есть? С тебя, сумы переметной, станется! Для старовера нет хуже врага, чем отступник! Идейка эта подлая Охранным отделением смердит! Под веру нашу подкоп ведете? Я знаю! Это тебя ротмистр подговорил, про которого ты всё поешь! Признавайся, иуда!

Промышленник схватил полицейского за грудки, Ульян его за ворот, и в следующую минуту непременно свершилось бы насилие, если бы не Маса.

Японец легонько стукнул урядника ребром ладони по локтю — рука у Одинцова онемела и повисла. С капиталистом Маса обошелся чуть деликатней: стиснул запястья, и пальцы Никифора Андроновича разжались сами собой.

— Берых овец у нас нету, — миролюбиво сказал азиат. — Вусе чёруные.

Порядок был восстановлен. Драчуны все еще тяжело дышали, но больше друг на друга не кидались, а Никифору Андроновичу, по всей видимости, было еще и стыдно: как это он, солидный человек, предприниматель, владелец газеты опустился до стычки с нижним чином.

— Что-то Митька никак с дровами не закончит. Надо печку затопить, холодно. К ночи примораживает... Хм-хм. — Евпатьев покашлял, посмотрел вокруг. — А девочка Кириллина шарф забыла...

Он поднял с пола драную шерстяную тряпку, которую можно было назвать «шарфом» лишь весьма условно.

— Не простудилась бы. Шейка-то худенькая. Искус искусом, но могла бы Кирилла поводырку и потеплее одевать. До скита путь неблизкий, а на девочке обноски да опорки...

— Я заметил, вы никогда не называете Полкашу по имени. Почему? — спросил Фандорин, подняв глаза от грамотки.

— Что ж это за имя?

— Я думал какое-нибудь старинное, с-староверческое.

Евпатьев обиженно качнул головой.

— Хорошего вы о нас мнения. Мы людей по-собачьему не называем! Это девочку для поношения так нарекли, временно. Полкан — полковой пес. Так обзывали раскольника, который своей волей шел на государеву службу, в солдаты или в полицейские. — Он покосился на Одинцова. — Полкашка — кличка нарочито зазорная. Чтоб девочка смирению училась. Гнусный обычай! Я считаю, что через унижение человека ничему научить...

— Псица! — воскликнул Эраст Петрович.

— Что?

— Здесь сказано: *«Псица же не устрашилась, беленьких мне с поля собрала»*. О Боже... Неужели...

Он передернулся.

— Кирилла?! Кирилла!? — в голос закричали промышленник и полицейский.

И Маса тоже взвизгнул:

— Кирира-сан?!

— Обе. Они действовали вдвоем. Но не в том дело... — Эраст Петрович ударил себя кулаком по лбу. — Раньше нужно было! ...Господа, я знаю, кто это — «беленькие»! Пока Кирилла ходила по домам и беседовала со взрослыми, ее псица обрабатывала детей. Я видел это собственными глазами и не придал значения! Т-турист .....! — употребил он нецензурный эпитет, что во всю жизнь случалось с бывшим статским советником не более шести раз. — Вот как истолковала Кирилла слова Отца Игумена: *«Меленьки да беленьки, на крыла да в ангели»*. Всех взрослых все равно не «спасти», так хоть невинных детей! Потому и поводырку собачьей кличкой нарекла! И еще... Опять-таки следовало сразу сообразить. «Обитель, древним благочестием светлая» — это же и есть Старосвятский скит. Почти полностью совпадает! Сколько времени зря потеряно! Только б успеть! Наверняка у них и день, и час заранее сговорен!

Толкаясь плечами, четверо мужчин бросились к двери.

Пение ангелов

— Не могу поверить... — Евпатьев остановился, хватая ртом воздух. Вытер со лба пот. — Это какая-то дьяволица! До чего виртуозно она меняла обличье, попадая в новую среду! С нищими в Раю была благостна, с лубошниками шутила, книжников проняла ученостью... А нам как морочила голову! Честно признаюсь: она мне чрезвычайно нравилась...

— Мне т-тоже, — признался Фандорин. — Что уж говорить про бедных «овец». Талантливая женщина. Дьяволица? С нашей точки зрения — да. Но она смотрит на мир иначе.

Одинцов сердито оглянулся на них:

— Что встали? Не время языки чесать. Вперед, вперед!

Возок довез их до леса, дальше пришлось идти на лыжах, по следам: одни побольше, с ямками от посоха, другие поменьше, да еще широкая, неровная полоса, про-

метенная рясой странницы — будто по снегу проползла огромная змея.

Масе лыж не хватило, да он и не умел на них ходить. Однако оставаться с кучером Митькой не пожелал: упорно ковылял сзади, проваливаясь по колено.

— Один побегу! — пригрозил урядник, шедший первым. — А, ну вас!

И, быстро перебирая ногами, скрылся в мраке. Хорошо ему — привык шастать по зимнему лесу, городским за ним было не угнаться.

— Далеко еще? — спросил Эраст Петрович, светя перед собой фонариком.

— До скита? Ульян говорил, на лыжах с час будет. Кирилле понадобилось вдвое дольше. Тем более с повязкой на глазах... И все же они должны были туда добраться засветло. Ульян прав. Поспешим!

Только Маса дотащился до своего господина, только сел в снег передохнуть, только сунул в рот леденец, а лыжники уж снова сорвались с места.

Хоть двигались куда медленней Одинцова, а все же, не прошло получаса, догнали.

Сначала услышали доносящуюся из темноты ругань, потом увидели самого полицейского. Он хромал на одной лыже, вторую, сломанную, использовал в качестве костыля.

— Ведьма! Тропинку заколдовала! На ровном месте споткнулся! Лыжа треснула, да еще щиколку подвернул, — плачущим голосом пожаловался он. — Опоздаем, сызнова опоздаем!

Обогнали его, прибавили ходу.

Плохо, что снег повалил. Две цепочки следов с каждой минутой делались все неразличимей. Совсем заметет — придется останавливаться, ждать Одинцова. Он один знал, как лесом выйти к скиту.

Но вот деревья начали редеть, луч фонаря уперся в пространство, расширился и поблек, ничего не выхватив из черноты.

Поляна!

Следы повели прямо вперед и через десяток метров растаяли — на открытом месте снег застилал землю быстрей, чем в лесу.

Лыжники остановились.

— Там он, там! Близко уже! — донесся сзади крик Одинцова.

Урядник догнал их, шумно перевел дух.

— Вон часовня торчит! Давай, давай!

Меж белых хлопьев, действительно, проглядывало что-то темное, вытянутое вверх.

— Где их искать? Г-где может быть мина?

Эраст Петрович во все стороны светил своим электричеством. Евпатьев запалил прихваченную из охотничьего домика лампу. Ульян снова нырнул во тьму.

— Я все думаю: а может, вы ошиблись? — с надеждой спросил Никифор Андронович. — Насчет детей, а? Ну подумайте сами, как бы они сюда добрались из своих деревень? Мы на санях вон сколько ехали.

Фандорин лишь вздохнул.

— Я спрашивал про это у Одинцова. Он говорит — запросто. Река вьется, делает изгибы. По ней сюда из Денисьева полтораста верст. А лесом, напрямую, сорок — сорок пять. Из остальных селений еще ближе. Для местных ребятишек, привыкших к ходьбе на лыжах, не расстояние. Сколько их заманила сюда «псица» — вот в чем воп...

— Есть! Нашел! — раздался крик из темноты. — Сюда!

Евпатьев так рванулся с места, что потух огонек в лампе. Фандорин забыл качать рычаг — фонарик погас.

Но впереди вспыхнуло яркое пламя — это урядник поджег еловую ветку, сделав импровизированный факел.

Стало видно часовню, притулившуюся к отвесному склону лесистого холма. Прямо посреди обрыва, на уровне земли темнела маленькая дощатая дверца.

По обе стороны от нее, присыпанные снегом, лежали лыжи и санки.

Их было много, десятки.

— Тссс! — цыкнул Ульян, прижимаясь ухом к дверце.

Эраст Петрович подошел ближе и услышал едва различимое пение.

Чистые, ангельские голоса доносились откуда-то издали, будто из самых недр земли.

— Господи! Живы! — прошептал Никифор Андронович и не выдержал, всхлипнул. — Что стоишь, Ульян? Заперто? Так вышибай!

Фандорин схватил изготовившегося к разбегу урядника за плечи, отшвырнул в сторону — тот упал в снег.

— Не сметь! А если мина подготовлена по всем правилам? З-забыли про «легкую» смерть? Стойте тихо. И, что бы ни случилось, внутрь не лезьте.

Он шагнул к двери и осторожно постучал.

Потом позвал:

— Мать Кирилла!

Громче:

— Мать Кирилла! Это я, Эраст Петрович Кузнецов!

Пение смолкло.

— Дозволь и мне, матушка! Допусти! — проникновенно попросил Фандорин, делая рукой отчаянные жесты помощникам: спрячьтесь, спрячьтесь!

Полицейский затоптал горящую еловую ветку, и оба шарахнулись в стороны. Их поглотили темнота и снегопад.

Ответа изнутри не было, и Фандорин снова закричал, но уже не с мольбой, а с угрозой, да еще истеричности в голос подпустил:

— Пусти! Что ж, вы спасетесь, а я пропадай? Грех, матушка! Я тебя из огня вытащил, а ты меня в геенне бросаешь! Открывай! Все одно не отступлюсь!

Из-за двери донесся шорох.

Он приготовился.

Схватить ее, выдернуть наружу — это главное. Евпатьев и Одинцов как-нибудь с ней справятся. Самому же быстрее, пока дети, не поняли в чем дело, добраться до подпиленного столба, если он тут есть.

Щелкнул засов. Заскрипела дверь.

Эраст Петрович занес правую руку, в левой держал фонарь, и уж начал потихоньку подкачивать пружину. Как найти столб, если внутри темно?

Дверь отворилась.

Легкая смерть

Руки пришлось опустить — обе.

Правую, потому что открыла не Кирилла, а Полкашка.

Левую, потому что фонарик был ни к чему — внутри горели свечи. Много.

— Пожалуйте, — поклонилась гостю нищенка.

Хотя нет, она больше не выглядела оборвашкой. Косы расчесаны, украшены бумажными розочками. Нарядное вышитое платье. На шее бусы. Худенькое личико сияет торжественным экстазом.

Пригнувшись, он вошел в тесный, пахнущий землей проход.

Сзади скрежетнул засов.

— Сюда, сюда пожалуй, — позвал Кириллин голос.

За коротким проходом располагалась круглая пещера — такая же низкая, но довольно широкая. В темноте определить было непросто, но, пожалуй, диаметром футов в двадцать.

Посередине, как и опасался Фандорин, торчал деревянный столб. В центре он был очень сильно подточен — не толще карандаша. Непонятно, как могла такая хилая опора удерживать обшитый досками и подкрепленный косыми поперечинами потолок. Эту конструкцию явно соорудил мастер своего дела.

Мина была обустроена куда основательней, чем та, которую Эраст Петрович видел в Богомилове. Видно, ее заранее вырыли для *спасения* «беленьких».

Свечи не воткнуты в землю, а расставлены по полочкам, в подсвечниках. В углу киот с лампадкой. Повсюду гирлянды из бумажных цветов.

Но Фандорин пока еще не успел толком разглядеть всю эту красоту. Он внимательно изучил роковой столб, и лишь потом перевел взгляд на Кириллу и детей.

Они и вправду были «беленькие»: девочки в белых платочках, мальчики в белых рубашках. Со всех сторон к

Фандорину были обращены маленькие лица, множество мерцающих глаз — будто еще несколько десятков свечей.

Полкашка потрудилась на славу. На земляном полу, тесно прижавшись друг к другу, сидели двадцать восемь мальчиков и девочек. Некоторые совсем малыши — их, наверное, привезли на санках старшие братья или сестры. Чтоб спасти от Антихриста...

Оглядев детей и пересчитав их (с Полкашкой, стало быть, выходило двадцать девять), Эраст Петрович, наконец, сосредоточился на главном персонаже.

Она без повязки! Вот первое, что его поразило.

Кирилла была в своей обычной рясе. Не нарядилась, не разукрасилась, но черную тряпку с глаз сняла.

Какой у нее был взгляд! Прямой, властный, переливающийся расплавленной сталью.

— Нашел? — ласково сказала Кирилла. — Умный, я сразу поняла. Это тебе сердце подсказало. Повезло тебе, спасешься. Сядь вон туда, в угол. Сядь.

Ее голос и взгляд явно обладали гипнотической силой — у Эраста Петровича слегка закружилась голова, мышцы обмякли, и неудержимо захотелось сесть, сесть именно туда, куда показывала сказительница.

На миг сомкнув веки, он стряхнул вялость.

Сесть в угол или нет?

— Дозволь с тобой рядом, м-матушка.

Только бы разрешила! Тогда задача облегчится.

Отрадное обстоятельство: Кирилла сидела не рядом со столбом, а чуть поодаль. Если оглушить ее внезапным ударом по шейному позвонку, подломить не успеет.

— Ну, садись напротив, — легко согласилась она. — С умным человеком и поговорить приятно. Ишь, вошел — воздуху напустил, на лишний час, коли не больше. Собаченька моя, — мягко попросила она Полкашку, — нутко еще свечек подбавь. Быстрей отмучаемся. А невмоготу станет, я облегчение дам.

Спасибо, не надо, подумал Эраст Петрович.

Сесть напротив — не лучший вариант. Тогда рукой до Кириллы не дотянуться. Если не будет иного выхода, при-

дется застрелить. В кармане револьвер. С двух шагов в лоб попасть нетрудно... Нет, нельзя. Дети напугаются, начнется давка. Сшибут опору, свод рухнет...

А потом Фандорин заметил еще кое-что, и от плана с пальбой пришлось окончательно отказаться.

В подрагивающем свете блеснула какая-то нить. Она тянулась от запястья Кириллы к самому тонкому месту опоры.

Проволока, понял Эраст Петрович. Пророчице достаточно дернуть рукой — и «легкая» смерть тут как тут.

Дети подвинулись, и он сел по-японски прямо между ними. С обеих сторон и даже сзади к нему прильнули горячие тела. Чувствуя, как в горле встает ком, Фандорин обнял двух маленьких соседей, мальчика и девочку. Плечики у обоих были тонкие и хрупкие, а у девочки еще и дрожали.

— А я тебя прижнала, — прокартавила она. — Ты у наш в Мажилове был.

Фандорин тоже ее узнал — по конопушкам на носу, по щербатому рту, а особенно по варежкам. Они были ярко-красные, подвешенные на тесемке. Это она тогда сказала чужому дядьке: «Ну чаво вылупилша? Иди куды шел».

Заметив, что он смотрит на варежки, девочка, будто оправдываясь, сказала:

— Жябко тута. Руки штынут.

— Потерпи, ласточка моя, — улыбнулась ей Кирилла. — Скоро надышим. То-то жарко станет. Скажи, брат Ерастушка, ты как догадался, куда идти спасаться?

Чуть поколебавшись, он решил, что этой женщине лучше говорить правду.

— По «Видению старца Амвросия». В б-богомиловской мине нашел...

Она кивнула:

— Я и говорю, умный ты... Деды-то спаслись?

— С-спаслись. Поздно отрыли... Как почитал я г-грамотку, как понял, про что п-пророчество, у меня словно г-глаза открылись, — выстраивал версию Фандорин, но

смотрел не в проницательные глаза Кириллы, а вниз, в землю. Ничего подозрительного — переживает человек, с трудом подбирает слова. Даже заикается больше обычного.

— Свезло тебе. Спасешься. — Сказительница тихонько рассмеялась. — А и мне от Господа напоследок потачка. Признаться ли? Как ты меня из огня вытащил, очень мне захотелось поглядеть, что ты за человек. Хоть краешком глаза. Думала, это Лукавый меня искушает... Красивый ты, ладный. С таким и к небу вознестись радостней.

Он слегка поклонился, как бы благодаря за комплимент. Что за фантасмагорическая ситуация! Вести любезную беседу, когда жизнь подвешена на нитке, а держит нитку в руке (причем в самом буквальном смысле) безумная фанатичка.

— Я так и не понял, зачем юродивый дом поджег, — сказал Эраст Петрович, чтобы спустить разговор с небес обратно на землю.

— Неужто не ясно? — удивилась она. — Это он хотел меня сбить. Лаврентий давно по деревням ходит, ложиться в мину отговаривает. Думает, он человек Божий, а сам у Антихриста на посылках! Но Лаврентию большой дар дан. Прозорлив юрод, разгадал меня. И вон какую каверзу удумал. Запалил дом с четырех сторон, дверь легонько подпер. Знал, что спросонья всяк только о себе думает. Выскочат на улицу, про меня забудут. В том у него и расчет был.

— Сжечь?

— Нет, хуже. Он думал, я, чтоб дверь сыскать, повязку сыму. А сняла бы, нарушила б зарок — всё, конец мне. Какая из меня такой спасительница? Хотел Лаврушка во мне силу подрубить. Да Господь не попустил, тебя послал.

Фандорин на это лишь зубами скрипнул.

Конопатая девчушка привалилась к нему, уснула. Но сон был тяжелый, беспокойный. Начинала ощущаться нехватка воздуха. Многие из детей утирали пот.

Время уходило. Его оставалось совсем немного. Скоро у самых слабых и маленьких начнется удушье...

— Ты откуда? — спросила Кирилла, поправив плат на голове. От этого движения металлическая нить натянулась до предела, и у Эраста Петровича сжалось сердце. — Говоришь чисто, не по-северному.

— Из Москвы. А ты, матушка?

Он вспомнил, что, по предложенной Крыжовым легенде, должен представляться старовером из Рогожской слободы.

Слава Богу, не представился.

— И я московская! — обрадовалась Кирилла. — Купеческая дочь, с Рогожи. Девушкой еще из мира ушла. На Поморье в келье жила, старинные книги переписывала да разрисовывала. Двадцать лет и два года. И было мне в прошлое лето откровение. Сплю ночью, вдруг голос — строгий такой, светлый. «Иди, чти Амвросиево «Видение». Там сокрыто великое пророчество». Прорицание-то я сразу распознала. Указанное место долго найти не могла. От Архангельска-города до Каменного Пояса все исходила, пока про Старосвятский скит не услыхала. А уж как сюда попала, к великому дню всё с любовью приуготовила. Савватий Хвалынов, плотник из Денисьева, мне мину эту строил. За то и пожаловала его с семьею в первоспасенные... Ныне ангелочков к Господу доставлю, и будет душе моей мир. Всё по пророчеству исполню... Одно только мне удивительно. — Она вдруг нахмурилась и уставила на Фандорина свой цепенящий взор. — Овцы в видении все считаны. Число им пятнадцать. А ты-то выходишь шестнадцатый. Может, зря я велела тебе дверь отворить? Почему, брат Ерастушка, ты мне в глаза не глядишь?

В этот миг в углу заплакала девочка.

— Мать Кирилла, томно мне! Дозволь дверь приотворить, на минуточку!

— И мне томно, — послышалось с другой стороны.

— И мне. Грудь давит!

Кто-то из малышей захныкал, потом разревелся.

— Потерпите, милые! Потерпите, хорошие! — стала уговаривать Кирилла. — Сколько можете, терпите. Кто много страдает, тот Господу милей. Я вам сказку расскажу — веселую, легкую. А как закончу, снурком серебряным дерну, и також легко душеньки улетят.

Плач стих, отовсюду доносилось лишь частое, мучительное дыхание.

Фандорин попробовал, не вставая с колен, подобраться к пророчице поближе.

— Матушка, я что сказать хочу...

Она остановила его жестом:

— Не надо ближе. Перед сретеньем с Господом мужу и жене рядом быть нельзя. Грех.

— Вот и я про грех спросить хочу, — понизил он голос.

Все-таки на сколько-то сократил дистанцию. А тихо говорил нарочно — в такой ситуации слушающий инстинктивно придвигается к говорящему.

— Не грех ли их всех с собой брать? Ведь совсем малые есть, неразумные. Сомневаюсь я.

— А, вот ты здесь зачем. — Кирилла сурово посмотрела на него. — Вопросителем послан, ради последнего сомнения. Знай же: я сама себя о том сколько раз вопрошала. И молилась, и плакала. А ответ в священной книге прочла — про разум и неразумие. Сказано там: «Разум от Лукавого, от Бога — сердце. Коли сердце восхотело — его слушайся».

— А если не в-восхотело? Гляди: они плачут, напуганы. Разве их сердца хотят смерти? Да если ты разрешишь ребятишкам отсюда на волю убежать, никого не останется! В самой главной из священных книг что сказано — помнишь? «Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской».

Эрасту Петровичу никогда не приходилось участвовать в теологических спорах, и он не сомневался, что Кирилла в ответ на кстати вспомнившуюся цитату выстрелит десятком других, трактующих вопрос в прямо противоположном смысле.

Но он ошибся. Аргументация подействовала. Не хрестоматийные слова Иисуса, обращенные к апостолам, — пророчицу задело другое.

— Думаешь, на волю сбегут? Презрят небесное спасение заради земного? Беленькие-то? Ангелы Божии? — пронзительно воскликнула она и простерла руку над головами детей. — Сыночки, доченьки! Кто хощет прочь идти, неволей держать не стану. Может, кого силой привели? Уходи, кто со мною на небо не желает! Ну, кого выпустить? Тебя? Тебя? Тебя?

Она поочередно показывала пальцем на каждого, и все, даже самые маленькие, отрицательно качали головой.

— Ну что, вопроситель, видал? Устыдись. Ты, может, сам хощешь плоть свою спасти? Так беги! Шмыгни мышкой, да дверь поскорей прикрой, а то опять воздуха напустишь. Пожалей деточек. В третий раз сызнова удушаться им больно тяжко будет.

Фандорин покачал головой:

— Зря ты меня язвишь, матушка. Я-то никуда отсюда не уйду. Потому что я взрослый человек и решение принял. А они — несмышленыши. Уйти не хотят, потому что ты и твоя поводырка им только за одного голубя пропели.

— За какого такого голубя? — удивилась Кирилла.

— А как в песне твоей, помнишь? Про сизую и черную голубицу. Там-то ты девушке выбор даешь. Что ж детей-то к святости силком гонишь? Нечестно это. Богу такая жертва не в радость.

Пророчица задумалась.

— Что ж, твоя правда. Пускай вдругорядь сердечки свои послушают. Ты говори за сизую голубь, а я за черную.

Такого поворота Эраст Петрович не ждал. С одной стороны, ни в коем случае нельзя было упускать шанс на спасение хоть кого-то из детей. С другой — как состязаться с искусной сказительницей ее же оружием? У нее и навык, и проникновенный голос, и магнетический взгляд. А у него что? Он и с детьми-то разговаривать толком не умеет.

— Молчишь? Ну, тогда я первая.

Кирилла опустила голову и тяжко вздохнула. Все смотрели на нее затаив дыхание.

— Я не сказку, я быль расскажу, — тихо-тихо, почти шепотом начала она. — Про то как злые никонианцы пришли в некую деревню свою веру сажать, а истинную в корень сводить. Мужики, бабы, старики со старухами на посулы не польстились, угроз не убоялися, и пес-воевода повелел всех их в сарай запереть, да сжечь. «Не они, сказал, мне надобны. Детей малых едино отберем, по-своему их окрутим, и будут царю верные слуги». И забрали всех детей, как вы, таких же, и посадили в темницу, и стали голодом морить, плетьми стегать, руки-ноги огнем прижигать и еще всяко мучили...

Лицо сказительницы было по-прежнему опущено. Шепот постепенно делался все пронзительней, он будто шел из самой земли. Даже Фандорину стало не по себе, а маленькие слушатели и подавно задрожали. Дело было не в рассказе и не в словах — в самом этом протяжном, зловещем шипении.

— Один отрок, десяти годов, не смог вынести, когда ему плеткой-семихвосткой, ржавыми гвоздями утыканной, зачали спину рвать да еще соленой водой поливать. Заплакал, кукишем трехперстным перекрестился, и выпустил его воевода. А прочих детишек, какие не поддались, приказал собаками потравить. Накинулись на бедняжек псищи зубастые, да сей же час на куски изорвали. Вот что никонианцы с твердоверными-то творят. А отрок, кто Бога предал, еще долго на свете жил. Только не было ему доли, так всю жизнь до старости стыдом и промучился. А как помер, схватили его черти железными крючьями, да под ребра. Допрежь того как в геенну сбросить, подкинули до неба. И увидел он, одним только глазочком, как мальчики и девочки, которых собаки загрызли, сидят на шелковом облаке, под ясным солнышком. То-то светлые, то-то радостные. С ними и Христос, и Богоматерь. И упал оттуда отступник в пропасть черную, глубокую, да прямо на острые колья. Как заорет! — закричала вдруг Кирилла страшным голосом, вскинула голову и

обвела пещеру неистово горящим взглядом. Дети испуганно заверещали. — А его черти за ухо, да на сковородку! Потом в паутину липкую, к мохнатым паукам, кажный в сажень! Потом в яму, гадюками кишащу! И так до скончания времен! Потому что, — спокойно и наставительно закончила она, — кто короткую муку честно снес, тому вечное блаженство. А кто себе черной изменой гибель отсрочил, тот заплатит вечной мукою... Ну, голубь сизый, теперь твой черед. Сказывай.

Глядя, как жмутся друг к другу впечатленные жутким рассказом дети, Фандорин был близок к отчаянию. Что он мог противопоставить этому нагнетанию ужасов, да еще столь мастерски исполненному?

Как объяснишь маленьким обитателям этой лесной глухомани, что мир широк и прекрасен? Слов, которые знает Фандорин, они не поймут. А доступной им речью не владеет он... Эх, Масу бы сюда. Японец отлично умеет разговаривать с ребятишками...

Дышать было уже почти нечем, по спине и по груди струйками стекал пот.

— А... а вот в городе Москве есть к-колокол большой-пребольшой, — неуверенно начал Эраст Петрович. — С избу величиной. Царь-Колокол называется. И еще Царь-пушка. Ее д-двадцать лошадей с места не сдвинут. Вот...

Он замолчал, чувствуя себя полным идиотом.

— Чай, колокол громко гудит? — спросила конопатая соседка, глядя на него снизу вверх еще мокрыми от слез глазами.

— Он не гудит. Он расколотый. С к-колокольни упал..

— А пушка далеко палит? — спросил кто-то из мальчишек.

— Из нее не с-стреляли никогда...

Других вопросов не было.

Хорош «сизый голубь», нечего сказать, разозлился на себя Фандорин.

— А в стране Африке живет зверь жираф. Сам на четырех ногах, желтый, в черный горох. И шея у него длинная-предлинная. Подойдет к дереву и с любой ветки что хочешь достает.

— И яблоки? — спросили из темноты.

— И яблоки, и груши, и сливы, — подтвердил Эраст Петрович. — А еще там живет огромная-преогромная свинья, называется бегемот. Целый день в болоте лежит, грязью сама себя поливает. А другая свинья, еще больше, называется слон. Вот с такими ушами, и нос как труба. Наберет воды, плюнет — все с ног валятся.

Кто-то неуверенно хихикнул.

Ободренный Фандорин продолжил:

— В другой стране, Австралии, проживают мишки, лучше которых нет зверей на свете. Маленькие, пушистые. Едят одни только листья. Пожуют-пожуют, обнимут ветку и давай спать. Зовется этот мишка «коала». Я раз подошел, на руки его сонного взял. А ему все равно — меня точно так же обнял и знай дальше спит. Мягкий!

Они слушали, ей-богу слушали!

Он заговорил еще быстрее, смахивая со лба пот:

— А в стране Японии есть борьба такая. Толстяки борются. Каждый, будто шар. Выйдут на круг и животами толкаются. Кто ловчей пихнется, тот и победил.

Все вокруг засмеялись, а соседка в красных варежках сказала:

— Ну про толштяков это ты брешешь.

— Я б-брешу? — обиделся Эраст Петрович. — На, сама гляди!

Вынул подарок Масы, платок с борцами сумо. Развернул, показал. Дети, кто на четвереньках, кто пригнувшись, сползлись со всех сторон, разглядывая диковину.

Свечи начинали гаснуть — не хватало кислорода, и Фандорин подсветил фонариком.

— Ух ты! — зашумели мальчишки. — Дяденька, дай мне пожать!

— И мне!

— И мне!

Кажется, дело шло на лад.

Вдруг Фандорин вновь почувствовал, что на него накатывает странное оцепенение. Язык сделался неповоротлив, все члены словно онемели. Кирилла смотрела на него

неподвижным взглядом, и он физически ощущал неописуемое словами, но явственное воздействие этой месмеризующей силы.

Он заставил себя отвернуться от пророчицы, глядеть только на склоненные детские головки, и наваждение отступило.

— На белом свете м-много чего есть, — громко сказал он. — Высокие горы, синие моря, зеленые острова. И люди на свете все разные. Есть злые, но много и добрых. Есть г-грустные, а есть и веселые. С одними хорошо говорить, с другими хорошо дело делать. Сколько всего Господь для вас напридумывал! Как же уйти, ничего толком не посмотрев, не попробовав? Разве Господу не обидно?

Эраст Петрович умолк, ибо не знал, что еще сказать.

Белобрысый мальчонка, что сидел слева, спросил:

— А вот еще сказывали, врут ай нет, будто есть такой сахар черный — щикалат. Сладкий — жуть.

— Есть, — встрепенулся Фандорин, благодарный за подсказку. — А еще м-мармелад — это как сок, только его жевать можно. Вафли...

— Вафлю я ел, тятька из города привозил. — Белобрысый повернулся к Кирилле и твердо объявил. — Матушка, я домой хочу.

— Я тоже. Ныне суббота, мамка пирогов напечет.

— И меня отпусти!

— И меня!

Полуобернувшись к пророчице, но избегая смотреть ей в глаза, Эраст Петрович как можно спокойнее сказал:

— Пускай идут, кто хочет. А мы останемся.

В пещере стало шумно. Ребятишки заспорили между собой. Одни убеждали остаться, другие уходить. Кто-то из мальчишек, разгорячившись, полез драться. Поднялся гвалт: крики, плач, ругань.

И здесь произошло то, чего Фандорин больше всего боялся.

Услышав, что в мине начался какой-то непонятный переполох, ожидавшие снаружи мужчины решили вмешаться. Их, конечно, тоже можно было понять. Легко ли столько времени томиться в неизвестности и бездействии?

На дощатую дверь обрушились мощные удары, и она не выдержала, треснула пополам. Внутрь хлынул свежий морозный воздух. Он-то и решил дело.

Дуновение жизни, вторгшееся в подземную яму, подействовало сильнее любых доводов и призывов. Словно притянутые мощным магнитом, дети гурьбой, толкаясь и давясь, кинулись к выходу.

— Стойте, дурачки! Пропадете! — истошно выкрикнула Кирилла. Хотела ухватить, удержать, но Фандорин зорко следил за каждым ее движением и с места, пружинистым прыжком, скакнул на пророчицу — намертво вцепился в запястье, к которому была прикреплена проволока, и прижал его к полу.

За свою жизнь Эрасту Петровичу приходилось множество раз драться врукопашную, подчас с очень серьезными противниками. Но никогда еще он не встречал такого остервенения, с каким сопротивлялась эта тонкая, иссушенная постом женщина.

Удар ребром ладони по шейным позвонкам на нее не подействовал. Короткий, но сильный хук в висок тоже.

Хрипя от ярости, Кирилла пыталась рвануть нить, а другой рукой вцепилась врагу в горло, да так, что продрала ногтями кожу — на фандоринскую рубаху хлынула кровь.

С другой стороны на Эраста Петровича налетел кто-то еще. Острые зубы впились в кисть руки, которой он пытался стиснуть Кирилле сонную артерию. Полкашка!

— Не сюда! — простонала пророчица. — Столб сшибай! Столб!

Девчонка разжала зубы и проворная, как уж, скользнула к опоре, навалилась на нее всем телом.

Столб скрипнул, но выдержал — не больно-то тяжелым было худенькое тельце.

Вытянувшись, Фандорин отшвырнул «псицу» ударом ноги.

Оставалось продержаться самую малость — в проход протискивались последние из детишек.

— Быстрей, быстрей! — крикнул он, наконец сжав Кирилле шею в нужном месте.

Та забилась, засучила ногами, но, вопреки всем физиологическим законам, сознание не потеряла, а вдруг крепко обхватила Фандорина и повалила на себя.

Просипела:

— Круши-и-и!

Не долее секунды понадобилось Эрасту Петровичу, чтобы высвободиться: откинул голову назад, со всей силы двинул проклятой ведьме лбом в нос, и та наконец угомонилась, обмякла.

Но за эту секунду Полкашка успела отскочить к стенке и с разбега, отчаянно визжа, кинуться на столб.

Помешать ей Фандорин уже не мог.

Единственное, что успел — бешено оттолкнувшись, перекатиться ближе к выходу.

Затрещало дерево, дрогнула земля, а потом наступил конец света — сделалось черным-черно и очень тихо.

Лучами во все стороны

Очнулся Эраст Петрович оттого, что на лицо ему упала горячая капля. Потом еще одна.

— *Окиро, данна, окиро!*[1] — приговаривал срывающийся, плачущий голос.

Просыпаться совсем не хотелось. Наоборот, хотелось снова провалиться в тишину и черноту. Он уж и собрался это сделать, но сверху снова упала горячая капля.

Фандорин неохотно открыл глаза и увидел прямо над собой зареванную физиономию слуги, а за ней, повыше, но не сказать чтобы очень высоко — серо-алое рассветное небо.

В поле зрения еще не вполне пришедшего в себя Эраста Петровича влезло еще одно лицо, с подкрученными усами и лихим чубом.

— Живой! Выходит, зря я за упокой молился, — весело сказал Одинцов и протянул руку, чтобы стряхнуть

[1] Очнись, господин, очнись! *(япон.)*

Фандорину пыль со лба, но Маса злобно зашипел на урядника, оттолкнул его пальцы и сделал это сам.

Ногти у японца были некрасивые — обломанные, грязные, все в земле и запекшейся крови.

Над возвращающимся к жизни Фандориным склонился третий человек — Евпатьев.

— Мы уж и не чаяли. Нипочем бы не отрыли, если б не ваш азиат. Не человек, а землеройная машина. Без лопаты, без всего, голыми руками откопал.

— Долго лежу? — сухим и скрипучим (самому противно стало) голосом спросил Фандорин.

— Ой, долго, Ераст Петрович. Говорю, я уж по тебе молитовку прочел. На косоглазого твоего серчал: «Уйди, нехристь! Не моги покойника теребить!». А он все трясет тебя, щеки трет, в губы дует.

— В губы? — удивился Фандорин. — То-то во рту привкус, будто леденцов наелся.

Зачерпнул в горсть снега, проглотил. И словно живой воды попил. Смог сесть, а потом и встать. Ощупал себя: переломов нет, ушибы — ерунда. Только вот скрипит на зубах. Пожевал еще снегу.

Вокруг никого.

Большая поляна. Почерневшая от времени часовня. Полуразвалившиеся ворота со старым восьмиконечным крестом на венце.

Снегопад кончился. Мир бел и чист.

— Г-где дети?

— Разбежались. Брызнули в стороны, как от черта, — сказал Никифор Андронович. — Там внутри кто-нибудь остался?

— Кирилла и ее п-поводырка. Больше никто.

— Далеко от входа?

— Сажени четыре.

Евпатьев вздохнул:

— Далеко. Голыми руками не докопаешься.

Полицейский отрезал:

— И нечего. Зряшное дело — мертвяков тревожить. Да еще таких. Пускай лежат, где легли. Сами себе могилу выбрали. Память вот только поставлю...

Ульян ловко вскарабкался на ворота, снял крест, спрыгнул.

— Самоубийцам вроде не полагается, — заметил Евпатьев, наблюдая, как урядник вколачивает крест на склон обрыва, прямо над черной земляной осыпью.

— Если за веру, не возбраняется.

Глядя на крест, Одинцов истово перекрестился тремя перстами. Двоеперстно закрестился Никифор Андронович, а Маса сложил ладони, зажмурился и стал нараспев читать сутру, отгоняющую демонов.

Эраст Петрович этой межконфессиональной панихиды не видел.

Повернувшись к молящимся спиной, он смотрел на поляну, по которой лучами во все стороны протянулись лыжные и санные следы: налево — к реке, направо — к озеру, наискось — к березовому лесу, прямо — к ельнику.

Вдруг Фандорин вздрогнул.

На снегу, шагах в пятнадцати от обвалившейся мины, алело пятно. Неужто кто-то из детей ранен?

Прихрамывая, он быстро сделал несколько шагов.

Остановился. Улыбнулся.

Это была маленькая красная варежка на оборванной тесемке.

УЗНИЦА БАШНИ, или КРАТКИЙ, НО ПРЕКРАСНЫЙ ПУТЬ ТРЕХ МУДРЫХ

Узница башни

(Из записок Джона Хэмиша Уотсона)

I

Пакетбот входил в бухту Сен-Мало, словно в разинутую пасть библейского Левиафана. Вереница каменистых островков, увенчанных старинными фортами, была похожа на оскаленные клыки, готовые сомкнуться и раскусить наш маленький пароход. Шпиль городской колокольни, высунувшийся из серого тумана, походил на острое жало. Я стоял на палубе, озирая этот негостеприимный ландшафт, и ежился в своем пальто из плотной, пропитанной каучуком ткани. Было сыро, промозгло, ветер швырял в лицо соленые брызги. Тусклый день, забрезживший всего какой-нибудь час назад, казалось, спешит побыстрее закончиться.

А день, между тем, был не обычный — самый последний в году, а может быть, и в столетии. На сей счет у нас с Холмсом мнения разошлись. Сколько я ему ни доказывал, что весь следующий год тоже будет относиться

к девятнадцатому столетию, он остался при своем суждении. С 1899 годом старая эпоха заканчивается, говорил Холмс. «Тысяча восемьсот» — это Байрон и Наполеон, кринолины и лорнеты, «Севильский цирюльник» и «Правь, Британия». С 1 января начнется эра «тысяча девятьсот», и в ней всё будет иначе. Уж в этом-то он был определенно прав.

Из задумчивости меня вывела реплика Холмса, стоявшего рядом и с видимым удовольствием втягивавшего холодный воздух.

— Признаться, я рад, что мы сбежали из Лондона. Терпеть не могу новогоднюю ночь. Самый отвратительный момент года, еще хуже Рождества! Даже преступлений не совершается. Злодеи, как правило, сентиментальны — любят посидеть при свечах у накрытого стола и попеть сиропными голосами про трень-брень-колокольчики. — Он тяжко вздохнул. — Знаете, Уотсон, я никогда не чувствую себя таким одиноким, как в новый год. Запираюсь у себя, гашу свет и пиликаю на скрипке... В прежние времена на помощь приходил опиум. Однако с тех пор, как вы научно доказали мне вредоносность воздействия алкалоидов на аналитическую функцию мозга, я лишился единственной возможности хоть на время сбрасывать с себя постылые путы земного притяжения... Вы только посмотрите, какой славный вид! — воскликнул он, и я лишний раз подивился, как причудливо сочетаются в этом человеке неукоснительная рациональность мысли и абсолютная непоследовательность настроений.

Вид серого города, сливающегося с пепельным морем и с небом того же безжизненного оттенка, отнюдь не казался мне славным. Это была крепость, высеченная в скалах небольшого острова. Из-за мрачных стен, о подножие которых бились волны, торчали крыши тесно сгрудившихся домов. Их мокрая черепица блестела, словно чешуя дракона. Возможно, летом, в хорошую погоду, Сен-Мало смотрелся более приветливо, но в хмурый декабрьский день город выглядел довольно зловеще, и у меня

вдруг сжалось сердце — то ли от странного волнения, то ли от недоброго предчувствия, я и сам толком не понял.

— Я не знал, что Сен-Мало стоит на острове, — небрежно сказал я, осердившись на собственную впечатлительность. Мужчине сорока семи лет, всякое повидавшему на своем веку, она не к лицу. К тому же я неоднократно имел возможность убедиться, как мало доверия заслуживают эти так называемые *прозрения*, обычно вызываемые перепадом артериального давления или несварением желудка.

— Это полуостров, Уотсон. Он соединен с материком узеньким перешейком. Неприступнейшая крепость, которую мы, англичане, на протяжении веков тщетно пытались взять штурмом, — тоном заправского лектора стал рассказывать мой друг. — Здесь находилось гнездо дерзких корсаров, грабивших неприятельские суда по всем морям и океанам. Они называли себя не французами, а малуанцами, совершенно особой нацией, которая не признает никакой власти кроме Бога и Удачи. Вы знаете, что такое «черный юмор»?

— Декадентское направление в литературе, весьма неприятное, — ответил я, имея все основания полагать, что уж в чем-чем, а в изящной словесности я гораздо осведомленнее Холмса. — Это когда страшное оборачивают смешным.

— Вот-вот. Сен-Мало можно считать родиной черного юмора.

— В самом деле?

Глядя на угрюмые бастионы бывшего корсарского логова, поверить в это было непросто.

— Довольно посмотреть на имена здешних улиц. Одна из них называется Танцующий Кот. В восемнадцатом веке наши соотечественники, пытаясь захватить город, устроили у его стен грандиозный взрыв, от которого морская вода поднялась вверх на сотни метров и обнажилось дно. Поразительным образом в городе никто не пострадал — кроме некоего кота, которого несколько раз пере-

вернуло взрывной волной и расшибло в лепешку... А вон там, слева от собора, расположена улочка, на которой в семнадцатом столетии погиб один влюбленный капитан. Ночью выходить из домов строго-настрого запрещалось, на улицу выпускали свирепых сторожевых псов, натасканных бросаться на людей. Но храбрый капитан решил рискнуть. Отправился на свидание и был разорван собаками на куски. Боккаччо сочинил бы об этой печальной истории слезливую новеллу, Шекспир написал бы трагедию. Малуанцы же увековечили память злосчастного Ромео на свой лад. С тех пор тот закоулок называется Улица Толстой Лодыжки.

— Господи, Холмс! — воскликнул я. — Я не устаю поражаться, сколько самых невероятных сведений хранит ваша память. Вплоть до названия улиц в провинциальном бретонском городишке!

Он ответил мне не сразу, а когда заговорил, то глядел куда-то в сторону, где виднелись смутные очертания пустынного берега.

— Вам известно, Уотсон, что моя бабка была француженкой. Неподалеку отсюда находилась ее вилла, так что я знаю эти места. Однако мы причаливаем. Вы уже уложили свой чудесный чемодан?

Я поспешил спуститься в каюту. Ночь мы провели не раздеваясь, продремали в креслах и особенной нужды разбирать чемодан у меня не было, но я всё же разложил на столике часть его содержимого — доставил себе удовольствие. Превосходное изделие фирмы «Уэверли» я приобрел накануне, в качестве рождественского подарка самому себе, и, клянусь, чемодан стоил своих шести фунтов и шести шиллингов. Отличной желтой кожи, с посеребренными замками и заклепками, он имел несколько секций, встроенную шкатулку для всяких мелочей и даже особое отделение для термоса. Никогда в жизни у меня не было такого великолепного чемодана! А более всего я пленился тем, с каким сдержанным вкусом изготовители поместили это сияющее чудо кожевенного мастерства

в скромный клетчатый чехол, призванный уберечь поверхность от царапин. Не боясь показаться смешным, скажу, что я усмотрел в этом истинное проявление британскости, столь отличное от континентальной страсти пускать пыль в глаза. Французы или итальянцы делают наоборот: у них оболочка по качеству всегда превосходит сердцевину.

Перед тем как снова выйти на продуваемую ветрами палубу, я отхлебнул из термоса чаю с ромом и еще раз перечитал телеграмму, которую Холмс отдал для моего архива. Она пришла вчера вечером.

«РАДИ ВСЕГО СВЯТОГО ВСКЛ НОЧНЫМ ПАКЕТБОТОМ СЕН-МАЛО ТЧК ГОНОРАР ДВАДЦАТЬ ТЧК ДЕЗ ЭССАР».

Я мало что понял из этой депеши (собственно, ничего не понял), но Холмс немедленно засобирался в дорогу. Он был по-мальчишески счастлив сбежать из предновогоднего Лондона. На мои расспросы лишь пожал плечами, сказав, что дело обещает быть занимательным и быстрым, а двадцать тысяч франков — хорошие деньги за небольшое плавание через Ла-Манш. И, хотя у меня были кое-какие планы на 31 декабря, разве мог я удержаться от соблазна?

Два часа спустя мы уже сидели в саутгемптонском поезде, ровно в полночь поднялись на борт пакетбота, а еще через одиннадцать часов были в Сен-Мало.

II

Когда я вышел на палубу, трап уже спустили. Холмс стоял у борта, ожидая, пока наиболее нетерпеливые из пассажиров сойдут на берег. Мой друг всегда терпеть не мог толпы и давки. Его походная лаборатория (кожаный кофр немалого размера) и футляр со скрипкой были прислонены к перилам.

Я встал рядом.

Разглядывая встречающих, Холмс обронил:

— Кстати, Уотсон, должен сказать, что дез Эссары — одно из старейших и богатейших семейств города Сен-Мало.

Отчасти это объяснило, почему он отнесся к невразумительной и истеричной телеграмме столь серьезно. Я хотел спросить, уж не знаком ли Холмсу отправитель депеши, но следующая реплика моего приятеля дала понять, что это предположение неверно.

— Который же из этих господ наш клиент? — протянул Холмс. — Полагаю, вон тот, в итальянской шляпе и крылатке.

На причале было несколько джентльменов весьма почтенного вида, но Холмс остановил свой выбор на человеке, который, на мой взгляд, менее всего подходил на роль представителя «старейшего и богатейшего семейства». Однако, наученный опытом, я и не подумал усомниться в проницательности великого диагноста человеческих душ.

Предполагаемый клиент был полным, щекастым господином в круглых роговых очках. Из-под широкополой шляпы, в каких обычно изображают Гарибальди, свисали длинные, наполовину седые волосы. Мсье дез Эссар (если это был он) отчаянно махал кому-то рукой, проявляя все признаки крайнего нетерпения, даже слегка пританцовывал на месте.

— Колоритный персонаж, — заметил я.

А посмотрев, кого из пассажиров столь энтузиастически приветствует встречающий, догадался, каким образом Холмс вычислил клиента.

Тот подбежал к нашему попутчику, виноторговцу из Портсмута, схватил его за руку, приподнял шляпу и начал сбивчиво что-то говорить. Виноторговец на всякий случай тоже коснулся своего охотничьего кепи, но смотрел на француза с недоумением.

— Да-да, — кивнул Холмс. — Все дело в кепи с двойным козырьком. С тех пор, как иллюстрированные газеты повадились рисовать меня исключительно в этом головном уборе, я перестал его носить. Но господин дез Эссар

этого не знает. Ну-ка, Уотсон, что вы скажете о заказчике по первому впечатлению?

Я напряг всю наблюдательность, мобилизовал свои скромные психологические способности.

— Этому человеку хорошо за пятьдесят, но он из тех, про кого говорят «большой ребенок». Движения не по годам порывисты... Он, должно быть, чудаковат, но обладает добрым и чувствительным сердцем. Сейчас он чрезвычайно взволнован, но это вообще характер легковозбудимый, быстро переходящий из одного настроения в другое... Вероятно, имеет артистические наклонности — это видно по наряду... На пальце бриллиантовое кольцо, великолепная трость — он богат. Но это нам и так известно... Вот, пожалуй, всё.

— И почти всё в точку, — похвалил меня Холмс. — Не соглашусь насчет возраста. Этот человек моложе, чем выглядит — по меньшей мере лет на десять. Насчет артистических наклонностей тоже не уверен. Скорее, наряд свидетельствует о нежелании выглядеть провинциалом и любви ко всему современному. Полагаю, перед нами большой поклонник технического прогресса. Обожает лошадей, но сам верхом не ездит. Прибыл нас встречать в легкой открытой коляске без кучера. С западной стороны. Ехал примерно четверть часа.

Я решил, что мой друг надо мной подшучивает (такое уже случалось) и фыркнул.

— Может быть, вы определите и адрес? — иронически осведомился я.

— Разумеется. Полагаю, он приехал из замка Во-Гарни, родового поместья дез Эссаров, — серьезно ответил Холмс. — ...Знаете, Уотсон, я вынужден внести в ваше описание еще одну поправку. Наш клиент не просто взволнован. Он до смерти напуган. Это выглядит многообещающе. Однако пора идти. Трап очистился.

Он тут же спустился на берег, назвался эмоциональному господину и представил меня своим помощником.

— Очень, очень... Не чаял... Спасли, просто спасли! — квохтал дез Эссар с сильным акцентом, всплескивая ру-

ками и порываясь схватить то мой чемодан, то холмсовский кофр, то футляр со скрипкой. — Вот моя карточка, извольте... Господи, вы приехали, мистер Холмс! Я чрезмерно, то есть, я хотел сказать, *чрезвычайно* рад. Мы спасены!

Взглянув на прямоугольный кусочек картона, Холмс с мимолетной улыбкой протянул его мне. Там значилось:

МИШЕЛЬ-МАРИ-КРИСТОФ ДЕЗ ЭССАР ДЮ ВО-ГАРНИ
Почетный председатель Пони-клуба
Президент Общества друзей электричества
Непременный член Клуба потомков капитанов корсарских кораблей

Суетливо оглядываясь, обладатель всех этих звучных, но не слишком солидных званий повел нас к открытому экипажу. Прежде чем усесться на переднее сиденье, вытянул из кармана две морковины и скормил гладким, упитанным лошадкам.

Я предположил, что Холмс с парохода усмотрел своими зоркими глазами торчащий из кармана зеленый хвостик, из чего и вывел предположение о любви к лошадям. Что мсье дез Эссар вряд ли ездит верхом, было, пожалуй, видно по его дерганой, неуклюжей походке. Такой нескладеха не удержится в седле и пяти минут. Оставалась любовь к электричеству, то бишь к прогрессу... Здесь я заметил, что чудесная трость нашего клиента пониже набалдашника перетянута синей клейкой лентой, какую используют мастера-электрики в целях изолирования тока, или как там это у них называется (признаться, я мало что в этом смыслю).

— Ваш дедуктивный талант в значительной степени объясняется преждевременно развившейся дальнозоркостью, — шепнул я своему приятелю, садясь рядом и пристраивая чемодан к себе на колени. Можно было пристегнуть его и сзади, но мне доставляло удовольствие держаться за скрипучую, пахнущую новой кожей ручку.

— Вы не представляете, как я волновался! — Дез Эссар тронул поводья, но всем корпусом был повернут к нам. — Я не сомкнул глаз всю ночь. Но теперь всё будет хорошо, всё будет, как говорят у вас, *капитально*. Я правильно выразился?

— Судя по телеграмме, дело срочное, — сухо сказал Холмс. — Так что не будем терять времени. Переходите к самой сути. Пока без подробностей.

— К самой сути? Вы правы, вы правы! Сейчас...

Француз подумал, поправил очки и выпалил:

— Вы видите перед собой очередную жертву ужаснейшего преступника современности!

— Ужаснейшим преступником современности был профессор Мориарти, — сказал ему я. — Но он, благодаря мистеру Холмсу, уже восемь лет покоится на дне Рейхенбахского водопада. Кого же вы имеете в виду?

— Как кого, как кого?! — Наш возница чуть не подпрыгнул на сиденье. — Конечно же Арсена Люпена!

Очевидно, выражение моего лица было вполне красноречиво — в ясных детских глазках дез Эссара, глядевших на меня сквозь толстые стекла очков, отразилось недоверчивое, чуть ли не оскорбленное изумление.

— Вы не слышали об Арсене Люпене?!

Здесь Холмс позволил себе довольно бестактную реплику в мой адрес.

— Видите ли, сэр, мой ассистент — настоящий англичанин. Он читает только британские газеты и не интересуется новостями с континента. Да будет вам известно, Уотсон, что Арсен Люпен — криминальный гений. Я бы даже сказал, вундеркинд, потому что ему всего двадцать пять лет. Невзирая на юный возраст, он совершил множество изобретательных и дерзких краж. Это герой парижских бульварных листков, куда он иногда даже посылает письма и объявления. Люпен вообще большой любитель театральности. Коронный трюк, при помощи которого он неизменно срывает аплодисменты публики, — украсть миллион у какого-нибудь богача, а потом

сделать щедрый жест и малую толику добычи подарить какому-нибудь бедняку. Разумеется, не забыв сообщить об этом газетам. Однако этот Робин Гуд не брезгует шантажом, похищением людей и безжалостным вымогательством. Я давно слежу за его карьерой и очень рад, что наши дороги наконец пересеклись. Предчувствие меня не подвело! Я знал, что поездка окажется интересной.

Наш клиент слушал адресованное мне объяснение, бормоча «Негодяй! Мерзавец!» и прочее подобное.

Интересная у него была манера править экипажем. Он явно хотел, чтобы коляска ехала как можно быстрей, но к помощи кнута ни разу не прибег — лишь потряхивал поводьями и приговаривал: «Plus vite, mes fillettes, plus vite!»[1].

— Продолжайте, сэр. Я весь внимание.

Повторять Холмсу не пришлось. Дез Эссар окончательно развернулся к нам, предоставив лошадей самим себе, и вскричал:

— Адская машина! В моем доме спрятана адская машина! Это правильное название? Если сегодня до полуночи я не отдам все свои деньги, замок взлетит на воздух! «С последним ударом часов старого века» — так сказано в письме!

---

[1] Скорей, девчушечки, скорей! *(фр.)*

Он захлебнулся от волнения, а Холмс назидательно сказал:

— Видите, Уотсон, мистер Люпен тоже считает, что девятнадцатый век заканчивается именно сегодня.

— Поздравляю с таким единомышленником, — парировал я, но, как и всякий раз, когда мне удается остроумно ответить, Холмс сделал вид, будто не расслышал.

Коляска сначала грохотала по булыжной мостовой, мимо скромных обшарпанных домиков, потом свернула на высокий берег залива. Где-то звонил церковный колокол, воздух пах морем, свежей выпечкой, свечным воском.

Выкрикнув про «адскую машину», дез Эссар закашлялся и жалобно закончил:

— Он угрожает взорвать мой дом. Где-то там бомба с часовым механизмом. Времени остается всё меньше, и я не знаю, что делать... Вот вам суть, без подробностей...

Самое время было задавать вопросы, но Холмс почему-то молчал и лишь барабанил пальцами по скрипичному футляру.

Пришлось взяться за дело мне.

— Помилуйте, да не блеф ли это — про адскую машину с часовым механизмом? Люпен просто хочет вас напугать.

Клиент уныло вздохнул:

— В записке сказано: «честное слово Люпена», а все знают, что честное слово этого бесчестного человека тверже стали.

Мы ехали по уютной сельской дороге, мимо старой каменной стены, над которой шумели ветвями старые вязы.

— Вы, разумеется, искали бомбу? — продолжил я.

— Мы с мсье Боско, это мой управляющий, перевернули весь замок.

— А где записка этого... как его... Люпена?

— Она дома. Мы уже почти приехали.

В самом деле, экипаж взял влево и минуту спустя остановился у кованых ворот, украшенных фамильным гербом.

— Сейчас отворю. — Дез Эссар кряхтя слез на землю и зазвенел ключом. — Привратника я отпустил, как и всю остальную прислугу. Зачем зря рисковать жизнью людей? Нет-нет, про бомбу они ничего не знают. Я сказал, что все могут встретить Новый Год в кругу семьи... Остался лишь мсье Боско. Добровольно. Он-то знает всю правду. Я взял его на службу в сентябре, когда умер старый управляющий. Удачнейший выбор! Достойный человек мсье Боско, и очень храбрый.

Лошади без понукания вошли в открытые ворота, остановились. От площадки, за которой начинался старый парк, отходили две аллеи — одна вправо, другая влево. Хозяин запер замóк, сел на место и направил коляску влево.

— Правая аллея ведет прямо к дому, левая — к службам, — пояснил он. — Заглянем к управляющему. Вдруг есть новости?

Густые кусты подступали к самой дорожке, над головой смыкались кроны высоких дубов и лиственниц. День, и без того хмурый, разом померк.

Меж зарослей мелькнула широкая лужайка, а за ней мрачный силуэт замка Во-Гарни: дом-ларец с высокой угловатой крышей и круглыми башнями. Окна были темны и слепы. Мне вообразилось, будто здание зажмурилось от ужаса, предчувствуя свою скорую гибель. А тут еще где-то наверху хрипло закричал ворон.

Я вспомнил скверное предчувствие, посетившее меня час назад, когда я еще ничего не знал про адскую машину, и поежился.

III

Дез Эссар остановил лошадей возле конюшни. Это была красивая постройка, представлявшая собой уменьшенную копию главного дома — с башенками, с грифонами на углах крыши.

— Мсье Боско! — тонким голосом закричал владелец замка. — Мсье Боско!

И еще что-то вопросительное, чего я не разобрал, ибо мое знание французского оставляет желать лучшего.

В одном из окон второго этажа, где, видимо, располагались жилые комнаты, появился тощий мужчина. Он был за стеклом, на темном фоне, и я разглядел лишь белый угол манишки с черным галстуком и несоразмерно большую голову — нет, то были длинные, стоящие торчком волосы. Силуэт управляющего показался мне похожим на одуванчик.

— A-t-on téléphoné?[1] — закричал хозяин (это я понял).

Боско помотал головой, его пышная прическа качнулась.

Тогда дез Эссар показал на нас:

— Monsieur Шерлок Холмс! Docteur Уотсон!

— «Они приехали, теперь всё будет хорошо, — вполголоса перевел мне дальнейшее Холмс. — Оставайтесь у аппарата».

Господин Боско кивнул хозяину, поклонился нам и исчез. За все время он не произнес ни слова.

— Таково условие этого негодяя, — пояснил дез Эссар, трогая с места. — Кто-то постоянно должен находиться у телефона. У меня всё оборудовано по последнему слову техники. Между квартирой управляющего и домом телефонная связь. Один поворот рычага, и раздается звонок. Просто не знаю, что бы я делал без Боско.

Коляска остановилась у парадного входа, который разместился внутри нарядной остроконечной башенки.

Теперь, вблизи, я мог рассмотреть замок как следует и убедился, что здание не такое уж древнее: не старина, а имитация под старину.

— Стиль «Людовик Тринадцатый», — определил Холмс, отличный знаток архитектуры. — В сороковые годы был весьма популярен во Франции, под воздействием моды на мушкетерские романы.

— Да, мой папа обожал Александра Дюма, — подтвердил хозяин.

---

[1] Телефонировали? *(фр.)*

Я уже успел привыкнуть к своеобразным манерам дез Эссара и не удивился детскому слову «папа», так мало вязавшемуся с возрастом и седыми волосами этого господина.

В отделанной резным дубом прихожей он гордо повернул большой фарфоровый выключатель, и вспыхнул яркий свет.

— У меня прекрасное электрическое освещение, — горделиво объявил дез Эссар. — Смотрите: вот еще один щелчок, и зажглись лампы всего первого этажа.

— Однако еще не стемнело, — сказал я.

Хозяин с явным сожалением погасил свет и повел нас через анфиладу холодных комнат, уставленных громоздкой старинной мебелью.

В большой зале, где, благодарение Господу, горел камин, мы сели за длинный стол, сверху прикрытый большой белой салфеткой, под которой угадывались очертания бутылок и каких-то ваз.

— Ну вот. Теперь я расскажу вам всю эту кошмарную историю обстоятельно, не упуская никаких деталей, — пообещал дез Эссар. — Я знаю, в вашем деле детали важнее всего. Начну с моего покойного папы...

Поскольку вступление звучало не слишком увлекательно, я позволил себе несколько отвлечься, чтобы оглядеться по сторонам.

Комната была довольно любопытная. Судя по буфетам и длинному столу, она служила столовой. На всех плоских поверхностях — каминной доске, комодах, особых столиках — стояли макеты парусных кораблей, некоторые изрядного размера. По стенам были развешаны портреты предков. Один из них в особенности привлек мое внимание.

На картине был изображен лихой капитан в длинном завитом парике и с подзорной трубой в руке. За его спиной белели паруса и кудрявились клубы порохового дыма. Художник явно старался придать курносой, свирепой физиономии моряка благообразие, но не слишком в этом преуспел.

— ...Вот папин портрет, — говорил тем временем хозяин. — Ах нет, доктор, вы не туда смотрите! Это Жан-Франсуа, наш родоначальник, один из храбрейших и благороднейших капитанов Короля-Солнца. Он привез из Южных морей целый сундук с драгоценностями и купил это поместье. А папин портрет — третий справа.

Я перевел взгляд в указанном направлении.

С холста на нас смотрел пухлый очкастый господин в мундире национального гвардейца с моделью фрегата в руках. От далекого предка дез Эссар-père унаследовал курносость и шальной блеск глаз; сыну передал овал лица и близорукость.

— Всё это очень интересно, но не могли бы вы перейти к делу, — нетерпеливо сказал Холмс. — Лучше расскажите, как и где вы искали бомбу.

— Но к этому я и подбираюсь! Если я не расскажу про папу, вы не поймете, почему мы ничего не нашли!

Дез Эссар оглянулся на каминные часы, всплеснул руками и заговорил с удвоенной скоростью:

— Понимаете, это был необычный человек. Как говорили в те времена, большой оригинал, а выражаясь посовременному, редкостный чудак. Он унаследовал крупное состояние и тратил его на всевозможные причуды. У нас в парке был собственный зверинец, представляете? В клетках жили волки, лисы, кабаны, даже медведь. Папа поймал их сам. Помню, что личным лакеем при нем был маленький черный пигмей из Африки — я ужасно его боялся. Перед домом стояла медная кулеврина с корабля нашего родоначальника, и по праздникам папа самолично из нее палил. Это и послужило причиной его преждевременной кончины. 8 июля 1860 года, в день моего семилетия, кулеврину разорвало, и папа скончался на месте...

Хозяин выдержал приличествующую этому скорбному сообщению паузу, а я, произведя несложный арифметический расчет, в очередной раз поразился точности холмсовских оценок: он сразу сказал, что наш клиент моложе, чем кажется на первый взгляд.

— Я долго мог бы перечислять странности характера моего папы, его эксцентричные выходки, но остановлюсь лишь на одной из них, для нас самой существенной. — Дез Эссар описал рукой подобие круга. — Я имею в виду этот дом. Папа разобрал до основания и полностью перестроил родовое гнездо, напичкал его всякими багателями... ну, то есть всякой всячиной: тайными ходами, секретными нишами, поющими полами, замурованными в стены трубами, которые начинали вздыхать и выть при определенном направлении ветра... Матушка эти фокусы ненавидела всей душой. После трагической гибели папы она разломала, что смогла. Но нашла она далеко не всё. Например, восемь лет назад, когда меняли обои в малом будуаре, в стене обнаружилась ниша с непристойными книжками. В прошлом году в овраге, что у ограды парка, — дез Эссар махнул куда-то влево, — осыпалась земля, и в склоне открылся подземный ход, который, очевидно, раньше вел к дому, но успел обвалиться. А позапрошлой осенью...

— Можете не продолжать. Все и так понятно, — перебил его Холмс, энергично сжимая и разжимая пальцы, что всегда служило у него признаком предельного возбуждения. — Бомба спрятана в тайнике, местонахождение которого не было известно вашей матери и тем более не известно вам.

— Да-да, именно это я и хотел... Где-то здесь, действительно, есть тайник, о котором я не знаю. Не спрашивайте, откуда секрет известен Люпену — это меня поражает больше всего. Выходит, гнусный вор знаком с домом лучше, чем его законный владелец!

— Помилуйте, сэр, — не мог не заметить я. — Несмотря на ваши уверения в незыблемости честного слова шантажиста, по-моему, он просто берет вас на испуг. Скорее всего, никакого тайника не существует.

— Существует! — вскричал дез Эссар. — В этой наглой записке даже указан код, при помощи которого бомбу можно отыскать!

Тут я решительно перестал что-либо понимать, а Холмс благодушно обронил:

— Думаю, Уотсон, нам пора наконец взглянуть на этот роковой документ.

Хозяин брезгливо, словно жабу, взял с камина листок и протянул моему приятелю.

Заглянув через плечо, я увидел, что записка начертана размашистым щегольским почерком на голубой бумаге с монограммой *AL*.

Холмс пробежал текст взглядом, усмехнулся и прочитал еще раз, уже вслух, сходу переводя на английский.

30 декабря 1899 года
Владельцу имения Бо-Гарни

Милостивый государь,

Арсену Люпену угодно обложить Вас налогом на богатство.

Если с последним ударом часов старого века вы не передадите мне 1.750.000 франков, даю честное слово, что Ваш замок взлетит на воздух со всем содержимым. Завтра вечером не позднее половины двенадцатого позвольте уйти из дому или, если угодно, запритесь в кабинете, откуда Вам запрещается выходить ранее наступления двадцатого века. Сумку с деньгами оставьте в столовой.

Не вздумайте нарушить ни одно из этих условий. И упаси Вас Боже обратиться в полицию — в этом случае механизм адской машины сработает раньше назначенного срока, и вся ответственность целиком ляжет на Вас. Убийцей буду не я, а Ваша алчность.

Ну, а чтобы Вам было чем занять свои мысли, вот Вам маленькая шарада, в которой зашифровано место, где я спрятал заряд.

24b. 25b. 18n. 24b. 25b. 23b. 24b

Если отгадаете эту загадку и найдете тайник, Ваше счастье. Можете оставить Ваши деньги себе, ибо острота ума заслуживает награды. Часовой механизм отключается простым поворотом красной ручки влево.

Итак, как говорят продавцы лотерейных билетов, «Играйте и выигрывайте!»

Засим примите уверения в моем глубочайшем почтении,

А.Л.

— Какая гнусность! — не сдержался я. — Он играет с вами, как кошка с пойманной мышью! Вы правильно сделали, сэр, что обратились к нам. Холмс, дружище, вы должны непременно разгадать загадку. Надо оставить пройдоху с носом!

— На это теперь все мое упитие, — пролепетал дез Эссар, очевидно, желая сказать «упование». Он глядел на сыщика со страхом и надеждой.

Холмс сосредоточенно нахмурился.

— Три вопроса, сударь. Первый: почему именно миллион семьсот пятьдесят тысяч? Обычно вымогатели предпочитают круглые суммы. Второй: что означает подчеркнутое «со всем содержимым». Третье: о каком убийстве идет речь? Знаете ли вы ответы на эти вопросы?

Дез Эссар сокрушенно вздохнул:

— О да, мой дорогой мистер Холмс. Слишком хорошо знаю. У меня на счете в банке именно миллион семьсот пятьдесят тысяч франков. Это весь мой капитал. Увы, мы, дез Эссары, уже не столь баснословно богаты, как прежде. Папины прихоти и матушкина непрактичность изрядно истощили некогда очень значительное состояние. Фамильные драгоценности из сундука Жана-Франсуа, — он показал на портрет курносого предка, — были обращены в наличность и по большей части растрачены. Подозреваю, что Люпен заинтересовался замком Во-Гарни, потому что до него дошли слухи о пресловутом корсарском сундуке. Но, как видите, в записке он не требует бриллиантов и изумрудов. Знает, что их больше нет. И, указывая сумму с такой бухгалтерской точностью, он демонстрирует полную осведомленность о моих финансовых обстоятельствах. Он намерен обобрать меня начисто! То есть *подчистую*!

— Тогда позвольте вдогонку еще один вопрос. — Холмс оглядел комнату. — Сколько сто́ит этот дом?

— Думаю, тысяч триста.

Мы переглянулись.

— Послушайте, сэр, — с невольной улыбкой молвил я. — Но цена дома почти вшестеро меньше выкупа. Какой смысл отдавать много, если можно ограничиться меньшей жертвой? К тому же в цивилизованных странах недвижимость обычно страхуют.

— Замок застрахован, как раз на триста тысяч, — подтвердил дез Эссар, после чего я вообще перестал что-либо понимать.

— Погодите, Уотсон, — коснулся моего локтя Холмс. — Господин дез Эссар еще не ответил на два остальных вопроса.

На глазах у хозяина выступили слезы. Он вынул из кармана платок, громко высморкался и простонал:

— Дело вовсе не в доме! ...Нет, не могу... Пойдемте, вы сами всё увидите.

Он вскочил со стула и засеменил в узкий коридор, с двух сторон стиснутый стенными шкафами.

Переглянувшись, мы последовали за ним.

IV

Коридор вывел к лестнице, по которой мы поднялись на третий этаж и оказались в просторной комнате — хозяин назвал ее «диванной». Там, действительно, вдоль всех стен стояли диваны и кресла. Запыхавшийся от подъема дез Эссар рухнул в одно из них и стал хватать ртом воздух.

— Сейчас... Минуту... Сердце...

Холмс осмотрелся и, указав на дверь, расположенную в самом дальнем конце, спросил:

— Если я правильно понимаю расположение, это вход в большую башню, что пристроена к дому с северной стороны? Вы ведете нас в нее?

— Да. Там находится библиотека. Но вы войдете туда без меня. Я не смогу. — Хозяин похлопал себя по округлым бокам — жест, показавшийся мне странным. Впрочем, тут же последовало разъяснение. — Слишком тесен проход. Это очередная выдумка папы. Матушка отличалась дородностью, сам же он был человеком миниатюрной комплекции, вот и устроил себе убежище, куда ретировался во время семейных ссор. После папиной смерти всё так и осталось. Матушка хотела расширить вход, но архитектор сказал, что по кладке могут пойти трещины... — Дез Эссар печально улыбнулся. — Было время, когда я тоже прятался в библиотеке от гнева моей покойной жены, но уже лет пятнадцать, как я перестал пролезать в это — забыл слово — goulot.

— Горлышко, — подсказал Холмс, слушавший с весьма заинтересованным видом. — Но продолжайте, продолжайте!

— Теперь там прячется от меня моя дочь Эжени, когда я кричу и бранюсь. Я человек несдержанный и часто, слишком часто набрасывался на бедняжку с упреками, по большей части вздорными и несправедливыми...

Он захлопал ресницами, из глаз потоком хлынули слезы. Дез Эссар закрыл лицо платком.

— Почему вы говорите в прошедшем времени? Что случилось? — спросил я.

— Три дня назад мы снова поссорились, — донесся из-под платка глухой голос, прерываемый рыданиями. — Я преследовал Эжени до этого самого места, а когда она юркнула в библиотеку, еще кричал ей вслед всякие обидные вещи. Теперь даже не помню, из-за чего я так на нее упал.

— «Накинулся», — механически поправил я.

— Да, накинулся... Чтобы пересидеть бурю, Эжени решила почитать какую-то книгу. Пододвинула лестницу к полкам — они там поднимаются до потолка. И упала! С самого верха! Это было ужасно! Я услышал грохот, крики, а сделать ничего не мог — проклятое брюхо не пустило...

Прежде чем рассказ был продолжен, пришлось переждать новый взрыв рыданий.

— Бедняжка ушиблась спиной и затылком... Когда слуги хотели ее поднять, она так закричала от боли, что я велел оставить ее на месте. В прежние времена пришлось бы довериться городскому врачу. Но в доме, как вы знаете, есть телефон, а с прошлого года коммутатор имеет выход на междугородную связь. Меня соединили с профессором Лебреном, самым знаменитым парижским нейрохирургом. Спасибо прогрессу! Подробно выслушав мой рассказ, по правде говоря довольно бессвязный, профессор спросил лишь одно: каменный ли в комнате пол. Когда я ответил, что деревянный, мсье Лебрен сказал: «Это очень хорошо. Значит, она не простудится. Протопите комнату, девушку уложите на спину поровнее. Пусть

не шевелится и ни в коем случае не покладывайте ничего под голову. Ни воды, ни пищи не давать. Я выезжаю первым же поездом».

— Мой Боже... — прошептал вдруг Холмс. — Но это чудовищно!

— Да, травма позвоночника — это не шутка, — согласился я. — В своей практике мне приходилось сталкиваться с очень тяжелыми случаями...

— Ах, Уотсон, я не про травму! — перебил меня сыщик с удивившей меня эмоциональностью. — Вы хотите сказать, сэр, что ваша дочь по-прежнему там?

— В том-то и дело! Ее нельзя оттуда вынести! Осмотрев Эжени, профессор сказал: «Нужен абсолютный покой. Как минимум на протяжении двух недель. Есть шанс, что треснувший позвонок срастется, не защемив спинного мозга. Иначе — полный паралич». Мсье Лебрен — святой! Мало того, что он согласился провести рядом с Эжени все две недели и лично ухаживать за ней! Когда я рассказал ему об адской машине (ведь я не мог этого не сделать), он ответил: «Мы не можем положить пациентку на носилки — они не пролезут в дверь. Значит, она остается здесь. Я тоже остаюсь, я давал клятву Гиппократа». Отпустил свою помощницу, исполнявшую работу сиделки, а сам остался. Вот какой это человек!

— В самом деле, — прищурился Холмс. — Профессор и сейчас там?

— Конечно. Вы можете поговорить с ним сами. — Дез Эссар протер очки, без которых его пухлое лицо стало еще более беззащитным. — Ну вот, теперь вы все знаете. Я не могу пожертвовать домом, и Люпену это отлично известно. Обратившись к вам за помощью, я хватаюсь за последнюю соломинку. Но директор банка уже приготовил для меня деньги. Если вы не разгадаете загадки Люпена, я отдам ему всё, что имею... Мы с дочерью будем жить скромно, мы продадим наше родовое имение. Это ничего, лишь бы Эжени не осталась инвалидом... Да, вот еще что! — спохватился он. — Об адской машине дочь не знает. Профессор запретил говорить. Девочке вредно нервничать.

— Ясно. Пойдемте, Уотсон. — Холмс открыл дверь и замер, разглядывая щелеобразный изогнутый проход футов в десять длиной, шириной же меньше фута. — Я-то пройду, а вы смотрите не застряньте. Протискиваться придется боком. Тут-то вам и выйдет боком пристрастие к портеру и овсянке.

Каламбур был, во-первых, малоостроумен, а во-вторых, несправедлив. Конечно, я не так тощ, как некоторые, но вследствие регулярных занятий спортом у меня нет ни одной унции лишнего жира. Холмсу это было отлично известно.

Уже изготовившись ввинтить свое длинное, узкое тело в щель, Холмс оглянулся и вдруг увидел, что хозяин направляется к выходу.

— Куда вы, сэр? Ждите здесь. Вы можете мне понадобиться для кое-каких уточнений.

Дез Эссар переминался с ноги на ногу, он выглядел странно сконфуженным.

— Уже почти час дня, — пробормотал он, отводя глаза. — Я должен встретить парижский поезд... Через полчаса вернусь. Если что, вы можете протелефонировать управляющему. Один раз повернете ручку аппарата, и он сразу возьмет трубку...

— Зачем вам парижский поезд? — удивился я. — Кого еще вы ждете?

— Мистера Эраста Фандорина. Это известный американский сыщик. Я узнал из газеты, что он сейчас находится в Париже, и попросил помочь, — залившись краской, лепетал дез Эссар. — Во-первых, я не был уверен, что мистер Холмс приедет... А во-вторых, две головы лучше, чем одна. Я правильно выразился?

Рассвирепев, я вскричал:

— Послушайте, это черт знает что такое! С Шерлоком Холмсом так не поступают! Куда вы? Немедленно вернитесь!

— Я скоро... Каких-нибудь полчаса, — блеял наш клиент, пятясь к двери. — В гостиной сервирован стол. Вино, холодные закуски. Сядем все вместе, потолкуем, обсудим...

Шмыгнул в коридор и был таков.

Кипя от возмущения, я обернулся к Холмсу и увидел, что тот беззвучно смеется.

— Выходит, мы с вами — не самая последняя соломинка мсье дез Эссара. Вот что значит истинный француз, Уотсон! Никогда не поставит на одну лошадь.

— Предлагаю вызвать извозчика и ехать в порт, — сказал я. — Потеря всех банковских накоплений научит этого нахала, как нужно обходиться с Шерлоком Холмсом. Посмотрим, поможет ли ему какой-то там американец!

— Эраст Фандорин — не американец, а русский.

— Еще того лучше. — Я пожал плечами. — Русский! Могу вообразить, что это за сыщик. Русское преступление века: медведь украл у боярина бочку водки. Право, Холмс, едемте.

— Ни за что на свете! Теперь стоящая передо мной задача становится еще интересней. Фандорин — весьма опытный детектив, я давно слежу за его успехами. Последние годы он живет в Америке, провел несколько любопытнейших операций. Чего мне больше всего не хватает в детективной работе, это соревнования интеллектов. С кем прикажете соперничать, с инспектором Лестрейдом? — Он азартно потер ладони. — И вы хотите, чтобы я отказался от такого дела! С одной стороны, хитроумнейший преступник Франции и загаданная им головоломка, с другой — достойный конкурент! Не будем терять времени. У нас перед Фандориным преимущество в полчаса. Так давайте им воспользуемся!

И Холмс нырнул в проход.

Я преодолел эту теснину менее проворно, чем он. Мой друг уже вошел в библиотеку, а я все еще протискивался боком. По стене скребли пуговицы сюртука, одна вовсе отлетела, и должен признаться, что я не раз помянул покойного дез Эссара-отца крепким словом.

Но когда я наконец оказался внутри башни, перед моими глазами предстало зрелище, от которого всё раздражение разом улетучилось.

В первый миг я не успел толком разглядеть убранство круглой комнаты — лишь заметил, что в камине пылает огонь, а все пространство стен за исключением оконных

проемов занято книжными полками. Но я не осматривался по сторонам. Моим вниманием всецело завладела распростертая на полу фигура. Это была картина, которую я не скоро забуду!

Девушка, накрытая легким белым покрывалом, была растянута, будто ее собирались подвергнуть казни четвертованием. Устрашающего вида механизмы с шкивами и поворотными рычагами были установлены у головы и ног лежащей. К ее запястьям и щиколоткам, обмотанным ватой, были прикреплены веревки, так что при всем желании она не смогла бы пошевелить ни единым членом. Шея несчастной была закована в гипс. Всё это до такой степени напоминало пыточную камеру времен Святой инквизиции, что стоящая рядом медицинская капельница выглядела вопиющим анахронизмом.

Мисс Эжени, хорошенькая блондинка с очаровательно вздернутым носиком, не могла повернуть головы в нашу сторону и лишь скосила живые карие глаза. До травмы это, видимо, была очень жизнерадостная и здоровая барышня, с лица которой не сходил румянец. Но сейчас ее щеки были бледны, под глазами синели тени, и мое сердце сжалось от сострадания.

— Я знаю, вы папины друзья из Лондона! — воскликнула бедняжка звонким, мелодичным голосом. По-английски она говорила довольно чисто, разве что с легчайшим пришепетыванием. — Как жаль, что я не могу встретить новый год вместе с вами. Но вы ведь придете чокнуться со мной шампанским? Профессор, всего один глоточек! В честь двадцатого века!

Лишь теперь я взглянул на человека, который поднялся из кресла нам навстречу.

Доктор Лебрен оказался субъектом довольно неприятной наружности: худющий, в черной академической шапочке, с висячими усами, крючковатым носом и проваленным ртом.

— Ни в коем случае, — проскрипел он. — Шампанское! Еще не хватало. Никаких раздражителей для желудка. Питательный раствор, который я ввожу вам внутривенно, идеально стимулирует мочевыделение, но блокирует

движения кишечника, которые в вашем положении были бы вредоносны. Газ, содержащийся в шампанском, может вызвать метеоризм и вспучивание живота.

Не замечая, что Эжени мучительно покраснела, ученый сухарь проворчал:

— И, кстати говоря, новый век начнется не сегодня, а только через год, вот тогда и выпьете шампанского. Если будете меня слушаться.

Он тоже говорил по-английски — очень правильно, но безжизненно, как докладчики-иностранцы на научных конференциях.

И всё же этот человек ради пациентки не испугался бомбы! До чего обманчивой бывает внешность, подумал я. Подошел к самоотверженному последователю Гиппократа, представился и крепко сжал ему руку, шепнув:

— Я всё знаю и восхищаюсь вами.

— Вы сказали *доктор*? — спросил он, пожевав тонкими губами. — Так мы коллеги?

— Я всего лишь скромный практикующий врач, да и то не слишком усердный, — ответил я. — И всё же буду признателен, если вы ознакомите меня с вашим диагнозом.

Я отвел профессора в сторонку, чтобы пациентка не услышала лишнего. Она, впрочем, была занята — Холмс о чем-то вполголоса ее расспрашивал, присев на корточки.

— Не двигайте мышцами шеи! — недовольно прикрикнул Лебрен. — Да и голосовые связки без нужды напрягать ни к чему!

— Хорошо, доктор. Я буду делать всё, как вы велите. Только вылечите меня, — прошептала страдалица, и я несколько раз моргнул, чтоб отогнать наворачивающиеся слезы.

С подозрением посматривая на Холмса, профессор скороговоркой и как бы нехотя описал положение дел. Я мало сведущ в нейрофизиологии и, честно говоря, не очень усердно читаю медицинские журналы. Если б не кое-какие воспоминания о латыни, чудом сохранившиеся в моей памяти, я бы ничего не понял.

— Травмирован Vertebra cervicalis, подозрение на трещину в Arcus superior. Хуже всего то, что наблюдается

смещение и защемление Medulla spinalis. Что смог, я сделал. Но две недели полной неподвижности на l'estrapade[1] — так я назвал эту растяжку моей собственной конструкции — единственный шанс на полное или хотя бы частичное восстановление двигательной иннервации. Однако при малейшем сотрясении... — Он многозначительно покачал головой.

— Тетраплегия, коллега? — понимающе кивнул я, очень кстати вспомнив термин, обозначающий паралич всех четырех конечностей.

— Вот именно.

Жалко, Холмс не слышал, как я участвовал в этой ученой беседе — он всё шептался о чем-то с мисс дез Эссар.

— Позвольте-ка, сэр. — Лебрен отстранил меня и подошел к девушке. — Время делать массаж.

Он опустился на колени и принялся разминать больной ступни, но мне сразу стало ясно, что светило нейрохирургии давно уже сам не производил эту процедуру, обычно поручаемую сиделкам, и поутратил навык.

— Думаю, у меня это получится лучше, коллега, — со всей возможной почтительностью сказал я. — Разрешите, мне это привычней.

— Пожалуй. — Мэтр с важностью поднялся. — Тем более что я должен отлучиться, мне пора протелефонировать в клинику.

Он вышел, и я взялся за массаж со всей возможной деликатностью и осторожностью.

— Вы тоже врач? — Мисс Эжени приветливо мне улыбнулась. — Какие ласковые у вас пальцы. Ой, щекотно!

— И очень хорошо, что щекотно. Чувствительность не утрачена, это весьма обнадеживающий симптом.

Я перешел к запястьям, и теперь она смотрела на меня, чуть запрокинув голову.

— Доктор, у меня к вам огромная просьба, — тихонько прошептала девушка. — Вон там, на самой верхней полке, за 45-м томом энциклопедии, стоит шкатулка. Не могли бы вы ее достать? Только тсссс!

---

[1] Дыба *(фр.)*

Я поднял с пола роковую лестницу, виновницу несчастья, расставил и, проверив прочность, вскарабкался под самый потолок.

— Куда это вы, Уотсон? — обернулся Холмс, рассматривавший вентиляционное отверстие в стене.

— Хочу прочесть про тетраплегию в энциклопедии.

Он утратил ко мне интерес.

Все тома были покрыты слоем пыли. Кроме одного-единственного, 45-го, который, очевидно, частенько снимали с места. За фолиантом я обнаружил изящную лаковую коробку и, зажав ее подбородком, спустился вниз.

— Откройте, только незаметно, — попросила Эжени.

Мне было любопытно, что у ней там такое.

Оказалось — ничего особенного. Флакончики, тюбики, кисточки — одним словом полный набор дамских косметических аксессуаров.

— Папа не позволяет краситься. Я тайком, — сообщила мадемуазель. — И в тот раз я тоже лазила не за книгой... Достаньте зеркало. Хочу посмотреть, как я выгляжу.

На ее лице появилось сосредоточенное выражение, с каким женщины всегда смотрятся в зеркало, — одновременно недовольное и полное надежды.

— Какой кошмар, — упавшим голосом сказала Эжени. — Ужасней, чем я думала. А папа сказал, что будут еще гости, какой-то господин из Америки. Ради бога, мистер Уотсон, помогите мне! Возьмите румяна. Вон та круглая коробочка, да. Обмакните кисточку. Нет-нет, не так сильно. Проведите пониже скул. Покажите-ка. Ах нет! Слишком много. Сотрите салфеточкой... Ну хорошо, сойдет. Теперь возьмите помаду...

Я послушно и очень старательно выполнял все указания мисс дез Эссар. Мое сердце замирало от жалости и восхищения. О, женщины! В них столько отваги и стойкости духа, что нам, мужчинам, впору бы поучиться. Вот чего никогда не поймет мой многоумный друг с его нелепой феминофобией.

— Нижнюю губу, скорей! — поторопила меня Эжени. — Я слышу в диванной шаги. Гость уже здесь! Уберите шкатулку!

Я едва успел спрятать коробку за спину, как из щели боком выскользнул незнакомый джентльмен с гладким черным пробором и седыми висками

— Добрый день, мадемуазель. Здравствуйте, г-господа, — сказал он по-французски с легким заиканием. — Мое имя Фандорин. Эраст Фандорин.

V

Первое впечатление от этого господина у меня было не самое благоприятное. Очень уж лощеный, слишком тщательно одетый, и сразу видно, что считает себя красавцем. Если б я не знал о его происхождении, не усомнился бы, что передо мной француз.

Мне показалось, что вновьприбывший не ожидал увидеть в башне столько людей, во всяком случае он оглядел нас с некоторым недоумением.

Я назвал себя, а Холмс начал представляться, да не закончил, потому что русский был вынужден отвлечься. За его спиной послышалось сопение и кряхтение — кто-то явно пытался пролезть через коридор, испытывая нешуточные затруднения. Я вообразил, что мсье дез Эссар все-таки решил прорваться к дочери (при его полноте эта попытка была заведомо обречена на неудачу). Однако я ошибся.

Извинившись, мистер Фандорин просунул руку в проход и выдернул оттуда низенького, плотно сбитого азиата в добротной клетчатой паре. Тот встряхнулся, приводя в порядок свой помятый костюм, и с большим достоинством всем нам поклонился.

— ...Sherlock Holmes, à votre service[1], — спокойно проговорил мой друг, словно никто его и не прерывал.

Не скрою, было приятно наблюдать, как исказилась от изумления смазливая физиономия русского.

— Ш-Шерлок Холмс? Т-тот самый? — пролепетал он, переходя на английский. — А вы — *тот самый* доктор Уотсон?

---

[1] Шерлок Холмс, к вашим услугам. *(фр.)*

Я иронически наклонил голову. Похоже, мсье дез Эссар провел не только нас с Холмсом.

Фандорин оборотился к двери, как бы ожидая от хозяина объяснений. И они не замедлили последовать.

— Прошу извинить! — гулко, как из трубы, донесся голос дез Эссара, который, очевидно, просунул голову в коридорчик. — Я должен был предупредить вас по дороге, но боялся, что вы повернете назад! Мистер Холмс счастлив возможности поработать с вами рука об руку. Надеюсь, и вы ничего против мистера Холмса не имеете!

— Нет-нет, совсем напротив! Я счастлив и даже п-польщен! — переполошился русский. — Просто это несколько неожиданно...

Он изобразил радостную улыбку, которая получилась не очень правдоподобной.

— Вот и отлично! — с энтузиазмом крикнул хозяин. — Я знал, господа, что вы простите мне эту маленькую интригу. Ради бедной девушки, которую вы видите перед собой!

Мисс Эжени, с интересом косившая своими очаровательными глазками на красавца-заику, громко спросила:

— О какой интриге ты говоришь, папочка? И потом, разве эти господа приехали сюда работать, а не встречать новый год?

Мы все тревожно переглянулись. Но дез Эссар нашелся:

— Это касается реорганизации Общества друзей электричества. Мои гости — страстные поклонники прогресса.

Фандорин почтительно молвил:

— Это сущая правда, мисс.

Он уже опомнился от неприятного сюрприза, взял себя в руки и заговорил с непринужденностью человека вежливого и светского.

— Прошу извинения, господа. Я еще не представил вам моего... — Он немного запнулся. — ...Моего друга и помощника мистера Масахиро Сибату. Он японец.

Азиат поклонился еще раз, после чего подошел и торжественно пожал руку мне и Холмсу.

— Рад знакомству. Ваш... метод многому меня научил, — продолжил русский, адресуясь к Холмсу и благоразумно

опуская слово «дедуктивный», которое могло бы вызвать расспросы со стороны мисс дез Эссар.

Здесь в башню вернулся Лебрен, и мистер Фандорин был ему представлен.

— Ваша самоотверженность, дорогой профессор, — обратился он к медику, — делает вам честь. С вашего позволения чуть позже я задам вам несколько вопросов.

Затем комплимента удостоилась и моя скромная персона.

— Уважаемый доктор Уотсон, — повернулся ко мне русский сыщик, — я искренне восхищаюсь вашим литературным т-талантом. В жизни не читал ничего увлекательнее ваших «Записок».

Тут Сибата заинтересованно спросил его о чем-то на странно звучащем наречии (уж не знаю, по-русски или по-японски). Фандорин ответил ему такой же тарабарщиной.

— Вы что, писатель? — спросила меня мисс Эжени.

Когда же я наклонился к ней, она, не дожидаясь ответа, шепнула:

— Как я выгляжу?

— Великолепно, — успокоил ее я.

Это было истинной правдой — благодаря моим, пусть неуклюжим, но добросовестным стараниям, она заметно похорошела: лицо посвежело, рот сделался изящно очерченным, сочным. Я подумал, что во мне пропадает дар гримера.

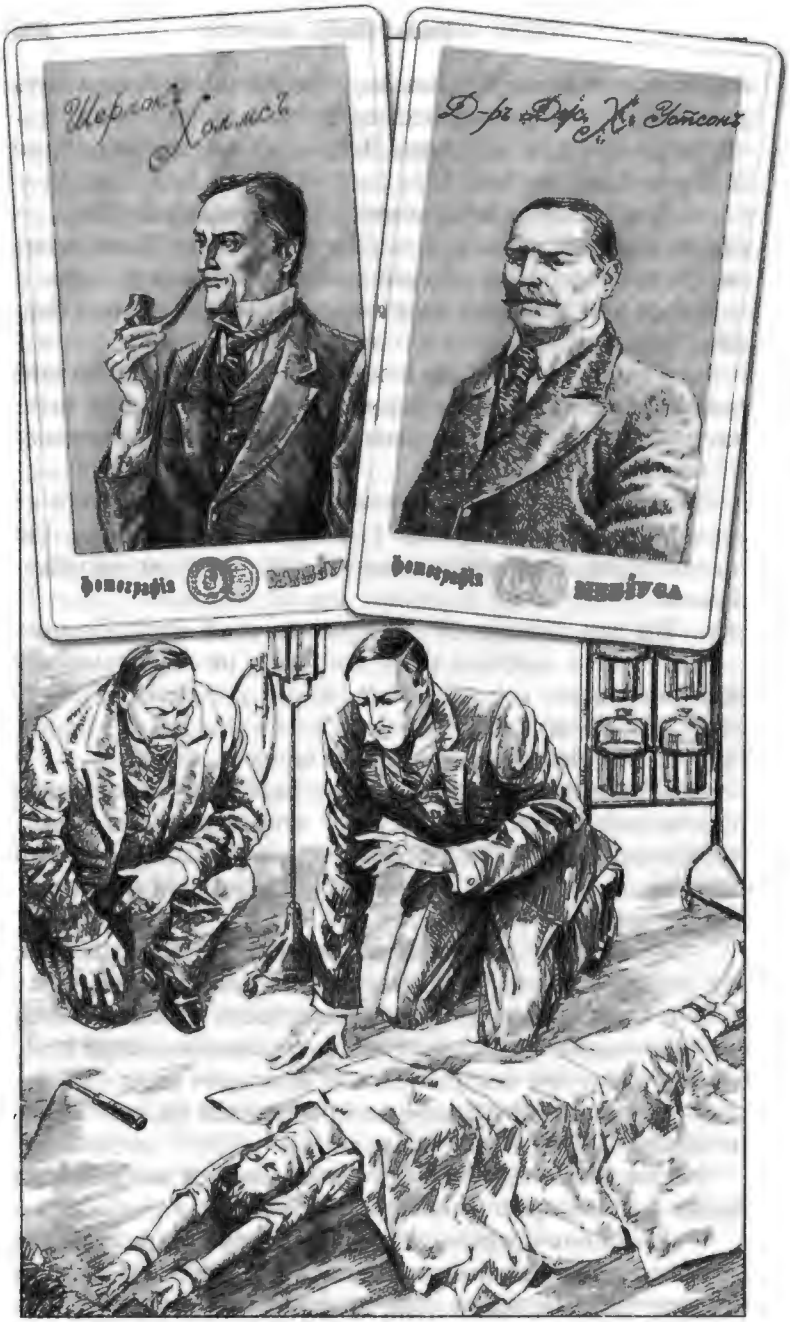
— Присядьте на корточки, сэр, — попросила мисс дез Эссар русского. — Я хочу получше вас рассмотреть.

Эта трогательная непосредственность красноречивей всего подчеркнула весь трагизм ее положения. Я заметил, что у Фандорина сострадательно дрогнули губы.

— К вашим услугам, — ласково сказал он, опускаясь на колени.

Внимательно посмотрев на него, Эжени всё с той же подкупающей простотой проговорила:

— Вы очень красивы, сэр. Знаете, прежде я мечтала, что меня полюбит именно такой мужчина — не юнец, а человек зрелый, надежный, но непременно видный со-

Шерлок Холмс
фотографія
Д-р Джон Х. Уотсонъ
фотографія

бой и безукоризненно одетый... В моем положении есть свои преимущества, не правда ли? — печально улыбнулась она. — Я могу говорить вслух совершенно невозможные вещи, и никто на меня не рассердится.

Фандорин попробовал ответить шуткой, хотя было видно, что он взволнован:

— Скоро вы выздоровеете, и тогда вам вновь придется соблюдать все правила б-благопристойности. Так что наслаждайтесь свободой, пока можете.

Она еле слышно произнесла:

— Вы очень добры. Ко мне все добры. Но я знаю, я чувствую, мне никогда уже не подняться.

— Что за ерунда! — сердито воскликнул подошедший Лебрен (очевидно, слух у него был замечательный). — Будете выполнять мои инструкции, еще на балах натанцуетесь. Довольно, господа! Ваше присутствие волнует пациентку. К тому же нам пора пи-пи. Прошу всех удалиться.

Что за несносная манера у иных представителей моей профессии — бравировать физиологизмами!

Мы с Фандориным разом поднялись, избегая смотреть на бедную мисс Эжени, чтоб не сконфузить ее еще больше.

Честно говоря, глаза у меня были на мокром месте, а в горле стоял ком. Если бы мне в эту минуту попался гнусный шантажист, осмелившийся поставить на карту жизнь этой милой девушки, я бы... Просто не знаю, что бы я с ним сделал.

Оставив профессора наедине с пациенткой, мы переместились на первый этаж, в столовую, где с закусок и напитков уже была снята салфетка.

Невзирая на перенесенные волнения и напряженность ситуации, я сильно проголодался, так что накинулся на паштет и холодную говядину с изрядным аппетитом. Холмс и Фандорин к еде не прикоснулись, дез Эссар отломил кусочек хлеба, но так и не проглотил. Если бы не чудесный мистер Сибата, подкреплявшийся с еще большим энтузиазмом, чем я, мне было бы неловко.

— Я снова кричал управляющему, — сообщил хозяин. — Спрашивал, не телефонировал ли преступник. Мсье Боско покачал головой — господа свидетели.

Он пытался за нами ухаживать — налил в бокалы вино, расставил приборы, но было видно, что такого рода деятельность дез Эссару в новинку. Вино он расплескал, вилку уронил под стол, салфетки скомкал. Никто не вызвался ему помочь. Оба сыщика были погружены в раздумья, а мы с господином Сибатой слишком проголодались, чтоб заботиться о сервировке.

Меня переполняла жажда действия. Стоило вспомнить о несчастной узнице башни, как сердце закипало от негодования.

Поскольку оба сыщика молчали, я взял инициативу на себя.

— Главный вопрос: как Люпен узнал о существовании тайника, куда можно запрятать бомбу. Нужно вызвать всех слуг, которые работают в замке со времен вашего отца, и каждого из них подвергнуть тщательному допросу.

Хозяин развел руками.

— Я думал об этом. Кухарка для прислуги и один из конюхов прожили здесь чуть не полвека. Но разве упомнишь всех, кто уволился за минувшие сорок лет? Ведь это может быть человек, который работал в Во-Гарни бог знает когда...

— И очень возможно, что Люпен узнал секрет через третьи или четвертые уста, — заметил Холмс.

А Фандорин прибавил:

— Не будем забывать о каменщиках и п-плотниках, которых нанял дез Эссар-старший для устройства своих тайников. Любопытные сведения такого рода часто пересказывают друзьям и домашним — люди обожают посудачить о причудах богачей.

Всё это было справедливо. Я сник, но ненадолго.

— Тогда пусть кто-нибудь из нас отправится в полицию. Наверняка мистер дез Эссар знает начальника.

Хозяин кивнул, и я продолжил:

— Не поднимая шума, чтоб Люпен не встревожился, нужно посадить толкового инспектора на коммутатор. Когда преступник позвонит господину Боско по телефону, можно будет установить, каким аппаратом воспользовались, и выслать туда жандармов. Помните, Холмс, мы проделали то же самое, когда ловили Кенсингтонского Вымогателя?

— Не будьте наивны, Уотсон, — довольно грубо ответил на это Холмс. — Арсен Люпен — не жалкий дилетант. Никакого телефонного звонка не будет. Это не более чем уловка, чтобы увести наше внимание в сторону. Зачем Люпен станет звонить? В его записке всё изложено с предельной ясностью.

Русский кивнул — он был согласен с мнением Холмса.

— Хорошо! — не сдавался я. — Подойдем к делу с иной стороны. Не будем искать выход на Люпена. Давайте сконцентрируемся на поиске адской машины. У нас есть код, сосредоточимся на нем. И не будем забывать — время идет.

Все не сговариваясь посмотрели на часы. Они показывали пять минут третьего. До взрыва оставалось десять часов.

Наступила тишина, лишь японец скрежетал ножом, разрезая ветчину.

— Сэр, если у вас нет возражений, я бы предложил следующую методу, — учтиво обратился к русскому Холмс, будто до сих пор не было произнесено ни единого слова. — Я знаком с вашей манерой работы. А вы, насколько я понял, достаточно осведомлены о моей.

Фандорин кивнул.

— Так давайте двигаться независимо друг от друга, — продолжал мой друг. — Вы действуйте на свое усмотрение, я на свое. Мне кажется, в данном случае это будет эффективнее, чем объединение усилий. Посмотрим, кто решит эту задачу первым.

— Отлично! — оживился красавчик. — Я и сам хотел вам то же п-предложить!

Бедняга! Кажется, он всерьез собрался соперничать с Шерлоком Холмсом.

Резкие черты холмсовского лица осветились улыбкой.

— Что ж, а вот теперь можно и подкрепиться, — весело объявил он, придвигая к себе блюдо с буженины. — Уотсон, дружище, налейте-ка мне бургундского.

Дез Эссар, кажется, тоже был доволен, что всё так замечательно устроилось.

— После обеда я провожу вас в гостевые покои, где вы сможете умыться и, если угодно, переодеться. Ровно в три прошу спуститься сюда, в столовую. Мы приступим к осмотру дома. Может быть, вы заметите то, что выскользнуло, то есть ускользнуло от моего внимания.

Напряжение несколько спало.

Зазвенели приборы, в бокалы полилось рубиновое вино.

Я был уже сыт и достал сигару. Мой же сосед, мистер Сибата, продолжал поглощать снедь с прежним аппетитом.

Энергично работая челюстями, он повернулся ко мне и спросил:

— Вы помосьник и писатерь?

Сообразив, что это означает: «Вы помощник (очевидно Холмса) и писатель?», я ответил утвердительно.

Японец уточнил:

— Писете про подвиги своего масута?

Мне пришлось подумать, прежде чем я догадался, что это он так произносит слово master[1].

Я засмеялся.

— Да, пишу. Но Холмс мне не господин. Он мой друг.

Однако наши взаимоотношения с Холмсом мистера Сибату, кажется, не интересовали. Он придвинулся ближе и, сосредоточенно уставившись на меня своими узкими глазками, спросил:

— Вы писете, и вам пратят деньги? Муного?

---

[1] Господин *(англ.)*

Краткий, но прекрасный путь трех мудрых

(Из записок Масахиро Сибаты)

六

<...> Просмотрел написанное выше и остался очень доволен. По-моему, рассказ о наших с господином приключениях в городе Париже и описания природы в главе о путешествии по железной дороге удались мне на славу. Когда же я перечитывал трогательную сцену о прикованной к полу желтоволосой девице, из моих глаз потоком лились слезы.

Однако прежде чем я продолжу правдивую повесть об элегантной танка, сочиненной мною в замке Во-Гарни, долг благодарности требует посвятить несколько слов Уотсону-сенсею, побудившему меня взяться за кисточку, а также давшему мне несколько бесценных советов касательно писательского ремесла.

Когда я услышал, что этот почтенный муж своими сочинениями зарабатывает гораздо больше денег, чем его товарищ своими расследованиями, на меня снизошло сатори. Я понял, что могу делать то же самое! Фандорин-доно ничуть не уступает умом и доблестью Шерлоку Холмсу, воля моего господина крепка, а Путь светел и прям. И я решил: пусть он продолжает схватку со злодеями земли, я по-прежнему буду помогать ему по мере моих ничтожных сил, но отныне стану всё-всё записывать. Издам чудесную книгу, которая прославит нас обоих на весь свет и принесет столько денег, что мы сможем удалиться от дел и предоставить злодеев земли их собственной карме.

Но Уотсон-сенсей сказал, что отступления не должны быть слишком пространными, иначе читатель заскучает, а потому возвращаюсь к беседе, состоявшейся за

обедом, описанию которого я посвятил предшествующую главу.

Тронутый деликатностью господина, который представил меня остальным не своим слугой, а другом, я так расчувствовался, что почти лишился аппетита, однако прислушивался к разговорам очень внимательно, благо они велись на английском, а этот язык за годы американской жизни я освоил в совершенстве.

— Правда ли, что вы много странствовали по Востоку и даже жили в Тибете? — спросил Фандорин-доно у крючконосого Холмса.

— Да. И сделал немало важных открытий. Главнейшее состоит в том, что наша душа и тело гораздо мощнее, чем представляется людям Запада. Надо лишь найти в себе ключ к источнику силы, — сказал английский сыщик, и я сразу понял, что передо мной действительно человек большой мудрости. — О, какую книгу я мог бы об этом написать, если б обладал талантом Уотсона!

Я с удовольствием послушал бы его еще, но тут встрял хозяин замка (я уже писал, что лицом он ужасно похож на рисовую лепешку, а голос у него писклявый, как у кошки):

— У Арсена Люпена тоже есть собственный писатель, мсье Леблан. Я бы таких писателей в тюрьму сажал! Если знаешь, где скрывается преступник, обязан сообщить в полицию!

— Холмс блестяще владеет смертоносной японской борьбой барицу, — сообщил мне Уотсон-сенсей. — Вам, мистер Сибата, она, конечно же, известна.

Нет, о смертоносной борьбе барицу мне слышать не доводилось, я даже не могу себе представить, какими иероглифами может писаться такое слово. Как мне показалось, слова доктора не доставили удовольствия его старшему другу — во всяком случае, тот поморщился.

— Арсен Люпен тоже знает какое-то хитрое восточное джицу, — опять вставил Дэзу-сан (у этого человека слишком длинная фамилия, чтоб каждый раз писать ее полностью). — Он хвастается, что может в одиночку по-

колотить троих. Мистер Фандорин, я только по дороге сюда узнал, что вы, оказывается, не американец, а русский. Арсен Люпен тоже бывал в России. У нас в газетах писали, как он украл миллион из кассы государственного Казначейства. Должно быть, в Петербурге до сих пор об этом говорят?

— Забыли, — сказал господин. — В России из Казначейства воруют и не по стольку. Мистер Холмс, я хотел вас расспросить о преступной организации профессора Мориарти. В записках доктора Уотсона о ней говорится слишком скупо, а меня очень занимает проблема к-криминальных сообществ.

— Я выполнял инструкции Холмса. — Уотсон-сенсей погладил усы. — Он не позволил вдаваться в подробности.

Английский детектив наклонил голову.

— Расскажу всё, что знаю. После того как мы закончим это маленькое разбирательство. А я, в свою очередь, желал бы узнать детали истории доктора Линда. Правда ли, что это был истинный гений перевоплощения?

— О да.

— Любопытно. Я и сам имею некоторые основания гордиться своими талантами в этой области, — самодовольно сказал Холмс.

Я спрятал улыбку. Знал бы он, перед кем хвастает!

Дэзу-сан тоскливо протянул:

— Люпен тоже мастер камуфляжа. Про него говорят, что он может запросто менять возраст, походку, голос. Даже рост!

Есть хорошая русская пословица: «Кто о чем, а вшивый о бане». Это как раз про нашего хозяина, который ни о ком кроме Люпена думать не способен. Беднягу, конечно, можно понять, но он начинал мне надоедать — мешал внимать беседе умных людей.

— Это не самое сложное, — вежливо ответил господин. — Линд мог с легкостью менять пол. Я на такое никогда не отваживался.

— Видели бы вы меня в амплуа старухи! — воскликнул Холмс и расхохотался.

Во рту у него была изогнутая курительная трубка, и когда он издал лающие звуки «ха-ха-ха», с губ один за другим сорвались маленькие клочки дыма.

Хозяин открыл рот — наверное, опять хотел сказать что-то про своего Люпена, но в этот миг (Уотсон-сенсей объяснил мне, что это очень важное выражение: «но в этот миг») зазвонил телефон, стоящий у стены на столике.

Дэзу-сан вскочил, опрокинув бокал с вином, и кинулся к аппарату.

Мой французский, к сожалению, нехорош, и я не понял, что говорил в трубку Дэзу-сан. Правда, он больше слушал и восклицал: «мерд, мерд!» — вероятно, что-то вроде нашего «хай».

Закончив разговор, он взволнованно сказал:

— Это Боско! Вы ошиблись, господа. Люпен все-таки позвонил! Он всё знает! Просил кланяться мсье Холмсу и мсье Фандорину! Сказал, что он на меня не в претензии, ведь условия игры не запрещают мне прибегнуть к помощи частных детективов. Но требование остается прежним: к половине двенадцатого вы должны покинуть дом. Еще он сказал, что рад случаю скрестить шпаги с такими противниками.

Холмс поднялся.

— Соедините меня с управляющим. Я должен задать ему несколько вопросов.

— Сейчас! Это всего один поворот ручки.

Дэзу-сан покрутил ручку. Дунул в трубку. Еще раз покрутил. Еще дунул. Повторил слово «мерд!», очень громко.

— Прервалась связь... К сожалению, это бывает. Ничего! Я сбегаю, приведу Боско сюда, и вы сможете задать ему свои вопросы.

Наклонившись, он побежал к двери — неуклюжие ноги еле за ним поспевали.

Дождавшись, пока хозяин удалится, доктор Уотсон с возмущением сказал:

— Типично французская бравада! Какой наглец этот Люпен!

На это Шерлок Холмс сказал... Нет, я вспомнил, что во время очередной беседы по поводу писательского мастерства сенсей научил меня не писать всё время: «сказал, сказал». Надо использовать синонимы: «молвил», «проговорил», «произнес», а еще лучше выразительные глаголы вроде «вскричал», «простонал» или «прокряхтел»

Итак, Шерлок Холмс молвил.

— Это называется «гасконада» — озорной вызов. У французов всё делается для эффекта, всё напоказ. Что вы думаете про этого новоявленного Робин Гуда, мистер Фандорин?

Господин покривился:

— Меня с души воротит от этого мерзавца. Он кичится тем, что никогда не совершает убийств. А по-моему, лучше уж честный г-головорез, чем гнусный шантажист, наживающийся на чужой беде.

Я энергично кивнул в знак полного одобрения этой точки зрения.

— Совершенно согласен, — присоединился к нашему мнению английский сыщик. — Давайте не просто найдем тайник с бомбой, но еще и засадим мсье Люпена за решетку, где ему самое место.

— Но я бы очень хотел, чтобы предварительно он оказал сопротивление, — мечтательно протянул Фандорин-доно. — Посмотрим, насколько хорошо усвоил он уроки дзюдзюцу.

У моего господина что ни слово, то золото.

В этот миг (еще можно сказать «в это самое мгновение» — тоже неплохо) из коридора донеслись шаги, и в столовую вошел смуглый мужчина с подкрученными, как у Оды Нобунаги, усами и пышной прической. По ней я тотчас догадался, что это и есть управляющий. Давеча мы видели его силуэт в окне конюшни.

Он прерывисто дышал — должно быть, очень к нам торопился. Поздоровавшись, он обвел нас взволнованным взглядом, и я почтительно ему поклонился, потому что знал: этот Боско повел себя, как подобает верному вассалу — зная о бомбе, не бросил господина в беде.

— Мсье совсем запыхался. Я дал ему воды. Он придет, как только отдышится. А мне велено поспешить сюда и ответить на ваши вопросы, — очень быстро проговорил он на французском.

Холмс переводил всё сказанное доктору, я старался не пропустить ни слова. Господин же шепнул мне по-русски, что в речи Боско чувствуется итальянский акцент. Итальянцы считаются отличными слугами, их охотно нанимают на работу в лучшие дома Франции.

К тому, что нам уже было известно от Дэзу-сан, Боско добавил, что голос у знаменитого преступника звучный и наглый. Сразу после окончания разговора итальянец связался со станцией и спросил, откуда звонили, но телефонистка ответила, что вызов через коммутатор не проходил. Очевидно, Люпен каким-то образом сумел подключиться к линии напрямую.

— Как видите, я все же был не совсем неправ, — заметил Шерлок Холмс. — Полицейский инспектор на телефонном узле ничем бы не смог нам помочь.

Когда управляющему задавали очередной вопрос, он отвечал коротко и очень быстро. Мне показалось, что ему не терпится поскорее уйти отсюда. Дважды, когда возникала пауза, он спрашивал, можно ли ему уже вернуться в конюшню. На лбу у него блестели капельки пота, глаза беспокойно перемещались с предмета

на предмет, и я вдруг догадался, что он просто-напросто боится, не взорвется ли бомба раньше времени. Мое уважение к этому человеку сразу поуменьшилось.

Внезапно господин спросил его совсем про другое.

— Я заметил, что на всех окнах первого этажа установлены ставни, снаружи запирающиеся на замок. Где ключи?

Боско заморгал, явно не понимая, чем вызван вопрос.

— Ключ один, потому что все замки одинаковые. Вот этот.

Он выбрал в связке, что висела у него на поясе, один ключ и показал.

— А остальные от чего?

— Этот от главного входа, этот от бокового со стороны оврага, этот от веранды, маленький от первого этажа башни, а этот от служебной двери...

Фандорин-доно попросил отдать ему связку и внимательно рассмотрел ее, запоминая, какой ключ от чего.

— Ну теперь я могу идти? — Боско нервно переминался с ноги на ногу.

— Да, только проверьте, что с телефоном, — велел ему Шерлок Холмс (тут уж мне перевел господин). — И покажите, где наши комнаты.

С минуту повозившись у аппарата, управляющий радостно воскликнул:

— Всё в порядке! Если что — я буду на своей квартире. Вызвать меня очень просто: один поворот ручки. Два поворота — соединение со станцией.

Это мы знали и без него.

В комнаты он нас провожать не стал. Ограничился объяснением:

— Вы найдете сами, это очень просто. Выходите направо в коридор, там в конце биллиардная. Из нее выйдете налево, на боковую лестницу. Поднимитесь на второй этаж. Там стеклянная дверь, за ней площадка. С одной стороны комната для господ из Лондона, с другой для господ из Парижа. Решайте сами, кому какая.

Поклонился и припустил из столовой бегом. Несколько мгновений спустя громко хлопнула входная дверь. Ни один японский слуга не позволил бы себе так потерять лицо!

Мы пошли в указанном направлении и, действительно, безо всяких затруднений нашли стеклянную дверь. После небольшого состязания в учтивости — кто первым выберет себе пристанище — мы с господином разместились в светлой комнате, выходившей окнами на лужайку.

Я достал из чемодана рабочий пиджак господина и его туфли на бесшумной каучуковой подошве, сам тоже переоделся в старое (вдруг придется падать или ползать на животе), посетил уборную, а больше мне заняться было нечем. До трех часов еще оставалось время. Господин сидел в кресле и сосредоточенно пощелкивал своими нефритовыми четками, разглядывая странный шифр, который он переписал себе в книжку. Я догадывался, что Фандорин-доно разрабатывает план действий, хоть и понятия не имел, какой именно. То есть теперь-то, когда я пишу эти строки, я, конечно, знаю, но сенсей предупредил меня: сразу всё рассказывать нельзя, иначе читателям будет неинтересно, поэтому пока про план господина писать не стану. Лучше постараюсь вспомнить, о чем я тогда думал.

Ах да, про юную госпожу Дэзу. Я размышлял, что ее, конечно, очень жалко, но мужа она себе все равно найдет, даже если останется парализованной. Зря ее отец так переживает. Она хороша собой и обладает приятными манерами, а это самое главное. Многие даже найдут своеобразную прелесть в ее неподвижности. Парализованная красавица подобна прекрасной статуе. У многих мужчин это вызовет и сердечную жалость, и чувственное волнение — отличная рассада, из которой нетрудно произрасти пышному цветку любви. Полагаю, некоторые предпочли бы, чтобы девушка еще и лишилась дара речи. Тогда она вообще была бы идеальной

для обожания. Когда мы с господином спасем ее от взрыва и поймаем знаменитого злодея, о госпоже Дэзу напишут все газеты, и она станет знаменитой. Слава — очень сильное приворотное зелье. В старой Японии из такого великолепного сюжета обязательно сочинили бы пьесу для театра кукол.

Вот о чем я думал, пока господин перебирал нефритовые четки. Я сидел очень тихо, чтобы не помешать ему медитировать. Без одной минуты три я нарушил тишину, сказав, что нам пора идти в столовую.

Мы спустились, и Дэзу-сан повел нас осматривать дом, чтобы мы нашли, где хитроумный Люпен спрятал свою ужасную бомбу.

VII

Осмотр дома более всего напоминал экскурсию по кунст-камере. Впереди шел мсье дез Эссар, ни на минуту не умолкая, поминутно оборачиваясь и отчаянно жестикулируя, отчего он постоянно спотыкался и раза два чуть не сверзся с лестницы. За ним Фандорин со своим японцем, потом я, а замыкал процессию Холмс, иногда застревавший где-нибудь в укромном уголке, так что нам приходилось его ждать.

Должно быть, во времена дез Эссара-старшего за́мок изобиловал всякими диковинами, но и сейчас тут было что показать и о чем рассказать.

Еще накануне, проходя через биллиардную, я заметил, что все стены там увешаны экзотическими орудиями смертоубийства, привезенными из отдаленных уголков земли. Там были бумеранги, деревянная дубинка с акульими зубами, индейский нож для снятия скальпов, костяной эскимосский гарпун.

В следующей комнате мое внимание привлекла необычная люстра в виде воздушного шара с плетеной гондолой. Хозяин сказал, что его матушка никогда не разрешала ее зажигать, так как боялась пожара, но теперь,

когда есть электричество, опасаться нечего — и с гордостью продемонстрировал нам, как замечательно безопасны стеклянные лампочки.

Беря пример с Холмса, я не столько слушал объяснения, сколько смотрел по сторонам. Простукивал стены и полы, ощупывал малейшие выступы и неровности.

На втором этаже мы миновали малый салон, где хранилась коллекция сушеных скорпионов («папа говорил, что они красивые»); главную спальню со скрупулезно воспроизведенной на потолке картой звездного неба («папа знал все созвездия»); зимний сад с карликовыми деревьями и очень большим, но сломанным макетом железной дороги («мы с папой проводили здесь долгие часы»); кабинет, где на одной из стен были нарисованы полки с книгами («папу это забавляло»). Во втором этаже круглой башни у «папы» располагался Храм Солнца, а теперь хранились юридические и финансовые документы.

Третий этаж почти целиком занимали покои мадемуазель дез Эссар: ее девичий будуар, очаровательный кабинетик с детскими фотографиями на стенах, комната для рукоделия, каморка горничной. Некогда здесь располагались апартаменты «матушки», поэтому никаких фокусов на третьем этаже не было, за исключением уже известного нам щелевидного входа в башню, куда дез Эссар-père некогда ретировался от гнева своей супруги. Зато в цокольном этаже, куда мы спустились по узкой, крутой лестнице, дух незабвенного «папы» витал буквально повсюду.

Здесь было темновато, зимний свет едва просачивался в крохотные, забранные решетками оконца, и хозяин включил электричество. Известно, что у этого во всех отношениях замечательного способа освещения имеется один недостаток, который инженеры будущего несомненно сумеют преодолеть — вследствие перепадов напряжения электричество то и дело мигает. Несколько раз лампы вообще гасли, тогда дез Эссар начинал суетиться, щелкать переключателями, и снова становилось светло. Впрочем и у Холмса, и у Фандорина при себе были фо-

нарики, так что сыщики не прекращали поиска даже во время этих вынужденных задержек.

Попробую описать помещения полуподвала по порядку, что не так просто, ибо там было полным-полно поворотов и закоулков.

Сначала мы попали в небольшую нарядную комнату, сплошь отделанную дубом — дез Эссар назвал ее «органной». В одну из стен действительно был встроен маленький орган.

— Прекрасный образец салонного *позитива*, — с видом знатока сказал Холмс, сначала любовно проведя рукой по лакированной крышке, а затем открыв ее и пробежав пальцами по клавишам. Звук был дребезжащий, расстроенный, но акустика великолепная — только теперь я заметил, что в комнате совсем нет окон.

— Я не умею музицировать, зато папа был настоящий меломан, — объяснил дез Эссар. — Бывало, запрется здесь и играет, играет. Тут полная звуковая изоляция, потому что матушка страдала мигренями. А что, вы полагаете, тайник может находиться здесь?

Он задавал этот вопрос всякий раз, когда кто-нибудь из нас где-то задерживался.

Я попробовал сдвинуть инструмент с места. Он был встроен в стену намертво.

На стене в золотой раме висела гравюра: Мефистофель с глумливой ухмылкой на лице. Я заглянул под картинку, потрогал крюк, на котором она висела.

Остальные уже проследовали дальше, лишь мистер Сибата малевал какие-то каракули на рулоне рисовой бумаги.

— Боюсь сьто-нибучь забычь, — пояснил он мне.

За «органной» располагался винный погреб — какой же французский дом без него?

— Там тоже вино? — показал Фандорин на огромные дубовые бочки, выложенные у дальней стены.

— Пустые. Боско в них заглядывал. Вы полагаете, их следовало откатить? Но на них толстый слой непотревоженной пыли!

Мы детально осмотрели котельную, просветив отопительную печь изнутри.

Исследовали кухню, где в прежние времена был устроен гидравлический подъемник, подававший блюда прямо наверх, в столовую. Теперь механизм («папина гордость») не функционировал.

Чем дальше углублялись мы в подвал, тем запущенней становились помещения.

В одном была свалена сломанная мебель. В другом — странные куклы в человеческий рост, с усами из пакли и пуговичными глазами. Они были набиты ватой, вместо ног — деревянные подставки.

Я приподнял одну из кукол — она оказалась совсем легкой.

— Это из папиной гардеробной. Он любил, чтоб сюртуки и фраки были без единой морщинки. Вы полагаете, куклы могут иметь отношение к шифру?

От пыли я расчихался.

— Вряд ли, — ответил за меня Холмс. — Идемте-идемте.

Дальше был чулан, где грудой лежали клетки, капканы, а с крючков свисало множество разнообразных сеток непонятного назначения.

— Всё, что осталось от папиного зверинца, — печально сказал дез Эссар. — Я уже рассказывал. В парке когда-то был небольшой зоопарк, где жили звери, лично выловленные папой.

Фандорин поднял с пола мудреный силок из тонкой шелковой нити, который легко поместился у него в кулаке.

— П-превосходная ловушка для кабана. А вот эта для волка.

— Вы разбираетесь в орудиях лова? — живо спросил Холмс.

Как хорошо знакома мне эта ревнивая интонация! Я знал, что мой друг терпеть не может охоту и всё с нею связанное, но ему невыносима сама мысль о том, что есть области, в которых кто-то разбирается лучше него. Полагаю, именно в этом следует искать причину столь

разносторонней, но фрагментарной эрудированности Шерлока Холмса.

— Немного, — ответил русский. — В свое время я участвовал в экспедиции по ловле уссурийского тигра и кое-чему научился у сибирских з-звероловов.

В глазах Холмса блеснула неподдельная зависть. Я не мог сдержать улыбки.

— Вы думаете, ключ нужно искать здесь? — Дез Эссар напряженно наблюдал, как пальцы Фандорина ловко перебирают ячейки шелковой сети.

Но русский покачал головой, и мы тронулись дальше. Он догнал нас на следующем повороте — у порога большой и в прежние времена, очевидно, роскошно обставленной комнаты. На полу лежал ветхий ковер, в углу доживала свой век вылинявшая оттоманка.

— Здесь папа курил опиум, — чуть смущенно улыбнулся хозяин. — В его времена это не считалось чем-то предосудительным. Помните — граф Монте-Кристо, прекрасная Гайде и прочее подобное. Видите, тут целая коллекция трубок.

Я покосился на Холмса, который с интересом разглядывал стеклянный стеллаж. Попросив позволения, открыл, подержал на весу персидский чубук желтого дерева.

— Это для особого сорта гашиша, я видел такие в Кандагаре, — пробормотал он.

— Вы разбираетесь в наркотических веществах? — с интересом спросил Фандорин, из чего следовало, что он не читал мой «Этюд в багровых тонах», где я упоминаю о пагубной привычке, от которой мой друг впоследствии с таким трудом избавился.

Дез Эссар же воскликнул:

— Ага, вам эта комната тоже кажется подозрительной! Я исследовал ее дюйм за дюймом, но ничего не обнаружил!

Но Холмс отмолчался, и мы продолжили осмотр.

Я по-прежнему уделял особое внимание стенам и потолку, благо в подвале он был низок. Надо сказать, что на лестницах и в коридорах повсюду была побелка, так что время от времени мне приходилось вытирать пальцы

платком. Однако я неоднократно ловил на себе одобрительный взгляд Холмса, что побуждало меня продолжать поиски с удвоенным тщанием. Он и сам время от времени рассматривал фрагменты стены в лупу.

Обход продолжался очень долго и, к сожалению, ничего не дал. От медленной ходьбы у меня устали ноги, а наш рыхлый хозяин и вовсе выбился из сил.

Когда мы поднялись на первый этаж, оказалось, что короткий зимний день закончился — за окнами было совсем темно, и дез Эссар, повернув генеральный выключатель, зажег свет во всем доме.

— Боже, уже седьмой час! — простонал он. — Я оставляю вас, господа. Надеюсь, что вы разгадаете эту проклятую шараду, но рисковать жизнью дочери я не могу. Поеду к директору банка за деньгами. Он ждет меня. Ему наверняка хочется в такой вечер побыстрей оказаться в кругу семьи. Распоряжайтесь здесь по своему усмотрению. Как вызвать Боско, вы знаете.

Едва дез Эссар уехал, мы поспешили разделиться с нашими союзниками (или вернее сказать «соперниками»?). Фандорин и японец поднялись к себе в комнату — несомненно для того, чтобы обсудить план действий. Меня же Холмс удержал за рукав, так что мы остались на лестнице.

— Вы тоже подниметесь, но чуть позже, — проговорил он, оглядывая стены и потолок.

Надо сказать, что он и во время обхода всё задирал голову кверху — я даже подумал, не высматривает ли он там тайник.

— За дело, Уотсон. У нас остается меньше шести часов. Хотя мне думается, что мы распутаем узелок гораздо скорее.

При этих словах я ощутил неимоверное облегчение, поскольку понятия не имел, с какой стороны подойти к делу. Найти тайник в этом сумбурном, захламленном доме представлялось мне совершенно невозможным, во всяком случае в столь короткий срок.

Здесь мне придется описать одно мучительное для моего самолюбия происшествие, в результате которого я оказался на время отлучен от расследования.

Вот как это произошло.

— С чего начнем? — воскликнул я. — Приказывайте, я хочу быть вам полезен!

— Помните прошлогоднее дело о пропавшем кассире? — загадочно улыбнулся Холмс.

— Конечно, помню. Вы моментально доказали, что кассир вовсе не сбежал с ключами от сейфа, и в доказательство сами вскрыли несгораемую комнату, где деньги лежали в целости и сохранности. Вы блестяще произвели эту сложную техническую операцию, воспользовавшись моим фонендоскопом.

— Который я вам так и не вернул, поскольку безнадежно его испортил.

— Да, так вы сказали. Но на премию, полученную от банка, я купил себе новый. Это было незабываемое зрелище, — расхохотался я. — Вы, словно заправский врач, диагностирующий больного, прослушиваете звуки, издаваемые поворотным механизмом замка, а мы все стоим и, затаив дыхание, наблюдаем. Консилиум, да и только! Идея не взламывать бронированную дверцу, а применить фонендоскоп была гениальна!

— Всё не так просто, — засмеялся Холмс. — Иначе взломщики накупили бы себе фонендоскопов и обчистили бы сейфы по всей стране. Я не сообщил репортерам одной маленькой детали. В вашем инструменте я заменил фабричную мембрану на другую, собственного изобретения. Она сделана из тончайшего стекла и обладает сверхвысоким коэффициентом вибрации. Он-то и позволил мне правильно определить код замка.

— Вы хотите сказать, что в записке Люпена обозначен код какого-то замка? — спросил я.

— Нет. Я хочу сказать, что фонендоскоп находится в моей походной лаборатории и вновь сослужит нам службу.

— Но как?!

— Очень просто. Что такое бомба, которая должна взорваться в строго определенное время? Это заряд ди-

намита, соединенный с часовым механизмом. А что делают часы?

— Идут, — подумав, ответил я.

— А еще?

— Ну, не знаю. Тикают.

— В том-то и дело. — Улыбка Холмса стала еще шире. — Где-то в потайной комнате или нише тикают часы. Услышать этот звук невооруженным ухом, разумеется, невозможно. Но если знать, где именно искать, можно приложить мой усовершенствованный фонендоскоп к подозрительной поверхности, и, уверяю вас, стеклянная мембрана уловит тиканье даже через стенку — ведь в ней обязательно будет хоть какая-то, пусть крошечная щель.

— А мы знаем, куда именно прикладывать фонендоскоп? Не можете же вы прослушать весь дом, на это понадобится несколько дней!

— Разве я похож на идиота? — Холмс изобразил обиду, но в глазах поблескивали веселые искорки. — Во-первых, адская машина может быть заложена лишь в подвале. Вы профан в архитектуре, иначе сами бы это поняли. В круглой башне спрятать заряд негде. Под башней подвальное помещение отсутствует. Если бомба на одном из трех этажей основного дома, то при взрыве башня уцелеет — она ведь находится сбоку. А именно в башне, вернее в ее узнице, и заключается весь смысл отвратительного шантажа. Динамит должен быть внизу, в фундаменте. Тогда обвалится всё здание, включая пристройку.

— Предположим. Но подвал тоже весьма обширен. Там больше десятка комнат и Бог весть сколько коридоров и переходов!

— Для того, чтобы взорвать замок Во-Гарни, требуется заряд динамита, занимающий не менее пяти кубических футов пространства. Проходя по подвалу, я мысленно отмечал все места, где конструкционно могут быть пустоты соответствующего размера. Таких мест двадцать девять. Дайте мне прослушать каждое из них в течение одной минуты, и я скажу, спрятана там бомба или нет.

— Всего двадцать девять минут! — ахнул я. — Ну, с перемещениями сорок! И всё, тайник будет обнаружен!

— Или же, что скорее всего, обнаружится отсутствие какой-либо бомбы. — Холмс усмехнулся. — В отличие от мсье дез Эссара я не слишком склонен доверять честному слову проходимца. «Продиагностировав» подвал, я дам нашему клиенту гарантию, что никакой адской машины не существует. В доказательство своей правоты я встречу новый год в доме, а завтра с утра мы займемся поимкой Люпена.

— Браво, Холмс! Не знаю, как остальные, но я останусь с вами. Я видел в винном погребе ящик отличного шампанского!

Рассмеявшись, он потрепал меня по плечу и посерьезнел.

— Что ж, за дело. Пойдите в комнату и достаньте из моего кофра фонендоскоп. Он в черном кожаном футляре. Несите осторожней, мембрана очень хрупкая. Я же, чтоб не терять времени, отправлюсь обратно в подвал и помечу все подозрительные места. Не хотел этого делать при мистере Фандорине — чтоб не облегчать ему задачу. И еще одно. Прихватите, пожалуйста, вот это.

Холмс со смущенной улыбкой изобразил смычок, порхающий над скрипкой. Я понимающе кивнул.

Одна из идей, которые мой приятель почерпнул в эпоху своих странствий по Востоку, заключается в том, что работе рассудка лучше всего содействует гармоничное состояние души. Достичь этого проще всего при помощи музыки. С некоторых пор, даже отправляясь на расследование в отдаленные места, Холмс частенько стал брать с собой скрипку — она помогает ему впасть в должное настроение. Поначалу эта привычка казалась мне странной, но со временем я стал находить в ней своеобразную прелесть.

Итак, мы расстались. Холмс спустился вниз, я поднялся на второй этаж.

Из-за двери наших соседей доносился ровный голос Фандорина, расхаживавшего по комнате и что-то втолковывавшего своему ассистенту. Я разобрал звучное слово «etorass» — право, не знаю, что оно означает. Стало

жаль доморощенного детектива, вздумавшего конкурировать с Шерлоком Холмсом.

В походной лаборатории моего друга было полным-полно всякой всячины: химикаты, набор для грима, комплект для дактилоскопирования, какие-то приборы, непонятные инструменты. Черный кожаный футляр с эмблемой фирмы медицинских инструментов «Пиллинг и сын» я обнаружил нескоро. Он лежал между связкой отмычек и коробкой револьверных патронов. Открыл, проверил. Да, это был мой старый фонендоскоп. Прихватил в другую руку скрипку.

Мой великолепный чемодан в своем скромном клетчатом футляре так и стоял нераспакованным. Я подумал, что переоденусь позже, к полуночи — кажется, нам будет что отметить и помимо Нового года. Так и представил себе эту картину: мы с Холмсом безмятежны, остальные нервничают, а то и вовсе сбежали. Бой часов, у меня против воли на миг замирает сердце — а что, если мой гениальный друг все-таки ошибся? Превосходная мизансцена!

По крутым ступенькам лестницы я шел очень осторожно, остро сознавая весь груз ответственности. Не хватало еще уронить фонендоскоп и разбить мембрану — это провалило бы все расследование.

Я благополучно достиг первого этажа, спустился еще на пол-пролета, и вдруг во всем доме погас свет. Как я уже писал, электричество отключалось и прежде, но всякий раз не долее чем на несколько секунд, поэтому я остановился и решил подождать.

Однако прошла минута, другая, а лампы всё не загорались. У меня в кармане лежали спички, но как их достанешь и зажжешь, если в одной руке скрипка, а в другой футляр с драгоценным фонендоскопом?

Делать нечего. Я осторожно нащупал ногой следующую ступеньку, потом другую. А на третьей поскользнулся и с ужасающим грохотом полетел вниз.

Очень больно ушиб предплечье и ударился лбом так, что на какое-то время оглох и ослеп — хотя последнее утверждать наверняка не берусь, поскольку в кромешной тьме и так было ничего не видно.

Потом свет зажегся, и я обнаружил, что лежу на полу. Футляр со скрипкой отлетел в одну сторону, футляр с фонендоскопом в другую и раскрылся. Резиновые трубки беспомощно свисали со ступени, словно мертвые стебли.

Я схватился за голову.

В этом жалком положении и застал меня Холмс, прибежавший из подвала на шум.

— Ничего не сломали? — быстро спросил он.

— Кроме фонендоскопа, — прерывающимся голосом ответил я и зажмурился — на меня обрушился весь ужас содеянного.

Холмс опустился на корточки и несколько секунд шарил рукой по ступенькам. Поднял несколько мелких стеклянных осколков, вздохнул. Вытер пальцы платком.

Однако вид у него был не убитый, а скорее задумчивый.

— Что ж, это, пожалуй, было бы нечестно — расследовать последнее преступление девятнадцатого века, используя технологию двадцатого, — философски сказал он. — Будем действовать по старинке. Но для начала обретем гармонию.

Холмс достал скрипку, проверил, цела ли она. Удовлетворенно кивнул и вынул из того же футляра сборник нот — небольшого формата, но довольно толстый. Открыл наудачу первую попавшуюся страницу.

— Хм. Каприз Паганини. Значит, дело будет нервным, но скоротечным.

Он называл гадание по нотам «камертоном расследования» и придавал этому ритуалу большое значение.

Сыграл несколько головокружительно порывистых

тактов и оборвал мелодию, вновь стал перелистывать страницы сборника.

— Господи, Холмс. До музыки ли теперь? — в отчаянии произнес я. — Я всё испортил! Никогда себе этого не прощу! Придумайте что-нибудь! Да оставьте вы ваши...

— Тссс! — шикнул он на меня. — Я и думаю, а вы мне мешаете.

Я поднялся, придерживая ушибленную руку. На лбу, кажется, набухал изрядный желвак, но душевные страдания были острее физических.

— Э-э, Уотсон, на вас лица нет. Отдыхайте, мне ваша помощь пока не понадобится... Нет-нет, никаких возражений! — пресек Холмс мои жалобные протесты.

Я повесил голову. Было ясно, что я утратил доверие моего друга, он предпочитает продолжить расследование без меня. После того, что случилось, трудно было его за это осуждать.

Он снова спустился в подвал, а я побрел обратно наверх. Соседняя дверь была нараспашку, Фандорин и Сибата куда-то исчезли.

Я приложил компресс к руке, намазал лоб смягчающей мазью и улегся на кровать. Не могу выразить, до чего мне было тоскливо.

Однако пролежал я не долее четверти часа. Пускай Холмс не нуждается в таком помощнике, но предаваться бездействию было невыносимо.

Я прошелся по второму и третьему этажу. Безумная надежда, что каким-то чудом, по невероятной случайности, я обнаружу хоть крошечную зацепку, любой след, заставила меня вновь ощупывать стены. Я даже опустился на четвереньки и попробовал, не отходят ли паркетины, но вскоре охладел к этому бессмысленному занятию.

Вдруг до моего слуха донесся странный стук, он шел откуда-то снизу.

Я сбежал на первый этаж.

Снова глухой стук, сопровождаемый отдаленным лязгом. Совсем рядом — вроде бы из соседней комнаты.

Стремглав я кинулся туда. Это была биллиардная. В первый миг я отметил лишь, что в ней произошло какое-то изменение, но потом сообразил, в чем дело: из трех окон два были непроницаемы, за ними не просматривалось ничего, даже контуров деревьев. Я хотел подойти ближе, чтобы разъяснить этот непонятный феномен.

Внезапно за третьим окном, выходящим на лужайку, что-то заскрипело. Я подбежал к подоконнику.

С той стороны на меня смотрел мистер Сибата. Слегка поклонившись, он захлопнул у меня перед носом деревянные створки. Лязгнуло железо, скрежетнул ключ.

Вот в чем дело! Японец запирает снаружи ставни. Я вспомнил, что Фандорин отобрал у дворецкого все ключи. Что задумал русский сыщик?

Заинтригованный, я хотел выйти наружу, но дверь террасы была закрыта. Ближе всего отсюда был служебный ход, и я поспешил туда, по пути обратив внимание, что все окна первого этажа наглухо закупорены.

Служебная дверь тоже не отворилась. Тогда я бросился к главному входу — и на пороге встретил Сибату, который преградил мне путь.

— Очень созярею, — сказал он, учтиво кланяясь. — Чеперь никто не мозет входить и выходить. Миста Фандорин сдерар из дома бутырку.

— Что? — поразился я.

— Бутырку. Запертую. Все окна и двери на дзамке. Остарось торько одно горрысько, — показал он на парадный вход и изобразил, будто пьет из горлышка. — Есри зродей Рюпен захочет попасчь внутрь, он смозет пройти торько тут.

Эта мера показалась мне довольно глупой, но я был не в том настроении, чтобы подвергать чьи-либо действия критике. Вряд ли в тот миг на всем белом свете удалось бы найти человека, придерживающегося более низкого мнения о собственной персоне.

Поэтому я лишь вяло кивнул и попятился.

— Докута Уотсон, — сказал азиат, сияя улыбкой. — У нас есчь время. Я хочу задавачь вопросы про ритературу. Мозьно?

Он взял меня под руку и повел в столовую. Я безвольно поплелся за ним и потом битый час отвечал на всякие дурацкие вопросы, касающиеся писательского ремесла — и всё это под тиканье адской машины! Трудно вообразить себе что-либо более абсурдное, чем эта сцена. У меня было ощущение, что мир сошел с ума, и я вместе с ним.

Но часы на камине пробили восемь раз, и на пороге появилась фигура Холмса.

— Как вы, Уотсон? — спросил он, с любопытством поглядев на японца. — Мне снова нужна ваша помощь. Если, конечно, ваше самочувствие позволяет.

Я так рванулся из-за стола, что опрокинул стул. Должно быть, нечто в этом роде испытывает приговоренный, которому внезапно объявляют о помиловании.

— Позволяет! Я прекрасно себя чувствую! Клянусь вам, Холмс, никогда еще я не был так полон сил! — сбивчиво говорил я, следуя за ним по коридору. — Расскажите же, где вы были и что делали всё это время! Удалось ли вам продвинуться в расследовании?

— Конечно, — спокойно ответил он и сунул мне в руку какой-то листок. — Сейчас я всё вам расскажу.

Я хотел спросить, что это за бумажка, но получил тычок в ребра и поперхнулся. Развернул записку. Она гласила: «Слушайтесь жестов, а не слов».

八

Один в столовой я оставался недолго. Вскоре после того как Уотсон-сенсей и Холмс удалились, вернулся господин. Он сказал: «Всё в порядке» и протянул к камину озябшие руки.

Я налил ему вина, чтобы он мог согреться и изнутри.

— Ну, что ты думаешь про это дело? — спросил Фандорин-доно.

Поскольку я ждал этого вопроса, то ответил обстоятельно.

— Очень нехорошая история, господин. Она мне совсем не нравится. Шерлок Холмс не разрешит хозяину отдать деньги. Честь не позволит великому сыщику признать свое поражение. Холмс не уйдет из замка, а это значит, что Люпен не получит своего выкупа. Следовательно ровно в полночь дом взлетит на воздух.

Господин кивнул, признавая мою правоту, и это меня подбодрило. Я продолжил:

— Госпожу Дэзу вынести из башни нельзя, это ее погубит. Мы с вами не сможем оставить бедную девушку, а значит, тоже будем вынуждены встречать новый год под этой крышей. Иначе мы покроем себя позором, который отравит нам всю оставшуюся жизнь.

Он снова кивнул. Можно было переходить к выводу.

— Значит, выход у нас только один. За оставшиеся три часа и сорок семь минут мы должны разгадать секретные письмена и найти бомбу. Иначе, плененные собственной честью, мы взорвемся и не увидим двадцатого века. А это будет очень жаль. Ведь мы никогда не узнаем, кто из нас прав.

В последнее время мы часто спорили, какой будет жизнь в двадцатом столетии. У господина предположения относительно будущего оптимистичны, я же ничего хорошего не жду. Да, люди научатся быстрее передвигаться по земле и воде, может быть, даже начнут летать по небу. Но все эти изменения затронут лишь материю. Дух же останется на прежней ступеньке развития, а что тогда проку от технических новшеств? Они принесут мало добра и очень много зла, ибо опасно доверять оружие неразумному ребенку. Но об этом я, пожалуй, напишу другую книгу. Отвлекаться от повествования — это неправильно.

Закончив безупречную по своей логичности речь, я спросил:

— Мы приняли меры предосторожности, чтобы ограничить преступнику свободу перемещения. Но мы не можем просто выжидать, это приведет нас к гибели. Как вы намерены действовать, господин? Не сомнева-

юсь, что вы уже всё придумали. Вы разгадали, что означает «24b, 25b, 18n, 24b, 25b, 23b, 24b»?

— Признаться, я об этом пока не думал. — Фандорин-доно отставил бокал. — Наш британский коллега — шахматист, вот пускай он и ломает себе голову над этой комбинацией. Мы же с тобой займемся не комбинацией, а комбинатором. То есть самим мсье Люпеном. Как удачно, что наш хозяин — сторонник прогресса и дружит с электричеством. Еще чудеснее, что город Сен-Мало подсоединился к междугородной телефонной связи. Первым делом я свяжусь с комиссаром Ганимаром из парижской полиции. Надеюсь, он не забыл услугу, которую мы ему оказали. Комиссар соединит меня с дежурным бертильонажного отдела. Должен же там кто-то дежурить, хоть бы даже и в новогодний вечер? Поскольку Арсен Люпен бывал под арестом, в картотеке должны храниться его антропометрические данные. Каким бы виртуозом маскировки человек ни был, но мы с тобой знаем, что есть черты внешности, которые не изменишь. Например, форму ушей или цвет радужной оболочки глаз... Второй звонок я сделаю в Лондон, профессору Смайли. Он домосед и наверняка встречает праздник в кругу семьи.

(Смайли-сенсей — это специалист по болезням нервной системы. В позапрошлом году он консультировал нас в деле об исчезновении леди Брокенридж. Как только закончу нынешнюю повесть, обязательно опишу то расследование, оно было необычным и поучительным. Уже и название придумал: «Печальная новелла о благородной госпоже, хитроумно погубленной неверным супругом».)

— Пожалуй, даже лучше будет сначала позвонить в Лондон, — поправился господин. — Тревога за судьбу мадемуазель Эжени мешает мне сосредоточиться на расследовании. Я опишу профессору симптомы травмы и спрошу, действительно ли так уж невозможно вынести больную из дома. Может быть, на какой-нибудь узкой доске, придерживая руки и ноги? Доктор

Лебрен, конечно, крупнейший авторитет в своей области, но, как большинство французских светил, по-моему, имеет некоторую склонность к излишней театральности.

Вспомнив, как беспомощно и грациозно лежала Дэзусан под своим белым покрывалом, я вздохнул:

— Эта девушка похожа на облетевший лепесток сакуры. Какое печальное и прекрасное зрелище!

До сих пор разговор шел по-русски, но эту фразу я сказал на своем родном языке, потому что красивые вещи нужно говорить по-японски.

— Кстаты пло дэвушку, — ответил мне господин со своим твердым акцентом, который с годами, увы, становится всё хуже. — Мы выслушалы ее отца, надо лассплосыть и ее. Не мешало бы и поподлобнее поговолыть с доктолом. Но не ланьше, чем я поговолю с плофессолом Смайли.

Он подошел к аппарату и два раза повернул рычаг, чтобы соединиться со станцией. Я стоял рядом и слушал.

В трубке откликнулся встревоженный мужской голос:

— Allo! Qui est-ce?[1]

— Monsieur Bosco? — удивился господин и извинился — как я догадался, сказав, что хотел попасть на коммутатор, но неправильно сделал вызов.

Попробовал еще раз — трубку снова снял управляющий.

В третий раз то же самое.

Тут между господином и Боско состоялось более продолжительное объяснение, после которого Фандоринд оно с обескураженным видом сказал, то есть молвил:

— Плохо дело, Маса. От плана придется отказаться Внешняя линия отключилась, работает только внутренняя.

Он выглядел очень расстроенным. Чтобы укрепить его дух, я сказал:

---

[1] Алло! Кто это? *(фр.)*

— Настоящий самурай умеет стрелять из ружья, но предпочитает меч. Потому что старинные методы честней и надежней. Господин, нам с вами случалось распутывать преступления и без междугородного телефона.

Фандорин-доно засмеялся.

— Ты прав. Будем действовать испытанными методами. Начнем с опроса свидетелей.

九

Не теряя времени мы отправились на третий этаж и первого из свидетелей, доктора Лебрена, обнаружили в диванной, перед входом в башню. Почтенный врач сидел в кресле и курил — с этой целью, очевидно, он и покинул свой пост.

— Отлично, — прошептал господин. — После того, как я с ним потолкую, попытайся его задержать — чем дольше, тем лучше.

Фандорин-доно хорошо знает французский, но с доктором он разговаривал по-английски, чтобы я всё понял.

Лебрен-сенсей спросил, удалось ли найти бомбу.

Господин ответил, что еще нет.

Лебрен-сенсей спросил, велика ли опасность, что часовой механизм сработает раньше времени.

Господин ответил, что это маловероятно.

Лебрен-сенсей хотел спросить что-то еще, но на сей раз господин его опередил.

— Скажите, а где вас застал звонок мсье дез Эссара?

Немного подумав, словно припоминая, врач сказал:

— В клинике. Это было... постойте-ка, у меня как раз закончилась операция по удалению межпозвоночной грыжи, очень интересный случай... Ну да, в шестом часу пополудни. Я дал отцу девушки необходимые инструкции, а сам поспешил на вокзал.

— С вами разговаривал сам мсье дез Эссар?

Вопрос привел доктора в недоумение.

— Ну да, а кто же еще?

Господин покосился на меня, и я понял, что наступил мой черед.

— Уважаемый доктор, — обратился я к французу самым сладким голосом. — Хочу вам рассказать про тяжкие страдания, которые доставляет мне мой правый седалищный нерв. Как человеку, смысл жизни которого заключается в излечении недугов, вам это будет очень интересно. Минуточку, я покажу вам больное место.

Господина с нами уже не было — он проскользнул в щель, чтобы поговорить с барышней наедине.

Лебрен попытался последовать за ним, буркнув, что сейчас не имеет возможности осмотреть меня, но я крепко взял его за локоть и со всей возможной почтительностью попросил:

— Это не займет у вас много времени. Только взгляните и пощупайте. Я буду говорить, где болит, а где не болит.

Он дернулся еще раз, понял, что так просто от меня не отделается, и со вздохом произнес:

— Ну хорошо, снимайте брюки.

И здесь я совершил досадную оплошность: выпустил его рукав. Хотя, с другой стороны, как бы иначе мне удалось расстегнуть ремень?

Воспользовавшись свободой, вероломный доктор пробормотал:

— А впрочем, знаете, лучше все-таки попозже.

И тоже юркнул в проход.

Мне ничего не оставалось, как последовать за ним, что оказалось совсем непросто, поскольку щель ужасно узкая, а мои брюки были наполовину спущены.

И все же я с разбега ринулся вперед и продрался на ту сторону удачнее, чем в прошлый раз, хоть это и стоило мне порванной сорочки.

— Уважаемый доктор, если вас не затруднит, я бы хотел услышать ваше ученое заключение прямо сейчас, — продолжил я как ни в чем не бывало, отводя Лебрена подальше от господина и девушки.

Она скосила на меня глаза, но гипсовый воротник вряд ли позволил ей разглядеть меня ниже пояса, так что приличия нисколько не пострадали

На мою долю выпала очень непростая задача. я должен был трещать без умолку, чтобы доктор не подслушивал, о чем Фандорин-сан беседует с барышней, а в то же время не упустить ни единого слова из их разговора — иначе как же я буду потом писать свою повесть?

Благодаря напряжению воли и хорошему слуху, мне это удалось.

Я слышал, как господин спросил:

— Ваш батюшка сам телефонировал мистеру Лебрену?

— Да.

— Откуда вы это знаете? Ведь аппарат находится внизу.

Она задумалась, припоминая.

— Папа плакал и всё пытался пролезть в башню, но у него это не получалось. Вокруг меня хлопотали Марианна (это горничная) и папин лакей. Мне было ужасно больно, но я старалась стонать потише. Чтоб еще больше не напугать папу.

— Здесь? Здесь? — нетерпеливо допытывался тем временем врач, довольно грубо щупая мою ягодицу.

Я лишь мотал головой, весь обратившись в слух.

— ...Потом я услышала голос Боско. Он громко сказал: «Сударь, пожалуйте вниз. На проводе доктор Лебрен».

— Ой, да-да, вот здесь! — ойкнул я, обращаясь к врачу.

— Странный у вас седалищный нерв. В этом месте нет ничего кроме мышц и жира!

Он невежливо оттолкнул меня и с раздражением крикнул господину:

— Я же просил вас! Воспоминание о падении нервирует больную, а нам нужен абсолютный душевный покой!

По довольному виду господина я сразу понял: он выяснил всё, что желал. Принеся доктору извинения, мы покинули башню, после чего меж нами состоялся очень важный разговор по-японски, который я теперь пересказывать не стану, иначе читатели узнают всё раньше времени, а Уотсон-сенсей говорит, что это противоречит законам detective story (пожалуй, я бы перевел это словосочетание как 探偵小説).

X

К тому времени, когда дез Эссар вернулся в замок, с самобичеванием было покончено, а от моей неуверенности не осталось и следа. Проинструктированный Холмсом, я твердо знал, что надлежит делать в той или иной ситуации. В ожидании близящейся развязки сердце стучало часто, но бодро.

Мы все собрались в столовой, куда хозяин внес большой кожаный мешок и с кряхтением водрузил его на скатерть.

— Вот, сто семьдесят пять пачек по десять тысяч франков в каждой, — тараторил он, искательно заглядывая в наши лица и не решаясь спросить о главном. — На сколько вопросов пришлось мне ответить! Господин директор никак не мог взять в толк, зачем мне понадобилось снимать со счета все свои деньги, да еще в самый канун нового года. Он долго отговаривал меня, просил потерпеть хотя бы до завтра — ведь годовые проценты начисляются первого января. Хуже всего, что он приставил ко мне двух жандармов и настоял, чтобы они сопроводили меня до дома. Я избавился от эскорта лишь возле ворот. Пускать их внутрь было ни в коем случае нельзя. Жандар-

мам могло показаться подозрительным, что не видно слуг и что я открываю ворота сам. А Люпен вообразил бы, будто я нарушил условие и обратился за помощью в полицию.

Он округлил глаза и пугливо продолжил:

— А потом думаю: что если он на меня нападет, пока я еду через парк один? Никогда не хлещу лошадей, а тут как наподдал вожжами — долетел до дверей вихрем.

Мы слушали рассказ молча. Часы показывали четверть десятого.

Дез Эссар поглядел на Холмса, на Фандорина. Их лица были непроницаемы. Перевел взгляд на меня — я вздохнул. Японец неопределенно улыбался.

— ...Вам не удалось разгадать код, да? — безнадежно спросил владелец замка.

Холмс с Фандориным поглядели друг на друга. Ни тот, ни другой не разомкнул уст.

— Значит, деньги придется отдавать? — Дез Эссар посмотрел на кожаный мешок и заморгал.

— Разумеется. Мы ведь не станем п-подвергать риску жизнь девушки ради собственного самолюбия?

Русский испытующе посмотрел на Холмса. Мой друг нахмурился и после паузы кисло покачал головой: нет, не станем.

Фандорин обернулся к хозяину.

— Мы с мистером Холмсом действовали по отдельности, а теперь попробуем объединить усилия. Предпримем м-мозговой штурм. У нас еще остается два с лишним часа до половины двенадцатого, когда, по условиям Люпена, мы должны покинуть дом... Идите, сэр, вы свое дело сделали. Теперь вы нам будете только мешать.

Дез Эссар с готовностью вскочил.

— А можно я посижу у себя в кабинете?

— Нет, лучше п-присоединитесь к мистеру Боско. Хоть внешняя телефонная линия и неисправна (надо думать, не без помощи Люпена), но внутренняя связь работает. Мы сможем переговариваться.

Однако хозяин переминался с ноги на ногу, словно не решаясь нас оставить. Казалось, он хочет, но не ос-

меливается что-то сказать. Наконец, набравшись храбрости, дез Эссар проговорил то, что его мучило:

— Господа, я прошу... Нет, я требую, чтобы вы дали мне слово чести: если вам не удастся раскрыть шифр, вы уйдете отсюда не позднее половины двенадцатого. Ради моей бедной Эжени!

— Даю слово чести, — пообещал русский.

Сибата сделал большим пальцем косой крест на животе, что по-японски, вероятно, означало незыблемость слова.

Мы с Холмсом ограничились короткими кивками. Всякий знает, что кивок англичанина стоит тысячи клятвенных заверений любого иностранца.

— Запряженная коляска пусть остается у двери, — сказал далее Фандорин, похоже, окончательно возомнив себя главным. — Там как раз пять мест: два впереди и три сзади. Если не удастся найти б-бомбу, то ровно в половине двенадцатого мы, взяв с собой доктора Лебрена, сядем в экипаж и выедем за ворота. Мешок с деньгами останется на столе. Вы удовлетворены?

Дез Эссар порывисто развернулся и вышел. Мне показалось, что беднягу душат рыдания.

Часы тренькнули, отбив половину часа, а «мозговой штурм», о котором говорил русский (престранное выражение), что-то не начинался.

Соперники-детективы были похожи на опытных фехтовальщиков, готовящихся скрестить клинки. Ни один не торопился сделать первый шаг.

Холмс флегматично приподнялся, развязал тесемки мешка и достал пачку стофранковых билетов, за ней вторую. Я тоже привстал — нечасто увидишь в одном месте столько денег.

Купюры были сложены аккуратно, как кирпичи в кладке. Каждая пачка перетянута резинкой.

Рассеянно пощупав банкноту, Холмс сунул деньги обратно и покачал головой. Я отлично понял, что он хочет сказать: на какие только безумства не идут люди ради прямоугольных листков казначейской бумаги.

Он закурил трубку, Фандорин сигару. Эта бравада начинала казаться мне мальчишеской.

В конце концов кто-то должен был повести себя по-взрослому.

— Не пора ли приступить к «мозговому штурму»? — спросил я Фандорина. — Что, по-вашему, могут означать все эти цифры и буквы?

Японец коротко взглянул на своего патрона, тихо поднялся и вышел, как будто не желал присутствовать при обсуждении. Это было по меньшей мере странно.

— Они означают, что п-преступник хочет увести нас в сторону от расследования, — преспокойно заявил русский. — Зачем было вообще давать эту подсказку, задался я вопросом. По-моему, ответ очевиден. Люпен, конечно, предполагал, что мсье дез Эссар обратится за помощью если не к полицейским, то к частному детективу. Расчет шантажиста прост. Времени у сыщика и так очень мало, а тут оно еще и будет потрачено на эту ч-чепуху.

— Интереснейшее умозаключение! — Холмс отложил трубку и изобразил, будто аплодирует. Всерьез ли он восхищается Фандориным или иронизирует, мне было непонятно. — Что же вы предлагаете, сэр? Можете ли вы изложить свой план действий?

— Извольте. Ровно в половине двенадцатого, в соответствии с условиями Люпена, пятеро мужчин спустятся с парадного крыльца, сядут в коляску и укатят за ворота. Мисс Эжени останется в башне, мешок с деньгами — на столе.

Я не удержался от язвительного восклицания:

— Отличный план, ничего не скажешь!

Холмс положил мне руку на запястье:

— Погодите, Уотсон. Мистер Фандорин еще не закончил.

Из коридора донеслись шаги. Вошел японец, таща под мышками два ватных манекена из числа тех, что мы видели в подвале. Громко чихнул и поставил кукол на пол.

— Уедут п-рофессор, мистер Уотсон и Маса. А также два этих ватных господина. На одного мы наденем мой плащ и цилиндр, на второго пальто и шляпу мистера Холмса. Как вы знаете, перед домом открытое пространство. Вести наблюдение можно либо со стороны оврага,

до которого добрых полсотни шагов, либо с противоположного края лужайки, а это еще дальше. К тому же в парке совсем темно. Люпен или его помощники увидят лишь, что от дома к коляске движется плотная группа людей. Когда же экипаж проедет мимо них, понять по неподвижным силуэтам, где человек, а где к-кукла, будет уже невозможно.

— А мы с вами останемся здесь и проверим, насколько ловко мсье Люпен владеет навыками восточной борьбы! — подхватил Холмс и громко расхохотался. — Остроумная выдумка, и вполне в моем духе! Я догадался, что вы затеваете нечто в этом роде, еще когда вы превратили дом в закупоренную бутылку. Прихожая — отличное место для засады.

Признаться ли? В этот момент я ощутил неловкость за своего великого друга. Мне показалось, что он ведет себя не совсем по-джентльменски, взяв снисходительный тон, слишком напоминающий хорошую мину при плохой игре. Ведь план мистера Фандорина, действительно, превосходный, был составлен без нашего участия.

Зазвенел телефон.

Я сидел ближе всех к аппарату и взял трубку.

Это был дез Эссар.

— Доктор Уотсон, это вы? Мне страшно! — сбивчиво залопотал он. — Мне нужно было сразу... Но я не хотел вас отвлекать... Ах, что я натворил! Вдруг я его погубил?

Пришлось на него прикрикнуть, ибо строгость — лучшее средство против истерики.

— Немедленно успокойтесь! Говорите толком! Что стряслось?

Все в столовой напряженно на меня смотрели.

— Да-да, я попробую... Когда я шел от дома к конюшне мимо оврага, мне послышались какие-то звуки. Будто кто-то перешептывается... Я, может быть, подслеповат, но слух у меня отличный... Однако я не был уверен — думаю, вдруг это ветер шуршит ветвями. Попросил Боско, чтобы он осторожно подкрался сзади и тоже послушал... Он ушел и не возвращается... Вдруг с ним что-то случилось?

Поскольку говорил дез Эссар прерывисто, я успевал в паузах наскоро пересказать услышанное своим соратникам.

— Спросите, сколько минут миновало с тех пор... — начал было Фандорин, как вдруг со стороны оврага один за другим ударили два выстрела.

Я вздрогнул — не от выстрелов, а от того, как пронзительно закричал мне прямо в ухо дез Эссар. Он тоже услышал.

— Скорей! Туда! — метнулся к двери Холмс, быстрый, как молния.

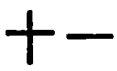
Все ринулись за ним.

Выскочив на крыльцо, мы разделились.

— Вы слева, мы справа! — показал Холмс.

Идея была ясна: охватить овраг с обеих сторон.

Я старался не отстать ни на шаг от своего друга, на бегу выдергивая из кармана револьвер, который зацепился курком и рвал подкладку.

Следуя указанию Шерлока Холмса, мы с господином забежали за угол дома и остановились.

Англичане, надо отдать им должное, передвигались в темноте умело: их было не видно и не слышно.

В эту самую секунду желтый свет, пробивавшийся сквозь щели запертых ставень, мигнул и погас — снова отключилось электричество.

— Всё идет, как по нотам, — шепнул господин. (Это выражение означает, что ход событий полностью совпадает с планом — как следует нотной записи игра музыканта).

Пригнувшись, мы юркнули назад в дом.

Представляю, как удивлен этим нашим поступком читатель! А всё потому, что я нарочно опустил очень важный разговор, состоявшийся между мной и господином, когда мы потолковали с Лебреном и госпожой Эжени.

Как уже было сказано, беседа шла на японском.

— Тепель всо понатно, — с довольным видом объявил Фандорин-доно. — Долога казалась длыной в тли сяку, а оказалас колоче тлёх ли.

— Вы хотели сказать: «Дорога казалась длиной в три ри, а оказалась короче трёх сяку», — поправил его я и перешел на русский, потому что тяжело слушать, как господин коверкает нашу речь.

Но он воткнул мне палец в живот, и я был вынужден замолчать, потому что, когда тебя со всей силы тыкают жестким пальцем в солнечное сплетение, совершенно невозможно ни вдохнуть, ни выдохнуть.

— Я знаю, мой японский стал нехорош, — признал Фандорин-доно (не буду больше передавать его акцент, потому что слишком утомительно писать катаканой), — я даже перепутал «ри» и «сяку», но тебе придется потерпеть. Ты обратил внимание на крайне любопытное обстоятельство? Давеча, беседуя в столовой, мы с тобой собирались предпринять два действия: во-первых, воспользоваться междугородной телефонной связью, а во-вторых, расспросить Лебрена и госпожу Эжени. При этом про телефон я сказал по-русски, а про опрос свидетелей по-японски. Сразу после этого внешняя линия вышла из строя, и первое стало невозможно. Зато разговору в башне, очень важному для расследования, ничто не помешало.

— И что же это значит?

— Каждое наше слово подслушивают. Хозяин говорил, что его покойный отец устроил в доме множество всяких фокусов. Очевидно, в их число входит какая-то хитроумная система подслушивания. Можно, находясь в некоем особом месте, слушать, о чем говорят в других комнатах. Это раз. Люпен провернул ловкую аферу в Петербурге. Значит, он скорее всего, владеет русским. Это два. Поняв, что мои междугородные переговоры для него опасны, он повредил линию. Но японского негодяй явно не знает. Иначе он предупредил бы профессора, что меня ни в коем случае нельзя подпускать к девушке. И это три.

— Лебрен-сенсей — сообщник Арсена Люпена? — ахнул я.

— Безусловно. Если только это не сам Люпен. — Круглые глаза господина с удовольствием смотрели, как я делаю ошеломленное лицо. Я знаю, что ему это нравится, и в таких случаях стараюсь вовсю. — Собственно, вариантов всего два. Арсен Люпен играет либо роль профессора, либо роль управляющего. Всю операцию задумала и осуществляет эта парочка. Мы знаем, что Боско появился в усадьбе недавно и сразу сумел завоевать доверие владельца. Это обычная метода Люпена. Он частенько, соответствующим образом загримировавшись, внедряется в какой-нибудь богатый дом и вынюхивает, чем там можно поживиться. Иногда поручает это кому-то из своей шайки. В деле почти никогда не участвует больше двух-трех человек. Не знаю, в чем состоял первоначальный замысел Люпена, но беда, случившаяся с девушкой, ускорила события. У мерзавца возник подлый, но чрезвычайно сильный план, как обобрать дез Эссара, ничем при этом не рискуя.

Фандорин-доно задумался.

— Пожалуй, все-таки Люпен — это управляющий, а так называемый профессор — его подручный. Ты понял, что в парижскую клинику звонил не сам дез Эссар? Хозяина к аппарату позвал Боско. Убитому горем отцу и в голову не пришло, что он разговаривает с фальшивым Лебреном. Именно поэтому сообщники ни в коем случае не могли допустить, чтобы я проконсультировался с профессором Смайли. Их обман насчет того, что больную ни в коем случае нельзя трогать с места, немедленно раскрылся бы. А именно на этом и построен весь замысел.

— Получив в парижской полиции точные приметы Люпена, вы могли бы опознать преступника — по тем же ушам, — подхватил я. — Вы заметили, господин, что у Лебрена, которого я больше не стану именовать «сенсеем», уши заостренные, как у летучей мыши?

— Я заметил, что у «мсье Боско» ушей под кудрями вообще не видно.

Мне стало немножко скучно. Я надеялся, что эта история закончится каким-нибудь более интересным образом.

— Что теперь? — Я с трудом подавил зевок. — Пойдем и схватим сначала одного, а потом второго?

Фандорин-доно покачал головой.

— Нет, мы их возьмем с поличным. Скоро вернется хозяин. С деньгами. Это и будет наживка для рыбки. Мы знаем, кто преступники. Знаем, что они нас подслушивают. Все козыри теперь в наших руках. Я полагаю, дальше произойдет вот что...

И он с поразительной точностью предсказал, что всех нас под каким-нибудь предлогом выманят из комнаты, где будут лежать деньги. Хотя вообще-то ничего особенно поразительного в этом нет. Когда столько лет служишь такому человеку, приучаешься доверять его предсказаниям.

Когда за домом грянули выстрелы, мы переглянулись и поняли друг друга без слов. Погасший свет лишь подтвердил, что Люпен готовится нанести завершающий удар. Разбойник понимает, что денег ему не отдадут, и собирается украсть их, не дожидаясь полуночи. Тут-то ему и конец. А темнота, в которую погрузился дом, нам с господином только на руку.

Мы расположились в заранее условленном месте, будто специально предусмотренном для засады. Стены коридора, что ведет из столовой к лестнице, с обеих сторон заняты высокими шкафами, где хранится всякая утварь. Я встал в один из них, приоткрыв дверцу; господин в другой, напротив.

Ждать пришлось совсем недолго. Я только-только успел помассировать себе глазные яблоки, чтобы лучше видеть в темноте, как на противоположном краю столовой скрипнула дверь. Там возникли две тени, остановились на пороге, очевидно, тоже давая глазам возможность приспособиться к мраку.

Фандорин-доно выскользнул из своего укрытия и крепко взял меня за плечо, чтобы я не сорвался с мес-

та раньше времени. Это было немножко обидно — как будто я новичок! Я напряг мышцы плеча, и господин понял — убрал руку.

Один из людей, прокравшихся в столовую, жестами отдавал распоряжения. Это несомненно и был Арсен Люпен.

Они подошли к столу, и первый, протянув руку, дотронулся до мешка с деньгами, будто хотел проверить, на месте ли он.

Фандорин-доно молча показал мне на второго: мол, он твой.

Мне всегда достается что похуже, но я не сетую. Такова карма вассала.

В одно мгновение мы пересекли расстояние, отделявшее нас от стола. Я вскочил на скатерть и ногой, но не очень сильно, двинул своего противника по подбородку, а когда он упал, прыгнул на него сверху.

Человек он был сильный и, видно, не робкий. Хоть и полуоглушенный, он все же попытался ударить меня кулаком в лицо. Я, конечно, мог бы уклониться, но не стал этого делать. Отступление, даже временное, лишь укрепляет у врага волю к сопротивлению. Поэтому я бестрепетно принял удар, и еще неизвестно, что́ было ушиблено сильнее — моя скула или его кулак. Правда, кольцо на его пальце сильно оцарапало мою щеку, но это пустяки.

Потом я надавил упавшему коленом на грудь, зажал ему запястья и раза два, тоже умеренно, стукнул лбом в лоб, чтобы он понял полную безнадежность борьбы.

Он понял, но не сразу. Упрямый был противник, он извивался и дергался не менее полуминуты. Я уже знал, что это врач — когда я колотил его головой, мне щекотнули нос висячие усы.

Ожидая, пока фальшивый профессор выдохнется, я посматривал, как дела у господина, которому, стало быть, достался фальшивый управляющий, он же Арсен Люпен. Зрелище было весьма элегантное, напоминающее театр теней.

Господину было интереснее, чем мне. Он не сумел свалить врага на пол, и они быстро перемещались вокруг стола, обмениваясь ударами. Судя по тому, что я мог разглядеть в темноте, Люпен действительно владел некоторыми навыками новомодной борьбы «пустая рука», однако биться ногами не обучился. Атаку сверху еще как-то держал, но почти всякий раз, когда Фандорин-доно пускал в дело нижние конечности, удары достигали цели. Наконец, господину удалось сделать превосходную подсечку, а дальнейшее было просто. Хороший увакири по макушке, и бой закончился.

Тут как раз и мой упрямец захрипел, обмяк.

Именно в этот миг, словно желая отметить победу Закона над Преступлением торжественной иллюминацией, вновь включилось электричество.

Я увидел под собой бледное, с закатившимися глазами лицо Уотсона-сенсея. А господин держал за горло поверженного Шерлока Холмса.

XII

Не помню, кто меня поднял и усадил на стул.

Голова раскалывалась. С трудом разлепив веки, я увидел, что Холмс, сидящий напротив меня, в ненамного лучшем состоянии: одна половина лица вся багровая, на тонких губах кровь, воротнички растерзаны и измяты. Над ним с несчастным видом возвышался Фандорин, сам целый, но с надорванным у плеча рукавом.

Кто-то шумно сопел у меня за спиной. Кое-как обернувшись, я увидел японца. Он покаянно закланялся и забормотал извинения, всё повторяя: «Мне нет просенья, мне нет просенья». По его лицу стекала кровь. Значит, и ему досталось. Это до некоторой степени улучшило мое настроение — насколько это было возможно в такой ситуации.

— Что ж, — с досадой проговорил Холмс, потирая ушиб, — Люпен разгадал наш план. Мы ведь с вами, мистер Фандорин, мыслили сходно, не так ли? Но выстрелы в овраге раздались не для того, чтоб выманить нас из столовой, а чтоб мы намяли друг другу бока. Для того и электричество выключили. Представляю, как веселится этот французик.

Русский сумрачно ответил:

— Ваша правда, мы его недооценили. Но п-партию он еще не выиграл. Деньги пока здесь.

Да, мешок по-прежнему лежал на столе. Я приоткрыл его — содержимое было не тронуто.

— Скажите, но зачем вы потянулись к мешку? — спросил Фандорин. — Именно в тот миг я и поверил, что это преступники.

Никогда еще не видел я Холмса таким разозленным. Он не говорил, а цедил слова сквозь зубы.

— Нужно же было проверить, на месте ли он! Клянусь жизнью, Люпен заплатит мне за это унижение!

Это было сказано не нам, а в потолок, да таким тоном, что я содрогнулся.

Затрезвонил телефон.

— Это он! — вскричал Холмс. — Будет над нами издеваться!

Подлетел к аппарату, схватил трубку.

— Алло?

В столовой было очень тихо, и я слышал неразборчивое бормотание, но, конечно, не отдельные слова.

— Это дез Эссар, — сообщил Холмс, прикрыв раструб. — Желает знать, что случилось. Боско не вернулся. Свет не горел. Телефон не работал. Он сидел в темноте один, ему было страшно... Сейчас тоже страшно... Уотсон! Примите трубку. Сочувственно мычите, но ничего не отвечайте!

Когда он говорит таким тоном, я знаю: нужно подчиняться, не задавая вопросов.

К Холмсу внезапно вернулась вся его энергия, это меня несказанно обрадовало.

— Прошу за мной! — поманил он японца и бегом выскочил в коридор.

Сибата взглянул на русского, тот кивнул. Лишь тогда азиат последовал за Холмсом.

— ...Я не знаю, что делать! Все меня бросили. Его убили, да? Убили? Но ведь Люпен никогда никого не убивает! — бубнила трубка.

— Угу, — время от времени произносил я.

Всё мое внимание было обращено к коридору, куда скрылись Холмс и Сибата. Фандорин тоже смотрел в ту сторону.

— Профессор! Мистер Лебрен! — донесся зычный голос Холмса. Кажется, мой друг кричал, оставаясь внизу лестницы.

Очевидно, француз услышал его из башни и откликнулся, потому что Холмс всё так же громко прокричал:

— Нет-нет, всё в порядке! Только у мистера Сибаты рана на лице. Не могли бы вы ее обработать?

Несколько секунд спустя Холмс вновь появился в столовой, один.

— Отлично, — сказал он, увидев, что я по-прежнему стою с трубкой у уха. — Не отпускайте его, пускай всё время говорит. Теперь они оба под контролем, не подслушают. А то надоело записочками обмениваться.

Читателю уже известно, что мы с Холмсом давно разгадали фокусы мсье Люпена, но Фандорин выглядел ошарашенным.

Я полагал, что он спросит про подслушивание, но русского, кажется, поразило другое:

— Вы подозреваете господина дез Эссара?! А не управляющего?

— ...Ради Бога, что мне делать? — пищал мне в ухо дез Эссар — или тот, кто выдавал себя за хозяина замка. — Оставаться здесь?

— Да, — ответил я.

Холмс сложил руки на груди и улыбнулся. Пускай у Фандорина крепче кулаки, но сейчас станет ясно, чей разум сильнее.

— Разве вы не поняли, сэр, что дез Эссар и Боско — одно лицо? Это чрезвычайно ловкий мошенник, с выдающимися актерскими способностями. Он умеет очень быстро менять грим. Единственное, что ему не под силу — это раздваиваться Как вы могли не обратить внимания, что мы ни разу не видели хозяина и управляющего одновременно? Под тем или иным предлогом всегда кто-то из них отсутствовал.

— П-погодите, но мы с Масой собственными глазами видели, как Боско стоял у окна конюшни, а дез Эссар был рядом с нами и обращался к нему! — запротестовал Фандорин.

— Но не ответил ни слова, лишь мотал головой, верно? И, поскольку он стоял за стеклом, вы видели только силуэт с характерной прической?

Русский кивнул. Смотреть на его растерянную физиономию было сплошным удовольствием.

— Что-что? — сказал я в трубку.

— Это был «профессор», нацепивший парик. Как раз в это время он отлучался из башни якобы из-за телефонного звонка. Преступников двое, сэр: «Лебрен» и «дез Эссар»-«Боско». Это очевидно.

Холмс невозмутимо достал табак и курительную трубку. На сраженного Фандорина он не смотрел.

— Я сразу заподозрил, что в доме все помещения прослушиваются, — продолжил мой блестящий друг, зажигая спичку. — Взгляните, как странно расположены здесь вентиляционные отверстия — на уровне человеческого роста. Это сделано в целях лучшей слышимости. А потом я провел небольшой эксперимент, подтвердивший мою гипотезу...

— Нет, это доктор Уотсон, и я внимательно вас слушаю, — сказал я в аппарат. — А мистер Холмс записывает каждое слово, так что не отвлекайтесь, продолжайте.

То, что объяснял русскому мой друг, мне было уже известно, но одно дело — несколько слов, нацарапанных на листке бумаги, и совсем другое — связное изложение дедуктивного процесса.

— ...Я послал Уотсона в комнату за двумя предметами: фонендоскопом и скрипкой. Скрипка была мне необходима, чтобы приступить к работе, фонендоскоп же, по правде сказать, не имел никакой ценности. Однако на словах я придал ему огромную важность. Зато про скрипку не произнес ни слова, ограничился жестом. Уловка сработала. Устрашившись фантастического чудо-фонендоскопа, преступник смазал одну из ступенек лестницы дверным маслом, да еще отключил свет. Бедный Уотсон не мог не поскользнуться. В результате хрупкий фонендоскоп, разумеется, разбился. Со скрипкой же, помещенной в прочный футляр, ничего не случилось. А она-то на самом деле и была мне нужна.

— Невозможно, — перебил Холмса русский.

— В каком смысле, сэр? Что именно кажется вам здесь невозможным?

Губы Холмса чуть раздвинулись в иронической улыбке.

— Невозможно, чтоб мсье дез Эссар был ч-членом шайки.

— Могу ли я поинтересоваться причиной столь категоричного заявления?

Мой друг был явно удивлен.

Фандорин смотрел на него с не меньшим удивлением:

— Но ведь это означало бы, что мадемуазель дез Эссар — не та, за кого себя выдает, а хитрая авантюристка, сообщница Люпена.

Холмс пожал плечами:

— Естественно.

Фандорин молча поглядел на меня, и я отлично понял этот взгляд.

— Не тревожьтесь, ничего не предпринимайте и оставайтесь на месте, — сказал я дез Эссару, после чего разъединился.

— Что вы сделали, Уотсон?! — вскричал Холмс. — Я же велел не отпускать этого негодяя от телефона!

— Он прав. Эжени никак не может быть преступницей. А значит, дез Эссар, действительно, ее отец и владелец замка.

Мне тяжело было сказать такое моему другу, да еще в присутствии его соперника, однако чувство долга возобладало.

— Холмс, — я запнулся, — не обижайтесь, но вы совсем не знаете женщин... Мисс Эжени... У меня нет рациональных аргументов, но вообразить, будто она — лицедейка и мошенница... Вынужден согласиться с мистером Фандориным. Это невозможно. Просто невозможно, и всё.

Мой гениальный приятель безупречен во всем, что касается логики и доводов рассудка, но иногда чрезмерная математичность его подводит. Всякий раз, когда ему доводилось ошибаться (а таких случаев за всю его карьеру было очень мало), виной тому были женщины. Вернее, сугубо теоретическое знакомство Холмса с их эмоционально-психологическим устройством. Подозреваю, что его стойкое предубеждение против прекрасного пола

объясняется именно этим: женщина — уравнение, не поддающееся исчислению.

Видно было, что Холмс уязвлен моими словами, которые наверняка показались ему бредом или, того хуже, изменой.

— Что ж, господа знатоки женской натуры. — Он сердито запыхтел трубкой. — Тогда я умолкаю. Готов выслушать вашу версию.

Я молчал, ибо, во-первых, чувствовал себя предателем, а во-вторых, никакой версии предложить не мог.

Вернулся японец и молча встал в дверях. Его щека была заклеена свежим пластырем. Он и Фандорин обменялись несколькими присюсюкивающими словами, после чего Сибата отступил глубже в коридор — к самой лестничной площадке.

— Согласен, что шайка состоит из двух с-сообщников...

Русский обращался преимущественно к Холмсу — это был поединок двух небожителей, мне и японцу отводилась роль безгласных слушателей. Впрочем, на большее я и не претендовал.

— Один из них «Боско», второй — «Лебрен». Взять их с поличным нам не удалось. И никакими доказательствами кроме косвенных мы не располагаем. «Боско» разгуливает на свободе, зато «профессор» из башни теперь никуда не денется. Маса присматривает за лестницей.

— А девушка? — не удержался я в амплуа статиста. — Ведь она в его власти!

— Им не нужна девушка. Им нужен м-мешок с деньгами. Преступники уверены, что сумеют нас обдурить. Шалость с выстрелами — прямое тому свидетельство. Пускай их куражатся. Мы обязательно допросим псевдопрофессора, но сначала нужно найти тайник — до назначенного часа остается совсем мало времени. Я абсолютно убежден, что тайник действительно существует. И, кажется, я догадываюсь, как его найти...

— В самом деле? — быстро спросил Холмс. — Любопытно. В этом случае арест «профессора», действительно, может подождать. Ну-ка, Уотсон, соединитесь-ка снова

с дез Эссаром. Проверим, на месте ли он или поспешил вернуться в замок, чтоб подслушивать нас.

Я повернул рычаг.

Хозяин откликнулся сразу.

— Боже, я думал, телефон снова отключился! Доктор, это вы? Что мне делать? Боско по-прежнему не возвращается...

Красноречивым жестом я показал Холмсу на трубку — мол, убедитесь сами. Дез Эссар никуда не делся, он всё еще на квартире управляющего и подслушивать нас никак не может. Мой друг раздраженно поморщился, он ужасно не любит признавать свою неправоту.

Итак, дез Эссар продолжал пищать мне в ухо, однако слушал я не его, а Фандорина.

— Это пока п-предположение, которое еще нужно проверить. Но правдоподобное. — Русский покосился на часы, которые показывали без десяти минут одиннадцать, и заговорил быстрее. — Когда мы обходили этот странный дом, тут было слишком много необычного и к-курьезного. Это рассеивало внимание, поэтому я припомнил одну деталь лишь задним числом. Вы обратили внимание, что в подвале только одно помещение содержится в идеальной чистоте и полном порядке?

Холмс покровительственно усмехнулся.

— Само собой. «Органная». Отлично, мистер Фандорин. Продолжайте.

— Я тоже обратил на это внимание! — сказал я. — Особенно подозрительной мне показалась картинка, изображающая Мефистофеля! Вы помните, я даже ее снял и подергал гвоздь, на котором она висела?

— Погодите, Уотсон. Мистер Фандорин хочет нам рассказать не о живописи, а о другом роде искусства.

Русский чуть прищурился.

— Значит, вы т-тоже? — непонятно спросил он.

Что «тоже»? Что он имел в виду? Трудно присутствовать при беседе людей, которые гораздо проницательней тебя, да еще распускают хвост друг перед другом.

— А вы как думали? — хмыкнул Холмс.

Фандорин явно расстроился.

— Ах ну да, вы же скрипач. А я никогда не учился музыке.

Тут моему терпению пришел конец.

— Послушайте, господа! Перестаньте говорить шарадами! Это невежливо по отношению ко мне и, в конце концов, просто глупо! Пока вы красуетесь друг перед другом, часовой механизм тикает, один преступник разгуливает на свободе, другой...

Договорить мне не удалось — вновь погас свет, и я умолк на полуслове.

На сей раз прихоть электроснабжения (или же очередная каверза Люпена) нас врасплох не застала. Фандорин пошевелил угли в камине, но они уже погасли. Тогда я зажег свечи, и столовая опять осветилась. Не столь ярко, как прежде, но вполне достаточно, чтобы мы могли видеть друг друга.

— *Данна!* — позвал из коридора Сибата и прибавил еще что-то.

— Маса г-говорит, что из башни слышатся странные звуки.

Мы насторожились.

Да, сверху явно доносился какой-то голос. Тонкий, не то жалобный, не то напуганный.

— Не лучше ли подняться в баш... — начал я.

Меня прервал истошный, душераздирающий вопль. Это кричала Эжени!

Мы трое не сговариваясь рванулись с места. Японца в коридоре не было — очевидно, он был уже на лестнице.

Нам с Холмсом пришлось обогнуть длинный стол, поэтому из комнаты мы выбежали последними, да еще столкнулись в дверном проеме плечами.

— Будьте здесь! Мешок! — шепнул мне Холмс в самое ухо.

Он и Фандорин свернули на лестницу и понеслись вверх по ступенькам, я же остался в темном коридоре.

Холмс — гений, вот о чем я подумал в ту секунду. Вероятнее всего, это новая уловка Люпена, чтобы выма-

нить нас из столовой и завладеть деньгами. Однако в крике мисс Эжени звучали неподдельный ужас и страдание...

Ничего, через несколько мгновений сыщики будут там и придут ей на помощь, у меня же была своя собственная задача.

Я вынул револьвер, огляделся вокруг, куда бы спрятаться, и заметил приоткрытую дверцу стенного шкафа. Оттуда должна была отлично просматриваться комната.

Пригнувшись, я шагнул в пахнущее пылью тесное пространство, наткнулся на что-то мягкое и явно живое. Из моей груди вырвался вопль — вернее, вырвался бы, если б рот мне не заткнула чья-то жесткая ладонь.

— Чихо, сенсей, чихо! — прошептали мне в самое ухо.

Я понял, что это Сибата. Он не побежал на лестницу, а, заслышав крик мадемуазель Эжени, сразу спрятался в шкафу — несомненно с той же целью, что и я. Интересно, подумал я, пытаясь унять стук сердца, это он сам такой умный или они с Фандориным предвидели подобный поворот событий?

Я хотел спросить об этом своего соседа, но получил мощный удар локтем в бок.

— Чихо!

Шаги! Со стороны главного входа!

Мы припали к щели. Поскольку я выше ростом, голова японца оказалась на уровне моих воротничков, его бобрик щекотал мне подбородок.

Боско! Это был Боско!

Он просунулся в дверь, огляделся, на цыпочках подбежал к столу, раскрыл мешок и стал в нем рыться. Уж не знаю, почему ему было просто не схватить весь мешок целиком.

Яростно взвизгнув, Сибата вылетел из засады. Я за ним.

Надо отдать вору должное — он не растерялся.

Схватился обеими руками за скатерть, рванул на себя. На пол посыпались бокалы и тарелки, рухнул и погас канделябр.

В столовой стало темно, я потерял Боско из виду.

Он нас тоже — иначе не обошлось бы без кровопролития, потому что в следующий миг управляющий открыл стрельбу.

Пальба с малого расстояния, в замкнутом пространстве, да в кромешной тьме — явление впечатляющее. Напоминает близкий удар молнии, только еще эффектней, особенно если над головой раздастся отвратительный свист. На меня посыпались щепки — это разлетелся на куски макет фрегата.

Я упал на пол, зажмурился (стыдно признаваться, но это правда) и выстрелил вслепую.

В дальней части дома тоже грянули выстрелы: один, другой, третий. Холмс с Фандориным, как и мы, попали под огонь.

Хлопнула дверь. Я понял, что Боско выбежал из столовой. Вскочив, я сделал не более двух шагов и снова упал — обо что-то споткнулся. Это был кожаный мешок. Отлично! Преступник уходил с пустыми руками.

Это разом придало мне энергии.

Японец подобрал мешок и прижал к себе. Что ж, проку от мистера Сибаты все равно не было — он не имел при себе оружия, а значит, не мог мне помочь. Пускай сторожит деньги.

Я выглянул за дверь, различил в темноте силуэт, уже почти достигший прихожей. Это был единственный возможный путь отступления, все остальные выходы Фандорин и его помощник предусмотрительно заперли. Нельзя было допустить, чтобы Боско свернул налево. Выскочит наружу — в темном парке его уже не найдешь. Я подпер ладонью правый локоть и несколько раз выстрелил, целя не в бегущего, а в дверной косяк. Кажется, рука мне не изменила. Судя по звуку, пули легли, куда следовало: раздался хруст дерева, визг рикошетов.

Тень шарахнулась вправо и пролетела мимо прихожей, в биллиардную. Ну, теперь попался!

Я бежал первым, держа револьвер наготове. Японец за мной, в обнимку с мешком. На боковой лестнице из темноты снова ударили выстрелы.

Должен с гордостью сказать, что, оправившись от первого испуга, я более не терял присутствия духа. Вот Сибата явно осторожничал, все время держался у меня за спиной. А еще пишут, будто нация самураев не ведает страха.

Расположение дома я успел изучить неплохо. На втором этаже Боско повернул налево, а там была комната с одной-единственной дверью. Оттуда беглецу уж точно деться было некуда, разве что выскочить из окна. Но прыгать со второго этажа французского замка — мероприятие рискованное. Все кости переломаешь.

Поэтому я не торопился.

Заглянул в комнату — очень осторожно, чтоб не попасть под выстрел. И правильно сделал! У самого моего уха раздался отвратительный звон. Это пуля попала в железную скобу двери.

Я отшатнулся, однако то, что я успел разглядеть, мне очень не понравилось.

Боско стоял на подоконнике, у открытой рамы, и явно готовился прыгать. А что если ему повезет, и он не расшибется? До земли футов двадцать. Это, конечно, высоко, но всякие чудеса бывают.

Решение было принято моментально. Я снова высунулся и выстрелил по черной фигуре, хорошо различимой в сероватом прямоугольнике окна. Хотел попасть в ногу, но прицелиться не успел — Боско спустил курок одновременно со мной. Я нырнул в укрытие. Мысленно прикинул, сколько патронов остается в барабане. Кажется, всего один.

Сибата сидел на мешке у стены, в абсолютно безопасном месте, и с олимпийским спокойствием ожидал, чем закончится перестрелка. Помню, это здорово меня разозлило.

— Рутьше с пора, — мирно произнес он.

Я не сразу понял, что он имеет в виду. С пола? В самом деле. Совет неплох.

Улегшись на живот, я опять высунулся.

Управляющего на подоконнике не было, лишь покачивались оконные створки.

Поднявшись, я вбежал в комнату. Пусто. Все-таки спрыгнул!

Выглядывать в окно смысла не было. Разве в ночной мгле что-нибудь разглядишь?

— Скорее в парк! — крикнул я. — Может быть, он сломал ногу!

Но Сибата удержал меня.

— Не надо в парк. — Его голос был все так же безмятежен. — Надо в басню.

Прав, он опять был прав! Если Боско спрыгнул удачно, его уже не догнать. Если расшибся — далеко не уползет.

Как я мог забыть, что на противоположной стороне замка тоже шла перестрелка? Возможно, Холмсу и Фандорину нужна помощь.

Мы побежали через пустые комнаты. Наши шаги гулко отдавались под высокими сводами.

XIII

На главной лестнице и в диванной не было ни души. Японец показал пальцем на расколотую стенную панель — туда попала пуля.

Из башни не доносилось ни звука.

— Холмс! — позвал я. — Вы где?

Сердитый голос из щели ответил:

— Входите, Уотсон, входите! Надеюсь, хоть вы-то своего не упустили?

Я протиснулся в проход. За мной туда же с разбега кинулся азиат.

Башня была освещена лишь пламенем камина. Багровые сполохи придавали открывшейся моему взору картине довольно зловещий вид.

На полу, прямая, словно натянутая до предела струна, лежала Эжени. Она была недвижна, глаза закрыты. Над девушкой склонился мрачный Фандорин.

Холмс стоял у открытого окна, откуда несло холодом, и делал рукой какие-то странные пассы.

— Жива? — вот первый возглас, вырвавшийся у меня.

— Без чувств, — ответил русский.

— А где Лебрен? Неужели выпрыгнул? Но это третий этаж, а внизу каменные плиты!

Холмс поманил меня рукой.

— Взгляните-ка. — Я увидел, что к подоконнику прикреплена туго натянутая веревка из тонких, но прочных нитей. — Не выпрыгнул, а соскользнул. Путь отступления был подготовлен заранее.

Лицо у сыщика было хмурое, а я вдруг спохватился, что не удосужился проверить подоконник, с которого прыгнул Боско. Вдруг управляющий не прыгнул, а спустился по веревке? Ну конечно же! То-то он без колебаний бросился именно в ту комнату, а не в какую-либо другую!

Я схватился за голову.

Выходит, оба преступника благополучно сбежали, а между тем (я выдернул из кармана часы) уже двадцать минут двенадцатого! Если бомба действительно существует, до взрыва остается всего сорок минут! До истечения срока ультиматума — десять!

Фандорин, присев на корточки, тер девушке виски.

Она застонала, длинные ресницы затрепетали. Глаза широко раскрылись, в них читался ужас.

— Он не профессор! — пролепетали бледные губы.

Я кивнул:

— Мы знаем.

— Это Арсен Люпен!

— Это нам тоже известно. Успокойтесь и расскажите, что здесь произошло. Отчего вы кричали?

Мы собрались вокруг бедняжки, и она, судорожно всхлипывая, рассказала следующее:

— Он наклонился надо мной, как-то странно улыбнулся и говорит: «Мадемуазель, слыхали вы об Арсене Люпене? Это я, собственной персоной. Мне прискучили дурацкие игры. Пора кончать. К тому же я знаю, что эти

упрямцы денег не отдадут. Придется прибегнуть к сильному средству. Сейчас вы закричите, очень громко и убедительно. Если нет, придется повернуть рычаг». Именно так он сказал. Я ничего не поняла, хоть слушала очень внимательно. У него был такой страшный взгляд!

Она разрыдалась, и я стал ее утешать, а Фандорин сказал:

— Ну вот и прояснилось. Боско — разведчик, а роль приезжего светила взял на себя главарь. «Лебрен» — «Люпен», в самом сходстве имен чувствуется та самая г-гасконада, о которой вы говорили, сэр.

Холмс жестом показал, что мисс дез Эссар готова продолжать, и русский замолчал.

— ...Я пробовала крикнуть, как он требовал... Но он остался недоволен. «Увы, мадемуазель, вы скверная актриса. Тем хуже для вас». А потом... — Ее голос задрожал еще сильней. — ...Он подошел к рычагу и повернул его со всей силы... Боль была ужасной! Я не знаю, кричала ли я... Больше ничего не помню.

Фандорин с Холмсом бросились к «дыбе», чтобы ослабить натяжение веревок. Я же осторожно осмотрел щиколотки и запястья несчастной барышни. Там отпечатались глубокие вмятины, кое-где кожа лопнула, и сочилась кровь.

— Мерзавец! — не сдержался я. — Он еще подлее, чем я думал!

Даже сухарь Холмс был потрясен.

Сдавленным от волнения голосом он сказал:

— Я должен извиниться, сударыня. Перед вами и перед вашим отцом...

— В чем, сэр?

Мокрые от слез глаза смотрели на него с удивлением.

— Неважно... — пробормотал Холмс, отвернулся и нарочито деловым тоном принялся восстанавливать ход событий. — Всё ясно. Перед тем, как лишиться чувств, вы издали крик, который мы не могли не услышать, даже находясь на первом этаже. Люпен встал вон там, в проходе. Ему нужно было удостовериться, что мы клюнули.

Увидев нас, он трижды выстрелил, чтобы мы укрылись. Это дало ему время спокойно выбраться через окно. Его сообщник в это время должен был похитить из столовой мешок. Утешимся по крайней мере тем, что денег негодяй так и не получил. Я вижу, мешок у мистера Сибаты.

Японец с достоинством поклонился. Следовало признать, что из всех нас он единственный поступил, как должно, и не сделал ни одной оплошности.

— Господа, до нового года всего двадцать две минуты, — напомнил я. — Оставаться здесь мы не можем. Нужно как-то действовать! Госпожу дез Эссар придется вынести отсюда на руках. Другого выхода нет! Нужно рискнуть. Может быть, подсунуть под спину штору и осторожно вытянуть по полу?

Мои слова были восприняты с поразительным спокойствием. Ну, мисс Эжени, еще не отошедшую от кошмарного потрясения, а главное, не знающую об адской машине, я мог понять. Но остальные!

Холмс, например, взглянул на меня так, будто я сморозил глупость.

— Не нужно драматизировать, дорогой Уотсон. Полагаю, мисс дез Эссар выйдет отсюда сама. Я не врач, но позволю себе предположить, что фальшивый профессор в своих интересах... несколько преувеличил тяжесть травмы. Сударыня, попробуйте пошевелить конечностями.

Девушка испуганно посмотрела на него, не решаясь выполнить просьбу. Перевела взгляд на Фандорина. Тот успокоительно кивнул, и тогда она, закусив губу, осторожно подвигала сначала кистями, потом стопами.

Я испытал невероятное облегчение.

— Что скажет наш доктор? — спросил Холмс.

— Вы видите? Спинной мозг не поврежден! Вставайте и идите! — воскликнул я, от волнения не замечая, что цитирую Господа нашего Иисуса, взывающего к Лазарю.

Мы взяли бедняжку под мышки и поставили на ноги. Она была легка, как пушинка.

— Я стою! Стою! — восторженно прошептала мисс дез Эссар, но едва мы отпустили ее, чуть не упала.

— Это ничего, — объяснил я. — Мышцы одеревенели от длительного пребывания в одном положении. Не бойтесь. Сделайте шажок. Я вас подстрахую.

Поддерживаемая за талию, девушка медленно шагнула, потом еще, еще. Так я довел ее до кресла, куда она опустилась совершенно выбившаяся из сил, но счастливая.

— У меня нет паралича! Я могу двигаться! — всё повторяла она.

Внезапно ее хорошенькое личико залилось густым румянцем. Я решил, что это от радостного возбуждения, но в следующую секунду Эжени закрыла лицо руками и разрыдалась.

— Боже, как стыдно! Этот бесчестный человек подвергал меня таким унижениям! Я думала, он врач! Я делала всё, как он говорил... Нет, это ужасно!

Я понял, что́ она имела в виду. Обычные процедуры, которым она подвергалась в качестве лежачей больной — массажи от пролежней, отправление физиологических надобностей и прочие интимности, — теперь показались госпоже дез Эссар невыносимо оскорбительными.

От мысли о том, как цинично поиздевался Люпен над беззащитной девушкой, у меня сами собой сжались кулаки.

— Клянусь, он ответит и за это! — сквозь зубы проговорил я. — Даю слово, мы найдем этого бесчестного негодяя.

Однако сейчас было не время предаваться благородному негодованию.

— Обхватите меня за шею, — велел я. — А вы, Холмс, возьмите мисс Эжени за ноги. Она очень слаба. Только осторожней — там содрана кожа. До полуночи четверть часа, вполне достаточно, чтобы без спешки выбраться наружу и отойти подальше от дома. Даже если Люпен не сблефовал и бомба взорвется, теперь это не страшно, ведь замок застрахован. Ну что же вы?

Холмс и не подумал меня послушаться.

Он смотрел на меня улыбаясь.

— Дорогой Уотсон, я понимаю ваше желание ощутить у себя на шее нежные ручки мисс дез Эссар, но давайте не будем подвергать барышню риску простудиться. Мистер Фандорин говорил нам, что раскрыл тайну шифра. Так давайте же наконец проверим правильность его гипотезы. Право, жаль губить такой красивый дом.

Бедная Эжени, всё еще не догадывавшаяся о нависшей над замком угрозе, мало что могла понять из этих слов, а то, что поняла, истолковала неверно.

— Мистер Холмс прав. Не могли бы вы закрыть окно? Мне холодно. И потом, я боюсь, бегонии замерзнут.

Она показала на цветочный горшок, стоявший на подоконнике.

Я хотел выполнить ее просьбу, но русский остановил меня.

— Погодите закрывать окно, доктор. Прошу потерпеть еще минутку, мадемуазель. А вам, мистер Холмс, я скажу, что проверять мою гипотезу нам не понадобится. Мсье Люпен сам расскажет нам, где он спрятал б-бомбу. Маса, дай-ка фонарик.

Японец протянул ему электрический фонарь, Фандорин подошел к распахнутому окну, перегнулся и посветил вниз.

— Отличная штука — силок на волка, — сказал он.

Мы бросились к подоконнику.

Это было воистину удивительное зрелище! В круге электрического света, весь опутанный сетью, по земле катался «профессор Лебрен».

— Когда мы с Масой «закупоривали» дом, под каждым окном я установил по силку из замечательной охотничьей к-коллекции дез Эссара-старшего, — объяснил русский. — Я ведь рассказывал, что научился этой премудрости у сибирских охотников. Выпутаться из такой сетки без посторонней помощи совершенно невозможно — разве что, если у тебя есть большой тесак. Эй, профессор! До взрыва остается двенадцать минут! Если не хотите погибнуть под обломками, расскажите, где тайник.

Ответом было яростное рычание. Потом меж ячеек сети просунулось дуло револьвера и грянул выстрел — мы едва успели спрятаться.

— Отличный трюк, коллега, — с уважением сказал Холмс. — Мои комплименты. А что с нашим милым управляющим?

Фандорин оглянулся на японца. Тот кивнул. Теперь я понял, почему Сибата не проявлял особого рвения в погоне за Боско и не захотел гоняться за ним по парку. Азиат знал, что зверь угодит в капкан.

— Управляющий ретировался через окно, а стало быть, тоже угодил в ловушку. Оставим г-господина Люпена, он не в себе. Его самолюбие ущемлено, и он скорее погибнет, чем раскроет нам секрет. Маса сойдет вниз и присмотрит за ним — на всякий случай. Мы же с вами проведаем мсье Боско. Надеюсь, он окажется посговорчивей.

Затворив окно и прикрыв девушку пледом, мы покинули башню. Сибата отправился сторожить Арсена Люпена, а мы втроем быстро спустились и вышли наружу через служебный ход, благо все ключи от дома были у Фандорина.

С неба повалили хлопья снега, ложась на сухую, жухлую траву.

— Настоящая новогодняя погода, — молвил русский, с наслаждением вдыхая воздух. — Спасибо девятнадцатому веку за к-красивое прощание.

А мне было не до снега. Я не выпускал из руки часов и всё поглядывал на стрелку. От полуночи ее отделяло всего семь маленьких делений. Я вдруг понял простую и страшную вещь: если Боско тоже откажется раскрыть тайну, мы не успеем снова подняться в башню и вывести мисс Эжени из дома! Как я мог поступить настолько легкомысленно!

Завидев у стены, под открытым окном, подобие темной, бесформенной кучи, я бросился вперед со всех ног.

Да, это был Боско, как и его патрон, весь опутанный шелковой сеткой. Однако невозможно описать мой ужас,

когда я увидел, что преступник лежит без движения. На голове сбоку у него виднелась продольная, обильно кровоточащая рана. Очевидно, моя последняя пуля, пущенная наугад, чиркнула беглеца по виску и оторвала полуха. Он потерял сознание не сразу. Сумел спуститься, но, угодив в ловушку, забарахтался, от резких движений кровотечение усилилось, и раненый лишился чувств.

Я схватил его за ворот, стал трясти, но это было бесполезно.

Посмотрел на часы — без пяти...

— Мистер Фандорин, — раздался надо мной спокойный, немного насмешливый голос Холмса. — Очевидно придется все-таки проверить правильность вашей гипотезы. Иного выхода нет. Посмотрим, так ли хороши вы в дедукции, как в расстановке капканов. Побежали?

XIV

Минуту спустя мы, все трое, ворвались в «органную».

— Скорее! — крикнул я Фандорину. — Что вы встали! Остается двести сорок... нет, двести тридцать секунд!

Он потер свой седой висок и развел руками.

— Если моя версия ошибочна, это слишком мало, чтоб изобрести новую. Выскочить из дома мы не успеем. Да и не бросать же даму? Если же я п-прав, мне хватит нескольких секунд. Поэтому, с вашего позволения, я скажу несколько слов о логическом пути, которым я с-следовал.

Я застонал, но Холмсу это позерство, похоже, понравилось.

— Ну-ка, ну-ка. Очень интересно.

— Тут что п-примечательно, — неторопливо начал объяснять несносный мистер Фандорин, подойдя к органу. — Про идеальную чистоту я уже говорил. Видите, ни пылинки? Значит, этим помещением пользовались. Зачем? Хозяин замка, в отличие от своего отца, на музыкальных инструментах не играет. Стало быть, эта комна-

та понадобилась кому-то д-другому... Теперь два слова о происхождении тайника. Зачем покойный владелец сделал здесь полную звуковую изоляцию? Чтоб не тревожить покой супруги? Вряд ли. Не стеснялся же он почем зря палить из кулеврины. Вот я и подумал...

— Ради Бога! — взмолился я. — Две минуты!

— ...Вот я и подумал, — как ни в чем не бывало продолжил Фандорин. — А что если хозяин не хотел, чтобы домочадцы слышали, какую именно мелодию он исполняет чаще всего? Это предположение и вывело меня прямиком к моей г-гипотезе. — Он открыл крышку инструмента, провел рукой по белым и черным клавишам. — Вот она: в записке закодировано чередование клавиш, на которые нужно нажимать, чтобы тайник открылся. Вероятно, Люпен не знает нот (как впрочем, и я), потому и обозначил клавиши по номерам и цвету. Белые — это «b», то есть blanc, а черная — «n», то есть noir. Ну что, проверим?

Он открыл блокнот, где у него был записан шифр. До полуночи оставалась минута.

— Постойте, — остановил русского Холмс. — А что это за мелодия, вы догадались?

— Черт бы вас побрал, Холмс! — заорал я во все горло. — Надо же еще и механизм отключить! Дайте сюда!

Я вырвал у Фандорина листок и стал жать на клавиши.

— Вероятно, она как-то связана с «Мефистофелем», — задумчиво предположил русский. — В каком году написана опера «Фауст»?

— Великолепно, коллега! Премьера «Фауста» состоялась как раз в 1860-м, незадолго до гибели дез Эссара-отца. Это была самая модная опера сезона. Партитура продавалась лучше, чем бульварные романы.

Когда-то давным-давно я немного учился музыке, но из-за этих проклятых меломанов сбился, пришлось начинать заново.

«24 blanc, 25 blanc, 18 noir, 24 blanc, 25 blanc, 23 blanc, 24 blanc».

24-ая белая — это «до» в тональности «до минор», потом «ре», «ми бемоль», «до», «ре», «си», «до».

У Фандорина в кармане звякнул «брегет», готовясь отбить полночь. Холмс подпел дребезжащему органу:

— «*Le veau d'or est toujours debout...*»[1] Акт второй, «Куплеты Мефистофеля». Мои поздравления, мистер Фандорин!

Вся дубовая панель позади органа, которую я во время обхода и щупал, и простукивал, но в которой не обнаружил ничего подозрительного, отъехала в сторону — ровно на шестом ударе часов.

Открылась большая темная ниша или, если угодно, маленькая каморка. Фандорин посветил в нее фонариком.

Судя по пыли на полу, еще недавно там стояло нечто прямоугольное, но теперь тайник был пуст.

Если не считать аккуратно сложенного листка бумаги.

十五

Люблю, когда падает снег. Наверное, за годы жизни в России я стал наполовину русским. Вот ведь странно: в Америке я прожил почти столько же, но американцем себя не чувствую. Хотя что ж тут удивительного? Господин часто говорит, что мы с ним находимся в долгом странствии и однажды непременно вернемся домой, навсегда.

Я стоял, прислонившись спиной к башенной стене, мне на лицо падали крупные снежинки. Они щекотали мне щеки, от этого я улыбался.

Даже сложил трехстишье:

На чужом лице
Знакомая улыбка.
Снег на чужбине.

Сравнение неба с лицом — это недурно, но «чужое» и «чужбина» рядом звучат неэлегантно. Надо будет потом для одного из этих слов подыскать синоним соответствующего размера.

---

[1] В русском варианте: «На земле весь род людской...»

Мне было хорошо стоять под снегопадом, только немножко холодно.

Чтобы совсем не замерзнуть, я время от времени дразнил пойманного разбойника. Высовывался из-за закругленного бока башни и спрашивал:

— Не надоело ли вам кататься по земле, почтенный доктор?

Он всякий раз рычал, стрелял в меня из револьвера. Я уворачивался, и это меня на минуту-другую согревало.

После первого выстрела над местом, где я сочинял хайку, открылось окно и высунулась головка госпожи Дэзу.

— С вами всё в порядке? — крикнула она, отодвигая в сторону цветочный горшок.

— Не беспокойтесь, мисс. Закройте окно, а то простудитесь.

— Нет! Я буду с вами!

— Тогда укутайтесь пледом и главное не высовывайтесь из второго окна, а то этот злой человек от ярости может в вас выстрелить.

Теперь мне стало еще лучше.

Я то подставлял лицо снежинкам, то дразнил пленника, то придумывал синоним, а иногда барышня что-то говорила мне сверху, и я отвечал.

Смешно получилось, когда разбойник выстрелил по мне в третий раз. Мушка у него зацепилась за сеть, и пуля полетела совсем не туда, куда ему хотелось бы.

Он заорал благим матом. Насколько я понял, болван отстрелил себе кусочек пальца. Так ему и надо

Я очень смеялся.

Насчет бомбы я совсем не тревожился. Раз господин сказал, что он «кажется» разгадал загадку, значит всё будет в порядке. Фандорин-доно всегда обещает меньше, чем делает.

А что со мной произошло дальше, я не знаю.

Только что стоял и перебирал в голове разные синонимы к слову «чужое»: неведомое, незнакомое, странное, постылое, застывшее — и вдруг всё оборвалось.

Ни снега, ни холода, одна чернота.

XVI

«О, почтенные мэтры сыска!

Все-таки не зря я вас сюда пригласил. Вы меня не разочаровали. С самого Рождества, когда дез Эссары уехали в Ниццу, я бился над загадкой их семейного тайника, где хранится знаменитый карибский сундук. Мой славный Боско, устроившийся в замок управляющим, обнаружил у хозяина в блокноте шифр, но тот оказался мне не по зубам. А всё потому, что меня в детстве не учили музыке. Какая жалость!

Благодарю за подсказку, gospodin Fandorin. Вы посетовали, что никогда не учились музыке (как и я, как и я!), и мне этого оказалось довольно. Ну конечно же, Мефисто-

фель! «На земле весь род людской чтит один кумир священный». Именно под эту мелодию и должен открываться тайник, в котором хранится сундук корсара. Покойному «папе» нельзя отказать в остроумии.

Когда я услышал про музыку и Мефистофеля, меня как ударило. Я немедленно подал сигнал «профессору», что пора приступать к финальной фазе операции. Каюсь, во время осмотра я утаил от вас некую подвальную комнатку, куда сходятся слуховые трубки со всего дома и куда я провел телефон.

Милая Сюзетт! Она недаром считалась самой талантливой и голосистой актрисой во всей Оперетте. Так заорала, что я даже из подвала услышал. Насколько я знаю мою девочку, она проморочит вам голову не менее получаса, так что я спокойно могу дописать это письмо.

Ах да. Мешок с деньгами оставляю вам. Франки в нем по большей части фальшивые, кроме верхних четырех пачек. Я же обещал каждому из вас по двадцать тысяч, а слово Люпена твердое.

С новым веком, господа!

Ваш восхищенный и благодарный
Мишель-Мари-Кристоф дез Эссар дю Во-Гарни

P.S.

Перед тем как исчезнуть, протелефонирую-ка я в полицию, что в замок забрались взломщики. Так что не советую вам здесь задерживаться».

Записку вслух читал я. Ее содержание меня ошарашило, и мое чтение было совершенно механическим — я просто проговаривал то, что видели глаза. Закончив, прочел еще раз, уже про себя, чтобы вникнуть.

В тесной каморке, откуда (при нашей помощи!) были похищены сокровища рода дез Эссаров, воцарилось тягостное молчание.

— Проклятье! — промямлил я. — Он все-таки перехитрил нас. Владелец замка, настоящий дез Эссар, не

знает нот, на память не надеется, вот и записал очередность нажатия клавиш в блокнот. А мы помогли Люпену разгадать этот шифр!

На лице Холмса застыла странная улыбка, показавшаяся мне похожей на нервную гримасу.

— Что вы думаете об Арсене Люпене теперь, сэр? — спросил он Фандорина.

Русский сыщик, не наделенный британской сдержанностью, ударил кулаком по каменной стене, с которой посыпались крошки.

— Это понятно, — кивнул Холмс. — Ну, а если сформулировать словами?

Фандорин взял себя в руки.

— Хм. — Откашлялся. — П-попробую. Мы оба ошиблись в своих предположениях. Это раз. Я зря исключил из числа подозреваемых папашу с дочкой, а вы ошибочно сочли дез Эссара и Боско одним человеком. То, что они ни разу не появились перед нами одновременно, объясняется просто: один должен был постоянно сидеть в подвале и подслушивать, о чем мы разговариваем... Второе: Люпен — не такой жестокий мерзавец, как мне представлялось. Очень изобретателен, нахален. Но, как говорят у нас в России, даже на старую леди по временам находит затмение. И это третье. Люпен не предвидел двух обстоятельств. Что Боско пожадничает и захочет забрать себе из мешка сорок тысяч. И что сибирские охотники научили меня расставлять силки. Хоть г-главарь и скрылся с добычей, но его помощники у нас в руках...

Внезапно русский изменился в лице.

— Черт! Барышня... Маса!

Он так рванулся с места, что чуть не сшиб меня с ног.

十七

...Однако довольно рассуждать о Пустоте и Черноте, куда погружается душа, разлученная с рассудком. Эта материя слишком сложна и малоизучена, чтобы высказывать на сей счет какое-либо определенное сужде-

ние. К тому же я вспомнил наставление сенсея: в финале истории всякие отклонения недопустимы.

Когда моя душа воссоединилась с рассудком, я обнаружил, что лежу на каменных плитах близ башни, мои волосы пересыпаны землей, с уха свисает стебель цветка, а вокруг рассыпаны глиняные черепки. Макушка мокра от крови, и там вылезла довольно большая шишка.

Хотя мысли мои еще не вполне пришли в должный порядок, а голова сильно болела, я вычислил, что произошло.

Госпожа Дэзу неосторожно задела цветочный горшок, он упал на меня, и я на время лишился чувств. Судя по количеству снега, успевшему упасть на одежду, я пролежал так не долее десяти минут.

Первым делом я выглянул, чтобы проверить, как там пленник.

Увы, он исчез! На снегу валялись лишь обрывки сети, две цепочки следов — одни мужские, другие женские — вели в обход дома.

Охваченный ужасом, я побежал туда же.

О горе! Второго разбойника на месте тоже не оказалось. Судя по следам, его уволокли по снегу в сторону оврага.

Я побежал вдогонку со всех ног.

Съехал вниз по крутому склону, продираясь сквозь голые кусты. Перепрыгнул через равнодушно журчащий ручеек. Вскарабкался на ту сторону.

За оврагом шла каменная стена высотой в шесть или семь сяку.

В два счета я влез на нее.

И чуть не заплакал.

На мостовой, присыпанной снегом, лежала кучка конского навоза, да виднелись следы колес. Здесь преступников поджидал экипаж...

Я не сумел выполнить свой долг!

Плохо помню, как брел обратно. Слезы застилали мне глаза. Что я скажу господину? Из-за глупого вассала он потеряет лицо перед Шерлоком Холмсом...

С господином и обоими англичанами я столкнулся на полпути в библиотеку.

Осветив меня фонарем (электричество по-прежнему не горело), Фандорин-доно спросил:

— У тебя на лице кровь. Что случилось?

Я объяснил по-японски, глухим от стыда голосом.

Господин перевел, и наступило скорбное молчание.

Подниматься в башню теперь было незачем.

— Хуже всего то, что у Люпена есть свой биограф, — уныло сказал Уотсон-сенсей. — Представляю, в каком свете он всех нас выставит. Над Шерлоком Холмсом станет потешаться вся Европа...

Мне, как говорят в России, было плюнуть на Шерлока Холмса, но мысль о том, что посмешищем может стать мой господин, привела меня в отчаяние. Ведь виноват в этом я!

— Вряд ли мсье Люпен захочет похвастать этой историей, — задумчиво произнес Холмс. — Нет, не думаю. Сейчас, конечно, он хохочет над нами, но его веселье продлится недолго. Не угодно ли, господа, заглянуть в комнату, которую нам с Уотсоном отвел гостеприимный хозяин?

Мы последовали за британским сыщиком в полном недоумении. По дороге сенсей задавал ему всякие вопросы, но Шерлок Холмс лишь качал головой.

В комнате он сказал:

— Уотсон, откройте-ка ваш багаж.

— Зачем?

Сенсей с удивлением уставился на клетчатый чемодан, что стоял у стены рядом с большим кожаным сундуком и скрипкой в футляре.

— Открывайте, открывайте.

Холмс зажег свечи, поднес канделябр ближе. Господин тоже светил — фонариком.

— Что за черт... — пробормотал Уотсон-сенсей, возясь с замками. — Мой чемодан открывался не так... Ах!

Мы с господином тоже сказали «Ах!».

Еще бы!

В чемодане лежало много бархатных и замшевых коробочек разного размера, и когда сенсей стал их открывать, по стенам забегали и закачались разноцветные блики. Это были драгоценности: изумрудные и рубиновые ожерелья, бриллиантовые перстни, старинные золотые цепи.

— Что это? — пробормотал Уотсон. — Где мои вещи?

— Это фамильные сокровища дез Эссаров. — Шерлок Холмс положил сенсею руку на плечо. — Мужайтесь, Уотсон. Ваш чемодан безвозвратно пропал.

— Но...как?! Как вы всё это провернули?!

— Элементарно. — Холмс тихонько рассмеялся. — Признайтесь, друзья мои: когда я сказал, что отгадал код раньше мистера Фандорина, вы подумали, будто я хвастаюсь. Но это сущая правда. Я сразу заподозрил по отсутствию пыли на клавишах органа, что́ представляет собою шифр. Нужно было только проверить. Потому-то я и попросил Уотсона принести скрипичный футляр, в котором лежит сборник с партитурами наиболее известных музыкальных произведений. Какую из них нужно просмотреть в первую очередь, мне подсказал портрет «Мефистофеля»... Вот и вся дедукция. Я спустился в «органную», открыл тайник и, к своему удивлению, обнаружил там не бомбу, а сундук с драгоценностями. Версия, возникшая у меня при этом открытии, была близка к истине. Лишь в одном я ошибся: счел дез Эссара и Боско одним человеком. Это заблуждение впоследствии и заставило меня усомниться в своей правоте. Я поверил в невиновность этой актерки. Мой бог, я даже попросил у нее прощения!

Уотсон-сенсей всё перебирал и раскрывал коробки с драгоценностями.

— Но зачем вы подменили чемодан, Холмс?

— Эта идея пришла мне в голову, когда я заметил, что сундук и ваш чемодан совпадают по размеру. Я подумал: мсье Люпен решил надо мной подшутить, что ж, я тоже поиграю с ним в кошки-мышки. Любопытно было посмотреть, как он станет действовать. Я правиль-

но предугадал, что тратить время на возню с замками вашего чемодана Люпен не станет. Ему в голову не придет, что на свете кроме него есть и другие люди, ценящие хорошую шутку... Откровенно признаюсь: я допустил еще одну ошибку. Увидев, что в мешке, который принес «дез Эссар», лежат подлинные купюры (во всяком случае сверху), я отдал должное такой обстоятельности. Но я недооценил широту Люпена, его любовь к эффектным жестам. Был уверен, что он не ограничится содержимым тайника, а захочет вернуть себе и франки. Грубая ошибка. Или, по крайней мере, полуошибка. За деньгами явился не главарь, а помощник — позарился на сорок тысяч. М-да... В этой истории досталось всем. Арсен Люпен приобрел за сорок тысяч франков сорочки и кальсоны Уотсона. Уотсон остался без чемодана. Мистер Сибата весь в ушибах и порезах. Боско лишился половинки уха. «Профессор» отстрелил себе палец. А мы с вами, Фандорин, упустили возможность поймать гениального афериста. Так или иначе, — он взглянул на часы, — вот уже двадцать минут мы живем в столетии, которое начинается со слов «тысяча девятьсот». Судя по прелюдии, новый век сулит умникам вроде нас с вами не самые лестные сюрпризы.

— Что это?

Доктор подошел к окну (мы были на втором этаже). Вдали, у ворот, мелькали огни. Донесся приглушенный расстоянием свисток.

— Холмс! Наглец действительно вызвал полицию!

— Уносим ноги, Уотсон. Только положим драгоценности на место. Когда вернутся хозяева замка, им будет трудно понять, что здесь делали взломщики. Зачем-то установили в башне непонятное орудие пытки и капельницу, плотно закусили в столовой, понаставили вокруг дома сеток, выкинули из окна цветочный горшок и смылись. При этом ничего ценного не взято. Исчезновение верного управляющего, несомненно, тоже поставит дез Эссаров в тупик...

Когда, закрыв тайник, мы выходили через служебную дверь, Фандорин-доно со вздохом сказал:

— Мы сами себя перехитрили. В России говорят: «На всякого мудреца довольно простоты».

— А у нас на этот случай есть детский стишок. Про трех жителей деревни Готем, где по преданию обитают самые главные... — Шерлок Холмс сделал паузу. — ... самые главные умники во всей Англии.

И он прочитал маленькое стихотворение, восхитившее меня глубиной и истинно японским изяществом метафоры. Смысл этого шедевра заключается в том, что Троим Мудрым нетрудно найти Путь к Истине, даже если они отправляются в Плавание Бытия на негодной посудине. Лаконичностью и красотой их Путь подобен краткому стихотворению.

Ради одного этого откровения стоило пройти через испытания и стыд неудачи, не говоря уж о таких пустяках, как шишка на темени размером с небольшую хурму.

Я попытался облечь стихотворение, услышанное от Шерлока Холмса, в классическую форму пятистишья из 31 слога:

В Путь трое мудрых,
Не устрашась тайфуна,
Поплыли в челне.
Своей краткостью их Путь
Сравниться мог бы с танка.

Примечания публикатора

На рукописи рассказа «Узница башни» имеется приписка рукой Дж. Х. Уотсона, датированная 1907 годом:

«Только что прочитал возмутительное сочинение мистера Леблана «Шерлок Холмс опоздал», где описана встреча Холмса с Арсеном Люпеном. Автор не только исказил факты истинного происшествия, но и со свойственной галльскому племени избирательностью памяти ни словом не упомянул о новогодней ночи 1900 года, когда великий сыщик и великий вор на самом деле впервые столкнулись лицом к лицу. В оправдание мистера Леблана можно сказать, что, в отличие от меня, он никогда не бывает прямым участником событий и вынужден принимать на веру россказни своего хвастливого приятеля, джентльмена не самой правдивой профессии. А то, что Люпен «запамятовал» историю с адской машиной в замке Во-Гарни, слишком понятно. Она не делает чести ни одному из тех, кто имел к ней касательство».

На рукописи рассказа Масахиро Сибаты сбоку скорописью набросано:

«Господин прочел мое сочинение и взял с меня слово чести, что, пока он жив, я никогда больше не стану описывать его подвигов на бумаге. Какая жалость! Мне так нравится быть писателем...»

Содержание

Сигумо 7
Table-talk 1882 года 39
Из жизни щепок 59
Нефритовые четки 117
Скарпея Баскаковых 153
Одна десятая процента 205
Чаепитие в Бристоле 227
Долина Мечты 267
Перед концом света 447
Узница башни, или Краткий, но прекрасный путь трех мудрых 593

Благодарим за помощь в создании иллюстраций О.В.Терпугову, М.Г.Руданова, Г.П.Федюк (зав. Фондом редкой книги ЯОУНБ), Д.Г.Мостославского (владельца частного музея «Музыка и время» — г. Ярославль), Г.М.Брызгалову (зав. костюмерной частью театра им. Ф.Г.Волкова), Т.М.Гуревич (зав. кафедрой японского языка МГИМО), Г.А.Бутакову (научного сотрудника Музея истории г. Ярославля), Е.Гайчук и В.Минчева (Ярославский конно-каретный двор), а также М.В.Душина, Т.И.Сакурова, К.Я.Сакурову, Д.Л.Васильева

Б.Акунин

НЕФРИТОВЫЕ ЧЕТКИ

9 785815 906488

Верстка
Кирилл Лачугин

Корректор
Лия Кройтман

Издатель Ирина Евг. Богат
Свидетельство о регистрации
77 № 006722212 от 12.10.2004

121069, Москва, Столовый переулок, 4, офис 9
(Рядом с Никитскими Воротами, отдельный вход в арке)

Тел.: 291-12-17, 258-69-10. Факс: 258-69-09
Наш сайт: www.zakharov.ru. E-mail: info@zakharov.ru

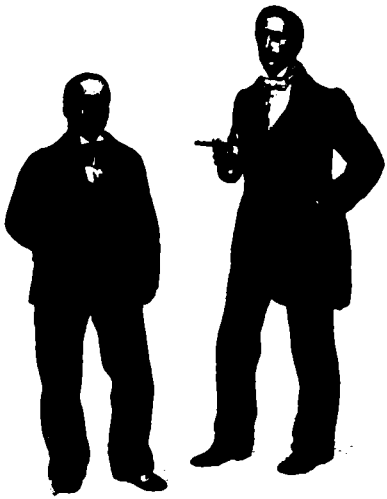
Подписано в печать 13.10.2006. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Бумага писчая.
Усл. печ. л. 36,96. Тираж 500 000 экз. Изд. № 648. Заказ № 792.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
http://www.uralprint.ru e-mail: book@uralprint.ru

СЕНСАЦИОННЫЕ ПОДРОБНОСТИ ДЕЛА!

Знаменитый сыщик Эраст Фандорин продолжает расследование. Подробности, которые не вошли в книгу, оживут в новой компьютерной игре. А может быть, вся история повернется по-другому...

Следите за новостями, участвуйте в конкурсах и выиграйте уникальные Нефритовые Четки и множество других призов.

КОМПЬЮТЕРНАЯ ИГРА

НЕФРИТОВЫЕ ЧЕТКИ

В продаже весной 2007 года

Борис Акунин. © B. Akunin, 2007. Все права защищены. © iXart, 2007. Все права защищены. Исключительные права на издание и распространение программы на территории России и стран бывшего СССР принадлежат ЗАО «Новый Диск», 103030 Москва, ул. Долгоруковская, д. 33, стр. 8, телефон: (495) 933-07-20 (многоканальный), e-mail: sale@nd.ru. Заказ дисков по телефону: (495) 933-07-20, e-mail: sale@nd.ru.

Российский Фонд Помощи (РФП)

Мы помогаем людям, чьи дети серьезно больны, и нет денег на их спасение.

Мы помогаем людям, которые хотят своими взносами спасать таких детей, да боятся остаться в дураках.

РФП служит посредником: получив у нас реквизиты, вы помогаете напрямую, перечисляя деньги на счет клиники, проводящей лечение.

Этот журналистский проект издательского дома «Коммерсантъ» начат в октябре 1996 года и является крупнейшим сборщиком благотворительной помощи в России. Мы публикуем письма граждан, попавших в беду, в газете «Коммерсантъ» и на сайте www.rusfond.ru.

Наши читатели своими откликами уже спасли тысячи российских детей. За 10 лет собрано свыше 12 миллионов долларов.

Наши постоянные партнеры — клиники Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Томска, Ярославля и Уфы — лечат детские врожденные пороки и нарушения ритма сердца, лейкозы, сколиозы, детский церебральный паралич и аутизм, челюстно-лицевые патологии.

Мы отдаем себе отчет в том, что всех несчастных России фонд не спасет. Но за годы работы мы хорошо усвоили, что помощь реальна, если письмо искреннее, а просьба конкретна и отвечает требованиям РФП.

Мы знаем, что наш с вами мир и впрямь не без добрых людей. И нас много!

125252, г. Москва, а/я 50 РФП
www.rusfond.ru
rfp@kommersant.ru
(495) 943-91-35, 158-69-04

Все жанры
классического криминального романа
в иллюстрированном издании проекта

«Приключения Эраста Фандорина»

АЗАЗЕЛЬ
ТУРЕЦКИЙ ГАМБИТ
«ЛЕВИАФАН»
СМЕРТЬ АХИЛЛЕСА
ОСОБЫЕ ПОРУЧЕНИЯ
СТАТСКИЙ СОВЕТНИК
КОРОНАЦИЯ
ЛЮБОВНИЦА СМЕРТИ
ЛЮБОВНИК СМЕРТИ
АЛМАЗНАЯ КОЛЕСНИЦА
НЕФРИТОВЫЕ ЧЕТКИ

